Ж. Т. ТОЩЕНКО

СОЦИОЛОГИЯ

Общий курс

Издание 2-е, дополненное и переработанное

Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений

Москва «Прометей» 2001

УДК 316

ББК 60.5я73

Т64

Тощенко Ж.Т.

Социология. Общий курс. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Прометей: Юрайт-М, 2001. – 511 с.

ISBN 5-7042-0893-2

ISBN 5-94227-012-0

Достоинством учебного пособия члена-корреспондента РАН, профессора, доктора философских наук Ж.Т.Тощенко является четкая теоретико-методологическая позиция при рассмотрении проблем экономической, социальной, политической и духовной сфер общества, изложенная в соответствии с действующей программой курса социологии для вузов.

Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений.

УДК 316

ББК 60.5я73

© Издательство «Прометей», 1994

© Издательство «Прометей», 1998, с изменениями и дополнениями

© ООО «Юрайт-М», 1998

ISBN 5-7042-0893-2

ISBN 5-94227-012-0

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 8

Глава 1 ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК) 11
§ 1. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ XIX –НАЧАЛА XX ВЕКА 12
§ 2. КЛАССИЧЕСКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ СОЦИОЛОГИЯ 13
§ 3. СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ СОЦИОЛОГИЯ 15
§ 4. СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 20
§ 5. СОВЕТСКАЯ И РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ 23
Литература 27
Темы для рефератов 27
Вопросы и задания для повторения 27

Глава 2 ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ 28
§ 1. ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ 29
§ 2. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ О СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ СОЦИОЛОГИИ 31
§ 3. РЕАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ, ПОВЕДЕНИЕ И ИХ СРЕДА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ 35
Литература 39
Темы для рефератов 41
Вопросы и задания для повторения 41

Глава 3 СТРУКТУРА, КАТЕГОРИИ И ФУНКЦИИ СОЦИОЛОГИИ 42
§ 1. РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К СТРУКТУРЕ СОЦИОЛОГИИ 42
§ 2. ОСНОВЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ 44
§ 3. КАТЕГОРИИ СОЦИОЛОГИИ 49
§ 4. ФУНКЦИИ СОЦИОЛОГИИ 50
§ 5. МЕСТО СОЦИОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК 52
Литература 54
Темы для рефератов 55
Вопросы и задания для повторения 55

Глава 4 НАУЧНЫЙ МЕТОД В СОЦИОЛОГИИ 57
§ 1. ВИДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 57
§ 2. ПРОГРАММА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 62
§ 3. МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (краткая характеристика) 65
§ 4. МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 67
Литература 71
Темы для рефератов 71
Вопросы и задания для повторения 71

Раздел II ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ 72

Глава 1 СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА 74
§ 1. «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК» 75
§ 2. «ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ» ЧЕЛОВЕК 77
§ 3. «БИОЛОГИЧЕСКИЙ» ЧЕЛОВЕК 81
§ 4. «СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ» ЧЕЛОВЕК 83
§ 5. «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ» РАБОТНИК 85
Литература 88
Темы для рефератов 88
Вопросы и задания для повторения 88

Глава 2 СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА 89
§ 1. СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ 89
§ 2. НАСЕЛЕНИЕ И ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ 91
§ 3. БЛАГОПРИЯТНАЯ ЖИЗНЕННАЯ СРЕДА 94
§ 4. УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОМ 96
Литература 98
Темы для рефератов 98

Вопросы и задания для повторения *98*

Глава 3 СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА **100**
§ 1. СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ДЕРЕВНИ *101*
§ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ НА СЕЛЕ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ *103*
§ 3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛА *105*
Литература *108*
Темы для рефератов *109*
Вопросы и задания для повторения *109*

Глава 4 ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ **110**
§ 1. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ И РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В ИХ ПОЗНАНИИ *110*
§ 2. СОСТОЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ *113*
§ 3. ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ *115*
Литература *119*
Темы для рефератов *119*
Вопросы и задания для повторения *119*

Глава 5 СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА **120**
§ 1. ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА *121*
§ 2. ОСНОВНЫЕ ОБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ИХ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ *124*
§ 3. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ *126*
Литература *129*
Темы рефератов *129*
Вопросы и задания для повторения *130*

Раздел III СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА **131**

Глава I СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА **133**
§ 1. ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СТРАТИФИКАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ *134*
§ 2. ВАЖНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ *138*
§ 3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ *142*
Литература *144*
Темы для рефератов *145*
Вопросы и задания для повторения *145*

Глава 2 ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ **145**
§ 1. НАЦИИ И ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ *146*
§ 2. НАЦИОНАЛЬНЫЕ (ЭТНИЧЕСКИЕ) АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ *149*
§ 3. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НАРОДОВ *153*
Литература *156*
Темы для рефератов *156*
Вопросы и задания для повторения *156*

Глава 3 СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ **157**
§ 1. СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ *158*
§ 2. ЖЕНЩИНА И СЕМЬЯ *161*
§ 3. ДЕТИ, СЕМЬЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ *163*
Литература *165*
Темы для рефератов *166*
Вопросы и задания для повторения *166*

Глава 4 СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ **166**
§ 1. ВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ *167*
§ 2. ТЕОРИИ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА *171*
§ 3. ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ *175*
Литература *179*

Темы для рефератов 179
Вопросы и задания для повторения 179

Глава 5 ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ **180**
§ 1. ПРИРОДА ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ И ОПЫТ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ 181
§ 2. ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ 184
§ 3. МИКРОСРЕДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ 188
Литература 192
Темы для рефератов 192
Вопросы и задания для повторения 193

Раздел IV ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ **193**

Глава 1 ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ **195**
§ 1. СУЩНОСТЬ И ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ 196
§ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА 198
§ 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЕЕ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ 200
Литература 203
Темы для рефератов 203
Вопросы и задания для повторения 204

Глава 2 ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО **204**
§ 1. ТИПЫ И ВИДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ 204
§ 2. ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВА 209
§ 3. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ 212
Литература 215
Темы для рефератов 215
Вопросы и задания для повторения 216

Глава 3 СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА **216**
§ 1. ПРАВОВАЯ ИНФОРМИРОВАННОСТЬ 217
§ 2. ПРАВОВАЯ УБЕЖДЕННОСТЬ 220
§ 3. ПРАВОВАЯ АКТИВНОСТЬ 222
Литература 225
Темы для рефератов 225
Вопросы и задания для повторения 225

Глава 4 ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ **226**
§ 1. ПАРТИИ 227
§ 2. ПРОФСОЮЗЫ 230
§ 3. МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ 231
§ 4. САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ 233
Литература 235
Темы для рефератов 235
Вопросы и задания для повторения 235

Раздел V СОЦИОЛОГИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ **235**

Глава 1 СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ **237**
§ 1. ПОНЯТИЕ О СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ 238
§ 2. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС 241
§ 3. РОЛЕВАЯ ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ 242
§ 4. НОРМАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ 243
§ 5. СОЗНАНИЕ, ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ 246
Литература 249
Темы для рефератов 249
Вопросы и задания для повторения 250

Глава 2 СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ **250**
§ 1. ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ 251

§ 2. ЭФФЕКТИВНОСТЬ И КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ 255
§ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ 257
Литература 262
Темы для рефератов 263
Вопросы и задания для повторения 263

Глава 3 СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ **263**
§ 1. НАУКА И ОБЩЕСТВО 264
§ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ 269
§ 3. СОЦИАЛЬНЫЙ КЛИМАТ НАУКИ 274
Литература 276
Темы для рефератов 276
Вопросы и задания для повторения 276

Глава 4 СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ **277**
§ 1. КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 278
§ 2. ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВНАЯ КАТЕГОРИЯ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ 281
§ 3. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ 285
Литература 288
Темы для рефератов 288
Вопросы и задания для повторения 289

Глава 5 СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ **289**
§ 1. РЕЛИГИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ 291
§ 2. УРОВНИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ 292
§ 3. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СЕКУЛЯРИЗАЦИИ 298
Литература 302
Темы для рефератов 302
Вопросы и задания для повторения 302

Раздел VI СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ **303**

Глава 1 СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ **304**
§ 1. СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ 305
§ 2. МЕТОДЫ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРОЦЕССУ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ 307
§ 3. РОЛЬ ИНТУИЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРЕДВИДЕНИИ 308
Литература 310
Темы для рефератов 311
Вопросы и задания для повторения 311

Глава 2 СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ **311**
§ 1. СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ 312
§ 2. МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ 314
§ 3. ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГНОЗОВ 317
Литература 320
Темы для рефератов 320
Вопросы и задания для повторения 321

Глава 3 СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ **321**
§ 1. СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ 321
§ 2. О МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ 323
§ 3. МЕТОДЫ И ЭТАПЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ 324
§ 4. ВИДЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ 326
А. Социальное проектирование новых производств 326
Б. Проектирование новых городов 327
§ 5. ДЕЙСТВЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ 328
Литература 329
Темы для рефератов 329
Вопросы и задания для повторения 330

Глава 4 СОЦИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ 330
§ 1. СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ 331
§ 2. УРОВНИ СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ 333
§ 3. ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ 334
§ 4. МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ 335
§ 5. ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ 337
§ 6. РЕЗЕРВЫ СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ 338
Литература 340
Темы для рефератов 340
Задания для повторения 341

Глава 5 СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ 341
§ 1. ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ? 342
§ 2. ФОРМЫ, ВИДЫ И ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 345
§ 3. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА 348
Литература 350
Темы для рефератов 351
Вопросы и задания для повторения 351

БИБЛИОГРАФИЯ 351
Учебники и учебные пособия 351
Словари, справочники 352
СОЦИОЛОГИЯ КАК НАУКА 352
Теория и методология 352
История социологии 353
МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДИКА И ТЕХНИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 355
Анализ документов. Контент-анализ 355
Наблюдение 356
Опросы: анкетирование и интервьюирование 356
Другие методы 356
Выборка 357
Математические и статистические методы 357
Обработка, анализ и интерпретация результатов социологических исследований 358
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ 359
Социология труда 359
Социология города 360
Социология села 361
Экологическая социология 362
Социальная инфраструктура 363
Демография 363
СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА 364
Социальная структура 364
Социология наций 365
Социология семьи 365
Образ жизни 367
Социология молодежи 367
Отклоняющееся поведение 368
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (общие проблемы) 369
Политическое сознание 369
Проблемы власти и государства 370
Общественные организации 370
Социология права 370
Международные отношение. Проблемы войны и мира 371
СОЦИОЛОГИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ 371
Социология личности 371
Социология образования 373
Социология науки 373

Социология культуры 374
Социология религии 375
Социологические проблемы общественного мнения и средств массовой информации 375
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ *376*
Общие проблемы теории и методологии 376
Социальное предвидение 377
Социальное прогнозирование 377
Социальное проектирование 378
Социальное планирование 378
Социальные технологии 379
Социология организации 379
Социальный эксперимент 380

ВВЕДЕНИЕ

Социология в России после трудного становления приобрела статус самостоятельной науки. На этом пути были и открытия, и надежды, и разочарования, маленькие победы и крупные поражения, ибо долгие годы догматический стиль мышления, боязнь нововведений сдерживали ее развитие. Но, несмотря на все противоречия, социологическая мысль выжила и продолжает развиваться.

Наиболее успешно шла разработка отдельных направлений социологического знания. Постепенно приобрели силу и получили признание исследования социологии труда, молодежи, семьи, культуры, образования и т.д. Их результаты, хотя нередко в урезанном виде, публиковались и становились достоянием науки и практики. Именно эта группа публикаций составляет основную часть печатной продукции, которую до недавнего времени связывали с понятием «прикладная социология».

Вторая группа публикаций по социологии начиная с 60-х годов – это работы по методологии, методике и технике социологических исследований, сыгравшие большую роль в повышении профессиональной культуры, подготовке и обучении молодых ученых, распространении социологических знаний.

Третьей группе – учебникам и учебным пособиям по социологии – «повезло» в наименьшей мере. Имеющиеся работы охватывали только часть проблем социологии: или освещали в основном методику и технику, или в самом широком плане рассматривали ее место среди других наук.

В настоящее время, когда социология стала преподаваться в каждом вузе, во многих средних специальных учебных заведениях, на первый план выдвигается подготовка учебников, в том числе и экспериментальных, опирающихся на все богатство социологического знания, упорядочивающих его и дающих возможность представить это знание в виде определенной логически законченной теории.

Учеными-исследователями, преподавателями проделана большая работа по созданию учебников и учебных пособий. По личной инициативе или инициативе отдельных кафедр и научных коллективов при поддержке международных и отечественных фондов вышли в свет работы, в которых в основном с позиций теоретической социологии рассматривались базовые основы науки. Кроме того, были подготовлены учебные пособия и учебники по отдельным отраслям социологического знания (см. приложение).

Что касается автора, то исходя из своей многолетней практики работы со студентами, и особенно студентами, для которых социология выступала в качестве общеобразовательной, но непрофилирующей дисциплины, он стремился на новой основе осмыслить имеющийся в отечественной и мировой литературе опыт и предложить читателю свое видение социологической теории.

Человек в обществе, а не общество для человека – суть авторской интерпретации социологии, которую он называет социологией жизни и которая ставит человека и его реальные заботы, тревоги, переживания и действия в центр анализа всей социальной жизни.

Принципиальной особенностью является трактовка объекта социологии как гражданского общества и предмета социологии как общественного сознания и поведения людей в конкретно-исторических условиях, ибо социальная жизнь человека начинается с осознания (знания, оценки, мотивов) окружающих его реалий, выработки установок и претворения их на практике с учетом тех объективных условий глобального и конкретного характера, в которых функционируют сознание и поведение людей.

Не менее важной принципиальной установкой автора является его убеждение в том, и это подтверждает история развития социологии, что все ее исследования так или иначе выходят за основные сферы общественной жизни: экономическую, социальную, политическую и духовную. И хотя отнесение отдельных направлений к той или иной сфере несколько условно, автор исходил из того, что является преобладающим при анализе данной проблемы. Именно поэтому все рассмотренные исследования соотнесены с экономическими, социальными, политическими и духовными процессами и отдельно описан механизм их регулирования в разделе «Социология управления», который имеет и самостоятельное значение и может быть применен в контексте каждой из сфер общественной жизни.

А открывается авторское изложение кратким анализом теоретических, методологических и методических проблем, которые при желании и необходимости могут быть развернуты, опираясь на исследования других авторов, в самостоятельные курсы.

За прошедшее с момента первого издания время автор во время обсуждений учебного пособия, в рецензиях и письмах получил ряд интересных предложений и замечаний, часть из которых он учел, особенно учебно-методического свойства. Вместе с тем в ряд глав были внесены значительные изменения, связанные с новой информацией, новым этапом жизни российского общества. Некоторые главы сняты, другие добавлены, третьи расширены. И все же некоторые темы остались за пределами учебного пособия – это проблемы демографии, геронтологии, социологии катастроф, здоровья, некоторые проблемы политики и духовной жизни, социологии международных отношений, которые могут быть при чтении курса добавлены, рассмотрены, обсуждены в студенческой аудитории, особенно если учитывать профессиональные интересы молодежи. Кстати, это касается отдельных разделов и глав, которые могут быть развернуты в самостоятельный учебный курс.

Автор счел необходимым дать подробную библиографию основных публикаций, чтобы каждый заинтересованный читатель мог получить дополнительную информацию и увидеть сложный, а нередко и противоречивый путь становления социологического знания.

При подготовке второго издания были использованы материалы В.Г.Алексеевой-Харчевой, Л.Г.Борисовой, М.К.Торшкова и Ф.Э.Шереги, В.Т.Лисовского, Ю.П.Ожегова, Вал.Н.Иванова. Научно-вспомогательная работа проведена Л.А.Орловой и З.И.Пейковой .

{Вперед >>}

СОЦИОЛОГИЯ

Раздел I СОЦИОЛОГИЯ КАК НАУКА

Кто такой социолог? В самом расхожем представлении – это человек с анкетой, с которой он обращается к окружающим его людям по месту работы, жительства, а то и просто на улице, чтобы узнать их мнение по тому или иному вопросу. Такой подход, с одной

стороны, придает социологу имидж человека, который-де не теряет связи с реальностью (другое дело, как эти усилия оцениваются в обществе). С другой стороны, нет ничего печальнее сводить социологию к сбору случайных мнений по случайным (а нередко и глупым) вопросам, что дискредитирует социологию как науку и низводит ее до некоего вспомогательного средства познания, да еще и такого, которым можно манипулировать.

Между тем, если говорить о социологии, то это теория. И наука не об обществе вообще (общество изучают и социальная философия, и история, и политология, и юридические науки, и культурология), а обществе в его социально-человеческом обличий. Даже не просто общество для человека, а человек в обществе – вот что составляет суть социологии. А с чего начинается человек в своем социальном обличье? С сознания, со способности познавать мир, оценивать его с личных и общественных позиций, осмысливать, исходя из определенных ценностей, окружающую действительность и на этой основе строить поведение, учитывая влияние как макросреды (всех общественных отношений), так и микросреды (непосредственное окружение).

Для такого подхода социология использует все богатство философского знания о сознании вообще и общественном сознании в частности, о деятельности и ее роли в социальной жизни, о влиянии объективных и субъективных условий на это сознание и поведение. Для социального анализа важны и выводы психологической науки о сознании и поведении каждого индивида, отдельных микро- и макрогрупп.

На основе уже имеющегося знания социология дает свою интерпретацию общественного сознания и поведения людей, формирует свой категориальный аппарат (например, о видах и типах сознания и деятельности), свое видение объективного и субъективного в общественных процессах, свое представление о макро-, мезо- и микроуровнях человеческой деятельности.

Здесь мы подходим к тому, что социология – это не только теория, но и методология, т.е. такой уровень теоретического знания, который интерпретирован на языке социологии, позволяющем оперировать информацией, переложенной на язык индикаторов и показателей. Например, сознание может быть представлено через набор таких компонентов, как знание, оценка, настроение, мотивы, ценности, установки, ориентации и т.п. Именно оперирование этими конкретными показателями позволяет наполнить «кровью» и «плотью» некоторые понятия, которые на уровне социальной философии или социальной психологии не требуют такой детализации и конкретизации.

Помимо методологии для социологии очень важна методика познания социальной реальности. И не только потому, что она этим серьезно отличается от других наук, а потому, что она предполагает использование статистико-математического аппарата, многообразных специфических методов познания. Строго говоря, социология имеет дело не с самой реальностью, а с восприятием этой реальности отдельными индивидами, социальными группами и слоями. Для этого она выработала систему конкретных приемов и инструментов, с помощью которых производится съем информации с последующей его интерпретацией.

Далее, социология как наука должна ответить на вопрос о своих исходных началах. Автор не разделяет позицию своих коллег, которые историю социологии начинают с древнейших времен, с Древней Греции или Древнего Востока, а некоторые даже с мифологии. При таком подходе допускается путаница, когда социальное отождествляется с общественным. Если придерживаться этой логики, то зачатки социологии следует искать уже в пещерах первобытного человека.

Между тем социология отражает качественный этап в истории человечества, когда общество предстало перед нами в человеческом измерении, когда не просто люди, а каждый человек становился субъектом исторического процесса, чему положили начало великие буржуазные революции. Именно с этого периода начинается новое осмысление роли человека, всех без исключения людей во всех ипостасях их сознания и поведения и превращение их в активных участников экономических, социальных, политических и культурных изменений. Конечно, этот процесс происходил постепенно, с трудом, со срывами и отступлениями, но несомненно, что человеческое измерение общества пробивало себе путь и затем нашло отражение в научной мысли. Конечно, этот этап в развитии социальной мысли не мог начаться вдруг, с открытого листа – предпосылки иного подхода к человеку и обществу созревали исподволь. Но этим предпосылкам надо отвести подобающее место, а не делать пещерных людей представителями социологии в период охоты на мамонтов или сбора урожая с ветвей дикорастущих плодовых деревьев.

И, наконец, социология как наука призвана оперировать не умозрительными схемами, а реальными проявлениями жизни, что прежде всего находит отражение в состоянии общественного сознания, в различных формах и видах деятельности, в возможностях их проявления в конкретно-исторических условиях. Это сознание и поведение не отдельного индивида, а социальных общностей и групп, сознание и поведение которых приобретают социальные характеристики, имеют общественное значение, образуют устойчивые социальные процессы и явления. Именно убежденность в том, что в основе социологии должен лежать реальный анализ сознания и поведения людей, и их зависимости от объективных условий и образуют то направление, которое автор называет социологией жизни.

Глава 1 ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

История каждой науки свидетельствует, что вначале зарождаются, формируются и развиваются лишь отдельные элементы науки, а затем уже уточняется и закрепляется наименование, объясняющее ее сущность и содержание (1). Иначе говоря, дело не в термине и не в том, когда и как он появился. Дело в том, что каждая наука возникает как ответ на потребности общественного развития. И хотя сам термин социология связан с именем О.Конта, это вовсе не означает, что именно он создал эту науку. Его гений проявился в том, что он сумел обобщить и по-новому увидеть те нарождающиеся явления, которые были характерны для конца XVIII – начала XIX столетия.

А выйти на такое обобщение ему помогли непосредственные его предшественники и учителя, которые подготовили большой материал по осмыслению новых явлений в жизни общества. В трудах Жан-Жака Руссо (1712–1778), А.Сен-Симона (1760–1825) и др. был осуществлен глубокий анализ реальной социально-экономической ситуации, изложены основы функционирования общественных отношений и, главное, замечено изменение роли человека как активного участника исторического процесса.

В этот период под влиянием Великой французской революции происходило формирование гражданского общества со всеми присущими ему качественными характеристиками и гуманистическими особенностями, в центр которого постепенно становился человек в его специфическом общественном измерении.

Стремительное развитие капитализма, нарастающая волна социальных конфликтов, противоречия в функционировании буржуазной демократии настоятельно требовали не столько абстрактного, сколько позитивистского изучения и объяснения социальных процессов и явлений. Происходящее, одновременно быстрое развитие других общественных наук – истории, экономики, права, социальной философии – лишь высветило новый комплекс проблем, которые лежали на грани этих наук и требовали самостоятельного рассмотрения.

§ 1. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ XIX –НАЧАЛА XX ВЕКА

Термин социология в буквальном смысле слова означает «наука об обществе» или «учение об обществе». Впервые его употребил Огюст Конт (1798-1857). В главных своих сочинениях – «Курс позитивной философии» (Т. 1-6, 1830-1842) и «Система позитивной политики» (Т.1-4, 1851-1854) - он высказал рациональную идею о необходимости всестороннего анализа общественных явлений. То, что О.Конт большое внимание уделял познанию не столько сущности, сколько явления, стало основанием для возникновения позитивистских взглядов и концепций, получило дальнейшее развитие в трудах его последователей.

Конечно, совокупность вопросов, относящихся к социологии, занимала ученых с древнейших времен. Проблемы общественной жизни всегда вызывали живой интерес у историков, философов, правоведов. Но когда четко обозначилась тенденция к дифференциации наук, в том числе и общественных, в социологии нашла выражение объективная потребность определить роль и место человека в жизни общества, его социальное положение, взаимодействие с другими людьми в рамках различных общностей, социальных групп и социальных организаций в условиях функционирующего гражданского общества.

В ответ на поставленные жизнью вопросы в XIX веке родились различные концепции, стремящиеся объяснить сущность происходящего с тех или иных теоретико-методологических позиций.

На разных этапах развития социологической мысли на передний план выходило то одно, то другое направление. Социологическая теория О.Конта состояла из «социальной статики» и «социальной динамики». Главный интерес французского мыслителя был связан с анализом социальной динамики, основным фактором которой он считал умственное, духовное развитие. Его замысел состоял в стремлении уподобить науку об обществе «социальной физике», чтобы ее исследователь мог так же оперировать конкретными данными, фактами, их взаимосвязями, как это делает естествоиспытатель. Он сформулировал закон интеллектуальной эволюции человечества. Особый интерес представляет его размышление о социальной статике и социальной динамике как методе, объясняющем его позитивистский историзм.

Другая концепция – биологическая – связана с именем Г.Спенсера (1820-1903), который рассматривал общество по аналогии с биологическими организмами. Его гениальной догадкой было то, что процесс развития всегда сопровождается дифференциацией структур и функций общества. Чтобы координировать действия отдельных частей общества, необходимо осуществление функций, названных впоследствии управлением. Подобно Ч.Дарвину Г.Спенсер поддерживал идею «естественного отбора» применительно к общественной жизни: выживают те, кто больше всего приспособлен к превратностям жизни.

Вместе с тем концепция «однолинейной» эволюции, социал-дарвинистские установки Г.Спенсера были подвергнуты критике, преимущественно со стороны психологической школы, которая в истории социологии представлена Л.Гумпловичем (1838–1909), Г.Тардом (1843–1904), Г.Лебоном (1841–1931) и особенно Ф.Теннисом (1855–1936), а также в известной степени Дж.С.Миллем (1806–1873).

Отказавшись от биологизации общества, эти ученые пытались преодолеть ограниченности эволюционизма, что, в конечном счете привело к появлению социально-психологической концепции социологии, к анализу социально-психологических явлений и попыткам объяснить роль субъективного фактора в историческом процессе.

Г.Тард известен своей теорией подражания, так как элементарным социальным отношением он считал передачу или попытку передачи верования или желания. Его концепция впоследствии была использована в теории массовых коммуникаций.

Г.Лебон обратил внимание на феномен «толпы», когда разумное критическое начало, воплощенное в личности, подавляется иррациональным массовым сознанием.

Ф.Теннис придавал первостепенное значение понятию воли, которая и определяет сущность и направление человеческого поведения. А так как он фактически отождествлял волю и разум, то, по его мнению, побуждение к действию осуществляется не государством или Богом, а рационализмом, ярким воплощением чего является разум.

Географическое направление в социологии представлено Э.Реклю (1830–1905) и Ф.Ратцелем (1844–1904). Так, Ратцель преувеличивал влияние природно-географической среды на политическую жизнь общества. Вместе с тем ему удалось проследить некоторые закономерности влияния природных условий на развитие народов и их культур в разных географических условиях, что в дальнейшем было использовано геополитиками (например, Ю.Челленом, О.Мауллем, Э.Обетом и др.).

В XIX веке возникла марксистская ветвь социологии, названная по имени своего основателя, К. Маркса (1818 - 1883), которая существует уже более полутора сотен лет. Вместе с Ф.Энгельсом (1820 - 1895) он сформулировал совокупность идей на основе открытого ими материалистического понимания истории, что послужило основой для представлений о формационном (стадийном) развитии общества. Особое значение они придавали структурному строению каждого общества: базису (производственные отношения) и надстройке (политическим, юридическим, религиозным и философским воззрениям). Кроме того, ими была разработана концепция социального конфликта в виде грядущих социалистических революций, изучены основные классы современного им общества – пролетариат, буржуазия, крестьянство – и проанализированы все формы классовой борьбы. Особой заслугой Маркса было то, что он отказался от рассуждений об обществе вообще и дал научно обоснованную картину одного общества и одного прогресса – капиталистического.
{<< Назад}

§ 2. КЛАССИЧЕСКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Несмотря на разнообразие теорий, концепций и подходов в различных школах в XIX веке, они все были едины в одном – объектом и предметом социологии является общество, вся общественная жизнь.

Начало XX века внесло существенные поправки в эти представления. Все больше слышалось критических замечаний, что социология претендует на некую роль метанауки, которая стремится вобрать данные всех других наук об обществе и на этой основе делать глобальные выводы. Первым, кто усомнился в такой постановке вопроса, был Э.Дюркгейм (1858-1917). Он полагал, что социология, имея объектом своего изучения общество, не должна претендовать на «всезнайство» об этом обществе – предметом ее интереса должны быть только социальные факты, которые и образуют социальную реальность. Исходя из этого он трактовал реальность (законы, обычаи, правила поведения, религиозные верования, денежную систему и т.д.) как объективную, ибо они не зависят от человека. Не менее важной особенностью концепции Дюркгейма было то, что он обратился к социальным группам, высоко оценивая роль коллективного сознания. Только благодаря этому сознанию существует социальная интеграция, ибо члены общества придают значение его нормам и руководствуются ими в своей жизни. Если же индивид не желает следовать этим нормам, возникает аномия, что характерно для всех обществ, переживающих резкое изменение своей структуры. В этой связи применение социологизма как теории общества к исследованию причин самоубийств (есть специальная работа об этом) вскрыло необычные процессы, происходящие как в обществе, так и в индивиде.

Особо следует отметить идеи Дюркгейма о солидарности и о таких ее типах, как механическая и органическая.

Что касается Г.Зиммеля (1858 - 1918), то он также предложил свою концепцию того, как отделить социологию от других наук об обществе, и определил ее задачей изучение закономерностей, недоступных другим социальным наукам. Социология, по его мнению, изучает чистые формы «социации» (или общения), которые можно систематизировать, психологически обосновать и описать их историческое развитие.

Труды М.Вебера (1864 - 1920) представляют уникальный по своему замыслу и исполнению сплав исторического и социологического знания. Вебер рассматривал личность как основу социологического анализа. В этом отношении его взгляды противоречат точке зрения Дюркгейма, придававшего главное значение исследованию общественных структур. Он считал, что такие сложные понятия, как «капитализм», «религия» и «государство», могут быть осмыслены только на основе анализа поведения индивидов (2). Поэтому социолог должен исследовать мотивы поступков людей и то значение, которое они придают собственным действиям и действиям других. Он признавал огромную роль ценностей, считая их мощной силой, влияющей на социальные процессы. Именно с этих позиций он использовал такие понятия, как «понимание», «идеальный тип», феномен «бюрократии», «религия», что легло в основу его «понимающей социологии». И, наконец, он посвятил немало работ проблемам государства, власти, типам господства (традиционное, легальное, харизматическое), что позволяет считать его одним из создателей политической социологии.

Нужно отметить социологическую систему В.Парето (1848 - 1923). Уподобляя социологию точным наукам, таким, как физика, химия и астрономия, он предлагал пользоваться только эмпирически обоснованными измерениями, строго соблюдая логические правила при переходе от наблюдений к обобщениям. Он отвергал этические и ценностные элементы в исследовании, которые ведут к фальсификации, искажению фактов. По сути дела, он сформулировал основные требования эмпирической социологии, которая получила распространение в XX веке, начав в 20-е годы свое бурное развитие, обычно связываемое с именами В.Дильтея (1833–1911), У.Мура, К.Девиса и др. (3).

Значительны заслуги Парето в разработке проблем политической элиты, которые во многом были продолжены и развиты Г.Моска (1858-1941).

Таким образом, серьезным вкладом представителей классической социологии начала XX века было то, что они доказали несостоятельность претензий на изучение всего общества и пытались обосновать, что в основе их науки должна лежать деятельность социальных групп и общностей (Э.Дюркгейм), личность во всем многообразии ее социальных действий (М.Вебер) и что критерием социологии как науки должны стать эмпирические особым образом классифицированные и объясненные факты (В.Парето).

Конечно, этими именами не ограничивается весь тот круг мыслителей, которые относятся к этому периоду в развитии социологии. Среди них следует назвать К.Маннгейма (1893–1947), который в своей концепции социологии знания обращал внимание на изучение тех структур, в которых так или иначе присутствовали взаимосвязи мышления и общества. Именно с этих позиций он подходил к трактовке идеологии, истины, роли интеллектуальной жизни в обществе.

Среди других социологов, которых можно отнести к этому периоду, следует назвать Л. фон Визе (1876 - 1969), автора книги «Система общей социологии» (1933), посвященной исследованию всеобщих форм социальных явлений. Подвергнув критике понятие «общество» как фикцию, он сосредоточил внимание на познании «социального» или «межчеловеческого» в рамках форм отношений типа «Я – Ты» и «Я – Мы», к которым относятся взаимоотношения людей.

На наш взгляд, названные ученые, их школы и их ученики окончательно конституировали социологию как науку, вычленив ее место и назначение в системе других социальных наук, и заложили основы для дальнейшего развития и дифференциации социологической науки.

§ 3. СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Бурное развитие социологической науки в XX веке породило много течений, которые придерживались самых различных концепций, взглядов как по общеметодологическим позициям, так и по частным проблемам.

В XX веке социология пошла «вширь» – она постепенно охватывала страны Восточной Европы, Азии, Латинской Америки, Африки. Сейчас практически нет ни одной страны в мире, где не была бы представлена социологическая наука в том или ином виде.

XX век – это и век развития социологии «вглубь». Она охватывала все новые и новые области познания, открывала многие пограничные темы (город, здоровье, демография) или придавала новое социологическое звучание тем проблемам, которые были разработаны другими отраслями человеческого знания (инфраструктура, общение, катастрофы и др.).

В XX веке происходило и конституирование социологического знания в виде открытия специальных кафедр, факультетов, организации научно-исследовательских центров и организаций. Профессия социолога становилась востребуемой на рынке труда.

И, наконец, следует отметить организационное укрепление социологии. В XX веке были созданы первые национальные социологические общества и ассоциации, которые после второй мировой войны (1946) создали Международную социологическую ассоциацию, организовавшую 14 всемирных конгрессов и способствовавшую превращению социологов в один из заметных отрядов в области социального знания.

Так как в процесс производства и развития социологического знания вовлечены тысячи людей в каждой стране, то вполне понятно то многообразие теорий и концепций, которые были произведены на свет в XX веке и продолжают появляться в большом количестве и в настоящее время.

В кратком историческом очерке сложно рассмотреть и даже обозреть все эти теории и концепции. Поэтому мы остановимся на тех из них, которые определяют лицо современной социологии.

Структурный функционализм и примыкающие к нему теории. Наиболее полно основы этой концепции изложены Т.Парсонсом (1902–1979), опирающимся в своих поисках на идеи Спенсера и Дюркгейма. Базовой идеей является идея «социального порядка», который олицетворяет стремление поддержать равновесие системы, согласовать между собой различные ее элементы, добиться согласия между ними.

Эти представления долгое время господствовали в западной социологии, иногда под несколько видоизмененным названием – структурализм во Франции, который развивали М.Фуко, К.Леви-Стросс и др. Основной подход этой теории состоит в определении частей общества, выявлении их функций, в таком их объединении, которое складывается в картину общества как органического целого.

Вместе с тем данная теория вскоре была подвергнута критике, которая была признана и самим ее создателем – Т.Парсонсом. Дело в том, что структурный функционализм практически отвергал идею развития, призывая к поддержанию «равновесия» внутри существующей системы, согласованию интересов различных подсистем, ибо такой вывод был сделан на основе анализа общественного и государственного устройства США, которое Т.Парсонс считал эталоном и стабильность которого расценивал как большое достижение.

Совершенствовать структурный функционализм был призван неоэволюционизм. Т.Парсонс в совместной с Э.Шилзом работе «К общей теории действия» осуществил заметный сдвиг от анализа структур к анализу функций. Кроме того, он обратился к проблеме человека и пытался объяснить процесс усложнения социальных систем через всевозрастающую дифференциацию функций, выполняемых индивидами в системе. Однако попытки улучшить структурный функционализм идеей эволюции свелись к усложнению системы и увеличению ее адаптивной способности.

Р.Мертон (р. 1910), пытаясь преодолеть метафизичность структурно-функционального подхода, создал теорию социальных изменений путем введения понятия «дисфункция», т.е. заявил о возможности отклонения системы от принятой нормативной модели. Таким образом Мертон пытался ввести в функционализм идею изменения, но он ограничил изменение «средним» уровнем – уровнем конкретной социальной системы.

Идея социальных изменений вызвала к жизни необходимость поиска причинно-следственных связей, и самыми различными социологами были предприняты попытки найти их, что реализовалось в разработке и применении в анализе нескольких видов

детерминизма – от биологического и технологического до экономического (например, У.Ростоу).

Теории социального конфликта. Данные теории создавались на основе критики структурного функционализма. В основе развития, утверждал Ч.Р.Миллс (1916–1962), лежит конфликт, а не конформность, согласие, интеграция. Общество всегда находится в состоянии нестабильности, потому что в нем идет постоянная борьба между различными социальными группами. Более того, опираясь на идеи К.Маркса, М.Вебера, В.Парето и Г.Моска, Миллс утверждал, что высшим проявлением этого конфликта является борьба за власть.

Р.Дарендорф (р. 1929) считает, что все сложные организации основываются на перераспределении власти, и это происходит не только в открытой форме. По его мнению, в основе конфликтов лежат не экономические, а политические причины. Источником конфликтов является так называемый политический человек. Ранжируя конфликты (конфликты противников одного ранга, конфликт противников, находящихся в отношении подчинения, конфликт целого и части), он получает 15 типов и подробно рассматривает возможность их «канализирования» и регулирования.

Американский социолог Л.Козер (р. 1913) определяет социальный конфликт как идеологическое явление, отражающее устремления и чувства социальных групп или индивидов в борьбе за власть, за изменение социального статуса, перераспределение доходов, переоценку ценностей и т.п.

Большинство представителей этого направления подчеркивают ценность конфликтов, которые предотвращают окостенение общества, открывают дорогу инновациям, становятся источником развития и совершенствования. Вместе с тем эта позиция отвергает стихийность конфликтов и ратует за возможность и необходимость их регулирования.

Бихевиоризм. Творческий импульс этой теории состоит в том, что она на первое место выдвигала сознательную человеческую деятельность, необходимость изучения межличностного взаимодействия вместо овеществления социальной системы, которая происходила в рамках структурно-функционального подхода. Другой особенностью этого направления была постоянная опора на изучение конкретного состояния человеческих отношений в рамках определенных социальных организаций и институтов, что позволяло теоретические схемы насыщать «кровью и плотью» окружающей социальной реальности.

Бихевиоризм существует в основном в двух крупных теориях – теории социального обмена и символического интеракционизма.

Теория социального обмена. Наиболее яркие ее представители Дж.Хоманс (р. 1910) и П.Блау (р. 1918) исходят из примата человека, а не системы. Они провозгласили также огромную значимость психических качеств человека, ибо для того, чтобы объяснить поведение людей, необходимо знать душевные состояния индивидов.

Но главное в этой теории, по Блау, заключается в том, что, так как люди постоянно желают иметь вознаграждения (одобрение, уважение, статус, практическая помощь) за многие их действия, они их могут получить, только вступая во взаимодействие с другими людьми, хотя это взаимодействие не всегда будет равным и удовлетворяющим его участников.

Символический интеракционизм. В поиске выхода из противоречий бихевиористского подхода представители данной теории стали интерпретировать поведение с точки зрения того значения, которое личность или группа придает тем или иным аспектам ситуации. Дж.Г.Мид (1863 - 1931) как создатель теории символического интеракционизма сосредоточил свое внимание на исследовании процессов «внутри» поведения как целого.

Сторонники этого подхода огромное значение придавали языковой символике. Для них характерно представление о деятельности как совокупности социальных ролей, которая олицетворяется в виде языковых и других символов, что послужило основанием для наименования этого направления как «ролевая теория».

Критика этой теории связана с тем, что символические интеракционисты пренебрегают исследованием биологических, генетических факторов, мало уделяют внимания проблемам бессознательного, в результате чего затрудняется познание «движущих сил» человеческого поведения (мотивов, ценностей, установок).

Феноменологическая социология. Особенность этой социологической теории заключается в том, что она свое начало берет от философской концепции феноменологического направления Э.Гуссерля. На основе данной философской теории возникла «социология обыденного сознания», обоснованная в трудах австрийского философа А.Шюца (1899-1959).

В центре внимания сторонников феноменологического подхода оказывается не мир в целом, как у позитивистов, а человек в его специфическом измерении. Социальная реальность, по их мнению, не есть некоторая объективная данность, которая находится вначале вне субъекта и только потом посредством социализации, воспитания и образования становится его составляющей. У феноменологов социальная реальность «конструируется» посредством образов и понятий, выражаемых в коммуникации.

Социальные события, по мнению феноменологов, лишь кажутся объективными, тогда как в действительности они предстают как мнения индивидов об этих событиях. Поскольку же именно мнения образуют социальный мир, постольку понятие «значение» оказывается в центре внимания феноменологически ориентированных социологов.

В объективно ориентированной социологии значение отражает некие определенные связи реального мира. В феноменологической трактовке значение выводится целиком из сознания субъекта.

Социальная реальность, возникающая в процессе коммуникации, состоит из объяснения и приписывания мотивов поведения участниками коммуникативного акта, т. е. то или иное представление, понимание социальной реальности зависит в первую очередь оттого, насколько пересекаются смысловые поля участников взаимодействия.

Но от чего зависит «разночтение» одного и того же поступка, действия у разных людей? Почему они понимают действия одних и не понимают действия других? Почему люди вообще редко понимают друг друга? Феноменологи не дают ответа на этот вопрос, они лишь констатируют, что существуют некоторые параметры, лингвистические и нелингвистические, которые способствуют или препятствуют успешной коммуникации.

В рамках феноменологической концепции сложились две крупные школы – социология знания и этнометодология (последний термин сконструирован по аналогии с этнографическим термином этнонаука – зачаточные знания в примитивных обществах).

Что касается социологии знания, то она представлена П. Бергером (р. 1929) и Т. Лукманом (р. 1927), которые стремились обосновать необходимость «узаконения» символических универсалий общества, ибо внутренняя нестабильность человеческого организма требует «создания самим человеком устойчивой жизненной среды».

Г. Гарфинкель (р. 1917), будучи одним из самых ярких и последовательных представителей этнометодологии, сформулировал ее программное положение: «Черты рациональности поведения должны быть выявлены в самом поведении». В соответствии с этим основная задача социологии – выявление рациональности обыденной жизни, которая противопоставляется научной рациональности. По его мнению, нужно концентрировать внимание на исследовании единичных актов социального взаимодействия, отождествляя его с речевой коммуникацией.

Таким образом, современная зарубежная социология представлена различными направлениями. Здесь названы только самые крупные из них, которые в целом определяют лицо современной социологии. Не исключено появление новых теорий и концепций, усложнение концептуального аппарата социологии в целом. Более того, по мнению известного французского социолога А.Турена, в социологии в 90-е годы в целом главный процесс состоит в изменении предмета исследования и исследовательских ориентации. Если в 60-е годы вся проблематика сосредоточивалась вокруг понятия социальной системы, то теперь она сосредоточивается вокруг понятия действия и деятеля (актора). В историческом плане можно сказать, что Макс Вебер одержал победу над Эмилем Дюркгеймом. Классический подход к социологии, в рамках которого она понимается как наука о социальных системах, почти исчез. Влияние наиболее мощных представителей этой традиции – Парсонса и Мертона – ослабло. Соответственно изменился и категориальный аппарат: понятия социальных институтов, социализации, интеграции не являются более центральными социологическими понятиями. Гораздо большее значение приобретают понятие кризиса и близкие к нему категории – дезорганизация, насилие, беспорядок.

Сейчас большее значение имеют те направления в социологии, которые связаны с критикой функционализма. Эта критика началась еще в рамках франкфуртской школы в Германии. В какой-то мере эту критику представлял и структурализм в философии и социологии, в том числе и марксистский структурализм 60 - 70-х годов. Именно отсюда вышел Мишель Фуко, который является ныне одной из наиболее значительных фигур в социальной мысли и социологии. Основное содержание этого направления состоит в дискурсе власти. Главные категории и задачи связаны с выявлением содержания господствующей идеологии, радикализацией протеста, формированием социальных движений и движений протеста. При этом важно не выявление системных детерминант в их последовательности, а понимание того момента, что все трансформации сконцентрированы в отношениях власти.

Все более популярным вариантом социологического мышления становится теория рационального выбора, которую предложил американский социолог Коулман. Понятие системы им также отрицается. Главное внимание сосредоточивается на понятиях ресурсов и мобилизации. Это также характерно и для постмарксистского направления.

В какой-то мере теории рационального выбора придерживается и М.Крозье, развивающий рационалистические традиции. Он разрабатывает теорию социального деятеля в рамках организации и подчеркивает значение не столько идей, сколько различных стратегий при изучении процесса принятия решений и выявлении их эффективности. В этом же ключе

работают социологи (Ж.Сапир и др.), которые увязывают этот круг понятий с экономическим анализом.

Но особенно привлекательными становятся идеи человека как активного социального субъекта, под влиянием которого осуществляются преобразования как в макро-, так и в микроэкономическом плане. В этой связи приведем некоторые определения социологии.

«Социология – это научное изучение человеческого поведения и социального окружения человека, которое влияет на это поведение» (Кр.Дуб). «Социология – это наука о методах исследования человеческого поведения» (Ст.Мур, Б.Хендри). «Социология – это систематическое изучение общества и социальной активности человеческого бытия. В качестве специфической дисциплины ее дополнительно рассматривают в виде знания о том, как реальный человек думает и действует в облике социального творца» (4).

Таким образом, несмотря на существование множества концепций, лицо социологии конца XX века во все большей мере определяют теории, которые восходят к человеку, его роли и активности в современном мире.

§ 4. СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Социологическая мысль России начала складываться в рамках других социальных наук, и долгое время ее было трудно вычленить из них, не говоря о том, чтобы ее представить в качестве самостоятельной дисциплины.

Если исходить из того, что предметом социологии является гражданское общество, то эти идеи в той или иной мере нашли отражение в работах предшественников отечественной социологии – ярких представителей социальной мысли – П.Я.Чаадаева, В.Г.Белинского, А.И.Герцена, Н.А.Добролюбова, М.А.Бакунина и др. Их основные выводы в той или иной мере питались идеями, рожденными Великой французской революцией и развитыми ее идеологами и последователями, суть которых заключалась в созидательной, преобразующей социальной силе человека, созданных им коллективов и сообществ. И хотя эти мыслители не создали логически завершенной концепции, однако именно их выводы и умозаключения об обществе, в котором каждый человек может (и должен) стать активной творческой силой, представляют значительный, новаторский для своего времени интерес.

Собственно социологические школы в России развивались в рамках нескольких направлений.

Одно из них – географическое – было наиболее ярко представлено Л.И.Мечниковым (1838-1888), который в своей основной работе «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ» объяснил неравномерность общественного развития под влиянием географических условий, главным образом водных ресурсов и путей сообщения. Именно эти факторы, по его мнению, и определяют основную тенденцию развития человечества – от деспотии к свободе, от примитивных форм организации жизни к экономическим и социальным достижениям, покоящимся на кооперативных формах хозяйствования.

Другой социогеограф А.П.Щапов (1831-1876) активно развивал земско-общинную, федеративную теорию русской истории, обосновывал естественно-психологические и социально-территориальные особенности жизни русского народа.

Второе направление – органическая школа – представлена Е.В. де Роберта (1843-1915), А.И. Строниным (1827-1889), П.Ф.Лилиенфельдом (1829-1903), Я.А.Новиковым (1830-1912). В основе теории де Роберти лежало понятие «надорганическое», которое проходит в своем развитии две стадии: простых психофизических отношений, представляющих собой исходный пункт социальности и психологических взаимодействий, которые подразделяются на четыре большие группы – науку, философию (или религию), искусство и практическую деятельность, под которой и понимается поведение людей в технике, экономике, праве и политике.

Заметное, важнейшее место в социологической мысли принадлежит социолого-юридическому направлению – ученым, работающим в области права и социологии, – Н.М.Коркунову (1853-1904), Л.И.Петражицкому (1867-1931), П.И.Новгородцеву (1866-1924), Б.А.Кистяковскому (1868-1920), Б.Н.Чичерину (1828–1904), которых интересовало взаимодействие социальных, физиологических и биологических причин в праве. Петражицкий выступал против традиционных подходов в учении о государстве, праве и морали в обществе, уделив пристальное внимание юридическим и политическим институтам. Заслуги социологов-юристов, особенно Новгородцева, состояли также в том, что они много писали о правосознании, о его роли в регулировании жизни общества, о нормативном и асоциальном поведении.

Марксистская школа в социологии была представлена М.И.Туган-Барановским (1865-1919), А.А.Богдановым (1873-1928), Г.В.Плехановым (1856-1918), В.И.Лениным (1870-1924) и отчасти, до определенного времени П.Б.Струве (1870-1944), С.Н.Булгаковым (1871-1944) и Н.А.Бердяевым (1874-1948), которые, хотя каждый по-своему, развивали свои представления о материалистическом понимании истории. Так, Богданов, говоря о самостоятельности социологии как науки, активно отстаивал ее тесную и близкую связь с одной из наук о природе – биологией (5).

Он много времени посвятил разработке теорий социальной адаптации (адаптации к знанию и адаптации к идеологии) и социальной революции. Уже после революции он опубликовал свою работу «Тектология», в которой разработал организационные основы любой социальной системы, любой социальной организации.

У Туган-Барановского наиболее привлекательно его учение о пяти основных группах интересов человека, среди которых для социального развития наиболее важными являются психологические, альтруистические и религиозные.

Плехановым в наиболее полном виде изложена марксистская теория общественного развития, рассмотрены проблемы соотношения общественного бытия и общественного сознания.

Идеи Ленина в социологии связаны с развитием учения К.Маркса о классах, классовой борьбе, роли народных масс в истории, а также с решением вопросов о соотношении демократии и диктатуры, роли государства в создании и функционировании нового социалистического государства.

Особо следует сказать о таких выдающихся представителях социальной и социологической мысли, как Н.Я.Данилевский (1822-1885), М.М.Ковалевский (1851-1916), который подготовил создание первого в России Социологического общества, и П.А.Сорокин (1889-1968).

Данилевский сконцентрировал свои усилия, говоря современным языком, на системном подходе, учитывающем психоэтнографические, антропологические, социальные, территориальные и другие признаки многих культурно-исторических типов, из которых и складывается общественная жизнь и каждый из которых переживает, как и любой живой организм, жизненный цикл от зарождения до упадка.

В определенном смысле системный подход в социологии применял и Ковалевский, утверждая, что не существует единого определяющего социального фактора. Социология, по его мнению, имеет дело с целым комплексом «раскрытия причин покоя и движения человеческих обществ, устойчивости и развития порядка в разные эпохи в их преемственной и причинной связи между собой».

Следует остановиться на научном наследии одного из представителей русской и одновременно мировой социологической мысли в ее классическом понимании – П.А.Сорокине. Он предложил и обосновал понятийный аппарат социологии: социальное явление, социальный контроль, социальное поведение, исторический прогресс и его тенденции.

Крупным научным достижением Сорокина была разработка им теории социальной стратификации: как общих понятий, так и признаков социальной дифференциации, в основе которой лежат экономический, политический и профессиональный статусы.

В своей работе «Социальная мобильность» он обратил внимание на проблемы перемещения людей в обществе в горизонтальном направлении (миграция) и в вертикальном (изменение социального статуса). Эти перемещения по-разному осуществляются в различных типах общества, но они составляют суть жизни такого живого социального организма, как общество.

Наследие П.Л.Сорокина велико и значительно: им проанализированы социально-культурные факторы в развитии человечества, высказаны интересные идеи о теории кризисов, о направлениях духовной интеграции и множество других оригинальных интерпретаций социальной реальности (6).

Уникальным явлением в российской социологии была субъективная школа, наиболее яркими представителями которой были П.Л.Лавров (1823-1900), Н.К.Михайловский (1842-1904), Н.И.Кареев (1850-1931).

Индивид, утверждал Лавров, является единственной реальной движущей силой общества, и поэтому «социология есть наука, исследующая формы проявления, усиления и ослабления солидарности между сознательными органическими особями».

Михайловский исходил из необходимости спасения индивида от разрушительного воздействия социального контроля, придавал большое значение взаимодействию человека с обществом. Проанализировав сущность и структуру социального поведения, он высказал ряд идей, превосходящих выводы З.Фрейда, о роли подражания, внушения и престижа.

Кареев особое внимание уделял роли индивида в истории, главной составляющей единицы организованной среды. «Тезис, – писал он в своей работе «Основные вопросы философии истории» (1883), – это самообусловленность индивида в социальном и культурном аспекте; антитезис – зависимость индивида от установлений и институтов

организованной среды; синтез – зависимость среды от индивида и его самообусловленности».

На наш взгляд, субъективистское направление в наиболее полном виде дает представление о всей социологической мысли в России. Хотя субъективизм в развернутом и обоснованном виде ориентируется на изучение человека в его специфическом социальном измерении, нужно признать, что и представители других школ также разделяли многие идеи о социальной сущности человека, о его сознании и участии в решении общественных проблем.

Так, Л.И.Петражицкий особое значение придавал роли эмоций как автономному доминирующему фактору социального поведения, благодаря которому возможна адаптация к окружающей среде. А.А.Богданов писал о социальном инстинкте – силе, заставляющей человека взаимодействовать с другими людьми, поступать, как они, что особенно отчетливо проявляется в имитации как особой форме социального поведения. Более того, Богданов утверждал в своей работе «Из психологии общества», что «социальное бытие и социальное сознание – одно и то же, а поэтому социальное сознание определяет социальную борьбу». Главным критерием «культурно-исторических типов», по Данилевскому, является языковая близость. У Плеханова большое внимание уделялось не просто общественному сознанию, а общественной психологии и ее роли в жизни людей.

Иначе говоря, практически все социологи России в XIX – начале XX века в прямой или косвенной форме выходили на проблемы человека, индивида как социального существа, считая его сознание и поведение основным критерием общественного прогресса, а в ряде случаев рассматривая этот феномен в качестве одного из основных составляющих компонентов, являющихся объектом социологического изучения. Именно гуманистическая направленность, человеческое измерение общественной науки является важнейшей характеристикой состояния и развития отечественной социологии в этот период времени. Именно этот аспект и использует автор в своей концепции социологии жизни, которая в развернутом виде учитывает состояние и тенденции развития общественного сознания и поведения в тесной связи с объективными условиями существования людей.

§ 5. СОВЕТСКАЯ И РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Первое десятилетие советской власти в целом характеризовалось продолжением тех традиций социологической мысли, которые сложились на предшествующем этапе развития, с той лишь поправкой, что марксистская школа стала постепенно претендовать на ведущую роль. Под влиянием Н.И.Бухарина (1888-1938) исторический материализм стал отождествляться с социологией. И хотя Бухарин впоследствии был репрессирован, эта точка зрения восторжествовала до такой степени, что исторический материализм вообще вытеснил социологию, превратив этот термин на долгие годы в нежелательное, запрещенное слово.

Социология получила поддержку в известной степени и потому, что это была официальная позиция, выраженная В.И.Лениным в его проекте развития Социалистической академии, в котором он ставил вопрос о развитии социальных исследований. Были созданы институты, занимающиеся различной социологической проблематикой. Директором одного из них стал К.М.Тахтарев (7).

В 20-е годы серьезное развитие получили отдельные отрасли социологического знания. В области социологии экономики и труда плодотворно работали С.Г.Струмилин, А.К.Гастев, П.М.Керженцев. В этот период были широко известны исследования Е.О.Кабо, Б.Б.Когана и М.С.Лебединского по изучению быта рабочих, А.И.Колодной по проблемам молодежи, А.Б.Гайстера, П.А.Анисимова по социологии села, И.А.Загорской и А.В. Трояновского по социологии культуры, Л. Паперного и Б. Смулевича по социологии города, Е.Н. Анциферова по социологии искусства.

Справедливости ради следует сказать, что социология в этот период была представлена не только марксистами; труды П.А.Сорокина, В.А.Чаянова, Н.Д.Кондратьева, Н.И.Кареева, С.Н.Булгакова, А.С.Звоницкой, В.М.Хвостова и др. развивали социологию в других ракурсах и на других основах, что, будучи глубоко обоснованным, послужило базой для становления принципиально новых подходов в этой науке.

В эти годы проводились крупные социально-экономические, этнографические и социально-психологические последования, среди которых особо хотелось бы отметить комплексный труд академика В.Н.Большакова «Деревня. 1917-1927 гг.», в котором дана живая и весьма противоречивая картина происходящего в советской деревне.

С конца 20-х годов наступил перерыв в развитии социологической мысли. До конца 50-х годов социологию игнорировали и причисляли к «буржуазным» наукам, к ложным теориям, якобы уводящим от достоверного знания. В этой связи интересно отметить, что преследованию подверглись не только точные и естественные науки – кибернетика и генетика. Социологии же нанесли сокрушительный удар почти на два десятка лет раньше, на грани 20–30-х годов.

Справедливости ради (это отмечено в исследованиях Г.С.Батыгина) следует сказать, что слово «социология» не было полностью запрещено. В работах и выступлениях академика Г.Ф.Александрова можно встретить его неоднократно. Это объясняется принадлежностью академика к высшей иерархии советско-партийной элиты и возможностью высказываться более свободно по этому вопросу, хотя это (и другое) кончилось для него плачевно. Конкретные методы изучения действительности были запрещены, ибо данные этих исследований «портили» или «могли портить» картину официальной идеологии, а приравнивание социологии к историческому материализму позволяло произвольно трактовать якобы на научном уровне некоторые социальные проблемы развития общества.

Начиная с конца 50-х годов социология стала возрождаться, хотя этот процесс происходил не без серьезных изъянов и издержек. Крепло убеждение в необходимости организации социологических исследований, первые шаги сделало социологическое образование. Все большее признание получали методы социологии в экономике, политике, в исторических и правовых науках, в языкознании, искусствоведении, литературе (8).

В конце 50-х годов была создана Советская социологическая ассоциация и некоторое время спустя первое социологическое подразделение в рамках Института философии – сектор труда и быта рабочего класса.

Однако официальное признание социологии в конце 50-х годов не сразу прояснило суть дела. Хотя были предприняты различные попытки определить специфику и место социологии в системе общественных наук, в конечном счете ей отказывали в суверенности, в относительной независимости, т.е. в том, что присуще любой науке об обществе.

Но не прекращалась интенсивная разработка теоретических и методических проблем социологии. Особенно плодотворны были результаты в разработке методологических и методических основ социологии. Уже в конце 60 – начале 70-х годов появились работы Г.М.Андреевой, А.Г.Здравомыслова, Ю.А.Левады, Г.В.Осипова, В.А.Ядова, посвященные программе, инструментарию, процедуре и организации социологического исследования. На основе или в связи с ними возникли многочисленные интерпретации исходных документов для подготовки и проведения научных исследований. Часть из них (например, «Человек и его работа», «Рабочая книга социолога») была рассчитана на высокопрофессиональное изучение объективной реальности с помощью социологических методов. Другая часть адаптировала эти документы к решению экономических, политических и культурных задач. Третьи носили сугубо утилитарный, прикладной характер и были нацелены в основном на решение неотложных производственных или учебных проблем. В целом эти издания частично удовлетворяли «голод» в литературе, давали возможность повысить квалификацию, лучше ориентироваться при подготовке и проведении конкретного исследования.

Одновременно шел трудный и сложный поиск ответов на фундаментальные вопросы социологической науки, ее связи с другими научными дисциплинами. При всей спорности обсуждаемых идей социология открывала новые грани предмета, объекта и направлений исследования. Постепенно начали складываться и формироваться специалисты как по теоретическим и методологическим проблемам социологии, так и по отдельным отраслям социологического знания. С конца 60-х. до начала 80-х годов значительный вклад в исследование по самым различным вопросам социологии был внесен. Что касается теоретических проблем, то публикации этого периода свидетельствуют о том, с каким трудом отпочковывалась социология от исторического материализма, что нашло отражение в исследованиях В.П.Давыдюка, В.Я.Ельмеева, А.К.Уледова, Д.И.Чеснокова.

Истории зарубежной и отечественной социологии посвятили свои работы И.И.Антонович, Г.К.Ашин, Д.М.Гвишиани, З.Т.Голенкова, И.А.Голосенко, Ю.Н.Давыдов, В.И.Добреньков, Ю.А.Замошкин, Л.Г.Ионин, В.П.Култыгин, Л.Н.Москвичев, С.И.Попов, А.В.Шестопал, Б.А.Чагин, С.И.Эпштейн и др. В них дан анализ как общих, так и конкретных проблем развития социологических теорий. Несмотря на специфику ряда публикаций, обусловленную обстоятельствами времени, они содержат в себе информацию, которая вполне может быть использована и в современных условиях.

Сложились и активно развивались исследования в области труда и управления (Н.А.Аитов, Н.И.Дряхлов, Н.И.Лапин, И.М.Попова, Г.Н.Соколова, Ж.Т.Тощенко, С.Ф.Фролов, О.И.Шкаратан), социологии города (А.В.Дмитриев, С.В.Успенский, О.Н.Яницкий), социологии села (Т.И.Заславская, И.В.Рывкина, И.М.Слепенков, В.И.Староверов), социальной структуры (Л.А.Гордон, Э.В.Клопов, М.Н.Руткевич), демографии и миграции (А.Г.Вишневский, Ж.А.Зайнчковская, В.И.Переведенцев, Н.М.Римашевская, ЛЛ.Рыбаковский), этносоциологии (Ю.В.Арутюнян, Л.М.Дробижева, В.Н.Иванов), молодежи (В.Т.Лисовский, В.И.Чупров, В.Н.Шубкин и др.), образования (Ф.Р.Филиппов, В.Н.Турченко, Л.Г.Борисова), общественного мнения и средств массовой информации (Б.А.Грушин, В.П.Коробейников, В.К.Горшков, Б.М.Фирсов, В.Э.Шляпентох), культуры (Л.Н.Коган, Е.М.Бабосов, Л.Г.Ионин), семьи (АТ.Харчев, А.И.Антонов, М.С.Мацковский и др.), религии (Д.М.Угринович, В.И.Гаражда, И.Н.Яблоков, Р.А.Лопаткин), общественной активности (Ю.Г.Волков, В.Г.Мордкович, Е.А.Якуба), социологии науки (Г.Н.Волков, А.А.Зворыкин, С.А.Кугель, В.Ж.Келле, О.Г.Яновский).

Значительный интерес представляют работы, посвященные проблемам надежности, обоснованности, репрезентативности и методике социологических исследований. В них (Г.С.Батыгин, И.А.Бутенко, В.И.Волович, В.Г.Гречихин, Б.З.Докторов, А.П.Куприян, О.М.Маслова, В.И.Паниотто, В.О.Рукавишников, Е.П.Тавокин, Ю.Н.Толстова, В.Е.Хмелько и др.) были рассмотрены вопросы, касающиеся повышения качества эмпирического исследования различных общественных процессов, проанализированы типичные ошибки, выявлены те ограничения, которые влияют на полноту и достоверность выводов. Важность этих работ трудно переоценить, так как они, с одной стороны, преодолевали среди самих социологов некую болезнь, связанную с погоней за фактическим материалом в ущерб теории, с другой стороны, брали на себя нелегкую миссию доказать научную значимость особым образом организованной информации, полученной по специальным методикам в процессе социологических исследований. Эти работы рассеивали скепсис по отношению к эмпирическим данным и в то же время не скрывали просчетов, огрехов и ошибок на пути социологического познания.

Большую роль сыграли научные публикации, посвященные методам социологического исследования, а также сбору, обработке, хранению и использованию социологической информации. Работы В.Г.Андриенкова, Э.П.Андреева, Ф.М.Бородкина, Г.Г.Татаровой, Г.И.Саганенко, В.Ф.Устинова и других пропагандировали и разъясняли те принципы, на основе которых союз социолога и математика серьезно обогащает социологическую науку, повышает качество и надежность ее результатов. Особая ценность этого союза проявилась в создании банков социологической информации, ибо это ознаменовало переход социологии от описательных методов к широкому внедрению сравнительных (повторных, панельных и т.п.) исследований. Банк социологической информации позволяет совершенствовать методику и организацию социологических исследований, выявлять пробелы в получаемой информации, корректировать и на новых основах группировать данные. И что особенно важно, такой способ хранения и использования информации обогащает и дополняет систему государственной и международной статистики.

Несомненно, при всех издержках развития социологической науки этот этап подготовил новое видение проблем этой отрасли знания, что нашло отражение в работе социологов в конце 80 – начале 90-х годов, направленных на поиск альтернатив развития в нашей стране.

Именно в этот период появились и окрепли организационно и содержательно новые направления исследований в социологической науке: социального механизма рыночных преобразований (Т.И.Заславская, В.В.Радаев, Г.Н.Соколова, В.Э.Бойков), политической социологии (А.В.Дмитриев, В.Г.Комаровский), элиты (К.И.Микульский, О.М.Крыштановская, Л.В.Бабаева, Е.В.Охотский, А.В.Понеделков), управленческого и организационного консультирования и социальных технологий (Ю.Д.Красовский, Вал.Н.Иванов, А.И.Кравченко, А.И.Пригожий, В.В.Щербина).

Таким образом, становление социологии как науки в нашей стране прошло сложный путь.

Социологическое знание стремится вобрать в себя все лучшее, что имеется в трудах предшествующих поколений социальных мыслителей. На каждом этапе исторических преобразований социология открывает пути для новых направлений, которые определяют ее движение вперед. Среди проблем, ставших ведущими для социологии, на современном этапе развития являются: социальное положение человека в обществе и группе, социальная структура, участие в управлении, «человеческие отношения», общественное мнение, социокультурные и межнациональные процессы, экологические проблемы,

межличностное общение и другие вопросы, связанные с конкретной исторической и социально-экономической ситуацией в условиях перехода страны к рыночным отношениям. Однако предстоит еще многое сделать как для создания соответствующих учебных пособий, так и для изложения действительной теории развития социологической мысли, свободной от предубеждений, идеологических штампов и просто нелепостей, накопившихся за долгие годы пренебрежения этим направлением в науке.

Литература

1. О генезисе развития науки и научного знания см.: Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980.
2. Смелзер Н. Социология. М., 1994. С.492.
3. См.: История социологии: Учеб. пособие / А.Н. Елсуков и др. Минск, 1993.
4. Цит. по: Зборовский Г.Е., Орлов Г.П. Введение в социологию. Екатеринбург, 1992. С.44 - 45.
5. См.: Богданов А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб., 1899. С.151.
6. Голосенко И.А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар, 1991.
7. Култыгин В.П. История российской социологии. М., 1994. С.87.
8. О развитии социологии в нашей стране см.: Чагин Б.А. Очерк истории социологической мысли в СССР. Л., 1971; Осипов Г.В. Социология и социализм. М., 1990.

Темы для рефератов

1. О.Конт и его позитивистская социология.
2. Эволюционистская социология Г.Спенсера.
3. Э.Дюркгейм и его воззрение на общество как особую духовную реальность.
4. Социологическая концепция М.Вебера.
5. Социологическая система П.А.Сорокина.
6. Субъективистская и психологическая школа в русской социологии.
7. Основные школы и ведущие ученые западной социологии (характеристика каждой из школ и отдельных исследователей).

Вопросы и задания для повторения

1. Назовите причины появления социологии в XIX веке.
2. Какие основные школы были представлены:
   1. в зарубежной социологии XIX века;
   2. в русской социологии XIX – начала XX века?
3. Какие социологи относятся к классической зарубежной социологии 1-й половины XX века? Их основные идеи.
4. Сущность и главные идеи современных социологических направлений:
   1. структурного функционализма,
   2. теории социального конфликта,
   3. бихевиоризма,
   4. феноменологической социологии.
5. Основные этапы развития советской социологии.

Глава 2 ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ

Конституирование социологии как науки предполагает раскрытие ее сущности и содержания, выявление ее границ и места среди других общественных дисциплин.

Решение этого вопроса и особенно таких основополагающих требований, как определение объекта и предмета социологии, было долгое время затруднено тем, что, возникнув на пограничных областях человеческого знания, она в течение значительного периода не могла в полной мере отпочковаться от породивших ее наук – философии, истории, права, экономики.

Многие представители социологии претендовали на то, что социология является своего рода метанаукой и, опираясь на данные других социальных и гуманитарных наук, строит свою концепцию, свое понимание происходящих процессов в обществе. Естественно, что такая постановка вопроса вызывала возражение представителей смежных наук, что выражалось в различной форме.

Другой серьезной преградой для конституирования социологии является ее претензия, что она изучает общество (а что же изучают другие науки?). Эта точка зрения, не преодоленная до сих пор, в том числе и в отечественной социологии, серьезно затрудняет выявление качественной определенности социологии. Начатый Э.Дюркгеймом пересмотр этой концепции (социология изучает не все общество, а только одну из его частей) продолжается до сих пор. И большинство исследователей все больше и больше задаются вопросом: а какая часть, какой аспект, какой срез общества становится объектом и предметом социологической науки? Имеется много соображений, и это многообразие отражает наличие значительного числа школ в западной социологии, большое разнообразие взглядов, которое стало характерным и для российской социологии.

Оспаривает ориентацию на общество как предмет социологии и эмпирическая социология, которая всем ходом своего развития показывает, что ни в одном не только крупномасштабном, но и комплексном проекте нельзя охватить все многообразие связей, которые интересуют исследователя. И дело даже не в том, что нельзя уловить все многообразие (можно стремиться к увеличению числа показателей, все тоньше и глубже описывать социальные процессы и явления), а в том, что за пределами компетенции социолога остаются экономические, геополитические, технические, технологические и т.п. связи, которые не могут быть изучены социологом, если только он не захочет прослыть всезнайкой, «поверхностным» наблюдателем всего и всея.

Нужно отметить и российскую специфику трактовки сущности социологии. Долгое время социология отождествлялась с историческим материализмом или социальной философией, которые трактовались как методологическая основа социологии, ее теория. К компетенции же социологии, согласно этому подходу, отошли только прикладные проблемы, эмпирические исследования, поиск возможностей и резервов в отдельно взятых социальных институтах, процессах и явлениях. Этот вспомогательный, подсобный характер социологии культивировался в течение 60-80-х годов, что в той или иной мере поддерживалось представителями других наук: давайте, мол, нам факты, сведения, данные, а их теоретическим осмыслением займемся мы. Следствием такого подхода стал тот факт, что даже в документах Высшей аттестационной комиссии СССР в 70-80-е годы социология признавалась только в сочетании со словом «прикладная».

§ 1. ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ

Долгое время в спорах о сущности и границах социологии как науки специально не выделялся вопрос об объекте социологии. Попытки поднять его практически оставались незамеченными. В какой-то мере это можно было объяснить тем, что общество является предметом изучения всех гуманитарных наук, и каждая из них имеет свой аспект.

В поисках собственной специфики социология сталкивалась с серьезными трудностями. Определения типа «социология есть наука о законах и движущих силах развития общества» [1] ничего не проясняли, поскольку с таким же успехом можно было бы утверждать, что физика изучает физические законы, химия – химические и т.д. Социология по сути отождествлялась с историческим материализмом, социальной философией, причем эти представления постоянно воспроизводились в том или ином виде во многих ее определениях [2]. Расплывчатость, неясность формулировок вполне оправданно порождала жаркие дискуссии, ибо предлагаемые подходы не удовлетворяли требованиям достаточно четкого описания объекта науки.

Следует еще раз вернуться к тому исходному положению, которое, на наш взгляд, способно привести к достаточно строгому выводу об объекте социологии. Когда общество предстает перед нами экономической гранью, то очевидно, что весь комплекс экономических наук, и в первую очередь экономическая теория, направляет свои усилия на выявление сущности экономических законов, их системы и взаимодействия.

Если рассматривается политический строй общества (в том числе и правовые отношения), то на передний план выходит весь спектр правовых и политических наук.

Анализ общества в его поступательном развитии относится к компетенции исторических наук. Они рассматривают общество как историю всего человечества, стран и народов, отдельных сфер жизни людей (социальной, бытовой, производственной и т.п.) (3). Что же в таком случае призвана изучать социология? Прежде всего следует обратить внимание на многочисленные попытки найти самые различные формы компромисса между определениями истмата и социологии. В марксистском обществознании до недавних пор лишь болгарские ученые (Ж.Ошавков, В.Добриянов, С.Михайлов и др.) различали исторический материализм как философскую науку об обществе и социологию как нефилософскую, специфическую науку об обществе (4)

Между тем в истории научной мысли известен подход, направленный на более четкое выделение объекта социологии – гражданского общества. В этой связи хотелось бы отметить заслугу К.Маркса, который, анализируя процесс развития человечества, пришел к выводу, что данный феномен – гражданское общество – рожден только на определенной стадии исторического процесса, а именно как результат эры новой истории, ведущей свой отсчет от периода великих буржуазных (английской и французской) революций. По его мнению, гражданское общество – это такая грань и ступень в развитии человеческого общества, которая охватывает «определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов... Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества» (5).

Эта степень зрелости человеческого общества – гражданское общество – долгое время не замечалась ни в зарубежной, ни в отечественной социологии. Это уже в XX веке

гражданское общество и его отклики в виде «общества потребления», «общества благоденствия», «социального общества» приобрели определенные права в трудах и исследованиях социологов. Вместе с тем среди социологов было немало тех, кто считал, как известный шведский исследователь П.Монсон, что отсчет гражданского общества нужно вести с XVIII века, когда оно отделилось от государства (6). В русской социологии тоже в течение длительного времени в качестве ее объекта рассматривалось общество в целом. Это характерно даже для той группы, которая исповедовала субъективизм и психологизм. Так, член Петербургской академии наук, историк и социолог Н.И.Кареев считал, что «социология ставит своей целью изучение общества вообще, т.е. взятого отвлеченно и, так сказать, вне данных мест и данных времен» (7). В дальнейшем он уточняет: для социологии помимо выяснения природы и генезиса общества представляют интерес основные его элементы, факторы и силы, их взаимоотношения, характер процессов, совершающихся в обществе вне зависимости от времени или места происхождения. Иначе говоря, им было обосновано положение о таком моменте в жизни человека, который нельзя свести ни к политическому, ни к юридическому, ни к экономическому компоненту. Вместе с тем он волей-неволей строил свои рассуждения в рамках социальной философии или по крайней мере не представлял возможность четкого ее разграничения с социологией.

Идея гражданского общества в советскую социологию пришла сравнительно поздно, что совпало с ее возрождением в конце 50 – начале 60-х годов. Одну из первых попыток выйти на проблемы гражданского общества как объекта социологии предпринял в своей ранней работе Г.В.Осипов (8). Но так как трактовка проблем гражданского общества сближалась с представлением о нем как о социальной сфере общественной жизни, это вызвало определенные возражения в научной литературе (9). В целом все имеющиеся суждения можно охарактеризовать как стремление найти границы размежевания между социальной философией и социологией, которая, в отличие от первой, не рассматривает общество во всех его многообразных связях, а избирает в качестве объекта анализа особую форму его проявления – гражданское общество.

Итак, что же собой представляет гражданское общество как объект социологии?

Необходимо подчеркнуть, что гражданское общество смогло возникнуть лишь на определенном этапе развития человечества. Хотя на ранних ступенях и существовали его элементы, незрелые формы, но как самостоятельное, самодовлеющее явление оно сформировалось на том рубеже, когда человек стал демонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни. Это было вызвано процессом становления и развития буржуазного общества, когда человек получил возможность действовать как самостоятельная общественная сила, влияние которой в значительной степени зависело от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса.

В отличие от условий рабовладельческого и феодального общества человек в массовом порядке оказывался ответственным за судьбу экономических преобразований, а впоследствии и за устройство политической жизни буржуазного общества.

О том, что появление человека как гражданина связано лишь с определенным этапом развития общества, свидетельствует и замечание К.Маркса, что «быть рабом или быть гражданином – это... отношения человека А к человеку В», которые устанавливаются в обществе, посредством и при помощи общества (10).

Именно при появлении капитализма люди на качественно новой основе стали воздействовать на ход общественной жизни. Резко возросло участие отдельного человека в решении самых различных жизненных проблем. Вместе с тем люди все чаще начинают действовать сообща – не как одиночки в древние эпохи или средние века, а как классы, социальные группы и слои, включаясь в политические и другие объединения и организации.

Все это позволяет утверждать, что гражданское общество – это совокупность соответствующим образом организованных, исторически сложившихся форм совместной жизнедеятельности, определенных общечеловеческих ценностей, которыми руководствуются люди и каждый человек во всех сферах общества – экономической, социальной, политической и духовной.

Поиск истины в общечеловеческом плане не отменяет анализа специфических форм деятельности людей в различных общественно-экономических системах. Но эта специфика является особой формой проявления общечеловеческого, а не первопричиной противопоставления жизни в капиталистическом и социалистическом обществах. Именно такой подход служил (и служит) исходным пунктом вульгаризированного анализа и противопоставления различных направлений социологической мысли. Как показала жизнь, интеллектуальная ограниченность ведет к тупику, потере исторической перспективы.

Логика общественного развития подтверждает необходимость постоянного сопоставления жизнедеятельности классов, социальных групп и слоев не только внутри определенного общества, но и между различными типами обществ. Об этом свидетельствует и та объективная реальность, которая подталкивает ученых к сравнению различных взглядов, мнений, суждений людей в условиях неоднородных социально-экономических систем.

Этот импульс – нахождение и сравнение различных видов жизнедеятельности с учетом специфики каждой страны – может характеризовать вклад социологии в решение как глобальных, так и конкретных проблем, волнующих все человечество или отдельные его слои и группы. «С точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата...» (11).

Автор считает, что по немалому числу вопросов мнения социолога-марксиста и социолога, не придерживающегося этих взглядов, могут существенно различаться, как различается и конкретная ситуация в условиях того или иного общества. И все же точкой отсчета и для того, и для другого являются нахождение и выявление таких показателей жизнедеятельности людей – членов различных общественных систем, которые их объединяют, и только затем на базе этого осуществляется исследование специфических особенностей каждого общества. Именно это характеризует сущность социологии как науки при определении основного объекта ее исследования – гражданского общества, в котором общее находится в органическом единстве с особенным, специфическим. В условиях, когда общество преследует общечеловеческие, гуманистические цели, значение социологии как науки, изучающей эти объединяющие различные социальные силы характеристики, становится показателем общественного прогресса в самом широком смысле слова.

§ 2. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ О СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ СОЦИОЛОГИИ

Долгое время не делалось больших различий между объектом и предметом социологии. Потребовались годы, чтобы в философской, науковедческой литературе был сформулирован и принят многими учеными тезис о том, что предмет науки – это та грань ее объекта, которая определяет содержательную, сущностную ее сторону. «Категория «предмет науки» связана с фиксацией двуединства: системы объективно существующих закономерных связей и системы понятий, эти связи отображающих» (12).Спор о предмете социологической науки ведется давно. С ним можно ознакомиться в работах отечественных и зарубежных исследователей. В данном кратком историческом очерке мы остановимся на содержании тех дискуссий, которые велись в нашей стране после возрождения социологии в 60-80-е годы.

Начиная с конца 50-х годов в отечественной науке состоялось несколько дискуссий, посвященных предмету, структуре социологии и социологического знания. Они характеризовались различиями в подходах, трактовках и способах решения поставленных задач. Если проанализировать имеющиеся взгляды, то можно сказать следующее.

Прежде всего это точка зрения, которая идентифицирует социологию и исторический материализм. Впервые данное положение было высказано в 1955 году академиком В.С.Немчиновым. По его мнению, социология представляет собой одну из отраслей философских наук: «исторический материализм и есть марксистская социология» (13). Эта идея получила развитие в работах ряда отечественных философов (14). И хотя от подобных взглядов впоследствии многие отошли, тем не менее рецидивы их возрождения имели место и в более поздние сроки, несмотря на оговорки.

Другая позиция отражала более сложную картину взаимодействия исторического материализма и социологии и в значительной степени была продиктована подходом, заложенным в постановлении ЦК КПСС (1969 г.), ставившего задачу развития «исторического материализма как общесоциологической теории».

Впервые развернутое обоснование этой точки зрения было изложено в статье в журнале «Коммунист», где утверждалось, что исторический материализм как общесоциологическая теория включает в себя исследование законов функционирования различных социальных общностей, совокупность специальных социологических теорий различного уровня общностей и, наконец, конкретные социологические исследования (15). Эта точка зрения получила, пожалуй, наибольшее распространение в публикациях 60 – начала 80-х годов. Так, в одной из первых дискуссий о предмете и структуре социологической теории (МГУ, 1968 г.) Д.М.Угринович, характеризуя исторический материализм как общесоциологическую теорию, выделил еще один уровень – специальные, или частные социологические теории. Эта идея повторена в середине 80-х годов И.С.Коном, В.Н.Ивановым (16). Такая точка зрения поддерживается некоторыми исследователями и поныне. «До сих пор, – утверждал В.Я.Ельмеев в 1986 году, – не возникло необходимости (и вряд ли она появится) в общей социологии как науки наряду с историческим материализмом, являющимся синонимом науки социологии... Это... функция (звено) известных общественных наук». Практически эту же самую мысль он повторил и в 1995 году(17).

Эта господствующая, официальная точка зрения была подвергнута сомнению еще в 60-е годы. Так, Ю.А.Левада в «Лекциях по социологии» утверждал: «Социология – это эмпирическая социальная дисциплина, изучающая общественные системы в их функционировании и развитии»(18). По сути дела, это был компромисс между различными представлениями о теоретическом и эмпирическом уровнях в социологии, в рамках которой должна быть построена своя система научного знания.

Эти шаги были подвергнуты резкой критике, и в основном с тех позиций, что социологии как науки вне исторического материализма не существует.

Высказывались и другие соображения. А.А.Зворыкин писал, что марксистская социология представляет собой систему наук(19). При этом он весьма расширительно толковал ее, включая сюда все общественные науки, что, естественно, затрудняло определение специфики предмета науки. Эту позицию разделяли А.М.Ковалев, И.А.Козиков, И.М.Слепенков, но с оговоркой, что в социологию включаются все методологические науки, изучающие общие законы общественного развития в целом на различных этапах и уровнях общественной системы (20).

Такой подход также фактически отрицал специфику социологии как самостоятельной науки, сводя ее в той или иной мере к обществознанию в целом или к какой-то прикладной теории, имеющей относительную самостоятельность. В этой связи были предприняты попытки трактовать теорию научного социализма как социологическую теорию, а эмпирические исследования – как иллюстративный материал к тем или иным ее положениям.

Чтобы не вступать в явное противостояние с официальной точкой зрения и в то же время ответить на реалии, которые диктовались самой логикой развития социологии, в 70-е годы социологию начали рассматривать как прикладную науку, которая занимается анализом сложившейся ситуации, разработкой практических рекомендаций по управлению общественными процессами. Эта точка зрения особо наглядно выражена В.П.Давидюком, считавшим, что «марксистская прикладная социология есть наука о специфических законах становления, развития и функционирования конкретных социальных систем, процессов, структур, организаций и их элементов»(21). Такая формулировка устраивала многих, потому что она сводила социологию к функции обслуживания других наук, к обязанностям предоставлять эмпирический материал для философского, политологического и исторического осмысления происходящих социальных процессов.

Но официальная точка зрения не уставала повторять себя в самых различных вариантах, постоянно подчеркивая, что социология – это «наука о закономерностях и движущих силах развития и функционирования социальных систем, как глобальных (общество в целом), так и частных (социальные группы, учреждения и процессы)» (22). Однако, как показало время, отождествление социологии с историческим материализмом было малоконструктивно и не могло обосновать складывающиеся самостоятельные направления социологических исследований. Поэтому в научной литературе конца 70-х – начала 80-х годов вполне закономерно вновь заговорили о предмете социологии, ибо к этому времени произошло вычленение «социального» в узком смысле слова, как рядоположенного с экономическим, политическим, духовным. И в поисках ответа на вопрос: «А какая же наука занимается социальным развитием?» – появился реальный соблазн обратиться к социологии. К тому, что «социология – это наука о законах развития и функционирования социальных общностей, структур, систем и организаций» (23) стало склоняться все больше и больше ученых.

Наряду с этими непрекращающимися попытками свести социологию то к историческому материализму, то к научному коммунизму, то к функции обслуживания других наук родилось стремление откорректировать понятие социологии в соответствии с новыми реалиями, с опытом проведения эмпирических исследований.

К концу 80-х годов многие социологи стали поддерживать в той или иной мере позицию (хотя допускались оговорки), в которой были отражены поиск и учет многих притязаний: «Социология – это наука о становлении, развитии и функционировании социальных общностей и форм их самоорганизации: социальных систем, социальных структур и институтов. Это наука о социальных изменениях, вызываемых активностью социального субъекта – общностей; наука о социальных отношениях как механизмах взаимосвязи и взаимодействия между многообразными социальными общностями, между личностью и общностями; наука о закономерностях социальных действий и массового поведения» (24). Аналогичные и близкие к этому утверждения А.Г.Харчева, Н.И.Дряхлова, В.Н.Князева, Ю.Е.Волкова и других социологов варьировали эту постановку вопроса.

При всей привлекательности этой позиции хотелось бы обратить внимание прежде всего на то, что в данном случае «социальное» анализируется в более широком контексте, который отождествляет социальный факт, процесс и явление с общественным фактом, процессом, явлением.

Анализ социологических исследований показывает, что реальностью стали, во-первых, исследования процессов экономической жизни, связанных с проблемами труда, его организацией и стимулированием, занятостью, экологической и демографической ситуациями и т.д. Во-вторых, социология исследует собственно социальные процессы: социальную структуру, распределительные отношения, социальный статус человека, образ жизни, национальные и межнациональные проблемы и т.д. В-третьих, социологические исследования дают возможность глубже понять и раскрыть сущность политических процессов и явлений, связанных с развитием демократии, решением проблем власти, участием населения в управлении, деятельностью общественных организаций и т.п. И, наконец, социология активно изучает духовную жизнь общества: предметом ее исследований становится широкий круг проблем образования, культуры, науки, литературы, искусства, религии и т.д.

Отсюда следует, что социологию нельзя ограничить одной из сфер общественной жизни, ибо круг ее интересов касается всех без исключения проблем бытия человека, социальных групп, слоев и общностей, институтов и процессов, их деятельности, организации трудовой и повседневной жизни людей. Иначе говоря, и экономическая, и политическая, и духовная сферы также требуют социологического осмысления.

Обзор имеющихся точек зрения позволяет утверждать, что сведение предмета социологии только к социальным отношениям делает ее выразительницей хотя и важных, но далеко не всех актуальных проблем, которые волнуют как общество, так и человека. Еще меньше подходит определение предмета социологии как изучение социальных общностей и групп различного уровня (стратификационный подход) (25), ибо оно направлено на исследование социальной дифференциации, что само по себе, безусловно, необходимо, но не в полном объеме охватывает предмет социологии.

90-е годы Россия начала с поиска самой себя. Не осталась в стороне от этих исканий и наука вообще, и социология в частности. Жизнь поставила перед социологией задачу откликнуться на новые реальности адекватнее выразить требования времени, внимательнее посмотреть на накопленный багаж.

В том, что требуются изменения в социологии, и изменения серьезные, мало кто сомневается. Это и выявил «круглый стол» «Социология и реальность», организованный журналом «Социологические исследования» в 1996 году. Во время обсуждения было подчеркнуто, что социология стала пользоваться новыми теориями и понятиями, такими,

как «глобализация», «модернизация», «социальное пространство», «устойчивое развитие», «габитус», «актор». Введены в оборот социологической науки такие термины, как парадоксы, диаспоры, менталитет и пр. (26) Вместе с тем социология не может не ответить на критику, например, прозвучавшую в статье Ю.Орфеева («Независимая газета», 1996. 28 мая), который считает, что социальные науки, в том числе и социологию, необходимо освободить от «фольк-научных» терминов, таких, как оптимизация, системный анализ, АСУ и др., доказывая их ложность, тупиковость и даже авантюристичность, невозможность их интерпретировать в измеряемых показателях и индикаторах.

В то же время отказ ряда исследователей от марксистской парадигмы и попытки использовать понятийно-категориальный аппарат и инструментарий западноевропейской и американской социологии без учета российской специфики привел к еще большей запутанности, неоднозначности и противоречивости при трактовке изученных социальных процессов и явлений. Иначе говоря, как говорит А.И.Зимин, социальная наука столкнулась или с феноменом, не укладывающимся в общенаучную картину социальной реальности, или с неадекватностью научно-познавательных средств, или с тем и другим (27). Попытаемся исходя из этого прежде всего ответить на вопрос: что является предметом социологической науки?

§ 3. РЕАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ, ПОВЕДЕНИЕ И ИХ СРЕДА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ

В конце 80-х – начале 90-х годов в мировой социологии стала созревать новая ситуация, которая ознаменовалась тем, что были выдвинуты новые концепции, претендующие на более глубокое осмысление, описание и характеристику происходящих изменений в обществе.

Прежде всего нужно отметить, что приобрели вес так называемые глобалисты – социологи, претендующие на то, чтобы объяснить все происходящее в мире с позиций геоэкономических, геополитических, транскультурных и т.п. Эта позиция наиболее предметно и наглядно выражена в концепции И.Валерстайна, президента Международной социологической ассоциации (1994–1998). По его мнению, «единицей анализа социальной реальности» являются «исторические системы», связи между ними, их функционирование и изменение. Он оперирует понятиями «геокультуры», «модерн», «всеобщая история человечества», «равновесие систем» (28).

Получила распространение и точка зрения, нашедшая отражение в работах французского социолога П.Бурдье и польского ученого П.Штомпки, утверждающих необходимость изучения социального поля, социального пространства и логики их развития. П.Бурдье полагает, что основа основ в социологии – это связь габитуса с полями. По мнению А.Ф.Филиппова, социолог различает а) свое видение пространства, б) социальное значение пространства, не рефлектируемое участниками взаимодействия, но принципиально важное для них и в) пространство как оно осознается и обсуждается последними (29). В отечественной литературе получила дальнейшее развитие точка зрения, что ключевой категорией социологии является социальная общность (30). На наш взгляд, прежде чем сформироваться этим общностям, они, в свою очередь, должны состоять из социальных элементов – личностей, людей, – которые и олицетворяют данное общественное явление и в этом смысле выступают первоосновой, первопричиной существования всего «социального». Но не просто человек, люди, а их определенное качество, позволяющее считать их исходной категорией социологической науки.

В этой связи хотелось бы еще раз подчеркнуть характерную особенность отечественной социологии, все больше ориентирующейся на возрождение традиций русской социологии с учетом новых исторических реалий, накопленного знания и опыта эмпирических исследований – обращения к человеку как творцу, активному участнику всех преобразований в обществе. Ведь еще П.Сорокин охарактеризовал социологию как «науку, изучающую поведение людей, живущих в среде себе подобных» (31). Исследуя общественные процессы и явления, социологи в центр своего внимания все чаще ставят человека, его сознание, отношение к общественным изменениям не только как индивида, но и как члена определенной общественной группы, социального слоя, института. Огромное значение приобретают также мотивы его поведения в конкретной общественной ситуации, его потребности, интересы, жизненные ориентации. Даже статистика для социологии важна не как информация о количественных процессах, а как показатель, по которому можно судить о состоянии внутреннего мира людей.

К тому, что на эту сторону нужно обратить большее внимание, отечественная социология пришла не сразу. Социологи стали постепенно приходить к выводу о необходимости более обстоятельного изучения «отношений между группами людей, занимающими разное положение в обществе, принимающими неодинаковое участие в его экономической и духовной жизни (курсив мой. – Ж.Т.), различающимися не только уровнем, но и источником своих доходов, структурой личного потребления, образом жизни, уровнем личностного развития, типом общественного сознания» (32). Объектом изучения становилась все большая группа вопросов, характеризующих состояние сознания человека, его поведение и отношение к происходящим в обществе процессам, профессиональное, национальное и региональное их звучание.

Человек развивается как родовое, общественное существо и прежде всего при помощи своего сознания и его реализации во всех сферах общественной жизни. Именно это отметил еще на рубеже XX века А.А.Богданов, когда, раскрывая сущность учения К.Маркса о природе и обществе, писал, что в своей борьбе за существование люди не могут объединяться «иначе, как при помощи сознания» (33). К этому нужно добавить и то, что социология (как и любая другая наука) призвана не предлагать свои модели, а изучать фрагменты, части объективной реальности. В действительности мы встречаемся в первую очередь не со структурами, а с деятельностью человека, через которую затем выходим на институциональный, стратификационный, управленческий и другие уровни организации общественной жизни.

Общественное сознание обычно рассматривается в двух измерениях: как обыденное и как теоретическое (34).

В научной литературе при выявлении их сущности, роли и функций наиболее распространена точка зрения, которая противопоставляет их друг другу, отождествляет обыденное сознание с более низким уровнем общественного сознания. Все это справедливо, пока идет гносеологический анализ этого явления. Но, как показывает жизнь, в чистом виде ни то ни другое не существует. Практика заставляет нас по-иному взглянуть на эту проблему.

Прежде всего, нужно отметить, что реальное сознание, вырастая из непосредственно практической деятельности, не отделено от общественного бытия. Более того, оно отражает (и мы думаем – вполне обоснованно) не только случайные, стихийные связи и отношения, но и некоторые устойчивые закономерности и тенденции развития общества (пусть и в несовершенном виде).

Реальное сознание включает в себя здравый смысл, который не отрицает возможности познания глубинных сущностных процессов – оно даже предполагает его постоянное обогащение и использование в практической жизни человека. Реальное сознание не является результатом какой-то специализированной деятельности (в отличие от конкретных ее форм – политической, эстетической, нравственной и т.д.) и воспроизводится всеми видами деятельности человека. Так как любая деятельность несет в себе принципиальные, сущностные моменты общественной деятельности, то можно сказать, что сознание, порождаемое этой деятельностью, способно фиксировать общую линию развития. То, что это сознание оперирует «первичными мыслительными формами», ни в коей мере не означает, что сфера реального, практического сознания ограничивается только «мелкими» вопросами бытия. Именно это противоречие – отражение непосредственно окружающей действительности и возможность глубинного, а не поверхностного ее восприятия – и характеризует состояние реального сознания и соответствующее поведение людей.

Реальное сознание и поведение по своему содержанию представляют собой сочетание рационального и эмоционального, переплетение мировоззренческих элементов, устоявшихся традиционных взглядов и привычек. И если эмоциональный компонент реального сознания и поведения больше связан с непосредственным впечатлением, сиюминутным воздействием, то рациональный компонент может интегрировать и прошлый опыт, и уроки не только личной, но и общественной жизни, улавливать общественно-политическое звучание многих происходящих событий. В этом и проявляется тот момент, который роднит отдельные элементы практического восприятия действительности с научным, теоретическим сознанием. Преобладание стихийного, эмоционального в реальном сознании и поведении ни в коей мере не снимает значимости рационального, возможности, что оно, в конечном счете будет определять направленность и зрелость общественного сознания и общественной деятельности.

Кроме того, реальное сознание и поведение присущи не только отдельной личности или случайным группам людей. Они – продукт коллективного творчества, характерного как для всего общества, так и для социально-классовых групп, слоев и общностей. Возникая как реакция на непосредственное восприятие действительности, как отражение эмпирических условий существования, реальное сознание и поведение приобретают самостоятельную роль, выражаясь в общественном мнении, умонастроениях людей.

Результаты деятельности людей, «включая и их ошибки, оказывают обратное влияние на все общественное развитие, даже на экономическое» (К.Маркс). Хотя реальное сознание и поведение складываются из непосредственного опыта отдельных людей, в общественном воплощении они образуют своеобразное явление, творцом которого выступает класс, нация, социальная группа или социальный слой. Реальное сознание и поведение не есть собрание или механическое обобщение этих взглядов и поступков – они образуют новую специфическую сущность, в которой проявляются устойчивые тенденции, объективно отражающие как состояние сознания, так и глубину осмысления им общественного бытия» (35).

И, наконец, реальное сознание и поведение отражают общественные противоречия, широкую гамму повседневных иллюзий, нередко очень близких по своей сути к обыденному сознанию. «...Взятое... как совокупность обыденных переживаний, то есть всех тех горестей и радостей, надежд и разочарований, из которых складывается повседневная жизнь, это обыденное сознание оказывается сплошным беспокойством, по сравнению с которым научное и философское сознание представляются чем-то вроде атараксии мыслителей эпохи эллинизма» (36).

Реальное, живое сознание и поведение – самые «богатые» по своим проявлениям общественные процессы. Фактически они отражают на эмпирическом уровне состояние общественного сознания и общественной деятельности в целом во всем его многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Именно они выступают чутким показателем состояния, хода развития и функционирования общественных процессов. Поэтому их исследование представляет важный инструмент для принятия научно обоснованных решений во всех без исключения сферах общественной жизни – от экономической до духовной.

Из сказанного выше ясно, что неправильно реальное сознание отождествлять с обыденным и противопоставлять теоретическому сознанию, с одной стороны, и массовому сознанию – с другой. Что касается массового сознания, то оно олицетворяет такое общественное явление, которое оперирует понятиями «массовые индивиды», «массы индивидов», «массовые общности» (37). При всей актуальности изучения массового сознания, его глубокой дифференциации все же остается открытым вопрос: а куда отнести сознание немассовое, отражающее позиции небольших, незначительных групп и слоев, отдельных личностей? Не столкнемся ли мы с фактами пренебрежения к тем формам сознания, что не подпадают под понятие «массовое»? Это тем более важно, поскольку известен печальный опыт игнорирования (в политической жизни) того сознания, которое в самом деле не отражало мнения массы, но было способно предвидеть и определять процесс познания общественной жизни. Не об этом ли говорит жизнь академика А.Д.Сахарова, гражданские позиции которого долгое время не разделялись официальными органами, не были поняты широкими кругами общественности?

Несовпадение массового сознания с реальным, практическим проявляется не только в случае опережения сознания отдельных людей или каких-то их групп, но и несоответствия сознания и поведения (в том числе и в негативном плане) массовому сознанию, когда ценности, установки, взгляды характеризуют особую позицию, особый уклад жизни и особое восприятие действительности. На наш взгляд, под понятие «массовое сознание» никогда не подпадает сознание новатора-художника, писателя, композитора, хотя по ряду показателей оно мало чем отличается от жизненных установок большинства людей. Под массовое сознание не подпадают и взгляды, мнения тех групп людей, которые в силу исторических и этнических причин не вошли в полный контакт с мировой цивилизацией и сохраняют приверженность своему укладу жизни.

Нужно сказать еще и о таком феномене, когда преувеличение роли массового сознания в недавнем прошлом являлось основанием для игнорирования и даже преследования тех, кто не вписывался в его рамки, «выпадал» из привычного, санкционированного, официально одобренного.

Поэтому, признавая большое значение такого явления, как массовое сознание, целесообразнее рассматривать реальное, практически функционирующее общественное сознание во всей его сложности, противоречивости, конфликтности, без изъятия из него сознания не только отдельных социальных общностей, но и отдельных людей.

На наш взгляд, надо обратить пристальное внимание на феномен социального настроения – доминантную характеристику общественного сознания и поведения людей, которая, как показывают результаты многочисленных социологических исследований, является устойчивой их характеристикой при возможных весьма изменчивых показателях отношения людей к конкретным экономическим и социальным реалиям. Именно феномен социального настроения наиболее ярко характеризует концепцию социологии жизни, так

как она оперирует реальными показателями отношения людей ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут (38).Но особенно важно для социологии познать процесс «превращения общественного сознания в общественную силу» (К.Маркс). Живое сознание и поведение – гораздо более богатые по содержанию специфические состояния общественной жизни, в которых переплетаются как научные, обоснованные знания, суждения и умозаключения, так и стихийное, продиктованное практическим опытом, непосредственное восприятие действительности и соответствующее ему действие. Иначе говоря, живое, практическое сознание и поведение – это реально функционирующая общественная жизнь во всем сложном переплетении как закономерных связей и отношений, так и случайных, единичных, а иногда и противоположных социальному прогрессу взглядов, идей и представлений. Именно такой подход к реальному сознанию и поведению – как к живому, полному противоречий и драматизма общественному явлению, функционирующему на эмпирическом уровне, в условиях непосредственно практического опыта, способному предвосхитить (или включить в себя) теоретическое сознание, позволяет объяснить на языке социологии многие процессы, выявить общее, присущее им не только во всех сферах общественной жизни, но и в условиях различных социально-экономических систем.

Однако, чтоб не впасть в субъективизм, следует отметить, что социологией жизни берется не просто сознание и поведение, а в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, олицетворяющих влияние всех видов общественной среды: макро-, мезо- и микросреды. Социолог призван учитывать «особые жизненные обстоятельства», определяющие сознание и поведение людей, «каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные)...»(39). Таким образом, сознание и поведение человека в конкретной социально-экономической обстановке, которые обусловливают появление различных социально-демографических, национальных, социально-профессиональных структур, и являются предметом социологии. Изучение сознания и поведения людей переводит социологию из плоскости регистрирующей науки в плоскость активной общественной силы, участвующей в решении всех без исключения актуальных проблем развития человечества.

Обобщая сказанное, можно сказать, что социология – это наука о движущих силах сознания и поведения людей как членов гражданского общества. Предмет социологии как науки включает: реальное общественное сознание во всем его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей, которые выступают как предметное воплощение (по форме и содержанию) знаний, установок, ценностных ориентации, потребностей и интересов, фиксируемых в живом сознании; условия, в которых развиваются и осуществляются реальное сознание и деятельность, действительное поведение людей.

Литература

1. См.: Социология в СССР. Т . I . М ., 1966. С.13.
2. Интересно отметить, что одним из первых, кто идентифицировал социологию и исторический материализм, был Э.Бернштейн (см.: Бернштейн Э. Спорные вопросы социализма. Берлин, 1921. С.14).
3. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С.227.
4. См., например: Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование. М., 1975. С.33–34.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.27. С.402.

6. Монсон П. Лодка на аллеях парка: Введение в социологию/ М., 1995.
7. Кареев Н. Общие основы социологии. Пг., 1919. С.8.
8. См.: Осипов Г.В, Социология как наука // Социальные исследования. Вып.2. М., 1968. С.29.
9. См.: Уледов А.К. Социологические законы. М., 1975. С.234 - 235.
10. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. 4.1. С.214..
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.4. С.220.
12. Вавилин Е.А., Фофанов В.П. Исторический материализм и категория культуры. Новосибирск, 1983. С.41.
13. Немчинов В . С . Избр. произв. Т . I . М ., 1967. С.374.
14. См.: Константинов В.Ф., Келле В.Ж. Исторический материализм – марксистская социология // Коммунист. 1966. № 1; Чесноков Д.И. Исторический материализм. М., 1964. С.10.
15. Глезерман Г., Келле В., Пилипенко Н. Исторический материализм – теория и метод научного познания и революционного действия // Коммунист. 1971. №4.
16. См.: О структуре марксистской социологической теории. М., 1970. С. 12; Иванов В.Н. Социология в системе научного управления обществом. М., 1984. С.8–9; Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С.641.
17. Вестник ЛГУ. Сер. Философия. 1986. № 2. С.93. См. также: СОЦИС. 1991. № 5; Ельмеев ВЛ. Социологический метод: теория, онтология, логика. СПб., 1995, с. 15.
18. Левада Ю.А. Лекции по социологии. 4.1. М., 1969. С.5.
19. См.: Зворыкин А.А. Исторический материализм как общесоциологическая теория и конкретные социальные исследования // Филос. науки. 1963. № 1.
20. См.: Ковалев А . М ., Козиков И.А. Научный коммунизм и конкретно-социологические исследования // Вестник МГУ. Сер. Философия. 1967. С.46–52; Слепенков И.М. Методологические прин ципы и методика конкретного социологического исследования. М., 1974. С.8.
21. Давидюк В.П. Прикладная социология. Минск, 1979. С.14.
22. См.: Философская энциклопедия. М., 1970. Т.5. С.85; Социологические исследования: результаты, проблемы и задачи // Коммунист. 1980. № 13. С.81.
23. Прикладная социология: Словарь. Минск, 1984. С. 197.
24. Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программы, методы. Самарск. ун-т, 1995. С. 19–20.
25. См.: Харчев А.Г. Предмет и структура социологической науки // СОЦИС. 1981. № 2. С.62; Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история: проблемы исторического процесса. М., 1981. С.96, 164, и др.
26. См.: Социология и реальность // СОЦИС. 1996. № 9, 11.
27. Там же.
28. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто ни когда не изменяется // СОЦИС. 1997. № 1.
29. Филиппов А. Ф. О понятии социального пространства. Тезисы доклада на Международном симпозиуме «Куда идет Россия?». М., 1996.
30. См.: Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // СОЦИС. 1990. № 2; Зборовский Г.Е., Орлов Г.П. Введение в социологию. Екатеринбург, 1992. С.41.
31. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация, Общество. М., 1992. С.534.
32. Заславская Т.Н., Рывкина Р.В. О предмете экономической социологии // Известия СПб. отд. АН СССР. Сер. Экономика и прикладная социология. 1984. Вып.1. С.12.
33. См.: Богданов А. Из психологии общества. СПб., 1906. С.57.
34. См. подробнее работы В.С.Барулина, Н.Б.Биккенина, А.И.Бурдиной, Э.В.Ильенкова, В.Ж.Келле, М.Я.Ковальзона, В.М.Межуева, О.Г.Нестеренко, А.Г.Спиркина, В.И.Толстых, А.К.Уледова, И.Т.Фролова.

35. См. подробнее: Тощенко Ж.Т. Возможна ли новая парадигма социологического знания // СОЦИС. 1991. № 7.
36. Ойзерман Т.Н. Философия и обыденное сознание // Вопросы философии. 1967. №4. С.127.
37. См.: Грушин Б.А. Массовое сознание. М., 1987. С.254. Следует отметить, что одними из первых этот термин использовали А.К.Уледов в работе «Структура общественного сознания» (М., 1968) и Г.Г.Дилигенский в книге «Рабочий на капиталистическом предприятии» (М., 1969).
38. См . подробнее: Тощенко Ж., Харченко С. Социальное на строение. М., 1996.
39. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.37. С.396.

Темы для рефератов

1. Этапы развития представлений об объекте социологии.
2. Гражданское общество как объект социологии.
3. Исторические судьбы советской социологии.
4. Этапы и проблемы возрождения социологии в 50–60-е годы в СССР.
5. Предмет науки социологии: генезис идей.
6. Проблема человека в социологии.
7. Реальное сознание и его социологическая интерпретация.
8. Реальное поведение и его эмпирические показатели.
9. Среда как предмет социологического анализа.

Вопросы и задания для повторения

1. Почему общество не может быть объектом изучения только социологической науки?
2. Перечислите, что имеется в виду, когда употребляется термин гражданское общество.
3. Перечислите, что общего и особенного у социологов различных научных школ.
4. В чем состояла суть дискуссии о социологии в 50–60-е годы?
5. Является ли социальное синонимом общественного?
6. Почему произошел поворот в представлениях о предмете социологии в 80–90-е годы?

Глава 3 СТРУКТУРА, КАТЕГОРИИ И ФУНКЦИИ СОЦИОЛОГИИ

При выяснении сущности и содержания социологии как науки помимо определения ее объекта и предмета требуется, во-первых, характеристика ее структуры, уровней социологического знания и других дифференцирующих признаков, которые позволяют представить науку как определенную логически непротиворечивую систему, особенно если учесть, что структура может быть выстроена по различным основаниям, что нашло достаточно широкое отражение в имеющейся социологической литературе.

Во-вторых, невозможно представить науку без соответствующего понятийного аппарата, категорий, которые бы отражали степень и глубину познания социальной реальности. Категории должны отражать то, что их связывает с другими науками, быть отражением общенаучных теорий и в то же время характеризовать те специфические особенности, которые присущи именно социологии.

В-третьих, наука не имеет качественной определенности, если точно не вычленены ее функции, в том числе и те, которые характерны только для нее.

И, наконец, социология как наука нуждается в обосновании ее самостоятельного статуса, который на качественном уровне позволяет разграничить ее с другими науками, отличить социологическое знание от философского, исторического и т.п.

Следует также отметить, что в науке поднимается вопрос об использовании наряду с понятием «теория» понятия «парадигмы науки». Использование этого понятия позволяет выявить такое состояние науки, которое связано с тем, что на определенном этапе ее развития возникает ситуация, когда совокупность накопленных научных данных не может быть объяснена с точки зрения существующей парадигмы. Тогда старая парадигма отбрасывается и на смену ей приходит новая (или новые), которая претендует на более точную и глубокую интерпретацию теорий, фактов, методов (1).

§ 1. РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К СТРУКТУРЕ СОЦИОЛОГИИ

В отечественной литературе по-разному решается вопрос о структуре социологической теории. Во-первых, были предприняты попытки рассмотреть ее по специальным социологическим теориям. Но их простое перечисление, без систематизации, приводило к тому, что социологическая теория представала перед нами как набор случайных (хотя важных и необходимых) проблем, не упорядоченных и не соотнесенных между собой. В подобной ситуации вся аргументация сводилась нередко к тому, стоит или не стоит включать в социологию то или иное направление эмпирических исследований, не является ли оно производным от какого-нибудь более «объемного» и широкого понятия. В результате создавалась своего рода дурная бесконечность, пределы которой было трудно ограничить и предугадать.

Во-вторых, структура социологии часто анализируется через призму актуальных проблем, имеющих отношение только к социальной системе (2). В соответствии с этой точкой зрения выделяются направления, которые, на взгляд исследователя, наиболее полно характеризуют механизм действия закономерностей социального развития во всех их многообразных проявлениях. Несомненно, такой подход к проблеме возможен. Однако нельзя не видеть, что если сосредоточить внимание только на них, в стороне остается ряд

серьезных проблем, связанных с другими актуальными проблемами, которые могут приобрести значение в условиях постоянно меняющегося мира.

В-третьих, структура социологической теории нередко объясняется с точки зрения уровней социологического знания и диалектики их взаимодействия. Трехуровневое деление социологии – общесоциологическая теория, специальные теории и, наконец, конкретные эмпирические исследования – исходит из факта, что общая теория и эмпирия всегда связаны между собой, но связаны, как правило, опосредованно, через промежуточные уровни научного знания(3)

Отдельные исследователи выделяют еще один уровень – уровень социальных показателей, который занимает место между специальными социологическими теориями и эмпирическими исследованиями (4). Специфика социологического знания подтолкнула некоторых ученых по-особому трактовать структуру социологического знания, фиксируя некий «средний уровень». На наш взгляд, это был очередной компромисс между официально утверждаемой концепцией об историческом материализме как общесоциологической теории и стремлением все же выделить «свою» социологическую теорию, которая долгое время камуфлировалась под так называемым уровневым срезом. Но такой подход, как точно отмечает А.В.Кабыща, напоминает русскую матрешку и мало что прибавляет к классификации науки и ее разделов.

В ситуации, когда социология отождествлялась с историческим материализмом, статус теорий среднего уровня (частных теорий) оказался двусмысленным. Если теоретический уровень социологии был представлен философией, то им не оказывалось в ней места, так как они являются теориями нефилософскими. Но они в то же время «теории». Так каково же их соотношение с теоретической социологией? Если же их отнести к эмпирическим исследованиям (они образовывали отдельный уровень), то не означает ли это, что эмпирия не имеет достойного научного статуса? И насколько оправданно выделять все эти уровни по разным основаниям?

Такая структуризация вызвала самые серьезные возражения со стороны одного из крупнейших социологов современности, француза П.Бурдье. Он обвинил американскую социологию в сговоре, в альянсе таких известных ученых, как Т.Парсонс, который взял на себя разработку общесоциологической теории, Р.Мертон, монополизировавший представление о «среднем уровне», и П.Лазарсфельд, который стал представлять уровень эмпирии. По мнению Бурдье, это идеологическое господство, раздел сфер влияния позволяет навязывать свою концепцию видения науки, не считаясь с другими заслуживающими внимания и имеющими глубокое научное обоснование подходами.

Очевидно, что трехуровневая модель социологии, сыграв определенную роль в ее развитии, в значительной степени исчерпала свои возможности. В настоящее время предприняты попытки не только усовершенствовать эту точку зрения, но и отказаться от нее. И прежде всего заслуживает поддержки стремление исследователей четко размежевать социологию с социальной философией.

На наш взгляд, чтобы определить структуру социологии, надо исходить из того, что понятие «социальная философия», которое нередко отождествляется с историческим материализмом, неравнозначно понятию социология. На это в свое время обратила внимание Г.М.Андреева, ратуя за необходимость пользоваться двумя различными системами абстракций – философской и социологической(5). Здесь мы не касаемся вопроса о том, что отсутствие научных разработок в социологии привело к поглощению ряда ее проблем историческим материализмом, ибо на существующие запросы

общественного развития нужно было отвечать, и при отсутствии социологии многие из традиционных ее разделов взяла на себя социальная философия.

§ 2. ОСНОВЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Теоретическая и эмпирическая социология. Данное деление является наиболее распространенным и признанным, ему посвящено немало работ в отечественной социологии. В их основе лежит разделение социологического знания на теоретическое и эмпирическое. В рамках теоретического знания разрабатываются социологические теории, осуществляются типологизация и классификация имеющейся (накопленной) социологической информации. Оно включает в себя и гипотетическое знание, которое в дальнейшем должно быть подтверждено или опровергнуто. К компетенции теоретического знания относится выявление закономерностей (законов), тенденций и перспектив развития как изучаемых процессов и явлений, так и самой социологической науки. Большое место в социологической теории отводится понятийному аппарату, уточнению его интерпретации как в свете накопленных данных, так и новой информации.

Теоретическое знание может быть представлено по степени осмысления всего объекта и предмета социологии или одной из их сторон, частей, фрагментов. «Дальнейший прогресс марксистской социологической науки как целостной и разветвленной системы знания связан и с развитием общей социологической теории, и с построением относительно самостоятельных теоретических подсистем, объединенных воедино по известным логико-гносеологическим принципам» (6).

Иногда в рамках теоретического знания выделяют теорию социологии и метасоциологию. Их отличие друг от друга состоит в том, что если объектом социологической науки является сама социальная реальность во всем многообразии своего проявления, то объектом метасоциологии является сама социология, ее познавательные возможности, закономерности ее развития. Следует отметить, что в нашей литературе синонимом метасоциологии является социология социологии и рефлексивная социология. Ряд исследователей обращает внимание на необходимость теоретического осмысления взаимосвязей метасоциологии и социологии. Отмечая сдвиг современной социологии «к субъективно-понимаемому», П.Монсон в этой связи поясняет: «Субъективность присутствует здесь двояким образом, частично в самом исследователе, частично – в объектах, в людях, которые он изучает. Вопрос о том, каким образом можно состыковать эти две субъективности, является важной методологической проблемой»(7). Теоретическое знание неоднозначно и поэтому не исключает существования различных концепций, взглядов, обобщений и парадигм. Это, собственно говоря, и отражает современная ситуация в социологии, которая характеризуется многообразием подходов к изучению одних и тех же проблем. Более того, существование различных теорий приводит к полемике, что в конечном счете обогащает социологию в целом.

Что касается эмпирического уровня знания, то оно представлено всеми видами и формами конкретной информации, включающими в себя совокупность статистических и документальных данных, социологических показателей и индикаторов развития изучаемых процессов и явлений.

Очевидно, что без особым образом организованного эмпирического знания не могут быть осмыслены реалии сознания и поведения человека ни в демографическом, ни в профессиональном, ни в национальном, ни в социально-правовом и других аспектах.

Фундаментальная и прикладная социология. Данное разделение социологии отвечает на вопрос: решает она только научные или практические задачи. Однако многолетний опыт социологических исследований показывает, что в них обычно соединены эти обе группы задач: «наличие в каждой отрасли знания теоретического и эмпирического уровня может рассматриваться в качестве одного из важных аргументов включения в систему социологической науки общесоциологических и конкретно-социологических исследований в качестве двух уровней единого знания» (8) С этим подходом коррелирует предложение рассматривать социологию как макро- и микросоциологию(9). Если первую интересует общество как целостный социальный организм, его структура, социальные институты, их функционирование и изменение, то микросоциология обращена к социальному поведению, межличностному общению, мотивации действия, социализации и индивидуализации личности, стимулам групповых поступков.

Но особенно плодотворно рассматривать взаимосвязь фундаментальных и прикладных аспектов социологии в рамках специальных социологических теорий.

Объектом и предметом специальных социологических теорий являются отдельные общественные явления, специфические их связи с другими явлениями и процессами, которые в своей целостности образуют гражданское общество. Они рассматривают не общие взаимодействия, существующие между всеми общественными явлениями, а лишь характерные связи между ними.

Для возникновения и становления специальных социологических теорий, как считает югославский ученый Д.Маркович, необходимо выполнение по крайней мере двух условий: а) нужно, чтобы данное явление могло быть предметом социологического анализа и чтобы между этим явлением и обществом объективно существовали специфические связи; б) необходимо, чтобы имелась общественная потребность в рассмотрении этого явления г, социологической точки зрения, т.е. в изучении специфических связей между этим явлением и обществом как совокупностью всех общественных отношений (10). Сегодня в нашей стране в большей или меньшей степени оформлено свыше 30 специальных социологических теорий. Некоторые из них получили статус фундаментальных дисциплин, другие – прикладных, третьи – теоретико-прикладных. Их положение все еще полностью не осмыслено и с точки зрения перспектив социологии, и с точки зрения общественных потребностей. Анализ места специальных социологических теорий в системе социологического знания предполагает постоянный критический обзор их развития, особенно тех, которые имеют непосредственное значение как для понимания места, роли и функций социологической науки в современных условиях, так и для повышения эффективности и качества исследований.

Особо подчеркнем, что если в социологии более чем в любой другой общественной науке, заметно разделение на теорию и эмпирию, то это ни в коем случае не означает, что они существуют раздельно, не взаимодействуя между собой. Следование кажущейся самостоятельности теории и эмпирии в практике работы социологов ничем, кроме глубоких научных и методологических просчетов, не оборачивается.

Функциональные социологии. Основанием для функциональной структуры социологического знания является деление жизни общества на различные сферы. В соответствии с таким подходом общественная жизнь имеет экономическую, социальную, политическую и духовную сферы. Эта точка зрения в отечественном обществе ведении формировалась постепенно (11).

Особенно трудно шло выделение в качестве самостоятельного объекта социальной сферы, которая и доныне (в равной мере как понятия «социальное развитие», «социальные отношения») рассматривается как грань экономического, политического или духовного или как синоним понятия «общественное».

Следует обратить внимание и на тот факт, что практика социологических исследований давно вышла за рамки социального. Социология проникла и в экономику, и в политику, и в культуру, т.е. мы можем говорить о социологических аспектах всех сфер общественной жизни. Соблазн свести социологическое к социальному очень велик, потому что на самом деле объектом значительного (если не подавляющего) большинства исследований являются процессы и явления социальной сферы. Поэтому не потеряло актуальности утверждение М.Т.Иовчука, что социологические науки «комплексно... исследуют взаимосвязанные процессы экономической, социальной, политической и т.п. жизни» (12).

В соответствии с этим мы выделяем экономическую, политическую социологию, социологию духовной сферы, социологию управления. Несколько сложнее с наименованием той отрасли социологии, которая замыкается на социальной жизни (в узком смысле этого слова). Выйти из этого положения предоставим будущему.

Что касается экономической социологии, то надо сразу отметить, что экономическую жизнь общества, связанную с реализацией целей и задач общественного производства, невозможно представить без сознания людей и соответствующего типа поведения, без потребностей и интересов субъективного фактора.

В сущности, речь идет о том, что «при разумном строе... духовный элемент, конечно, будет принадлежать к числу элементов производства...», ибо «мы имеем в действии два элемента производства – природу и человека, а последнего, в свою очередь, с его физическими и духовными свойствами...» (13).

Такой подход имеет и большое практическое значение, поскольку он оспаривает сложившиеся представления о том, что экономическая жизнь не содержит в себе идеальных моментов и что экономика – это комплекс проблем, имеющих отношение только к развитию производительных сил и обусловленных ими производственных отношений. Между тем и в сфере экономики осуществляется воздействие на сознание и поведение людей. В этом отношении мы полностью разделяем мнение советского экономиста А.И.Пашкова, еще в 70-х годах возражавшего некоторым ученым и практикам, выступившим за очищение политэкономии от экономической политики и идеологии (14).

Игнорирование человеческой специфики экономических отношений ведет к просчетам как в теории, так и на практике. В теоретическом отношении идентификация экономических и социологических методов означает, что экономические процессы предстают как полностью независимые от сознания и поведения людей, что ведет к объективизму, а в конечном счете и к отрицанию значения сознательной деятельности людей, их созидательного творчества и роли в историческом прогрессе.

В практическом отношении следствием этого становятся разрыв между словом и делом, желание все свести к взаимодействию средств и предметов труда и людей как элементов материального производства без учета их воли, желаний и устремлений.

Вместе с тем, исходя из объективного состояния и проблем развития экономической сферы, нельзя преувеличивать роль и значение идеальных моментов. При всей важности

экономического сознания его характеристика всегда нуждается в сопоставлении со статистическими показателями развития производства, условий труда, социальной деятельности людей. Только такой подход дает возможность социологии делать научно обоснованные выводы.

Обращаясь к другой сфере общества, к социальной жизни, следует отметить, что она в течение длительного времени в большинстве случаев отождествлялась с общественной жизнью. Когда в конце 50 – начале 60-х годов все настойчивее стала звучать аргументация в пользу специального изучения социальной сферы в отличие от общественной жизни в целом, то социологические аспекты ее функционирования практически не затрагивались. Приведем, к примеру, две точки зрения. Одна из них, как наиболее распространенная, характеризует социальные отношения как отношения между группами, классами, нациями, народностями, иногда сюда включаются отношения в семье и в трудовых коллективах.

Другая точка зрения рассматривает социальные отношения как: 1) отношения по обеспечению жизненными средствами, 2) отношения по воспроизводству природных данных человека, 3) отношения по приобщению к производству, 4) отношения по приобщению к общению (15). Если игнорировать факт, что в социальные отношения автором включаются и такие, которые входят в компетенцию экономических отношений, то остается одно – все они могут (и должны) подвергнуться глубокому социологическому анализу.

Такая постановка вопроса заслуживает всемерной поддержки и развития. Тщательный анализ социальной жизни подтверждает, что социологический аспект в ней присутствует в более сложном и полном виде. Сфера социальной жизни в значительной степени складывается вне воли и сознания людей, т.е. материальные отношения в них представлены в достаточно большом объеме. В то же время сознательное начало присуще ей в той мере, в которой возникают предпосылки для превращения классов, социальных слоев и групп в субъекты сознательной деятельности. Последнее означает, что в области социальных отношений гораздо сильнее, чем в экономике, проявляется сознательное начало, которое можно измерить.

В политической жизни роль социологии возрастает. Политика открывает огромный пласт перехода от объективного к субъективному, сознательному развитию. Она не только обобщает классовые интересы, но и концентрирует их. В данном случае речь идет о сосредоточении сил, воли, знаний и действий, т.е. о методах и формах выражения политической деятельности человека, классов и социальных групп.

Социологический аспект политической жизни обращен ко всему спектру чувств, мнений, суждений и отношений людей к процессам демократизации, гласности, возможностям осуществления своих прав и свобод. Социологические отношения властных отношений, особенности избирательной системы позволяют представить пути становления демократии, выявить болевые точки ее развития.

Важнейшее значение приобретают проблемы политической реформы, механизмов ее осуществления, устранения тех противоречий, которые возникают в процессе реализации ключевых идей правового государства.

Огромный блок политической социологии составляют международные отношения, способы и направления решения таких животрепещущих проблем, как война и мир,

региональные конфликты, возможность сотрудничества и перспективы безъядерного мира.

К проблемам политической социологии относятся деятельность политических организаций и объединений, формы и методы их работы в новых общественных условиях, способность оперативно откликаться на то или иное развитие событий. И наконец, объектом социологии в сфере политики является политическое сознание, анализ его реального состояния, функционирование политической культуры как одной из существенных предпосылок достижения прогрессивных целей.

Четвертой по счету, но не по значению является сфера духовной жизни общества – активной деятельности по освоению имеющихся культурных ценностей, созданию новых, распределению и потреблению накопленных.

Социологические исследования выявили острую необходимость комплексного развития духовной жизни. Они показали ущербность подхода, заключающегося в том, что долгое время по тем или иным объективным и субъективным причинам на первый план выдвигались отдельные направления культуры, образования, науки.

Духовная жизнь общества обычно анализируется с двух основных позиций. Во-первых, как категория, рядоположенная с экономикой, социальной и политической жизнью (16). При этом в духовной жизни выделяются проблемы образования, культуры, науки, а ее взаимодействие с другими сферами общественной жизни рассматривается как производное от социально-экономического развития. Согласно этой точке зрения, духовная жизнь не лишена активного начала: она играет самостоятельную роль и может влиять на все без исключения общественные процессы.

Во-вторых, духовная жизнь предстает не только как часть, но и как сторона общественного развития, сторона исторического процесса (17). При изучении любого общественного явления мы неизбежно выходим на уровень освоения теорий, концепций, взглядов, отношений людей, которые по своему содержанию и характеру являются духовными образованиями. Этот подход позволяет более эффективно и предметно исследовать «действительный процесс» во всем его противоречивом развитии (18). Однако этот подход не лишен серьезных издержек. И если он имеет определенное оправдание на уровне философского осмысления, то на уровне социологического знания он мало плодотворен и имеет очень серьезные ограничения как методологического, так и методического характера. Такой подход в известном смысле включает в себя все общественные процессы, все общество, в результате социолог, работающий на эмпирическом уровне, сталкивается с трудноразрешимыми задачами.

Особое значение для анализа проблем духовной жизни приобретает соотношение материального и идеального в ее развитии. В этом случае следует иметь в виду, что в системе образования, художественной культуре идеальное является ведущим, хотя присутствуют и материальные аспекты: степень развитости материальной базы, достигнутый предшествующими поколениями уровень знаний и т.д. (19). Таким образом, духовная жизнь общества представляет собой процесс производства, распространения, формирования и реализации духовных ценностей. Этот процесс является сложным, многоплановым и неоднозначным, поэтому так важно определить основные его составляющие. К таким структурным элементам следует отнести процесс социализации личности, систему образования, массовую информацию, культурно-просветительную деятельность, литературу, искусство, науку.

Сквозным для всех подсистем духовной жизни является тот факт, что сознание и поведение человека выступают объектами главного интереса конкретных исследований, когда многообразие духовного мира порождает возможность различных подходов и способов решения возникающих общественных проблем.

В заключение несколько слов о социологии управления. Она связана с использованием особого класса задач – механизма регулирования социальных процессов – и поэтому может рассматриваться самостоятельно, на уровне выявления неких общих характеристик, независимо от конкретных обстоятельств, а может применяться в рамках каждой из сфер общественной жизни и составляющих их элементов, что требует выявления и анализа специфических особенностей управления в каждой конкретной области сознания и поведения людей.

§ 3. КАТЕГОРИИ СОЦИОЛОГИИ

Понятийный аппарат социологии в современной отечественной науке трактуется по-разному, ибо исследователи исходят из различных теоретико-методологических оснований. Распространенный прием, и особенно в рамках теоретической социологии, когда на вооружение берется понятийный аппарат социальной философии с ее многовековой традицией и выверенной временем лексикой, отражающей реальность и все его проявления в современном мире. Злоупотребляют понятийным аппаратом социальной философии и историки социологии, которые (вольно или невольно, осознанно или неосознанно) берут на вооружение анализ социальной мысли, осуществленный философией, и присваивают его себе. Из-за нерасчлененности социального и социологического, некоторые авторы доходят до анекдотических утверждений, что в Древнем Китае вовсю функционировали социологи, в том числе и в армии. То, что и тогда существовали социальные проблемы, – это бесспорно. Но были ли они социологическими – этот вопрос скорее к мировосприятию автора, чем к науке.

На наш взгляд, категории, которые характеризуют сущность и содержание социологической науки, можно подразделить на несколько групп.

Первая группа связана с анализом объекта социологии, а также с характеристикой связей (взаимосвязей) социологии с общенаучными представлениями о мире. Поэтому социологу предстоит знать точки зрения на общество, государство, классы, нации (компетенция общенаучной теории) и на гражданское общество и его структуру (компетенция теоретико-методологических основ науки).

Вторая группа категорий охватывает большую совокупность понятий, трактующих и объясняющих предмет социологии. Во-первых, всего того, что связано с характеристикой сознания (индивидуальное, групповое, общественное), с его видами (политическое, экономическое, нравственное, религиозное и т.д.), с его структурой (знание, убеждение, ценности, мотивы, установки и т.д.), с его специфическими характеристиками (общественное мнение, массовое сознание).

Во-вторых, это понятия, характеризующие реальное поведение (действия) людей, что предполагает его дифференциацию и интерпретацию как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Это относится к видам поведения (деятельности) людей, их взаимосвязям с сознанием (социальное настроение) и между собой. Такой подход предполагает анализ как позитивных, так и негативных видов деятельности.

В-третьих, в понятийном аппарате нуждается и заключительный компонент предмета социологии: условия, в которых реализуются (или не реализуются) сознание и поведение людей. Поэтому понятия макро-, мезо- и микросреды, социальной инфраструктуры – это такой набор, без которого трудно понять всю сложность социального мира.

Третья группа категорий касается субъектов реального сознания и поведения: индивида, социальной группы (слоя), класса. Значительное место занимают особые группы субъективного действия – народности, народы, этносы. Многие понятия связаны с семьей. Сюда относятся также группы отклоняющегося поведения.

Четвертая группа касается инструментов социологического познания, тем более что они весьма специфичны по сравнению с другими социальными науками. Здесь важна как совокупность методологических категорий (программа, гипотезы, сценарий и т.д.), так и методов (наблюдение, опрос, контент-анализ, интервью, эксперимент и т.д.). Специфичными предстают перед читателями проблемы обработки социологической информации, ее анализа, интерпретации полученных результатов.

Пятая группа – это категории и понятия, углубляющие наши представления о функциях социологии. Но если первая из них – теоретико-познавательная – коррелирует с аналогичным аппаратом других групп, то управленческая функция выдвигает ее в число познаваемых огромное количество явлений и процессов, таких как предвидение, прогнозирование, проектирование, планирование, программирование, социальные технологии и т.д.

И, наконец, особо следует сказать о тех понятиях, которые одновременно служат и социологии, и другим самостоятельным отраслям научного знания. Так, у социологии имеется много родственных понятий с демографией (миграция, продолжительность жизни, здоровье и т.д.), с социальной психологией (общение, эмоции, самочувствие и т.д.), с политологией (власть, электоральное поведение и т.д.).

Вместе с тем категории и понятия социологии имеют свои границы, и чтобы не превращать их перечисление в дурную бесконечность, следует руководствоваться вышеназванными соображениями.

§ 4. ФУНКЦИИ СОЦИОЛОГИИ

Как общественная наука социология выполняет теоретико-познавательную и управленческую функции. В свою очередь, они могут образовывать производные функции, которые иногда в литературе трактуются как самостоятельные. К ним нередко относят мировоззренческую, просветительную, прогностическую, профилактическую, практическую и т.п. Но, на наш взгляд, они все зависимы от первых двух.

Теоретико-познавательная и управленческая функции социологии тесно взаимосвязаны. Диалектико-материалистический взгляд на историю является базой для долгосрочного прогноза и в то же время выполняет функции методологии исследования общественной жизни, сознания и поведения людей. Теоретические основы и концептуальный аппарат социологии позволяют детально анализировать общественные процессы (вплоть до построения имитационных статистических моделей), а также прогнозировать их развитие с учетом многообразных и специфических условий в заданных границах места и времени.

Теоретико-познавательная функция социологии направлена на выяснение сущности, природы человеческого сознания и поведения в определенных общественных условиях, обращена к познанию проблем настоящего и будущего данного общества с учетом многообразия конкретно-исторических и социально-культурных условий его развития. Она имеет целью изучение и выработку рекомендаций по решению проблем, возникающих во всех сферах общественной жизни, в более или менее широких пространственно-временных интервалах, относящихся к различным социальным группам и общностям. Социология опирается на систематизированные и постоянно обновляемые факты общественной действительности, используя для их установления специальные, свойственные только ей методы анализа.

Полученная в процессе социологических исследований информация, как правило, служит основанием для дальнейшего развития теоретических положений. Те исходные методологические идеи, которые социолог закладывает в своем исследовательском проекте, обогащаются выводами проведенных исследований и позволяют получить новое знание.

Вместе с тем прирост нового знания достигается в том случае, если четко сформулирована социальная проблема, которая обычно регистрируется как противоречие между потребностями общественного развития и субъективной деятельностью людей.

Для выработки предложений по устранению имеющихся противоречий анализируется как объективная, так и субъективная социальная информация. На современном этапе общественного развития все больше и больше повышается интерес к информации, которая характеризует внутренний мир людей, их намерения, ориентации, мотивы, ценности и готовность действовать во имя их претворения в жизнь. Собственно, подход к предмету социологии, призванный рассматривать реальное сознание и поведение людей, можно также трактовать как попытку субъективировать общественные процессы. Однако нужно ясно понимать, что изучение состояния, выявление тенденций и проблем практического сознания и поведения людей обязательно предполагает учет объективных условий, использование объективной информации. Именно такое сочетание дает реальную картину и достаточно всесторонне фиксирует то, что происходит в жизни страны, в социальных группах и особенно в сфере труда и быта.

Что касается управленческой функции социологии, то она заключается в нахождении разумных способов решения конкретных общественных проблем здесь и сейчас, равно как и проблем, которые могут возникнуть в результате определенных управленческих воздействий там и потом. Реализация этой функции тесно связана с обеспечением постоянно обновляемой информации о состоянии и тенденциях развития общественных процессов и явлений. Важным моментом является прогноз ближайших и более отдаленных последствий, что позволяет минимизировать негативные тенденции.

К управленческой функции следует отнести и те способы ее воздействия на общественные процессы, которые нередко выделяют в самостоятельную функцию – идеологическую. На наш взгляд, в этом нет необходимости, ибо идеологический компонент присущ всем без исключения функциям социологии.

В настоящее время остро встал вопрос о более эффективном участии социологии в решении актуальных социальных проблем обновления общества. В этой связи нуждается в осмыслении реальный опыт организации и проведения социологических исследований, который в большинстве своем складывается под влиянием потребностей практики.

Прежде всего необходимо назвать исследования, направленные на изучение состояния, тенденций и основных проблем экономической и политической жизни. Большое развитие получил анализ политических процессов, деятельности средств массовой информации. Широко известен опыт центров по изучению общественного мнения, деятельность которых связана не только с выполнением научно-исследовательских задач, но и с решением прикладных задач экономической и социальной политики.

Все большее место занимают вопросы национальных и межнациональных отношений. Всплеск конфликтов, этническая напряженность стимулировали деятельность социологов по поиску путей выхода из кризиса. Их данные активно используются в решении проблем малых народов, при определении пределов и границ национальных суверенитетов.

Но, пожалуй, центральное место отводится путям перехода к рыночным отношениям, политическим и социальным последствиям вхождения людей в новые экономические реалии. Перед социологами труда, специалистами по индустриальной социологии встали принципиально новые вопросы, которые было трудно предвидеть еще десять лет тому назад: наличие многообразных форм собственности, в том числе и частной, начало функционирования совместных (с иностранными фирмами) предприятий, создание новых, в том числе и горизонтальных, связей между ними. В 1990 году впервые был зарегистрирован новый фактор экономического сознания и поведения людей – осознание грядущей безработицы, которая вызывает тревогу практически у каждых двух из пяти человек.

Особую значимость приобретает участие социологии в рассмотрении таких проблем, как насилие и преступность в обществе, что стало важным показателем происходящих в обществе изменений.

Изучение реальных ситуаций, на решение которых может быть направлена управленческая функция социологии, резко увеличило значение экологических и духовно-нравственных проблем. Причем значение последних кризис в экономике не ослабил, а, наоборот, усилил. Их роль в преобразовании жизни людей возросла.

Таким образом, анализ состояния общественного сознания и поведения людей, тенденций их изменения в условиях функционирования экономических, социальных, политических и духовных отношений – все это стало предметом исследовательских задач социологической науки. Она призвана обогатить теоретические воззрения о нынешнем этапе развития современного общества, помочь практике рекомендациями о возможностях оптимального воздействия на общественные процессы.

§ 5. МЕСТО СОЦИОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

До недавнего времени место социологии среди других общественных дисциплин выяснялось главным образом при обсуждении ее соотношения с историческим материализмом и теорией научного коммунизма. От полного отождествления с истматом до роли обслуживающей дисциплины, от трактовки истмата как методологической основы социологии до отрицания ее полной самостоятельности – вот спектр мнений, который был предметом обсуждения в 60-80-х годах. По существу, в полемике выяснялся лишь один вопрос: какие области научного знания можно было «отдать» социологии, а какие оставить за собой. Но в большинстве случаев давался один ответ – социология рассматривалась как вспомогательная дисциплина, как поставщик конкретной информации, а научное осмысление эмпирических данных осуществлялось другими.

Конечно, в ходе этих споров высказывались и иные точки зрения, но все они так или иначе отказывали социологии в праве на самостоятельную роль, приспосабливая ее к существующей структуре философского знания, и в лучшем случае искали компромисс между различными точками зрения, но опять же за счет социологии(20). Аналогичные дискуссии были характерны и при рассмотрении взаимосвязи социологии и теории научного коммунизма. В 70 - 80-е годы появился ряд работ, в которых предмет теории научного коммунизма, определяемый как изучение социально-политических закономерностей становления социализма и коммунизма, отождествлялся с предметом социологии (21).

Однако, как показала практика социологической науки, такие споры оказались бесплодными и были опровергнуты самой жизнью. И этот новый подход проявился не в том, что было найдено правильное соотношение с истматом и научным коммунизмом, а в том, что под вопрос была поставлена правомочность существования последних. И после дискуссий конца 80 – начала 90-х годов в научном мире пришли к выводу, что при решении фундаментальных вопросов о проблемах общества лучше всего оперировать понятием «социальная философия».

Социальная философия концентрирует внимание на крупномасштабных общественных явлениях, нацелена на установление закономерностей развития человеческого общества. Опираясь на конкретно-исторические реалии, социальная философия стремится выявить общие тенденции и закономерности, тогда как социология, используя знание этих общих закономерностей, осуществляет анализ роли и места человека в жизни общества, его взаимодействия с другими членами общества в рамках различных социальных институтов, исследует специфику общностей разного типа и уровня. Следовательно, новая постановка вопроса сразу сняла много неопределенных моментов в соотношении социологии с философскими дисциплинами и четко обозначила ее место среди фундаментальных наук об обществе.

В последнее время актуализировался вопрос о соотношении социологии с политическими науками, с политологией. Имея общий предмет исследования, они между тем серьезно отличаются друг от друга. Социология по сравнению с политологией не претендует на всеобщий анализ проблем власти, в центр своего внимания ставит более скромную и определенную задачу – выявить место, роль и позицию людей, социальных групп и слоев в сфере политических отношений.

По многим вопросам, касающимся производства, распределения, потребления и обмена, социология имеет много общего с экономическими науками. Взаимодействуя с ними, социология участвует в анализе поведения работника при решении всех без исключения экономических, организационных, технических, управленческих и т.п. задач, связанных с функционированием форм собственности. Социология помогает экономическим наукам освободиться от бессубъектного рассмотрения производства, в полном объеме оценить возможности знаний, воли, мотивов, желаний человека и их влияния на рост производительности труда, качество продукции, повышение социальной эффективности народного хозяйства.

Правовыми науками также накоплен богатый опыт использования социологических данных при изучении властных отношений, процессов функционирования правовой культуры. Статистические методы в сочетании с субъективной информацией дают возможность оценить состояние и тенденции развития законности, управления, государственности, пути реализации прав и свобод всех граждан общества.

Плодотворна роль социологии во взаимодействии с историческими науками, что позволяет им расширить традиционный инструментарий для решения своих познавательных целей и задач. Широкое поле открывается и при исследовании проблемы исторического сознания – приоритет социологии здесь неизмерим по сравнению с другими научными методами.

Большое влияние оказывает социология на развитие этики и эстетики, давая количественную и качественную оценку степени развитости норм и ценностей, регулирующих отношения между людьми, а также уровню зрелости эстетического вкуса, путям и формам удовлетворения духовных потребностей и т.п. Взаимоотношения в семье, в коллективе, состояние нравственности можно во многом установить с помощью специфических методов, которые находятся в распоряжении социологии.

Значительный удельный вес в социологии занимает комплекс вопросов, относящихся к компетенции экологии и медицины. Проблемы здоровья, охраны природы, окружающей среды невозможно в полном объеме представить без анализа экологического сознания, физической культуры, различных аспектов милосердия.

В обосновании проблем градостроительства, территориального размещения людей, пространственной структуры расселения, в создании новых городов также потребовалось участие социологии, ибо игнорирование сложившегося уклада жизни людей, их традиций и склонностей привело к целому ряду серьезных ошибочных решений, таких, как ликвидация бесперспективных деревень, внедрение многоэтажного строительства в сельской местности, отказ от применения ландшафтной архитектуры и др.

Существуют связи социологии с естественными и точными науками. Именно в процессе взаимодействия с биологией нашел свое специфическое выражение системный подход, получили развитие социальная экология и социальная медицина. Крепнет сотрудничество социологии с математической наукой, так как трудно представить ее без специальных математических методов, обеспечивающих эффективность и достоверность эмпирического исследования.

Важное значение в развитии социологии приобретают междисциплинарные связи. На междисциплинарной основе возникла социальная психология, развивается социолингвистика, проходит стадию становления социопедагогика. Для всех этих новых направлений науки вклад социологии состоит, во-первых, в «замыкании» проблематики на структурных социально-групповых носителях особых интересов, во-вторых, в широком использовании специфических методов и приемов исследования, дающих возможность расширить фактологическую базу всего гуманитарного знания. Итак, смысл вычленения социологии из всей системы наук, и прежде всего обществознания, состоит в том, чтобы выйти на анализ сознания и поведения людей в единстве объективных и субъективных факторов.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
2. См., например: Фетисов В.Я. К вопросу о структуре социологического знания // Вестник ЛГУ. Сер. Экономика, философия, право. 1974. № 23. С.54; Марксистско-ленинская социология. М., 1988. С.10-11.
3. См.: Ильичев Л.Ф. Исторический материализм: Проблемы методологии. М., 1983; Осипов Г.В. Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1979. С.179.

4. См.: Пилипенко Н.В., Руткевич М.Н. О содержании и структуре социологического знания // Философские науки. 1987. № 7. С.11.
5. См.: Андреева Г.М. Марксистская социология и ее задачи // О структуре марксистской социологической теории. С.28–29.
6. Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. М., 1987. С. 15.
7. Монсон П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М.,1995. С.66.
8. Воробьев Н.А. Методологические проблемы анализа объекта социологического исследования. Барнаул, 1974. С.256–257.
9. Руткевич М.Н. Макросоциология. М., 1995.
10. Маркович Д. Социология труда / Пер. с сербохорв. М., 1988.
11. Одним из первых эту идею высказал В.П.Рожин в работе «Введение в марксистскую социологию» (Л., 1962. С.95). В дальнейшем обоснование этой точки зрения получило у В.Г.Афанасье ва, В.С.Барулина, М.В.Лашиной, В.П.Тугаринова, Б.А.Чагина и др.
12. Иовчук М.Т. Марксистско-ленинская социология в СССР и исследования проблемы развития духовной жизни социалистического общества // Философские науки. 1967. № 4. С.22.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т . I . С .555.
14. См.: Пашков А.И. Вопросы экономической науки. М., 1973. С.511.
15. См.: Перфильев М.Н. Общественные отношения. Л., 1974. С.164-181.
16. См.: Журавлев В.Б. Проблемы духовной жизни общества. Ростов, 1972; Рожин В.П. Введение в марксистскую социологию. Л., 1962.
17. См.: Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. Ростов н/Д, 1979; Уледов А.К. Духовная жизнь общества. М., 1980; Чурбанов В.Б. Культура и формирование личности в социалистическом обществе. М., 1981.
18. См.: Общественное мнение и его формы. М., 1986.
19. О некоторых аспектах этого соотношения см.: Барулин В . С . Соотношение материального и идеального в обществе. М., 1977.
20. См., например: Федосеев П.И. К вопросу о предмете марксистско-ленинской социологии // СОЦИС. 1982. № 3. С.28.
21. См.: Слепенков И.М. Научный коммунизм и конкретные социологические исследования. М., 1984. С.29; Советская социология. Т.1. М., 1982. С.8; Фетисов В.Я. Научный коммунизм как социологическая теория. Л., 1983.

Темы для рефератов

1. Характеристика взглядов на структуру социологии.
2. Теоретическая социология: сущность и содержание.
3. Эмпирическая социология.
4. Фундаментальная социология.
5. Прикладная социология.
6. Предметные (функциональные) социологии.
7. Категориально-понятийный аппарат социологии.
8. Теоретико-познавательная и управленческая функции социологии.

Вопросы и задания для повторения

1. Дайте характеристику трехуровневого деления социологии.
2. Что такое теоретическая и эмпирическая социология?
3. Соотношение фундаментальной и прикладной социологии.
4. Классификация видов фундаментальной социологии.
5. Виды категорий в социологии.
6. Назовите и охарактеризуйте функции социологии.

7. Как соотносится социология с социальной философией, экономической теорией, политологией, правом и другими науками?

Глава 4 НАУЧНЫЙ МЕТОД В СОЦИОЛОГИИ

История социологии свидетельствует о сложном пути становления, развития и обогащения методов изучения социальной реальности.

На первых порах становления социологии ее приемы и способы познания действительности мало отличались от тех, которые использовались уже существующими науками – философией, правом, историей. Однако и на этом этапе – что нашло особенно яркое воплощение в позитивизме – социология ориентировалась на изучение конкретных данных, «осязаемой» информации, которые, как и в точных науках, могли получить как качественную, так и количественную интерпретацию.

Социология постепенно накапливала свои методы познания, особенно когда это касалось эмпирических исследований. Отдельные документы, опросные листы, интервью, анализ документов получили завершенную целостную интерпретацию в основном в 20-е годы XX века, когда можно было говорить о более или менее научно обоснованных методах, процедуре, методике и технике, дающих возможность всесторонне проанализировать изучаемое явление, что резко повышало научную и практическую значимость социологии.

В данной главе дается представление об основном методе эмпирической, прикладной социологии, без которого трудно представить результаты и выводы социологии теоретической. Именно потому, что специфика научного метода в социологии очень значительна по сравнению с другими социальными науками, представляется обоснованным познакомить с ним тех, кто изучает эту науку. При необходимости этот краткий экскурс может быть развернут в самостоятельные учебные курсы, в том числе и по методам сбора и обработки информации.

§ 1. ВИДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В наиболее общем виде социологическое исследование можно определить как систему логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, связанных между собой единой целью: получить достоверные данные об изучаемом явлении или процессе, о тенденциях и противоречиях их развития, чтобы эти данные могли быть использованы для приращения научного знания или в практике управления общественной жизнью (1). Социологическое исследование включает сменяющие друг друга этапы: разработка программы и инструментария; сбор информации; подготовка собранной информации к обработке и ее обработка; анализ полученной информации, подведение итогов исследования, формулировка выводов и рекомендаций.

Несмотря на то, что каждое социологическое исследование, претендующее на цельность и законченность, включает вышеназванные этапы, единой, унифицированной формы социологических процедур, пригодных для изучения различной сложности проблем, не существует.

Конкретный вид социологического исследования обусловлен характером поставленных в нем цели и задач. Именно в соответствии с ними и различают три основных вида социологического исследования: разведывательное, описательное и аналитическое.

Разведывательное {исследование} решает весьма ограниченные по своему содержанию задачи. Оно охватывает, как правило, небольшие обследуемые совокупности и основывается на упрощенной программе и сжатом по объему {инструментарии}.

Разведывательное исследование используется для предварительного обследования определенного процесса или явления. Потребность в таком предварительном этапе, как правило, возникает тогда, когда проблема или мало, или вообще не изучена. В частности, он успешно применяется для получения дополнительной информации о предмете и объекте, для уточнения и корректировки гипотез и задач, инструментария и границ обследуемой совокупности в углубленном, широкомасштабном исследовании, а также для выявления трудностей, которые могут встретиться в дальнейшем.

Выполняя вспомогательные задачи, разведывательное исследование служит поставщиком оперативных данных. В этом смысле можно говорить о такой его разновидности, как экспресс-опрос, цель которого состоит в получении отдельных сведений, особо интересующих исследователя в данный момент.

С помощью оперативных опросов определяют отношение людей к актуальным событиям и фактам (зондаж общественного мнения), а также степень эффективности только что проведенных мероприятий. Нередко к таким опросам прибегают для оценки хода и результатов различных общественно-политических кампаний.

Обычно в разведывательном исследовании используется какой-либо один из наиболее доступных методов сбора первичной социологической информации, дающий возможность сделать это в короткие {сроки}. Кроме того, если речь идет об уточнении предмета и объекта широкомасштабного исследования, может быть осуществлен анализ специальной литературы, а также проведен опрос компетентных специалистов (экспертов) либо лиц, хорошо знающих характерные черты и особенности объекта исследования.

Описательное исследование – более сложный вид социологического анализа, который позволяет составить относительно целостное представление об изучаемом явлении, его структурных элементах. Кроме того, осмысление, учет такой всесторонней информации помогает лучше разобраться в обстановке, более глубоко обосновать выбор средств, форм и методов управления общественными процессами.

Описательное исследование проводится по подробно разработанной программе и на базе методически апробированного инструментария. Его методологическая и методическая оснащенность делает возможными группировку и классификацию элементов по тем характеристикам, которые выделены в качестве существенных в связи с изучаемой проблемой.

Описательное исследование обычно применяется в тех случаях, когда объектом служит относительно большая общность людей, отличающаяся разнообразными характеристиками. Это может быть коллектив крупного предприятия, где трудятся люди разных профессий и возрастных категорий, имеющие различные стаж работы, уровень образования, семейное положение и т.д., или население города, района, области, региона. В таких ситуациях выделение в структуре объекта относительно однородных групп дает возможность осуществить их оценку, сравнение и сопоставление интересующих исследователя характеристик, а, кроме того, выявить наличие и степень развитости связей между ними.

Выбор методов сбора информации в описательном исследовании определяется его задачами и направленностью. Их сочетание повышает представительность, объективность, полноту социологической информации, а следовательно, позволяет делать более обоснованные выводы и рекомендации.

Аналитическое социологическое исследование ставит своей целью углубленное изучение явления, когда нужно не только описать структуру, но и узнать, что определяет его основные количественные и качественные параметры.

В силу такого предназначения аналитическое исследование имеет особенно большую научную и практическую ценность.

Если в ходе описательного исследования устанавливается, есть ли связь между характеристиками изучаемого явления, то в ходе аналитического выясняется, носит ли обнаруженная связь причинный характер. Например, если в первом случае фиксируется наличие связи между удовлетворенностью содержанием выполняемого труда и его эффективностью, то во втором случае рассматривается, является ли удовлетворенность содержанием труда основной или неосновной причиной, т.е. фактором, влияющим на уровень его эффективности.

Поскольку реальность такова, что назвать в «чистом виде» какой-либо один фактор, определяющий черты и характеристику любого социального процесса или явления, практически невозможно, постольку почти в каждом аналитическом исследовании изучается совокупность факторов. Из нее и выделяются факторы основные и неосновные, временные и постоянные, управляемые и неуправляемые, присущие данному социальному институту или организации и т.д.

Подготовка аналитического исследования требует значительного времени, тщательно разработанной программы и инструментария. По используемым методам сбора социологической информации аналитическое исследование носит комплексный характер. В нем, дополняя друг друга, могут применяться различные формы опроса, анализа документов, наблюдения. Естественно, это требует умения взаимоувязывать, «состыковывать» информацию, полученную по разным каналам, придерживаться определенных критериев ее интерпретации. Тем самым аналитическое исследование существенно отличается не только содержанием своего подготовительного этапа и этапа сбора первичной информации, но и подходом к анализу, обобщению и объяснению полученных результатов.

Разновидностью аналитического исследования можно считать социальный эксперимент. Его проведение предполагает создание экспериментальной ситуации путем изменения в той или иной степени обычных условий функционирования объекта. В ходе эксперимента особое внимание уделяется изучению «поведения» тех включенных в него факторов, которые придают объекту новые черты и свойства.

Подготовка и проведение любого эксперимента – дело достаточно трудоемкое и требующее специальных знаний и методических навыков. Особенно это важно тогда, когда речь идет о внедрении новых форм социальной организации, о коренных изменениях в общественной и повседневной жизни людей и т.п., глубоко затрагивающих личные, групповые и общественные интересы. В ряде случаев эксперимент не просто желателен, а необходим. Он позволяет избегать случайностей и непредвиденных последствий, увереннее, с научной обоснованностью предлагать практике новые формы и методы управления.

В зависимости от того, рассматривается предмет в статике или в динамике, могут быть выделены еще два вида социологического исследования – точечное и повторное.

Точечное исследование (его еще называют разовым) дает информацию о состоянии и количественных характеристиках какого-либо явления или процесса в момент его изучения. Эта информация в определенном смысле может быть названа статической, поскольку отражает как бы моментальный «срез» объекта, но не дает ответа на вопрос о тенденциях его изменения во времени.

Сравнительные данные могут быть получены лишь в, результате нескольких исследований, проведенных последовательно через определенные промежутки времени. Подобные исследования, основанные на единой программе и инструментарии, называются повторными. По сути дела, они представляют собой средство сравнительного социологического анализа, который направлен на выявление динамики развития объекта.

В зависимости от выдвигаемых целей повторный сбор информации может проходить в два, три и более этапа. Длительность временного интервала между первоначальной и повторной стадиями исследования самая различная, ибо общественные процессы обладают неодинаковой динамикой и цикличностью. Часто именно свойства объекта подсказывают временные интервалы повторных исследований. Например, если изучаются тенденции в осуществлении жизненных планов выпускников средних школ и первый раз их опросили перед выпускными экзаменами, то очевидно, что ближайший срок повторного исследования – после завершения приема в вузы или поступления на работу.

Особый вид повторного исследования – панельное. Допустим, в ходе повторного исследования выясняется степень эффективности образования. Обычно она определяется независимо от того, как изменился объект за период между первоначальной и повторной стадиями исследования. Панельное же исследование предусматривает неоднократное изучение одних и тех же лиц через заданные интервалы времени. Поэтому для панельных исследований целесообразно соблюдать такие интервалы, которые позволяют максимально сохранять стабильность исследуемой совокупности по ее величине и составу. Эти исследования дают хорошую возможность обновлять и обогащать информацию, отражающую динамику, направленность развития (2). Помимо названных в социологии используются – хотя значительно реже – специальные виды социологических исследований.

Один из них – монографическое исследование , которое нацелено на всестороннее, «глобальное» изучение избранного социального процесса или явления на одном из объектов, взятом в качестве представителя целого класса аналогичных объектов. Очень часто монографическое социологическое исследование дополняется использованием методов других наук – истории, экономики, культурологии, лингвистики и т.п. Образцом такого монографического исследования (к сожалению, забытого) можно считать работу академика А.Н.Большакова «Деревня (1917–1927 гг.)», построенную на изучении всех сторон жизни одной из волостей Тверской губернии(3).

Значительный интерес представляют когортные исследования, которые изучают специфические совокупности людей в течение определенного времени, например года, переживших одновременно одно и то же событие (вступивших в брак, призванных в армию, поступивших в вуз и т.д.). Когорту, образованную по году рождения, называют поколением. Примером такого исследования является книга Б.Ц.Урланиса «История одного поколения» (4).

В наступившей поре открытости всему миру все чаще стали проводиться международные, кросскультурные исследования, которые основаны на сравнении и сопоставлении явлений и процессов в различных странах. При всей их значимости, привлекательности следует отметить одну большую методологическую сложность – трудности в интерпретации как задач и стратегии исследования, так и полученных результатов, ибо накладываются на них такие специфические особенности, которые обусловлены различным менталитетом, культурным опытом, традициями, способами исследования и решения назревших социальных проблем.

Такова в общих чертах выстроенная по разным основаниям классификация видов социологического исследования.

Правомерно поставить вопрос: имеется ли зависимость между социальными явлениями и видами их социологического исследования, с помощью которых они могут быть изучены? В принципе жесткой зависимости здесь нет. Практически любое социальное явление может изучаться на уровне разведывательного, описательного или аналитического исследования, имеющего точечный или повторный (панельный) характер и использующего различные методы сбора первичной информации. В свою очередь, для любого вида социологического исследования не существует «запрета» на анализ тех или иных явлений и процессов – каждое способно дать о них определенный объем научной информации.

Качество социологической информации в значительной степени повысится, если предусмотреть до основного проведение пробного исследования. Оно является способом проверки обоснованности выдвигаемых гипотез и задач, а также методического уровня и отработанности инструментария сбора социологической информации. Пробное исследование помогает оце т нить правильность построения соответствующей модели выборки и внести в нее в случае надобности определенные коррективы, уточнить некоторые характеристики объекта и предмета исследования, обосновать расходы и сроки всех исследовательских процедур. Большое значение пробное исследование имеет и для тренировки интервьюеров и анкетеров.

Образно говоря, пробное исследование можно рассматривать как генеральную репетицию главного исследования, позволяющую сделать первые выводы о том, насколько успешно прошел этап подготовки к нему и каких результатов можно ожидать.

Сказанное вместе с тем не означает, что сам социолог в конкретном случае не связан в выборе того или иного вида исследования. Направленность такого выбора всякий раз вытекает, как минимум, из двух обстоятельств: цели, научной и практической целесообразности исследования, а также из сущности и особенностей того явления, которое предстоит изучить.

Каким образом эти обстоятельства заявляют о себе при анализе, скажем, общественного мнения?

Если планируется разведывательное исследование, то, исходя из его предназначения, предстоит выявить самую общую реакцию населения на тот или иной вопрос. В свою очередь, описательное исследование предполагает получение более детальной характеристики состояния общественного мнения в единстве его рациональных, эмоциональных и волевых начал. Наконец, аналитическое исследование помимо описания состояния, элементов и свойств общественного мнения по конкретной проблеме призвано

дать ответ и на вопрос о том, каковы факторы, породившие именно такое мнение, и в какой степени оно выступает побудителем поведения людей.

Далее. Если ограничиться одномоментным замером общественного мнения, достаточно будет проведения точечного исследования. Когда же надо получить сведения о динамике и тенденциях его развития, организуют повторные исследования.

Заметим также, что цель оперативного изучения общественного мнения диктует выбор анкетного, группового или телефонного опроса в качестве метода получения первичной информации. Если же фактор времени не довлеет, наряду с опросом могут быть применены и другие методы сбора социологической информации.

Перед окончательным выбором вида социологического исследования нелишним будет реалистично оценить и свои возможности, особенно глубину знаний методики, техники и организации, а также практические навыки.

§ 2. ПРОГРАММА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Программа содержит теоретическое обоснование методологических подходов и методических приемов изучения определенного явления или процесса. Только глубоко продуманная во всех своих составных частях программа социологического исследования обеспечивает его проведение на высоком качественном уровне. Не случайно программу называют стратегическим документом, в котором выражены концепция исследования проблемы, те вопросы, которые особо заинтересовали организаторов и побудили их предпринять попытку осуществить научный анализ.

Программа социологического исследования обычно включает в себя подробное, четкое и завершенное изложение следующих разделов: методологическая часть – формулировка и обоснование проблемы, указание цели, определение объекта и предмета исследования, логический анализ основных понятий, формулировка гипотез и задач исследования; методическая часть – определение обследуемой совокупности, характеристика используемых методов сбора социологической информации, логическая структура инструментария для сбора этой информации, логические схемы ее математической обработки.

Столь емкая структура программы исследования не плод научной фантазии социологов. Она выверена многолетней практикой и помогает избежать ошибок в процессе проведения самого исследования и анализа его результатов.

Что касается формулировки и обоснования проблемы исследования, то они возникают в связи с необходимостью получить полное представление о реально существующих противоречиях с расчетом найти оптимальные пути и средства их разрешения.

Различные противоречивые ситуации, которые выдвигает перед нами сама жизнь, принято называть социальной проблемой. Для инициаторов и организаторов социологического исследования существует еще научная проблема, которая сравнима с состоянием знания о незнании определенных количественных и качественных изменений, тенденций развития и других характеристик изучаемого социального явления или процесса. В частности, это может быть незнание действительных причин миграции или снижения творческого потенциала работников и т.п.

В процессе формулирования проблемы исследователи стремятся к тому, чтобы в ней получили как можно более точное отражение и сама проблемная ситуация, и основное противоречие, определяющее ее. При этом «важно избегать опасности постановки мнимых проблем, т.е. проблем, либо не отражающих реальной социальной ситуации, либо давно решенных» (5).

Следует опасаться и другой крайности – выдвижения проблем слишком широкого плана. Если трудно сразу придать формулировке ясность и четкость, то, возможно, это удастся сделать в дальнейшем, по мере методологической и методической разработки остальных частей программы.

Иногда в ходе одного исследования приходится искать ответы на ряд проблем, что происходит, как правило, в тех случаях, когда сама исследовательская программа нацелена на многопроблемный анализ. В принципе же идти на изучение нескольких проблем в рамках одного исследования нецелесообразно. Во-первых, это усложняет инструментарий исследования, делает его громоздким, что может снизить качество собираемой информации. Во-вторых, теряется оперативность исследования, что приводит, в свою очередь, к старению данных, потере их актуальности, а порой и смысла исследования в целом.

Определение цели исследования обычно предусматривает решение или научной, или практической задачи, или той и другой одновременно. Необходима постановка такой цели, реализация которой требует надежных данных, позволяющих выявить пути и средства решения наиболее важных, узловых на текущий момент проблем, проверить и установить практическую отдачу и ценность форм и методов управления общественным процессом или явлением.

Как уже было отмечено, научная проблема не существует сама по себе и всегда предполагает ту общность людей и их деятельность, с которыми она неразрывно связана. Следовательно, объектом социологического исследования в широком смысле выступает носитель той или иной общественной проблемы.

Вместе с тем причины возникновения проблемы могут лежать и за пределами объекта исследования. Это ведет к расширению его масштабов, чтобы можно было подойти к ее истокам.

Четкое выделение объекта способствует правильному определению предмета исследования. Последний включает в себя те стороны и свойства объекта, которые в наиболее полном виде характеризуют исследуемую проблему (скрывающееся в ней противоречие). Следовательно, предмет социологического исследования предстает как концентрированное выражение взаимосвязи проблемы и объекта исследования.

Логический анализ основных понятий предусматривает осуществление ряда таких методических процедур, без которых невозможно воплотить в инструментарии единую концепцию социологического исследования, а значит, реализовать его цель и задачи, проверить правильность выдвинутых в нем гипотез.

Суть этих процедур заключается в логическом структурировании основных понятий, которые занимают главенствующее место в определении предмета исследования. Логический анализ предполагает точное, всестороннее объяснение их содержания и структуры, а на этой основе определяется соотношение элементов и свойств конкретного

явления, последовательное изучение которых дает возможность составить ясное представление о нем.

При исследовании, например, активности той или иной группы логический анализ основного понятия «социальная активность» предполагает выявление таких его составляющих, как активность трудовая, политическая, активность в сфере познания, культуры и т.д. Рассматривая затем каждое из них, мы как бы по ступеням приближаемся к определению сущности различных сторон (элементов) предмета исследования.

Между логическим анализом основных понятий и видом социологического исследования существует тесная зависимость. И чем сложнее его вид, тем более емкой и разветвленной оказывается структура логического анализа основных понятий.

В свою очередь, характер анализа основных понятий оказывает непосредственное воздействие на логику подготовки инструментария сбора социологической информации. Кроме того, как семантическая форма вычленения составных элементов исследуемого явления и установления между ними взаимосвязи логический анализ основных понятий помогает впоследствии правильно объяснить результаты социологического исследования.

Каждый раз реализация исследовательской цели базируется на определенной последовательности шагов, приемов, методов. Набор этих методов, а точнее, общая направленность исследования может быть задана при формулировании гипотез. Гипотеза – это научное предположение, дающее объяснение каких-либо фактов, явлений и процессов, которое надо подтвердить или опровергнуть. Отсюда понятно, что предварительное выдвижение гипотез может повлиять на внутреннюю логику всего процесса исследования.

Как правило, любое социологическое исследование строится на предварительных, явно или неявно выраженных предположениях о причинах возникновения изучаемой проблемы. В этом смысле гипотезы способствуют увеличению значимости исследования, подсказывают правильный выбор объекта исследования и методов сбора социологической информации.

Важно, чтобы выдвигаемые гипотезы не сковывали мысль, не предопределяли итоговые результаты работы. Их формулируют однозначно, избегая по возможности расплывчатых понятий.

По значимости и характеру гипотезы можно разделить на основные и дополнительные.

Задачи социологического исследования определяются в соответствии с его целью и гипотезами и так же, как последние, могут быть условно разделены на основные и дополнительные.

Основные задачи исследования отражают поиск ответа на центральный вопрос: каковы пути и средства изучения исследуемой проблемы? Не исключены ситуации, когда выдвижение дополнительных гипотез потребует выяснения еще каких-либо вопросов. Тогда и намечаются дополнительные задачи.

Описательные и аналитические социологические исследования, как правило, включают несколько основных задач, решение каждой из которых предполагает реализацию определенного числа связанных с ними дополнительных задач. Так, например, при анализе отношений собственности и особенностей их функционирования в качестве

дополнительных задач может быть поставлено изучение: а) оценок всех существующих, в том числе формирующихся, форм собственности; б) предпочтений и приоритетов по отношению к ним; в) степени эффективности способов и методов хозяйствования как специфического проявления функций собственности.

При характеристике обязательных требований к программе социологического исследования следует обратить особое внимание на интерпретацию и операционализацию основных понятий.

Как бы ни осуществлялась трактовка основных понятий, этот процесс непременно носит логико-познавательный характер, т.е. они всегда получают какую-то интерпретацию.

Основные понятия как бы задают ход исследованию, диктуют логику изучения проблемы и потому нуждаются в исчерпывающей интерпретации. Однако дать ее не всегда легко. Одна из причин недостаточно строгой научной интерпретации того или иного понятия – широко распространенное и прижившееся в массовом сознании обыденное представление о понятии, не раскрывающее полностью его содержания. Поэтому если социолог изберет это обыденное представление в качестве единственного ориентира, то он столкнется с немалыми трудностями.

Все выявленные на стадии интерпретации конкретные понятия также требуют своего объяснения, «своей интерпретации». Осуществляется она в форме поиска тех частных понятий, которые и характеризуют составляющие основного понятия. На этом этапе логического анализа интерпретация уступает место другой процедуре уточнения предмета исследования.

Эта процедура, кратко именуемая операционализацией, продолжает, а точнее, детализирует интерпретацию основных понятий. Такая детализация заключается в расчленении основного понятия на элементы (семантически – на однозначно понимаемые термины). Получаемые при этом еще более простые понятия принято называть операциональными.

Таким образом, весь процесс логического анализа основного понятия в социологическом исследовании состоит из двух этапов: выявление главных сторон предмета исследования путем интерпретации такого понятия, которое точно и полно отражает его сущность; выявление совокупности операциональных понятий, на которые «раскладывается» основное понятие.

§ 3. МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (краткая характеристика)

При проведении социологических исследований наиболее часто планируются следующие основные методы сбора информации, входящие в методическую часть программы.

Анализ документов. Этот метод позволяет получить сведения о прошедших событиях, наблюдение за которыми уже невозможно.

Изучение документов помогает выявить тенденции и динамику их изменений и развития. Источником социологической информации выступают обычно текстовые сообщения, содержащиеся в протоколах, докладах, резолюциях и решениях, публикациях, письмах и т.п. Особую роль выполняет социальная статистическая информация, которая в большинстве случаев используется для характеристики конкретно-исторического

контекста развития изучаемого процесса или явления. Важной особенностью большей части статистических данных является их агрегированный характер, что означает их соотнесенность к некоторой группе как целостности. Так, доступность «потребительской корзины» может быть отнесена как ко всему населению, так и к отдельным социальным группам.

Не менее важное значение приобретает контент-анализ, который активно применяется в исследованиях средств массовой информации, являясь незаменимым методом группировки текстов. Анализ основан на использовании единообразных стандартизированных показателей (индикаторах) для поиска, учета и подсчета массовости тех или иных характеристик текста. Задачи, решаемые этим методом, подчиняются простой схеме: кто сказал, что, кому, как, с какой целью и с каким результатом.

Опрос – самый распространенный метод сбора первичной информации. С его помощью получают почти 90% всех социологических данных. В каждом случае опрос предполагает обращение к непосредственному участнику и нацелен на те стороны процесса, которые мало поддаются или не поддаются вообще прямому наблюдению. Вот почему опрос незаменим, когда речь идет об исследовании тех содержательных характеристик общественных, групповых и межличностных отношений, которые скрыты от внешнего глаза и дают о себе знать лишь в определенных условиях и ситуациях.

Две основные разновидности социологического опроса: анкетирование и интервьюирование.

При анкетировании опрашиваемый сам заполняет вопросник в присутствии анкетера или без него. По форме проведения оно может быть индивидуальным или групповым. В последнем случае за короткое время можно опросить значительное число людей. Оно бывает также очным и заочным. Наиболее распространены формы заочного: почтовый опрос; опрос через газету, журнал.

Интервьюирование предполагает личное общение с опрашиваемым, при котором исследователь (или его полномочный представитель) сам задает вопросы и фиксирует ответы. По форме проведения оно может быть прямым, как говорится, «лицом к лицу», и опосредованным, например по телефону.

В зависимости от источника (носителя) первичной социологической информации различают опросы массовые и специализированные. В массовом опросе основным источником информации выступают представители различных социальных групп, деятельность которых непосредственно не связана с предметом анализа. Участников массовых опросов принято называть респондентами. В специализированных опросах главный источник информации – компетентные лица, чьи профессиональные или теоретические знания, жизненный опыт позволяют делать авторитетные заключения. По сути дела, участниками таких опросов являются эксперты, способные дать взвешенную оценку по интересующим исследователя вопросам. Отсюда еще одно широко распространенное в социологии название таких опросов – экспертные опросы или оценки.

Одна из сложных проблем интервьюирования – не подтолкнуть опрашиваемого к желательной для социолога как личности информации; не трактовать рыхлые и неточные ответы как близкие к своему собственному мнению; избежать того, чтобы его отождествляли с представительством властных и других влиятельных структур; воздержаться от личных ценностных оценок в процессе опроса и максимально сохранить «нейтралитет».

Наблюдение представляет собой целенаправленное и систематизированное восприятие изучаемого процесса или явления, черты, свойства и особенности которого фиксируются исследователем. Формы и приемы фиксации могут быть различными: бланк или дневник наблюдения, фото-, теле- или киноаппарат и другие технические средства.

Особенность наблюдения как вида исследования и как метода сбора первичной информации – способность анализировать и воспроизводить жизненный процесс во всем его богатстве, поставлять разносторонние, порой весьма «обнаженные» впечатления об исследуемом объекте. Здесь могут фиксироваться характер поведения, жесты, мимика лица, выражение эмоций отдельных людей и целых коллективов (групп). Нередко наблюдение используется наряду с другими методами сбора информации, одухотворяя бесстрастные колонки цифр – результаты различных опросов.

Наблюдение рекомендуется при изучении степени активности людей на собраниях, митингах, интересов слушателей в процессе обучения, поведения участников массовых общественно-политических мероприятий и т.д.

Развитие социологической науки приводит к появлению все новых методов изучения социальной реальности.

Среди них – фокус-группы, методика проведения которых сводится к проведению интервью по заранее подготовленному сценарию в форме обсуждения с небольшой группой «обычных людей» (в отличие от экспертов при экспертном опросе, «мозгового штурма» и т.д.). Основным методическим требованием к составу этой дискуссионной группы является ее однородность, что устраняет возможность прямого или косвенного давления одних членов группы на других. Поэтому социологи, сопровождающие, например, избирательные кампании, подбирают фокус-группы из незнакомых друг другу людей примерно одинакового возраста, одного пола, схожего уровня доходов. Формирование этих групп должно охватить основные группы населения, чтобы можно было представить преобладающие ориентации в сознании и поведении людей. Немаловажным требованием является величина этой группы, которая позволяет поддержать дискуссию (при 4-5 участниках она может быстро затухнуть, а при значительном числе – 20-25 человек она не дает возможности в полной мере высказаться всем участникам).

В конце 80-начале 90-х годов предметом социологических дискуссий стали качественные методы, которые, с одной стороны, обогащают арсенал эмпирической социологии, но, с другой стороны, таят угрозу потерять специфику социологических методов познания, слиться с теми приемами и способами, которые используют все или многие социальные науки.

В заключение следует отметить, что в практике социологических и особенно социально-психологических исследований достаточно широко используются такие методы, как социометрический и экспертный опросы, тестирование, шкалы приемлемости, и ряд других приемов, пригодных для специфических форм анализа.

§ 4. МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Одной из важнейших процедур методической части социологического исследования является определение обследуемой совокупности. После уточнения объекта исследования

решается вопрос о количестве и характере той совокупности людей, которые должны быть охвачены исследованием. Опрос всех людей, составляющих объект исследования (а это могут быть тысячи, десятки или сотни тысяч людей), был бы нерационален. Это удлинило бы время его проведения, а значит, затянуло бы сроки получения нужной информации, потребовало значительных финансовых затрат, да и само исследование оказалось бы весьма громоздким. Поэтому большинство социологических исследований имеет не сплошной, а выборочный характер. Другими словами, по довольно строгим правилам отбирается определенное количество людей, отражающих по социально-демографическим и другим признакам структуру изучаемого объекта. Эта операция носит название выборка. От правильности ее осуществления в огромной степени зависят качество и достоверность социологической информации. Данное обстоятельство обязывает тщательно поработать над выборкой. В последующем она, с учетом особенностей и динамики объекта исследования, может быть уточнена и выделена в отдельный документ.

В проекте выборки указываются принципы выделения из объекта той совокупности, в которой, собственно, и будет проведен опрос, обосновывается техника его проведения, обозначаются подходы к определению достоверности полученной информации. Последнее необходимо для того, чтобы убедиться в степени правомерности распространения полученных выводов на весь объект исследования.

В методическую часть программы социологического исследования включается также характеристика применяемых методов и приемов сбора первичной информации (анкетного опроса, интервью, анализа документов, наблюдения и др.); логическая структура инструментария, из которой видно, на выявление каких свойств предмета исследования направлен тот или иной блок вопросов; порядок их расположения в инструментарии. Сам инструментарий прилагается к программе в качестве самостоятельного документа.

Наряду с перечисленным выше программа содержит и логические схемы обработки собранной информации, показывающие предполагаемый диапазон и глубину анализа первичной информации.

Как видно, подготовка программы социологического исследования – дело непростое. Практика показывает, что на разработку программы, как правило, уходит гораздо больше времени, чем на проведение самого исследования. Однако жалеть силы на это не следует, так как хорошо продуманная программа – непременное условие его осуществления на высоком научном уровне.

Рабочий план исследования отражает основные процедурные мероприятия. Он позволяет заранее предусмотреть и наиболее точно определить объем научных, организационных и финансовых затрат, помогает избежать суеты, придает исследованию ритмичность на всех его этапах.

Разработка такого плана предусматривает строгий учет определенных принципов и правил. В наиболее общем виде они идентичны принципам управленческой и исполнительской деятельности, требованиям теории социального планирования. В то же время планирование социологического исследования имеет ряд отличительных черт, ибо это особый способ научного познания социальных явлений, опирающийся не только на общие, но и на «свои» относительно самостоятельные процедуры и формы организации.

Осуществление социологического исследования требует гибкого сочетания научно-теоретической, методической и организационной деятельности, а следовательно, и четкого разделения труда между его участниками. Кроме того, любое исследование вне зависимости от степени его сложности состоит из ряда этапов и серии эмпирических процедур. И хотя все они отличаются своим предназначением и содержанием, их связывает между собой единая научно-исследовательская логика. Вследствие этого качество собранной социологической информации в равной мере зависимо от научного уровня реализации каждого из этапов, каждой из процедур исследования.

Действительно, неверно составленный бланк опроса оборачивается получением недостоверных данных, неподготовленность группы анкетеров порождает неорганизованность сбора первичной информации, а чрезмерная растянутость может обернуться потерей актуальности исследования.

Избежать всевозможных огрехов помогает централизованное руководство исследованием, документальным «путеводителем» которого призван стать рабочий план его подготовки и проведения.

Структурными компонентами плана социологического исследования выступают этапы и различные по видам и форме научно-исследовательские и организационно-технические процедуры и операции. Все они могут быть сгруппированы в соответствии с последовательностью их осуществления в четыре блока.

Блок первый. В нем определяются порядок обсуждения и утверждения программы и инструментария исследования; формирование и подготовка группы сбора первичной информации (например, анкетеров); проведение пробного исследования; внесение коррективов в программу и инструментарий сбора первичной информации по итогам пробного исследования; размножение инструментария (анкеты или бланка интервью и др.).

Блок второй. Фиксирует в плане все организационные и методические виды работ, обеспечивающие четкое проведение полевого исследования, т.е. массовый сбор первичной социологической информации. Здесь предусматривается и выбор соответствующего места и времени для опроса, и предварительное информирование опрашиваемых о целях, задачах и практических «выходах» исследования, и централизованный сбор заполненных анкет, бланков интервью или других видов инструментария.

Блок третий. Охватывает совокупность операций для подготовки первичной информации к обработке. Под специальным контролем формируется массив информации, предназначенный для математического анализа. Предварительно осуществляются кодировка открытых вопросов, выбраковка негодных анкет.

Блок четвертый. Включает все виды работ, связанные с анализом результатов обработки полученных данных, обсуждением предварительного и итогового отчетов, выработкой рекомендаций.

В ходе проектирования исследования помимо разработки программы и плана его осуществления готовятся также вспомогательные документы, делаются расчеты временных, организационно-технических, материальных и иных затрат в соответствии с имеющимися нормативами. Нормативные показатели используют тогда, когда нужно четко представить, сколько понадобится времени для проведения исследования,

количество анкетеров (интервьюеров) для сбора первичной информации, за какой срок она должна быть собрана, закодирована и обработана. Учет нормативов при планировании исследования не загромождает работу, а, наоборот, делает ее более осознанной, упорядоченной, способствует как бы дополнительному контролю, самопроверке готовности к обработке всех элементов социологического исследования.

Все это упорядочивает проведение исследования, помогает предотвратить возможные накладки, способствуя тем самым качественному сбору первичной информации и ее своевременной обработке и анализу. Обычно вспомогательные документы исследования оформляются в виде инструкций. Одна из наиболее важных – инструкция анкетеру (интервьюеру), проводящему опрос. Она содержит краткое описание цели, задач исследования и основных процедур, которые анкетер должен выполнить. В частности, указываются место и сроки проведения опроса, круг лиц, с которыми анкетеру предстоит войти в контакт для сбора первичной информации, тип опроса (анонимный, по списку и т.д.), форма и характер вступительной беседы, а также требования к техническому оснащению процедур опроса.

Особое внимание уделяется изложению порядка работы анкетера (интервьюера) во время опроса и после сбора заполненных анкет (внесение в анкету дополнительных кодов и др.). В примечании дается разъяснение, кому и в каком виде возвращаются анкеты.

Кроме инструкции по технике опроса составляется карточка выборки. В ней отмечается количество респондентов, которых он должен опросить, а в случае надобности – пофамильный список опрашиваемых. В тех ситуациях, когда согласно используемой модели выборки анкетер сам должен отобрать респондентов, ему вручается специальный листок с указанием количества людей, подлежащих опросу по соответствующим параметрам.

К вспомогательным документам исследования относится также инструкция по закрытию открытых и полуоткрытых вопросов анкеты. В ней приводится кодификатор, с помощью которого кодируются полученные от респондентов ответы в целях их дальнейшей группировки и математической обработки.

Могут быть подготовлены инструкции, объясняющие содержание и порядок осуществления других процедур (например, выбраковки неверно заполненных анкет). Вообще же количество и объем вспомогательных документов зависят от вида предпринятого социологического исследования, научной квалификации, методического и организационного опыта тех, кто его проводит.

Эти общие характеристики методологии и методики социологического исследования, его подготовки и проведения не исчерпывают всего многообразия способов, форм и методов получения нового знания. Они освещены в литературе, предназначенной для специализирующихся в социологии (см. приложение).

Мы остановились лишь на самых общих представлениях о специфике социологического знания. Что касается методов обработки и анализа социологической информации, то это весьма специфическая отрасль социологической науки, для ознакомления с которой мы отсылаем к соответствующей литературе (6).

Таким образом, проведение социологического исследования – процесс, насыщенный разными видами работ, научными процедурами и операциями. Каждому социологу следует позаботиться о надежной теоретической основе исследования, продумать его

общую логику, разработать методические документы для сбора информации, сформировать исследовательскую группу из людей, имеющих вкус к осмыслению общественных явлений и процессов, к анализу социологических данных. Надо предусмотреть организационное и материально-техническое обеспечение, быть готовым к оперативному решению возникающих вопросов. Словом, социологическое исследование проводится тогда, когда есть уверенность, что весь объем необходимых работ выполнен в соответствии с предъявляемыми к ним научными требованиями.

Литература

1. См. подробнее: Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.; Самара, 1995; Основы прикладной социологии. Т . I – II / Под ред. Шереги Ф.Э., Горшкова М.К. М., 1995; Рабочая книга социолога / Под ред. Г.В.Осипова. М., 1983; и др.
2. Наиболее показателен этот вид исследования, осуществленный М.Титмой о судьбе поколения выпускников школ, повторяемый по нескольку раз через 5–6 лет. См.: Жизненный путь поколения. М., 1996.
3. См.: Большаков А.Н. Деревня (1917–1927 гг.). М., 1929.
4. Урланис Б.Ц. История одного поколения. М., 1968.
5. Рабочая книга социолога. М., 1978. С.113.
6. См., например: Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн.1 и 2 / Отв. ред. Андреенков В.Г., Маслова О.М. М., 1990.

Темы для рефератов

1. Разведывательное исследование и его цели.
2. Описательное исследование и его особенности.
3. Аналитическое исследование и основные требования к нему.
4. Панельное и повторное исследование: общее и особенное.
5. Монографическое исследование и его специфика.
6. Общие требования к программе социологического исследования.

Вопросы и задания для повторения

1. Назовите основные виды социологического исследования.
2. В чем специфика панельного и повторных исследований?
3. Что такое монографическое исследование?
4. Структура программы социологического исследования.
5. Дайте характеристику основных методов сбора информации:
   1. анализ документов;
   2. опрос;
   3. экспертные опросы;
   4. наблюдение;
   5. фокус-группы.
6. Охарактеризуйте основные методы организации социологического исследования.

Раздел II ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Экономические процессы, экономические отношения, экономическая жизнь в целом стали объектом пристального внимания социологии с конца XIX – начала XX века. Именно в этот период было начато осознание роли человеческого фактора на производстве, роли и значения экономического сознания и экономического поведения людей.

Однако внимание к социальным параметрам экономической жизни в XX веке было нестабильным: на отдельных этапах в силу объективных и субъективных причин оно ослабевало, чтобы затем вновь окрепнуть и стать предметом более скрупулезного исследования.

Не миновали эти зигзаги и экономическую жизнь советского общества. Одним из его парадоксов был все возрастающий разрыв между тем, что провозглашалось в официальных документах, и той реальностью, которая характеризовала действительное развитие экономики. В результате сформировалось явление, которое получило такое наименование, как бессубъектностъ экономической жизни. Этот феномен привел к распространению технократизма, не желающего ни с чем считаться, кроме формализованных производственных показателей, к господству технико-экономического подхода, игнорирующего социальные и духовные аспекты жизни людей, что в немалой степени способствовало развитию теневой экономики, довело социальные тылы до крайней степени запущенности (1).

Современный этап развития экономической жизни особенно наглядно демонстрирует необходимость учета всего того, что связано с волей, желанием человека. Сегодня коренным образом меняются роль людей и их влияние на освоение достижений науки, на создание новой техники и технологии, на реконструкцию и обновление всего механизма хозяйствования. Вот почему так важно разобраться и понять, что созревает в сознании человека, что обусловливает серьезные сдвиги в поведении работников в процессе изменения отношений собственности и как реализовать на практике поставленные жизнью требования.

Анализ реальных социальных проблем экономической жизни показывает, что они прежде всего включают в себя сознание, оценку происходящих изменений в сфере производства; ведь «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы» (2).

Экономическая жизнь функционирует благодаря не только действию объективных законов общественного развития, но и субъективной деятельности людей. Она немыслима прежде всего без целей, направленных на удовлетворение экономических интересов. Кроме того, экономическая жизнь находит отражение в реальном сознании в виде взглядов, настроений, мнений, чувств, которые, в свою очередь, являются основой для формирования мотивов людей в производственном процессе. В свое время А.В.Чаянов обратил внимание на противоречивость сознания и поведения крестьянина, в которых самым причудливым образом сочетались его установки, с одной стороны, как предпринимателя, с другой стороны, как наемного работника, и это противоречие нередко приводило крестьянина к решениям, продиктованным скорее его обыденным сознанием, чем требованиями экономического развития (3).

Экономическую жизнь невозможно представить без концепций, без идеологических установок и ориентации, существующих в обществе (теоретический уровень общественного сознания). Очевидно, что экономические теории, взгляды, представления не механически отражают производственные отношения. Более того, они часто не адекватны процессам, происходящим в экономике, а некоторые из них ставят под сомнение правомочность существования данных производственных отношений.

И, наконец, экономическая жизнь не может функционировать без учета таких явлений, как культура общения продавца и покупателя, мода, экономическая культура человека и общества (4).

Осознание реальных процессов – непременный элемент совершенствования экономической жизни. Только понимание, осуществление на деле функций и роли человека труда дают необходимый общественный эффект. Никакие сверхновые техника и технология, никакая, пусть и самая рациональная, система управления, хотя сами по себе они очень важны, не дадут решения назревших проблем, если в них не будут вовлечены работники, если не будут учтены их интересы и потребности, если не будут созданы условия для реализации их целей и стремлений.

Все это позволяет сделать вывод, что экономическая социология может быть представлена как глобальными, так и частными проблемами

Долгое время исследования велись по отдельным направлениям, посвященным труду, трудовым ресурсам, управлению, уровню жизни населения. Опыт в изучении социологических проблем, связанных с развитием экономических отношений, показывает: на различных этапах становления социологической науки их разработка выходила на разные уровни анализа.

В трудах западных ученых сложилось такое понятие, как «индустриальная социология», которая в советской литературе (В.Г.Подмарков) называлась промышленной и в таком звучании оправдывала свое назначение, ибо касалась социальных проблем материального производства (5).

Очевидно, что такой подход охватывает достаточно широкий круг проблем экономической жизни, но не всю их совокупность. Поэтому на определенном этапе развития социологии как за рубежом (Дж.Н.Смелсер) (6), так и в Советском Союзе (Т.И.Заславская, Р.В.Рывкина) были осуществлены попытки охватить единым понятием экономическая социология весь спектр проблем экономической жизни (7). Иначе говоря, экономическая социология приобрела свой окончательный статус в 50–60-е годы XX века.

Новое осмысление социальных реалий экономической жизни было осуществлено в работах В.Э.Бойкова, В.И.Верховина, В.В.Радаева, Г.Н.Соколовой и др.

В данном учебном пособии экономическая социология рассматривается как комплекс проблем, имеющих четко выраженный социально-экономический (социология труда) и системный характер (социология города, социология села), в которых экономические параметры немыслимы без рассмотрения и учета социальных и духовных аспектов их функционирования.

В учебном курсе наряду с перечисленными выше нашли отражение и такие сравнительно новые темы, как социологические проблемы экологии, социальная инфраструктура. Вместе с тем автор отдает себе отчет в том, что раскрытие социологических проблем

экономики может быть дополнено более обстоятельным анализом как названных, так и неназванных проблем.

В рамках экономической социологии могут быть рассмотрены такие проблемы, как демография, занятость, миграция, домашний труд, нововведения, региональное развитие, что позволяет полнее представить социологический аспект изменений материального производства, всей экономической жизни.

Глава 1 СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

До конца XIX века экономика в целом и ее наиболее продвинутая часть – промышленность развивались без ориентации на учет социальных параметров своего развития. Из работника пытались выкачать максимум возможного – через увеличение рабочего дня до 16, а иногда до 18 часов, через эксплуатацию женского и детского труда. Даже великие технические нововведения XIX века мало были ориентированы на то, как состыковать человека и машину: в существовавших условиях приспособиться к технике было заботой работника. Полное игнорирование человеческого фактора дополнялось стремлением работодателей обеспечить тотальный контроль за рабочими, совершенствованием приемов и методов надзора в деятельности мастеров и других руководителей производства. Эта ужасающая жизнь и особенно работа на производстве нашли отражение в многочисленных работах XIX века (см., например, работу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и потрясающую воображение жизнь рабочих в романах Ч.Диккенса, Э.Золя и др.).

Но к концу XIX – началу XX века объективно вызрела идея – обратиться к тем резервам, которые кроются в самом работнике, пробудить его заинтересованность в эффективной и результативной деятельности. Это был поистине революционный, кардинальный шаг, меняющий всю ситуацию на производстве. Открытие (научное и практическое) роли сознания и поведения людей позволило понять, усвоить, а затем и использовать личные возможности работника для повышения эффективности производства. Это открытие – важнейший этап в развитии экономики, в познании и применении социальных резервов труда.

Социология труда концентрирует свое внимание на познании возможностей работника, условий их реализации, путей согласования личных интересов с интересами общественными в процессе производственной деятельности.

В ходе исторически обусловленного объективного процесса развития материального производства постепенно осознавались человеческие возможности для достижения все более значимых результатов, возвышающих общество и самого человека в их взаимодействии с природой. Именно такой подход позволяет проследить, как расширялись представления о социальных резервах производства и как эти резервы использовались в жизни общества. «...История промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией, которую до сих пор рассматривали не в ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности... В обыкновенной, материальной промышленности... мы имеем перед собой под видом чувственных, чужих, полезных предметов... опредмеченные сущностные силы человека» (1).

Поэтому большой интерес представляет возможность «полистать» эту книгу жизни: как, когда и при каких обстоятельствах раскрывались перед наукой и практикой социальные грани труда, как они развивались, как открывались новые, как происходило обогащение уже познанных, но имеющих серьезные резервы на новом витке функционирования производства.

§ 1. «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК»

Впервые идея обратиться к социальным резервам производства в своем полном виде была обоснована таким выдающимся организатором производства и ученым, как Ф.Тейлор (1856–1915). Именно он не только высказал идею о необходимости заинтересовать работника в результатах своего труда (такие мысли, как пожелания, как идеал, как теоретический поиск, высказывали и до него), но научно обосновал и воплотил ее в жизнь, апробировал на практике, что и нашло отражение в его работе, опубликованной в 1894 году и посвященной системе оплаты труда на производстве.

Обращение Тейлора к материальной заинтересованности работника принесло успех в его практической деятельности. Многолетнее апробирование этой идеи позволило ему сформулировать ряд признаков, которые впоследствии нашли воплощение в концепции «экономического человека». Назовем некоторые составные его идеи: выполнять больший объем работы за большую оплату и за более короткое время; премировать хорошую, а не любую работу; вредно как недоплачивать, так и переплачивать работнику; нужно заботиться о побуждении работника к высокооплачиваемой работе («и ты можешь») и др.

Тейлоровский подход стал быстро распространяться. Но его идеи не оставались неизменными – они совершенствовались, дополнялись, для них изыскивались новые резервы. У Г.Форда они нашли выражение в разработке, как стимулировать высокоэффективный труд в условиях конвейерного производства. Проблемы оплаты труда волновали и таких видных представителей научной организации труда, как А.Файоль, Г.Черч, Г.Эмерсон.

В 20-е годы этими проблемами очень интенсивно занимались советские ученые А.К.Тастев (1882-1941), П.М.Керженцев (1881-1940), О.А.Ерманский, П.А.Попов и др. Что касается практики, то особенно надо обратить внимание на результаты, связанные со стахановским движением, и на такой малоизвестный факт, что А.Стаханов, перевыполнивший норму по вырубке угля, заработал в эту ночную смену 200 руб. вместо обычных 23-30 руб. Сколько заработал, столько и получил. Это было конкретной реализацией принципа «каждому – по труду». Кстати, этот принцип высокой материальной заинтересованности был характерен для первых лет стахановского движения, а потом заменен и вытеснен различными формами ложно интерпретируемого морального поощрения.

Трагедией советской экономики стал постоянно повторяющийся факт игнорирования материальной заинтересованности работника, хотя постоянно все думающие и заботящиеся о будущем хозяйственные руководители и ученые неоднократно ставили этот вопрос и даже пытались его решать. Достаточно напомнить щекинский эксперимент, начатый в середине 60-х годов в научно-производственном объединении «Азот», который продолжался 17 лет (!) Этот эксперимент, базирующийся на принципе совмещения рабочих мест и более высокой оплате труда, дал существенные сдвиги в росте производительности труда и эффективности производства, но был бесславно провален в

силу косности системы, бюрократизма чиновников и отсутствия нормальной реакции на необходимость нововведений (2).

Такую же участь ждал и эксперимент в совхозе «Илийский», в отделении Ахчи в конце 60-х – начале 70-х годов, где стараниями его организатора И.Н.Худенко был достигнут впечатляющий результат в сельскохозяйственном производстве при высокой материальной заинтересованности работников, что позволило существенно снизить себестоимость зерна. Однако обвиненный в стяжательстве и хищении государственных средств Худенко был снят с работы, осужден и закончил свою жизнь в тюрьме.

В этих условиях начало набирать силу грозное предкризисное явление – отчуждение труда. Оно постоянно росло. С 1962 по 1976 год число уклонившихся от позитивных или негативных оценок работы выросло с 3 до 30%.«

В годы перестройки был предпринят ряд шагов по использованию такой ориентации экономического сознания и поведения, как мотив высокой оплаты труда. Появились многочисленные поиски: бригадный подряд в промышленности и строительстве, безнарядные звенья в сельском хозяйстве и некоторые другие. Однако эти попытки были обречены на провал – с одной стороны, они не учитывали потребность в изменении отношений собственности, с другой – они не учитывали реальную мотивацию сознания и поведения работников производства.

В целом было загублено большое дело: не только перекрывался канал личной инициативы работников, но и производственный коллектив отчуждался от решения одной из волнующих человека проблем – стимулирования труда. Ведь социологический аспект бригадного подряда и арендных отношений заключался в том, что к оценке вклада работника в дела производства привлекалось мнение коллектива, «взвешивалось» его реальное участие в выполнении задания, что никогда не могло быть полностью предусмотрено никакими нормативными документами. Именно коллектив призван ответить на вопрос о качестве труда работника в конкретных производственных условиях. Укрепление принципов самоуправления прямо влияет на повышение эффективности труда, развитие высокой ответственности за личные и коллективные результаты.

Как показывали исследования заводских социологов в 60– 80-е годы, в рамках государственной собственности редко кому удавалось преодолеть это противопоставление оплаты различных видов труда. Царящая уравниловка обесценивала работу высококвалифицированных рабочих и специалистов и не стимулировала поиска резервов среди работников малоквалифицированного труда (3). Изменение социально-политических условий в связи с появлением, многообразных форм собственности в 90-е годы во многом позволяет снять это противоречие, хотя оно, в свою очередь, порождает другие проблемы, проявившиеся в росте огромной социальной дифференциации и выражающиеся в резком и далеко не оправданном разрыве в уровне обеспеченности различных социальных групп.

Вместе с тем, если обобщить имеющийся в экономической жизни многих стран опыт использования резервов «экономического человека», то он в самом общем виде прошел несколько этапов, оставаясь актуальным и в настоящее время. На первом, «тейлоровском» этапе обращалось внимание на то, чтобы дать возможность человеку заработать, получить большее вознаграждение за возможно больший сделанный объем работы. На втором этапе, начиная с 30-х годов XX века, в основу стимулирования все больше кладутся индивидуальные потребности работника и соответственно ориентация на их

удовлетворение. Такой подход позволил более гибко учитывать конкретную ситуацию и более наглядно и предметно реагировать на желания и интересы людей.

С 60-х годов все более мощно стал заявлять о себе фактор социальных потребностей (третий этап), когда материальное вознаграждение ориентировалось не только на потребности работника, но и его семьи, не только на удовлетворение текущих или ближайших целей, но и на долгосрочную перспективу.

И самое главное, нынешняя ситуация показывает, что эпоха экономики «дешевого работника» заканчивается (оставаясь характерной для стран Азии, Африки и частично бывших социалистических стран). Явью становится бремя «дорогого работника», которое означает значительные затраты на оплату труда при очень высоком уровне производительности труда и эффективности производства.

§ 2. «ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ» ЧЕЛОВЕК

Данный этап в социологии труда состоит из «физического» и «профессионального человека». Дело в том, что, реализуя принципы заинтересованности работника в достойной и желаемой им оплате труда, Ф.Тейлор достаточно быстро вышел на следующую важную и научную, и практическую проблему: а как организован труд работника, насколько он рационален и насколько он учитывает физические и физиологические возможности человека. Такая постановка вопроса диктовалась самой жизнью, ибо было замечено, что само по себе стимулирование труда не гарантирует упорядоченной, четкой и последовательной организации трудового процесса.

Ф.Тейлором была выдвинута и всесторонне обоснована идея научной организации труда на рабочем месте за счет уменьшения свободы действий. Наступила пора так называемого «физического» человека, когда благодаря рационализации его движений, расположения инструментов и оборудования на рабочем месте достигалась высокая эффективность производства. Процесс промышленного производства наглядно показывал, что путь к успеху в те годы лежал через создание «модели» рабочего места «с малой свободой действий». В этих условиях рабочий выступал как придаток машины, как гибкая часть производства для быстрой адаптации к изменяющимся технологиям. Этот период дал резкий скачок в росте производительности труда.

Не являются исключением эти процессы и для нашего общества. Советские ученые А.К.Гастев и П.М.Керженцев доказали, что возможности эффективного развития материального производства зависят не только от орудий и предметов труда, но и от таких факторов, как организация труда, а также навыки, опыт, профессиональная подготовка и сноровка рабочего. Еще в начале 20-х годов благодаря их творчеству и инициативе родилось движение по научной организации труда (НОТ). Оно внесло свою лепту в решение многих проблем трудовой деятельности практически во всех отраслях народного хозяйства. Организованный в 1920 г. А.К.Тастевым Центральный институт труда (ЦИТ) не только осуществлял научно-исследовательскую работу, но и стал важным звеном внедрения научных методов организации труда. Однако нотовское движение постепенно потеряло былую силу и значение, потому что в своем поиске ограничило себя в основном технико-экономическими требованиями, с одной стороны, а с другой – все больше замещалось командно-административными методами.

В целом этот начальный этап в разработке и обосновании форм и методов рациональной организации труда был связан с тем, что их совершенствование касалось рабочего места,

когда все усилия сосредоточивались на том, как удобнее и целесообразнее разместить сырье, инструменты, орудие труда, как организовать распорядок дня, режимы и графики перерывов в течение всего трудового процесса. В этот период огромное внимание было уделено физиологическим ресурсам – затратам на передвижения работников, их позе в процессе выполнения трудовых операций, режиму работы, что побуждало человека осознавать важность и необходимость осуществления рекомендуемых изменений и воплощать их в процессе труда (или наоборот, сомневаться в их пользе). В этот период была очень популярна памятка ЦИТ «Как надо работать».

Несколько позднее (интенсивно с 20-х годов XX века) начала реализовываться (следующий этап) рационализация работы первичной производственной ячейки, первичного трудового коллектива (бригады, мастерского участка, смены). Этот этап был основан на использовании принципа разделения труда (например, закрепление за разными работниками различных функций в цехе: уборка помещений, доставка сырья и отправка готовой продукции, обеспечение инструментами и т.д.)- Производственная целесообразность дополнялась и закреплялась в сознании и поведении как наиболее рациональная, выгодная не только производству, но и самому работнику.

Несколько позднее свое действие (еще один этап) проявила необходимость рациональной организации производственного процесса всего трудового, хозяйственного организма – завода, фабрики, фирмы, строительного треста и т.д. Это прежде всего коснулось комплексного, всестороннего, и рационального обеспечения всей технологической цепочки производства продукции не столько с точки зрения самой техники и технологии, сколько с точки зрения устранения неоправданных трудовых затрат, перерывов или перегрузки отдельных звеньев трудового процесса.

Не менее важным оказалось решение проблемы размещения помещений (цехов) на определенной территории, что также требует логики организации труда. Со временем оценили и возможность облегчения трудового процесса при использовании внутрипроизводственного транспорта, а также для доставки работников с места жительства до их работы.

В настоящее время в сфере организации труда существуют и конкурируют между собой две концепции. Одна из них – техноцентристская, которая ориентируется на преимущественное и опережающее развитие технических и технологических компонентов (4). Она стремится добиться полной формализации производственного процесса, создать максимум безлюдных технологий. В этой ситуации оправдан так называемый электронный тейлоризм, находящий воплощение в отчуждении знаний и информации, в формализации управления и нацеленный на максимальное трудосбережение и выталкивание живого труда, что, понятно, не вызывает позитивного настроения людей, занятых на производстве.

Другая концепция – антропоцентристская – своей центральной идеей нацелена на сохранение и рациональное использование живого труда. Она учитывает процесс отмирания старых видов труда или их модернизацию, появление новых, сокращение времени работы с сырьем и материалами. Но особое значение имеет процесс, связанный со свободой организации своего труда. Данная концепция отражает тенденции к интеллектуализации труда, к появлению новых типов мастерства, к новым формам соединения работников с техникой, когда предоставляется простор для импровизации, для проявления творческого поиска.

Такие тенденции характеризуют изменения, происходящие в 90-х годах в сфере организации труда. Что касается советского опыта, то нужно отметить, что после взлета внимания к научной организации труда и его социальным аспектам в 20-е годы, наступил длительный период резкого снижения интереса к этим проблемам. Возрождение внимания к научной организации труда произошло в 60-е годы. Именно в этот период было проведено значительное количество научно-практических конференций, переизданы труды зарубежных и отечественных исследователей по НОТ, проведены эксперименты по внедрению достижений на практике.

К сожалению, появление новых форм организации труда в 60–80-е годы коснулось незначительного числа предприятий и главным образом благодаря энтузиазму их руководителей, которые понимали значение этих форм, знали их возможности и смогли внедрить в свое производство. Как показывал опыт, там, где смогли учесть весь комплекс факторов – от организационно-технических до психологических, – эти формы на деле стали действенным средством решения производственных задач. Игнорирование одной из составных этого комплекса нередко становилось причиной деформации всех других требований научной организации труда (5). В годы перестройки (1985–1991) были осуществлены некоторые попытки реализовать требования научной организации труда через бригадный подряд, аренду, развитие кооперативов. Но в большинстве случаев они так и остались на уровне починов, интересных пожеланий и добросовестных заблуждений. На этом пути встали не столько технические или организационные причины, сколько предубежденность, нежелание или неумение ориентироваться в новых потребностях производства. Мешали стереотипы мышления, косность, незаинтересованность, нерешительность. Серьезным тормозом стала сложившаяся структура отношений собственности, сдерживающая поиск форм и методов производительной работы.

Процесс перехода к рыночным отношениям сразу же потребовал немедленного поиска новых форм организации и стимулирования труда. Даже, небольшой опыт работы реально функционирующих акционерных предприятий показал, что отказ от трафаретных решений, резкое повышение стимулов к труду в их тесной увязке с конечными результатами, прошедших апробацию на рынке, дают многократный рост производительности труда. Обращает на себя внимание формирование на новой экономической базе основного ядра работников, которые кровно заинтересованы в успехе работы своего производства, в строгом соблюдении заданной технологии.

Отсюда реальное привлечение таких компонентов процесса организации и стимулирования труда, как ответственность, точность, аккуратность и внимательность работников, т.е. факторов, определяющих их реальное сознание. Сейчас мало действует слепая сила приказа. Все большее значение приобретают гражданская позиция человека, экономическая целесообразность.

Практически одновременно с разработкой форм и методов организации труда внимание и науки, и предпринимателей было обращено на необходимость профессиональной подготовки работников. Суть этого подхода заключалась в следующем: помочь работнику занять достойное место в производственном процессе, использовать его предрасположенность к более эффективному, производительному и оплачиваемому труду. Конечно, это стремление базируется как на биологических резервах (реакция, сноровка, сообразительность, приспособляемость), так и на социальных (понимание, стремление, подражание и т.д.).

Профессионализация работника также прошла несколько этапов.

На первом она использовала умения, навыки, была основана на подражании («делай, как я»). Именно на такой основе обучали Шмидта у Тейлора на предприятии (6). В принципе это был этап индивидуального обучения, штучного ученичества.

На втором – когда масштабы производства расширились – все чаще стали использоваться различные формы группового ученичества, обычно в рамках первичной производственной ячейки.

На третьем достоянием стало массовое ученичество, когда рост масштабов производства поставил на повестку дня необходимость подготовки огромной армии квалифицированных работников. Эта потребность усиливалась и тем, что усложнилось само производство и недостаточно было элементарных навыков и умений – требовалось все более глубокое знание техники и технологии, что могло дать только долгосрочное и систематизированное обучение работников. Это требование реализовывалось по-разному: от организации собственных школ, что могли себе позволить только крупные производства, до создания внепроизводственных профессиональных учебных заведений, что в СССР нашло отражение сначала в системе фабрично-заводского ученичества, затем в системе профессионально-технических училищ (7).

Массовая профессиональная подготовка дополнялась более высокими ее уровнями – среднеспециальным и высшим образованием. Количество средних и высших учебных заведений стремительно увеличивалось. Только с 1941 по 1976 год число обучающихся в них выросло с 436 тыс. до 2119 тыс. человек (8).

Но постепенно эта система, эффективно функционирующая лишь на первом этапе, стала давать сбои, ибо централизованная подготовка кадров все больше и больше расходилась с реальными потребностями, с конкретной увязкой по регионам и областям. Обследование, проведенное в 80-х годах, выявило, что 49,3% специалистов в возрасте до 30 лет, 46,8% в возрасте 30–39 лет и 42,5% в возрасте 40 лет и старше изначально работали не по базовой их подготовке. Из них 36,4; 23,6 и 21,5% (в соответствии с вышеназванной возрастной градацией) работали не по специальности из-за отсутствия вакансий, а от 10,8 до 14,4% работали по другой специальности из-за ее более высокой оплаты.

К решению проблем профессиональной подготовки тесно примыкают мероприятия по профотбору и профориентации. Так, последовательное осуществление профориентационной работы на Днепровском машиностроительном заводе имени В.И Ленина в конце 70-х – начале 80-х годов позволило добиться следующих результатов: 97% молодых рабочих, имевших рекомендации профотбора, не меняли свою профессию; 85% молодых рабочих получили профессиональное продвижение, сроки производственной адаптации сократились в 2 раза; текучесть уменьшилась с 6 до 3,4% (9).

Каждая из этих функций – профотбор и профориентация – имеет свой набор требований, который описан в соответствующей литературе (10). Для наших же целей важно подчеркнуть, во-первых, тот факт, что уровень и качество профессиональных знаний серьезно влияют на эффективность и производительность труда. По расчетам Н.Н.Пилипенко, около 70% брака и 30% поломок оборудования объясняется низкой квалификацией работников (11). Опыт показал, что каждому конкретному рабочему месту, бригаде, участку, цеху необходимо четко определить, кого, когда и чему следует учить. Если подготовка и повышение квалификации кадров рабочих и специалистов опережают освоение новой техники и технологии, то это всегда окупается эффективностью производства и ростом производительности труда.

Во-вторых, квалификация играет все большую роль в статусном положении человека, свидетельствует об уровне его конкурентоспособности и даже престиже в обществе. Вот почему при общем росте незанятости, безработицы во многих странах мира продолжается охота за квалифицированной рабочей силой, включая и людей с самой высокой квалификацией. Именно поэтому мы являемся свидетелями появления еще одного вида собственности – интеллектуальной, которая во все большей мере включает в себя не только всякий творческий компонент, но и любое квалифицированное знание.

Таким образом, этап «физического» и «профессионального» человека олицетворял поиск резервов, зависящих от работника с точки зрения его психофизиологических и интеллектуальных возможностей, в тесном взаимодействии со стимулированием его труда.

§ 3. «БИОЛОГИЧЕСКИЙ» ЧЕЛОВЕК

Исследования условий труда были важной ступенью в осмыслении социальных резервов производства. Этот этап начался в истории промышленности примерно с 20-х годов XX столетия. Уже тогда достаточно четко было сформулировано представление о работнике как элементе процесса производства, на который (в отличие от других элементов) самым непосредственным образом влияют практически все без исключения факторы производственной среды: шум, вибрация, температура, влажность, освещение, загазованность, окраска помещений и оборудования. Серьезный вклад в изучение этих проблем внесли французский исследователь А.Файоль (1841 – 1925) и советские ученые С.Г.Струмилин (1877–1974), В.С.Немчинов (1894–1964), О.А.Ерманский и др. Учет требований социально-биологического характера способствовал поиску резервов по сохранению высокой работоспособности человека в течение длительного времени.

Впервые, когда было обращено внимание на биологические особенности человека в процессе производства, в основном учитывались очевидные факторы, воздействующие на физиологические особенности работников, – освещенность, температура, «чистая», «грязная» или вредная работа. Видное место на этом этапе заняла деятельность по улучшению техники безопасности, чтобы защитить человека от возможных тяжелых и даже трагических последствий в процессе взаимодействия с техникой. Так, много внимания проблемам освещенности на рабочем месте уделял П.М.Керженцев.

По мере учета этих аспектов трудовой деятельности в процессе изучения, познания и использования выделили санитарно-гигиенические факторы – загазованность, вибрация, возможность простудных заболеваний (из-за сквозняков, перепадов температуры и т.д.). Именно на этом этапе стали постепенно внедряться требования личной гигиены – «бытовки», душевые, комнаты личной гигиены и т.д. Это знаменовало более обстоятельный подход к резервам, заключенным в социально-биологической природе человека.

Впервые в 30-е, а затем в 50-е годы XX века началась реализация глубинных резервов, связанных с долговременными факторами воздействия на биологическую природу человека (эстетическое оформление производственных помещений, вибрация, шум, предупреждение профзаболеваемости). Именно на этом этапе стали учитываться такие долговременные последствия, как обоснование сроков выхода на пенсию, продолжительность рабочей жизни, работоспособность человека в течение длительного времени.

Условия труда по-разному оценивались на различных этапах развития экономики. Их значимость имеет тенденцию постоянно увеличиваться и занимать одно из ведущих мест в мотивации трудового поведения работника.

Советские социологи в начале 80-х годов столкнулись на первый взгляд с парадоксальным фактом: по сравнению с 60-ми годами увеличилось количество работников, не удовлетворенных условиями труда. Что случилось? Ведь на многих предприятиях провели большую работу по реконструкции, модернизации производства, по созданию благоприятных условий труда. На многих из них был налажен производственный быт, позаботились о производственной и технической эстетике.

Глубокий анализ реально сложившейся ситуации (Н.Аитов, Е.А.Антосенков, Р.Х.Симонян, А.К.Зайцев) показал, что ничего удивительного и неожиданного в этом противоречии нет. В 60-70-е годы не только улучшились условия труда, но изменился и сам работник производства. Более высокая степень его образованности и профессионального мастерства, приобщенности к достижениям культуры и науки, рост самосознания, гордость за свой труд – все это не могло не повлиять на отношение к условиям труда. Иначе говоря, новый интеллектуальный потенциал работника предъявил повышенные требования к нынешнему состоянию дел на производстве.

Какие же проблемы условий труда особенно актуальны сегодня?

Прежде всего работники высоко оценивают значение создаваемых на производстве санитарно-гигиенических условий (бытовок, комнат гигиены и других помещений, где есть возможность отдохнуть, привести себя в порядок после работы). В последнее время возросло внимание к службе рекреации – профилактике при подготовке людей к труду непосредственно на производстве, что ведет к сокращению количества заболеваний, уменьшению потерь рабочего времени, улучшению самочувствия людей, повышению их удовлетворенности своей профессией и работой.

Растет и требовательность к эстетически оформленной производственной среде. Причем это касается не только оборудования, соответствующей окраски помещений, но и всех без исключения мест, в которых человек работает или проводит часы отдыха, что становится своеобразной визитной карточкой предприятия. По данным Г.Н.Черкасова, С.Ф.Фролова, существует достаточно четкая взаимосвязь между условиями труда и другими характеристиками производственного процесса.

Конкретные исследования показывают, что улучшение условий труда позволяет поднять его производительность на 20%, а в ряде случаев и больше (А.Г.Лганбегян, 1973). При этом выделяется одна немаловажная закономерность: с повышением общеобразовательного уровня возрастает неудовлетворенность условиями труда и в то же время снижается удовлетворенность его содержанием.

Однако условия труда работники рассматривают не только как комплекс факторов, непосредственно относящихся к производству, но и как условия для рациональной организации повседневной жизни, для отдыха и соответственно подготовки к труду. Это и есть та характерная особенность, которая коренным образом отличает современные требования к условиям трудовой деятельности от тех, что были в 20-х и 30-х годах: они стали пониматься в широком смысле – как условия жизни и труда.

Исследования показывают, что работники все чаще используют свое право влиять на условия своей повседневной и производственной жизни. Уже можно считать доказанным (В.Г.Подмарков, Н.И.Дряхлов, О.И.Шкаратан), что необеспеченность нормальными условиями труда всегда связана с высокой текучестью, конфликтами, неудовлетворенностью работой и профессией.

Особое значение эти проблемы имеют для трудовых коллективов в районах нового освоения: благоприятные условия (а не просто оплата труда) в значительной степени обеспечивают закрепляемость кадров, их устойчивость и желание трудиться на том или ином производстве, в том или ином регионе.

Итак, учет социально-биологических особенностей работника – это еще один социальный резерв, который по-разному раскрывался на различных этапах развития производства, но всегда имел один результат – рост производительности труда и повышение эффективности производства.

§ 4. «СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ» ЧЕЛОВЕК

В раскрытой книге человеческих сущностных сил есть еще одна сторона – осознание работника как социально-психологическое явление. Этот феномен был отмечен и зарегистрирован сравнительно давно и обычно связывается с именем известного американского социолога и психолога Элтона Мейо, проводившего эксперимент в 30-х годах в г. Хоторне, близ Чикаго. Им было выявлено, что увеличение производительности труда может быть достигнуто, если будут налажены благоприятные взаимоотношения в первичной производственной ячейке. Показательно, что Э.Мейо начинал свои эксперименты как исследователь условий труда (освещенности, температуры), в ходе которых было зарегистрировано влияние неизвестного фактора « Х », который в конечном счете был обнаружен и вошел в историю социологии под названием «теории человеческих отношений», что в советской литературе наиболее полно было освещено Э.Вильховченко (12).

Вначале было обращено внимание на установление благоприятных взаимоотношений между коллегами. Конкретные исследования (В.М.Шепель, В.Д.Попов) показали, что решение, основных социально-психологических проблем увеличивает производительность труда на 8-12%, а в ряде случаев на 15-18%. Использование механизмов социально-психологического характера позволило оценить значение таких черт характера работника, как стремление к сплоченности, умение сотрудничать, оказывать помощь, понимать интересы других людей и т.д.

Во всех трудовых коллективах, особенно женских, проблема взаимоотношений прямо влияет на трудовую активность, на результаты труда. Вместе с тем анализ социальных факторов производства говорит о том, что их применение не всегда автоматически ведет к улучшению социально-психологического климата.

По мере освоения социальных резервов производства была выявлена огромная роль непосредственного руководителя на производстве – мастера, бригадира, прораба, а спустя некоторое время и роль администрации предприятия в создании благоприятного социально-психологического климата.

Именно эти представители управления призваны самым активным образом участвовать в постоянном, устойчивом воспроизводстве таких психических состояний, как симпатия и

притяжение, положительный эмоциональный фон общения, межличностная привлекательность, чувство сопереживания, соучастия, возможность в любой момент оставаться самим собой, быть понятым и положительно воспринятым (независимо от своих индивидуально-психологических особенностей). При этом особо нужно выделить чувство защищенности, когда каждый знает, что в случае неудачи (в сфере труда, быта, семьи) за его спиной «стоит» его коллектив, что он обязательно придет ему на помощь (В.В.Чичилимов, 1980).

Практика хозяйствования показывает, что никакая совершенная организация труда и рабочего места, отличная система материального стимулирования не дадут работнику должного удовлетворения, если они не будут опираться на все вышеперечисленные компоненты социально-психологического комфорта, вместе взятые.

Именно в рамках всего коллектива, при участии всех уровней управления производством может быть обеспечено решение такого сложного и серьезного вопроса, как адаптация.

Управление ее процессом требует особых усилий. Изменение содержания и направленности адаптации невозможно «сразу», «вдруг», «сиюминутно», как, допустим, можно перевести станок с одного режима работы на другой, получив при этом желательный результат (скорость обработки, производительность и т.п.). Ритм социальных перемен, в частности изменений в общественном сознании, настроении людей, требует многих лет постоянной целенаправленной работы.

Исследование процесса адаптации работника к производству свидетельствует, что на его поведение влияют не только производственные, но и внепроизводственные факторы (общественная ситуация, быт, досуг, общение, семья). Не менее существенны учет и знание таких сложных и тонких регуляторов социального поведения личности, как потребности, установки, ценностные ориентации – то, что составляет основу отношения к труду и, в конечном счете, определяет привязанность к конкретному коллективу,

Среди социально-психологических параметров развития производства – и это очень важно знать руководителю любого уровня – одно из центральных мест занимает вопрос об оптимальном размере первичной производственной организации. Реальная практика показывает, что, с одной стороны, предпочтительнее небольшой коллектив, где люди хорошо знают друг друга, где быстрее достигаются взаимопонимание и взаимная ответственность. С другой стороны, для многих производств, имеющих большое число работающих, малые бригады осложняют работу организаторов производства, ибо составление плана и контроль за его выполнением нередко становятся трудновыполнимыми задачами. Опыт доказывает, что оптимальный размер односменной бригады – 7-15 человек, сквозной двухсменной – от 14 до 30 человек, а сквозной трехсменной – от 21 до 45 человек. Конечно, названные размеры бригад – не догма, но на данном этапе развития производства они позволяют более плодотворно использовать трудовые отношения, успешно решать возникающие проблемы, добиваться создания благоприятной обстановки в каждой производственной организации.

Следует сказать, что по мере развития теория человеческих отношений обогатилась не только общими, но и частными, но не менее важными выводами при изучении отдельных социально-психологических проблем. К ним следует отнести теорию малых групп (К.Левин, Я.Л.Морено), ситуацию с неформальным лидером, проблемы снятия стрессовых ситуаций, не говоря уже о таких специфических областях, как психотехника, инженерная психология и др.

Данная тематика в социологии труда позволила более обстоятельно подойти к анализу группового эгоизма, манипулирования сознанием и поведением людей, роли средств массовой информации в стабилизации или дестабилизации обстановки на производстве.

§ 5. «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ» РАБОТНИК

Работник будет всегда пассивным участником трудового процесса, если не будет вовлечен в управление делами производства, в творческий поиск, в поиск резервов и их осознанное использование. Однако путь к реальному участию людей в управлении производством оказался долгим и тернистым. Тем более что на первом этапе использования человеческого фактора на производстве этот резерв отрицали даже самые передовые из его поборников. Так, Ф.Тейлор считал, что работник должен оставить за воротами завода свои религиозные, политические и нравственные ценности. Однако жизнь показала, что участие в общественной деятельности, несмотря на издержки различных ее форм, влияет на стабильность и результативность производственной деятельности работников.

Генезис идеи участия людей в управлении начался с осмысления роли управления в процессе функционирования производства. Эта революция в управлении уже в начале XX века позволила убедительно доказать, что управление – это наука, которую надо осваивать, учиться применять и постоянно обновлять. В трудах Г.Форда, Г.Эмерсона, А.Файоля содержатся первые попытки убедить предпринимателя-капиталиста осваивать науку управления, в которой учет интересов и запросов подчиненных им людей рассматривался особо.

Затем с 20-х годов XX века наступила «революция» специалистов-управленцев, которые часто были только уполномоченными собственников капитала, но могли организовать и управлять производством более эффективно, чем сами собственники. Управление стало специальностью особой социальной группы людей – менеджеров, роль и значение которых в 30–50-е годы настолько возросла, что их деятельностью объясняли все достижения индустриального мира. Даже более, о них стали говорить как о людях, вытесняющих собственников из сферы управления.

В 30-е годы была осознана необходимость считаться с интересами и потребностями всех (или многих) работников производства и, более того, попытаться привлечь их к соучастию в принятии решений, к сотрудничеству с руководителями производства. При решении насущных задач производства остро встал вопрос о том, чтобы отойти от представлений о способах организации труда путем запретов и прямой веры в животворную силу команды. Производство постепенно двигалось к норме, когда руководитель совместно с подчиненным ищет ответ на поставленные жизнью проблемы. В этой связи огромное значение приобретает авторитет руководителя, который, в свою очередь, определяется такими чертами, как справедливость, компетентность, трудолюбие, умение ладить с людьми.

По-разному накапливался опыт сотрудничества, соучастия. Это были и кружки качества, когда рабочие совместно обсуждали возможности повышения эффективности производства (японский опыт). К этому следует отнести участие представителей рабочего класса в совете (директорате) компании (французский опыт) и подписание соглашений работодателей с профсоюзами (коллективные договоры) (шведский опыт) (13).

Но особое значение в подготовке работника к участию в управлении производством имеет пробуждение его творческого потенциала.

Во-первых, производственная необходимость состоит в том, чтобы творчество в труде касалось не избранных видов деятельности, а всех без исключения, которые существуют на производстве. Дело в том, что практически на любом предприятии есть непрестижные, малоквалифицированные и неквалифицированные виды труда. А творческих видов труда мало. И задача состоит не столько в том, чтобы увеличить их количество, сколько в том, чтобы в каждой конкретной работе человек стремился проявить творчество, заинтересованно и ответственно относился к ней.

Во-вторых, творческое отношение к труду всегда связано с удовлетворенностью трудом. Когда человек удовлетворен своей работой, профессией, он лучше и производительнее трудится. Но это общая формула, а на деле ситуация не так ясна, как кажется на первый взгляд. Кроме того, эта концепция, зафиксированная во многих научных и практических работах, подвергается сомнению. Более тщательный анализ показывает, что можно быть удовлетворенным трудом, но, по большому счету таким трудом не всегда могут быть удовлетворены производство, общество. Опыт советских предприятий свидетельствует, что удовлетворенность трудом нередко базировалась на «ничегонеделании», на стремлении к спокойной жизни, на позиции невмешательства или на формализме, показухе.

В-третьих, творческое отношение к труду имеет один из достаточно обоснованных показателей – участие в совершенствовании производства, что находит свое наиболее наглядное воплощение в рационализации и изобретательстве. И в самом деле, разве можно трудиться с полной отдачей и в то же время быть в стороне от постоянного совершенствования трудовых операций, доверенной тебе техники, не заботиться об изменениях в технологии производства?

Практика свидетельствует, что в настоящее время резко увеличились значение творческого начала, его роль в решении всех без исключения проблем производства. Социологические исследования (В.А.Ядов, В.В.Чичилимов, В.П.Панюков) еще в 60–70-е годы регистрировали факт, что сама возможность проявить творческое отношение к труду высоко оценивается людьми, особенно молодежью. Эта сторона привлекает их даже больше, чем получение высокой оплаты за рутинные или неинтересные виды труда. Интенсификация, передовая технология, робототехника, компьютеризация в сочетании с кардинальным изменением форм собственности по-новому ставят вопрос о роли и месте человека, его сознательности и ответственности не только в системе общественного производства, но и всего общества, ибо в конечном счете человек является не только работником, членом того или иного трудового коллектива, но и гражданином. И ему далеко не безразлично, какие процессы происходят в обществе.

Исследования общественно-политической активности (В.Х.Беленький, Ю.В.Волков, В.Г.Мордкович, Е.А.Якуба) еще в 70-е годы показали зависимость и взаимосвязь гражданского сознания и политического поведения с творческой деятельностью работников производства.

Вместе с тем исследования В.А.Ядова в конце 70-х годов выявили парадокс: сознательность работника, несмотря на все ухищрения идеологической работы, воплощалась в реальность достаточно поздно: по оценкам мастеров и другим показателям, рабочий промышленности достигал максимальной эффективности труда в 45 лет! Кроме того, нарушителей дисциплины среди 30-летних было в 2 раза больше, чем среди 40-летних; в группе 25–30-летних брак допускал каждый десятый, а в группе 40–45-летних – практически никто. Это тем более убедительно, что по квалификации, профессиональной

подготовке эти группы не уступают друг другу. Напрашивается вывод: пониженную эффективность работы 25–30-летних можно объяснить главным образом дефицитом социальной и профессиональной ответственности и незаинтересованностью в работе.

Социально-политические позиции работника во многом зависят от позднего гражданского взросления, что вызывает серьезную тревогу: окончание не только школы, но даже и вуза не говорит о том, что сам человек и окружающие его люди осознают себя полноправными членами общества, несущими ответственность за личное поведение во всех жизненных ситуациях.

Анализ современной эмпирической информации показывает, что критерии участия работников в решении социальных и политических проблем производства в условиях перехода к рынку серьезно изменились. По данным Е.Г.Антосенкова, только с 1993 по 1994 год число оценивающих положение дел на предприятии положительно сократилось почти вдвое (с 30 до 16%), а число работников, определяющих положение как плохое, выросло в 3,5 раза (14). В то же время политические факторы деятельности, будучи долгие годы загнаны внутрь трудового процесса и себя не проявлявшие, теперь вышли наружу и заявили о себе в стачках, забастовках, демонстрациях, а также требованиях политического характера, касающихся жизни всей страны. По данным 1995 – 1996 годов, от 30 до 49% работников производства допускают политические методы борьбы за свои права. Очевидно, что прежняя характеристика общественной активности во многом устарела и требует коренного пересмотра.

Социально-политические потенции работника связаны с такими важными элементами поведения человека на производстве, как рабочая совесть, профессиональная мораль. Все большую роль в поведении работника играет внутренняя мотивация, гарантирующая усердие и хорошее качество работы.

Средством преодоления сложившихся противоречий на пути становления человека как социально-политического субъекта является получение полной и достоверной информации. Эта информация призвана пробудить творческие потенциальные возможности человека и направить их как на развитие самой личности, так и на дальнейшее коренное улучшение функционирования производства, причем объективная потребность в побуждении творческих сил людей все больше смыкается с личным стремлением человека к самовыражению. И как следствие этого, деятельность человека как социально-политического феномена лишь тогда достигает результата, когда органически включает в себя как накопленные на предшествующем этапе знания о физических, биологических, социально-психологических возможностях человека, так и новую информацию о его поведении на современном этапе развития производства.

Долгое время социальные резервы, возможности человека принимались в расчет по-разному: чаще стихийно, чем сознательно. На их реализацию отпечаток накладывали господствующие социально-экономические условия, предопределяющие, в чьих интересах используются эти резервы, заложенные в творческой природе человека.

Вместе с тем, оценивая значение социальных резервов, таящихся в сознании и поведении работников, в заключение можно привести слова известных американских экономистов С.Боулса, Д.Гордона и Т.Уайскопфа, высказанные ими в конце 70-х годов и в известной мере подытоживающие наш разговор о глубинных творческих возможностях человека: «Основными факторами производства выступают устремления, ориентации, симпатии людей, их готовность добровольно выполнять работу».

Литература

1. См. подробнее: Абалкин Л.И. К самопознанию России. М., 1995.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С.271.
3. См. подробнее: Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М., 1989.
4. На это одной из первых обратила внимание Л.П.Буева. См.: Буева Л.П. Человек: Деятельность и общение. М., 1978.
5. Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию. М., 1973.
6. Смелсер Н. Социология экономической жизни. М., 1965.
7. Заславская Т.Н., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск, 1991.

Темы для рефератов

1. Концепция экономического человека в трудах Ф.Тейлора.
2. Социально-технологические проблемы труда в работах Ф.Тейлора, П.М.Керженцева, А.К.Гастева.
3. Проблемы профессионального мастерства в работах Г.Форда.
4. Социальные проблемы условий труда в работах А.Файоля, С.Г.Струмилина.
5. Э.Мейо и его концепция человеческих отношений.
6. Генезис идей об участии работника в управлении производством.
7. Трудовой конфликт и его сущность.
8. Отчуждение труда и его современный облик.
9. Социально-бытовые проблемы на производстве.

Вопросы и задания для повторения

1. Почему социология труда началась с «экономического человека»?
2. Кто стоял у истоков научной организации труда и какова ее судьба в отечественной промышленности?
3. Назовите формы подготовки «профессионального» работника.
4. Когда на производстве стали учитываться социально-биологические особенности человека? Назовите этапы их осмысления.
5. В чем сущность человеческих отношений на производстве?
6. Назовите формы и методы развития творческого потенциала работника.
7. Как созревали и в чем выражались формы участия работника в управлении производством?
8. Какие причины привели к появлению «социально-политического» работника?

Глава 2 СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Социологию города, на наш взгляд, следует считать открытой для науки и практики, как и всю социологию, с того периода, когда человек стал субъектом исторического процесса, т.е. с периода буржуазных революций. До этих пор мы вправе говорить об истории города, о скромных или локальных попытках решать социальные проблемы его жителей. До XIX века включительно города создавались и возникали "как символы власти, как центры торговли, как портовые города (как в древнее время, так и в средневековье). Да и с наступлением эры капитализма города долгое время создавались как результат индустриализации, как центры освоения природных богатств.

И лишь на пороге XX века появились концепции французского архитектора Т.Гарнье и английского урбаниста Э.Ховарда, в которых были высказаны первые идеи о разделении городов на промышленную и жилую зону, а также зону отдыха, обслуживания и рекреации.

Эти положения в дальнейшем стали развиваться, дополняться, совершенствоваться в той части, которая касалась жизни людей, населяющих данный город.

Иначе говоря, как выразился архитектор Л.Н.Куната (1967 г.), в основе решения проблем развития города должна лежать не формула «город – в нем человек», а формула человек – для него город (1). Собственно говоря, именно с этого и начинается социология города, городских агломераций и всех поселений, которые претендуют на это наименование.

§ 1. СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ

Социальное развитие в широком смысле этого слова требует своей реализации не только в масштабе общества, но и на всех структурных уровнях. Особое место занимает город как такое социально-экономическое территориальное образование, где наиболее тесно переплетаются интересы общества, трудовых коллективов, учреждений, организаций и интересы самого человека как жителя.

XX век можно в известном смысле назвать веком массового возникновения городов. Процесс урбанизации охватил все страны, особенно индустриально развитые, что привело к тому, что большинство населения сосредоточилось в городских поселениях. При этом градообразующими факторами стала не только концентрация промышленности, но и наука, отдых, переработка сырья, в том числе и сельскохозяйственного, и т.д.

Не является исключением данный процесс и для нашей страны, в которой процесс градостроительства протекал в огромных масштабах. За годы Советской власти (до 1989 г.) образован 1481 город. Характерной особенностью нынешнего периода является тенденция неуклонного их укрупнения: в России 57 городов имеют населения более 500 тыс. человек, в том числе 23 – более 1 млн. жителей. Острота социального развития городов на современном этапе объясняется прежде всего тем, что в настоящее время в них проживает большинство (71%) населения страны (2).

Рост урбанизации определяет не только сам процесс образования городов. Научно-технический прогресс знаменует переход от старого типа расселения – точечный город-село – к новому – агломерациям и урбанизированным районам. В нашей стране

существует ряд крупных и сверхкрупных агломераций: московская, уральская, самарская, нижегородская, – которые ставят принципиально новые социальные проблемы, вызванные проживанием огромного числа населения на ограниченной территории.

Само функционирование городов и агломераций имеет как общие, так и специфические проблемы. Для всех них первостепенное значение приобрели адаптация приезжающих, общественная и окружающая среда, развитие современного жилища, рациональная организация повседневной жизни людей.

Но имеются и специфические проблемы. В крупных городах это упорядочение социальной инфраструктуры, приведение в соответствие производственных и культурно-бытовых потребностей, в малых – эффективное использование трудовых ресурсов, благоустройство, создание современного комплекса удобств, жилищного и коммунального обслуживания (Б.С.Хорев)

Но самое прискорбное состоит в том, что социальное развитие города до сих пор фактически рассматривается как дело второстепенное, неполноправное и нередко отходящее на задний план(3).

Немало острых вопросов возникает в новых городах. Опыт проектирования, строительства и функционирования Дивногорска, Набережных Челнов, городов Тюменского Севера говорит о том, что отсутствие необходимых условий для рациональной организации повседневной жизни населения приводит к неудовлетворенности людей местом работы и жительства и как следствие этого – к миграции.

Залогом успешного решения градостроительных проблем для молодых городов Сибири является обеспечение их стабильными квалифицированными кадрами. Между тем на сибирского горожанина жилой площади приходится на 8–10% меньше, чем в среднем на горожанина России. Ниже средних показателей на 25–40% обеспеченность предприятиями общественного питания, больницами, поликлиниками, условиями для повышения образования, занятий спортом. Ощущается острая нехватка и учреждений культуры. Слабое внимание к социальным аспектам ведет к тому, что ряд новых городов оказываются менее удобны для жизни, чем старые, сложившиеся, и неоправданно отстают от тех возможностей, которые имеет страна (4).

И все же есть способы достаточно эффективно решить эти проблемы на данном уровне: территориальное движение кадров, регулирование занятости населения по полу, совершенствование форм и методов организации досуга, просветительной и оздоровительной работы и т.д.

Актуальность социального развития городов особенно возросла в связи с осуществлением экономической реформы, предъявляющей новые требования к практике их функционирования, к проблеме оптимального сочетания интересов территории, производственных организаций и населения.

Необходимость создания благоприятной жизненной среды в значительной степени определяется путями и методами решения социально-экологических проблем, а также жилищным, торгово-бытовым и коммунальным обслуживанием, возможностями рациональной организации досуга. Экономические реформы, с одной стороны, положительно повлияли на обновление облика ряда крупных городов (Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Самара), но с другой стороны, резко уменьшили социальные

возможности средних и малых городов – нищенское существование населения стало печальным и имеющим большие социальные последствия фактом.

§ 2. НАСЕЛЕНИЕ И ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ

Как известно, градообразующими факторами выступают промышленность, транспорт, связь, управление, наука, санаторно-курортное дело и т.д. С точки зрения социологии эти факторы отражают взаимодействие города и общества и отражают количество рабочих мест, виды приложения труда, квалификацию кадров, т.е. социальные аспекты функционирования жителя в процессе его трудовой и повседневной жизни.

Что касается градообслуживающей сферы, то она также характеризуется совокупностью рабочих мест, связанных с обслуживанием населения. Сюда входят транспорт, детские учреждения, школы, здравоохранение, торговля, бытовое обслуживание, учреждения культуры, коммунальное хозяйство, внутригородская связь и т.д., т.е. то, что общество дает человеку. В настоящее время это бремя обязанностей во все большей степени возлагается на сам город, на его возможности и ресурсы, что при отсутствии четкой нормативной, правовой и финансовой базы ставит города в очень тяжелое положение.

Конечно, разделение на градообслуживающую и градообразующую сферы довольно условно. Так, вузы, больницы, театры, торговые учреждения и т.д. обслуживают не только население данного города. По ряду данных, до половины коек в областных больницах и 10-15% в городских больницах крупных городов занято иногородними; до 30% покупок в магазинах и 10% заказов в ателье также совершаются приезжими. Поэтому различить градообслуживающий и градообразующий факторы иногда весьма затруднительно. Однако с позиций методологии исследования такое разделение необходимо.

Градообразующий и градообслуживающий факторы, вместе взятые, представляют собой структуру мест труда, заданную экономическим развитием города и технической вооруженностью его предприятий и организаций.

Город рассматривается с разных сторон – архитектурно-градостроительной, географической, политической, экономической и т.д. Однако очевидно, что в процессе функционирования городов недостаточно ориентироваться только на технические и архитектурные характеристики – необходимо самым пристальным образом заниматься их социальным обликом, теми условиями, которые создают возможность для оптимальной жизнедеятельности, наилучшей среды обитания, для удовлетворения потребностей людей. Иначе говоря, центральным вопросом социального развития городов является организация рациональной жизни населения.

Город является социальной ячейкой общества, которая охватывает все этапы человеческой жизни. Город обеспечивает такие стороны жизнедеятельности, как труд, материальные и духовные потребности, подготовка кадров, рекреация, охрана здоровья, защита окружающей среды, социальное обеспечение, охрана общественного порядка, общественная деятельность. Именно город, взятый в целом, составляет материальную основу развития личности. Если на производстве человек проводит определенное время, и только в трудоспособном возрасте – в среднем с 18 до 60 лет, то населенный пункт, город в том числе, обслуживает всю его жизнь – от родильного дома до кладбища (Н.А.Аитов). Вместе с тем взаимосвязь города и производственных организаций обязательно нужно постоянно учитывать, ибо в городах постоянно происходят возникновение, расширение или ликвидация производственных организаций, что прямо влияет на такие процессы, как

уровень занятости и безработицы, возможность социальных конфликтов, миграция, удовлетворенность работой и местом жительства.

Социально-экономическая ситуация существенно влияет на жизнь трудящихся. Если в городе нет достаточных шансов на социальное продвижение, не отвечает современным требованиям жилищно-бытовая сфера, высок уровень загрязнения окружающей среды и т.д., то, как правило, ухудшается социальное настроение, растет число конфликтов и претензий, снижается рождаемость, возникают диспропорции в использовании трудовых ресурсов. Так, проблема рационального использования людских ресурсов начинает реализовываться в трудовых коллективах. Не повторяя и не претендуя на их компетенцию, город имеет специфические особенности, которые присущи ему как особой социальной системе. Если производство решает вопросы трудовой деятельности непосредственно в процессе труда, то город обеспечивает подготовку к этому процессу, а также общие условия для эффективного функционирования рабочей силы.

Это прежде всего проявляется при формировании трудовых ресурсов, ибо многие города стремительно растут. Так, в начале строительства в 1959 году Тольятти насчитывал 72 тыс. человек, а в 1989 году в нем проживало уже 630 тыс., т.е. в 9 раз больше. С 1970 по 1989 год население Набережных Челнов возросло более чем в 13 раз. Но если предприятие, как правило, проектирует требуемое количество рабочей силы с учетом ее квалификации, то в условиях города использование трудовых ресурсов предполагает наличие рациональных, пропорций в социально-демографическом составе населения. Игнорирование этого принципа приводит к серьезным нарушениям в организации социальной жизни города. Словом, важно согласовать количество мест приложения труда, имея в виду традиционно «мужские» и «женские» профессии, с реальной структурой трудоспособных. Иначе происходит отток из города представителей «избыточного» пола либо люди приспосабливаются к несвойственной им работе. А вследствие оттока «избыточного» (с точки зрения производства) пола начинается отток из города и противоположного пола (из-за невозможности заключения брака или обеспечения работой другого члена семьи) (5).

Неблагоприятная демографическая ситуация может создать преимущественно «женский» или «мужской» город со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями. Так, в некоторых новых «нефтяных» городах Западной Сибири в 70-е годы на 100 мужчин приходилось 57–60 женщин. Это приводило к тому, что в этих городах заключалось браков меньше, чем полагалось бы такому городу с нормальной половозрастной структурой. Соответственно уменьшалась рождаемость, были более часты разводы, снижалась успеваемость детей в школах (Г.Ф.Куцев). Несбалансированность трудовых ресурсов по полу во многом объясняется политикой соответствующих министерств и ведомств, которых, как правило, интересовали только производственные задачи. В этот период плохо учитывалась и возрастная структура населения: обычно в новом городе (особенно на первых порах его становления) в основном проживает молодежь со своими специфическими потребностями.

Еще один существенный момент в развитии городов – поиск оптимальной профессиональной структуры трудоспособного населения. Если структура мест труда формируется под влиянием экономических и технических факторов, то профессиональная структура, кроме того, испытывает еще воздействие других факторов, в частности миграции. Поскольку эти две структуры развиваются под влиянием различных, далеко не совпадающих друг с другом факторов, то вполне возможны определенные расхождения между ними. Различия эти проявляются в несовпадении количества мест труда и количества работников (Ф.С.Файзулин).

Из-за стихийного развития городов нередко складывается ситуация, когда количество рабочей силы с соответствующей профессиональной и образовательной подготовкой оказывается значительно ниже того, что требует усложняющаяся техника и технология труда. В этом случае производственные мощности предприятий, особенно вновь вводимые, не могут быть освоены в срок и город не дает обществу того, что он мог бы дать (Г.И.Мельников).

Особое значение для профессиональной структуры города имеет обеспечение потребностей разных отраслей промышленности, а также то, что набор рабочих мест соответствует реальному качеству рабочей силы. Если в городе у населения высокий уровень образования, то здесь не место неквалифицированному труду, если же этот уровень ниже, то и труд должен быть к этому приспособлен. Далее. Город не может быть чисто промышленным – в нем нужны и научные учреждения, и учебные заведения, и другие атрибуты культурной среды, иначе снизятся творческий потенциал города, уровень удовлетворенности жизнью.

На основе профессиональной структуры и структуры мест приложения труда складывается социальная структура населения. Она характеризуется соответствием или несоответствием качества рабочей силы и качества мест приложения труда. В двух городах может быть в составе населения равное количество специалистов с высшим образованием, но если в одном из них процент инженеров в 2 раза выше, чем в другом, то ясно, что мы должны признать их социальную структуру различной.

На социальную структуру воздействует маятниковая миграция, которая приводит к тому, что начинают различаться социальные структуры работающих и живущих в городе («дневная» и «ночная» социальная структура), а также появляется неработающее трудоспособное население (Н.А.Аитов).

Для решения проблем социальной структуры города важное значение имеет ее соответствие ожиданиям жителей, т.е. степень разнообразия структуры, реальные возможности социально-профессионального продвижения и осуществления социальных перемещений.

Отсутствие этих условий становится причиной миграции населения. Естественно, что это снижает эффективность капитальных вложений и значительно тормозит экономическое и социальное развитие городов.

В связи с переходом страны к рыночным отношениям остро стал вопрос о безработице, которая наиболее болезненно проявит себя в городах. По данным социологических опросов, уже в середине 1990 года до 65-70% населения в той или иной мере испытывали тревогу по поводу грядущей безработицы. К середине 90-х годов эти показатели не уменьшились, а в ряде городов даже выросли. Поддерживая процесс перехода к новым экономическим отношениям, люди боятся (и не без оснований), как бы в целом приемлемый для общества процесс конверсии, закрытие нерентабельных предприятий, приведение в соответствие меры труда и его оплаты не обернулись бы бедой для конкретного человека. Как показала жизнь, коллизии безработицы, помноженные на безалаберность, неумение и незнание, уже привели к серьезной социальной напряженности в городах и, как следствие, к социальным конфликтам.

§ 3. БЛАГОПРИЯТНАЯ ЖИЗНЕННАЯ СРЕДА

Ее создание начинается с рационального, продуманного осуществления архитектурно-планировочных преобразований,

комплексного улучшения жилищных и культурно-бытовых условий жизни людей. К сожалению, города все еще сталкиваются с ведомственностью и стихийностью в строительстве жилья и культурно-бытовых объектов. Да и сама архитектурная служба города подходит к этим вопросам в известной мере механически: вписывается или нет тот или иной объект в архитектурный ансамбль. В результате города нередко страдают от разбросанности производственных и культурно-бытовых объектов, осложняется жизнь десятков тысяч людей (О.Н.Яницкий).

Планомерная застройка города, последовательное освоение новых и освобождаемых от ветхого жилья площадей, внешний облик его кварталов, магистральных улиц, благоустройство могут быть осуществлены только на основе объединенных усилий городских органов власти, предприятий и организаций города.

При всей важности социально-пространственных и архитектурно-планировочных проблем городов определяющими являются социальное настроение, самочувствие, удовлетворенность людей местом жительства, возможность реализовать материальные и духовные потребности. Общая характеристика жизни горожан как в нашей стране, так и во всем мире далека от идеального положения. Скученность населения, безликость городской среды, отсутствие должного социального контроля перемежаются с такими неотложными вопросами, как жилищная проблема, распространение массовой культуры, рост неблагополучных семей, причастность молодежи к различным формам отклоняющегося поведения, рост преступности. Все заметнее проявляются отчуждение людей, рост одиночества, отсутствие милосердия (забота о престарелых, обиженных судьбой, неконкурентоспособных и т.д.). Иначе говоря, центральной фигурой должен стать человек как житель, основной задачей – организация его жизни. В связи с этим для социологии представляет интерес анализ сознания и поведения работников в процессе их высвобождения в результате конверсии, ликвидации убыточных предприятий, механизации и автоматизации производства, совершенствования управления и организации труда, а также подготовка, переподготовка и перепрофилирование кадров через все каналы общеобразовательного и профессионального обучения (6).

Интеллектуальный потенциал города, духовную атмосферу в нем создают люди, имеющие общую и специальную подготовку. Забота о преумножении их числа и уровня влияния – залог развития культуры в городе.'

Так, большую пользу город может оказать в обеспечении специалистами средней квалификации, что предполагает развитие сети техникумов и профессиональных училищ. Их отсутствие в не меньшей мере, чем отсутствие вузов, отражается на рациональном и сбалансированном использовании трудовых ресурсов.

В социологии города нередко анализируются состояние, проблемы и направления совершенствования всех видов образования: дошкольного, общего среднего, профессионально-технического, среднеспециального и высшего. Особое внимание (этому может быть подчинено и специальное социологическое исследование) отводится молодежи, оканчивающей 9-е классы, когда перед молодыми людьми встает проблема выбора – как строить свою будущую жизнь.

Современный город невозможно представить без духовной культуры, постоянного развития культпросвет учреждений, кинообслуживания, библиотек, театров, музеев, концертных залов, парков культуры. Не случайно одним из главных остается вопрос об организации эффективного использования свободного времени, которое является другом человека, но при определенных обстоятельствах становится его врагом.

То, что в течение длительного времени многие города имеют ограниченный набор культурно-просветительных и спортивных сооружений, объективно суживает выбор занятий в свободное время и нередко служит первотолчком к противоправному поведению.

Проведенные в 70–80-е годы Научно-исследовательским институтом экономики строительства обследования на уральских заводах показали, например, что затраты на строительство спортивных комплексов окупались за 6–8 лет только за счет сокращения расходов на оплату больничных листов и за счет повышения работоспособности, что непосредственно проявлялось в росте производительности труда. Кроме того, занятия физической культурой и спортом способствовали рациональной организации свободного времени, более насыщенному проведению воскресных дней и отпусков.

Культурная ситуация в городах во многом определяется особой ролью, которую выполняет интеллигенция. Ее влияние тем благоприятнее, чем разнообразнее состав этой социальной группы, представленной различными отрядами – теми, кто работает на производстве, в научно-исследовательских или академических учреждениях, в народном образовании, культуре, здравоохранении и т.д. Важно по-настоящему оценивать и поддерживать их деятельность, создавать возможности для обмена опытом, проведения консультаций и творческой работы по профессии (М.Н.Межевич).

Социальное развитие города предполагает осуществление мер по планомерному воздействию на негативные процессы: наркоманию, проституцию, организованную преступность, правонарушения, детскую безнадзорность, проступки против правил и норм поведения и общежития, любые проявления антиобщественного характера.

Уязвимой стороной жизни городов является торговое и бытовое обслуживание, создание их современной базы, внедрение новых методов работы, повышение культуры быта. К сожалению, в большинстве городов «социальные тылы» безнадежно отстали, мало соответствуют общепринятым мировым стандартам.

В перспективе, как полагают некоторые ученые, около 2 / 3 самодеятельного населения городов и их пригородных зон будут заняты в обслуживающих отраслях. Они потребуют более половины всех затрат, в том числе сфера обслуживания населения – не менее 30-40% общего объема капитальных вложений. Только при соблюдении этих требований сфера обслуживания не будет лихорадить город (В.В.Трушков).

Проектирование условий для деятельности человека в сфере семьи и быта начинается с заботы о жилье. Несмотря ни на что, острота этой социальной проблемы не уменьшается. Различия между людьми в жилищной обеспеченности еще весьма существенны. По-прежнему много нареканий по качеству жилья, так как оно не всегда и не везде отвечает высокому уровню комфортности.

В СССР при строго централизованной системе удовлетворение потребности людей в жилье постоянно сталкивалось с «неувязками» между потребностью и необходимостью. Зачастую строительство жилья в городах производилось без учета реальной величины

семей. Между тем среди городского населения (по данным переписи 1979 г.) из каждой 1000 семей состояли из двух человек – 291 семья, из трех – 322, из четырех – 249, из пяти – 85, из шести – 29, из семи – 11, из восьми – 6, из девяти – 3, из 10 и более человек – 4 семьи. Средний размер городской семьи равнялся 3,3 человека. Однако в жилищном строительстве однокомнатные квартиры составляли только 20%, двухкомнатные – 50 и трехкомнатные – 30%. Безусловно, это расхождение между величиной семьи и типажом квартир не могло не влиять на социальное настроение людей, на их отношение к пониманию и воплощению справедливости в реальной жизненной ситуации.

В настоящее время решение проблемы жилья связано с его приватизацией, с реформой коммунально-бытовой сферы, когда четко обозначились ориентации государства переложить эти заботы на плечи самих граждан. Несомненно, что без решения более масштабных проблем жизнеобеспечения людей такой подход лишь обостряет социальные противоречия в обществе, ибо он усугубляет тяжелое положение значительного числа жителей.

Социальное развитие города предполагает и регулирование социально-потребительской структуры, которая во многом определяется социальной структурой, но бывает различной у тех или иных групп населения. Различия проявляются по демографическому признаку (различно потребление у мужчин и женщин, у молодежи по сравнению с пожилыми людьми), по социальному происхождению (так, в течение 10-25 лет структура расходов выходцев из села отличается от структуры расходов коренных горожан) и по национальной принадлежности. Важное значение для стабильности города имеет соответствие социально-потребительской структуры реальным возможностям потребления (в частности, в молодежном городе с высокой рождаемостью потребность в детских учреждениях намного выше, чем в старых, «устоявшихся» городах). Эти различия нередко с трудом сглаживаются, ибо объекты непроизводственной сферы, в том числе предприятия торговли, бытового и коммунального хозяйства, сооружаются с опозданием и задержкой,

В 80-е годы в ЦНИИ градостроительства разработан проект нового города эпохи научно-технической революции. В проекте предпринята попытка учесть современный опыт строительства городов, потребности экономического и социального прогресса. В нем нашли конкретное воплощение рациональная пространственная организация промышленных зон и жилого комплекса, расположение общественных объектов, бытового обслуживания, зон отдыха и т.д.

Не меньший интерес представляют и проекты для городов Дальнего Востока, Крайнего Севера – «город-дом», «город под куполом» и ряд других вариантов, которые предполагают возможность защиты людей от неблагоприятных природно-климатических факторов.

§ 4. УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОМ

Социальное развитие городов долгое время целенаправленно не осуществлялось. Планы городского хозяйства лишь формально охватывали и намечали развитие многих связей. А по сути, они были суммой тех вопросов, которые решались на уровне предприятий, учреждений и во многом определялись ведомственными интересами.

Почему это случилось?

Прежде всего, были допущены серьезные методологические ошибки. Не было учтено то, что город как социальная единица, как определенная структура закономерных связей существенно отличается от структуры таких связей, как на уровне общества, так и на уровне предприятия.

Это послужило причиной серьезных просчетов, как в теории, так и на практике. Стало фактом нескоординированное, хаотичное развитие городов, когда усилия концентрировались только на городском хозяйстве. Даже в новых городах повторялись ошибки, которые допускались и 20, и 30, и 40 лет назад.

Основным препятствием на пути скоординированного экономического и социального развития городов были узковедомственные интересы. Ориентируясь на проблемы, стоящие только перед производством, министерства и ведомства не хотели участвовать в решении социальных задач городов. В результате те нередко оказывались разорванными на небольшие населения без комплекса удобств, обеспечивающих эффективное использование трудовых ресурсов, рациональную организацию повседневного уклада жизни людей (В.И.Пароль).

В 1991 году в ряде городов России начался крупномасштабный эксперимент по введению новой структуры исполнительной власти – института мэров, префектов и других должностей, суть которого состоит в том, чтобы сделать руководителей городов и районов реальными представителями власти и организаторами процессов по удовлетворению нужд населения. Несомненно, что и социологам предстоит большая работа по научному сопровождению данного эксперимента, по подготовке выводов для дальнейшего совершенствования форм управления городом.

Практика развития городов все больше подтверждает тот факт, что социальные проблемы можно решить только на основе учета интересов населения. Пока имеющаяся практика социально-экономического развития не обеспечила эффективного сочетания интересов территории и отдельных субъектов экономической, социальной и культурной деятельности. В большей или меньшей мере планы городов являют собой свод показателей, за которые территориальные органы фактически не отвечают.

Выход из этого противоречия заключается в том, чтобы в качестве ориентира избрать такую систему, которая служила бы на пользу как федеральным, так и местным органам власти, давала бы возможность более полно реализовать права, нашедшие отражение в основных направлениях реформы местного самоуправления.

Особо важным объектом социального развития городов становится производственная и социальная инфраструктура, т.е. комплекс организаций и учреждений, создающих предпосылки для эффективной организации производства и повседневной деятельности населения. В стране имеется опыт комплексного решения экономических и социальных задач на уровне города. Однако условия, в которых оказались многие города, весьма отличны друг от друга. Это результат произвола, стихийного развития, отсутствия нормативной базы, безответственности как центральных, так и местных органов власти.

Особенно большие нарекания высказываются в адрес местных органов управления, что вызвано как объективными причинами (отсутствие реальной власти, ничтожные возможности местного бюджета), так и субъективными причинами (непоследовательность, боязнь риска, отсутствие поиска, эксперимента). Несмотря на официальные намерения увеличить полномочия городских властей, они до сих пор бесправны в рациональном использовании территории, трудовых ресурсов и организации

повседневной жизни людей. Федеральные и региональные органы власти рассматривают город лишь как зону своих притязаний.

(Сосредоточение внимания городских властей на развитии "инфраструктуры при освобождении их от некоторых несвойственных функций освободило бы их от необходимости противопоставлять производственные задачи социальным, экономить на неотложных нуждах населения. Но это требует реформирования и определения статуса городов как полномочных представителей населения, обладающих в то же время реальной правовой и финансовой базой. Такой подход позволил бы поднять роль местных органов власти в распределении и планировании средств.. Опыт убедительно показывает, что сосредоточение в их руках всего жилищного фонда, культурно-бытовых учреждений, инженерных сооружений и коммуникаций, принадлежащих предприятиям и организациям, а также их финансовых и материальных ресурсов на развитие социальной инфраструктуры создает благоприятные условия для гармоничного развития города, для более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей жителей, для улучшения социального самочувствия и создания устойчивого социального настроения.

Литература

1. См.: Градостроительство и районная планировка. Вып.7. Киев, 1967. С.17.
2. См.: Россия в цифрах. М., 1997.
3. Борщевский М.В., Успенский С.В., Шкаратан О.И. Город: Методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования. М., 1975.
4. См.: Молодой город в районах нового освоения Севера: социально-культурные проблемы. Свердловск, 1989.
5. Аитов Н.А., Камаев Р.Б. Новый промышленный центр и село. М., 1983.
6. Рукавишников В. О. Население города: Социальный состав, развитие, оценка городской среды. М., 1980.

Темы для рефератов

1. Основные этапы урбанизации в мире (в России).
2. Особенности урбанизации в Сибири, на Дальнем Востоке, Крайнем Севере.
3. Город как социальное явление.
4. Проблемы социально-профессиональной, социально-демографической, социально-культурной структуры современного города.
5. Проблема занятости в городе и пути ее решения.
6. Человек и его основные потребности как жителя города.
7. Социальные проблемы пригородов.
8. Новые социальные идеи в градостроительстве.
9. Перспективы местного самоуправления в городе.
10. Маргиналы в городе как социальное явление.

Вопросы и задания для повторения

1. Когда город стал объектом социологической науки?
2. Назовите основные причины возникновения городов.
3. Виды дифференциации социальной структуры в городе.
4. Каковы основные современные социальные проблемы города?
5. Дайте характеристику градообразующей и градообслуживающей сферы.
6. В чем особенности современного сознания горожан?
7. Каковы основные социальные ожидания и ориентации горожан в современный период?

8. Дайте характеристику проблем культурной среды города.

Глава 3 СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА

Социология села представляет собой изучение сущности и особенностей сознания крестьянства как крупной социальной группы общества, его поведения в условиях специфической жизни, обусловленной близостью к природной среде, характером производственной деятельности и повседневного быта.

Обычно в истории социологии в России мало говорится о конкретных исследованиях, посвященных сельским проблемам. Между тем здесь есть чем гордиться, на что обращать внимание и что изучать.

В истории социологии села в России видное место принадлежит А.Н.Энгельгардту (1832–1893), крупному общественному деятелю и мыслителю, который в своих письмах «Из деревни», осмысливая ситуацию в пореформенной России после отмены крепостного права, обратил пристальное внимание на субъективное восприятие крестьянами происходящих изменений, их реакцию на новизну, их приверженность к традициям и обычаям предков. Подчеркивая консерватизм крестьянского мышления, он в то же время писал о чрезвычайной чуткости земледельца к тому, чтобы помогало сохранять устойчивость и в то же время не замыкаться в прошлом (1).

Исследованию аграрных проблем много внимания уделял В.М.Чернов. В его работе «Марксизм и аграрный вопрос» были рассмотрены особенности положения крестьян в условиях проникновения капиталистических отношений в деревню.

Мало изучено наследие такого ученого, как Д.А.Столыпин, который в своих «Началах социологии» попытался проанализировать реальность и перспективы сельского хозяйства России начала XX века.

У истоков советской социологии села находится замечательное произведение «Деревня (1917–1927 гг.)», написанное видным ученым и государственным деятелем В.Н.Большаковым. Посвященное изучению одной из волостей Тверской губернии, оно отражало процесс организации новой жизни во всей ее динамичности и противоречивости, характеризовало неоднозначность изменений, происходящих в экономической, политической и культурной областях.

Значительной вехой на пути становления социологии села стали исследования села Копанка в Молдавии, в ходе которых авторы попытались осветить состояние общественного сознания крестьянства в этот период и зарегистрировать сдвиги в укладе жизни сельских жителей. Ценность их труда заключается также и в том, что исследования, проведенные повторно в 60-х и 80-х годах, дали основания для глубоких выводов об изменениях, которые произошли в трудовой и повседневной жизни крестьянства.

Начиная с 60-х годов, когда социология села, как и вся социология, возродилась, исследованиями жизни деревни и ее обитателей занялась большая группа ученых, чьи труды во многом способствовали становлению этой ветви социологической мысли, – Ю.В.Арутюнян, П.П.Великий, Т.И.Заславская, И.В.Рывкина, Г.А. Лисичкин, П.И.Симуш, В.И.Староверов, А.И.Тимуш и др.

Осмысление новых реалий на селе, происходящих в условиях экономических и политических изменений, нашло отражение в работах нового поколения социологов:

В.Г.Виноградского, Г.А.Родионовой, В.Ф.Томилина, И.Е.Штейнберга и др., – внимание которых сосредоточено на понимании специфики крестьянского сознания и поведения, устойчиво содержащего в себе «признаки здорового консерватизма, отрицания крайних мер в политике и экономике, склонности к таким традиционным ценностям, как семья, религия, сильное государство, к закреплению и выполнению общественных норм и правил» (П.П.Великий, 1996).

§ 1. СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ДЕРЕВНИ

Для социологии села важными методологическими положениями являются, во-первых, то, что сельскохозяйственное производство представляет собой сферу, обеспечивающую целостность народнохозяйственного организма и без которой невозможно функционирование других отраслей; во-вторых, причастность огромного количества людей к работе, к жизни в деревне – численность сельских жителей в России в 1989 году составила 39 млн. человек, или 26% всего населения.

До революции, когда деревня состояла из мелких производителей, она была достаточно крепкой, устойчиво консервативной единицей с тенденцией к еще большему обособлению и раздроблению. На первых этапах существования коллективных форм хозяйствования село и его главные социальные институты – колхоз, совхоз – в основном совпадали между собой. В дальнейшем, начиная с 50-60-х годов, когда усилилась направленность к концентрации, специализации и укрупнению сельскохозяйственного производства, деревня, как единство производственных и территориальных аспектов жизни людей, вновь распалась, но теперь уже на иной основе, что, как показала жизнь, обернулось крупными экономическими и социальными просчетами. Этот разрыв особенно наглядно виден на соотношении количества колхозов и совхозов и сельских населенных пунктов: уже в 1980 году на одно сельскохозяйственное предприятие приходилось в среднем по 10 населенных пунктов.

К середине 80-х годов ситуация в сельском хозяйстве показала во всем объеме тот кризис, к которому привела аграрная политика. Лицо деревни определяло не то небольшое количество передовых колхозов и совхозов, а их основная масса, которая все больше и больше отставала от реальных потребностей времени, знаменовала тот тупик, к которому привел процесс коллективизации в стране, обернувшийся разорением деревни, массовой миграцией, снижением престижа работы на земле. А апофеоз всего этого – ввоз хлеба в нашу страну с начала 60-х годов.

Экономический кризис на селе сопровождался далеко идущими изменениями и в социальной жизни. В деревне сложилась очень непростая социально-демографическая ситуация, что прежде всего проявилось в усилении миграционных процессов. Уменьшение сельского населения в основном происходило за счет центра европейской части, Севера и Сибири (Т.И.Заславская).

Технический прогресс, попытки совершенствования организационных форм управления не привели к эффективности и новому качеству труда, что поставило на повестку дня такие неотложные вопросы, как изменение форм землевладения, качественной структуры занятости, подготовка работников, способных коренным образом повысить производительность труда.

Важно посмотреть на сельскую жизнь еще с одной стороны. Несмотря на неоднократные попытки улучшить материальное благосостояние жителей села (так, с 1970 по 1989 год

зарплата рабочего совхоза выросла с 98,5 до 196 руб.), уровень реальных доходов колхозников и рабочих совхозов серьезно уступал этому показателю в городах. И не столько в плане различия зарплаты, сколько в том, что сельские труженики не пользуются тем комплексом благ по жилью, по коммунальному обслуживанию, по транспортной сети, которые имеются у работников, живущих в городах.

По-прежнему много проблем, связанных с удовлетворением духовных потребностей населения. Хотя некоторые количественные характеристики социального и культурного развития на первый взгляд улучшались (величина жилищного фонда, количество клубных учреждений и киноустановок), нельзя не заметить бедность того книжного фонда, отсутствие клубов и домов культуры не только во многих селах и городах, но даже в районных центрах (в 1986 г. около 400 райцентров не имели домов культуры). В целом культурное обслуживание на селе не отвечает потребностям времени, запросам сельских тружеников.

Но главное все же в том, что коренным образом, стратегически изменилось сознание и поведение крестьянства, что выработало у него особую форму образа жизни и специфическую реакцию на происходящие в обществе процессы. В начале коллективизации, в 30-х годах, отношения колхоза и семейного двора складывались так, что колхоз выступал своеобразным филиалом крестьянского семейного хозяйства. Это проявлялось в том, что крестьянин так же упорно, самозабвенно и настойчиво трудился в колхозе, как привык ранее работать в своем индивидуальном хозяйстве, не считаясь ни с какими затратами, временем. Однако в 50-60-е годы происходил процесс «тихой коллективизации», который, по выражению В.Г.Виноградского, по форме означал укрупнение коллективных хозяйств, закрытие неперспективных сел, а по сути, осуществил радикальную перестройку крестьянской жизни: теперь уже двор превратился в филиал колхоза. Двор ставился в центр забот сельского жителя, он питался, развивался, существовал за счет коллективного хозяйства, начал быстро, систематически и сознательно подключаться к финансово-ресурсному потенциалу колхозов и совхозов, в полной мере воплощая широко известное присловье: «Все вокруг колхозное, все вокруг мое» (2).

Именно такая ситуация, когда двор и колхоз (совхоз) – взаимные филиалы, взаимные «фильтры» и взаимные «угодья» – объясняет и то ожесточенное сопротивление скороспелой аграрной политике неолиберального толка, которая в начале 90-х годов была намерена «облагодетельствовать» крестьян без их ведома и желания.

А если учесть, что одновременно произошел распад интеллектуальной среды деревни, то все это позволяет сделать вывод: положение крестьянина серьезно дестабилизировано, продолжается процесс раскрестьянивания, жители села утратили во многом необходимую духовную общность с землей. Произошло отчуждение человека деревни от труда и его результатов, что, в свою очередь, не могло не сказаться на экономической и социальной эффективности сельского хозяйства в целом (П.И.Симуш).

Не внесли ясности и преобразования, начатые в России после 1991 года. Большинство колхозов и совхозов как по объективным, так и по субъективным причинам распалось. Уровень сельскохозяйственного производства резко снизился. Фермерское движение, которое росло до 1993–1994 годов, пошло вспять, и надежды на эту форму хозяйствования не оправдались. Жизнь показывает, что «стихия рынка – это самое лучшее средство разорения сельскохозяйственного производства и крестьян» (Г.С.Лисичкин, 1997).

Общественное сознание крестьянства как никакой другой группы представляет весьма противоречивую картину. И главное, даже те ростки возрождения хозяйского отношения к земле, которые появились среди части как бывших, так и настоящих крестьян, фактически загублены неразумной аграрной политикой уже новых политических деятелей России.

§ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ НА СЕЛЕ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

История советской деревни – это путь непрерывных экспериментов, которые проводились в режиме поиска реальных резервов для повышения эффективности сельскохозяйственного производства, для улучшения жизни крестьян, но которые оборачивались провалом и еще большим погружением в бесперспективное будущее.

Беды советской деревни начались с огульного, всеохватывающего процесса создания одной формы собственности – колхозной. А ведь еще в середине 20-х годов, когда деревня после введения нэпа достигла уровня 1914 года, в ней существовало 14 (!) форм собственности (от снабженческо-сбытовой до товариществ по совместной обработке земли) (В.Н.Большаков, 1928). Даже коммуны были порождением творчества части рабочих и крестьян, которые мечтали о коллективных формах хозяйствования. Как показал в своем исследовании В.В.Гришаев, эта форма хозяйствования охватила незначительную часть населения. Но главное, она не навязывалась всем без исключения, хотя и имела некоторые льготы и поддержку со стороны государства (3).

Внедрение однопорядковости в виде колхозной формы собственности подрубило реально существующее многообразие форм собственности, в том числе и индивидуальной, и во многом ограничило как экономические, так и социальные возможности крестьянства. Разве не парадоксом выглядит факт, что приусадебные участки селян, индивидуальные участки земли жителей рабочих поселков и городов, имеющих в своем распоряжении менее 1 % земли, в 70–80-е годы давали 60% товарного картофеля, 30–40% овощей, 20–30% масла и молока.

Это усугублялось тем, что максимально ограничивалась свобода крестьянства: до середины 50-х годов они не имели права самовольно покинуть колхозы, ибо не имели паспортов. Однако в общественном сознании начиная с конца 40-х годов постепенно созревало понимание того, что проводимая в стране долгие годы политическая линия на форсированную индустриализацию за счет села и неэквивалентного обмена с городом дальше продолжаться не может и необходимы решительные меры по укреплению сельского хозяйства.

Эти начинания после смерти Сталина нашли отражение в, постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по изменению ситуации в сельском хозяйстве. Отчасти это выразилось в ряде экспериментов как экономического, так и социального характера.

Что касается экономических экспериментов, то они были связаны то со всеобщим внедрением кукурузы во всех климатических зонах, то со строительством силосных башен, то с кампаниями по кролиководству и т.д. и т.п. По сути, эти меры решали частные вопросы, кардинально не затрагивающие интересы крестьянства в целом. Даже такая широкомасштабная акция, как освоение целины, подняв в дорогу миллионы людей, искренне поверивших в ее значение, не решила того, на что она была нацелена, – обеспечить продовольствием всю страну.

В 50-60-е годы был обоснован курс на превращение сельской деревни в крупный населенный пункт, способный обеспечить улучшение трудовой и духовной жизни человека, удовлетворить его материальные и культурные потребности. На практике это означало концентрацию сельских поселений.

Предполагалось с 1975 по 1990 год сократить число деревень с 705 тыс. до 250 тыс., т.е. почти в 3 раза. И если учесть, что уже с 1960 по 1970 год в стране «исчезло» 235 тыс. населенных пунктов, то можно утверждать, что политика ликвидации неперспективных деревень опиралась на реальность стихийных процессов. В 70-х годах переехали в укрупненные поселки жители более 26 тыс. хуторов Белоруссии, 24 тыс. – Литвы, 4750 деревень и хуторов Украины, 275 – Ростовской и 242 – Белгородской областей.

Но ликвидация населенных пунктов – задача не только экономическая. Дело не сводилось к тому, что на перестройку деревни требовалось значительное количество материальных ресурсов. Это задача и социальная, ибо связана с созданием новых форм социальной общности людей, их поведения, образа жизни, отдыха. Это и социально-психологическая задача, ведь человеку нередко трудно покинуть родные места, где он вырос и жил, даже тогда, когда он осознает, что переезд на новое место жительства необходим.

Конечно, сселение деревень по замыслу творцов этой программы было нацелено на то, что, собрав жителей в поселках городского типа, можно будет лучше и легче создавать условия для жизни, для удовлетворения культурных и бытовых потребностей. Но этот технократический подход, не принимавший во внимание особенности народной психологии, а также исторический, нравственный и культурный опыт крестьянства, жестоко отомстил. Ликвидация неперспективных деревень обернулась крупными издержками, принесла много бед, ввергла людей в полосу новых страданий. Принятые меры лишь подхлестнули миграцию из деревни, были заброшены миллионы гектаров земли вокруг вымирающих сел, запущены сады, луга, пашня уходила в залежь.

Эта недальновидная политика привела к глубоко ошибочным выводам и соответственно к ущербным результатам – снижению объема сельскохозяйственной продукции, к многомиллиардным непроизводительным затратам. И главное, не остановила уход крестьян из села в город, еще больше деформировала сознание людей, не вернула им верность традициям земледельцев (А.И.Тимуш).

В конце 60-х – 70-е годы была предпринята еще одна попытка повлиять (уже с помощью ученых) на ситуацию в сельском хозяйстве при максимальном учете социальных потребностей сельских жителей. В жизнь пытались внедрить планы социального развития сел, деревень, сельских районов и даже областей. В основе лежала благородная задумка – учесть в комплексе все аспекты производственной и повседневной жизни сельских жителей.

Уверенность, что социальное планирование будет способствовать решению проблем села, привела к появлению более 100 различных методик для колхозов и совхозов, районов и даже сельсоветов. В дальнейшем был поднят вопрос о важности планирования социального развития деревни, а не производственной ячейки – колхоза и совхоза. При этом начали опять ускользать проблемы, прямо выходящие на человека. Становилось очевидным, что планы социального развития нельзя рассматривать как панацею от всех бед. Их анализ показал, что они так и не обеспечили комплексный подход ко всей общественной жизни в деревне. Это проявилось не только в том, что не удалось охватить разные стороны жизни сельских жителей, но и в том, что они в основном были нацелены

на достижение производственных целей и, по существу, игнорировали социальные процессы, т.е. не затрагивали интересов жителей села.

В период перестройки, несмотря на признание пагубности произведенных аграрных преобразований, не были найдены и предложены меры, которые бы эффективно решали судьбы крестьянства. Очень много времени ушло на общие разговоры о важности кардинальных изменений в землепользовании, о расширении практики арендных отношений, о введении института фермерства, о многообразии форм собственности на землю. В результате в начале 90-х годов сложилась парадоксальная ситуация: колхозы и совхозы стали кормильцами прошлыми, фермеры – будущими. Но кто будет кормить народ в настоящее время?

Жизнь свидетельствует, что преобразования на селе происходят неоднозначно. Крестьяне, как показывают социологические исследования, с настороженностью и определенной медлительностью воспринимают предложения об организации фермерских хозяйств, опасаются, как бы это не обернулось очередным почином. Взлет надежд на возрождающееся фермерство уже оборачивается разочарованием, неверием в действенную помощь государства, несовершенством и запутанностью взаимоотношений общества и крестьянства. О трудностях становления этой формы собственности говорит хотя бы тот факт, что из 145 тыс. фермерских хозяйств (осень 1992 г.) только 4 тыс. были товарными. Аналогичный опыт в странах Восточной Европы также свидетельствует, что фермерская модель аграрного производства не состоялась: даже в Венгрии, первой ставшей на этот путь, на фермерское хозяйство приходится около 6-7% от общего объема аграрной продукции.

§ 3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛА

Современная экономическая, социальная и культурная ситуация на селе характеризуется в основном негативными процессами. И без того низкий объем производства сельскохозяйственной продукции упал еще ниже – за 1991–1995 годы он сократился почти наполовину.

Если в 70-80-е годы производительность труда в сельском хозяйстве составляла примерно 20-25% от уровня США, то в середине 90-х годов этот разрыв еще более увеличился и равнялся 10-15%.

Упадок сельского хозяйства резко уменьшил доходы крестьян, перевел их на рельсы натурального жизнеобеспечения. Социальное развитие деревни фактически приостановлено: закрылось большинство клубов, детских садов, с перебоями действуют библиотеки, не обновляются их фонды.

Внимание социологии села во все большей мере сосредоточивается на решении проблем отчуждения и возможностях превращения крестьянина в реального хозяина земли. Предстоит выработать новую систему взаимоотношений, высвободить стремление человека к жизни на земле, к самостоятельному хозяйствованию. Нужно, чтобы сельское хозяйство стало высокорентабельной отраслью производства, привлекательной для каждого труженика, являющейся благодатным полем для проявления его творческой активности.

Показательно и то, что на сельское хозяйство были затрачены огромные капитальные вложения. Но должной отдачи не получилось. Сегодня уже ясно, что все в конечном счете

замыкается на человеке, на его желании или нежелании постоянно и высокопроизводительно трудиться.

Особенно остро стоят вопросы о кардинальных изменениях в организации труда. Практика подтверждает, что, несмотря на отдельные высокие показатели трудовой деятельности, передовой опыт, в целом существующие формы организации труда себя не оправдали, не дали ни экономического, ни социального эффекта, соответствующего современным требованиям научно-технического прогресса.

Решая вопросы организации труда, следует обратить внимание на вызревание различных форм организации производства. Радикальные изменения в аграрной сфере привели к появлению объединений, комплексов, где сельское хозяйство органически сочетается с переработкой его продукции, где рационально используются трудовые ресурсы, где обеспечивается более эффективная связь с городом.

В результате изменений, которые происходят в сфере производственных отношений, в сельском хозяйстве начали формироваться новые отношения между людьми, основанные на взаимном интересе и обоюдной ответственности. Деревня стоит на пороге возрождения самостоятельных крестьянских хозяйств, что, несомненно, обогатит ее экономическую и социальную жизнь. Вместе с тем колхозно-кооперативная собственность далеко еще не исчерпала своих возможностей и по ряду показателей соответствует современным требованиям развития народного хозяйства. Поэтому вряд ли можно согласиться с противопоставлением различных форм владения и распоряжения землей: они проявляют себя только в сочетании друг с другом – о создании одинаковых возможностей для них ратовали 51% опрошенных (1990 г.). Не изменилась эта ситуация и позже, в середине 90-х годов.

В современных условиях остро стоит вопрос о будущем колхозов, о фермерских формах ведения хозяйства, о более эффективном и по-новому организованном участии горожан в производстве сельскохозяйственной продукции, и в частности через развитие садоводческих кооперативов или организацию «зеленых цехов» предприятий на базе малорентабельных и нерентабельных хозяйств.

Эффективную организацию труда, стимулирование предприимчивости сдерживает во многом окостенелость форм регулирования сельскохозяйственного производства. Жизнь требует более эффективных, более разумных моделей, позволяющих избавиться от бюрократизма, раскрыть потенциальные возможности человека, преодолеть его отчуждение от земли и результатов своего труда. Однако реальность середины 90-х годов говорит об обратном: идет расхищение и так небогатых ресурсов, захват земель, вытеснение отечественной продукции зарубежными поставками аналогичных товаров.

При характеристике форм и методов рационального использования труда в сельском хозяйстве важно учитывать специфику этой отрасли. По сути, весь вопрос сводится к тому, чтобы существующее сезонное предложение рабочей силы было использовано наиболее выгодным для общества способом. О том, что сезонность земледелия создает естественную основу для соединения его с подсобными сельскими промыслами, говорил еще К.Маркс. Применительно к России он писал: «Понятно, какой потерей было бы для России, если бы 50 из 65 миллионов населения ее европейской части оставалось без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев, когда необходимо прекращаются всякие полевые работы». Это проблема экономическая, потому что речь идет о вовлечении в процесс производства нового резерва рабочего времени, об использовании возможностей для роста национального дохода без больших централизованных

капитальных вложений. Эта проблема в то же время и социальная, потому что речь идет о повышении материального благосостояния, об улучшении производственных и бытовых условий десятков миллионов людей.

Для социального развития села большое значение имеет решение проблемы сочетания сельскохозяйственного и промышленного труда. Суть предложения состоит в том, что работники сельского хозяйства в свободное от сельскохозяйственных работ время могли бы быть заняты в промышленном производстве и на промыслах.

Однако в целом промышленные производства в сельском хозяйстве развиты очень слабо. В работе подсобных промышленных предприятий участвует незначительное количество людей, а затраты на них не превышают нескольких процентов всех годовых затрат труда в общественном хозяйстве.

Еще в меньшей мере используется труд крестьян в работе различных промыслов. Имевшие в свое время место ошибочные установки привели к тому, что кустарные промыслы постепенно пришли в упадок и в конце концов были почти полностью ликвидированы. Это пагубно отразилось на финансовом положении села, а в социальном отношении привело к тому, что страна лишилась большого количества изделий, удовлетворяющих бытовые нужды населения. Отметим также, что неполно использовались трудовые ресурсы села, велики были потери доходов, которые приносили эти промыслы при реализации продукции как внутри страны, так и за рубежом.

Большую и сложную часть проблем социального развития на селе представляют совершенствование крестьянского быта, повышение культурного обслуживания сельского населения и изменение крестьянской психологии. Анализ показывает, что материальная основа крестьянского быта и крестьянской психологии осталась во многом такой же, как и прежде. Для повседневного уклада крестьянина все еще характерна высокая степень консервативности и индивидуализма. Формы удовлетворения бытовых потребностей меняются очень медленно.

Новые тенденции в переустройстве быта деревни сплошь и рядом соседствуют с вековыми, устаревшими обычаями, технической беспомощностью и несостоятельностью. Используя современные строительные материалы, в деревне часто строят все те же хаты, нередко неуютные, не соответствующие техническим и санитарно-гигиеническим требованиям. Новое жилище крестьянина должно быть современным и максимально приспособленным к условиям жизни в деревне. Вот почему, к примеру, жители села отвергли надуманное массовое строительство многоэтажных домов, в которых не были учтены особенности повседневного уклада жизни крестьянина.

Особо трудные проблемы стоят, перед сферой культуры на селе. В 70-е – начале 80-х годов непосредственно «у себя» (в своей деревне, селе) клубы имели 84% населенных пунктов, а библиотеки – 34% (В.С.Тапилина). К середине 90-х годов эта ситуация еще больше осложнилась – многие библиотеки и клубы просто прекратили свое существование: государство не может их поддержать, а большинство сельских производственных организаций находится на грани выживания. Экономическая целесообразность вступила в противоречие с социальными потребностями – значительное число сельских жителей лишено возможности регулярно удовлетворять духовные потребности.

Отстают от общих по России показателей и другие характеристики развития села: школы не обеспечены кадрами учителей, невелика сеть музыкальных, художественных и других специализированных учреждений, не развита сеть дошкольного воспитания.

Неудовлетворительно решаются и вопросы здравоохранения. На низком уровне находится обеспеченность врачами. И самое главное – большинство жителей села сориентировано в основном на помощь со стороны городских больниц и поликлиник или на самолечение.

Особое место в социологии села занимает анализ состояния и тенденций функционирования сознания сельской интеллигенции как социальной группы. Сельский учитель еще со времен земства был и просветителем, и фельдшером, и агрономом, и советчиком крестьянина во всех его делах. Постепенно село приобретало и другие группы представителей умственного труда – специалистов сельского хозяйства, медицинских работников, представителей культурно-просветительной деятельности и т.д. В тех случаях, когда промышленность, строительство становились частью сельской жизни, интеллигенция была представлена инженерными кадрами. Но чем больше деревня насыщалась работниками умственного труда, тем меньше она дорожила ими и тем слабее они исповедовали идею служить людям там, где начали трудиться. Интеллигенция еще более стремительно, чем сами крестьяне, вымывалась из сельской жизни. А пополнение ее рядов из выпускников вузов и техникумов походило на черпание воды решетом. Все большее отставание деревни от потребностей времени становилось устойчивой тенденцией. И это не могло не сказаться на процессе постоянной деградации деревни как в производственном, так и в духовном аспекте. Отдельные позитивные примеры никак не решали проблему в целом: жизнь на селе теряла притягательность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Не случайно, по данным П.П.Великого, 40% опрошенных в 1994 году крестьян не желают, чтобы дети унаследовали их социальный и имущественный статус. Более того, в этом же исследовании было выявлено (по сравнению с 1992 и 1993 годами) серьезное ухудшение экономического положения, социальной защищенности, перспектив будущего (4).

Одним из серьезных изменений и сдвигов в социальном настроении на селе является поведение подрастающего поколения, определяющего перспективы своей жизни. Анализ сочинений старшеклассников в селах Саратовской области показал, что становится все меньше и меньше желающих выбрать профессию, связанную с возможной жизнью сельского интеллигента.

В целом ситуация в деревне как бы еще раз наглядно подчеркивает реальность «идиотизма» деревенской жизни. А это не может не фиксироваться в общественном сознании, не противопоставляться жизни в городе и приводить к выводам не в пользу сельской жизни.

Литература

1. Энгельгардт А.Н. Из деревни. Двенадцать писем (1882–1888). М., 1987.
2. См. подробнее: Виноградский В.Г. Крестьянские сообщества сегодня (южно-российский вариант) // СОЦИС. 1996. № 6.
3. Гришаев В.В. Сельскохозяйственные коммуны России (1918– 1929). М., 1976.
4. Великий П.П. Сельская действительность (социологический ракурс) // СОЦИС. 1996. № 10. С.42.

Темы для рефератов

1. Характеристика жизни крестьян в работах А.Н.Энгельгардта.
2. Судьбы сельского учительства.
3. Причины и эффективность многообразия форм хозяйствования в 1920-е годы.
4. Колхозная собственность: замыслы и реальность.
5. Эволюция крестьянского сознания (от 20-х до 80-х годов).
6. Фермерство и перспективы его развития.
7. Культурная среда современной деревни: состояние, проблемы, перспективы.

Вопросы и задания для повторения

1. Что изучает социология села?
2. В чем состоят основные социально-экономические проблемы села?
3. Какие формы собственности и формы хозяйствования на селе существовали в советское время?
4. Какие изменения произошли в поселенческой структуре в сельской местности с 30-х по 90-е годы?
5. Дайте характеристику культурной жизни села.
6. Почему устойчивы традиции и обычаи на селе?
7. Какие изменения произошли в образе жизни крестьянства в 30-90-е годы?
8. Каковы особенности сознания и поведения современной сельской молодежи?

Глава 4 ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Экологическая социология прошла сложный и трудный путь своего становления и окончательно сложилась (хотя и продолжает существовать несколько параллельных, но взаимосвязанных концепций) в конце 80-х годов. По мнению О.Н.Яницкого, она в своем развитии прошла три этапа: человеческая и городская экология в 1920–1930-х годах; социология экологических проблем, которые по-разному решались в США, Западной Европе, СССР – в 60-70-е годы, и собственно экологическая социология, возникшая как осмысление идей Римского клуба, идей комиссии ООН по среде и развитию («Наше общее будущее»), а также крупных глобальных или региональных изменений и событий (катастроф), возникших под совокупным воздействием индустриализации, урбанизации и роста народонаселения [1].

С конца XIX – начала XX века, когда проблемы экологии начали становиться предметом общественных дебатов, ими занимались ученые самых различных направлений. С одной стороны, это естествоиспытатели (ранее – В.В.Докучаев, В.И.Вернадский, в настоящее время Н.Н.Моисеев, В.А.Коптюг, А.А.Яблоков, А.Л.Яншин и др.) или обществоведы (ранее В.В.Соловьев, Н.Я.Данилевский, в настоящее время – С.П.Баньковская, Э.В.Гирусов, О.С.Колбасов, А.В.Мозговая, О.М.Рой, И.А.Сосунова, А.Д.Урсул, С.Р.Фомичев, О.Н.Яницкий и др.).

Специалисты по экологической социологии представлены несколькими течениями: марксистами и неомарксистами (П.Диккенс, У.Бек), сторонниками символического интеракционизма (Д.Дюкло), «конструктивистами» (Ф.Бэтгэл) и постмодернистами самых различных ориентации [2].

Вполне естественно, что такое многообразие различных школ и ориентации представлено самыми различными концепциями. Не останавливаясь подробно на каждой из них, следует еще раз подчеркнуть, что экологическая социология как единая теория возникла недавно – в 80-е годы XX века.

Исходя из концепции социологии жизни, автор уделяет первостепенное внимание тем реальным социальным процессам, из которых складывается жизнь сотен миллионов людей и без рассмотрения которых экологическую социологию невозможно отделить от смежных дисциплин, исследующих эти проблемы. Поэтому в главе наряду с характеристикой общей экологической ситуации первостепенное внимание уделяется экологическому сознанию и соответствующей деятельности с учетом конкретной экологической обстановки. В связи с этим анализируется экологическое сознание и поведение населения в целом или отдельных его групп, затем тех экологических организаций (экологического авангарда), которые активно отстаивают позиции различных экологических движений. Кроме того, в главе затрагиваются экологическая позиции тех социальных сил, которые представляют интересы государства и хозяйственных субъектов на федеральном и региональных уровнях.

§ 1. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ И РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В ИХ ПОЗНАНИИ

Экологическая ситуация – один из самых волнующих вопросов. Он остро стоит и в нашей стране, особенно в индустриально развитых центрах, хотя касается всех без исключения

регионов, в том числе и сугубо сельскохозяйственных. В основе разбалансированности взаимоотношений человека и природы, человека и окружающей среды лежат серьезные просчеты и научного, и политического, и практического характера. И хотя многое сделано для рационального использования природных ресурсов, для озеленения городов и рабочих поселков, создания заповедников и национальных парков, в целом отношение к охране окружающей среды было недальновидным, а нередко и безответственным (И.Д.Лаптев, 1975).

Воздух, вода, почва оказались настолько загрязненными, что некоторые ученые и политики стали утверждать, что нанесенный ущерб здоровью и среде обитания человека уже невосполним. Так, свыше 100 городов на территории бывшего СССР объявлены экологически неблагополучными. Немало индустриальных районов также превысили все допустимые нормативы загрязнения среды обитания.

Что касается воздуха, то, с одной стороны, еще значительное количество предприятий не обеспечено необходимыми средствами контроля за его чистотой. Например, в 1995 году в атмосферу страны лишь стационарные источники загрязнения выбросили 21,3 млн. т веществ, а также 24,5 млрд. куб. м загрязненных сточных вод, вредных для здоровья населения и для окружающей среды. Серьезным источником загрязнения воздуха продолжает оставаться автотранспорт, на долю которого падает до 60-70% всех отравляющих веществ.

С другой стороны, на газоочистных сооружениях предприятий пока в основном улавливаются твердые вещества. Газообразные и жидкие вредные вещества обезвреживаются не полностью. Некоторые предприятия допускают аварийные залповые выбросы вредных веществ. Из-за несовершенства промышленной вентиляции свыше 5 млн. человек на производстве дышат несвежим воздухом. С этим фактором связана почти половина всех профессиональных заболеваний.

Социологические опросы стали фиксировать озабоченность людей по поводу того, что «нечем дышать». 52–58% людей не удовлетворены состоянием окружающей среды там, где они живут (данные ВЦИОМ, 1996–1997).

Экологической проблемой крупного масштаба является охрана водного бассейна. Частые осложнения объясняются прежде всего хищническим и неразумным его использованием, которое особенно проявилось в случае с Аральским морем, а также при строительстве гидроэлектростанций. Отмечается отравление водоемов ядохимикатами при обработке сельскохозяйственных площадей и лесных массивов и т.п.

Для повышения урожайности, по данным ученых, в 70-х годах ежегодно в мире рассеивалось 300 млн. т минеральных удобрений и 4 млн. т ядохимикатов. Уже сейчас видны негативные последствия их применения: ухудшилось качество пищи; продуктивность планктона, от которого зависят все формы жизни в мировом океане, снижается на 50–90% даже при незначительных концентрациях ДДТ, попадающего в реки, озера и моря через водные стоки и воздушные потоки.

А когда это привело к тому, что обострилась ситуация с пресной водой (причем в ранее благополучных в этом отношении регионах, таких, например, как Донбасс), общественное сознание стало просыпаться, подняв людей на борьбу за охрану сначала притоков Днепра (программа «Десна»), затем Волги, Каспийского моря, Арала.

Что касается почвы, то она потеряла во многих регионах страны большое количество гумуса, в результате чего произошло ее истощение. В городах и вблизи них почва на значительную глубину поражена отходами. В зонах отдыха она зачастую не выдерживает напряжения от огромных потоков отдыхающих и варварского отношения к природе.

В общественном мнении оценка роли и значения почвы, пожалуй, впервые произошла при обсуждении проблем Севера, тундры и лесотундры, а также целинных земель, где хозяйственная деятельность нанесла природе такие раны, что они могут быть залечены лишь через десятилетия. Резко изменилась позиция в отношении терриконов, отвалов от шахт, отходов производственной и бытовой жизни человека.

Особого внимания требуют к себе проблемы сохранения животного и растительного мира. По последним данным, каждый день на нашей планете вымирает один вид живых организмов. По оценкам Всемирного фонда диких животных, к началу второго тысячелетия могут исчезнуть совсем или резко сократиться количество горилл, носорогов, бенгальских тигров, орангутангов. Скорость вымирания живых организмов неуклонно возрастает. Общее количество видов, которые могут исчезнуть к XXI веку, если не будут осуществлены природно-защитные меры, оценивается в 1 млн. (из современных 10 млн.).

Если говорить о растительном мире, то каждый год с лица Земли исчезает 11,5 млн. га леса, на каждые 10 срубленных деревьев приходится только одно посаженное. При нынешнем уровне вырубки лесов к концу столетия исчезнет от 10 до 20% животных и птиц.

Все эти негативные процессы усугубляются потребительским отношением к природе, ее дарам, ее красоте. К сожалению, в большинстве случаев в конфликтах с природой повинны не техника, не производство само по себе, а неспособность, неумение и часто нежелание (в силу тех или иных причин) наилучшим образом организовать деятельность человека.

Для социологии принципиальное значение имеет идея К.Маркса о том, что природа есть тело человека. А человек должен заботиться о своем теле. «...На каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, – что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять» [3].

Именно человек в конечном счете является определяющим фактором в установлении рациональных взаимоотношений с природой. Поэтому наряду с технологическими, организационными, экономическими проблемами многое зависит от экологического сознания, поведения людей. Их функционирование трудно представить без такого необходимого и очень важного качества, как обостренное чувство гражданственности в отношениях с природой (Э.В.Гирусов).

В эпоху НТР роль экологического сознания и поведения людей становится настолько значительной, что они приобретают общепланетарные черты. Экологические проблемы уже не ограничиваются государственно-территориальными границами. Урок Чернобыля имеет четко выраженный гражданский оттенок, поскольку речь идет о людях не только одного общества и одного поколения. Поэтому формирование экологического мышления, вооружение человека соответствующими знаниями – дело всего общества, всех наук о природе и обществе, в том числе и социологии.

§ 2. СОСТОЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

До недавнего времени экологическое сознание характеризовалось следующими особенностями.

Во-первых, оно было потребительским, базировалось на глубоком убеждении о неисчерпаемости даров Земли. Лишь в 80-х годах большинство населения стало осознавать невосполнимость природных богатств или ограниченность их ресурсов. Общественность убедилась в истощимости нефтяных запасов. При всей огромной величине наших земель, особенно пахотных, они оказались тоже небеспредельными. Так, в результате интенсивного промышленного строительства, роста городов и других причин количество земли на 1 жителя серьезно уменьшилось и в настоящее время составляет 0,8 га.

Во-вторых, люди долгое время неоправданно возлагали надежды на то, что природа сама справится с негативными воздействиями.

В течение многих сотен лет сознание человека лишь фиксировало стихийно складывающиеся процессы взаимодействия общества и природы, ибо негативные его аспекты были незначительны и многие из них проявлялись через длительный период. Например, хищническое землепользование в Средней Азии привело к распространению пустынь, к исчезновению оазисов, к обмелению рек и других водных источников.

Еще в недавнем прошлом мы гордились дымом заводских труб, поднимавшихся над степью или городской окраиной. Эти трубы были символом успехов, мощи в развитии промышленности, всего народного хозяйства. Однако в современных условиях воздействие человека на окружающую природу превысило те возможности, которыми обладает природа по естественной защите водного и воздушного бассейна, суши, лесов, степей и т.д.

В-третьих, общественное сознание было поражено благодушием. И пусть не покажется странным, но в условиях нашей страны, где человеку вроде бы было предоставлено право пользоваться во всем объеме тем, чем богато государство, у него нет ограничителя в виде крупных санкций за нарушения экологического благополучия. Именно поэтому сознательное начало, постоянное обращение к разуму и чувствам человека предстоит дополнить механизмом принудительного воздействия на антиэкологическое поведение (Д.Маркович).

Вместе с тем в борьбе за сохранение окружающей среды экологическое сознание возмужало, научилось отстаивать свои позиции и мобилизовывать общественное мнение. В частности, опыт выступлений в защиту Байкала в немалой степени помог в борьбе против проекта переброски северных рек, против переброски вод Печоры в Волгу, против бездумного расходования миллиардных средств бывшим Министерством водного хозяйства. Все это оказало серьезное влияние на становление экологической культуры (В.А.Кобылянский).

Новые сдвиги в общественном сознании проявились в стремительном развитии дачных и садово-огородных кооперативов. Возрожденная жажда общения с первозданной природой, с чистым воздухом и водой, возможность приложить силы для сохранения и приумножения богатства земли все больше определяют поведение людей. В настоящее

время многие говорят о зове природы, который чувствует и испытывает практически каждый человек. Это вполне естественно. В современном мире потребность общения с природой находит свое выражение в различных формах, например в массовом развитии туризма. Однако, являясь объективным требованием времени, оно не должно нарушать равновесия между желаниями людей и возможностями природы.

Иначе говоря, экологическое сознание представляет собой противоречивое явление, в котором тесно переплетаются как позитивные, так и негативные процессы. Много еще равнодушия, самоуспокоенности, непонимания реальной опасности возможной экологической катастрофы. Именно поэтому так важно использовать жизненную энергию людей для будущего экологического благополучия нынешнего и последующего поколений.

Именно этим озабочено и мировое общественное мнение: на конференции ЮНЕСКО в 1992 году была обсуждена и в принципе одобрена концепция устойчивого развития, которая охватывает все без исключения стороны жизни человечества, базируясь на исходной методологической установке – обеспечить гармоничное взаимодействие природы и общества, смягчить нарастающие конфликты во взаимодействии человека и общества с биосферой как на глобальном, так и на локальном уровнях.

История человечества знает немало примеров, когда, используя природу, создавали бесплодные, враждебные людям пространства. Но можно и помогать природе полнее раскрывать ее жизненные силы, защищать ее, приумножать ее богатства. И в центре этих проблем лежат знания, опыт людей, их привязанность, любовь к природе.

К сожалению, как показывают данные социологических исследований (Ю.П.Ожегов, А.В.Мозговая), очень многим людям не хватает знаний по экологии. И поныне сохраняется отношение к природе как к чему-то вечному, непреходящему и дармовому. Это особенно ярко проявляется в противоречии между потребностью в бережном отношении к природе и реальным, практическим поведением людей. Они все еще рассматривают свои отношения с окружающим миром только как отношения «берущего» и «дающего». Такая инерция представлений и убеждений уходит в глубь веков. В настоящее время существует объективная необходимость добиться более глубокого познания экологических проблем, понимания существа происходящих в природе перемен. В этом и состоит основная задача экологического просвещения.

Так, уже в 70-х годах стал очевидным факт истощения озонового слоя, увеличения количества твердых частиц, находящихся в воздухе, продолжающейся концентрации углекислого газа и т.п. Все это, вместе взятое, влечет за собой неблагоприятные климатические изменения, имеет серьезные последствия для сельскохозяйственного производства. Все чаще мы узнаем о «кислых дождях», возникающих в результате перемещения сульфатов и нитратов, образующихся после сжигания используемого горючего.

Загрязнение морей и океанов ведет к гибели морских птиц и животных, к нарушению экологических связей во многих акваториях Мирового океана, особенно во внутренних морях.

Осушение болот и орошение новых земель также не проходят бесследно: вовлечение в оборот новых земель, с одной стороны, приводит к нарушению веками сложившегося экологического равновесия, с другой стороны, нередко эти площади из-за эрозии,

засоления, ощелачивания исключаются из общего числа плодородных земель. Среда обитания человека оказывается под угрозой.

Эти знания, эту информацию требуется довести до сознания каждого человека, чтобы они, освещенные социальным опытом, помогали ему избавляться от негативных трафаретов и стереотипов поведения.

Анализ показывает, что большой вклад в осуществление экологического просвещения и воспитания вносит семья, в которой начинает формироваться отношение человека к окружающей природе. Вырастет ли из малыша созидатель или потребитель, в значительной мере зависит от родителей. Причем, как ни парадоксально может показаться на первый взгляд, ребенок в сельской местности лучше относится к природе, чем его сверстник в городе. Срабатывает извечная привычка быть бережным ко всему, что останется после тебя завтра, через год, следующему поколению. В то же время некоторые исследователи (В.Ф.Томилин) фиксируют, что в связи с внедрением машинной технологии в сельскохозяйственное производство экологическое сознание жителей деревни, утратив прежнюю этику землепользования, не приобрело новой, в результате чего оно имеет крайне низкий уровень культуры.

Уважение к природе складывается из мелочей, из повседневного с ней общения. Нужно, чтобы человек с детства запомнил, что нельзя выдирать ландыш с корнем, рвать все цветы подряд, оголяя луга и окрестности. Надо научить его видеть в природе не только среду обитания, но и ее красоту, хрупкость и часто невосполнимость.

К сожалению, очень много упреков в этом отношении можно адресовать школе, всем учебным заведениям. И дело, как показывают данные (И.Д.Лаптев, А.А.Яблоков, А.Л.Яншин), не столько в специальном предмете, посвященном экологии, сколько в том, чтобы будущий гражданин осознавал ответственность за свое отношение к природе, проявляющееся в каждом поступке.

Особое значение экологический аспект приобретает в профессиональной подготовке. Специалист должен знать, что может он сделать для успешного взаимодействия человека и природы, как стать рачительным и бережливым хозяином по отношению к окружающей среде. Однако экологическое сознание специалистов очень часто примитивно или просто беззаботно, когда они осуществляют производственную деятельность.

Не может не беспокоить то обстоятельство, что у подавляющего большинства людей еще не находят в душе должного отклика призывы беречь окружающую природу, сохранять животный и растительный мир. До сознания не каждого человека дошла идея, что у природы не всегда хватает сил возместить ущерб, даже ненароком нанесенный ей. Особенно это касается населения крупных городов. При интенсивном воздействии природа уже не в силах восстановить и возродить утраченное. Вот почему экологическое сознание может окончательно сформироваться лишь тогда, когда человек осмысленно реализует в своей жизни объективные потребности экологического развития.

§ 3. ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Во второй половине XX века весь мир стал осознавать всю пагубность экологического невежества, творимого человеком во имя погони за все расширяющимся потреблением, развитием промышленного и сельскохозяйственного производства. Низкий уровень экологической культуры проявился практически во всех аспектах: в экологическом

просвещении (в отрывочных знаниях о природе, о ее взаимосвязи с обществом, об изменении окружающей среды в процессе производственной деятельности, о взаимодействии системы «общество – природа – человек»), в экологическом воспитании (неуважительное отношение к природе, отсутствие личной ответственности за ее судьбу, слабое понимание ее красоты и гуманистической сущности) и в экологическом поведении (ориентация не на гармонизацию отношений человека с природой, не на активное содействие сбережению и приумножению ее богатств, а на то, чтобы взять от природы побольше, не считаясь с ее ресурсами и возможностями). Трагичность многих экологических проблем высветила одну стратегическую идею: экологическая культура человека не может быть сформирована случайным образом, она нуждается в целенаправленном развитии, побуждающем людей к активным действиям по защите окружающей среды. В современных условиях состояние природной среды – критерий культурного уровня не только государства в целом, но и каждого гражданина в частности.

Критерием эффективности экологической культуры нужно считать не только знания и приобретенные качества по охране окружающей среды, но и активное экологическое поведение, направленное на сбережение и приумножение природных богатств страны.

Эта активность в современных условиях проявляется по-разному. Прежде всего она отражается в росте заинтересованности людей в решении экологических проблем. Уже существуют различные формы «зеленого» движения, самодеятельных организаций, выступающих за соблюдение экологической культуры, против нарушения предприятиями санитарных правил, против бездеятельности органов власти и наплевательского отношения к природной среде и среде обитания человека со стороны различных министерств и ведомств.

«Зеленое» движение прошло три стадии. На первой – природоохранной – его сторонники добивались создания национальных парков, оазисов нетронутой природы, осуществления мер по максимальному сбережению того, что создано в процессе естественного развития земли. На второй стадии – средозащитной – вырабатывались активные меры, помогающие природе сохранить имеющееся или восстановить то, что в недавнем прошлом существовало в натуре: леса, озера, пруды и т.д. И на третьей стадии – собственно экологической – «зеленое» движение выступило инициатором формирования активной экологической политики, которая в своей основе была направлена на экономические, социальные и культурные изменения, необходимые для выживания человечества и сохранения природы.

Говоря о формах экологической культуры, О.Н.Яницкий выделяет консервационизм, экологизм, утилитаризм и «глубокую экологию».

Консервационизм акцентирует внимание на культурных, этических и эстетических аспектах охраны природы. Консервационисты настаивают на сохранении уникальных природных ландшафтов, именуемых памятниками природы. Консервационизм как движение был элитарным действием, направленным на создание национальных парков. Экологизм (биосциентизм), возникший под влиянием новой науки о растительных сообществах, стремился соединить охрану природы с целями эффективного хозяйствования. Была выдвинута идея заповедников как эталонов нетронутой природы, необходимых для научного развития сельскохозяйственного производства. Утилитаристы выдвинули лозунг: «Природу – на службу человеку!» Согласно этой доктрине, заповедники не нужны и должны быть превращены в образцовые сельскохозяйственные предприятия. Утилитаризм господствует и поныне, не только в России, но и в остальном мире. Альтернативой утилитаризму является «глубокая экология» (А.Наес). Ее главные

принципы: человек – часть природы, и они имеют равные права; нужна защита разнообразия и симбиозов в природе и обществе; необходимо оппонирование любым загрязнителям и расхитителям ресурсов; нужен учет сложности живых систем; нужны децентрализация и местная автономия.

Эти архетипы экологической культуры многократно опосредованы – городской и сельской культурой, политическим режимом, местными обычаями и условиями. Существенно, что названные типы культур не только берутся на вооружение различными социальными силами, но и выступают в качестве ориентиров экологической политики. Одновременно эти типы служат идеологической основой и моральным оправданием действий «зеленых» партий и движений [4].

Но экологическая культура не будет полной, если ей не овладеют еще две активные социальные силы – государство и организаторы производства, экономических отношений. Их вклад в ее создание можно выделить в виде важных акций.

Одно из стратегических направлений – внедрение малоотходных и там, где это возможно, безотходных технологических процессов, которые позволяют сократить или полностью исключить загрязнение окружающей среды, обеспечить глубокую комплексную переработку первичного сырья и отвалов промышленных предприятий, получить дополнительную продукцию. К сожалению, из-за некомплексной переработки сырья в отвалы попадает большое количество ценных веществ. Не везде используются возможности утилизации полезных компонентов из промышленных отходов. Но это скорее говорит об уровне экологического сознания конструкторов, технологов, руководителей производства.

И, наконец, экологическая культура проявляется в поведении всех людей (а не только активистов «зеленого» движения или деятелей политики и производства). Люди по-разному участвуют в охране природной среды. Формы этого участия иногда трудно выделить из сферы трудовой или повседневной деятельности человека, ибо они часто выступают как момент этой деятельности. Бесспорно одно: общественное сознание – примерно 40% опрошенных – поддерживает «зеленую инициативу» (Н.А.Сосунова, 1996).

Однако нельзя ограничиться только этим. Ведь многие экологические процессы протекают вне зависимости от конкретного человека, общественных организаций, экологического просвещения и воспитания.

Отношения между обществом и природой серьезно обострились, угрожая его экологическому благополучию, здоровью, его будущему. Особенно это характерно для регионов с высоким уровнем промышленного производства и индустриальным сельским хозяйством.

Основные трудности связаны с противоречиями, возникающими между проводимой экономической политикой и условиями, необходимыми для формирования экологической культуры. Но их можно преодолеть. Деятельность по устранению возможных негативных экологических последствий на производстве проявляется по-разному: и в создании безотходной технологии, и в сооружении очистных сооружений, и в постоянном поиске средств предохранения от вредного побочного воздействия промышленных и сельскохозяйственных производств, в мобилизации общественного мнения против непродуманных экологических решений. Но в целом экологическая ответственность специалистов и руководителей развита чрезвычайно плохо. Академик И.В.Петрянов-Соколов еще в 1968 году, анализируя возрастающий объем дымовых и газовых выбросов,

высказал идею, что загрязнение воды и воздуха – это результат действий, связанных либо с технической недоработкой, либо с невежественностью и безответственным проектированием, либо с технологической распущенностью.

Очень важно также устранить сложившееся противоречие между использованием окружающей, в основном природной, среды и отношением людей к характеру ее использования.

Во-первых, очевидно и бесспорно, что соседство с живой природой, с представителями животного мира делает жизнь человека богаче, насыщеннее. И поэтому градостроители должны взять на вооружение один из принципов современной экологии, согласно которому устойчив и продуктивен мозаичный ландшафт, т.е. чередование преобразованных и естественных участков.

Нельзя считать окончательно отверженными концепции «город-сад», «город-природа», «зеленый город» и т.д.

Во-вторых, создание заповедников, заказников, позволяя сохранить нетронутыми растительный и животный мир и защитить жизнь редких или исчезающих представителей фауны и флоры, нуждается в более согласованном развитии с хозяйственным освоением новых территорий, в гармонизации с продолжающейся модернизацией производства.

В-третьих, огромную и все возрастающую по своему значению роль играют природовосстановительные и природообогащающие работы: озеленение, садоводство, создание водоемов. Но посадить дерево – это, как известно, еще полдела. Главное – вырастить его. К сожалению, ставить знак равенства между числом высаженных и «взрослых» растений не приходится. Значительная часть деревьев, кустарников гибнет в «младенческом» возрасте, а засеянные травой площадки не всегда превращаются в пушистые газоны. И такая ситуация часто объясняется не только недостатками агротехники, ухода, но и небрежным, а иногда и бездушным отношением жителей.

И, наконец, ряд проблем связан с развитием экологического контроля. Уже много сделано в этом направлении. В ряде городов созданы системы контроля за состоянием водного и воздушного бассейнов, за правильным использованием среды обитания человека (зеленые насаждения и т.д.), за утилизацией отходов и т.д. Мерой контроля в определенной степени являются установленные нормы концентрации вредных веществ и газов в воде и воздухе.

Забота об окружающей среде обходится дорого и не дает немедленного эффекта. С утилитарной точки зрения затраты на охрану природы и ее рекультивацию могут оказаться нерентабельными. Но необходимо идти на них, так как жизнь, здоровье, работоспособность людей – это самая большая ценность общества, которое руководствуется более широкими социальными критериями: заботой о создании здоровой жизненной среды не только для современного, но и будущих поколений.

Таким образом, противоречие между экологическим сознанием и поведением и реальным состоянием окружающей среды вполне разрешимо, ибо современная экологическая политика строится на идеях гражданственности во взаимодействии человека, общества и природы. Это проявляется как в решении крупных общегосударственных проблем, так и при осуществлении локальных мер по охране окружающей среды.

В настоящее время, в переломную эпоху в истории Земли, когда стихийная эволюция природы уступает место сознательному, целенаправленному ее регулированию,

открываются реальные возможности для управления биосферой в интересах человека. Но непременной предпосылкой для этого служит научный подход к самой производственной деятельности и социальным отношениям. Человечество может избавиться от «экологического загрязнения», лишь избавившись, так сказать, от «социального загрязнения».

Мир второй природы, расширяющаяся сфера научно-технической деятельности – это очеловеченная природа, предметно-развернутое богатство человеческого существа. Действительное разрешение антагонизма между человеком и природой может обеспечить только то общество, непременной характеристикой которого являются высокий уровень экологического сознания людей и их готовность способствовать гармоничному развитию окружающей природы.

Литература

1. Яницкий О.Н. Экологическая социология (программа курса) // СОЦИС. 1997. № 2.
2. Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. М., 1996.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С.92.
4. Яницкий О.Н. Экологическая социология. С.129–130.

Темы для рефератов

1. Экологическая ситуация в стране: состояние, проблемы и пути их решения.
2. Характеристика состояния окружающей среды в республике (области, крае, городе, районе).
3. Концепция устойчивого развития и ее основные положения.
4. Состояние экологического сознания и тенденции его развития.
5. Экологические общественные движения («зеленое» движение).
6. Экологическая деятельность человека и его роль в охране окружающей среды.
7. Основные концепции экологической социологии.
8. Сущность и компоненты экологической культуры.

Вопросы и задания для повторения

1. В чем сущность экологического сознания и его место в общественном сознании?
2. Когда и почему человечество стали волновать вопросы экологии?
3. Назовите основные проблемы, угрожающие экологическому равновесию на Земле.
4. Из чего состоит экологическая культура?
5. Роль семьи (школы, вуза, производственной организации) в воспитании рационального отношения к природе.
6. В чем успехи и ограничения экологических движений?

Глава 5 СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

Проблема социальной инфраструктуры весьма важна и уникальна для социологии жизни. Никакое общественное сознание, никакая деятельность человека, социальных групп, общностей, классов не могут развиваться и существовать без условий, обеспечивающих их функционирование.

Согласно марксистскому подходу, в качестве важнейших компонентов человеческой истории выступают действительные индивиды, «их деятельность и материальные условия их жизни (курсив мой. – Ж. Т.), как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» [1]. Одним из моментов конкретизации этих материальных условий жизни индивидов является анализ условий процесса их трудовой деятельности. Исследуя непосредственно сферу производства, К.Маркс поясняет: «Кроме тех вещей, посредством которых труд воздействует на предмет труда и которые поэтому так или иначе служат проводниками его деятельности, в более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться. Прямо они не входят в него, но без них он или совсем невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде... (курсив мой. – Ж.Т.). Примером этого же рода средств труда... могут служить рабочие здания, каналы, дороги и т.д.» [2].

Все материальные условия жизни можно представить в виде совокупности различных элементов, относящихся к материальным производительным силам и так или иначе оказывающих влияние на развитие и функционирование производства. Это, прежде всего условия, созданные самой окружающей природой и постоянно воздействующие на характер трудовой и других форм жизнедеятельности человека. Мы называем их внешними (естественными или природными, по Марксу) материальными условиями. Но одновременно существуют материально-вещественные элементы, которые созданы человеком и входят в качестве важнейшего компонента в так называемую «вторую природу». Они образуют общие условия, обеспечивающие рациональную организацию всей трудовой и повседневной жизни людей, органически связывая различные сферы общественного производства, а также многообразные подразделения внутри каждой из них. Именно эти элементы и образуют то, что называют понятием инфраструктура.

В историческом развитии общества роль и значение указанных элементов производительных сил постепенно возрастали. Пока круг человеческих потребностей и интересов был чрезвычайно узок и соответственно производство предметов, удовлетворяющих эти ограниченные потребности, покоилось на труде изолированных производителей, общество могло обходиться в основном естественными внешними условиями. Однако по мере усложнения человеческих и появления новых производственных потребностей общество вынуждено было значительно расширить границы и возможности сферы материального производства и включить в сферу своего воздействия уже и условия, которые обеспечивают жизнь человечества, его обществ и сообществ, а также каждого человека.

Исходя из этого, в главе рассматриваются только те аспекты инфраструктуры, которые касаются социальной жизни, ее основных проблем и которые направлены на удовлетворенность условиями этой жизнедеятельности.

§ 1. ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

Термин инфраструктура вошел в научный лексикон в конце 40-х годов XX века и первоначально означал комплекс вспомогательных сооружений, обеспечивающих успешное взаимодействие различных родов войск. Но уже в 50-х годах ученые обратились к этому понятию для объяснения процессов экономической жизни. Одним из первых американский экономист П.Розенштейн-Родан определил инфраструктуру как совокупность условий, способствующих благоприятному развитию частного предпринимательства в основных отраслях экономики и удовлетворяющих потребности населения.

Постепенно данный термин стал широко использоваться при изучении экономической, а затем социальной жизни. Важным моментом в ее трактовке стало не просто материально-техническое ее воплощение, но и оценка людьми, населением ее качества, степени удовлетворения их потребностей.

Анализ генезиса идей о социальной инфраструктуре дает возможность утверждать, что этому аспекту жизнедеятельности людей и общества было уделено внимание задолго до обозначения самого явления в виде строгого понятия. Так, говоря о предпосылках становления и функционирования национального хозяйства, А.Смит постоянно выделял материальные условия, которые создавали возможность рациональной организации производства. О создании условий для жизнедеятельности ратовали утописты А.Сен-Симон, Ш.Фурье, а Р.Оуэн даже пытался воплотить в действительность идею об обеспечении культурно-бытовых потребностей людей.

Однако в течение XIX века об условиях эффективного функционирования производственных организаций речь фактически не шла. Производство стихийно развивалось и направлялось господствующими общественными отношениями. Иначе и быть не могло. В этот период условия, обеспечивающие его развитие, рассматривались как нечто заданное, с чем не особенно следует считаться или считаться только в той мере, в которой это влияло на конкурентоспособность (близость к транспортным путям, дешевая энергия и некоторые другие).

Проблема условий эффективной производственной деятельности выдвинулась самой логикой исторического развития. По мере усложнения хозяйственных связей предприниматели вынуждены были заняться вопросами организации инфраструктуры в рамках национального хозяйства. С этого времени инфраструктура (осознанно, а чаще неосознанно) стала восприниматься в качестве компонента промышленного, а затем и сельскохозяйственного производства.

Тесное переплетение объективных закономерностей и экономических интересов проявилось в постепенном формировании элементов инфраструктуры, прежде всего обеспечивающих трудовую деятельность человека, т.е. выполняющих некоторые социальные функции.

Дальнейшее развитие инфраструктуры было связано с растущей потребностью в создании необходимых условий для жизнедеятельности не только самого работника, но и его семьи. Представление о социальных аспектах инфраструктуры еще более расширилось, отразив новую ступень в развитии производства. Так, при строительстве поселка Томпсон в Канаде на базе никелевого месторождения сразу был сделан расчет, что соотношение между занятыми на производстве и жителями составит 1:3,5. В соответствии с этим и формировалась социальная инфраструктура.

Бум образования, начавшийся почти во всех странах в 50– 60-х годах, остро поставил вопрос об инфраструктуре образования, особенно среднего и профессионального (Ф.Кумбс, 1970). Кроме того, сложилась ситуация, когда при сокращении рабочего времени возникла возможность более рациональной организации свободного времени, более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей, что можно было достичь при наличии условий, которые уже прямо влияли на эффективность производства и имели относительно самостоятельное значение.

Одновременно ученые предприняли усилия по осмыслению роли социальной инфраструктуры. В решении этой задачи участвовали специалисты разных научных направлений - демографы, экономисты, экономгеографы, социологи и архитекторы, стремившиеся в своем поиске ответить на насущные вопросы общественного развития.

Что касается архитекторов, то, если не считать стихийной практики создания инфраструктуры, первые попытки планомерной работы относятся к концу XIX века. В процессе подготовки к Международной выставке в Чикаго (1893 г.) при рассмотрении проблем « city planning » были разработаны проекты совершенствования городского ландшафта, которые вызвали необходимость учитывать социально-экономические аспекты развития территории.

Следующий этап в развитии идей инфраструктуры территории связан с именами английского урбаниста Э.Ховарда и французского архитектора Т.Гарнье. Если Э.Ховард выступил с теорией города-сада, имеющего комплексы промышленной, обслуживающей и жилищной застройки, окруженные пригородной зоной сельскохозяйственных площадей, то Т.Гарнье предложил проект индустриального города, состоящего из специализированных функциональных зон (промышленной, обслуживающей, отдыха и жилой), разделенных зелеными поясами. Как в первой, так и во второй концепциях, оказавших огромное влияние на современную урбанистику и экологию, было предусмотрено развитие инфраструктуры, в том числе и социальной.

В 20–30-е годы большую роль в развитии концепции социальной инфраструктуры сыграла дискуссия о социалистическом городе (участники Л.Сабсович, А.Луначарский, Н.Милютин), под влиянием которой велась реконструкция Москвы, создавались новые города – при ДнепроГЭСе, на Урале, в Сибири. В противовес реальному появлению мегаполисов разрабатывались концепции идеальной микроячейки города, города-спутника, научных центров и т.д.

Что касается трудов советских экономистов, то впервые инфраструктура была рассмотрена в работах Л.И.Абалкина, А.Е.Пробста, С.А.Хейнмана как комплекс проблем об условиях, обеспечивающих развитие материального производства.

Постепенно в ходе познания закономерностей общественного развития в научный оборот были введены понятия производственной и бытовой инфраструктуры, употребление которых было связано с необходимостью создания условий для функционирования производственной и непроизводственной сфер. Такое деление инфраструктуры получило закрепление на практике, что имело не только положительные, но и негативные последствия. Дело в том, что в силу объективных и субъективных причин производственная сфера выдвигалась на первое, ведущее место. Однако социальные факторы предъявляли постепенно возрастающие требования к непроизводственным аспектам деятельности людей. В результате получилось так, что условия, обеспечивающие их развитие, были отнесены к бытовой инфраструктуре. Произошло

механическое соединение понятий «социальные факторы» и «бытовая инфраструктура», при этом последняя стала восприниматься как часть непроизводственной сферы. Такая трактовка условий для социальных аспектов деятельности человека вряд ли оправдана, во-первых, потому, что в понятие «бытовая инфраструктура» включаются далеко не все проблемы социального развития. Во-вторых, условия социальной деятельности связывают воедино как производственные, так и непроизводственные проблемы, не противопоставляя их, а, наоборот, органически соединяя в единое целое. В-третьих, следует учитывать все виды деятельности, ибо только на этой основе можно дать научно обоснованную классификацию элементов социальной инфраструктуры [3].

Предстояло продумать иной путь решения задачи, отыскать новые, более точные понятия, характеризующие условия развития производства и жизнедеятельности населения. Дальнейшая разработка проблем инфраструктуры, ее постоянная проверка практикой постепенно привели к тому, что в научной литературе (Б.С.Хорев, Д.В.Белоусов, И.И.Панфилов, В.А.Сенников и др.) достаточно прочно утверждается деление инфраструктуры на производственную и социальную. Некоторые исследователи (М.К.Бандман, С.С.Носова и др.) наряду с производственной и социальной выделяют институционную инфраструктуру.

Что касается сущности социальной инфраструктуры, то в научной литературе высказываются различные точки зрения. Проведенная в 70–80-х годах дискуссия по этому вопросу позволила прояснить вопрос о ее содержании.

Обобщая имеющиеся представления, можно сделать вывод, что социальная инфраструктура характеризует связи (прямые и обратные) материально-вещественной среды и социального субъекта (личности, группы, класса, общества). Социальная инфраструктура представляет собой устойчивую совокупность вещественных элементов, с которыми взаимодействует социальный субъект и которые создают условия для рациональной организации всех основных видов деятельности – трудовой, общественно-политической, культурной и семейно-бытовой.

В данном определении, во-первых, подчеркивается, что социальная инфраструктура – это условия, обеспечивающие эффективную жизнедеятельность человека не только на производстве, но и во всех основных сферах общества. В то же время социальная инфраструктура не есть механическое собрание учреждений и объектов материальной базы. В этом смысле нельзя одни инфраструктурные элементы заменить другими – они действуют только в комплексе, взаимодействуя и дополняя друг друга.

Особо следует отметить ее объективный характер, взгляд на нее как на частную форму гармонизации жизни общества. Дело в том, что развитие общественной жизни требует целенаправленного регулирования, а без создания соответствующих условий жизнедеятельности невозможно представить само существование общества.

Во-вторых, в социальную инфраструктуру кроме учреждений и организаций входят техническая обеспеченность, технологические принципы их функционирования.

В-третьих, социальная инфраструктура касается всего без исключения населения, так как многие ее элементы, как уже отмечалось, необходимы для воспроизводства не только самого работника, но и его семьи. Это должно постоянно учитываться при проектировании и строительстве новых городов и производств и их освоении.

В-четвертых, социальная инфраструктура решает задачи социального развития, которые «в количественном выражении определяются как разность между величинами нормы и достигнутого уровня». [4]. Проблема нормы возникает обязательно, ибо нельзя ограничиться общими утверждениями, что на страну, регион, город или район надо столько-то объектов, учреждений и организаций, призванных обслуживать интересы производства и людей, – необходим обязательный расчет: сколько благ приходится на одного человека, на одну или десять тысяч населения.

И, наконец, социальную инфраструктуру нельзя рассматривать в отрыве от установок, ценностных ориентации населения, отдельных его групп, и объединений. «...Наличие ценностных регулятивов составляет одну из самых принципиальных особенностей социальных систем» [5]. Поэтому не следует ограничиваться нормативным подходом как предписанием. Его следует дополнить анализом вкусов, желаний, потребностей и устремлений людей, ибо это непременный элемент совершенствования социальной инфраструктуры.

§ 2. ОСНОВНЫЕ ОБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ИХ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Объекты социальной инфраструктуры характеризуют существующую реальность, посредством которой обозначается устойчивая совокупность вещественных элементов, обеспечивающих условия для рациональной деятельности человека во всех сферах общественной жизни. Однако подход к классификации этих объектов различен, что имеет не просто эвристическое, но и серьезное практическое значение.

Во-первых, социальная инфраструктура может быть представлена и как «линейная», и как «точечная». Под «линейной» понимается сеть железных, автомобильных дорог, связи, линии электропередачи и т.д. В понятие «точечная инфраструктура» включаются непосредственно сами объекты (в том числе школы, театры, вузы и т.д.). Применение этой классификации возможно на различных уровнях социальной организации общества. Так, на уровне производственной организации речь в большей степени идет о точечной инфраструктуре (хотя здесь не исключены отдельные элементы линейной). На уровне экономического региона в равной мере присутствует как линейная, так и точечная инфраструктура, а также их взаимодействие. Такое деление инфраструктуры вычленяет скорее форму ее организации, чем содержательную сторону.

Во-вторых, при изучении проблем региональной экономики употребляются понятия «общерайонная инфраструктура», «элементы инфраструктуры межрайонного значения» и т.п. Такое деление имеет право на существование. Однако специфическая определенность, присущая социальной инфраструктуре, в данном случае упускается (С.А.Дебабов).

В-третьих, к объектам социальной инфраструктуры часто относят комплекс учреждений культуры, образования, здравоохранения, предприятия торговли и общественного питания, пассажирский транспорт, водообеспечение и канализацию, почтово-телеграфные и финансовые учреждения, спортивные и оздоровительные сооружения (стадионы, дворцы спорта, плавательные бассейны, парки, дома отдыха) и другие организации социально-бытового назначения (В.А.Жамин).

Общим недостатком такой поэлементной характеристики социальной инфраструктуры является простой перечислительный ряд отдельных институтов, учреждений,

организаций. Кроме того, при подобном подходе нередко преобладает социально-бытовой аспект, слабо учитывающий другие виды жизнедеятельности человека.

В-четвертых, вполне правомерно рассматривать социальную инфраструктуру и по уровням социальной организации общества.

Обычно анализ начинается с социальной инфраструктуры всего общества. В практике управления широко используются как общие, так и расчетные показатели, характеризующие состояние, обеспеченность и тенденции развития отдельных элементов инфраструктуры. При этом ее состояние интересует не само по себе, а как показатель и уровень общественных изменений. Поэтому разработка показателей социальной инфраструктуры дает возможность постоянного изучения взаимосвязи и взаимовлияния материальной базы и сущностных (содержательных) процессов в развитии общества.

Не менее важен и уровень крупного экономического района, когда социальная инфраструктура исследуется в рамках относительно замкнутой экономической системы. Появляется возможность сравнить показатели данной инфраструктуры с показателями развития других экономических единиц и на этой основе получить богатую информацию о достижении, опережении и отставании анализируемого объекта для принятия действенных мер. На этом уровне уже вводятся определенные поправки к коэффициентам ее развития в зависимости от природно-климатических и национальных особенностей региона.

Социальная инфраструктура административного деления (республик, областей, краев, городов, районов) является необходимым элементом конкретизации общих проблем. Примечательно, что здесь уже могут отсутствовать те или иные элементы социальной инфраструктуры: чем ниже уровень социальной организации, тем ограниченнее набор элементов. Главным критерием наличия или отсутствия элементов инфраструктуры выступает удовлетворение потребностей повседневной жизни всего населения.

Социальная инфраструктура особо может быть представлена и на уровне производственной организации, трудового коллектива. Хотя эта точка зрения еще не нашла своего глубокого обоснования в научной литературе, все же данный уровень социальной инфраструктуры нуждается в большем внимании и теории, и практики. При этом необходимо видеть три ограничения. Во-первых, не все элементы социальной инфраструктуры развиваются на уровне коллектива: предполагается, что удовлетворение потребностей и интересов людей осуществляется на уровне районной и городской инфраструктуры. Во-вторых, подлинно научное выражение состояния социальной инфраструктуры на предприятии ограничено самими возможностями коллектива, отсутствием разработанных нормативных показателей на уровне региона, что затрудняет сравнение вещественных элементов с аналогичными объектами на других уровнях социальной организации общества. И, наконец, на уровне коллектива вносится немало поправок к коэффициентам при учете особенностей труда, социально-демографических данных и т.д.

В-пятых, социальная инфраструктура исследуется с позиций удовлетворения потребностей людей, т.е. имеется в виду набор элементов социальной инфраструктуры, который необходим для организации жизни населения как на работе, так и по месту жительства. Такие элементы не могут быть ничем заменены. Нельзя, например, хорошей столовой заменить отсутствующие учреждения здравоохранения или наличием клуба, дома культуры оправдать отсутствие детских учреждений.

Но есть потребности и более высокого порядка: получение высшего образования, занятия определенными видами спорта, художественным творчеством и т.п. Применительно к ним стоит задача более равномерного распределения этих элементов социальной инфраструктуры по территории в зависимости от количества проживающего населения. Так, считается нецелесообразным открывать государственный театр в городе, где менее 250 тыс. населения. Предполагается, что населенные пункты с небольшим количеством жителей могут обслуживаться театрами, филармониями и любыми формами приобщения людей к искусству необязательно путем строительства соответствующих учреждений в каждом из этих пунктов: их можно заменить организацией поездок театральных и других творческих коллективов или поддержкой самодеятельных объединений.

И, наконец, различные формы жизнедеятельности человека выступают тем единым основанием, по которому также осуществляется выделение элементов социальной инфраструктуры. Это, однако, не означает, что эти компоненты полностью изолированы (независимы) друг от друга. Наоборот, анализ условий деятельности, например, в сфере культуры может частично охватить и условия деятельности в сфере труда, так же как характеристика социальной активности возможна по всем без исключения компонентам социальной инфраструктуры.

Анализируя объекты социальной инфраструктуры в связи со сферами деятельности человека, можно выделить ее составные элементы: инфраструктура трудовой деятельности; инфраструктура охраны окружающей среды и здоровья человека; инфраструктура общественно-политической деятельности; социально-культурная инфраструктура; социально-бытовая инфраструктура; инфраструктура межличностного и социального общения.

Условия, обеспечивающие жизнедеятельность населения, и лежат в основе классификации социальной инфраструктуры: она в целом и ее элементы обслуживают не какие-то отдельные, а совокупность всех видов деятельности человека.

§ 3. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В современных условиях социальная инфраструктура – важная характеристика степени экономической и социальной развитости общества, показатель широты и глубины использования материальных возможностей для рациональной жизнедеятельности людей.

Роль социальной инфраструктуры проявляется прежде всего в том, что она может повышать или уменьшать эффективность действующей хозяйственной структуры. Ее состояние отражает социальный потенциал, зрелость существующей материальной базы общества, региона и отдельных коллективов (Б.Н.Хомелянский).

В настоящее время развитие социальной инфраструктуры оказывает значительное влияние на все без исключения процессы, происходящие в обществе, как, например, рациональное использование трудовых ресурсов, межнациональные отношения, расселение, здоровье человека и т.д. Практически нет той сферы общественной жизни, где бы не стоял вопрос об укреплении и нормальном использовании материально-вещественных элементов. Причем эта взаимосвязь социальной практики и общих условий жизнедеятельности человека проявляется в том, что, с одной стороны, осуществление целей человека обязательно предполагает наличие материально-вещественных элементов, с другой стороны, инфраструктура воздействует на его сознание и поведение.

Рациональное развитие социальной инфраструктуры – многоаспектная проблема, которая требует решения многих вопросов научного управления. История хозяйствования неоднократно свидетельствовала, что игнорирование социальных аспектов деятельности людей, в том числе и общих условий, приводит к серьезному нарушению механизма развития общественных отношений. К сожалению, мнение ученых и их рекомендации не учитывались десятилетиями. Показателен вывод научной конференции по проблемам БАМа в 1974 году, когда еще раз с большой озабоченностью констатировалось многолетнее отставание социальной сферы. С той поры прошло четверть века, но положение никак не прояснилось, а еще больше усугубилось, поставив под сомнение само существование БАМа.

Усложнение общественного развития потребовало иных представлений о комплексе общих условий жизни человека. Процессы модернизации показали не только их значимость, но и – что является особенно важным – системность, которая предполагает необходимую связь всех условий.

Однако нередко элементы социальной инфраструктуры рассматриваются в отрыве друг от друга, в контексте частных технических, производственных, организационных или экономических задач. Следовательно, речь идет о том, что все компоненты социальной инфраструктуры должны быть предметом единого, целостного процесса управления и планирования. Именно отсутствие комплексности и взаимной увязки ее элементов сказывалось и до сих пор сказывается на эффективности управления, на рациональном использовании сил и возможностей экономики.

Направления развития социальной инфраструктуры определяются процессами обновления общества. Хотя многие компоненты социальной инфраструктуры и учитываются в процессе управления, вместе с тем следует отметить, что долгое время ее роль была пассивной и она в большинстве случаев представляла функцию производственного потенциала, тех технико-экономических проектов, которые реализовались на всех этапах развития общества. Это нашло отражение в пресловутом остаточном принципе, который торпедировал многие прогрессивные начинания и пагубно влиял на сознание и поведение людей.

Потребность в относительно самостоятельном развитии социальной инфраструктуры обусловлена необходимостью дальнейшей разработки нормативной базы. Применяемые нормативы потребностей населения в коммунальных и бытовых услугах, а также физиологические нормы питания, рациональные нормы потребления обуви, тканей, важнейших товаров длительного пользования в большинстве случаев плохо согласовывались с требованиями, предъявляемыми реальной жизнью. Эти нормы далеко не полностью учитывают объективные тенденции развития экономических и социальных процессов и особенно специфику их преломления как по регионам страны, так и среди различных социально-демографических групп. В связи со сдвигом промышленности в восточные районы страны остро встал вопрос о создании научно обоснованной социальной инфраструктуры в районах нового освоения (Г.Ф.Куцев, Г.И.Мельников).

Важное значение приобретает социальная инфраструктура при рассмотрении проблем развития городов, урбанизированных территорий и агломераций. Эффективное управление этими процессами невозможно представить без учета особенностей функционирования социальной базы поведения людей. В сегодняшних условиях увеличивается число претензий к городам, и особенно крупным (неудобство для проживания, недостаточно хорошие условия для повседневной жизни) (А.В.Дмитриев, С.Н.Железко, М.Н.Межевич).

В современных условиях усложнились задачи, стоящие перед сельскохозяйственным производством, что потребовало коренных изменений общих условий жизни селян. В настоящее время в сельском хозяйстве четко прослеживается тенденция первоочередного осуществления магистральных проектов создания современной инфраструктуры, предназначенной, во-первых, для эффективного функционирования основных форм собственности и, во-вторых, для решения важнейших социально-культурных проблем (Л.В.Бондаренко).

И, наконец, совершенствование социальной инфраструктуры – это улучшение не только условий, но и в известном смысле форм жизнедеятельности людей. Значение их научного обоснования велико, потому что предоставляет людям возможность проявить себя как в творческом отношении, так и в процессе отдыха, организации культурного досуга, выбора мест приложения своих интересов. Ее развитие снимает проблему медвежьих углов, богом забытых территорий, устраняет изолированность людей от очагов культуры. Вместе с тем приоритеты в ее развитии могут существенно меняться. Так, анализ социальной инфраструктуры малых народов Севера выдвинул на первое место проблемы здравоохранения, что требует учета этого фактора, и именно потому, что в сознании и жизни людей он приобрел решающее значение.

Объективно одной из важнейших проблем социальной инфраструктуры является необходимость объединения всех средств, выделяемых на ее развитие. Сооружение общих для всего населения служб тепло-, электро- и водоснабжения, очистных сооружений, зон отдыха, а также строительство жилья и культурно-бытовых учреждений дает огромный экономический и социальный эффект. Однако жизнь показывает, что даже в сегодняшних условиях местные власти не имеют такой базы.

Настало время при решении задач социальной инфраструктуры шире внедрять программно-целевой подход. С этой целью возможны разовый одновременный расчет потребности в социальной инфраструктуре и выделение необходимых средств на нее вне зависимости от принадлежности сооружаемых объектов. Это выделение необходимых средств можно практиковать и в рамках сложившихся городов, рабочих поселков, чтобы довести состояние социальной инфраструктуры до требуемых нормативов.

Развитие социальной инфраструктуры остро ставит вопрос о формах и источниках финансирования.

Многие ученые и практики высказываются за то, что справедливее было бы затраты как при эксплуатации, так и при первичном освоении территории делить на всех, кто является или собирается быть участником территориально-производственного комплекса, промышленного узла, города или рабочего поселка. Однако это предложение нуждается в определенной корректировке с учетом потребностей населения. Дело в том, что в начале освоения или эксплуатации территории многие организации имеют полностью или частично ограниченный срок существования (это в первую очередь касается строителей). Ряд объектов на данной территории возникает уже после освоения территории: «привязываются» новые фабрики, заводы, новые учебные и научные заведения. Их появление не всегда можно точно предусмотреть. Поэтому трудно определить и тех, кто в будущем будет нести ответственность за сооружение и использование инфраструктуры.

В этой ситуации гораздо рациональнее выделять целевым назначением средства для создания социальной инфраструктуры в руки одного заказчика, который согласно имеющимся финансовым ресурсам разверстывал бы задания, исходя из научно

обоснованной программы освоения территории. Этот подход наиболее точно учитывал бы интересы и территории, и отдельных производств, что благоприятно сказалось бы на создании нормальных условий для жизни населения. Выделенные средства осваивались бы, исходя не из возможностей одного собственника, не из субъективных пожеланий руководителей того или иного ведомства, а из научно обоснованного плана создания комплекса условий для жизни населения.

И, наконец, необходимо обратить внимание на такое обстоятельство. Развитие социальной инфраструктуры сопровождается возникновением новых форм и методов управления материально-технической базой общественного развития (межрайонные планировки, карты распределения культурных и бытовых учреждений, комплексные программы развития территорий и т.д.).

Однако в реальной жизни сложилась ситуация, когда за создание социальной инфраструктуры никто практически никакой ответственности не несет. Местные органы власти не везде имеют полномочия и права, необходимые для того, чтобы вмешиваться в ход решения важнейших производственных и социальных задач. А в ряде случаев они плохо сориентированы в их важности, больше заботятся о производственных проблемах, чем о том, что волнует и интересует население. Это происходит в значительной степени потому, что формирование инфраструктуры как единого целого не планируется, а средства, выделенные на их развитие, как правило, не соответствуют общим масштабам развития производства и потребностей людей.

Поэтому реализация всех крупных проектов программно-целевого подхода требует совершенствования управления, более четкого разделения компетенции (прав и обязанностей) ведомств и предприятий, с одной стороны, и местных органов власти – с другой.

Таким образом, развитие социальной инфраструктуры – это многоаспектная проблема, целевой установкой решения которой является создание условий, достойных человеческой природы и адекватных ей.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 18.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С. 191.
3. Подробнее см.: Тощенко Ж.Т. Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М., 1980.
4. Муравьев А . М . Экономическая база социального развития. Л., 1975.
5. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Системный подход в социальных исследованиях // Вопросы философии. 1967. № 9. С. 107.

Темы рефератов

1. Генезис идей социальной инфраструктуры.
2. Виды (типы) социальной инфраструктуры.
3. Основные компоненты инфраструктуры трудовой (общественно-политической, культурной) деятельности.
4. Национальные аспекты социальной инфраструктуры.
5. Особенности социальной инфраструктуры в районе Крайнего Севера (в районах нового освоения, в условиях засушливого земледелия).
6. Точечная и линейная инфраструктура и формы их взаимодействия.

Вопросы и задания для повторения

1. Дайте определение и раскройте содержание понятия «социальная инфраструктура».
2. Когда появились понятия «инфраструктура», «производственная инфраструктура», «социальная инфраструктура»?
3. В чем отличие социальной инфраструктуры от материально- технической базы?
4. Какие уровни социальной инфраструктуры существуют в обществе?
5. Какие элементы социальной инфраструктуры нуждаются в особом внимании и развитии в условиях переходного периода?
6. Какие различия социальной инфраструктуры существуют в городе (большом, среднем, малом) и сельской местности?
7. В чем сложность управления социальной инфраструктурой?

Раздел III СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Если сформулировать совокупность проблем, отраженных в понятии «социальная жизнь», то она представляет собой сферу общественной жизни, которая характеризует социальное положение человека, степень реализации его социального настроения и его отношение к своей роли в социально-классовой структуре общества.

Социальное положение людей, прежде всего, определяется их отношением к функционирующим в обществе формам собственности. Оно характеризуется также их местом в социально-демографической и социально-профессиональной структурах.

Вместе с тем в социальной структуре все более заметную роль стали играть компоненты общественного сознания и поведения, которые имеют одновременно и объективное, и субъективное (социально-психологическое) содержание. Особо следует отметить значение такого феномена, как социальный статус. Содержание последнего обусловлено общественным положением человека, слоя или группы, а также условиями, влияющими на изменение их места в системе распределения и потребления материальных и духовных благ.

Выбор именно такого подхода не случаен. Ход развития социологических исследований объективно привел к введению в научный оборот таких понятий, как «социальная роль», «социальное наследство», «жизненный путь», «социальный престиж», «трудовая карьера» и т.д., которые в определенной степени всегда связывались с социальным положением человека, классов, групп и слоев населения. Выход на этот уровень анализа обогащает наше представление о социальных отношениях, позволяет полнее увидеть их многообразие.

При разработке социологических проблем социальной жизни особенно важен учет принципа социальной справедливости, который содержит в себе оценку касающихся человека жизненных проблем, имеющихся в обществе возможностей при становлении эталонов образа жизни в различных социально-экономических условиях. Эта исходная установка важна и с методологической точки зрения, так как она позволяет реализовать научно обоснованные требования, выразить себя в количественных и качественных показателях, представить уровень и глубину дифференциации социальной жизни.

Изложение материала в данном разделе подчинено еще одной цели – преодолеть имеющуюся в научной литературе традицию рассматривать социальную жизнь главным образом в таком ракурсе, когда внимание концентрируется на том, что человек получает от общества, какие блага имеются в его распоряжении. Подчеркивание роли и значения повышения уровня жизни, удовлетворения материальных и духовных потребностей способствовало культивированию своеобразной «идеологии потребления», когда акцент делался на том, что человек может получить от общества, а не на том, что эта отдача должна базироваться на вкладе каждого индивида в рост национального богатства, действенность и величина которого измеряются рынком.

В этой связи следует напомнить, что в 50–70-е годы в западной социологии была распространена концепция «общества потребления», которая впоследствии была заменена «обществом благосостояния». Эти концепции были подвергнуты критике и затем отвергнуты как не отражающие в полной мере сущностные стороны человека и необходимые цели общества. «...Современный капитализм нуждается в людях, – писал в

своей работе «Здоровое общество» Э.Фромм, – ...которые хотят потреблять все больше, чей вкус стандартизирован и легко управляем и предвидим... Человеческое счастье сегодня означает потреблять и «принимать»: товары, зрительные представления, пищу, напитки, сигареты, людей, лекции, книги, фильмы – все потребляется, все заглатывается. Мир – это единственно большой объект для нашего вкуса, мы те, кто вечно ждет обмена и приема, обмена и потребления; все – духовные объекты так же, как и материальные – становятся объектом обмена и потребления».

Анализируя многообразие социальной жизни и тенденции ее развития, следует отметить важную цель косвенных рычагов воздействия на сознание и поведение человека. Изучение социальных процессов и явлений показывает, что на сознание и поведение людей большое, а иногда и решающее значение оказывают престиж профессии и места работы, популярность предприятия и его продукции. Использование этих мотивов ведет к тому, что общественное мнение, общественное сознание стимулируют решимость людей содействовать социальным нововведениям или игнорировать их.

Анализ сущности, содержания и целей поведения людей в социальной сфере позволяет сделать вывод, что оно представляет деятельность по распределению материальных и духовных благ в тесной связи с социально-классовым положением человека. По мере исторического развития оно означает непрерывный процесс превращения накопленных богатств в богатства индивидуальные, участие в их приумножении, что, однако, еще не свидетельствует о равных возможностях, доступности в их распределении и потреблении. Особую значимость эта проблема приобретает в условиях рыночных отношений.

Социологический анализ социальной жизни, начиная с социальной структуры и завершая отклоняющимся поведением, охватывает широкий круг проблем повседневной жизни и самые животрепещущие вопросы. Именно особая значимость этих проблем стала одной из причин их абсолютизации, что и сводило нередко социологию только к объяснению роли и значения «социального».

Автор также исходит из чрезвычайной важности многих социальных проблем, отражающихся в сознании и поведении человека. Поэтому раздел представлен значительным количеством тем, по которым уже осуществлена определенная теоретическая и прикладная разработка.

Но ряд тем опущен сознательно, например, имеющая богатые традиции и опыт социология быта, отдыха, лиц преклонного возраста. Тем не менее нетрудно заметить, что эти вопросы освещаются практически во всех главах, посвященных социальной сфере.

В дальнейшем автор предполагает специально обратиться к проблемам здоровья, спорта, которые так или иначе (иногда очень кратко) нашли здесь отражение.

Отдельного анализа требует социальный механизм рыночных отношений, так как в сознании и поведении части людей он ассоциируется с социальной несправедливостью. Эта необычайно острая и злободневная проблема в основном является прерогативой экономистов. Но они все же продолжают игнорировать такой аспект, как восприятие и оценка человеком мира социальных реальностей, его социального настроения, без чего невозможны многие изменения в трудовой и повседневной жизни людей.

Это тем более важно, что становление гражданского общества создает предпосылку для сравнения человеком своего образа жизни с образом жизни предшествующих поколений и

в не меньшей мере с социальными возможностями аналогичных групп людей, в том числе и живущих в других странах.

Таким образом, социальная дифференциация предполагает расчленение социального целого на взаимозависимые элементы, охватывающие не только статичное состояние социальной структуры, но и процесс, ведущий к возникновению новых ролей, статусов, новых характеристик социального положения людей.

Глава I СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

В социологии социальная структура трактуется в широком и узком смыслах. В широком смысле под ней понимается всевозможное деление общества на сферы жизни людей (экономическую, социально-политическую, духовную), на производство, обмен, распределение и потребление.

Однако получил распространение и развитие другой – более узкий – подход, когда анализируются социальная стратификация и социальная дифференциация, под которыми понимаются все значимые различия между людьми в процессе их жизнедеятельности.

Такой подход прежде всего акцентировал свое внимание на классах, описание сущности которых в наиболее полном виде дано К.Марксом и Ф.Энгельсом. Широко известны идеи М.Вебера о классах в индустриальном обществе. В своей работе «Система социологии» П.Сорокин дал обзор взглядов различных авторов на понятие «класс». В более позднее время к этому понятию обращались Р.Дарендорф, Э.Гидденс и другие исследователи. И хотя они по-разному трактовали данное понятие (М.Вебер сводил его только к отношениям собственности), достаточно быстро обнаружилось, что такой подход не эвристичен, скрывает под собой возможность более дифференцированного представления о социальной структуре общества, в том числе и о классовом составе.

В социологию постепенно вошли понятия «социальная группа» и «социальный слой». Социальная группа определяется по демографическим, профессиональным, поселенческим, образовательным признакам и фактически является более дробным составным элементом классовой структуры (группа рабочих высшей квалификации, учителя, молодежь).

Что касается социального слоя, то он включает в себя также признаки, имеющие социально-экономическую, социально-политическую, культурную и социально-психологическую природу и характеризующие общие черты внутри одной и нескольких групп. Например, когда речь идет о таком социальном слое, как малообеспеченные работники, то он может охватывать людей из различных социальных групп.

Для характеристики социальной структуры большое значение имеет теория стратификации, получившая особенно большое распространение в американской социологии. Страта включает в себя множество людей, общим признаком которых могут являться производственные, политические, демографические и другие характеристики. Кроме того, страты, как и социальные группы и слои, оперируют понятиями «социальное положение», «социальный статус», «престиж», которые ранжируют людей выше или ниже, характеризуют различные уровни доходов и соответственно образ и стиль жизни, причастность к различным образцам поведения [1].

В настоящее время в отечественной социологии ведутся дискуссии о среднем классе, качественными критериями которого выступают уровень доходов, стандарты поведения и потребления, уровня образования, владение материальной или интеллектуальной собственностью. Значимой характеристикой этого класса является сравнительно высокий уровень материальной обеспеченности, что делает их достаточно автономной и относительно независимой от государства частью населения, что в условиях российской действительности пока невозможно.

В советской социологии поднимался вопрос о правомочности использования таких понятий, как «когорта», «отряд». Если понятие «отряд», которое использовалось по аналогии с военной лексикой как обозначение определенной социальной группы с отчетливо выраженными социально-политическими целями, не получило поддержки и развития, то «когорта» использовалась чаще и предназначалась для описания группы людей одного поколения или, точнее, одного года рождения.

Анализ социальной структуры продолжает изучение и таких признаков, как причастность к функциям власти вообще и политической в частности, как половозрастные характеристики людей, их религиозная и национально-этническая принадлежность, а также признаки, определяющие семью как базовую ячейку общества.

Социальная стратификация продолжает выделение групп по месту жительства, по времяпровождению, по любительским интересам, по склонностям к определенным свободным видам деятельности.

Особое место занимают маргинальные слои в обществе, которые характеризуются признаками аномии. Например, утратив связь с прежней группой (выходцы из села), они долгое время не могут принять ценности и правила поведения городских жителей. К маргинальным группам можно отнести инвалидов, безработных, лиц без места жительства и определенных занятий.

И, наконец, при изучении социальной структуры нередко забываются группы людей, отбывающих наказание за преступления. Бродяги, тунеядцы, нищие, как бы ни казались они малочисленными, так же реально живут среди нас, как и большие социальные группы и слои.

§ 1. ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СТРАТИФИКАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Проблемы социальной стратификации и дифференциации постоянно находятся в поле зрения отечественных ученых. Даже беглый анализ опубликованных книг и статей показывает, что изучение социальной структуры долгое время превышало интерес и внимание к другим темам.

Характерно, что при всем многообразии подходов к социальной структуре подавляющее большинство специалистов опиралось на известное высказывание В.И.Ленина о классах. Однако трактовка этой идеи осуществлялась по-разному. Одни исследователи главное внимание уделяли причастности людей к тем или иным формам собственности, вторые – делению на занятых умственным или физическим трудом, третьи – социально-профессиональной или социально-демографической структуре. Предпринимались попытки рассмотреть социальную структуру с точки зрения распределительных отношений.

Остановимся на этом подробнее.

В течение длительного времени в научной литературе фигурировала чрезвычайно общая характеристика форм собственности при социализме – государственная и колхозно-кооперативная, выразителями которых выступали рабочий класс и колхозное крестьянство. Это серьезно ограничивало глубину научного анализа, так как не учитывались оттенки позиций различных групп внутри этих классов. Более того, социологи (И.А.Аитов, М.Н.Руткевич, Ф.Р.Филиппов) неоднократно регистрировали тот факт, что отдельные слои рабочего класса и крестьянства по ряду важнейших характеристик более близки между собой, чем некоторые слои внутри этих классов.

Жизнь остро поставила вопрос о различных формах собственности, не ограничивающихся двумя наиболее известными. Уже с конца 70-х годов была признана необходимость считаться с собственностью общественных организаций. Приобрела особую значимость и личная собственность. В условиях перестройки образовались различные формы кооперативной, в том числе групповой, собственности, а также акционерной, частной, смешанной собственности. Развернулись дискуссии вокруг проблем федеральной и региональной собственности.

Все это не может не отразиться на наших представлениях о социально-классовой структуре, ибо за каждой из форм собственности стоит слой (группа) людей, имеющих свое восприятие окружающей действительности. Такой подход лишний раз указывает на примитивизм воззрений о социальной структуре, когда игнорируется связь социальных групп и классов с формами собственности. Анализ социальной структуры обычно начинался с рассмотрения состояния, тенденций и противоречий развития рабочего класса, связанного с одной формой собственности – государственной. Именно эта форма собственности во многом обусловливает роль и специфику труда и быта людей, занятых на производстве [2].

Данному анализу посвящено много работ (Л.А.Гордон, Э.В.Клопов, А.К.Назимова). В них нашли отражение и достижения, и просчеты, и ошибки в трактовке происходящих изменений в рабочем классе. Говоря о тенденциях этих изменений, следует, на наш взгляд, выделить следующие.

Во-первых, ближайшее будущее принесет уменьшение доли занятых в материальном производстве в социальной структуре общества. Прогноз на начало XXI века показывает, что до 50% работников уйдут из этой сферы и пополнят число занятых в сфере услуг, науки, образования. Значительно возрастет количество пенсионеров, и государству предстоит гарантировать сносное существование людей, по тем или иным причинам претендующих на его помощь.

Во-вторых, продолжается дифференциация рабочего класса, особенно если учесть, что при разнообразии форм собственности общество вынуждено считаться с людьми, опирающимися, например, на групповую, частную или кооперативную собственность. Именно этот показатель определяет появление новых социальных групп и их роль в общественном производстве, хотя возможны и другие характеристики дифференциации и стратификации (по профессиональной подготовке, по сферам занятости и т.п.).

В-третьих, возрастет количество представителей рабочего класса, которые по содержанию труда, по общей и профессиональной подготовке мало или совсем не отличаются от инженерно-технической интеллигенции. Сегодня, в условиях авангардных технологий,

функции многих рабочих и технической интеллигенции настолько сблизились, что они различаются скорее в нюансах, чем по существу. В этой ситуации существенно корректируется традиционное представление о непосредственно производительном труде, в осуществлении которого в данной ситуации участвуют все без исключения работники производства (Н.А.Аитов).

В-четвертых, происходит дальнейшее повышение общеобразовательного уровня и профессиональной квалификации рабочих. Исследования Л.А.Гордона, Э.В.Клопова, А.К.Назимовой, В.В.Кревневич показали, как происходило в историческом разрезе изменение квалификации и общей подготовки, которое свидетельствовало в 70-х годах об определенной стагнации этого процесса.

И, наконец, хотелось бы отметить еще одну важную особенность, происходящую в социальной структуре рабочего класса, – это расширение и дальнейшее изменение источников его пополнения. В настоящее время наряду с традиционными источниками – из среды рабочих и крестьян – он увеличивается за счет детей служащих и специалистов, всех других слоев общества.

Пополнение рабочего класса имеет и другую сторону: постепенно сокращается количество рабочих, получающих подготовку непосредственно на производстве, и увеличивается доля тех, которые проходит через сравнительно длительную, учебу – от нескольких месяцев до нескольких лет. Реальной стала тенденция пополнения числа высококвалифицированных рабочих из выпускников средних, а по некоторым профессиям (например, на гибких производственных системах) и высших учебных заведений.

Говоря о рабочем классе, следует отметить, что время, когда принадлежность к нему обеспечивала высокий, хотя во многом показной, престиж в общественном сознании, ушло, и сейчас эта категория фигурирует в жизненных планах людей либо как вынужденная мера, либо как источник достаточно серьезного материального достатка.

Что касается социальной структуры крестьянства, то она тоже серьезно видоизменяется под влиянием изменения форм собственности на землю, что позволит, как полагают инициаторы реформ, приостановить процесс раскрестьянивания тружеников деревни.

В современных условиях в социальной структуре крестьянства происходят такие изменения.

Во-первых, общее уменьшение занятых непосредственно производительным трудом – в поле и на ферме. Этот процесс протекает чрезвычайно противоречиво: от острой нехватки рабочих рук на селе в российском Нечерноземье, на Севере и в районах Сибири и Дальнего Востока до безработицы в республиках Северного Кавказа и некоторых других районах.

Во-вторых, происходят (и будут происходить) серьезные структурные изменения. Особенно вырастет число занятых на переработке сельскохозяйственного сырья, ибо данная сфера труда требует существенных коррективов в распределении трудовых резервов села. Одновременно увеличивается число крестьян, занятых в сфере обслуживания на селе и на сезонных работах, когда незанятость части сельского населения ослабляется созданием промышленных производств и подсобных промыслов.

В-третьих, противоречие между общественной ориентацией на значимые цели и личными устремлениями людей характерно и в отношении к крестьянскому труду, принадлежности к сельскому населению. Этот перекос в общественной оценке роли и значения работы на земле привел (и не без влияния идеологических установок) к раскрестьяниванию, к огромным трудностям в функционировании всего народного хозяйства. В результате многие люди утратили связь с землей, с крестьянским трудом, и возрождение их крестьянского сознания на новой основе протекает достаточно болезненно. К примеру, не выдержали испытания жизнью групповые арендные отношения. С большим трудом происходит становление фермерских хозяйств.

Как рабочий класс, так и крестьянство подразделяются на различные и весьма специфические группы: по профессиональному составу, по уровню образования, по социальной активности и т.д. Более того, говоря об их взаимодействии, следует учитывать следующее. Город (а соответственно и рабочий класс) долгое время опирался на ресурсы деревни. И хотя он взаимодействовал с деревней в экономическом, социальном и культурном отношениях, однако их сотрудничество, будучи несбалансированным, привело к ущемлению интересов работников сельского хозяйства. В результате деформированной экономической политики произошла неоправданная перекачка трудовых ресурсов из села в город; структура села изменилась: в ней преобладают люди старших возрастов, трудовые ресурсы менее подготовлены в профессиональном отношении.

Еще более разительны различия между рабочими и крестьянами в сфере культуры и быта. Более высокая престижность жизни в городе объясняется также такими факторами, которые прямо влияют на образ жизни: уровень оплаты труда, комфортность жилья, возможность выбора и смены профессии, более широкий доступ к культурным ценностям. Процесс урбанизации в стране, свидетельствуя о научно-техническом и социальном прогрессе, вместе с тем имел и определенные издержки, ибо «обезлюдели» многие сельские местности, что нанесло значительный ущерб экономике, общественной жизни в целом. Анализ миграционных процессов в 60-х и 70-х годах устойчиво показывал направление их протекания: с севера на юг, с востока на запад (Л.Л.Рыбаковский).

В настоящее время этот процесс в определенной степени приостановился. Возникла даже тенденция обратного характера: происходит рост сельского населения на Северном Кавказе, в южных районах страны. В то же время положение в Центре европейской части остается напряженным. По-прежнему остро стоит вопрос о создании механизма, влияющего на социальное поведение людей: нужно ослабить их отток в города и найти возможность привлечь в эту зону сельских жителей из трудоизбыточных районов страны. Пока же можно признать, что развитие отношений между городом и деревней серьезно тормозится действием факторов, которые, необходимо изменить или ослабить: создать условия для превращения крестьянина в хозяина земли, сделать более привлекательным процесс труда, обеспечить в большем объеме и без существенных ограничений доступ к ценностям культуры и образования.

Вместе с тем анализ данных за 1990-1994 годы позволяет увидеть новые сдвиги в социальной структуре: с 82,6 до 53% снизилась доля респондентов, занятых в государственной форме собственности, доля занятых в частной форме собственности выросла с 12,5 до 28,1%, а в смешанных структурах (акционерные предприятия, арендные предприятия и кооперативы) – с 4,0 до 17,6% [3].

Специфично отношение к существующим формам собственности у людей, занятых в сфере быта, работников культуры, образования, науки. Особую группу составляют лица,

находящиеся на службе в Вооруженных Силах, органах внутренних дел и государственной безопасности.

Наступило время, когда объектом социологического анализа стали безработные. От этого явления уже нельзя отмахнуться ни политике, ни науке. Число людей, не имеющих работы, уже в середине 90-х годов превышало несколько миллионов человек, порождая проблемы занятости молодежи, стимулируя преступность, питая такие формы применения труда, которые нашли свое специфическое выражение в шабашничестве, в отхожих промыслах, в поездках «челноков».

Несомненно, что происходит дальнейший процесс усложнения социальной структуры общества. И он далек от совершенства. Здесь есть свои коллизии, столкновения, серьезные противоречия. Сегодня, например, во весь рост встала проблема возрождения хозяина на производстве и на земле. Оживились различные формы кооперации, появились хуторские хозяйства, люди возвращаются в горные аулы и т.п.

В этой связи представляет интерес анализ социальных перемещений (М.Н.Руткевич, Ф.Р.Филиппов), осуществленный еще в 60-х годах и показавший их зависимость от субъективных причин, среди которых зависимость от форм собственности была особенно ощутимой. Данное явление, получившее название социальной мобильности, имеет свое реальное воплощение в виде перемещений не только между городом и деревней, но и между отраслями, различными районами страны, между профессиями.

§ 2. ВАЖНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Прежде всего остановимся на социально-профессиональной структуре общества, которая является одним из следствий общественного разделения труда. Воинская знать, служители культа в первобытном обществе были первыми представителями профессий умственного труда. В течение длительного исторического периода этот труд давал преимущественное социальное положение: как правило, выше оплачивался, открывал доступ к более высокому уровню образования и ко всем обшесгвенным благам. Но главное – это возможность приобщиться к функциям управления, что всегда означало (прямо или косвенно) причастность к эксплуатации человека человеком. Этот веками и тысячелетиями складывающийся процесс не прошел бесследно и для социализма. Несмотря на то, что сразу после Октябрьской революции приоритетность профессий физического труда (с ним связывалось положение в первую очередь рабочих и крестьян) постоянно подчеркивалась, престиж умственного труда продолжал оставаться значительным, его роль высоко оценивалась общественным сознанием. Более того, отчужденность между различными видами труда продолжала сохраняться. Ложно интерпретированное положение о ведущей роли рабочего класса привело к нигилистическому отношению к интеллигенции, к махаевщине, что серьезно ослабило интеллектуальный потенциал страны. В результате пострадал престиж как умственного, так и физического труда.

Профессии физического труда с официальной точки зрения признавались приоритетными, а на практике, в общественном мнении считались менее достойными. В то же время люди умственного труда нередко ощущали свою незначительность в социальном и политическом плане. Деформированное, искаженное представление о труде умственном и труде физическом привело к удивительным парадоксам. Так, исследованиями, проведенными еще в 60–70-х годах известным ученым-социологом В.Н.Шубкиным, было доказано, что «лестница» профессий и «лестница» притязаний фактически были

противопоставлены друг другу: желание стать космонавтом, артистом, ученым-физиком и т.д. многократно превышало потребность общества в этих кадрах [4].

Потребность же в работниках массовых профессий не подкреплялась реальным желанием людей заниматься этими видами труда. Но тем не менее объективный процесс развития народного хозяйства неумолимо приводил их субъективные устремления в соответствие с тем, что на самом деле было необходимо обществу.

Однако достижение этого соответствия происходило очень болезненно и с большими социальными издержками.

Социально-профессиональная структура общества – достаточно динамичное явление, в понимание которого должны постоянно вноситься коррективы. Так, стало очевидным, что предложенное в недалеком прошлом Госкомстатом СССР деление рабочих на пять основных групп по сложности и механизированное труда отвечает лишь частично на вопрос о методологических основах классификации профессий.

Из новых подходов к объяснению этой структуры стоит отметить анализ групп (Л.А.Гордон и А.К.Назимова), связанных с доиндустриальным, индустриальным и научно-индустриальным производством, что дает возможность более четко представить все многообразие профессий, существующих в нашем обществе.

Не менее важной характеристикой социальной дифференциации является расслоение российского общества по доходам, которое превысило предельно допустимые для правовых государств нормы. У 10% наиболее высокодоходного населения сосредоточилось 34% денежных доходов. У 20% населения России, имеющего высокие доходы, в середине 90-х годов сосредоточилось 46% денежной массы страны, у 20% россиян с низким достатком – в 10 раз меньше. По оценкам Всесоюзного центра уровня жизни при Минтруде РФ, 10% наиболее обеспеченных слоев населения имели доходы в 1996 году, в 15 раз превышающие доходы 10% наименее обеспеченных. Опыт других государств свидетельствует, что десятикратная разница в доходах самых богатых и самых бедных слоев населения является критическим пороговым показателем, превышение которого чревато социально-политическими потрясениями в обществе. Разрыв в уровнях зарплаты 10% наименее оплачиваемых работников и 10% наиболее оплачиваемых достиг в 1994 году 27 раз. В промышленно развитых странах подобная диспропорция не превышает 6–8 раз, чему способствуют как прогрессивные ставки налогов на высокие заработки, так и официально устанавливаемый минимальный уровень оплаты в соответствии с прожиточным минимумом.

Социальная практика экономически стабильных стран показывает, что на пороге бедности могут по объективным причинам находиться не более 10% населения, тогда как прожиточный (физиологический) уровень необходимо гарантировать каждому члену общества. В противном случае нельзя рассчитывать на высокую динамику экономического роста и обеспечения благосостояния населения даже по самым усредненным параметрам.

В этой ситуации говорить о стабилизации, а тем более о росте реальных доходов населения преждевременно. Покупательная способность начисленных денежных доходов только за 1993-1994 годы снизилась в целом по России с 2,3 до 2,06 набора прожиточного минимума. Если учесть, что доля потребительских расходов в денежных доходах населения за этот период также снизилась примерно на 4 пункта, то факт продолжения тенденции снижения реальных доходов трудно оспорить.

Глубину этой дифференциации в известной степени отражают и субъективные ощущения граждан. По данным Аналитического центра ИСПИ РАН, в мае 1996 года к высшему классу себя причислил 1% опрошенных россиян, к среднему – 39%, к низшему – 44% (16% затруднились ответить) [5].

Ухудшение социального самочувствия в связи с социальным положением ощущают не только работники наемного труда. Прокатившаяся в 1994 году волна банкротств мелкого бизнеса (за которой последовала новая, более мощная) отбросила многих его представителей к черте бедности. В еще большей бедности оказались высококвалифицированные рабочие и специалисты, составлявшие в советское время довольно значительный средний имущественный слой. Место их в этом слое заняли представители преступного мира, участники «челночных» торговых операций с зарубежьем и некоторые категории других торговцев.

Характерной особенностью ухудшения социального самочувствия является рост маргинальных групп ярко выраженного деклассированного характера. Так, продолжает быстро расти такая категория социально обездоленных, как нищие, которые сегодня являются активной силой «социального дна» и нижнего слоя криминалитета. Ядро контингента нищих снова, как и в дореволюционное время, стали составлять профессиональные нищие. По оценочным данным, численность профессиональных нищих выросла с осени 1993 года по осень 1994 года в 3–4 раза и составляет около 300–350 тыс. человек.

Опрос клиентов московского спецприемника-распределителя МВД, проводимый периодически, показал, что профессиональные нищие состоят по меньшей мере из трех слоев. Первый слой – те, кто сознательно сделал попрошайничество своей зачастую небесприбыльной и достаточно необременительной профессией. Эти люди имеют свое жилье, определенный достаток и за рамками занятий данной профессией нередко ведут образ жизни относительно обеспеченных обывателей. Удельный вес их в контингенте профессиональных нищих ориентировочно составляет 15-17%. Второй– представлен алкоголиками из числа безработных, не делающих попыток устроиться на работу или уже не способных к систематической работе. Их, по примерным оценкам, 30–35%. В третий слой входят те, кого в дореволюционной России называли «истинно нищенствующей братией» – убогие, немощные, – кто по разным причинам выпал из системы социального обеспечения или никогда не был ею охвачен.

Основными источниками увеличения контингента профессиональных нищих становятся малообеспеченные группы населения, для которых характерны и ускоренная алкоголизация, и большая опасность утраты здоровья, а следовательно, и дееспособности. Анализ картотек задержанных как бродяг профессиональных нищих показал, что среди относящихся ко второму слою более 90% уже совершили правонарушения и находятся «на подхвате» у уголовных преступников. [5]

Таким образом, анализ социального положения этих людей показывает, что они лишены привычных ориентиров, не видят в лице государства силы, на которую они могли бы опереться, у них разрушена система ценностей, в центре которой ранее стояли официальная доктрина и неофициальная нравственная установка на ценность труда.

Происходят серьезные процессы и в среде молодежи. Кажущееся увеличение ее самостоятельности социологические данные опровергают. Так, результаты исследований гласят, что с 81 до 88% возросла численность молодежи, пользующейся материальной

помощью родителей. Сегодня все меньше молодежи выбирает традиционные пути решения своих материальных проблем. Переход на высокооплачиваемую работу в 1990 году планировали 39%, в 1994 году – лишь 24% [5].

И самое печальное состоит в том, что молодые люди не видят в творческом и высококвалифицированном труде источник роста своего благополучия – его заменяют эрзац-стандарты общества потребления, от которого, кстати, уходят или стремятся уйти многие западные страны.

Материальное положение молодежи отражает общую тенденцию обнищания населения. Удельный вес группы со среднедушевым доходом, приравниваемым к минимальной зарплате, повысился с 9% в 1990 г. до 13% в 1994 г. Даже так называемая среднедоходная группа, составляющая 34%, по сегодняшним нормам потребления приравнивается к уровню бедности. В целом же 82% молодежи имеет доход ниже или равный прожиточному минимуму.

Молодежь стала более реалистично и сдержанно оценивать свой жизненный уровень: 11% отвечают, что едва сводят концы с концами, 55% на свои доходы имеют возможность лишь более или менее сносно питаться и одеваться. Вместе с тем увеличилась более чем на 10% так называемая высокообеспеченная группа молодежи, могущая себе позволить все, кроме покупки собственной квартиры или коттеджа. И, наконец, появилась небольшая (0,5%), но быстрорастущая группа так называемых богатых молодых людей, не отказывающих себе ни в чем.

В особенно серьезной социальной защите нуждаются люди пенсионного возраста. Социальная структура общества стареет, и все большее количество людей переходят в группу, о которой общество и государство должны проявить максимум заботы. Между тем многие пенсионеры находятся на грани выживания, для многих из них уход из сферы трудовой деятельности по состоянию здоровья или невозможность получить помощь от детей становятся настоящей трагедией.

Таким образом, к середине 90-х годов в России в основном сформировалась качественно новая, предельно поляризованная социально-классовая структура с полюсами в виде буржуазии, с одной стороны, и полудеклассированных наемных работников, с другой, при весьма неустойчивом среднем классе, который точнее было бы назвать средним социальным слоем. Глубочайший характер приняла стратификация общества по имущественному признаку, сопровождаемая разрушением государственной системы социальной защиты россиян.

Поляризация не ограничивается социально-классовыми и имущественными срезами общества, а по ряду показателей прошла через отношения «власть – массы», «центр – властные структуры регионов», «город – деревня», «этнос – этносы», «национальная буржуазия – компрадорская буржуазия», наемных работников по корпоративно-синдикалистскому признаку, в связи с той или иной формой собственности. Общество продолжает раскалываться на правопослушную часть и быстро разрастающийся криминалитет, на относительно благополучных, имеющих жилье и работу, и на интенсивно умножающихся социально обездоленных. В силу этого антагонизм российского общества принимает тотальный характер и чреват взрывом и конфликтами или постепенной дезорганизацией.

Изменения в социостратификационной структуре российского общества не свидетельствуют о создании социальной базы демократических реформ, об укреплении

социальной организации российского общества. Скорее наоборот: реформы фактически лишились своей некогда значительной социальной базы, а российское общество уже не имеет устойчивого социального фундамента, необходимого для реализации солидарной социальной воли.

Важнейшей особенностью формирования социальной структуры стала окончательная трансформация бывшей партийной, государственной, хозяйственной номенклатуры, «директорского корпуса» в особый слой средней и крупной буржуазии. Помимо произвольно устанавливаемых высоких окладов директора и управленческая верхушка в процессе приватизации получили изрядные куски собственности в виде пакетов акций. Высшее чиновничество в центре и регионах активно включилось в передел собственности и охотно совмещает вопреки официальным запретам административную деятельность с коммерческой. Происходит активное слияние двух основных групп элиты – необуржуазии и новой номенклатуры. Они и составляют доминирующий в экономике и политике высший класс.

§ 3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Когда понимание социальной структуры только как классовой было подвергнуто сомнению самой логикой жизни, остро встал вопрос о том, что необходимо учесть, чтобы дать полную и более точную ее картину.

В середине 80-х годов приобрел большое звучание анализ отношений распределения при рассмотрении проблем социальной структуры. Однако он очень быстро выявил ограниченность и беспомощность такого подхода, ибо опять искал первопричину во вторичных факторах, а в политике вел к серьезным просчетам, к поддержанию глубоко ошибочной установки, что важнее перераспределить, чем произвести.

Процесс осознания роли и значения рынка происходит очень сложно. Лишь постепенно и теоретическая мысль, и практика подошли к выводу, что рыночные отношения не противостоят социализму и что в условиях взвешенной политики они могут стать действенным фактором прогрессивных общественных изменений.

Но в то же время со всей очевидностью становится ясной необходимость внесения серьезных коррективов в наши представления о социальной структуре. Помимо традиционного представления о классах и социальных группах внутри них перед социологией встают вопросы, которые ранее для нее не существовали: появляются новые социальные группы, рожденные становлением рынка и характеризующие принципиально иную систему общественных, в том числе производственных, отношений. Уже стали реальностью такие профессии, как акционеры, фермеры, банкиры, брокеры. Вошли в жизнь торгово-закупочные акционерные общества, приватизированные предприятия бытового обслуживания и торговли. Осуществляется приватизация предприятий, создаются акционерные общества и другие типы организаций на основе преобразованных форм собственности. А это означает появление в общественной жизни все новых и новых социальных групп людей, которые характеризуются более сложным и пока непривычным сочетанием признаков, требующим иного осмысления.

Вместе с тем для социологии очень важно знание того, как люди осознают (стихийно или обдуманно) свое социальное положение и как они своими действиями стремятся внести коррективы, позволяющие изменить их позиции в общественной жизни. Это осознание нередко носит противоречивый характер, ибо далеко не всегда цели, которые ставят перед

собой человек, отдельные слои и группы, совпадают с объективными закономерностями. Очевидно, что ограниченность возможностей согласовать субъективные устремления с объективным ходом развития порождает коллизии между личным (групповым) и общественным.

С социологической точки зрения важен тот момент, что действия людей по изменению своего социального положения связаны со стремлением иметь такие рыночные отношения, которые позволили бы им занять достойное место в обществе. Однако до них с большим трудом доходит тот факт, что в новых условиях начинает действовать стимулирование не просто за труд, пусть и квалифицированный и высококачественный, а за труд, результаты которого прошли общественную апробацию на рынке.

Что же ставят люди на первый план при оценке своего положения в условиях рыночных отношений?

Прежде всего осознаются социальные гарантии, действительное гражданское состояние, степень уверенности в нынешней и будущей общественной и личной жизни. Социологические данные показывают, что при огромной предрасположенности людей к рыночным отношениям очень многие (от 50 до 70%) боятся безработицы, тех негативных последствий, которые связаны с тем, что человек не имеет работы и не уверен, что общество поддержит его в трудную минуту (Е.Г.Антосенков, 1996).

Во-вторых, в условиях имущественного расслоения (появилась уже первая группа миллионеров, так называемые «новые русские») непременным следствием становится обострение отношений, что проявилось уже в поджогах домов фермеров, в призывах разобраться с новоявленными нуворишами, в ожесточенной полемике вокруг новой налоговой системы.

В-третьих, в условиях деформированной экономики стала заметной тяга к профессиям, связанным с доступом к распределению материальных благ (работники торговли, общественного питания, быта). В общественном сознании достаточно четко фиксируется престижность положения человека в зависимости от его причастности к распределению. Именно осознание реальной ситуации диктует человеку и соответствующее поведение.

В-четвертых, предстоит еще долгое время укреплять субъективную уверенность человека в возможность внести свой вклад в трудовой процесс как основу успеха в производственной и личной жизни. Это стремление увеличить долю созидательного начала в индивидуальной деятельности требует, чтобы личные интересы были в максимальной степени согласованы с объективной логикой рыночных отношений. В ином случае это приводит к неоправданным затратам сил, энергии, финансовых и материальных ресурсов. Но и это не самое главное. Дело в том, что меняется иерархия ценностей человека, причем процесс этот проходит нередко остро и болезненно. Насколько это серьезно и значимо, показывает тот факт, что многие выпускники вузов меняют свою профессию, приобретая другую (Ю.И.Леонавичюс, П.О.Кенкман, Л.Я.Рубина). Это ли не показатель расхищения трудовых ресурсов, деформации общественных отношений?

Но еще неприемлемее осознание человеком, что его труд неадекватно вознаграждается. К сожалению, складывается ситуация, при которой одним рыночные отношения на руку – способствуют росту их статуса и социальных гарантий, другим же, в частности деятелям науки и культуры, приходится расставаться с уже достигнутым.

Так, в течение длительного времени говорят о престиже труда учителей. Но многие недостатки в организации труда, низкая заработная плата привели к тому, что в стране стала складываться острая их нехватка, происходил процесс вымывания наиболее способных кадров в другие отрасли народного хозяйства, существенно уменьшился авторитет учителя в общественном мнении. А как следствие такого печального положения – снижение уровня знаний и информированности учащихся, замедление процесса формирования интеллектуального потенциала страны.

Снижению интеллектуального потенциала также немало способствовало неудовлетворительное стимулирование труда. Общество, не сумев создать эффективный механизм выявления и использования творчества специалистов, пустило все на самотек. В результате те представители интеллектуальной мысли, которые трудятся непосредственно на государство, обречены на нищенское существование. Поэтому интеллигенция как социальный слой усиленно размывается: часть «продает мозги», уезжая за границу, другая часть пошла услуживать коммерческим структурам, третьи – берутся за любую работу, лишь бы обеспечить сносное существование. Интеллигенция распалась на множество групп, устремления и интересы которых разошлись очень далеко.

Из данной ситуации пока следует один вывод: рыночные отношения серьезно влияют на социальную структуру общества. Воздействие их прослеживается и в том, что распространился групповой эгоизм, который базируется на противопоставлении своего интереса интересам общественным за счет ущемления прав и положения других социальных групп. Это явление стало серьезным тормозом для прогрессивных изменений в социальной структуре общества. В такой ситуации принадлежность к тому или иному классу, к той или иной социальной группе определяется не гражданскими, а утилитарными интересами, желанием подыскать место, где можно зарабатывать больше и быстрее. Это, к сожалению, нередко соседствует со стремлением урвать побольше от общества, пренебречь общественными интересами, переключиться на такую сферу, где возможности личного обогащения более благоприятны. Этим объясняется и живучесть деятельности представителей теневой экономики.

В условиях, когда механизм рыночных отношений затрагивает социальное положение человека, очевидно, что вся социальная структура испытывает на себе их прямое и косвенное воздействие. Напряженность в социальной структуре общества нередко складывается под влиянием не только объективных тенденций развития отношений рынка, но и изменений, происходящих в общественном сознании, что проявляется в соответствующих установках и поведении людей. Вместе с тем, как показывает жизнь, сложные проблемы социальной структуры решаются тем эффективнее, чем полнее объективная логика ее функционирования совпадает с субъективной деятельностью людей, когда материальный аспект дополняется духовным, нравственным. Несомненно одно: социальная структура отражает социальное положение человека, которое имеет четко выраженную тенденцию к тому, чтобы его оценка коррелировала, во-первых, с реальным вкладом человека в общественное производство, во-вторых, с его творческим потенциалом и, в-третьих, с его профессиональной подготовкой, навыками и активностью. И наконец, с тем, чтобы этот вклад был оценен, как бы это болезненно ни происходило, рыночными отношениями, т.е. с тем, насколько результаты труда востребованы обществом.

Литература

1. См. подробнее: Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996.

2. На наш взгляд, трудно согласиться с тем, что в СССР «не было реальных классов в силу отсутствия объективных основ для их существования». См.: Социальная стратификация современно го российского общества. Аналит. обозрение / Отв. ред. Л.А. Беляева М., 1995.
3. Социальная стратификация современного российского об щества. М., 1995, С. 19.
4. Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь. М., 1985.
5. См.: Реформирование России: мифы и реальность. М., 1994.

Темы для рефератов

1. Генезис идей о социальной структуре.
2. Социально-демографическая структура: сущность, состояние в российском обществе.
3. Современные проблемы социально-профессиональной структуры.
4. Роль форм собственности в социальной дифференциации.
5. Социальная группа как элемент социальной структуры.
6. Социальный слой и особенности его исследования.
7. Основные изменения социальной структуры в условиях рыночных отношений.

Вопросы и задания для повторения

1. Дайте характеристику понятий «социальная структура», «социальная дифференциация», «социальная стратификация».
2. Общее и особенное в понятиях «социальная группа» и «социальный слой».
3. Какие основные изменения произошли в социальной структуре рабочего класса?
4. Какие основные тенденции характерны для современной социальной структуры крестьянства?
5. Назовите основные проблемы, возникшие в среде интеллигенции.
6. Что такое социальный статус, социальный престиж?

Глава 2 ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Предметом этносоциологии являются национальное самосознание и этническое поведение, опосредованные конкретно-историческими условиями их функционирования.

При исследовании понятий «национальное», «этническое» автор предлагает учитывать следующие их особенности.

Когда мы говорим об этносах, об этнических группах, то имеем в виду очень широкий круг общественных явлений и процессов, которые происходят во всем мире и реализуются в самых различных измерениях.

Во-первых, в компетенцию этносоциологии входит изучение состояния общественного сознания и поведения основных рас, существующих в мире: белой, желтой, черной (европеоидной, монголоидной и негроидной). Спорным остается вопрос, можно ли население тихоокеанских островов считать расой. Но даже если остановиться только на трех вышеназванных, мы не можем игнорировать факт их отличий и также тех проблем взаимодействия, которые реально существуют между ними и особенно проявляются при совместной жизни в одной стране, в одном государстве.

Во-вторых, каждая из рас подразделяется на малые расы, а те, в свою очередь, – на еще более дробные части. Так, в составе индоевропейской группы находятся славяне, которые имеют как некоторые общие, так и специфические характеристики, отличающие их жизнь, быт, нравы от аналогичных групп народов.

В-третьих, наиболее распространенным является изучение национального самосознания и поведения народов, каждый из которых имеет уникальные черты и признаки, отличающие их друг от друга. Они могут классифицироваться по величине: большие народы, малочисленные народы. Не менее значима их характеристика по степени зрелости их экономической и политической жизни, развитости культуры, языка, приверженности к традициям и обычаям, что связано с возможностями их автономного существования. В советской науке использовалась терминология: нация, народность, национальное меньшинство и другие понятия. Некоторые исследователи (В.Тишков) предлагают отказаться от понятия «нация», следуя западной традиции, где национальность означает гражданство. Ограниченность такого подхода не позволяет вычленить уровень полноты характеристик, которые необходимы и которые в реальной жизни проявляют себя, когда сравниваются те или другие народы.

В-четвертых, народы, особенно крупные, нередко распадаются на этнические социальные группы, которые, сохраняя много общего между собой, имеют ряд специфических различий. Особенно это характерно для народов, которые еще в недавнем прошлом сохраняли наследие родоплеменных связей. Иногда этнические различия продиктованы религиозными различиями, например, сербы (православные), хорваты (католики) и сербы-мусульмане в Югославии представляли в недавнем прошлом один народ.

И, наконец, этносоциология изучает такой феномен, которые все больше и больше проявляют свое действие, – это диаспоры, т.е. национальные группы, живущие в отрыве от исторической Родины, но поддерживающие контакты между собой и сохраняющие национальную культуру, язык, традиции и обычаи.

§ 1. НАЦИИ И ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ

На территории современной России живут представители более ста наций, народностей и этнических групп. В начале XX века они обладали различной исходной базой – от жизни в условиях примитивной организации хозяйства до капиталистических экономических отношений. Соответственно большим был разрыв и в уровне культуры. Разнообразие обычаев, традиций дополнялось серьезными различиями в приобщении к достижениям человеческой цивилизации. На уклад жизни влияли религиозная обстановка, историческое прошлое, языковые особенности, степень развитости контактов с другими нациями и народностями. Специфика проявлялась и в быте, стиле ведения домашнего хозяйств, в одежде, утвари, в семейных отношениях.

Все это многообразие общественных связей внутри каждой нации, народности и этнической группы и между ними образовывало самые различные оттенки, типы и формы национальных и межнациональных отношений.

Совместная жизнедеятельность не могла не порождать проблемы, противоречия.

Поэтому вполне естественно, что наука, отдельные ученые уже давно стали специально изучать историю наций, их культуру. Были сделаны интересные попытки объяснить феномен исчезновения и переселения целых народов, процесс взаимодействия культур,

национально-религиозные течения. Получили всемирное признание работы российских школ востоковедения, медиевистики, арабистики, этнографии и этнологии.

В отечественной научной литературе сложился большой отряд исследователей, которые посвятили свои работы истории многих наций, состоянию национальных отношений, самым различным аспектам развития национальных культур, языка, обычаев и традиций.

Однако исследователи, будучи, как правило, представителями одного из направлений социальной мысли, концентрировали свое внимание на вопросах, которые волновали их в большей степени. Экономисты в основном анализировали материально-техническую базу, развитие производительных сил, решали вопрос их соответствия или несоответствия потребностям народнохозяйственного комплекса. Уязвимой чертой этих исследований было практически полное игнорирование всех национальных особенностей, исходя из того, что процесс интернационализации экономики делает ненужным и необязательным учет характеристик, не связанных непосредственно ни с производительностью труда, ни с эффективностью производства. Для многих экономистов рабочая сила была сведена до некоторого символического работника, который был нередко не только бесполым, безвозрастным, но и безнациональным. Более того, под флагом интернационализации экономической жизни творилось беззаконие, попрание суверенных интересов и прав наций и народностей. Одной из причин распада СССР, характеризующей недальновидность политического руководства, явился отказ от придания республикам по инициативе Эстонии значительной экономической самостоятельности, что диктовалось потребностями времени и логикой развития народного хозяйства.

В работах историков (Ю.В.Бромлей, Ю.Кахк, В.И.Козлов, К.В.Чистов), как правило, характеризовались этапы решения национального вопроса, опыт осуществления национальной политики в различных регионах страны. Часть работ была посвящена путям и средствам развития отдельных сфер национальной жизни, главным образом в сфере экономики и духовной жизни. Определенный интерес представляют работы, посвященные становлению двуязычия, роли русского и национальных языков в создании культуры. Немало исследований – и исследований интересных – было связано с анализом этнографических проблем жизни тех или иных наций, народов и народностей.

В работах философов (Э.А.Баграмов, М.С.Джунусов, Ж.Г.Голотвин, А.М.Егизарян, И.П.Цамерян, М.И.Куличенко и др.) чаще всего рассматривались проблемы социально-классовой структуры, социальные проблемы развития культуры, языка, образования и быта. При этом акцент нередко делался на позитивных процессах, свидетельствовавших о расцвете национальных культур, о сближении образа жизни наций и народностей, и совсем недостаточно говорилось о том, с какими противоречиями сталкивалось осуществление национальной политики, какие процессы происходили в экономических, социальных и политических отношениях, какие нерешенные вопросы возникали в ходе взаимодействия культур различных наций.

При анализе методов решения национального вопроса исследователи очень часто ограничивались анализом показателей экономического и социального развития наций и народностей и чрезвычайно мало обращали внимание на те аспекты национальных отношений, которые самым непосредственным образом связаны с восприятием людьми объективной реальности, с противоречиями в национальном самосознании. Иначе говоря, если форма (внешние показатели) национального развития получила известное освещение и разработку, то содержательный компонент интерпретировался весьма своеобразно – в основном давались количественные характеристики общеобразовательного уровня, культурной и профессиональной жизни.

Особое место в этносоциологии занимает группа историков, которая знаменовала в своей работе единство исторического и социологического подхода (Ю.В.Арутюнян, МА.Губогло, Л.М.Дробижева, А.А.Сусоколов и др.) и которая с 60-х годов реализовала ряд уникальных исследовательских проектов. Именно исследования этих ученых, а также социологов-философов (В.Н.Иванов) вскрыли многие тревожные симптомы, которые появились задолго до распада СССР и свидетельствовали о созревании скрытых напряженностей (например, отток русскоязычного населения из республик, в частности Грузии, начался еще в конце 70-х годов, а не в конце 80-х, и тем более не после 1991 года) [1].

Вместе с тем ни в теории (в социологии), ни на практике не был своевременно замечен и оценен рост национального самосознания. Хотя этот процесс происходил в условиях интернационализации общественной жизни, нельзя забывать, что и этот вид общественного сознания может неадекватно отражать объективную реальность. При определенных условиях именно в сфере сознания (а впоследствии и в поведении) возникает возможность появления национализма и шовинизма, представляющих по своей сути деформацию политического и духовного компонента национальных отношений, что порождает одно из обличий этнического эгоизма – стремление обеспечить привилегии своему народу за счет других.

Говоря об этносоциологии, следует выделить феномен, раскрывающий специфику проявления национального в любом гражданском обществе и степень возрастания его влияния на жизнь каждой многонациональной страны. А так как практически в мире не осталось однонациональных государств, этнические процессы стали характерными для всех без исключения обществ. Это обнаружилось и в Канаде (особая позиция французских жителей провинции Квебек), и в Чехословакии, и в Турции, и в Ираке, и во многих многоплеменных государствах Африки. Более того, обострились этнические противоречия в странах, которые издавна считались едиными с точки зрения нации, но располагающими этническими группами. Этнические противоречия отмечались в Бельгии и Испании. В сочетании с религиозными эти процессы наложили серьезный отпечаток на повседневную жизнь и привели к трагедии в Северной Ирландии, в Пенджабе (Индия), в Югославии.

Поворот к национальным, этническим проблемам происходит в глобальных масштабах. Достаточно сказать, что в войнах и вооруженных конфликтах вес этнического фактора в 1984 – 1989 годах достиг, по данным Д.Райта, половины (15 из 30), в то время как за весь период нового времени (с 1496 по 1983 год) только 86 из 240 войн характеризовались той или иной степенью этнической нетерпимости. Анализ реальной ситуации показывает, что удельный вес этнических вооруженных конфликтов в ближайшем будущем будет возрастать.

Отражением этой тенденции стали события в Казахстане, в Нагорном Карабахе, в Грузии, в странах Прибалтики, на Северном Кавказе. Обострились проблемы крупных этнических групп и диаспор, по тем или иным причинам не имеющих своей государственности на территории СНГ: немцев, уйгуров, крымских татар, курдов. До сих пор кровоточат раны от переселения целых народов: калмыков, чеченцев, ингушей, кабардинцев и т.д.

Иначе говоря, на современном этапе развития человечества есть целый ряд национальных проблем, которые обострились во многих странах. Хотя, безусловно, имеются особенности проявления национальных и этнических отношений в разных странах, тем не менее есть общее, интересующее этносоциологию, – социальное положение человека как

представителя нации, его национальное самосознание, национальная культура, язык, т.е. все то, что определяет национальную самобытность людей. Но особую значимость эти процессы приобрели для России и всех бывших союзных республик, ныне независимых государств, ибо обострение межнациональных и этнических противоречий грозит обернуться серьезными социальными потрясениями.

§ 2. НАЦИОНАЛЬНЫЕ (ЭТНИЧЕСКИЕ) АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

Этнические проблемы всегда занимали особое место в истории России. В царской России представителей одних народов относили к инородцам, за другими не признавали права на самостоятельное существование их культуры и даже самоназвание, третьи были лишены возможности иметь свою письменность, свой язык, свою литературу.

В этом смысле решение национального вопроса в Советской России после 1917 года и в 20-х годах можно считать существенным сдвигом с точки зрения признания прав всех без исключения народов. Обнародованная 2 (15) ноября 1917 года «Декларация прав народов России» устанавливала свободное развитие, равенство и суверенность всех национальностей и народностей России. Некоторое время спустя Советское правительство в своем обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» гарантировало им полную свободу устройства своей жизни. Эти акты принесли определенные плоды, создав условия для доверия между народами, что стало основой для решения ряда экономических и социальных проблем и в области национальных отношений. Были осуществлены меры по развитию национальных культур, созданию письменности многих национальных меньшинств. Интересным, но, к сожалению, утерянным было многообразие в решении национальной государственности и культурной автономии: вплоть до начала 30-х годов существовали не только республики и округа, но и национальные районы и даже волости (сельсоветы), многочисленные национально-культурные центры. Только в Новосибирске в 1919 году издавалось 17 газет на национальных языках, в том числе на венгерском, чешском, немецком, китайском.

В 90-е годы многие аналитики возложили вину за распад СССР, за этнические конфликты, взлет национализма и шовинизма на национальную политику, на создание национально-государственных (республики) и национально-территориальных (национальные области и округа) образований. Однако ссылка на опыт США и других стран несостоятельна – она олицетворяла «плавильный котел», в котором все прибывающие представители других наций подвергались ассимиляции и превращались в представителей такой нации, которой не знала история, – американской.

В условиях же России все народы имели свою историю, свою территорию, свой язык и культуру, многие из которых обладали тысячелетними традициями. Ошибка состояла не в том, что, по Конституции СССР 1936 года, была создана четырехчленная система национально-государственного строительства – союзная республика, автономная республика, автономная область и национальный округ, а в том, что по мере огромных индустриальных преобразований в стране в результате большой миграции и социальных перемещений была самым серьезным образом изменена этническая карта. И нужно было приводить изменения в соответствие с реальностью, закрепленной в законодательных актах, а не консервировать ее, откладывая решение на потом.

Кроме того, нужно было учитывать, что реальная совместная жизнь наций и народов была далеко не беспроблемной. Главная беда состояла в том, что противоречия, социальные болячки загонялись вглубь, скрывались. В отношении отдельных народов принимались

произвольные решения, многие перспективные вопросы игнорировались или их решение имитировалось.

В национальной политике не учитывалась специфика национальных и межнациональных отношений, которая заключается в необходимости рассматривать их как своеобразные синтетические общественные отношения. Эта синтетичность проявляется в том, что, во-первых, они включают в себя отношения всех сфер общественной жизни – экономические, социальные, политические, духовные – и, во-вторых, одновременно предполагают их анализ как единства материального и идеального. Игнорирование такого подхода привело к тому, что болезненно заявили о себе стремления к национальной замкнутости, местничеству, иждивенческие настроения.

Поэтому для этносоциологии большое значение имеет изучение национальных особенностей всех сфер общественной жизни.

Что касается экономической жизни, то, прежде всего, следует отметить, несмотря ни на что, интенсивный процесс интернационализации экономических отношений. В известной степени он повлиял на то, что национальный компонент в экономике перестал играть решающую роль и на первый план вышли общегосударственные интересы, вопросы экономической целесообразности и производственной необходимости. Неглубокое понимание этих явлений приводило к тому, что национальные аспекты экономического развития стали видеться только в плане функционирования специфических отраслей народного хозяйства, присущих одной или нескольким нациям и в большинстве случаев имеющих историческую традицию.

Игнорирование национально-особенного в экономической жизни, крупные просчеты в решении назревших проблем материального производства, слабый учет интересов людей проявились в огромных социально-экономических издержках, в потере национального суверенитета, в диктате общесоюзных министерств и ведомств, что в конечном счете породило идею хозяйственной автаркии и стремление к максимальной независимости от центра.

Чрезмерная централизация экономического и социального развития, подавление инициативы и самостоятельности породили такие процессы, которые, с одной стороны, стимулировали губительную для гражданского общества миграцию из одной республики в другую, а с другой – стагнацию социальных перемещений, избыток рабочей силы в республиках Средней Азии и Закавказья. Несовершенство этих отношений тормозило трудовую активность и в государственном, и в кооперативном секторе, серьезно искажало структуру потребления и доходов и, самое главное, оказало пагубное влияние на сознание и поведение людей. Все это в немалой степени способствовало распространению «теневой экономики», имеющей нередко национальную окраску и глубоко деформирующей нравственные устои.

Эти и другие процессы, происходящие в экономической жизни, со временем породили в национальном самосознании вопрос: насколько справедливо распределяется национальный доход как достояние всего народа между республиками, другими национальными образованиями и соблюдаются при этом интересы конкретных наций и народностей? И здесь вступали в силу мотивы духовного порядка: при отсутствии информации появлялись убежденность в неправильном, не соответствующем вкладу распределении ресурсов, в ущемлении прав отдельных республик. Именно эти факторы и послужили одной из причин роста настроений националистического толка, когда ряд представителей интеллигенции с уверенностью утверждали, что их республики больше

отдают стране, чем получают от нее. Неудивительно, что очень часто эти претензии появлялись тогда, когда не было полной и достоверной картины экономических процессов, и в этом смысле идея защиты национальных интересов получила поддержку населения.

В условиях рыночных отношений национальные аспекты экономической жизни наряду с позитивной тенденцией роста самостоятельности обнаружили и свои противоречивые последствия. Что касается национального самосознания населения бывших союзных республик, то стало очевидным, что их экономика поддерживалась Россией и полученная независимость пока ничего, кроме изъянов, не принесла: они стали в еще большей степени обездоленными.

Что касается национального самосознания населения республик России, то его высокая степень автономности поддерживается лишь в тех из них, которые обладают значительным экономическим потенциалом (Татарстан, Якутия, Бурятия и Башкирия). Для других же идеи хозяйственной автаркии, экономического суверенитета и самостоятельности обернулись серьезными издержками. А как же может быть иначе, когда бюджет таких республик, как Калмыкия, Ингушетия, на 90% формируется за счет централизованных субсидий.

Важным направлением в социологии наций стала социальная сфера национальных отношений. Так как именно в этой сфере решаются вопросы социальной справедливости, осуществляется развитие социальной структуры, создаются условия для повседневной жизни людей, то здесь влияние факторов, связанных с функционированием общественного сознания, проявляется еще острее. Именно в этой сфере сопоставляются возможности социального положения людей различных национальностей, профессионального продвижения, перспектив личной и общественной жизни. Национальный компонент таких проблем оказывает существенное влияние на сознание и поведение людей. По сути дела, речь идет о важном социально-политическом аспекте: сказывается ли национальная принадлежность человека на его положении в обществе?

Анализ состояния дел в этой сфере позволяет утверждать, что у людей постоянно подрывалась вера в равенство социальных возможностей. Пресловутая пятая графа была источником многих личных трагедий. Аналогичная по своим последствиям ситуация сложилась и в условиях провозглашенного национального суверенитета: представители нетитульных народов осознали себя людьми второго сорта, оказавшись живущими в иноязычной среде.

В принципе место человека, возможности его развития и т.д. определяются не классовой или национальной принадлежностью, а личными качествами, способностями, трудом. В то же время сохранение национального деления общества не может не отражаться на конкретных индивидах и социальных группах, на формировании их сознания и психологии.

Зависимость между национальной принадлежностью и общественным положением проявляется, во-первых, в ценностях, установках и ориентациях людей, которые могут быть деформированы по самым различным причинам, и, во-вторых, в конкретных способах решения социальных проблем, когда они приобретают национальную окраску, что может иметь как положительный, так и негативный эффект.

Так, анализ просчетов в национальной политике показывает, что если интересы представителей одной нации или народности преувеличиваются, то это, как правило,

ведет к ущемлению интересов других национальностей. Эти предпочтения четко фиксировались в общественном сознании, на основании чего делались и практические выводы. Именно таким образом понятая национальная политика с точки зрения поддержки интересов определенной нации привела к уменьшению населения других национальностей в ряде республик. По отношению к представителям других национальностей стали употребляться слова «мигрант», «инородец», что сильно затрагивало национальные чувства и нередко вело к обострению межнациональных отношений.

Такая местническая, недальновидная политика не могла в своем развитии не привести и к ущемлению интересов отдельных групп одной нации в ущерб другим. Это проявилось в республиках Прибалтики, в Молдове, Казахстане, когда общие верные рассуждения о национальном суверенитете обернулись межнациональным противостоянием, возрождением и оживлением недоверия между коренным населением и представителями других наций. Такое нарушение принципа социального равенства, равенства возможностей людей на национальной основе не проходит бесследно и, как правило, имеет негативные социальные последствия.

Как ни покажется странным, но многие недостатки в российском обществе стали своеобразным продолжением достоинств, когда в национальной политике реализуются неоправданные приоритеты. Так, Россия, долгое время делившаяся всем необходимым с другим республиками в интересах их экономического и социального развития, попала в чрезвычайно затруднительное положение: население части исконно русских земель жило хуже, чем население многих республик. Это послужило в немалой степени основой для проявления русского национализма, особенно в тех случаях, когда в угоду ложно понятым национальным интересам права одних народов и обеспечение этих прав превалировали над правами других наций и народностей.

Те предпочтения, которые были оправданы на предшествующих стадиях развития, стали препятствием на пути дальнейшего развития межнациональных отношений, ибо они уже не соответствовали новой исторической реальности. Более того, они порождали новые противоречия, которые питали почву для оживления националистических настроений. В то же время остро стоит вопрос о решительном исправлении тех грубейших нарушений, которые проявились по отношению к так называемым репрессированным народам. Некоторые из них, как, например, крымские татары и немцы Поволжья, до сих пор не вернулись к тому статусу, который был у них в 30-е годы. Достойно сожаления, что государственная политика по отношению к этим народам половинчата, аморфна и губительна с точки зрения нравственного здоровья общества. В результате социальные ожидания были нарушены, что не могло не повлиять на отношения между представителями различных наций.

Все это в ряде мест привело к росту несоответствия между социальной и национальной структурой, к националистическим деформациям в развитии структуры профессиональной. Это выразилось, в частности, в том, что наиболее престижные профессии стали в некоторых республиках превращаться в своеобразную привилегию лиц той или иной национальности.

Что касается национальных, этнических аспектов политической сферы жизни общества, то, как показала жизнь, их деформации и изменения переносятся особенно болезненно.

Перестройка, а затем события, происшедшие после августа 1991 года, резко обнаружили те подспудные политические процессы, которые скрытно развивались почти во всех

республиках, в жизни многих народов. Их итогом стали распад СССР, создание самостоятельных государств и резкое обострение взаимоотношений между нациями, народами и этническими группами. Попытки на этой основе реанимировать процесс создания нового Содружества даже как экономического пространства, не говоря уже о политическом, имеют слабую поддержку. Более того, они часто встречают сопротивление или имеют неоднозначную трактовку. Готовность возродить некую организацию наднационального характера больше проявляется в глубинных пластах общественного сознания, чем в действиях национальных лидеров.

Предпосылки деформации политических аспектов национальных отношений накопились еще в пору существования СССР. Давно уже выдвигались требования уточнить полномочия республик, определить пути дальнейшего развития национальной государственности, более эффективно решать вопрос о представительстве интересов наций и народностей. Ведь очевидно, что даже самые незначительные проблемы в этой области, а тем более непродуманные или половинчатые решения особенно остро воспринимаются людьми, непосредственно связываются с исторической справедливостью, подлинным национальным равноправием и т.д.

В этой сфере допущены огромные просчеты, связанные как с теоретическим осмыслением происходящих реальных изменений, так и с практической реализацией требований национальной политики. Это нашло отражение в кадровой политике, в предпочтении выдвижения кадров не на деловой, а на национальной основе, что объективно не могло не привести к ошибкам.

Национальные аспекты политической жизни продолжают оставаться острыми и на нынешнем этапе пореформенной России. Стало, например, очевидным, что необходимо изменять административную карту, вносить существенные коррективы в соответствии с требованиями времени. Однако предложения укрупнить области, создать нечто вроде губерний, земель наталкиваются на национально-государственные границы. И хотя уже в 2/3 республик титульное, коренное население составляет менее половины проживающих, тем не менее такое решение даже в отношении этих республик невозможно не столько из-за ожидаемого сопротивления национально-политической элиты, сколько из-за социального настроения народов этих республик, которое не созрело для такого акта.

Более того, несовершенство политического устройства привело к таким парадоксальным явлениям, когда под вывеской национальных образований (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий округа) под предлогом защиты прав малочисленных народов (их насчитывается несколько процентов от всего населения округа) реализуются интересы крупных монополий, делается все возможное, чтобы безраздельно, бесконтрольно пользоваться национальными богатствами.

Все это позволяет сделать вывод, что решение политических вопросов требует, с одной стороны, более глубокого научного обоснования, которое предполагает точный и скрупулезный учет многогранной специфики конкретных регионов и республик, а с другой стороны, повышения ответственности тех, кто принимает политические решения, чтобы последние базировались на научном анализе, а не на личных предпочтениях, симпатиях и антипатиях.

§ 3. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НАРОДОВ

Интернационализация экономической и социальной жизни объективно толкает национальное самосознание рассматривать духовную жизнь как наиболее полное воплощение достижений национальной культуры, область национальной самобытности. И это в самом деле так. Именно культура, язык, обычаи и традиции народа хранят в себе в большей мере, чем другие сферы общественной жизни, национально-особенное, специфическое, присущее именно этой нации, народности, этнической группе.

Прежде всего исследователи (Ю.В.Арутюнян, Л.М.Дробижева) отмечают значение культуры, накопленных ею ценностей для развития и укрепления национального самосознания. Разнообразие и неповторимость национальных культур, учет их специфических особенностей, признание самобытности культуры (но не исключительности) одних народов и подлинное уважение к духовным ценностям других народов – этот духовно-нравственный компонент национальных отношении приобрел в настоящее время исключительное значение, ибо в нем проявляются как общечеловеческие, так и социально-классовые черты каждой национальной культуры [2].

Национальная культура проявляет себя в таких явлениях и процессах, как деятельность массовых (библиотеки, клубы, кино) и специализированных учреждений (театры, музеи, художественные выставки, филармонии и т.д.)- Как показывают социологические исследования, развитие таких форм национальной культуры и их влияние на национальное самосознание протекают весьма своеобразно. Попытки замкнуться только в рамках отдельной национальной культуры приводят лишь к обеднению духовной жизни, к замкнутости и даже деградации.

Аналогичные процессы характерны и для образования и науки. Попытки ограничить себя национальными школами, подготовкой молодежи к будущей жизни только на национальной основе ни к чему позитивному не приводят. Наоборот, нарастает отвержение этой национально-культурной замкнутости, о чем свидетельствуют социологические данные по многим республикам [3].

Это в значительной степени объясняется тем, что ограничение подготовкой только в национальных школах приводит к потере конкурентоспособности молодого человека во взрослой жизни, затрудняет его приобщение к достижениям мировой культуры.

Не менее сложной для развития духовной жизни народов является проблема языка. Мы оправданно гордимся тем, что нации и народности имеют свою письменность, язык, литературу. Но не все. Дело в том, что в стране проживает немало этнических групп, численность которых не превышает 500, 800, 1500 человек. И хотя они составляют 0,3% населения, решение этой проблемы не снимается, а лишь обостряет необходимость поиска приемлемых форм, базирующихся как на общечеловеческих, так и на национальных ценностях и традициях (А.Е.Жарников, 1989).

В ряде республик вследствие долгих деформаций в национальной политике возникло движение за превращение языка своего народа в государственный язык. Можно понять, что прошлые ошибки вызывают стремление к своего рода историческому возмездию. В самом деле, калмык должен чувствовать себя полноправным гражданином, решительно ни в чем не ущемленным в своих человеческих правах, в том числе и в вопросе языка. Но только гарантирует ли этот акт от изъянов в решении национально-языковых проблем? Нет! Наиболее разумное и приемлемое решение проблемы языка в рамках многонациональных государств – это двуязычие, би- и трилингвизм.

Вместе с тем требуется осмысление и новой ситуации с русским языком как языком межнационального общения. В условиях научно-технической революции незнание русского языка серьезно тормозит освоение и внедрение новой техники и технологии, выравнивание уровней культурного развития, овладение последними достижениями науки.

Сторонникам абсолютизации роли национального языка и игнорирования русского языка можно привести следующие данные: на Земле существует около 2000 языков в 266 странах, из которых 259 являются государственными. Но более 90% населения мира в качестве государственных используют 12 основных языков, которые имеют аудиторию от 100 млн. до 1,2 млрд. человек. Иначе говоря, вокруг этих языков и происходит концентрация интеллектуального богатства всего мира [4].

И, наконец, оптимальным развитие духовной жизни можно назвать тогда, когда учитываются такие уникальные явления, как традиции, обычаи и нравы народов, их приверженность к определенному образу и стилю жизни. Именно они с наибольшей наглядностью отражают сущность и особенности национального самосознания.

Наиболее полный материал по этим характеристикам жизни народа накопили этнографы и этнологи. Социологи, пока еще слабо их учитывают и исследуют. Но все же можно сделать следующие выводы. Иногда дается, на наш взгляд, не совсем точная трактовка роли и значения национальных традиций, обрядов, обычаев. По этому поводу ломаются копья, приводятся различные доказательства. При отсутствии четко сформулированного критерия ценности этих национальных явлений всегда возникают определенные напряжения, непонимание сути выдвинутых жизнью проблем.

Применительно к проблемам традиций, обычаев, привычек может быть сформулировано единственное требование: их существование, развитие, поддержка должны основываться на одном – уважении к человеческому достоинству, на том, чтобы специфические явления духовной жизни одного народа не ущемляли и не попирали ни в коей мере ценности других наций и народностей.

Гипертрофикация стремления ориентироваться только на национально особенное порождает серьезные издержки в развитии национальной культуры. Неоднократно выдвигавшееся требование стремиться к соблюдению адекватных пропорций в удовлетворении культурных, языковых и других запросов как у коренных, так и у некоренных народов, к установлению пропорционального их представительства в органах управления, культуры, будучи привлекательным по форме, создает на уровне индивидуального и группового сознания потенциальную почву для национальной кичливости и чванства у одних групп населения и порождает неудовлетворенность у других.

В этом плане важно развитие всех форм межличностного общения, что способствует адаптации в иноэтнической среде. В конечном счете доверие утверждается не вообще, а в конкретной обстановке, в реальном сознании и поведении людей [5].

В заключение следует сказать о таком получившем большое распространение в последние годы явлении, как диаспоры, деятельность которых в основном сосредоточена в сфере духовной жизни. Она проявляется в создании и функционировании национально-культурных образований – городов, республик. Культурные общества татар, немцев, поляков, евреев и других наций в Москве, Самаре и других регионах стали уже неотъемлемой частью жизни как самих диаспор, так и окружающих их народов. Как

показывают исторические и социологические исследования, достаточно быстро растет численность школ на разных языках, создаются курсы по возрождению родного языка, активизируется их деятельность по пропаганде произведений литературы и искусства [6].

Рассматривая национальные и межнациональные отношения, следует отметить, что в духовной сфере нет незначительных вопросов. Игнорирование даже небольших, на первый взгляд, проблем способно при определенных обстоятельствах превратить их в серьезную конфликтную ситуацию. Локальность этих конфликтов несоизмерима с их значением в идеологическом аспекте: они быстро становятся достоянием всего общественного сознания и оказывают влияние на функционирование всей общественной жизни.

В этой связи должно неукоснительно выполняться требование: максимальное предоставление прав народам, всемерное поощрение их самостоятельности при одновременной помощи в виде советов, рекомендаций и инвестиций.

Литература

1. Русские этносоциологические очерки / Под ред. Ю.В.Арутюняна и др. М., 1992.
2. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1989.
3. См. подробнее: Россия: социальная ситуация и межнациональные отношения в регионах / Авторы-составители: В.Н.Ива нов, И.В.Ладодо, Г.Ю.Семигин. М., 1996.
4. См.: Тощенко Ж. Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. М., 1997.
5. См.: Грдзелидзе Р.К. Межнациональное общение в развитом социалистическом обществе. Тбилиси, 1980.
6. См.: Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т.Н. Национальная диаспора как объект социологического исследования // СОЦИС. 1996. № 12; Миграция и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., 1996.

Темы для рефератов

1. Генезис идей о национальном вопросе в России.
2. Национальные проблемы вашей республики (города, района).
3. Этнос, нация, народность: общее и особенное.
4. Диаспоры, их сущность и перспективы развития.
5. Национально-государственное устройство России, его плюсы и минусы.
6. Особенности развития национальной культуры в современных условиях.
7. Обычаи и традиции как выражение национальной самобытности.
8. Проблемы взаимодействия русского и национального языков.

Вопросы и задания для повторения

1. Почему возросла роль этнических процессов в мире, в на шей стране?
2. Как соотносятся понятия «этнос» и «нация»?
3. В чем проявляется национальное самосознание?
4. Охарактеризуйте национальные особенности экономического (социального, политического) развития.
5. Что включает в себя национальная культура?
6. В чем наиболее наглядно проявляется национальная само бытность?
7. Почему диаспоры стали заметным явлением общественной жизни?

Глава 3 СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Семья – один из наиболее древних социальных институтов: она возникла в недрах первобытного общества значительно раньше классов, наций и государств. Общественная ценность семьи обусловлена ее «производством и воспроизводством» непосредственной жизни, воспитанием детей, формированием их индивидуального сознания.

В процессе исторического развития отношения семьи и общества, семьи и личности постоянно изменялись под воздействием господствующего в данном обществе способа производства, образа жизни и общественных отношений. Прогресс общества в значительной степени был связан с регулированием взаимоотношений мужчины и женщины, с устранением (уменьшением) дискриминации женщин на производстве, в социальной и духовной сферах, с существенным изменением функций семьи, созданием условий для совершенствования брачно-семейных отношений, повышения их воспитательного потенциала.

Для социологии семьи прежде всего интересна совокупностью всех тех элементов общественного сознания и поведения, которые приводят к созданию семьи, к ее развитию, функционированию, укреплению или распаду. С этой целью обычно и исследуются мотивы, установки, ценностные ориентации, ожидания как молодых людей, стремящихся создать семью, так и супругов на всем протяжении их личной жизни. Эти составные части создания семьи, весь сложный комплекс взаимодействия супругов в семье, который изменяется постоянно под воздействием как личных, так и общественных факторов, и составляет ту основу, которая свидетельствует об устойчивости или аморфности семейных отношений.

В социологии семьи огромное значение придается роли женщины, так как именно от ее действий во многом зависит та нравственная и социальная сила, которая является базой семьи. Это тем более важно, потому что женщине приходится сочетать в своей деятельности и семейные, и общественно-производственные функции, что многократно увеличивает ее нагрузку и ответственность.

Составной частью семьи в большинстве случаев являются дети. И это образует еще одну группу взаимоотношений в семье, которую можно рассматривать отдельно, но целесообразнее всего ее анализировать во взаимодействии с родителями, одновременно рассматривая влияние окружающей среды, среды общения, межпоколенные взаимоотношения и т.д.

Институт семьи на современном этапе развития человечества претерпевает серьезные изменения, а по мнению некоторых исследователей, кризис. В связи с неопределенностью будущего или еще не укрепившимся материально-экономическим положением растет число фактических браков, не скрепленных никакими официальными узами: союзы друзей, подруг, которые в принципе выполняют те же функции, кроме одной – рождения детей.

Особую заботу представляют семьи с одним родителем, число которых растет под влиянием достаточно высокого процента разводов – от 30 до 50 к числу заключенных браков.

Продолжает оставаться актуальной проблема многопоколенной семьи, когда два-три поколения семей ведут совместное хозяйство, организуют свой повседневный быт, согласовывают различные интересы, что представляет достаточно сложную задачу.

В связи с ростом феминистского движения активно обсуждается вопрос о перераспределении функций в семье, придании женщине больших прав, о преодолении фактического неравенства между супругами и т.д.

Нельзя не обратить внимания и на создание однополых квазисемей, гражданские права которых уже признаны в ряде государств.

Среди исследователей социологии семьи в отечественной науке следует назвать имя основоположника советской социологии семьи А.Т.Харчева, его последователей или соратников – А.И.Антонова, М.С.Мацковского, Т.А.Гурко, В.А.Сысенко, Б.С.Павлова, В.Г.Харчевой, Н.Г.Юркевича, З.А.Янковой и др.

§ 1. СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Семья является ячейкой общества, поэтому на ее функционирование влияют все социально-экономические и культурные процессы (как позитивные, так и негативные), происходящие в нем. На семью и ее нравственное состояние непосредственно воздействуют факторы окружающей социальной среды, то, что происходит на производстве, по месту жительства, в повседневной жизни.

Анализ реально складывающейся ситуации в семье показывает, что наряду с общими характеристиками требуется рассмотрение социальных ролей супругов, детей, места и роли женщины в семейной жизни.

Семья – малая социальная группа общества, основанная на супружеском союзе и родственных связях (муж и жена, родители и дети, другие родственники), на совместном ведении общего хозяйства и взаимной моральной ответственности (А.Г.Харчев) [1].

В настоящее время в России насчитывается 40 млн. семей. Примерно 69% семей состоят из супругов с детьми. За период между переписями с 1970 по 1979 год в СССР было заключено примерно 23 млн. браков и оформлено около 7 млн. разводов. В 80-х годах ежегодно заключалось 2,7 млн. и в то же время расторгалось 900 тыс. брачных союзов. Ежегодно без отца остается примерно 300 тыс. детей [2]. Следует отметить еще одну особенность советских семей: если в 1959 году 10% всех семей были национально-смешанные, то в 1979 году их стало уже 15% (АА.Сусоколов) [3].

Семья выполняет прежде всего репродуктивную функцию - воспроизводство людей. Сейчас средняя семья в России состоит из 3,2 человека. Этот показатель существенно различается в зависимости от региона бывшего СССР. Наибольший показатель имеет население Таджикистана и Азербайджана (средняя численность детей составляет 5–6 человек), а наименьший показатель – население стран Прибалтики, Белоруссии. Здесь значительный удельный вес занимает семья с одним ребенком. Наличие единственного ребенка характерно для большинства городских семей.

И хотя в 80-е годы количество таких семей уменьшилось, даже простое воспроизводство находится под угрозой. Пока этот процесс не остановлен, сохраняется вполне реальная возможность депопуляции населения в ряде регионов страны. Более того, эта возможность в середине 90-х годов стала реализовываться: смертность населения превысила рождаемость в большинстве регионов страны. И это связано не только с увеличением коэффициента смертности, но и с резким сокращением коэффициента

рождаемости: появление ребенка для многих семей связано с риском, который очень велик в условиях рыночных отношений.

На репродуктивную функцию семьи негативно влияют разводы, поэтому общество не может безучастно относиться к этому явлению. Огромное значение придается здоровью супругов, их способности к воспроизводству самих себя. Как свидетельствует статистика, до 15% семей страдают бесплодием, причем 40% из них по причине бесплодия мужа. В то же время увеличение числа двух-, трехдетных семей сдерживается не только личными устремлениями супругов, но и экономическими условиями и правовыми положениями.

Одновременно растет число неполных семей – по данным переписи 1989 года в России они составляли 14% от всех типов семей. Кроме того, по данным выборочного исследования, в конце 1992 года 2% семейных пар вообще не хотели иметь детей. Всероссийский опрос, проведенный ВЦИОМ в марте–апреле 1995 года, показал, что 3/4 сельских жителей не намерены в ближайшие 2–3 года иметь детей [4]. Одновременно растет число внебрачных детей – с 10,8% в 1980 году до 19,6% в 1994 году. И, наконец, увеличивается число фактических браков и союзов. По данным Т.А.Гурко, обследование молодых матерей в 1992 году в четырех городах России показало, что 13% из них заявили о фактическом, но юридически не оформленном брачном союзе. Все это позволяет утверждать, что мы наблюдаем четкую, тенденцию разделения институтов брака и семьи [5].

Что касается хозяйственно-потребительской функции семьи, то она охватывает такие стороны семейных отношений, как ведение домашнего хозяйства, единого бюджета.

Среди различных аспектов этой функции можно особо выделить проблему «семейной власти» и социализации ребенка при его подготовке к будущей самостоятельной жизни.

Тенденция к установлению равноправия в семье позитивна по своей сути. В то же время перекос в сторону феминизации семейного управления в связи с возросшей экономической самостоятельностью женщины, ее определяющей ролью в воспитании детей ведет к нарушению психологического комфорта.

Если говорить о ребенке, то в семье он получает первые трудовые навыки: занимается самообслуживанием, оказывает помощь по дому, приобретает опыт заботы о родителях, братьях и сестрах, а главное, учится разумному потреблению материальных и духовных благ.

Эффективность семейного воспитания зависит, с одной стороны, от социально-экономического потенциала семьи, с другой – от нравственно-психологического климата в ней (И.Плотниекс) [6].

И, наконец, говоря о воспитательной функции семьи, следует отметить, что, как никакая другая социальная группа, семья обладает огромным диапазоном воспитательного воздействия. Это особенно доверительная нравственно-эмоциональная атмосфера между ее членами, наглядный пример родителей в выполнении общественных и семейных обязанностей, совместный труд, беседы с детьми на интересующие их темы, наконец, авторитет родителей в решении сложных и важных для ребенка и подростка проблем и т.д.

Семья легче и эффективнее всего осуществляет индивидуальный подход к человеку, реагирует на просчеты в воспитательной деятельности, активно стимулирует

проявляющиеся (порой очень рано) положительные качества и борется с отрицательными чертами характера.

На поведение молодежи влияет знание о всех сторонах семейной жизни. Как показывают социологические исследования, уровень культуры половых взаимоотношений между супругами, как правило, очень низкий. Между тем формирование правильных установок молодых людей в интимной сфере является одной из важных составляющих их воспитания (И.С.Кон) [7].

Ранее значительная часть молодежи или совсем не получала информацию о семье, об этой сложной стороне межличностных отношений, или получала ее очень недостаточно, что отрицательно сказывалось и на дееспособности семьи, и на стабильности браков. К сожалению, открытость информации по взаимоотношениям полов в условиях ложно понятой демократии и свободы имела следствием тот же эффект, что и полная неинформированность молодых людей об этой стороне жизни: внимание уделялось интимным взаимоотношениям полов, но при этом почти полностью не рассматривались социальные аспекты будущих супружеских обязанностей, их эмоциональной, психологической готовности, культуры межличностных отношений, на которой зиждется семья. Такая эмоциональная подготовленность – основа умения любить, бережно, внимательно, чутко относиться к ближнему, стараться понимать других и правильно оценивать свое поведение в семье.

Оптимизировать процесс самоопределения молодежи в сфере личной жизни одна семья, конечно же, не в состоянии. Это задача, которую призваны решать и воспитание, и искусство, и массовая информация, и общественное мнение, и социальная среда.

Неблагоприятно влияют на воспитание подрастающего поколения слепая родительская любовь и вера в безгрешность своих детей, прощение им любых неблаговидных поступков. «Культивирование в некоторых семьях принципов собственной выгоды в ущерб общественным интересам, безграничное потакание капризам подрастающего ребенка (в силу или сознательно реализуемого «педагогического принципа», или неумеренной родительской любви, или семейных распрей, или безволия – не столь важно) – таковы основные условия для формирования сугубо индивидуалистического, эгоистического образа мышления, граничащего с преступным. Создается своего рода вилка между сформированными притязаниями, потребностями и возможностями их удовлетворения за счет собственного труда» [8], когда ребенок не умеет ограничивать свои потребности, считаться с близкими и окружающими его, когда он может встать на путь нарушения общественных норм.

Этому могут способствовать и другие противоречия в семейном воспитании. Например, некоторые родители опираются на такие «методы воспитания», как окрик, брань, побои. В результате растет отчуждение ребенка, особенно в подростковом возрасте, появляются озлобленность, обида, даже агрессивность, что и становится почвой для антиобщественных поступков. Воспитание же, основанное на материальном поощрении, приводит к развитию у подростков и молодых ребят потребительских, накопительских ориентации, бездуховности, корыстного подхода ко всему и ко всем, жадности и т.д.

Конечно, у каждой семьи, каждого взрослого свои формы и свои возможности в работе с детьми. Это зависит не только от экономического базиса семьи, образованности и общей культуры ее членов и даже не всегда от педагогических способностей того или иного родителя (они могут быть направлены и на воспитание ханжеских и корыстных качеств).

Эти возможности определяются всей совокупностью духовно-нравственных, личностных черт каждого из членов семьи, ее морально-психологической атмосферой.

§ 2. ЖЕНЩИНА И СЕМЬЯ

Сегодня мало кто оспаривает тот факт, кто ключевая роль в семье принадлежит женщине. Именно ее сознание, поведение, ее роль как супруги, матери, работницы предъявляют к ней высокие требования.

Несомненно, что профессиональная деятельность, общение с людьми, участие в общественной жизни расширяют кругозор женщины, обогащают ее интеллектуальный и эмоциональный мир и уже этим создают возможность для возрастания шансов матери как воспитательницы, повышают ее авторитет в глазах ребенка. Но наряду с этим вовлечение женщин в общественное производство нередко оборачивается и серьезными потерями в области воспроизводства главной производительной силы общества – человека. Статистика фиксирует обратную корреляцию между уровнем профессиональной занятости женщин и уровнем рождаемости. Причем на уход за детьми профессионально занятые женщины тратят значительно меньше времени, чем неработающие. Время, специально отведенное на общение с детьми работающей матерью, практически малозначимо (Э.И.Мартынова, Л.Т.Шинелева). Эта тенденция сокращения рождаемости особенно наглядно проявляет себя в условиях социальной неопределенности, что характерно на нынешнем этапе рыночных отношений.

Эта двойственность влияния профессиональной занятости женщин непосредственно переносится и на процесс воспитания. Однако положительные и отрицательные моменты данного воздействия зависят как от нравственно-психологического климата в семье, так и от личности матери, уровня ее образованности, общей культуры, авторитета у ребенка. Следовательно, есть семьи и профессии, где указанное влияние является положительным, но немало и таких (речь идет о малоквалифицированном труде), где профессиональная работа матери приносит больше вреда, чем пользы [9].

Огромна роль женщины как организатора семьи, как хранительницы семейного очага в самом лучшем смысле этого слова. «Не следует забывать того обстоятельства, что юноши и девушки наследуют от родителей не только темперамент, характер, но также стиль поведения, общения, формы ответных реакций. Здесь действуют законы социального наследования» (В.А.Сысенко, 1986) [10].

Умение строить семью – особый дар женщины. В настоящее время, как показывают исследования, никогда не ссорится примерно четверть семей (А.Жвинклене, 1987) [11]. Но сравнительно широкая распространенность ссор и конфликтов говорит о том, сколь велико для функционирования семьи умение не обострять, а преодолевать ссоры, т.е. созидать, формировать культуру супружеских взаимоотношений, которую надо целенаправленно воспитывать и в семье, и в школе. Культурой же определяется и отношение супругов к самому воспитанию детей, в частности понимание смысла и значения нравственного воспитания в формировании личности.

Но мир в семье не покупается беспринципностью поведения женщины. Нередки ситуации, когда женщина идет на унижение, мирится с тем, что в семье пьющий муж, от которого страдают и она, и дети. Конфликты чаще всего возникают на почве алкоголя не только в близких к распаду семьях, но и в относительно благополучных.

Исследования подтверждают, что немало женщин указывают на грубость мужа как одну из причин семейных конфликтов и разводов. Зачастую эта грубость идет рука об руку с пьянством. Так, анализ 500 бракоразводных дел в Ленинградском районе Москвы показал, что в 65% случаев пьянство и алкоголизм мужей сопровождались избиением жен. Именно пьянство супруга было поставлено женщинами на одно из первых мест среди причин разводов. Из 500 случаев разводов 223 произошло в результате пьянства и алкоголизма мужа и/или жены [12]. Среди причин разводов 95,4% разводящихся женщин назвали пьянство мужа и 4,6% мужчин – пьянство жены (Д.М.Чечот, 1984) [13]. Следствием пьянства супругов являются грубость, конфликты в семье, измены, угасание чувства любви, упрощение и примитивизм отношений между полами и т.п.

Следует, однако, отметить, что нередко развод возбуждается без должных оснований. Судебная статистика свидетельствует, что 3% исков о разводе остаются без рассмотрения по причине неявки сторон на судебное заседание, а 14,5% кончаются примирением сторон [14].

Кроме того, исследования, проведенные Н.Соловьевым в Волгодонске в начале 80-х годов, выявили, что 67,6% разведенных мужчин и 43,6% разведенных женщин сказали, что, по их мнению, развод можно было бы предотвратить [15].

Важной причиной, сдерживающей проявления созидательной роли женщины, является недооценка социальной сферы, службы быта, которая непосредственно затрагивает интересы миллионов. В этом находит свое выражение «своеобразная глухота», пренебрежение к специфическим нуждам женщин, имеющим в отличие от мужчин двойной рабочий день. По данным ряда ученых, отрасли обслуживания берут на себя всего лишь 1/5 затрат времени населения, связанных с ведением домашнего хозяйства. Остальные 4/5 «падают», как правило, на плечи женщин. Из всего стираемого в стране белья в среднем на душу населения в конце 70-х годов только 1,5-3% его объема обрабатывалось на фабриках-прачечных. Известно, что посещение магазинов, приготовление пищи является до сих пор «привилегией» женщин. На это расходуются миллиарды часов [16]. Рыночные отношения не улучшили, а, наоборот, усугубили ситуацию: в большинстве семей данные домашние заботы полностью перешли в «компетенцию» женщины при массовом сокращении или закрытии всех учреждений сферы обслуживания.

И мировой, и отечественный опыт функционирования семьи показывает, что общество должно максимально содействовать женщине в ее стремлении обеспечить рациональное сочетание ролей матери, работницы, хозяйки, облегчить ее положение по совмещению профессионального труда и материнства, помочь в воспитании детей и выполнении родительских обязанностей, в оказании психологической и педагогической помощи.

Так, например, молодой матери необходимо показать, что рост благосостояния семьи не ведет к автоматическому росту эффективности семейного воспитания. Более того, улучшившиеся материальные возможности семьи нередко используются матерью в ущерб нравственному развитию детей, усиливая в них иждивенческие настроения, формируя пренебрежение к труду – главной сфере связи человека с обществом, а следовательно, и главному источнику трудовой морали, определяющей весь образ жизни человека.

В целом же речь идет о том, чтобы превратить семью из объекта постоянной заботы только одной женщины в тесный союз людей, каждый из которых вносит свою лепту в строительство семейного очага при активном содействии общества.

§ 3. ДЕТИ, СЕМЬЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Семья оказывает влияние на всю жизнь человека, но наиболее значительна ее роль в самом начале его жизненного пути, когда закладываются нравственные, психологические, эмоциональные основы личности. При этом, если учитывать, что на первые годы жизни ребенка приходится ряд важных «сенситивных пиков» развития (эмоций, познавательной активности, характера), то семейное воспитание оказывается практически незаменимым компонентом среди других социальных институтов. Вот почему, упуская возможности воздействия на ребенка в дошкольные годы, семья часто лишается их вообще.

Подлинный авторитет семьи завоевывается не просто дидактическими назиданиями (как это пытаются делать в школе), а образом жизни, поведением родителей. Обычно такой авторитет не подвержен никакой инфляции. Авторитет же силы, зависимости, страха легко переходит в свою противоположность, как только лишается своих подпорок. Например, у подростка появляется физическая сила, и родители уже не в состоянии его наказать. Или: молодой человек начинает сам, любыми путями, порой нечестными, добывать деньги, и родители не могут, как раньше своими подачками, заставить его «уважать» себя, прислушиваться к их мнению. Проблема внутрисемейного нравственного авторитета очень важна и актуальна, так как ее решение выходит далеко за рамки семьи и школы.

Настоящее воспитание в семье – большой труд: и физический, когда ухаживают за малышом, и умственный, когда речь идет о его духовном развитии. К сожалению, это требование в должной мере не осознается обществом (воспитание недостаточно стимулируется материально, а нравственная и социальная ценность труда матери-воспитательницы не приравнена ни в общественном мнении, ни в трудовом законодательстве к профессиональному труду), да и самой семьей, которая часто воспитывает (иногда и неплохо) лишь своим «бытием».

Человека воспитывают и развивают как положительные, так и отрицательные эмоции, но «лучший университет, – писал А.С.Пушкин, – счастье. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному...» [17]. Сущность эмоциональных отношений между родителями и детьми нашла глубокую и всестороннюю оценку в следующих словах В.А.Сухомлинского: «Нормальное нравственное развитие, гармония любви, счастья и труда (а от этой гармонии в сущности зависит моральное здоровье человека) возможны только при условии, если ребенок убежден: я кому-то очень, очень нужен. Я для кого-то безмерно дорог. Кто-то видит во мне смысл своей жизни. Но и я кем-то очень, очень дорожу, без кого-то не могу жить. Может быть, это убеждение не выступает в виде отчетливой мысли, но оно наполняет все человеческое существо ребенка переживаниями радости полноты жизни» [18]. В.А.Сухомлинский закономерно связывает это переживание с формированием у ребенка своего рода психологического базиса его дальнейшего нравственного развития, включая формирование «механизмов» ответственности и воли, достоинства и уверенности в себе. Последнее есть антитеза комплексу неполноценности, снижающему возможности самоутверждения и самореализации личности.

На первом этапе социализации ребенок сталкивается с внешним миром, начинает познавать общественные отношения при помощи родителей и такого социального института, как детские дошкольные учреждения. К сожалению, даже в 80-е годы обеспеченность ими по стране в целом не превышала 60%. Существующие же учреждения страдали от перегруженности, низкой квалификации воспитателей, слабой материальной базы, плохого медицинского обслуживания и незаинтересованности персонала в

высокоэффективной работе. К сожалению, ситуация в 90-е годы еще более усугубилась: закрылись тысячи детских садов и других дошкольных учреждений из-за неспособности государства продолжать финансирование их работы и из-за неготовности родителей взвалить на свои плечи данные материальные затраты.

В предподростковый и подростковый период велика роль так называемых неформальных групп сверстников с их «субкультурой», групповыми ценностями, жестко регламентированным лидерством. Нередко эти группы успешно конкурируют с семьей, чему можно радоваться, если группа социально здоровая, а семья неблагополучная, но что не может не вызывать тревогу, если нравственное превосходство на стороне ущербной группы или деформированной семьи. Поведение подростков в подобной ситуации зависит от заложенного в детях в ранний период их нравственного становления определенного «запаса прочности», который может базироваться в первую очередь на моральном авторитете отца и матери.

Значимость этого факта в том, что неформальные группы являются основным «каналом воздействия» нравственно нечистых, но преуспевающих семей на других подростков. Ряд исследователей (В.И.Литвинов, 1987), говоря о свойственной таким семьям корыстной ориентации, отмечают, что это – следствие деформации не только потребностей, но и представлений о возможностях и путях их удовлетворения, следствие убеждения, что добыть материальные блага можно без особого труда. Поводами для таких настроений являются факты бесхозяйственности, разбазаривания народного добра, безответственного отношения к технике, материалам, природе. Все это, во-первых, обесценивает в глазах молодежи значение труда и его результатов, во-вторых, формирует равнодушное отношение к расхитителям собственности, подрывает веру в справедливость и незыблемость права и законности [19].

Ясно, что примеры безнаказанности, даже процветания аморальности – пусть в соседних семьях – обесценивают потенциал воспитания и в нравственно здоровой семье, возводят в некий закон «двойную» мораль, несоответствие слова и дела, создают подчас неотразимые в глазах подростков аргументы в пользу циничного и деляческого отношения к людям, к жизни. Элементы социальной коррозии незаметно подтачивают нравственные ценности – убежденность, трудовую мораль, патриотизм. Неизбежными следствиями этого являются падение интереса к общественным делам, бездуховность, скептицизм. Возрастает прослойка людей, в том числе и молодежи, для которых цель жизни сводится к материальному благополучию, к наживе любыми способами.

Нередко уродливые явления порождают и столь же уродливые формы реакции на них. Когда с надругательством над публично проповедуемой моралью, ценностями жизни сталкивается не борец, а натура слабая или не приученная к активной борьбе (что также является серьезным изъяном нравственного воспитания), возникают «позывы» к алкоголизму, наркомании и другим проявлениям отклоняющегося поведения и преступности.

На поведение ребенка, подростка влияет и рост количества неполных семей, в которых (даже при прочих благополучных условиях) снижаются и экономические, и воспитательные возможности, так как чаще всего после развода ребенок остается с матерью, у которой не хватает ни сил, ни времени на общение с ним. Возрастная психология подростков такова, что потеря одного из родителей, даже плохого, часто негативно сказывается на дальнейшем формировании его личности.

Изучение причин аморальности, анализ факторов, способствующих ее росту, позволяют сделать вывод, что противостоять ей может только нравственно зрелая, педагогически грамотная семья, сплоченная на базе гуманных ценностей и интересов. Ведь нельзя не обратить внимание на тот факт, что из каждых 10 детей, содержащихся в детдомах, лишь двое не имеют родителей.

Причем педагогически активной, сплоченной может быть и семья, ориентированная на антисоциальные по своей сути ценности. Поэтому на первое место выходит формирование социально-нравственной дееспособности семьи, усвоение ее членами ценностей, которые отразятся на ее образе жизни, ориентациях и явятся надежной основой прочной гражданской позиции личности.

Социологов все больше интересует проблема психологического одиночества и его влияния на формирование и жизнедеятельность личности. Социологические данные польских специалистов, изучавших воспитание детей в детских домах, показали, что уровень эмоционального и в целом интеллектуального развития у этих детей значительно ниже, чем у воспитывающихся в семье. Конечно, семьи также бывают разные. Не случайно многие подростки высказывают мнение, что семья в основном занимается их материальным обеспечением: одеждой, пищей и т.д., что взрослым некогда общаться с детьми, а часто у них и нет желания. В результате именно неформальные группы служат тем психологическим «убежищем», которого недостает ребенку в семье. Особенно актуальна эта проблема в условиях города, где социальный контроль почти не участвует в воспитании молодежи, хотя общественное мнение могло бы быть сегодня одним из эффективных средств социализации, в том числе и помощи семье.

Таким образом, чем масштабнее задачи в деле подготовки человека к жизни, тем скоординированнее, научно обоснованнее и комплекснее требуется работа всех социальных институтов. Рост числа факторов, воздействующих на человека (как положительных, так и отрицательных), особенно в условиях крупных городов, массовая миграция населения, увеличение неопределенности, трудная борьба отжившего, но не сдающего свои позиции с прогрессивным предполагают активизацию деятельности всех звеньев социализации человека, в том числе и семьи. При этом наиболее высоким нравственно-воспитательным потенциалом обладает полная (оба супруга) семья, максимально реализующая свои возможности не только как социального института, но и как нравственно-психологической группы. Это разграничение двух сторон брачно-семейных отношений – их взаимодействия с социальными процессами, нормами, установками и внутреннего содержания – помогает определить основные показатели созидательного потенциала семьи: мера учета общественных интересов, развитость духовных потребностей, характер распределения бытовых забот между членами семьи, интенсивность общения между родителями и детьми, уровень требовательности к себе и другим, принципы, на которых строятся связи с родственниками и социальной средой.

Можно предположить, что, чем эти показатели оптимальнее, тем сильнее позитивное влияние семьи на становление личности ребенка, тем эффективнее ее социально-нравственная воспитательная дееспособность.

Литература

1. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. С.75.
2. См.: Человек после развода. Вильнюс, 1985. С.6.
3. Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987. С.10.

4. См.: Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 3. С.37.
5. См.: Харчев А.Г. Социология воспитания. М., 1990. С. 125; Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // СО- ЦИС. 1995. № 10. С.96.
6. Плотниекс И. Психология в семье / Пер. с латв. М., 1991.
7. См.: Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1989.
8. Смирнов Г.Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1981. С.328.
9. Харчев А.Г., Голод С.И. Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971.
10. Сысвнко В.А. Отцы и дети // СОЦИС. 1986. № 2. С.100.
11. Жвинклене А. Семейная интеграция как объект исследования // СОЦИС. 1987. № 1. С. 72.
12. См.: Сысенко В.А. Супружеские конфликты. М., 19J53. С.6– 62.
13. Чегот Д.М. Брак, семья, закон. Л., 1984. С.181.
14. Литвинова Т.Н. Под защитой государства. М., 1989. С.57.
15. См.: Человек после развода. Вильнюс, 1985. С.9.
16. Думное Д.М. и др. Бюджет времени населения... М., 1984. С.99-104.
17. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10-ти т. Т.10. С.115.
18. Сухомлинский В.А. Потребность человека в человеке. М., 1978. С.32.
19. Литвинов В.И. Некоторые особенности корыстных преступлений // СОЦИС. 1987. № 1. С.46.

Темы для рефератов

1. Социология семьи: современные проблемы исследований.
2. Основные причины кризиса современной семьи.
3. Неполная семья: характеристика ситуации и пути ее решения.
4. Единственный ребенок в семье: личностные и общественные аспекты проблемы.
5. Многопоколенные семьи и их специфические черты.
6. Изменение функций семьи в XX веке.
7. Роли женщины-супруги и женщины-производственницы: как совместить?
8. Новые виды семей: есть ли за ними будущее?
9. Типология семей.
10. Возможно ли равноправие в семье?
11. Одиночество: сущность феномена.

Вопросы и задания для повторения

1. Назовите основные проблемы социологии семьи.
2. Основные функции семьи.
3. Роль женщины как супруги, матери, работницы.
4. Каковы причины распада семей?
5. Главные ошибки семейного воспитания.
6. Роль семьи в социализации ребенка, подростка, молодого человека.
7. Влияние окружающей среды на семью, на воспитание детей.

Глава 4 СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Социология молодежи – специальная социологическая теория, изучающая сознание и поведение данной социальной общности, особенности социализации вступающих в жизнь

молодых людей, процесс преемственности и взаимодействия со старшими поколениями, степень, уровень и формы новаторства при решении общественных проблем.

Конституирование социологии молодежи как самостоятельной отрасли произошло на Международном социологическом конгрессе в Варне (1970 г.), когда было принято решение о создании специального исследовательского комитета. Это решение означало, что в данной отрасли научного знания произошло серьезное накопление информации, как теоретического, так и прикладного плана. Социальные проблемы молодежи представляют одно из наиболее активно разрабатываемых направлений мировой социологической науки, особенно с конца 60-х годов, после известных массовых выступлений молодежи в ряде стран. Исследования молодежи включены в контекст многих научных исследований, но вместе с тем они отличаются от них по своему предмету и методам. Специальному анализу подвергаются молодежные движения, молодежная субкультура, трудовая и общественная активность молодежи, процесс вступления молодежи в самостоятельную трудовую жизнь, изменения в ценностных ориентациях, неформальные объединения молодежи и ее социально-психологические особенности.

Среди зарубежных исследований проблем молодежи большое внимание привлекают труды таких известных социологов, как Л.Розенмайер (Австрия), И.Велев, П.Митев, М.Семов (Болгария), В.Фридрих, К.Штарке, Х.Шельский, Р.Майер, И.Рихтер (Германия), З.Бекели (Венгрия), Э.Гидденс, Дж.Риордан, В.Кристофер (Великобритания), Р.Добсон, Н.Смелзер (США), В.Адамски, Р.Дыонизяк (Польша), В.Дубский (Чехия), Л.Махачек (Словакия), О.Бадина (Румыния), Й.Симхадри (Индия), Г.Кармен (Мексика) и др.

Среди советских и российских исследователей наиболее известны имена Н.М.Блинова, В.М.Боряза, С.И.Иконникова, И.М.Ильинского, В.Т.Лисовского, И.С.Кона, В.Ф.Левичевой, В.Г.Мордковича, Б.С.Павлова, В.Н.Шубкина, З.В.Сикевич, Н.С.Слепцова, М.Х.Титмы, В.И.Чупрова и др.

Социология молодежи очень тесно связана с такими отраслевыми социологическими теориями, как военная социология, социология города, искусства, коллектива, культуры, литературы, личности, массовых коммуникаций, медицины и здравоохранения, морали, народонаселения, образования, общественного мнения, организаций, политики, права, религии, свободного времени, села, семьи, труда, управления, физической культуры и спорта.

Проблемы молодежи исследуются как в контексте всего общества, его основных характеристик, структурных сдвигов и изменений, так и дифференцированно – как особой социальной группы, с присущими ей признаками и свойствами. Проблемы молодежи России во многом связаны с теми объективными процессами, которые протекают в современном мире: урбанизацией, повышением удельного веса пенсионеров, лиц преклонного возраста, снижением рождаемости и т.д. Но вместе с тем молодежные проблемы в России имеют и свою специфику, опосредованы российской действительностью, той политикой, которая проводится по отношению к молодежи. Остановимся на этом подробнее [1].

§ 1. ВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Каждый знает, что юность – определенный этап созревания и развития человека, лежащий между детством и взрослостью. Но каковы хронологические границы и содержательные признаки этого периода? Переход от детства к взрослости обычно подразделяется на два

этапа: подростковый возраст (отрочество) и юность (ранняя и поздняя). Однако хронологические границы этих возрастов часто определяются совершенно по-разному, например, в отечественной психиатрии возраст от 14 до 18 лет называется подростковым, в психологии же 16–18-летних считают юношами.

Возрастная терминология никогда не была однозначной. В «Толковом словаре» В.Даля юноша определяется как «молодой, малый, парень от 15 до 20 лет и более», а подросток – как «дитя на подросте», около 14–15 лет. Л.Н.Толстой хронологической гранью между отрочеством и юностью считает 15-летие. В то же время герою романа Ф.М.Достоевского «Подросток» уже исполнилось 20 лет. В древнерусском языке слово «отрок» обозначало и дитя, и подростка, и юношу. Та же нечеткость граней характерна для классической и средневековой латыни.

Важная деталь: возрастные категории во многих, если не во всех языках первоначально обозначали не столько хронологический возраст человека, сколько его общественное положение, социальный статус. Древнерусское отрок (букв. – не имеющий права говорить) означало: раб, слуга, работник, княжеский воин.

Связь возрастных категорий с социальным статусом сохраняется и в современных языках. Умаление возрастного статуса человека, обращение к нему как к младшему («молодой человек», «парень» и т.п.) нередко содержит в себе оттенок пренебрежения или снисходительности.

Это проявляется и в периодизации жизненного пути. Представления о свойствах и возможностях индивидов каждого возраста тесно связаны с существующей в обществе возрастной стратификацией. Хронологический возраст, а точнее – предполагаемый им уровень развития индивида, прямо или косвенно отражает его общественное положение, характер деятельности, диапазон социальных ролей и т.п. Половозрастное разделение труда во многом определяет социальное положение, самосознание и уровень притязаний членов соответствующей возрастной группы.

Возраст служит критерием занятия или оставления тех или иных социальных ролей, причем эта связь может быть как прямой, так и опосредованной (например, временем, необходимым для получения образования, без которого нельзя занять определенное общественное положение). В одних случаях критерии являются нормативно-юридическими (школьный возраст, гражданское совершеннолетие), в других – фактическими (например, средний возраст вступления в брак), причем степень определенности возрастных критериев и границ в разных обществах и разных сферах деятельности весьма изменчива.

Возрастная стратификация включает также систему связанных с возрастом социально-психологических ожиданий и санкций (сравните представления – не всегда осознанные – о «нормальном поведении» и степени ответственности подростка и взрослого, молодого рабочего и ветерана).

Слово юность обозначает фазу перехода от зависимого детства к самостоятельной и ответственной взрослости, что предполагает, с одной стороны, завершение физического, в частности полового, созревания, а с другой – достижение социальной зрелости. Но в разных обществах это происходит по-разному.

В первобытных обществах, с их сравнительно простой и стабильной социальной структурой индивид относительно легко усваивал социальные роли и трудовые навыки,

необходимые взрослому человеку. Низкая продолжительность жизни не позволяла обществу особенно затягивать «подготовительный период». Детство кончалось рано, воспитание и обучение имели преимущественно практический характер: дети обучались, участвуя, в посильной для них форме, в трудовой и прочей деятельности взрослых. У многих народов Сибири дети уже к 10-12 годам владели техникой обиходных работ – стрельбой, греблей, рыболовством, становясь практически равноправными работниками.

В дальнейшем критерии социального созревания усложняются, становятся более многомерными.

В средние века передача накопленного старшими опыта осуществлялась в основном путем непосредственного практического включения ребенка в деятельность взрослых. Ребенок выполнял подсобные функции в родительской семье или вне дома; обучение было органической частью труда и быта, а критерии зрелости имели сословный характер. В описании детства и отрочества средневековая мысль подчеркивает не столько задачу подготовки к будущей жизни, сколько момент социальной зависимости (вспомним этимологию слова отрок).

Буйный юношеский возраст не вызывал у старших умиления. Как говорит один из шекспировских персонажей, «лучше бы люди, когда им исполнилось десять, но еще не стукнуло двадцать три, вовсе не имели возраста. Лучше бы юность проспала свои годы, потому что нет у нее другой забавы, как делать бабам брюхо, оскорблять стариков, драться и красть» [2].

Важнейшим критерием взрослости считалось создание собственной семьи, с чем ассоциировались самостоятельность и ответственность.

Новое время принесло важные социальные и психологические сдвиги. Физическое, в частности половое, созревание заметно ускорилось, заставляя «снижать» границы юношеского возраста. Напротив, усложнение общественно-трудовой деятельности, в которой должен участвовать человек, повлекло за собой удлинение необходимых сроков обучения. Новые поколения молодежи значительно позже, чем их ровесники в прошлом, начинают самостоятельную трудовую жизнь, дольше сидят за партами разного размера. Отсюда– удлинение периода «ролевого моратория» (когда юноша «примеряет» различные взрослые роли, но еще не идентифицируется с ними окончательно) и изменение соответствующих социально-психологических стереотипов.

Удлинение юности имеет свои личностные предпосылки: расширение сферы сознательного самоопределения и повышение его самостоятельности. В обществе патриархально-феодального типа жизненный путь индивида в своих основных чертах был предопределен наличной социальной структурой и традицией. В профессиональной сфере юноша, как правило, наследовал занятия своих родителей. Его социальные стремления ограничивались рамками сословной принадлежности. Невесту ему выбирали родители, часто задолго до его возмужания и независимо от его личных склонностей и симпатий. Вырваться из этой социальной скованности и даже осознать ее как таковую мог только человек выдающийся.

Развитие самостоятельности есть не что иное, как переход от системы внешнего управления к самоуправлению. Всякое управление требует сведений, информации об объекте управления. При самоуправлении это должна быть информация субъекта о самом себе. Уровень самосознания и степень сложности, интегрированное и устойчивости

«образа» всегда тесно связаны с развитием интеллекта. В этом отношении ранняя юность также знаменует собой определенный рубеж.

Социальное самоопределение (все равно, идет ли речь о выборе профессии или мировоззренческом поиске) есть определение своего положения в мире, оно направлено не внутрь личности, а вовне. Но ответ на вопросы, кем быть и что делать, подразумевает также определенную оценку себя и своих возможностей [3].

В новое время возможности индивидуального выбора – профессии, жены (мужа), образа жизни – значительно расширились. Психологические горизонты человека в век книгопечатания и массовых коммуникаций не ограничены рамками его непосредственного окружения. Большая свобода выбора способствует формированию самостоятельного социального характера и обеспечивает большее разнообразие индивидуальных вариаций. Но оборотная сторона этого – усложнение процесса самоопределения. Очень уж велик выбор возможных путей, и только практически, в ходе самой деятельности, выясняется, подходит она человеку или нет.

Рост социальной автономии молодежи от старших и индивидуального самоопределения, в противоположность пассивному приспособлению к существующим условиям, породил к середине XVIII века новый нормативный канон юности, представление о юности как об эпохе «второго рождения», «бури и натиска», воплощения «чистой субъективности». Знаменитый трактат Жан-Жака Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762 г.), где были подробно развиты эти идеи, часто называют «открытием» или «изобретением» юности. Говоря словами Томаса Манна, «в один прекрасный день оказалось, что век, который изобрел женскую эмансипацию и стал ратовать за права ребенка, – весьма снисходительный век, – пожаловал и юность привилегией самостоятельности, а она уж, конечно, быстро с нею освоилась» [4].

Однако свойства юности сразу же оказались проблематичными. Одни видят в юности «метафизический дар» первозданной естественности, «единственно правомерный мост между цивилизацией и природой», «предцивилизационное состояние», «доподлинно романтический возраст», призванный «подняться и сбросить оковы отжившей цивилизации, отважиться на то, на что у других не хватает жизненной отваги, а именно – вновь погрузиться в стихийное». Другие же считают свойства юности продуктом специфических условий и воспитания.

Социальное происхождение и классовое положение оказывают громадное влияние на жизненный путь индивида, начиная от темпов физического созревания и кончая содержанием мировоззрения. Нет, пожалуй, ни одного сколько-нибудь сложного личностного качества, которое не зависело бы от социально-классовых и средовых факторов: социальное происхождение, род занятий и уровень образования родителей; особенности социально-экологической среды, в частности тип населенного пункта (большой город, малый город, деревня); состав, структура и материальное положение семьи его собственное социальное положение и вид занятий (школьник, учащийся ПТУ, учащийся техникума, студент вуза и т.д.). Отсюда – необходимость изучения проблем юношеского возраста представителями разных наук: социологии, психологии, педагогики, криминологии, психиатрии, медицины и др.

К социально-экономическим различиям добавляются национальные, этнокультурные особенности.

Юношеский солипсизм (вся история начинается с нас!) и старческая уверенность в неизменности устоев бытия одинаково несостоятельны.

Сравнивать разные поколения трудно. В каждом поколении были, есть и будут разные люди. Кроме того, люди склонны абсолютизировать собственные привычки и вкусы, поэтому у части людей старшего возраста на первый план выступают внешние, второстепенные черты. Каждое поколение стоит на плечах предыдущего, не всегда осознавая эту преемственность.

Преемственность поколений необязательно идет по восходящей линии. Иногда она напоминает движение маятника. Анализируя историю буржуазной революционности в XIX веке, А.И.Герцен писал, что «дети» выглядят порой старше своих «отцов» и «дедов». «Между стариком девяностых годов, фанатиком, фантастом, идеалистом, и сыном, который старше его осторожностью, благоразумением, разочарованием... и внуком... нарушено естественное отношение, нарушено равновесие, искажена органическая преемственность поколений... На этом поколении окончательно останавливается и начинает свое отступление революционная эпоха; еще поколение – и нет больше порывов, все принимает обычный порядок, личность стирается, смена экземпляров едва заметна в продолжающемся жизненном обиходе» [5].

Одна из кардинальных ошибок прошлого состояла в попытках выработать определенный набор качеств личности, который должен был соответствовать идеальной модели «молодых строителей коммунизма», однако не заботясь о том, соответствуют ли эти модели реальности. Молодежь рассматривали нередко лишь в качестве объекта воспитания, а не активного субъекта социальной жизни. Теоретики от педагогики постоянно призывали «запрограммировать воспитательный процесс, установить четкие, стратегические ориентиры) воспитания, расписать все ценности, на которых должна строиться деятельность в области воспитания» [6].

Стоит ли удивляться, что именно подобные «рекомендации» завели школу в тупик. Воспитание послушания, единомыслия и единообразия не способствовало формированию социально зрелой личности.

§ 2. ТЕОРИИ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Неофрейдизм. Сильное влияние на теоретические проблемы юности оказал психоанализ. Его родоначальник – австрийский психиатр Зигмунд Фрейд (1856–1939) – не создал систематической концепции юношеского возраста, но выдвинул целый ряд важных положений о природе подростковой и юношеской сексуальности, эмоциональных процессов и особенностях развития юношеской личности [7]. Эти идеи были в дальнейшем развиты его дочерью Анной Фрейд и многочисленными последователями.

Самым влиятельным представителем неофрейдизма в психологии развития вообще и юношеского возраста особенно был известный американский психолог Эрик Эриксон (1902 – 1982). Развитие человека, по Эриксону, складывается из трех взаимосвязанных, хотя и автономных процессов: соматического развития, изучаемого биологией, развития сознательного «Я», изучаемого психологией, и социального развития, изучаемого социологией и другими общественными науками.

Основной закон развития – «эпигенетический принцип», согласно которому на каждом новом этапе развития возникают новые явления и свойства, которых не было на

предшествующих стадиях процесса. Переход к новой фазе развития протекает в форме «нормативного кризиса», который внешне напоминает патологические явления, но на самом деле выражает нормальные трудности роста. Переход в новую фазу развития возможен только на основе разрешения основного противоречия, свойственного предыдущей фазе. Если противоречие не разрешено, это неминуемо скажется позже.

Развитие человека предполагает совместное действие врожденных и средовых компонентов. Представители общества – воспитатели, родители – связаны с ребенком собственными врожденными потребностями. Если ребенок нуждается в эмоциональном тепле, то родители испытывают потребность в том, чтобы опекать и нянчить младенца. Именно совпадение этих двух разнонаправленных потребностей обеспечивает искомый результат. В то же время каждое общество имеет специфические институты, в рамках и посредством которых осуществляется социализация детей. Поэтому хотя общая последовательность и главные задачи основных фаз эпигенеза универсальны, инвариантны, типические способы разрешения этих задач варьируются от одного общества к другому. Общество подготавливает индивида к выполнению соответствующих социальных функций, определяя способы, посредством которых сам индивид разрешает встающие на его пути жизненные задачи.

Эриксон подразделяет весь жизненный путь на восемь фаз, каждая из которых имеет свои специфические задачи и может разрешиться благоприятно или неблагоприятно для будущего развития.

Первая фаза – младенчество. Ее главная задача – выработать у ребенка бессознательное чувство «базового доверия» к внешнему миру. Основным средством этого служат родительская забота и любовь. Если «базовое доверие» не возникает, у младенца появляются чувства «базового недоверия» к миру, тревожность, которая может проявиться у взрослого в форме замкнутости, ухода в себя и т.п.

Во второй фазе – раннем детстве – у ребенка формируется чувство своей автономности и личной ценности или их противоположность – стыд и сомнение. Рост самостоятельности ребенка, начинающийся с управления своими телесными отправлениями, дает ему возможность выбора, благодаря чему на этой стадии развития закладываются такие черты будущей личности, как чувство ответственности, уважение к дисциплине и порядку.

Третья фаза – игровой возраст (приблизительно от 5 до 7 лет) – формирует чувство инициативы, желание сделать что-то. Если это желание блокируется, возникает чувство вины. В этом возрасте решающее значение имеют групповая игра, общение со сверстниками, позволяющее ребенку примерять разные роли, развивать фантазию и т.д. На этом этапе закладывается чувство справедливости, понимаемой как соответствие правилу.

Главное новообразование четвертой фазы – школьного возраста – чувство предприимчивости, способность добиваться поставленной цели. Важнейшими ценностями становятся творчество и компетентность. В отрицательном варианте развития у ребенка появляется чувство неполноценности, которое первоначально возникает из сознания своей некомпетентности, неуспешности в решении каких-то конкретных задач, чаще всего связанных с учением, а затем распространяется на личность в целом. В этом возрасте закладывается отношение к труду.

Пятая фаза – юность – характеризуется появлением чувства своей неповторимости, индивидуальности, непохожести на других, в отрицательном же варианте возникают

диффузное, расплывчатое «Я», ролевая и личностная неопределенность. Типичная черта этой фазы развития – «ролевой мораторий»: диапазон выполняемых ролей расширяется, но юноша не усваивает эти роли всерьез и окончательно, а как бы пробует, примеряет их. Эриксон подробно анализирует механизмы формирования самосознания, новое чувство времени, психосексуальные интересы, а также патогенные процессы и варианты развития юности.

Шестая фаза – молодость – характеризуется появлением потребности и способности к интимной психологической близости с другим человеком, включая сексуальную близость. Ее альтернатива – чувство изоляции и одиночества.

Важнейшее приобретение седьмой фазы – взрослости – творческая деятельность и сопутствующее ей чувство продуктивности. Они проявляются не только в труде, но и в заботе о других, включая потомство, в потребности передавать свой опыт и т.д. В отрицательном варианте появляется чувство стагнации (застоя).

Последняя, восьмая фаза – зрелый возраст, или старость, – характеризуется появлением чувства удовлетворенности, полноты жизни, исполненного долга, а в отрицательном случае – отчаянием и разочарованием. Высшая добродетель этого возраста – отрешенность и мудрость, т.е. способность смотреть на дело своих и чужих рук с определенной высоты.

Работы Эриксона содержат много ценных наблюдений о развитии эмоций и самосознания в юности, а также типичной для этого возраста психопатологии (расстройство временной перспективы, кризис идентичности и т.д.). Однако Эриксон уделяет мало внимания интеллекту, который существенно влияет на содержание всех психических процессов. Сплошь и рядом он не различает осознание тех или иных психических состояний от их непосредственного переживания. Стадии эпигенетической модели Эриксона не всегда соотносятся с определенным хронологическим возрастом; некоторые аспекты формирования идентичности, которые Эриксон относит к молодости, многими переживаются уже в подростковом возрасте. Подчеркивая «кризисный», конфликтный характер процесса развития, Эриксон недооценивает феномен преемственности. Кризисы в развитии выглядят в его концепции следствием противоречий между вызревающими у ребенка внутренними свойствами и окружающей средой, причем сами возрастные новообразования он формулирует излишне жестко и нормативно. Между тем реальное содержание «автономии», «инициативы» или «идентичности» меняется на разных стадиях жизненного пути и в зависимости от характера деятельности индивида.

Альтернативные теории. Альтернативные теории юношеского возраста анализируют разные стороны развития – физическое созревание, умственное развитие, формирование самосознания, сдвиги в структуре общения, мотивационные процессы и т.д. Но в известном смысле все они взаимодополнительны. Еще в 20-е годы советские психологи уделяли юношескому возрасту очень много внимания, причем собственно психологические вопросы рассматривались на широком социальном фоне, с учетом многообразных социально-экономических факторов и вариантов взросления. Подробно изучались и описывались закономерности полового созревания, умственные интересы, формы социальной активности и содержание внутреннего мира подростков и юношей. Советские ученые прекрасно знали и широко использовали зарубежную психологическую литературу, важнейшие работы иностранных ученых без особой задержки переводились на русский язык.

Лучшей советской работой этого периода является книга В.Е.Смирнова «Психология юношеского возраста» (1929 г.). Но она была не единственной [8]. Большое влияние на ученых оказали также лекции Л.С.Выготского «Педология подростка», выходившие отдельными выпусками в 1929–1931 годах.

Теория развития высших психических функций Л.С.Выготского. Согласно этой теории развития высших психических функций, «всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом – психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая» [9].

В отличие от механистических концепций, рассматривающих развитие ребенка как результат воздействия «внешней», социальной среды, Выготский подчеркивал, что среду надо рассматривать не как «обстановку развития», которая извне определяет развитие ребенка, – воздействия среды сами меняются количественно и качественно в зависимости от того, в каких ранее возникших психологических свойствах, включая возрастные особенности ребенка, они преломляются.

Становление человека как индивида и личности, по Выготскому, предполагает диалектическое взаимодействие двух относительно автономных, но неразрывно связанных друг с другом рядов развития – натурального и социального.

Здесь возникает два вопроса: 1) какова конкретно социальная ситуация развития к началу данного возраста и 2) какие психологические новообразования возникают у ребенка к концу данного возраста?

Главное новообразование переходного возраста, по Выготскому, – то, что теперь «в драму развития вступает новое действующее лицо, новый качественно своеобразный фактор – личность самого подростка... В связи с возникновением самосознания для подростка становится возможным и неизмеримо более глубокое и широкое понимание других людей. Социальное развитие, которое приводит к образованию личности, приобретает в самосознании опору для своего дальнейшего развития» [10].

Идеи Л.С.Выготского оказали сильное влияние как на общую, так и на возрастную психологию (Б.Г.Ананьев, Л.И.Божович, В.В.Давыдов, А.Н.Леонтьев, А.В.Петровский, Д.Б.Эльконин). Но практически реализовать многие из них советским психологам не удалось. Уже в середине 1930-х годов теоретический уровень отечественной психологии начал быстро снижаться. В условиях сталинских репрессий изучать социальные условия формирования личности стало невозможно. Исчезли социология и социальная психология. Стали запретными проблемы полового созревания и юношеской сексуальности. Самосознание стало все чаще оцениваться как проявление «ячества» и буржуазного индивидуализма. Превращенная в служанку педагогики, психология подменила изучение многогранной юношеской жизни апологетическим описанием процесса насильственной подгонки ребенка к требованиям бюрократической школьной системы. «Личность старшеклассника» зачастую сводилась к роли учащегося; его внеучебная деятельность рассматривалась с точки зрения ее влияния на школьную успеваемость, дисциплину и т.п.

Выход за ведомственные рамки произошел в связи с новыми идеями, появившимися в философии и социологии личности, а также в общей и социальной психологии. Думающие педагоги стали учиться относиться к школьникам не только и не столько как к «объекту воспитания», а как к активному субъекту социальной жизни. Этому немало

способствовали социологические исследования, которые стали проводить начиная с 60-х годов.

Возраст свершений. Социолог Т.Н.Мальковская дважды, в 1961 и 1971 годах, опрашивала ленинградских старшеклассников о том, чья личность больше всего интересует и привлекает их. Оба раза первое место заняли герои кинофильмов, второе – литературные герои, третье – общественно-политические и государственные деятели. Так, 87% из 5 тыс. опрошенных Т.Н.Мальковской старшеклассников сказали, что именно книги впервые обратили их к анализу внутреннего мира человека [11].

Социологи показали, что искусственное затягивание «переходного возраста» дорого обходится и личности, и обществу. Пока юный человек не нашел себя в практической деятельности, она может казаться ему мелкой и незначительной.

Давно известно, что люди с высоким самоуважением более самостоятельны, меньше поддаются внушению, проявляют большую социальную активность. Нравственно зрелый человек знает, что в жизни нет черновиков, которые можно переписать, что каждый его поступок окончателен. По мнению Н.Г.Чернышевского, «без приобретения чувств гражданина, ребенок мужского пола средних, а потом пожилых лет... мужчиной не становится, по крайней мере, не становится мужчиной благородного характера. Мелочность взглядов и интересов отражается на характере и на воле: «Какова широта взглядов, такова широта и решений».

Юношеское мышление более гибко и одновременно более реалистично, чем детское. Оно схватывает многозначность слов и понятий. Юность – возраст горячих споров, предметом которых может быть все что угодно, жадного философствования, теоретизирования даже на известные темы, поисков формулы счастья и формулы любви. Юность особенно чувствительна к собственному «Я» и вообще к «внутренним» психологическим проблемам. Главное психологическое приобретение ранней юности – это открытие своего внутреннего мира.

§ 3. ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ

Классификацию социальных проблем молодежи можно проводить по разным основаниям: по территориальному признаку можно выделить молодежные проблемы, свойственные индустриальным странам; проблемы, присущие отдельным регионам; проблемы, характерные для одной, отдельно взятой страны; по временному признаку можно рассматривать так называемые «вечные проблемы», например взаимоотношения поколений, и проблемы, порожденные конкретной эпохой; по системному признаку могут быть исследованы общие проблемы молодежи, присущие данному обществу, уровню его развития, и чисто молодежные проблемы, свойственные именно этой социальной группе, обусловленные ее положением и ролью в обществе.

Но особую важность приобретают социальные ориентации молодежи, ибо они лежат в основе поведения молодых людей, позволяют им определить свое социальное положение, свой социальный статус, выполнять те или иные социальные роли.

Очень важно рассматривать проблемы молодежи в контексте такого многозначного социального явления, как преемственность поколений.

Для анализа этого явления в социологии используются предложения, в контексте которых возможен различный подход к трактовке понятия поколение и соответственно места молодежи в нем.

В этой связи можно привести пять значений поколения.

Демографическое поколение, или когорта, означает совокупность сверстников, родившихся приблизительно в одно время и образующих возрастной слой населения. В зависимости от уровня рождаемости, а также иных обстоятельств – военных конфликтов, репрессий, эпидемий, стихийных бедствий, эмиграции, поколение может быть большим или малым по численности, с преобладанием тех или иных социальных групп, мужчин или женщин. В нем бывают уничтожены слои, которые могли бы внести вклад в развитие культуры. Так возникает «пропавшая генерация», не реализовавшая свои возможности.

Антропологическое поколение указывает на происхождение от общего предка и дает представление о генеалогии семьи. В недалеком прошлом генеалогия отвергалась и рассматривалась как сословный пережиток. Это привело к тому, что очень немногие семьи знают свою историю, а дети редко могут назвать своих предков, их занятия, представить их жизнь и судьбу. Сейчас интерес к этому возрастает, но, к сожалению, многие документы, письма, дневники, фотографии утрачены безвозвратно. Представить историю семьи как историю страны было бы необычайно важно для духовно-нравственной жизнедеятельности личности.

Историческое поколение охватывает отрезок времени, равный интервалу между рождением родителей и рождением их детей. Статистически этот период равен приблизительно 20-25 годам. Это означает, что одновременно в обществе живут четыре или даже пять поколений. В зависимости от условий жизни, омоложения семьи, генетической предрасположенности, увеличения средней продолжительности жизни число поколений может увеличиваться или сокращаться.

Хронологическое поколение функционирует в такой период времени, в течение которого живет и активно действует данное поколение. Оно близко по значению к демографическому, но дает возможность представить судьбу именно данного поколения, пережившего наличном опыте уникальные, неповторимые события, оказавшие влияние на восприятие жизни, взаимодействие со сверстниками. Мемуары, эпистолярное наследие, фотографии дают возможность представить духовный мир и облик поколения.

Символическое поколение означает общность современников, жизнь которых совпала с особым периодом истории, сделав именно их свидетелями и участниками событий, реформ, революций.

Каждое поколение создает устойчивую традицию, вызывает эмоциональную сопричастность в отношении к жизни, может разделять одни и те же переживания, интересы, цели, ценности и даже вкусы и предпочтения.

Такие отношения складываются между поколениями в условиях относительной стабильности. Но так бывает не всегда. Импульс перемен вызывает порой критическое отношение ко всему предыдущему периоду, подвергает насмешкам старые идеалы, ценности и символы, высвечивает ничтожность ранее провозглашенных целей и бессмысленность жизненных усилий. Так бывало в периоды революций, противостояния Красного и Белого движения, во время студенческих волнений в 60-е годы «новых левых» на Западе, в период перестройки и гласности в бывшем СССР, и это свойственно сейчас

российской действительности. Равную опасность представляет как бездумное восхваление прошлого, так и огульное его отрицание, желание «стереть» память о событиях истории, вычеркнуть их из жизни поколений, сделать историю «непредсказуемой».

Каждое поколение выступает как объект взаимодействия предшествующих поколений и как субъект перемен, как инициатор нового. Однако при этом следует иметь в виду реальный груз прошлого, проявляющийся в инерции сознания, трудности освоения новой ситуации.

При классификации проблем молодежи социолог исходит из того, что молодежь рассматривается прежде всего с позиций того, какое место она занимает в производстве и развитии общественной жизни, как она функционирует в качестве определенной социальной группы.

Социальное качество молодежи характеризуется, во-первых, теми общественными отношениями и общественными формами, которые выделяют ее в самостоятельную (относительно других) социально-демографическую группу. Здесь отличительное социальное качество молодежи связывается с тем специфическим местом, которое она занимает в социальной структуре, и определяется способностью молодого поколения воспроизводить сложившиеся на момент ее становления общественные отношения. Иначе говоря, речь идет о потенциальных сущностных силах молодого человека.

Отличительное социальное качество молодежи на современном этапе определяется не только способностью молодого поколения наследовать и воспроизводить сложившуюся на момент его становления социальную структуру общественных отношений, но и участвовать в ее активном совершенствовании и преобразовании.

Во-вторых, молодежь как субъект общественного производства характеризуется особым содержанием личностной и предметной стороны конкретно-исторического бытия. Подобное проявление социального качества молодежи связано со спецификой ее социального положения и определяется особенностями процесса социализации.

Конкретные условия бытия молодых людей определяют специфику молодежного сознания, единство структурных элементов которого и образует побудительно-мотивационные сущностные силы молодежи. Внутри этого единства возникает многообразие противоречивых тенденций, определяющих сущность молодежных проблем.

Перечисленные проявления социального качества молодежи, переходя в процессе развития одно в другое, взаимодополняют друг друга как внешнее и внутреннее, обусловливая ее социальную сущность, которая реализуется посредством деятельности.

Таким образом, при исследовании молодежи рассматриваются следующие относительно самостоятельные, однако прочно взаимосвязанные составляющие: потенциальные сущностные силы (личностный потенциал); побудительно-мотивационные и социальная деятельность, которая является способом реализации сущностных сил. Каждая из перечисленных составляющих является, по существу, основанием социального развития молодежи и рассматривается в качестве возможных направлений социологического исследования.

Потенциальные социальные силы определяют личностные возможности (потенциал) молодого поколения, т.е. способность становиться в процессе развития субъектом

общественной жизни. Обретая способности к производственному потреблению, каждое новое поколение «становится производительной силой, равно как способности к индивидуально-личностному потреблению обеспечивают развитие сущностных сил человека» [12]. Именно в двуединой направленности способностей проявляется их роль как потенциальной сущностной силы молодежи.

Своеобразие молодежи как социальной группы заключается в следующем. Во-первых, в наличии значительной доли молодежи (учащиеся, студенты), не имеющей в полном смысле слова собственного социального положения и характеризующейся либо своим прошлым социальным статусом – социальным положением родительской семьи, либо своим будущим статусом, связанным с профессиональной подготовкой.

Во-вторых, в том, что социальные особенности различных групп молодежи определяются не только их формальной принадлежностью к различным структурам общества, но и непосредственной включенностью в массовые движения. Образуемые таким образом социокультурные модели сознания и поведения молодежи (неформальные, политические, когортные и т.д.) существенно различаются.

Понимание природы качественных изменений сущностных характеристик молодежи непосредственно связано с источником ее развития, т.е. с сущностью тех объективных противоречий, которые лежат в основе развития этой социально-демографической группы. Молодежь не является саморазвивающейся системой. Будучи частью Общества, она включена во все многообразие его связей и отношений. Вместе с тем ей присущи специфические общественные функции – воспроизводственная, трансляционная, инновационная. Выделение молодежи в качестве относительно самостоятельной общественной группы связывается прежде всего с воспроизводственной функцией. В общественной жизни одновременно осуществляются процессы воспроизводства жизненных средств (предметно-вещественной стороны общественной жизни) и человеческих (духовных и физических) сил. Отсюда следует вывод, что коль скоро мы связываем специфическое положение молодежи в системе воспроизводства общества главным образом с процессом становления субъекта общественной жизни, то именно в противоречии, возникающем между этими двумя сторонами общественного производства, и коренится основной источник развития молодежи.

Это противоречие вызвано: во-первых, различным характером деятельности, лежащей в основе каждой из форм общественного производства, а, следовательно, различиями в природе и направленности социальных связей, опосредованных этой деятельностью; во-вторых, различным способом присвоения субъектом результатов этой деятельности; в-третьих, различным отношением к каждой из форм общественного производства со стороны общества на разных этапах его развития.

Кризисные явления, затронувшие в настоящее время обе стороны процесса становления молодого поколения, как в сфере производства жизненных средств, так и в воспроизводстве собственных духовных и физических сил, полностью разбалансировали этот процесс. Рыночные механизмы все более вытесняют молодых людей из сферы основного производства в сферу обращения и соответственно в область потребительства. Резко усилилась тенденция к бездуховности, утрате нравственных критериев общественного поведения, ухудшению психофизического здоровья молодежи.

Разрушение моральных устоев ведет и к вседозволенности, распущенности, причем эти отклонения являются следствием отклонений в образе жизни не только самих подростков, но и их родителей. Относительно высокая доля половых преступлений подростков,

совершаемых в квартирах (она почти в 2 раза выше аналогичного показателя взрослых), обусловлена безнадзорностью молодежи, когда родители заняты на производстве и ребята предоставлены сами себе. Пьянству, наркомании, половой распущенности зачастую способствуют ранняя миграция молодежи, особенно женской, ее отрыв от привычной социальной среды семьи, анонимность и фактическая бесконтрольность городского общения, безнаказанность и беззаботность тех, кто, будучи ответственным за интеграцию молодых мигрантов в трудовые коллективы, фактически не выполняет своих обязанностей, пускает работу с молодежью на самотек, подменяет ее набором формальных «мероприятий».

В наиболее общей форме об уровне социального развития (зрелости) молодежи можно судить по степени воспроизводства в данном конкретном поколении социально-исторической целостности. В условиях стабильного общества фактически происходит трансляция социального опыта. В этом случае молодое поколение репродуцирует его социальную структуру как целое, а данная структура в основе своей отражается в среде молодежи как целостной социально-демографической группе.

Литература

1. В основу главы положена часть текста учебника «Социология молодежи» (СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996), подготовленного под рук. проф. В.Г.Лисовского.
2. Шекспир В. Зимняя сказка // Поли. собр. соч. В 8-ми т. Т.8. М., 1960. С.58.
3. Подробнее см.: Кон И.С. 1) Социология личности. М., 1967; 2) Открытие «Я». М., 1978; 3) Психология старшеклассника. М., 1982.
4. Манн Т. Доктор Фаустус // Манн Т. Собр. соч.: В 10-ти т. Т.5. М., 1960. С.151-155.
5. Герцен А.И. Концы и начала // Герцен А.И. Соч.: В 9-ти т. 1.1. М., 1958. С.488-499.
6. См.: Лисовский А.В., Лисовский В.Т. В поисках идеала: Диалог поколений. Мурманск, 1994. С.13–14.
7. См.: Фрейд З. О психоанализе: Пять лекций // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я.Гальперина, А.Н.Ждан. М., 1980. С.148-183.
8. См., напр.: Арямов И.А. Рабочий подросток. М., 1928; Блонский П.П. Возрастная педология. М., 1930; Рубинштейн М.И., Игнатьев В.Е. Психология, педагогика и гигиена юности. М., 1926; и др.
9. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С.197–198.
10. Выготский Л.С. Педология подростка // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6-ти т. Т.6. М., 1984. С.238.
11. Мальковская Т.Н. Воспитание социальной активности старших школьников. Л., 1973.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.43. С. 118.

Темы для рефератов

1. Социология молодежи как специальная социологическая теория.
2. Генезис понятий «подросток», «юноша», «отрок».
3. Молодежь как группа гражданского общества.
4. Социально-психологические теории о молодежи.
5. Социальные теории о проблемах молодежи.
6. Культурологические теории о молодежи.
7. Современные социальные ориентации российской молодежи.

Вопросы и задания для повторения

1. Возрастные критерии молодежи.
2. Как изменялся взгляд на молодежь в процессе исторического развития человечества?

3. Что изучает социология молодежи?
4. Какие теории по проблемам молодежи вам известны? Охарактеризуйте их.
5. Какие типы поколений существуют в обществе?
6. Что в себя включает проблема «социальное развитие молодежи»?
7. Охарактеризуйте ценность современной российской молодежи.

Глава 5 ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ

Данная отрасль социологического знания свидетельствует о том, что в обществе существует отклоняющееся (девиантное) поведение, которое представляет собой «социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам)» (Я.И.Гилинский, 1991) [1].

Носителями рассматриваемого явления являются определенные лица, некоторые социальные группы, вступившие' осознанно или стихийно в конфликт с существующими в обществах требованиями и нормами поведения.

Отклонение (девиация) в сознании и поведении людей обычно созревает постепенно. Более того, в социологии есть понятие «первичная девиация» (Лемерт, 1951), когда на определенные отклонения окружающие смотрят сквозь пальцы, а человек, игнорирующий некие правила, не считает себя нарушителем. Такие отклонения граничат с незначительными проступками или безнравственными действиями и до поры до времени могут не замечаться (прощаться, игнорироваться), как, например, употребление спиртных напитков со случайными людьми, приводящее к нарушению общественной морали.

Но есть второй уровень отклоняющегося поведения (вторичная девиация), когда окружающей социальной группой или официальными организациями человек открыто признается нарушителем норм морали или права, что всегда связано с определенной реакцией на его действия.

При рассмотрении отклоняющегося поведения важно различать индивидуальные и коллективные формы девиации. Если под первыми понимаются нарушения требований морали и права одним человеком, то во втором случае отклоняющееся поведение является отражением деятельности некоторой социальной группы – преступной шайки или изуверской секты, которые создают некое подобие своей «культуры» (субкультуры) и открыто конфронтируют с принятыми нормами.

Вместе с тем нельзя, как это следует из ряда исследований, всякое отклонение считать девиантным поведением. В таком случае все социальные группы и все люди будут подпадать под данное определение, ибо нет в обществе ни одного человека и социальной группы, которые бы во всех ситуациях, во всех случаях жизни абсолютно соответствовали нормам и правилам.

В отечественной социологии, в смежных с нею науках (юриспруденции, этике) всегда в той или иной мере обращалось внимание на данные процессы и данные социальные группы. В русской социологии в конце XIX – начале XX века наряду с исследованием врачей П.Г.Розанова, Ф.К.Тереховко, И.О.Зубова об отдельных проблемах девиантного поведения писали А.Н.Острогорский, Н.М.Михайловский (о суицидах), С.А.Первушин, В.М.Бехтерев, Д.К.Бородин, Д.Н.Воронов, Д.К.Дмитриев (о пьянстве и алкоголизме),

Н.Дубошинский, Ф.Мюллер, О.Обозненко (о проституции), В.М.Тарновский (о гомосексуализме), М.Н.Гернет, А.Ф.Кистяковский, А.А.Жижиленко, С.К.Гогель, М.В.Духовской и др. (о преступности) [2].

Современная отечественная социология представлена исследованиями таких ученых, как В.Н.Кудрявцев, В.П.Казимирчук, Я.Н.Гилинский (общие проблемы девиации), А.А.Габиани (наркомания), Г.Г.Заиграев, Б.М.Левин (алкоголизм), И.А.Голосенко (нищенство), А.М.Яковлев (экономическая преступность), которые подходили к данным явлениям с позиций своей науки, но при широком использовании методов социологии.

Обобщая накопленную в зарубежной и отечественной литературе информацию, можно сделать вывод, что предметом социологии отклоняющегося поведения является изучение сознания и действий определенных социальных групп и отдельных личностей, которые вступили в конфронтацию с официально санкционированными обществом и государством нормами и правилами и которые свидетельствуют о социальной дезорганизации.

§ 1. ПРИРОДА ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ И ОПЫТ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Негативные явления свидетельствуют о наличии исторических предпосылок, объективных и субъективных условий, о противоречивости общественного развития, в котором тесно переплелись как трудности становления и развития, так и деформация экономических, социальных, политических и духовных процессов.

Отклоняющееся поведение людей, во-первых, существует потому, что новая социальная система возникает не на пустом месте, а вырастает из ряда элементов прежней, разрушенной системы – идет ли речь о людях или об элементах производительных сил, духовной или материальной культуры. Во-вторых, процесс развития новой социальной системы обычно неравномерен, а это порождает диспропорции в соотношении ее элементов и приводит к отставанию некоторых из них и тем или иным дефектам функционирования. В-третьих, может наблюдаться неполная адаптация развивающейся системы к внешним и внутренним условиям ее существования. Говоря иными словами, социальное, культурное или техническое развитие может подчас не поспевать за вновь возникающими общественными, духовными или экономическими потребностями. В-четвертых, нельзя сбрасывать со счетов случайные события. Все это в совокупности и служит конкретным источником различных негативных явлений [3].

Рассмотрим эти причины подробнее.

Отклоняющееся поведение опосредуется главным образом экономическими отношениями. Оно не находится в прямой зависимости от их состояния. Взаимосвязь более сложна и многопланова. Но о том, что она существует, говорит вся история развития общества.

Основное, что не следует упускать из виду, это существование различных форм социального неравенства. Как показывает жизненная практика, те или иные формы неравенства продолжают существовать, причем вызваны они не объективно обусловленными различиями, а деформированными общественными отношениями: принадлежностью к власти, причастностью к теневой экономике, которая, по подсчетам специалистов, обладает огромным финансовым капиталом: так, в середине 90-х годов называлась цифра в 150–200 млрд. долларов.

В условиях «дикого капитализма», в которых находится Россия середины 90-х годов, эти причины стали еще нагляднее и явственнее. Более того, имеются утверждения, что вся экономика России приобрела криминальный характер, когда теневая экономика вытесняет официальную, а масштабы социального неравенства поражают воображение и позволяют сравнивать ситуацию в стране с режимом бывших колониальных стран Африки.

Если ранее важным источником этих отклонений являлась дефицитность экономики, то в настоящее время – деформированность. Но и в том и в другом случае они оскорбляют и унижают людей, приносят огромные убытки, а еще более социальные издержки, ибо ничто так не волнует людей, как попранная справедливость. Показательны в этом случае данные исследования ВЦИОМ в мае – июле 1996 года по всероссийской выборке [4], которые говорят о том, что только 19% опрошенных согласны (полностью или частично), что люди вознаграждаются за свой труд, только 8% разделяют мнение, что «ум и профессиональное мастерство вознаграждаются», и еще меньше – 4% – что люди получают то, в чем они нуждаются.

Источником отклоняющегося поведения в советский период были противоречия между квалифицированным и неквалифицированным, престижным и непрестижным трудом, создававшие предпосылку для противоречивых действий людей. Конечно, это не значит, что неквалифицированный труд прямо и непосредственно влечет за собой отклонения. И среди тружеников низкой квалификации подавляющее большинство жило и живет с чувством общественного долга, ответственности. Вместе с тем криминологические исследования в 70 – 80-х годах фиксировали тесную взаимосвязь между содержанием труда и преступным поведением. Лиц с высокой производственной квалификацией среди преступников было в 6 раз меньше, чем работников этой квалификации в общей структуре населения. Так, в индустриальных и урбанизированных регионах преступная активность лиц, выполняющих работу вручную, превышала соответствующий показатель для тех, кто трудился с помощью машин и механизмов, в 3,2 раза, а для занятых ремонтом и наладкой – в 26 раз [5].

В середине 90-х годов эти противоречия были вытеснены другими причинами, которые порождаются массовой безработицей. Именно безработица стала питательной средой для формирования групп с отклоняющимся поведением – бомжей, бродяг, наркоманов и преступников. Эти язвы, которые были и ранее, но базировались на других причинах, стали настолько распространенными, что на них нельзя не обратить внимания.

Источником возникающих отклонений является несовпадение реального процесса развития общества и осуществления людьми права на поиск и риск. Очевидно, что 130 тыс. осужденных за хозяйственные преступления (1991 г.) представляли собой сложный конгломерат побудительных мотивов: от добровольного желания помочь в решении экономических проблем до корысти и стяжательства.

При анализе условий и причин отклонений нельзя сбрасывать со счетов противоречия интересов различных слоев и групп населения. Современное общество несвободно от обострений и столкновений интересов, которые могут возникать в процессе взаимодействия различных социальных институтов, социальных групп, общества и государства.

Несвоевременное и неадекватное разрешение противоречий накладывает отпечаток на сознание и поведение людей. На почве пренебрежения общественными интересами произрастают разрыв между словом и делом, социальная апатия. Видя

бесхозяйственность, махинации, приписки, безразличие руководства к материальным ценностям, люди начинают пассивно относиться к призывам, ищут пути облегчить свой труд за счет общества.

Источником отрицательных явлений становятся ошибки и извращения в управлении, нарушения законности, принципов демократии и справедливости.

Рассматривая отклоняющееся поведение, нельзя обойти вопрос о социальной наследственности. Она не имеет ничего общего с биологическим объяснением Чезаре Ломброзо, который, по его мнению, обнаружил связь между криминальным поведением и определенными физическими чертами человека. Социальная наследственность не ограничивается рамками биологических процессов, а распространяется на многие другие, в том числе и на социальные. С социальной наследственностью связано воспроизводство как позитивных, так и негативных сторон образа жизни людей.

Механизм социального наследования не лишен противоречий. Одно из них заключается в том, что предметом преемственности становится не только нормальный, но и порочный жизненный опыт, который посредством социальной информации передается от поколения к поколению.

И, наконец, отклоняющееся поведение связано с неадекватным отражением в сознании части людей процесса развития и функционирования общественных отношений. Можно выделить два вида такого несоответствия. Во-первых, взгляды и настроения, сложившиеся на предыдущем этапе общественного развития, нередко вступают в противоречие с новыми условиями. Во-вторых, в ходе практической деятельности возникают или оживляются представления, которые односторонне трактуют смысл и направленность преобразований.

Моральные коллизии можно разделить на внешние (между людьми) и внутренние (когда у человека происходит борьба мотивов). Внешние коллизии свидетельствуют о расхождении направленности ценностных ориентации (вплоть до их противоположности), которые проявляются в общественных отношениях как столкновение различных моральных систем. Источником межиндивидуальных раздоров могут быть и различия в нравственных позициях, обусловленные несовпадением уровней личной культуры, конкретных жизненных целей и выбора средств их достижения.

Природа внутренних конфликтов иная. Они определяются противоречивостью индивидуального морального сознания. Чаще всего это столкновение между мотивами общественного долга и мотивами, выражающими групповые, семейные, личные интересы. Внутренние коллизии могут перерастать во внешние конфликты (Л.М.Архангельский, 1985).

Анализ проявлений отклоняющегося поведения предполагает выделение типологических групп, имеющих как общие черты, так и специфические особенности. В литературе были предприняты попытки классифицировать негативные явления в сознании и поведении людей (Г.Г.Заиграев, С.М.Ковалев, В.П.Киселев, Б.МЛевин, С.И.Плаксий и др.).

Помимо вышеуказанных (деление на первичную и вторичную девиации, на индивидуальные и коллективные формы отклоняющегося поведения) классификацию данного вида поведения можно осуществить по сферам жизнедеятельности людей. В соответствии с этим в производственно-трудовой сфере проявляются экономические хищения, стяжательство, бесхозяйственность и т.д.; в сфере распределения – стремление

урвать от общества побольше, взяточничество, социальный паразитизм; в сфере политической жизни – карьеризм, бюрократизм, аполитичность, национализм, экстремизм; в сфере быта и образа жизни – нищенство, пьянство, потребительство, пренебрежительное отношение к семейному долгу; в сфере духовной жизни – бескультурье, эрзацкультура, снобизм в культуре, мещанство; в сфере общения – хамство, эгоизм, бездушное отношение к людям, грубость, клевета, высокомерие, нечестность и т.д.

Иногда отклоняющееся поведение типологизируют по другому основанию – противоправное и аморальное, – исходя из того, что нормы, стандарты и правила определяются двумя главными регуляторами жизнедеятельности людей: нравственностью и правом. Конечно, граница между ними условна, тем не менее ею можно руководствоваться при изучении конкретных форм отклоняющегося поведения.

Остановимся на этом подробнее.

§ 2. ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

При анализе негативных сторон жизни социологи в большинстве случаев оперируют такими понятиями, как пьянство, взяточничество, бюрократизм, злоупотребление служебным положением, потребительство, преступления против личности, блат, бродяжничество, недобросовестное отношение к труду и своим обязанностям, хищения, безответственное отношение к браку и семье, бесхозяйственность. По данным исследований всех возрастных категорий, наибольшую тревогу вызывают масштабы распространения негативных явлений среди молодежи.

Со второй половины 80-х годов увеличились масштабы противоправной деятельности, когда наряду с ростом преступлений против личности, общества, государства реальную опасность стали представлять организованная преступность, те или иные модификации мафиозных групп.

Снят покров тайны с таких форм отклоняющегося поведения, как наркомания, проституция, коррупция.

Предметом открытого научного и политического обсуждения стали экономическая преступность, различные молодежные объединения, характеризующиеся криминальным поведением.

Вместе с тем социологические исследования 80–90-х годов показывают, что среди всех названных групп отклоняющегося поведения наиболее крупными и представляющими предмет тревоги общества являются алкоголики, наркоманы и преступники.

Алкоголизм и алкоголики. Пьянство, алкоголизм, токсикомания – социальные пороки, которые «вписаны» в общественную жизнь достаточно основательно. Данные пороки были присущи жизни России всегда и во все времена. Об этом свидетельствует история, об этом говорят статистические данные. Так, в XX веке возрастали объемы потребления алкоголя, которые в 90-х годах составили 15 л алкогольных напитков на душу населения.

Сказать, что пьянство, алкоголизм присущи одной социальной группе в большей мере, чем другой, было бы неверным: в данные формы отклоняющегося поведения были вовлечены представители всех групп и слоев населения. Однако исследования

Г.Г.Заиграева еще в 1965 году выявили особую пагубность распространения алкоголизма среди малообеспеченных слоев населения.

В 70-е годы бюджет страны во все большей мере становился «пьяным»: шел усиленный процесс спаивания населения под предлогом пополнения бюджета. Пьянство становилось нормой поведения и перестало быть предосудительным актом.

Болезнь эта все более и более усугублялась, охватывая все слои населения и особенно молодежь. По данным С.И.Плаксия (1982 г.), молодые люди, занятые неквалифицированным, физически тяжелым трудом, в 3 раза чаще допускали нарушения трудовой дисциплины, среди них в 4,2 раза больше доля потребляющих спиртные напитки еженедельно, чем среди их сверстников высокой квалификации. К началу 80-х годов положение стало совсем нетерпимым. Было признано необходимым предотвратить это грозное явление, оборачивающееся ранней смертностью, гибелью на производстве, распавшимися семьями, неполноценными детьми.

Исходя из самых прекраснодушных намерений, в 1985 году была начата знаменитая антиалкогольная кампания, которая уповала на силу запрета, приказа, внешнего контроля и всяческих ограничений.

На первых порах она принесла результаты. Производство винно-водочной продукции и пива в 1987 году снизилось по сравнению с 1984 годом на 617 млн. декалитров, или на 44%. Общая сумма потерь из-за прогулов, простоев и неявок на работу уменьшилась в промышленности на 30%, а в строительстве – на 29%.

Улучшились демографические показатели. Несколько повысилась рождаемость на одну тысячу жителей (20 человек). Впервые за последние десять лет наблюдалось увеличение средней продолжительности жизни. Смертность, непосредственно связанная с алкоголизмом, уменьшилась на 52%. С 1986 года наметилась тенденция к снижению заболеваемости населения алкоголизмом.

Удар, нанесенный пьянству, повлиял и на состояние криминальной ситуации. Число преступлений по линии уголовного розыска, совершенных в пьяном виде, в 1987 году по сравнению с 1986 годом сократилось на 4,1%, а с 1985 годом – на треть.

Однако, как показывает более глубокий анализ, серьезных сдвигов эти меры не принесли. Более того, они вызвали ряд тяжелых, негативных последствий. Во-первых, пьянство, вытесненное за пределы производства, переместилось в семейно-бытовую сферу, в результате чего стало менее доступным для контроля. На территории бывшего СССР по-прежнему насчитывалось 5 млн. алкоголиков.

Во-вторых, поспешность и непродуманность многих мер борьбы с пьянством способствовали не сокращению, а росту самогоноварения, спекуляции. Так, если в 1985 году к ответственности за самогоноварение было привлечено более 80 тыс. граждан, то в 1986 году – 150 тыс. По некоторым экспертным оценкам, в 1987 году для изготовления самогона затрачено около 1,4 млн. т сахара.

А ведь самогонный бум можно было предвидеть, обратившись хотя бы к историческому опыту (в 1923 г., в период «сухого закона», в деревнях России насчитывалось около 10 млн. самогонных аппаратов). Известно и то, что при ослаблении функций денег как эквивалента обмена в условиях товарно-денежных отношений их роль часто берет на себя водка: за нее и построят, и отремонтируют, и подвезут.

В-третьих, примитивизм мер борьбы с пьянством привел к извращенным формам потребления алкоголя: к суррогатам, к токсикомании. Только от употребления химических препаратов и жидкостей в 1987 году погибло около 11 тыс. человек. Всего от алкоголизма ежегодно умирает 20 тыс. человек.

Каковы же пути действенной борьбы с пьянством? Начинать необходимо с семьи, со взрослых. По данным Ф.Шереги, треть алкоголиков и пьяниц опрокинули первую рюмку в возрасте 10 лет, 2/3 – от 11 до 15 лет. Уже сам этот факт подтверждает, что пьянство и алкоголизм не являются органическим элементом какой-то особой субкультуры молодежи. В то же время исследования свидетельствуют: из числа молодежи 40% категорически «за» безалкогольные традиции, а среди старших таких всего 15%. В возрасте до 20 лет выпивает менее четверти молодежи, однако к 34 годам – уже две трети! В итоге – распавшиеся семьи (ежегодно 350 тыс. детей лишаются одного из родителей, при этом средний возраст разводящихся отцов 29 лет, матерей – 27 лет), спиваются подростки (шестая часть больных алкоголизмом – молодежь в возрасте до 30 лет), становятся калеками дети (Ф.Шереги, 1990).

Несовершенной продолжает быть политика реализации норм трезвого, здорового образа жизни. Низкая общая культура людей соседствует с убогой пропагандой, примитивизмом в решении конкретных задач (так называемые зоны трезвости), со стремлением использовать административные меры, командные методы вместо терпеливой и кропотливой работы.

Не изменилась, если не усугубилась, ситуация в стране в 90-е годы. Число алкоголиков не уменьшилось, а по ряду показателей возросло. Если стоимость хлеба с 1990 по 1996 год выросла в среднем в 15 тыс. раз, то водки – в среднем в 3 тыс. Водка стала самым доступным товаром. И страну опять покрыл вал пьянства и алкоголизма, тем более что в добавку к отечественным в Россию хлынул неконтролируемый поток спирта и водки со всех стран Европы.

Несомненно, что этот процесс имеет и еще будет иметь серьезные последствия. Одним из них (наряду с другими причинами) объясняется тот факт, что смертность среди мужчин стала ниже пенсионного возраста, достигнув 57,8 года (1995 г.).

Очевидно, что комплексное решение проблем алкоголизма зависит от объединения как социальных, так и медицинских мер, как правового, так и морального регулирования, административных усилий и ответственности самого человека.

Наркомания и наркоманы. Атмосфера самоуспокоенности в 60–70-е годы оказалась одной из главных причин того, что в обществе не замечали нарастающую острую социальную проблему – наркоманию. Как показывает анализ реально сложившегося положения, она не замыкается в рамках каких-то общностей, члены которых полностью деградировали в социально-нравственном отношении. Это зло охватило практически все общественные группы и поразило представителей наиболее дееспособной части населения.

Поданным А.А.Габиани, наркомания распространена главным образом среди мужчин в возрасте до 35 лет, проживающих в городах. Особенно тревожит то, что треть из них – молодежь до 25 лет. Хотя наркомания представляет собой прежде всего городскую проблему, география потребления наркотических средств расширилась, пагубное пристрастие проникло даже в отдаленные сельские районы.

С точки зрения уровня образования наркоманы мало чем отличаются от своих сверстников: подавляющее большинство (83,3%) имеет среднее, незаконченное высшее или высшее образование, 61,7% работают, 5,8% учатся, не работают и не учатся 24,8% [6].

Велик среди них и удельный вес ранее судимых (46%): почти каждый второй был наказан за преступления, связанные с наркоманией, а каждый четвертый – за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку наркотических веществ без цели сбыта.

Примерно каждый второй живет в семье, где кто-то злоупотребляет спиртным или наркотиками, имеет судимость или тяжело болен, часто психическими или нервными заболеваниями.

Весьма широко распространена полинаркомания. Гашиш принимают 83,9%, морфий– 46,7, опий– 43,8, кокаин – 11,7, героин – 2%. Большинство – примерно 3/4 – начали с гашиша, который вопреки бытующему мнению о якобы незначительной вредности приводит к тяжким последствиям. Вызывает озабоченность и то обстоятельство, что многие относятся к категории хронических наркоманов, т.е. лиц, давно и систематически принимающих наркотики (А.А.Габиани, 1988).

Большинство опрошенных (77,1%) пристрастились к зелью под воздействием других лиц. К числу искусителей относятся главным образом друзья и знакомые. Почти 2/3 имели гедонистические устремления, испытывали жажду острых ощущении, четвертая часть вступила на этот путь, подражая другим, из снобистских побуждений.

Число тех, кто искал в наркотиках забвения после перенесенной психической травмы, личной драмы либо потянулся к ним из-за неудовлетворенности жизнью, невелико. Имеющиеся данные опровергают упрощенное представление, будто главная причина потребления наркотиков – желание преодолеть страдания, приобрести душевное равновесие.

Потребители наркотиков платят за них немалые деньги. Разумеется, соответствующие суммы большинство потребителей наркотиков могут достать только преступным путем, так как многие из них не работают, а если и трудятся, то таких денег не зарабатывают. Все это позволяет сделать вывод, что наркомания стала такой общественной язвой, не замечать которую уже нельзя: требуется глубокая проработка мер борьбы с этим явлением, в том числе и посредством выявления глубинных социальных причин.

Преступность и преступники. Все проявления преступности – это крайняя степень отклоняющегося поведения, когда интересы личности, социальных институтов и общества оказываются под угрозой. Конечно, ни одно общество не оставалось равнодушным к тому, что оно считало противоправным поведением и какими средствами и методами вело борьбу с ними. В научной литературе имеются различные попытки дать более точную и четкую классификацию преступных деяний, чем та, которая используется в юридической практике (А.М.Яковлев, 1988).

Существенный момент заключается в том, что в борьбе с преступностью нельзя смещать акценты, возлагая ответственность за динамику ее роста исключительно на правоохранительные органы. Следует отметить, что весомая доля преступлений остается еще вне учета, составляя так называемую латентную (невидимую) преступность. По мнению А.Ларькова, нельзя ориентироваться на уголовную статистику, поскольку в ней фиксируются выявленные факты, а это всего лишь около 5% от числа совершенных

преступлений. Следовательно, истинный ущерб в 20 раз больше. Но и эти цифры относительны, ибо сейчас результативность обнаружения хищений снизилась в 3 раза.

Это же с полным основанием можно отнести и к экономической преступности: в жизни она цветет пышным цветом, а по статистике, за нее привлекают к уголовной ответственности не более нескольких процентов. В статистику попадают далеко не все случаи выпуска недоброкачественной продукции, тогда как более 60% предприятий (из числа проверенных) нарушали ГОСТы, допускали приписки, искажения государственной отчетности, скрывали прибыль, уклонялись от уплаты налогов.

Особую остроту приобретает борьба с организованной преступностью, мафией. По мнению бывшего начальника Управления МВД России по борьбе с организованной преступностью А.И.Гурова, ее характеризуют три признака: 1) преступное общество, имеющее четкую структуру и иерархические связи; 2) организация, созданная для систематического преступного бизнеса; 3) связи с представителями государственного аппарата, которые состоят на службе у мафии.

Социология преступности предполагает и изучение самих преступников. Использование социологических методов позволило дать оценку преступного мира в конце 80-х годов. На территории бывшего СССР по возрастному признаку из всех, отбывающих наказание, граждане до 25 лет составляли 27,4%, 25– 55 лет – 67,2, 55–60 – 4,4 и старше 60 лет – 1%.

Наибольший массив отбывающих наказание (36,7%) осужден на срок от 5 до 10 лет, 9% осужденных совершили преступления, за которые им назначено от 10 до 15 (максимальный срок) лет пребывания за колючей проволокой. Год просидят 1,7%, от 1 года до 3 лет – 21,4, свыше 3, но до 5 лет – 30,6%. И только полпроцента получили срок менее одного года.

На что больше всего посягали преступники? На личное имущество – так утверждала статистика в конце 80-х годов. За эти преступные действия в учреждениях ИТУ находились 16,9% из всех заключенных. Как ни удивительно, но за такое вроде бы распространенное преступление, как хулиганство (так ориентировано общественное мнение), отбывали срок наказания практически столько же осужденных, сколько за убийство. По своему составу преступления распределялись следующим образом: умышленное нанесение тяжких телесных повреждений – 10,1%, кража государственного имущества– 9,8, изнасилование – 8,6, разбой – 6,5, грабеж – 5,7, хищение государственного имущества – 2,0%. Для сравнения: по данным П.Г.Пономарева, в 1996 году кражи составляли 46%, хулиганство – 6,9, обман потребителей – 1,1, другие преступления исчислялись 41,3%.

Суммируя статистику преступлений, совершенных против личности (разбой, грабеж, убийства, изнасилования и т.д.), можно прийти к главному выводу: защищать нужно, прежде всего, человека. Социологический анализ дает возможность выявить одно важнейшее обстоятельство: состав преступников мало коррелирует с социальной структурой. Определяющим моментом в этом процессе выступают различные виды деформированного сознания и поведения.

§ 3. МИКРОСРЕДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ

Общие объективные и субъективные условия определяют лишь возможность отклоняющегося поведения, но не являются их непосредственными причинами.

Превращение возможности в действительность через поступки, действия людей зависит от конкретных факторов, которые реализуются на уровне микросреды. В одних и тех же экономических и социально-психологических условиях приходится наблюдать существенные, а порой и принципиальные различия в поведении людей. Они обусловлены обстановкой в семье, учебном и трудовом коллективе, влиянием малых групп, а также индивидуальными особенностями человека.

Различные компоненты микросреды являются носителями определенных нравственных форм и факторами соответствующего поведения своих членов. Вольно или невольно человек придерживается линии поведения, одобряемой ближайшим его окружением, в котором могут присутствовать или даже преобладать установки и ориентации, противоречащие нормам рационального образа жизни. Чаще всего бывает так, что лишь какой-то элемент микросреды, а не вся она в целом имеет антиобщественную направленность. И здесь многое зависит от того, какая группа будет для личности референтной, более авторитетной и притягательной.

Объективная взаимосвязь макро- и микросреды не снимает вопроса об относительной самостоятельности последней, возможности воспроизводства в ней отклоняющегося, в том числе и антиобщественного, поведения. Поэтому нередко в микросреде возникают представления, привычки, традиции негативного плана.

Неблагоприятный морально-психологический климат, расхождение групповых норм с общественно санкционированными, трудности адаптации, отсутствие взаимной требовательности, конфликты и напряженность в общении – это далеко не полный перечень причин отклоняющегося поведения, имеющих своей базой микросреду. Однако сама она неоднородна, ибо человек входит одновременно в несколько коллективов, групп, влияние которых может быть противоречивым.

Многие отклонения зарождаются в семье или связаны с ней, вызваны недостатками семейного воспитания. Занятость обоих родителей, малодетность, устранение детей от домашнего труда и серьезных жизненных проблем часто становятся тем фактором, который способствует развитию неблаговидных наклонностей и поступков.

На психологии и поступках детей отрицательно сказываются противоречия между словами и делами родителей, родственников, взрослых. Трудно ожидать, что у подростка сформируются нравственная устойчивость, здоровые привычки, когда тот, кто его воспитывает, провозглашая те или иные «истины», на деле поступает вопреки им. Из опрошенных Институтом молодежи (1988 г.) 3 тыс. школьников и учащихся ПТУ более 2/3 отметили, что они замечают существенные расхождения между тем, чему учат их родители, близкие родственники или некоторые из преподавателей, и тем, как в повседневной жизни поступают они сами.

Г.М.Миньковский предложил классификацию семей в зависимости от их воспитательного потенциала, влияния на детей и возможностей нарушения ими норм и правил поведения: воспитательно сильная; воспитательно устойчивая; воспитательно неустойчивая; воспитательно слабая с утратой контактов с детьми и контроля над ними; воспитательно слабая с постоянно конфликтной атмосферой; маргинальная с алкогольной, сексуальной деморализацией; правонарушительная; преступная; психически отягощенная.

Пять последних типов семей составляют 10–15% и считаются криминологически неблагополучными. Они обусловливают искаженное формирование личности ребенка, возникновение у него деформаций в ценностных ориентациях, структуре мотивов,

механизме самоконтроля. К тому же 15–20% семей относятся к числу таких, в которых родители по разным причинам (плохое здоровье, недостаток образования, педагогической культуры, чрезмерная загруженность на работе) не в состоянии правильно воспитывать детей (Г.М.Миньковский, 1982) [7].

Исследования показывают, что риск правонарушений несовершеннолетних, воспитывающихся в обстановке постоянных и острых конфликтов, в психически отягощенных семьях, в 4–5 раз, а в семьях, где царят агрессивность и жестокость, в 9–10 раз выше, чем у тех, кто растет в педагогически сильных и устойчивых семьях. Кроме того, в неполных семьях вероятность противоправного поведения детей в 2–3 раза выше, чем в семьях с нормальной структурой.

Неправильное воспитание, неблагоприятные условия, конфликты в семье и в школе ведут к определенным отклонениям в психике личности, которые, в свою очередь, повышают возможность отклоняющегося поведения подростков (В.Андриянов, 1988) [8]. Исследования несовершеннолетних с аномалиями психики констатируют, что лишь у 22,5% подростков такие аномалии стали проявляться в раннем возрасте, причем в этих случаях большинство родителей страдали алкоголизмом; 68,3% аномалий возникло постепенно как следствие неблагоприятных условий семейного воспитания, постоянных конфликтных либо стрессовых ситуаций, жестокого обращения со стороны родителей, ухода из семьи одного из родителей и т.п. К этому прибавляются конфликтные ситуации в школе, поскольку трудности дома рождали негативное поведение в школе (у 81% таких подростков), плохую успеваемость и соответствующую реакцию школьной администрации, часто не разбиравшейся во всей сложности жизненной ситуации подростка (у 77,9%) [9].

Факторами недостаточного усвоения детьми общественных норм и отклоняющегося поведения являются низкий общеобразовательный и культурный уровень родителей или просто неумение правильно и своевременно воздействовать на своих детей. Как показали проведенные В.П.Емельяновым исследования психически неполноценных несовершеннолетних преступников, примерно 90% из них имели родителей с начальным и неполным средним образованием и 72% – родителей, занятых неквалифицированным ручным трудом, причем многие из этих родителей систематически пьянствовали, устраивали дома скандалы и драки (В.П.Емельянов, 1980) [10].

Определенные противоречия существуют и в трудовых коллективах. Принимая подчас форму конфликтов, они отрицательно влияют на поведение работников. В основе конфликта в коллективах обычно лежат следующие противоречия: 1) противоречия поиска, когда сталкиваются новаторство и консерватизм, творчество и догматизм, знание и невежество; 2) противоречия групповых интересов, связанные с отстаиванием людьми интересов только своей группы и игнорированием общих интересов; 3) противоречия, связанные с личными эгоистическими побуждениями, когда у отдельных людей на первый план выдвигаются корысть, нежелание считаться с интересами других, соображения карьеризма и т.д.; 4) противоречия несостоявшихся ожиданий, оказывающие широкое воздействие на настроение, мышление и поведение людей; 5) противоречия политического, антисоциального порядка. Не каждая производственная организация представляет собой идеально сплоченное в моральном и духовном плане единство, обеспечивающее все необходимые условия для развития как индивидуальности, так и подлинной коллективности.

Жизнь показывает, что позитивные сдвиги достигаются там, где обеспечивается последовательность в применении наказаний к нарушителям общественных норм. Это

предопределено тем, что воспитательная, предупредительная роль наказания обусловливается не жестокостью, а неотвратимостью: важно не то, чтобы наказание было тяжелым, а то, чтобы ни один проступок не остался не замеченным.

В микросреде выделяются малые группы, которые являются мощным катализатором индивидуального поведения своих членов. В зависимости от господствующих в группе норм усиливаются социально полезные или социально опасные ориентации и формы деятельности. Направленность групповой активности во многом зависит и от личных качеств неформального лидера.

Процесс заражения и подражания наиболее интенсивно идет в так называемых стихийных группах, возникающих самопроизвольно, спонтанно и большей частью через эмоциональное притяжение. В них очень развит конформизм. Именно в таких группах возникают нормы поведения, не совпадающие с общественными требованиями или противоречащие им.

Стихийные группы особенно распространены среди подростков и юношества. По данным С.И.Плаксия, 82% опрошенных школьников 8–10-х классов и учащихся ПТУ считали себя членами компаний, в основе которых лежат совместное проведение свободного времени, общение. Среди работающей молодежи в возрасте до 20 лет к таким группам относили себя 76% (1986).

Эти стихийные группы мало поддаются контролю. Лидерами их становятся чаще всего подростки, молодые люди, не нашедшие применения своим способностям в школе, ПТУ, трудовом коллективе. Принадлежность к таким компаниям повышает уверенность подростка в себе, дает ему дополнительные возможности к самоутверждению, нерегламентированному общению.

В отличие от коллективов и иных социальных общностей такие группы наиболее подвержены восприятию деформированных черт сознания и поведения. Это объясняется прежде всего тем, что группа зачастую не имеет общественно полезных целей, положительного организующего начала, единых и прочных принципов деятельности. Лидером группы нередко становится лицо, которое имеет более твердый характер, сильную волю, богатый опыт. Оно не обладает достаточно высокими нравственными и иными положительными качествами.

Свойственные отдельным личностям отрицательные черты уродливо трансформируются в психологию группы. То, в правильности чего не уверена отдельная личность, будучи принято группой, начинает восприниматься как норма, не подвергающаяся сомнению. Не случайно существующие в некоторых микрогруппах молодежи хулиганско-анархистские установки сами по себе, без индивидуального осознания тем или иным членом группы могут стать мотивом его отклоняющегося поведения. Так, специалистами установлено, что у несовершеннолетних в силу их группового конформизма «неопределенные», «плохо осознаваемые мотивы» в 20–40% случаев становятся непосредственной причиной их участия в групповом хулиганстве, групповых ситуативных кражах и т.д. (Н.Ф.Кузнецова) [11].

В целом исследования показывают, что значительная часть аморальных поступков, совершаемых подростками и молодыми людьми, связана с их ориентацией на «групповые» нормы, которые вступают в противоречие с общественными. Налицо психологическая зависимость от группы или подражание, стремление показать себя сторонником провозглашенных ценностей. При этом личная ответственность «снимается»

с сознания молодого человека тем, что «так принято», «это вызывает одобрение». Так складывается определенный защитный механизм самооправдания отклоняющегося поведения.

Конечно, далеко не все стихийные группы и компании имеют антиобщественную направленность. Однако наряду с просоциальными (социально положительными) существуют и асоциальные (стоящие в стороне от основных общественных проблем), а также антисоциальные (социально отрицательные) стихийные неформальные группы. На практике правонарушения молодежи, как правило, являются групповыми, а истоки их лежат именно в уличных компаниях с асоциальной или антисоциальной направленностью интересов. «Здоровая юношеская тяга к коллективности вырождается здесь в опасный групповой эгоизм, некритическую гиперидентификацию с группой и ее лидером, в неумении и нежелании сознательно взвесить и оценить частные групповые нормы и ценности в свете более общих социальных и нравственных критериев» (И.С.Кон, 1979) [12].

Возможность существования групп с антисоциальной направленностью связана с неэффективным влиянием на индивидов коллективов, для которых характерны низкая сплоченность и слабая эмоциональная связь между их членами, формальные взаимоотношения, отсутствие взаимопонимания. Именно в этих случаях стремление к объединению, товариществу, уважению, романтике и т.д. реализуется в группах с деформированными ориентациями. От человека же требуется, чтобы он научился сознательно и целеустремленно делать жизненный выбор.

Литература

1. Гилинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // СОЦИС. 1991. № 4. С.74.
2. См. подробнее: Гилинский Я.И. Социология девиантного по ведения и социального контроля // Мир России. 1997. № 1.
3. Кудрявцев В.Н. Исследовательская проблема – социальные отклонения // СОЦИС. 1983. № 2.
4. Хахулина Л.А., Саар А., Стивенсон С.А. Представление о социальной справедливости в России и Эстонии: сравнительный анализ // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. №6 (26). С.21.
5. См.: Коган В.М. Содержание труда и антиобщественное по ведение // СОЦИС. 1983. № 2. С. 118.
6. Габиани А.А. Наркотизм: Вчера и сегодня. Тбилиси, 1988.
7. См.: Миньковский Г.М. Неблагополучная семья и противоправное поведение // СОЦИС. 1982. № 2. С. 106.
8. См.: Андриянов В. Самоубийство. Наркомания: Цена расплаты. Ростов н/Д., 1988.
9. См.: Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность (о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М., 1982. С.272.
10. См.: Емельянов В.П. Преступление несовершеннолетних с психическими аномалиями. Саратов, 1980. С.49.
11. См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С.58.
12. Кон И.С. Психология юношеского возраста. М., 1979.

Темы для рефератов

1. Виды и типы отклоняющегося поведения.
2. Проступки против морали.

3. Характеристика и причины появления и существования социальных групп – нищие, бездомные, бомжи, бродяги, алкоголики, наркоманы, гомосексуалисты, проститутки (в том числе и по видам преступлений), карьеристы, бюрократы.
4. Маргиналы: прошлое, настоящее и будущее.
5. Роль социальных институтов (семьи, школы, трудовых коллективов) в предотвращении отклоняющегося поведения.
6. Неформальные группы молодежи.
7. Немотивированная преступность – феномен современности?

Вопросы и задания для повторения

1. Дайте характеристику отклоняющегося поведения.
2. Что такое первичная и вторичная девиация?
3. Опишите индивидуальные и коллективные формы отклоняющегося поведения.
4. Социально-экономические, социальные, политические и духовные причины появления социальных групп отклоняющегося поведения.
5. Есть ли биологические предпосылки криминального поведения?
6. В чем особенности морали и права как регуляторов жизнедеятельности людей?
7. Назовите основные причины алкоголизма.
8. Охарактеризуйте состояние наркомании в стране.
9. Назовите основные причины и виды криминального поведения (преступности).
10. Почему первостепенна роль семьи в предотвращении противоправных и аморальных действий?

Раздел IV ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Появление этого направления в социологической науке обычно связывается с именем немецкого социолога М.Вебера (1864 – 1920). Это не означает, что до него не происходил процесс осмысления политических реалий того общества, в котором жили исследователи. Практически каждый из социологов и в XIX , и в XX веке в своем анализе проблем государства и общества выходил на те или иные аспекты политической жизни. Заслуга М.Вебера состоит в том, что он одним из первых осуществил социальный анализ власти, властных отношений, дал классификацию типов господства в обществе. Более того, в отличие от К.Маркса он отдавал приоритет не экономике, а власти, считая ее основным группообразующим признаком.

Идея политической власти получила дальнейшее развитие и обоснование в исследованиях элит – В.Парето (1848– 1923), Г.Моска (1858–1941), политических партий – Р.Михельс (1876–1936), групп давления и лоббизма – А.Бентли, Д.Трумен, пропаганды и массовых коммуникаций – Г.Д.Лассуэлл (1902–1978). Предметом политической социологии стали проблемы конфликтов и изменений, бюрократии; общественных организаций и движений; путей вовлечения граждан в политическую жизнь, а также политической культуры и политического лидерства (В.В.Смирнов, 1990) [1].

В советской научной литературе генезис идей политической социологии происходил своеобразно.

Во-первых, проблемы власти в основном сводились к руководству КПСС всеми сторонами государственной и общественной жизни, что нашло отражение в социальной

дисциплине «Партийное строительство». Проблемы государственного управления рассматривались в основном только через эту призму.

Во-вторых, термин политика в советской социальной мысли был чрезвычайно многозначен, ибо употреблялось немало понятий, затруднявших его трактовку, например культурная политика, научно-техническая политика, аграрная политика, градостроительная политика и т.д., и т.п. Поэтому начавший употребляться с 60–70-х годов термин социология политики оказался не столь удачным. Он включал в себя слишком широкий круг вопросов, ибо политика осуществляется в сфере и экономики, и духовной жизни, воплощается практически во всех актах общества и государства и составляющих их институтов.

В-третьих, политические процессы и явления привлекали внимание не только социологии. И до конституирования социологии как науки они достаточно успешно исследовались и историками, и правоведами, и философами, а с XX века – и представителями политических наук (политологами).

Особенно трудно происходит размежевание с политологами: политическую социологию рассматривают или как синоним политологии, или как ее часть.

Однако если исходить из авторской трактовки предмета социологии, то тут размежевание проявляется достаточно отчетливо. Политология идет к проблемам политической жизни «сверху», со стороны государства, политических партий и других организаций, принимающих участие в функционировании власти. Соответственно анализируются их состояние, деятельность, законодательство, программы, заявления и т.д. Политическая социология подходит к этим же проблемам «снизу», от человека, который совсем по-иному воспринимает не только глобальные политические цели, но и конкретные акции представителей государственной власти, акции политических деятелей, официальные документы и заверения, идущие от политических партий.

В отечественной социологии накоплен определенный опыт исследования политических процессов (Ю.Е.Волков, Л.А.Гордон, В.Г.Мордкович, А.В.Дмитриев, Н.Н.Бокарев, Э.В.Клопов, В.Н.Комаровский, Е.А.Якуба и др.) и правовых отношений (В.Н.Кудрявцев, Б.Д.Лазарев, Д.А.Керимов, Е.А.Лукашева, В.В.Лапаева, А.М.Яковлев и др.) [2].

В конце 80-х годов Ю.Е.Волковым было сформулировано определение предмета социологии политики, который, по его мнению, состоит в конкретном анализе «содержания политики и политической деятельности различных социальных групп определенного общества, в исследовании характера их политических интересов и соответствующих политических отношений, содержания деятельности политических институтов, в изучении политических движений, политического поведения и сознания масс» [3].

Примечательными, на наш взгляд, являются те выводы этого определения, которые касаются политического сознания и поведения и которые именно «снизу», «от человека», характеризуют состояние и тенденции развития политической жизни, что и отличает коренным образом политическую социологию от политологии.

Анализ политической социологии следует начать с политической социализации личности, с того, что вводит человека в политическую жизнь, как он овладевает политической культурой. Далее, в учебном пособии анализируются взаимоотношения людей с государством, политическими партиями и общественными организациями.

Политическое сознание и политическую активность как одну из сторон предмета социологии невозможно отделить от правового сознания, правовой культуры людей. И в том и в другом случае они выступают гранью гражданского общества, которое выделяет не только специфически особенное для каждой страны, но и то общее, что характерно для всех без исключения типов демократически организованного государства.

Данный раздел представлен несколькими темами. При чтении специального курса по политической социологии эти темы могут быть расширены за счет более подробного и самостоятельного анализа политических конфликтов, выборных кампаний, проблем бюрократизма, роли и значения политических партий и их лидеров. Социология международной политики, проблемы войны и мира также являются неотъемлемой частью политической социологии и могут быть предметом отдельного изучения.

Глава 1 ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

В условиях, когда происходит интенсивный процесс политизации общественной жизни, значительно возросла объективная потребность в более глубоком, обстоятельном научном анализе всех аспектов политики.

Для этого прежде всего необходимо уточнить комплекс вопросов, относимых к политической жизни.

Иногда в социологии используется понятие политический человек. Этим термином хотят обозначить причастность человека к проблемам именно политической жизни, политическим процессам и явлениям, в известной степени отстраняясь от характеристики его деятельности в других сферах общественной жизни.

Но процесс политической социализации проходит не сразу. Более того, на определенном этапе, на этапе детства, подросткового возраста отстает от других форм социализации. Поэтому он имеет и специфические особенности.

Проблемами политической социализации много занимались и у нас, и за рубежом. Г.Тард (1843–1904) считается одним из первых исследователей, пытавшихся описать процесс интернационализации норм через социальное взаимодействие. В XX веке в западной социологии утвердилось понимание социализации вообще и политической социализации в частности как той части процесса становления личности, в ходе которой формируются наиболее общие, распространенные устойчивые черты личности, проявляющиеся в социально-организованной деятельности, регулируемой ролевой структурой общества. В дальнейшем эти идеи получили развитие у Т.Парсонса (1902–1979), согласно взглядам которого индивид «вбирает» в себя общие ценности в процессе общения со «значимыми другими», в результате чего следование общезначимым нормативным стандартам становится частью его мотивационной структуры, его потребностью (Л.А. Седов, 1990).

В отечественной социологии проблемы политической социализации рассматривались в основном через проблемы политического воспитания, политической учебы и образования. Несмотря на значительную идеологическую заданность данных объектов исследования, в таких работах содержится интересный анализ эмпирической социологической информации. В исследованиях В.Г.Байковой, Н.М.Блинова, В.П.Васильева, Д.М.Гилязитдинова, П.В.Позднякова, Ф.Э.Шереги, А.И.Яновлева и др. анализировались

каналы и механизмы политической пропаганды и агитации, их результативность, влияние на формирование политических убеждений.

Собственно попытки осмыслить проблемы политической социализации предпринимались немногими. Особо хотелось бы выделить работы Е.Б.Шестопал, в которых она как достаточно обстоятельно рассматривает современные западные концепции политической социализации, так и анализирует сложившуюся ситуацию в России в условиях рыночной экономики [4].

§ 1. СУЩНОСТЬ И ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

По своей сути политическая социализация представляет процесс приобщения человека к соответствующей информации, процесс усвоения идей, взглядов и образцов политического поведения.

Этот процесс начинается с раннего школьного возраста, хотя элементы политической социализации могут проявляться у ребенка и несколько ранее, хотя это скорее предтеча, чем сам процесс усвоения политических идей и взглядов. Например, ребенку можно внушить уважение к той стране, в которой он живет, чувство гордости профессией отца или матери, что скорее можно отнести к формированию черт патриотизма, чем к воспитанию уважения к политическим ценностям и их усвоению.

Как утверждают социальные психологи и педагоги, с 8–9 до 13 лет у ребенка начинается важный этап формирования политических взглядов. Особенность этого этапа состоит в том, что он часто персонифицируется, ибо дети склонны говорить не о политическом строе, а о личности, например, президента, которая отождествляется этим строем. Именно с отношения к личности руководителя или руководителей государства и начинает проявляться степень доверия к той стране, где живет молодой человек.

В этом возрасте уже возможна выработка (при помощи взрослого) определенного отношения к внешним или внутренним антагонистам (врагам). У ребенка может появиться ориентация на неприязнь к отдельным народам, критический взгляд на отдельные общественные силы, особенно если этот процесс обсуждается в семье.

Определенную лепту в политическую подготовку ребенка вносит и школа как через официальную информацию, которая доводится до ребенка о «красных датах календаря», об общенациональных праздниках, так и через личность учителя, особенно если он является активным участником политических событий.

С 13–14 лет начинается следующий – подростковый – этап социализации. Он характеризуется тем, что разрозненная отрывочная политическая информация начинает формироваться в определенную систему, где уже есть место не только отдельным моментам политической жизни или наиболее известным ее персонажам. Обычно в этом возрасте в более значительной мере в школе, чем в семье, складывается представление о политической жизни, о структуре власти, о целях общества и государства. В этом возрасте подростки – и особенно наиболее продвинутые группы – имеют представление об общей политической ситуации в стране. В их сознании находят отражение важнейшие события, происходящие в обществе. И, наконец, в этом возрасте реализуются первые попытки приобщения к деятельности различных общественных организаций, в том числе имеющих политическую ориентацию. Это возраст приобщения к скаутским организациям, к комсомолу (с 14 лет) и т.д.

18 лет считается во многих обществах рубежом, с которого начинается полноправное участие человека в политической жизни. К этому периоду не только заканчивается его гражданское становление, – он приобретает все права и обязанности, которые вытекают из его положения как политического человека. Предполагается, что именно к этому возрасту у человека складывается и приобретает завершенный вид его мировоззрение, с которым он вступает в жизнь и которым он собирается руководствоваться в будущем. К этому периоду для большинства молодых людей отчетливо проявляются политические симпатии или антипатии, а для некоторой части участие в политических процессах становится одним из важных компонентов их взрослой жизни. Иначе говоря, к этому времени человек становится полноправным субъектом политической жизни. Являясь структурным элементом класса и нации, человек в то же время в зависимости от конкретных обстоятельств самостоятельно «включается» в политическую деятельность, олицетворяет ту или иную степень воплощения политических отношений общества.

В некоторых работах утверждается, что с вступлением во взрослую жизнь процесс политической социализации заканчивается. С этим вряд ли можно согласиться. Дело в том, что в процессе своей жизни человек или даже целые социальные группы могут менять свои политические ориентации и соответственно видоизменять свою политическую деятельность.' Так, для науки и политической практики представляет значительный интерес приобщение к членству в КПСС, а затем превращение «ярых» коммунистов в менее «ярых» антикоммунистов, тем более, что параллельно шел другой, более логичный процесс, когда человек постепенно в ходе анализа (осознанного или стихийного) действительности превращался в диссидента (судьба немногих) или впадал в апатию, безразличие (судьба многих).

Иначе говоря, человек подвержен политической социализации в течение всей своей жизни, даже если он не отходит от сформировавшегося в молодости восприятия политики и определенных ценностных ориентации. Но даже в этом случае он полностью не остается неизменным как политический человек. Все равно он вносит в свою жизнь коррективы, уточняет свое отношение к политическим реалиям или видоизменяет конкретные формы своей жизнедеятельности.

Анализируя процесс включения людей в политическую жизнь, следует сказать, что, хотя великие буржуазные революции провозгласили и даже гарантировали право каждого человека на участие в политике, еще в течение длительного времени это был удел незначительного числа населения. Лишь в период политических коллизий масса участвующих в решении политических проблем резко возрастает и также резко уменьшается после победы или поражения.

Однако общая тенденция такова, что политика входит в жизнь все большего количества людей, и эта тенденция имеет устойчивый характер. Понимание и реализация политических прав и свобод создали основу для участия всех без исключения людей в развитии и функционировании политических отношений. И как бы ни была значительна роль руководителя любого ранга и любого звена, поведение личности в сфере политики всегда остается решающим. Процесс эмансипации человека К.Маркс справедливо связывал с осознанием каждым индивидом своей общественной силы как силы политической. И это осознание постоянно возрастает, что проявляется в значительно более широком участии людей в решении политических судеб своей страны и мира в целом.

Хотелось бы отметить и такое явление, когда предпринимаются попытки ограничить политическую деятельность людей или направить ее в другое русло. Однако всякое отстранение людей от участия в политической жизни чревато серьезными последствиями в виде отторжения (открытого или латентного) политической системы в целом.

Иногда в общественной и политической жизни происходит аккумуляция социальных ценностей населения не только одного государства, но и ряда регионов, а иногда и мира. Так, на современном этапе развития человечества люди различной политической ориентации протестуют против милитаризации общества, политики агрессии и войны, расовой и национальной дискриминации, ущемления прав женщин, ухудшения положения молодого поколения, коррупции, хищнического отношения к использованию природных ресурсов и окружающей среде.

Таким образом, политическая социализация – сложный, многоступенчатый и многогранный процесс усвоения соответствующей информации, ее интерпретации и приспособления к своим интересам и потребностям, а также реализации их в реальной жизни в процессе взаимоотношений с обществом и государством.

§ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Политическая культура включает в себя политическое мышление, представленное совокупностью теоретических положений, взглядов, мнений, ценностных ориентации и т.п., которые реализуются (или должны реализовываться) в процессе осуществления функций политической власти.

Базовой исходной точкой политической культуры является информированность людей, их знание теоретических проблем. Первоначальные знания и информированность обычно

приобретаются в стихийной форме. В детстве это отрывочные сведения, полученные в семье или в школе. Во взрослой жизни – это информация от друзей, соседей, некоторые данные об интересующих человека событиях, полученные в процессе функционирования общественного мнения, ситуативное общение на производстве, в общественном транспорте, по месту отдыха и жительства.

Часть политических знаний получается людьми в более или менее систематизированной форме: во время учебы – через соответствующие учебные курсы, во взрослой жизни – через средства массовой информации или специальное обучение. Так, политическое просвещение в СССР предоставляло значительный объем информации и при всех его издержках поддерживало интерес к политике, особенно, международной жизни (в 50– 70-е годы лекции по международным проблемам пользовались большой популярностью).

Отсутствие систематизированного целенаправленного просвещения в современной России чревато серьезными издержками: потерей политической ориентации, притуплением или искажением исторической памяти, пассивностью политического поведения, безразличием и апатией. Политическая заданность в условиях СССР поведения людей, которые изображали свою активность и причастность к политической жизни, после короткого оживления интереса к ней в начале 90-х годов сменилась отрешенностью от происходящего на политической сцене и резким снижением интереса к политическим событиям.

Огромное значение для политической культуры имеют политические ориентации, ценности, установки – все то, что формирует убеждения, готовность к действию. Повышение роли убеждений личности приводит к тому, что политические лидеры уже не могут не считаться с позициями массовых демократических движений, которые нередко, хотя и не всегда в явном виде, выражают определенные политические требования (например, программы «зеленого» движения).

Анализ социологической информации показывает, что в российском обществе увеличилось разнообразие политических ориентации. В современном обществе реально существует весь спектр политических убеждений – от монархических до анархических, от религиозных до фашистских, от либеральных до коммунистических. Весь вопрос в степени (мере) их распространенности. В период парламентских и президентских выборов в России было выявлено, что, несмотря на массу политических партий и движений, основные убеждения группируются вокруг нескольких политических ориентации: социалистической (ее придерживается примерно одна треть избирателей), либерально-демократической (примерно каждый пятый избиратель), национально-патриотической (каждый шестой избиратель). В заметной степени представлены общественные движения религиозной и националистической ориентации.

И, наконец, политическая культура воплощается в деятельности. Но она характеризует не только сам факт участия, но и степень зрелости, осмысленности, глубины понимания и включенности политического знания в практику, что, в конечном счете проявляется через участие людей в принятии политических решений, особенно на уровне местного самоуправления.

Участие человека в политической деятельности регулируется правовыми нормами того государства, в котором он живет. Обычно полноправным гражданином человек в большинстве стран становится в 18 лет. К этому моменту он приобретает все права, которые провозглашены в Основном законе государства (в Конституции), и соответственно и обязанности, в которых зафиксированы требования, предъявляемые государством к человеку. Отныне он обладатель всего того, что ему доверяет государство с точки зрения его участия в жизни страны. Это можно считать основной, главной формой социализации.

Однако государство устанавливает в этом направлении ряд ограничений, преодоление которых (по логике развития жизни или по другим актам) порождает специализированные формы политической социализации.

Так, право избирать и быть избранным неоднозначно. Если право избирать предоставляется человеку в 18 лет, то быть избранным – депутатом, губернатором, президентом, главой правительства – связано с другими возрастными критериями, которые, в конечном счете, сводятся к тому, что прямое участие в политическом руководстве предполагает наличие жизненного опыта, определенной профессиональной подготовки, общественной закалки.

Особые ограничения с точки зрения политической предъявляются (или должны предъявляться) к тем, кто становятся сотрудниками органов государственной безопасности, милиции, пограничных войск и т.д. Отказ от такого ограничения, как судимость, при призыве в армию в немалой степени способствовал развитию «дедовщины», резкому ухудшению социально-психологической и нравственной атмосферы в армии. Это лишний раз свидетельствует, что в обществе нельзя исключать и

социальных форм политической социализации. Более того, их необходимо развивать, дополнять, совершенствовать.

В целом же этот показатель политической культуры незначителен. Даже в советское время в условиях однозначности и заорганизованности политической жизни уровень политической активности был не так высок, как это представлялось в официальной пропаганде. Учитывая такой специфический показатель, как выполнение постоянных и временных общественных поручений, социологи выявили, что в большинстве производственных Коллективов он не превышал 35–38% [5].

Оживление политической жизни в годы перестройки, а затем в 1991–1992 годах быстро сменилось резким снижением числа ее активных участников, что, на наш взгляд, объясняется эмоциональными порывами или сущностной стороной человеческого «Я».

Опросы общественного мнения, осуществляемые ВЦИОМ в режиме мониторинга в 90-е годы, показывают, что основная часть населения находится в состоянии атрофии общественного сознания и поведения. Даже потенциал протеста остается в течение длительного времени неизменным: число желающих участвовать в митингах, демонстрациях даже по таким жизненно важным проблемам, как рост цен и падение уровня жизни, с 1993 по ноябрь 1996 года колеблется в пределах от 20,9 до 25,9% [6].

Вместе с тем выборы 1995–1996 годов показали, что размежевание в политических предпочтениях значительное. На первом этапе президентских выборов в 1996 году голоса избирателей распределились следующим образом: за Ельцина проголосовали 26,5 млн. человек, за Зюганова– 24 млн., за других кандидатов – 21,5 млн. в том числе за Лебедя –11 млн. Этот феномен политического поведения в значительной степени можно объяснить современной ситуацией в России: крахом экономики, политической неустроенностью, криминализацией в обществе и др. Но и в этом голосовании скорее реализовывались намерения, пожелания, чем действительно осознанная политическая культура, которая, на наш взгляд, находится еще в стадии становления.

§ 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЕЕ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

После многих лет славословия в адрес социалистической идеологии наступила пора всеобщей и обвальной ее критики, когда слово идеология стало ругательным и неприемлемым понятием. Вместе с тем уже в середине 90-х годов на государственном уровне все же пришли к выводу, что без идеологии, без национальной идеи, которая скрепляла бы общественное сознание, была бы его доминантой, руководством в работе с молодежью, стала бы ориентиром если не для всех, то для большинства населения страны, не обойтись.

Несмотря на теоретические и политические изыски по поводу идеологии, в реальной жизни самые разные идеологические концепции продолжали существовать, возникать, развиваться, образовывать самые различные комбинации точек зрения, теорий, общественных или групповых целей. Иначе и не могло быть. Любое общество, составляющие его люди не могут существовать, не оценивая с определенных социальных позиций окружающую их реальность, получаемую ими информацию и не формулируя (часто на стихийном уровне) те цели, которых они хотели бы достигнуть.

На первых этапах рыночных преобразований (кстати, это сохраняется в той или иной форме и поныне) многие исследователи пошли по проторенному пути: выявлять и

классифицировать людей по либеральной (капиталистической) или социалистической ориентации. В такое противопоставление свою лепту внесли и социологи, пытаясь по выработанному ими инструментарию определить, сколько процентов людей ориентируется на привычные до недавнего времени ценности, а кто отвергает их. Однако достаточно быстро стало ясно, что в это прокрустово ложе нельзя вместить все многообразие общественных ориентации, социальных настроений и оценок. Постепенно наряду с этими двумя идеями стали говорить о национал-патриотической ориентации, о религиозных ценностях, о монархических и т.п. идеях, которые, как показали социологические исследования, в большинстве случаев существовали не сами по себе, а в комбинации с другими оценками и ценностями.

Углубленный анализ количественных характеристик социологических данных, срез индивидуальных социальных оценок и целей показывает, что нет одномерных людей, которые единодушно исповедовали бы ценности то ли социалистического, то ли либерального, то ли патриотического или религиозного сознания. Оказалось, что в условиях ломки общественных ценностей один и тот же человек может одновременно по одним вопросам придерживаться таких-то социальных оценок (например, неолиберальных), по другим – других оценок (например, националистических), по третьим – еще одной группы оценок (например, социалистических). Поэтому социологические данные часто страдают ограниченностью – они нередко представляют информацию о социальной ориентации по одной группе вопросов, забывая о другой, или в лучшем случае показывают ориентацию на доминантные установки, игнорируя все остальные.

Этот этап – этап одномерного идеологизированного человека – начал постепенно вытесняться следующим, когда стало понятным, что социальные ценности людей обычно не ограничиваются установкой на одну цель, а направлены на реализацию нескольких целей, в свою очередь, образующих некое целостное мировоззрение.

В этих условиях, под влиянием всеобщей ориентации на «хорошее» историческое прошлое, вспомнили о графе Уварове, который в прошлом веке выдвинул знаменитую формулу: «Самодержавие, православие, народность». По аналогии с ней на всеобщее обозрение стали выдвигаться всевозможные словесные изобретения: «державность», «духовность», «нравственность», «государственность», в том числе и шовинистические цели, связанные с так называемой русской идеей, и авторитарные ориентации (вроде «честь и порядок»).

Ограниченность этих утверждений заключалась в том, что ссылка на слова графа Уварова была некорректна, ибо, употребляя свою знаменитую формулу, он призывал применить ее не к обществу вообще, а к системе образования, которая должна руководствоваться этими установками и готовить образованных людей именно с такой идеологической ориентацией.

Вновь придуманные термины в лучшем случае отражали игру ума отдельных интеллигентов, показывали направление теоретических или политических упражнений и были мало связаны с той реальностью, которая беспокоила большинство населения. Игра с терминами слабо учитывала историческое прошлое, в котором сложились определенные стереотипы сознания. Без учета их значения попытки создать что-то совершенно новое были обречены на провал, ибо сложившиеся ценности невозможно сменить одним махом, как бы этого ни хотелось.

И, наконец, надо отчетливо себе представлять, что «изобретение» новой идеологии невозможно без кристаллизации тех идей, которые «разлиты» в общественном сознании. «Нельзя сделать людей счастливыми, – говорил директор одного из лучших предприятий в Пензе еще в советское время, – решая за них и без них, что им надо». Только соучастие, знание того, что людей волнует, интересует, к чему они стремятся и чего хотят, делало часть производственных организаций действительно трудовыми коллективами. Ведь крах советской системы во многом объясняется тем, что она стала ориентироваться на изобретенные догмы, а не на те ценности, которые были представлены в сознании народа. Нельзя наступать на те же грабли или опять воплощать в жизнь лозунг «Нарисуем – будем жить».

Иначе говоря, национальная идея, идеология должна быть концентрацией, кристаллизацией доминирующих социальных ориентации и ценностей.

Прежде всего многим людям далеко не безразлично, в какой стране они живут. Сознание того, что Россия, как и СССР, должна быть великой державой, с которой считаются, которую уважают (пусть и не боятся, как СССР) и которая может постоять за своих подданных, питает сознание многих россиян и может помочь им обрести устойчивость и испытывать гордость за свою страну. Это тем более важно, что данная установка присутствовала в сознании многих советских людей, и она не может исчезнуть бесследно. Особенно, если учесть, что нарушение этой стержневой установки может обернуться (а для некоторых людей обернулось) трагедией. Многие люди весьма болезненно переживают утрату Россией той роли, которая была присуща СССР. Социологические данные постоянно фиксируют эти черты гражданственности сознания и поведения, которые, несмотря на некоторые колебания в зависимости от тех или иных политических событий, продолжают занимать одно из ведущих мест в социальных ориентациях и ожиданиях людей [7].

Не менее стабильна и значима для россиян, как показывают социологические исследования, такая ценность, как справедливость. Не равенство, не уравниловка, не всеобщее благо для всех без исключения, а именно справедливость. И пусть ее понимает по-разному каждый человек, но это тем не менее является важной характеристикой сознания и поведения большинства россиян – именно в соответствии с этой ориентацией, с этим своеобразным мерилом они оценивают, насколько, по их мнению, справедливо относятся к ним в производственной организации, насколько комфортно они устроены по месту жительства и что делают местные органы власти для благоустройства, как способствуют официальные и прежде всего государственные органы тому, чтобы в обществе все делалось «по справедливости». Эта ценность – социальная справедливость – как никакая другая имеет отзвук в душах миллионов людей [8].

И, наконец, есть ценности, которые касаются лично каждого человека. Социалистическая идеология провозглашала права личности, но мало что делала для того, чтобы их реализовать, сосредоточивая внимание в основном на глобальной цели – построении социалистического общества, коммунизма, где каждый получит по потребностям. И ориентировала на достижение этой цели в отдаленном будущем. Люди долгое время верили этому, но потом устали ждать. Ушло время, когда доминантой общественного сознания были интересы страны, государства. По данным социологических исследований, уже в 70-е годы были зафиксированы сдвиги в общественном сознании, которые выразились в том, что люди свою личную жизнь, свое устройство не хотели откладывать «на потом», что их не устраивали успехи всей страны – им хотелось личных успехов и вообще они хотели бы иметь постоянные доказательства изменений в позитивном направлении, а не выслушивать оправдания о непрекращающихся временных трудностях.

Поэтому вполне оправдано, что многие россияне стали ориентироваться на достижение личных целей. У молодежи это связывается с жизненным успехом, богатством, устроенностью частной жизни (данные ВЦИОМ). У людей среднего возраста - с профессиональной определенностью, с семейным достатком, устойчивостью своего настоящего и будущего и особенно детей. У старшего поколения – с обеспеченной старостью, с уважением окружающих, признанием их прошлого опыта. Если подытожить эти ценности и ориентации, то мы вправе говорить о стремлении людей добиться личного благополучия в самом широком смысле этого слова и достижение этого благополучия должно стать частью национальной идеи, идеологии, реализации которой государство должно способствовать всеми возможными средствами согласуя самые различные интересы и не позволяя личное благополучие одних строить за счет благополучия других

Следовательно, ориентация на преобладающие социальные ценности, социальные ожидания и предпочтения может выполнить роль объединительной идеи, позволяющей без особой политизации сконцентрировать усилия людей, общества и государства на их достижении. Такие цели являются кристаллизацией доминирующих предпочтений, против которых трудно выступать даже тем, кто по определенным причинам не разделяет их. Более того, соединение личного с групповым и общественным интересом способно обладать кумулятивным эффектом, когда усиливаются роль и значение каждого из элементов этой объединительной идеи. Иначе говоря, будучи концентрированным выражением социальных оценок и ориентации, национальная идея в реальности выразит гуманистические начала общественной позиции каждого человека как Личности, Гражданина, Россиянина, являясь базой для политической социализации личности.

Литература

1. Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С.267– 268.
2. См. подробнее: Тощенко Ж.Т. Эволюция идей политической социологии // СОЦИС. 1994. № 6; Он же. Политическая социология: состояние, проблемы, перспективы // СОЦИС. 1990. № 9 (в соавт.).
3. Волков Ю.Е. Социология политики как отрасль социологи ческой науки // СОЦИС. 1982. № 2. С.45.
4. Шестопал Е.Б. Личность и политика. М., 1988.
5. Тощенко Ж.Т. Идеология и жизнь. М., 1984.
6. См.: Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1997. № 1. С.50.
7. См.: Новый курс России: предпосылки и ориентиры. Социальная и социально-политическая ситуация. Год 1995-й. М., 1996.
8. См.: Хахулина Л.А., Стивенсон С.А. Неравенство и справедливость // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1997. № 2. С.40–44.

Темы для рефератов

1. Основные вехи эволюции идей политической социологии (в отечественной и зарубежной науке).
2. Роль семьи (школы, производственной организации) в политической социализации.
3. Политическая пропаганда: наука или манипулирование?
4. Политическая культура: сущность и содержание.
5. Особенности политической культуры различных социальных групп.
6. Специфика политической культуры в условиях функционирования рыночных отношений.
7. Национальная идея: поиск стабильности.

Вопросы и задания для повторения

1. Назовите ученых (зарубежных и отечественных), развивавших идеи политической идеологии. Их вклад в развитие данной отрасли знаний.
2. В чем сущность политической социализации?
3. Какие этапы политической социализации вы знаете?
4. Современная политическая культура и ее структура.
5. Каналы получения политической информации и формирования политической убежденности.
6. Формы политической активности.
7. Национальная идея и ее основные компоненты.

Глава 2 ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО

Сущностную основу политической жизни, как и всей политики, составляет вопрос о власти и об ее Использовании. Этот феномен исследуют многие науки – и политология, и история, и экономика, и психология. Социология же сосредоточивает свое внимание на политическом сознании и политической деятельности, которые отражают, во-первых, взаимодействие людей с государством, с официальными властными структурами; во-вторых, отношение населения к деятельности политических партий, учреждений и.организаций с одновременным анализом политического сознания и поведения их членов; в-третьих, оценку деятельности общественных и добровольных объединений и гражданских движений, частично выполняющих политические функции. И наконец, для социологии очень важно познание самого человека, социальных групп, их политических учений и информированности, ценностных установок и ориентации, настроений, а также политических позиций и форм их реализации в системе существующих общественных отношений.

Так как в трактовке социологии жизни автор исходит их примата реально складывающейся ситуации, анализ проблем политической жизни начинается с рассмотрения взаимоотношения человека с государством.

§ 1. ТИПЫ И ВИДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Политическая жизнь представляет особую форму реализации интересов государства, политических партий и объединений, классов, наций, социальных групп, добровольных организаций и даже отдельного человека по сознательному использованию власти, которая удовлетворяет их политические интересы. Политическая жизнь находит свое четкое выражение во властных отношениях, которые всегда направлены на защиту, закрепление и развитие достигнутых позиций, создание новых предпосылок для дальнейшего упрочения существующей власти.

Главным носителем властных отношений всегда является государство. Оно в лице конкретных органов в центре и на местах выступает (или должно выступать) основным субъектом властвования, который определяет главные направления развития политических и правовых отношений. От его способности рационально, своевременно и эффективно обеспечивать взаимодействие между различными экономическими,

социальными и культурными институтами, согласовывать интересы всех субъектов политической жизни зависит динамизм общественных процессов.

Но особую проблему представляет взаимодействие государства с человеком, а точнее говоря, человека с государством. В принципе это проблема обратной связи, ибо только ее наличие и постоянное совершенствование обеспечивают жизнеспособность политических структур. Исходя из этого, знание настроений, тенденций их изменения, форм взаимодействия и способов привлечения людей к решению общественных проблем и составляет суть социологической интерпретации взаимодействия человека с государством.

Для социологии большое значение имеет структурирование властных отношений, олицетворяемых государством.

Наиболее часто употребляемой классификацией, применяемой в социальных науках, является разделение форм осуществления власти: законодательной, исполнительной и судебной. Их деформация в немалой степени способствует произволу, огульному решению дел и на этой основе попранию прав и свобод человека. Реализация этих принципов организации власти как ничто другое способна создать предпосылки и условия для реального политического творчества людей. Именно с этих позиций подвергается критике структура построения советских органов власти, в которой исполнительные функции тесно переплетались с законодательными, представительными.

Социологические исследования трех ветвей власти показывают существенные различия между ними, так же как и оценку их деятельности населением. Например, в обыденном сознании (и в советское время, и в настоящий период) продолжает существовать убежденность, что главный человек в судебной системе – это прокурор. По данным анализа соответствующих документов, в середине 90-х годов число обращений (писем) граждан в прокуратуру в десятки раз превышало число таких же обращений в суд.

Одновременно вся судебная система оценивается по-прежнему очень низко или о ней не могут сказать ничего определенного огромное количество людей. Самыми заметными для большинства людей остаются органы исполнительной власти, а затем уже законодательной при почти полной неинформированности о деятельности власти судебной. Но при всем кажущемся парадоксе (ведь уже давно приняты соответствующие акты) оценка населением всех ветвей власти отражает реальное их положение, которое нельзя изменить никакими указами, декретами, постановлениями и другими официальными предписаниями.

Принцип разделения властей – законодательной, исполнительной, судебной, тесно связан с адресной ответственностью за исполнение соответствующих функций. И тут уж дело технологии – отвечает ли за исполнение тех или иных функций одно или несколько лиц, один или несколько институтов (известно, что в ряде стран и в разные эпохи исполнение, например, законодательных, исполнительных и судебных функций совмещалось). Важно и принципиально, чтобы всегда было юридически ясно: за какую функцию, в какой момент и кто может быть спрошен по всей строгости закона.

В этой связи следует остановиться на знаменитейшей римской юридической максиме: властвуй разделяя. Это положение трактовалось и сейчас трактуется в том смысле, что успешное управление предполагает насилие (т.е. «Правитель – разъединяй, стравливай подвластных»). На самом же деле имеется в виду совершенно противоположное: успешное управление основано на различении (« divide » – суд, различение) и только в

этом смысле разделении тех, кем управляешь (т.е. «Правитель – познай, согласовывай интересы подданных; познай, различи собственные властные способности и функции»).

Другим основанием для типологизации политической власти является известное положение М.Вебера о трех типах господства: традиционном, легитимном, харизматическом [1]. Такое деление скорее дает представление о характере власти, чем о ее сущности. Ведь харизма может проявиться и в демократическом, и в автократическом лидере, и в традиционном. На наш взгляд, при всей привлекательности такой постановки вопроса данный подход очень трудно использовать в конкретном социологическом исследовании. Он характеризует скорее некоторый логический вывод, является предметом абстрагирования от существующей практики. Это тем более показательно, что в реальной жизни в чистом виде невозможно найти данные типы господства: они обычно одно-» временно представлены практически во всех политических режимах. Весь вопрос состоит в степени, уровне их воплощения в конкретном анализируемом типе политической власти. Вот почему при характеристике российского государства в зависимости от политических позиций аналитика находят и черты традиционализма, что отражается в следовании принципам функционирования советской системы, и черты легитимности, проявляющиеся в формировании правового государства, и феномен харизмы, который нашел воплощение в деятельности первого президента России.

Еще один подход к типологизации политической власти проявляется в рассмотрении выполнения властных полномочий на взаимодействующих уровнях: федеральном, региональном и местном. Эти органы власти в зависимости от ситуации по-разному оцениваются населением. Интересно отметить, что, когда начиналась перестройка, люди с большой симпатией относились к деятельности центральных органов власти и фактически отказывали в доверии представителям местных государственных учреждений. В середине 90-х годов исследования показали прямо противоположную установку: сравнительно высока оценка деятельности местных органов власти при очень критической настроенности к президенту, правительству, Государственной Думе, уровень полного доверия к которым не превышал 4-10,9% в 1994–1996 годах [2].

Анализ социологической информации показывает, что между макро-, мезо- и микроуровнями сложилось определенное противостояние, которое связано с перераспределением властных полномочий, ответственностью за рациональную организацию производственной, общественной и личной жизни граждан, с возможностью финансового обеспечения жилищных и социальных программ и мероприятий.

Кроме того, в научной литературе существуют различные попытки классифицировать формы и типы власти: 1) институциональные и неинституциональные; 2) по функциям; 3) по объему прерогатив; 4) по методам и т.д. [3].

Нам хотелось бы обратить внимание еще на одно деление, которое можно осуществить, анализируя структуру и деятельность правящего субъекта. Эта типология основана на оценке характера и качества власти, на степени соучастия населения в ее осуществлении, на полноте представительства интересов самых различных социальных групп.

Исходя из этого, можно назвать следующие типы власти.

Демократия, которая функционирует в рамках гражданского общества и правового государства и олицетворяет собой универсальные процедуры, связанные: 1) с избранием законодательных органов народом; 2) со всеобщим избирательным правом; 3) со свободным волеизъявлением; 4) с правом большинства ограничивать (но не отменять)

права меньшинства; 5) с доверием народа органам власти; 6) с нахождением государства под общественным контролем и т.д. (В данной интерпретации мы применяли современное объяснение демократии в отличие от Аристотеля, который характеризовал демократию как стихийную форму реализации власти.)

Искажение этих и других современных принципов осуществления демократии может привести к ее отторжению большинством населения, как это произошло в России после взлета надежд в 1991–1992 годах на демократические преобразования. По данным ВЦИОМ, к концу 1996 года за демократию ратовало всего 6,2% опрошенных, в то время как за порядок – 81,1%, что можно расценивать как формирование благоприятной (или щадящей) ситуации к возможному установлению жесткой политической власти [4].

В условиях демократии существенным образом меняется доступ ко всем видам информации, в результате чего многие группы населения иначе ведут себя, открыто высказывают свое отношение к конкретным политическим процессам.

Олигархия олицетворяет власть немногих лиц или групп в государстве, резко ограничивая права и полномочия других субъектов, желающих участвовать в политической жизни и добивающихся прихода к власти. Олигархия обычно не допускает своей смены даже на основе одобренных законодательством процедур, отвергает всякие попытки ограничить ее власть. Поэтому перераспределение власти может произойти только внутри этой группы, для чего используются «дворцовые» перевороты, разного рода тайные соглашения. Олигархия готова скорее перейти к таким формам, как тоталитаризм, чем демократия, чтобы сохранить возможность продолжения политического господства.

Данный тип власти характерен для многих государств, в том числе и России, как в царские времена, так и в советское время. Речь может идти лишь о разных аспектах этой олигархической власти, а не о ее наличии или отсутствии. Это еще более применимо к политической жизни современной России, где борьба олигархических групп составляет сущность происходящих политических изменений.

Все большее распространение получает такой тип власти, как этнократия, хотя она обычно выступает в закамуфлированной форме. Ее проявления – этноограниченность, этноэгоизм и этнофобизм – реально существуют в ряде государств мира, в том числе в том или ином виде в странах СНГ. Опасность такой формы власти проявляется не столько в том, что все ключевые позиции в политике и экономике сосредоточиваются в руках лиц одной национальности, сколько в том, что возрастает напряженность между народами, что ведет к скрытой или открытой конфронтации, повышению миграции, росту недоверия на этнической почве и серьезному, а иногда и резкому ухудшению ситуации в регионе.

Продолжает существовать возможность и теократических форм власти, когда власть сосредоточена в руках религиозной верхушки или у политических лидеров, руководствующихся религиозными постулатами. Теократические государства существовали в древнее время (например, Иудея в V – I вв. до н.э.), в средневековье (Священная Римская империя, халифаты Омейядов и Аббасидов), в Новое время (Парагвай – XVII в.). В современный период существует Иран во главе с шиитским духовенством, делаются попытки создать теократические государства в Алжире и Чечне. Установление теократических режимов сопровождается усилением религиозной регламентации всех сторон общественной и личной жизни, что выражается в придании религиозным праздникам статуса государственных, осуществлении судопроизводства на основе требований религии, участии служителей религиозных культов в политической борьбе.

Получает распространение и такая форма власти, как технократия, когда осуществление функций государства происходит с позиций производства, экономики, без должного учета политических и социальных требований. Один из просчетов идеологов перестройки и сменивших их неолибералов состоял в том, что во все звенья государственной и общественно-политической власти пришли специалисты народного хозяйства, которые, зная многое по вопросам организации производства, как правило, не умели руководствоваться потребностями общественного развития, плохо знали человеческую психологию, выполняли свои функции в силу долга, а иногда и карьеризма в силу данного поручения, а не личного понимания значения политической работы.

Технократы достаточно последовательно проводили в жизнь свою убежденность в том, что институты и органы управления, занимающиеся хозяйственными делами, не должны участвовать в политической работе и оказывать на нее влияние. Они игнорировали тот факт, что любая форма власти так или иначе связана с воздействием на сознание человека, подчинением его определенному порядку и стремлением добиться конкретного результата. Они не понимали, что эти функции не будут полностью или частично реализованы, если не будет учтено отношение людей к различным акциям в сфере политики.

Стоит сказать и о такой форме (типе) власти, как охлократия, которая апеллирует к популистским настроениям в наиболее примитивных и вместе с тем массовидных их проявлениях. Этот тип власти отличается изменчивостью политического курса, упрощенчеством при решении сложных общественных проблем, постоянным обращениям к люмпенизированным слоям населения, прибегает к провокациям для возбуждения массовых страстей. История свидетельствует, что чем больше и чем дольше власти злоупотребляют этими методами, тем печальнее и зловещее завершают свой путь политические лидеры, обращавшиеся за содействием и поддержкой к этим слоям общества.

В условиях охлократических режимов высок уровень иждивенческих настроений, когда усилия нередко сводятся к критике всех без исключения политических институтов, но далеко не всегда это сопровождается созидательной работой самого человека.

В заключение стоит напомнить об одном принципиальном положении, которое многократно проверено логикой общественного развития: отсутствие оппозиции пагубно влияет на всю политическую систему. Когда нет оппонентов, когда все политические решения принимаются из одного центра, не может не прийти успокоение, своеобразное «ожирение» властных структур. Вера в непогрешимость «единого центра», практика его безапелляционного диктата разрушают все поиски на политическом поприще, загоняют вглубь болезни и пороки и постепенно создают предпосылки для конфликта большой разрушительной силы. Именно так случилось с КПСС, когда, сосредоточив власть в своих руках, ответственность за развитие всего и вся, она сама обрекла себя на поражение, как и систему, которую она олицетворяла.

Говоря о содержании и сущности властных отношений, следует напомнить, что это в значительной степени проблема управления, качественного улучшения взаимосвязи теории и практики, органического соединения слова и дела. Решение задач научного управления всегда было связано с поиском новых, более эффективных форм и методов планомерного воздействия на общественную жизнь. Это в полной мере относится и к любой сфере общественной жизни, что особенно наглядно проявляется в стиле деятельности как государства, так и общественных организаций.

§ 2. ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВА

Государство всегда оценивается людьми с позиций того, насколько оно соответствует или не соответствует их представлениям о справедливом общественном строе. В одном случае они готовы поддерживать его, в другом – пассивно реагировать на его действия, в третьем – противостоять ему. Это отношение зависит от того, создает ли государство условия, благоприятные для человеческого существования, строит ли оно систему взаимоотношений на уважении к правам человека, учитывает ли мнения людей и их желание соучаствовать в управлении.

Существовавшая в течение более 70 лет советская форма государственности подвергнута критике. Но критике в основном с позиций концептуальных, теоретических и отчасти политических. Сложнее дело обстоит с общественным сознанием, когда люди на уровне практического сознания и реального поведения склонны как к позитивным, так и к негативным оценкам.

Весь парадокс органов советской власти состоял в том, что согласно Конституции СССР они обладали достаточно широкими правами, проявлявшимися в коллективном обсуждении и решении вопросов; регулярной отчетности и ответственности депутатов вплоть до досрочного отзыва тех, кто не оправдывал доверие избирателей; контроле за работой исполнительных и других органов; привлечении граждан к участию в управлении. Чтобы эти принципы могли быть реализованы, нужно было анализировать политическое сознание людей, знать их отношение к политике государства. С другой стороны, развитие властных отношений, государственности, работа Советов народных депутатов была полна бюрократизма, канцелярщины, бумаготворчества, что, как следствие, привело к отстранению населения от действенного участия в решении общественных проблем. Анализ социологических данных о работе Советов показал, что их деятельность вызывала немало нареканий людей; Советам не хватало деловитости и инициативы, реального решения как долговременных, так и краткосрочных проблем. Нагляден пример с полномочиями сельских Советов, которые ничего не решали, ибо все реальные рычаги власти находились в руках местных хозяйственных руководителей.

Когда в прежнем виде СССР перестал существовать, остро встал вопрос о новых началах в государственном строительстве, о переосмыслении принципов федерализма, о реакции населения на эти преобразования и, что особенно стало значимым, об учете национальной идеи в осуществляемых изменениях.

Социологические исследования констатируют, что в деятельности органов государственной власти имеются огромные резервы по повышению их эффективности и действенности. Если в решении хозяйственных, производственных вопросов властные структуры стали проявлять определенную инициативу, то этого нельзя сказать, когда речь идет о быте, отдыхе, досуге населения, а также о неотложных нуждах развития социальной инфраструктуры: торговли, общественного питания, общественного транспорта, охраны природы.

Напрашивается вывод, что только повышение реального их влияния на повседневную и трудовую жизнь людей способно изменить сложившиеся представления об их работе [5].

Государственная власть не выступает в виде некоей аморфной массы – она распределена между различными политическими институтами и организациями. Но эффективность

существующего ее распределения очень спорна. С этим связан поиск каналов усиления исполнительной власти посредством институтов президентов, губернаторов, мэров, префектов, вводимых во многих регионах Российской Федерации.

Участие людей в подготовке и принятии государственных актов осуществляется в форме непосредственной или представительной демократии.

Одна из форм непосредственного участия – референдум (в масштабе всей страны, отдельной республики, области, края, города и т.д.). Под референдумом понимается прямое волеизъявление народа с целью выявления степени поддержки принципиальных изменений, затрагивающих коренные вопросы жизни общества и государства (или их отдельных частей).

И хотя участие людей в референдумах характеризует степень их политической или гражданской активности'(процент желающих принять участие, количество принявших участие, распределение голосов в поддержку той или иной позиции), однако референдумы таят в себе много спорных позиций.

Так, вопрос, который ставится на референдум, должен предполагать, как правило, ответы «да» или «нет». Но сами вопросы должны быть сформулированы предельно четко и ясно. В свое время практика референдума за сохранение СССР в марте 1991 года опиралась на многозначность вопроса, который содержался в нем (в нем по меньшей мере содержались четыре подпозиции). Но население не обращало внимания на такие нюансы – оно отвечало на коренной вопрос: «да» или «нет». И то, что 71% участвующих в голосовании сказали «да», а через 8 месяцев политики сказали «нет», лишний раз показывает цену референдумов.

Очень сомнительно, когда на референдум выносятся большие документы, как, например, Конституция России в декабре 1993 года. Целесообразность такого решения вызывает сомнение хотя бы потому, что большинство людей не читали этот документ, а если кто и пытался это сделать, вряд ли без глубоких познаний мог разобраться в глубинных проблемах государственного строительства. В результате происходило голосование не по документу, а по политическим симпатиям, по поддержке тех сил, которые стояли за этим документом.

Вместе с тем институт референдумов при всех его недостатках очень важен. Особенно когда требуется широкое общественное обсуждение готовящихся решений на местном уровне. Надо, например, чтобы население чаще обсуждало проекты застройки городов и поселков, вопросы транспортного, бытового, медицинского, культурного обслуживания и т.д.

Важной формой участия населения в управлении государственными делами является реализация всеобщего избирательного права при тайном голосовании по выборам высшей законодательной и представительной власти. В социологии есть такое выражение – «электоральное поведение». Оно отражает суть понимания людьми реальной политической ситуации, дифференциацию его по политическим симпатиям и ориентациям и соответствующее поведение во время акта голосования.

По сути, этот феномен начал оформляться на последних выборах в Верховный Совет СССР в 1989 году и наиболее ярко проявил себя в период выборов в Государственную Думу в 1993 и 1995 годах, а также на президентских выборах 1996 года.

Участие населения в выборах, особенно когда на самом деле, в реальности осуществляется выбор, показывает как преимущества, так и уязвимые места процесса реализации права избирать. Как показала практика, значительное число людей могли реализовать свое право на выбор, особенно когда это касалось партийных списков, когда доверие оказывалось не конкретному лицу, а определенной политической силе. Так, по данным социологических исследований, политические симпатии осенью 1995 года распределялись следующим образом: 30–35% избирателей ориентировались на социалистические (коммунистические) идеи, 20–25% – на различные варианты либерально-демократических ценностей, 16–18% – на национально-патриотические идеалы. Остальные участники или до последнего дня не имели точной ориентации, или пассивно относились ко всей этой процедуре, или поддерживали влиятельные, но незначительные силы религиозных, монархических и даже фашистских объединений.

Вместе с тем процесс голосования (особенно в период президентских выборов) выявил огромное влияние средств массовой информации, особенно телевидения, на политическое сознание людей, активное их участие в манипулировании общественным сознанием, в создании имиджа участвующих в выборах политиков.

Эта система выявила и огромную роль финансовой поддержки, которая способствовала избранию в депутаты людей с сомнительным прошлым, с шаткими убеждениями, но большими амбициями. Этим изъянам способствовала и мажоритарная система голосования, которая более, чем другая, создает преимущества для тех, кто у власти, или тех, кто обладает огромными финансовыми ресурсами, брошенными на пропагандистское сопровождение избирательной кампании.

При анализе процесса участия населения в управлении государством следует исходить из того, что оно реализуется и в форме опосредованной демократии, в деятельности представителей народа – депутатов – на различных уровнях государственной власти. В этой связи представляет интерес вопрос: а не прекращается ли взаимосвязь между избирателями и их избранником после акта голосования и его утверждения в соответствующем органе? Вероятно, это скорее правило, чем исключение, тем более, что значительное число избирателей, как показывают данные ВЦИОМ, уже через несколько месяцев не помнят, за кого они голосовали или кто из депутатов представляет их интересы в федеральных, региональных и даже местных органах власти.

Косвенной формой участия в управлении являются формы политического протеста, которые мы рассмотрим, когда будем анализировать деятельность политических партий и общественных организаций.

В заключение следует отметить еще одно положение: развитие эффективного взаимодействия людей и государства невозможно обеспечить без уточнения места и роли аппарата управления, который оказался серьезно зараженным вирусами бюрократизма и технократизма.

Реальность такова, что именно аппарат фактически командовал (и командует) всеми выборными органами, превратившись в институт, монополизировавший не только исполнительные, но и законодательные (или производные) функции. Осуществление многих прогрессивных изменений может или ускоряться, или сдерживаться группой лиц, представляющих собой исполнительную власть. Речь идет о том, что лишение аппарата чрезмерной власти благотворно влияет на развитие всех без исключения творческих потенций человека, в том числе и тех из них, которые касаются участия в управлении и самоуправлении.

Ликвидация ряда министерств и ведомств привела к созданию акционерных обществ, концернов, ассоциаций. Аппарат этих организаций не навязывает другим звеньям свои представления о путях решения тех или иных проблем, а выполняет коллективную (групповую) волю. Иначе говоря, противоречие, выражаемое крылатой фразой «Зачем министр парикмахеру», может быть разрешено в процессе перераспределения власти в российском обществе.

§ 3. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Самоуправление развивается не отдельно от государства и общества, а путем углубления демократических основ организации его деятельности, усиления взаимодействия официальных и общественных учреждений, все более активного вовлечения людей в непосредственное участие в решении перспективных и текущих проблем развития [6].

Однако опыт развития государственной власти в нашей стране показывает как произошла колоссальная интеграция и бюрократизация власти. Это отразилось не только в бесправии власти многих органов государственного управления, но и в принижении, подавлении ростков инициативы, попыток реализации самоуправления. Когда эти ростки появлялись, они иногда поддерживались, но это было скорее исключением из правил, чем нормой. Это подтверждает и такое широко известное явление: обычно лучшие показатели в работе связаны с деятельностью конкретного руководителя. И стоило ему уйти с данного поста, как очень часто организация теряла темпы, ее начинало лихорадить или она просто хирела. Иначе говоря, не было действенного механизма реа лизации власти, а личные качества руководителя страховали организацию только на определенный промежуток времени.

Взаимодействие людей и государства на местном уровне требует особого внимания. Именно организация местного самоуправления отвечает на вопросы: где, на каком уровне социальной организации общества происходит согласование интересов большинства людей (населения) и власти, которая претендует на управление этими людьми.

Наиболее действенно и эффективно эти встречные процессы согласования стремлений, целей, настроений осуществляются на локальном уровне. Ведь большинству людей нет дела до того, что происходит в вершинах власти – на федеральном или региональном уровне, – они в лучшем случае имеют субъективное, отвлеченное мнение, но в то же время претендуют на знание того, что происходит там, где они работают и живут, и в каком конкретном обличьи предстают перед ними общегосударственные законы и нормативные акты.

Не менее значим и тот факт, что местное самоуправление и участие населения в нем воспитывают у них самостоятельность, развивают инициативу, изживают психологию ожидания подачек и милостей сверху, от правительства или иных властных органов.

Очень важно и то, что общественная жизнь при местном самоуправлении равномернее распределяется по всем уровням социальной организации общества, а не стягивается искусственно к центру. Следует подчеркнуть и аспект воспитания людей: наряду с частными интересами у гражданина появляются общественные, у него формируется готовность содействовать им всеми силами как собственному делу, ибо местное самоуправление дает гражданам ближайшее практическое знакомство с тем, как управлять общественными делами. И, наконец, местное самоуправление является

серьезной школой для политических и общественных деятелей, в которой они апробируют свои силы, знакомятся с социальными вопросами не только теоретически, но и на базе общественной практики.

Становление местного самоуправления как органа, выражающего интересы населения, происходит трудно и противоречиво. Во-первых, на федеральном и региональном уровнях власти отсутствует полное понимание и осознание идеи местного самоуправления.

Большинство руководителей не видят его нового качества (сфер деятельности, прав и ответственности) и рассматривают данную проблему с точки зрения своих личных интересов, симпатий и антипатий.

Во-вторых, в реальности местное самоуправление, по сути дела, таковым не является, ибо этим термином условно обозначается реально существующая власть на местах, которая старается решать местные проблемы всеми возможными и доступными для нее средствами.

Властные органы в городах и районах фактически являются низовым звеном государственной власти и находятся в полной зависимости от вышестоящих органов власти, а не от населения, которое в условиях традиционного самоуправления во многом определяет стратегию и тактику действий выбранных им органов и лиц. Существующая структура власти на местах в лучшем случае олицетворяет намерение превратиться в местное самоуправление, а также отражает ту реальную ситуацию, которая складывается на этом уровне социальной организации общества.

В-третьих, органы управления вообще, а местные органы в особенности, испытывают острейший дефицит информации. Однако в стремлении к достоверной информации ими явно или неявно игнорируется мнение населения о его насущных нуждах, его видение необходимых перемен, его предложения по решению тех или иных конкретных вопросов.

Но самое главное (и это отражают данные социологических исследований) – современная ситуация полностью игнорирует тот факт, что местное самоуправление – это та база, тот фундамент, без укрепления которого грозит рухнуть вся пирамида государственной власти. Местное самоуправление выступает основой того, как нужно и как можно соединить высшие интересы государства с повседневными заботами, тревогами и устремлениями людей.

Анализ данных всероссийского социологического исследования в конце 1995 – начале 1996 года, охватившего 24 республики, края и области России, 76 городов и районов и 1069 экспертов, показал, что участие населения в принятии политических решений и их реализации является достаточно актуальной проблемой, которая ведет отсчет с тех пор, как голосование становилось нормой общественной жизни. Однако значение и роль как голосования, так и других форм участия людей в управлении по-разному оценивались на различных этапах развития нашей страны, и в первую очередь теми, кто был активно вовлечен в происходящие политические процессы. По убеждению 57,6% экспертов, современные политические процессы и экономические реалии привели к тому, что, несмотря ни на какие заверения о продвижении к свободе и демократии, участие людей в решении местных проблем ослаблено.

Но в то же время эксперты полагают, что современная ситуация предоставляет разнообразные методы усиления влияния людей на поведение властей. Среди них особенно влиятельными являются голосование, референдум (мнение 58,2%) и средства

массовой информации (41,9%). В то же время они низко оценили возможности общественных организаций и политических партий (мнение 14,8%), профсоюзов (15,5%). Низка в конечном счете и степень влияния таких средств, как митинги, публичные дискуссии, – об их эффективности заявили только 17,5% экспертов. Анализ полученной информации показывает, что все же преобладают самые очевидные, самые общие и далеко не самые действенные формы участия людей в управлении. В том, что названные меры в известной степени можно назвать исходными, первоначальными в подготовке к участию в управлении, вряд ли приходится сомневаться. Можно по-разному оценивать факт, что средства массовой информации признаются важными формами участия людей в решении местных проблем. Это в известной степени демонстрирует, с одной стороны, признание роли СМИ, с другой – слабое понимание того, что журналисты активно участвуют в манипулировании общественным сознанием, во все большей мере отражают интересы отдельных социальных групп, отдельных личностей, а порой и просто личные вкусы и. предпочтения.

Вместе с тем эксперты как представители политической и общественной власти понимают, что процесс участия в управлении не должен ограничиваться только данными формами, не должен отсекать население от решения сложных и трудных вопросов регионального развития. В процессе исследования выяснилось, насколько согласны эксперты с утверждением: «Сложность проблем современной жизни требует, чтобы только самые простые вопросы подлежали обсуждению населением». Заданное ограничение высказались 15,5% опрошенных и 30,5% это мнение поддержали частично. Сознание экспертов, как и общественное сознание, расколото; почти половина из них все же склонны поддерживать серьезные ограничения по участию населения в решении местных проблем, превращая людей в статистов или в значительной степени в символических участников в игре под названием «местная власть».

Желание (или стремление) экспертов не в полной мере доверять населению проявляется и в том, что 23% из них полностью, 49,1% скорее согласны, чем не согласны, с утверждением, что «участие людей в принятии решений необязательно, если они принимаются коллективом доверенных и компетентных лиц».

Парадоксальность ситуации состоит в том, что эти люди, выражая в той или иной степени сомнение в необходимости реального участия людей в управлении, в то же время выступают за расширение их личных прав и свобод, за более тесную связь с руководителями районов и городов. Так, например, 58,6% экспертов безоговорочно и 33,1% частично поддерживали право каждой личности или организации подавать в суд на власть, на неправомерность ее действий. Это отражает противоречивость позиций экспертов, одновременно придерживающихся по разным, но близким вопросам противостоящих друг другу взглядов.

В этом противоречии в оценке роли общественности нет ничего неожиданного. И ранее в социологических исследованиях фиксировался высокий уровень готовности руководителей советоваться с людьми, учитывать их мнения и пожелания. Но когда дело касалось реального участия людей в принятии решений, то эта планка резко снижалась. Так и в этом случае – эксперты теоретически поддерживают идею участия населения в управлении при самой общей постановке вопроса и значительно снижают уровень готовности, когда речь заходит о принятии конкретных решений или реализации конкретных планов. Так, с утверждением «Руководитель обязан поступать в соответствии с пожеланиями населения, даже если он не согласен с ними» согласились только 20% опрошенных и 23% его отвергли.

Как на федеральном, так и на региональном уровне используется один стиль руководства: «стой здесь, иди сюда», который распространяется и на органы местного самоуправления.

Анализ социологической информации показывает, что участие населения в управлении, в решении социальных общественных проблем минимально, как и степень осознания ими роли и значимости тех или иных проблем. Но важно не только то, что думают по этому поводу руководители местных органов власти (не говоря об управляющих более высокого уровня) и население. Важнее скорее то, собираются ли они взаимодействовать, обращаться друг к другу, совместно обсуждать, а далее решать волнующие их проблемы. В связи с этим представляет интерес мнение о взаимодействии руководителей и населения. Эксперты (86,5%) считают, что местные лидеры должны всегда открыто информировать не только об успехах, но и неудачах своей деятельности. Такая открытость – один из лучших способов установить взаимопонимание между населением и людьми, на которых возложены обязанности руководства.

Но руководители не всегда и не во всем искренни перед народом. Об этом свидетельствует убежденность 62% экспертов в том, что руководитель не должен обнародовать негативные факты, чтобы избежать недоразумений. Однако жизнь показывает, что сокрытие истины, а потом придание ей гласности, причем нередко под вынужденным давлением, делает политическую жизнь в центре и на местах малопредсказуемой, чреватой всякими непредвиденными ситуациями и столкновениями интересов. В этих условиях идет ожесточенная борьба против того, чтобы местное самоуправление заняло влиятельное место в решении насущных социальных проблем, было эффективно защищено в правовом отношении и имело бы крепкую материальную базу. Именно на этом уровне возможна реализация тезиса К.Маркса о народе, не знающем над собой иной власти, кроме власти собственного объединения. В сущности, это и есть воплощение реального демократизма политической системы.

Литература

1. См.: Вебер М. Избр. произв. М., 1990.
2. Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 1. С.51.
3. См.: Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С.44-45.
4. Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 1. С.52.
5. См.: Игнатов В.Г. и др. Государственный служащий современной России: социально-политический анализ деятельности и ценностных ориентации. Ростов-на-Дону, 1997.
6. Многие из этих идей были сформулированы А.В.Васильчиковым, В.И.Лешковьш, А.Д.Градовским, Н.М.Коркуновым, Л.А.Велиховым, Б.Б.Веселовским и другими теоретиками и практиками земского движения, значимость которых важна и до сих пор.

Темы для рефератов

1. Дайте характеристику таких типов власти, как демократия, олигархия, этнократия, охлократия, теократия, технократия.
2. Уровни политической власти и соотношение между ними.
3. Референдум как форма взаимодействия человека и государства.
4. Электоральное поведение: сущность и современные проблемы.
5. Проблемы выборности руководителей.
6. Сравнительный анализ реальных типов самоуправления.
7. Оппозиция в системе власти.

Вопросы и задания для повторения

1. Формы государственной власти.
2. Типы государственной власти.
3. Формы взаимодействия населения с государством.
4. Основные требования к организации и проведению референдумов.
5. Что такое электоральное поведение?
6. Что такое местное самоуправление?

Глава 3 СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Властные отношения всегда связаны с принятием правовых актов, процессом их разработки и реализации. Для государства и до сих пор жизненно важным остается пожелание французского поэта Пьера Ронсара (1524–1585), знаменитого основателя литературной школы периода Ренессанса:

Законы новые
пуская в оборот,

Подумайте сперва,
чтобы потом народ

Не вздумал действовать
наперекор декретам.

Ребячества нельзя
позволить в деле этом...

Область права – это огромная сфера теоретического знания и практического действия, которая охватывает совокупность общеобязательных правил поведения (норм), установленных или санкционированных государством. С помощью права регламентируются поведение людей, коллективов, взаимоотношения личности и государства, положение граждан, а также осуществляются меры борьбы с посягательствами на государственный строй и существующие права и свободы. По сути дела, право – это та же сфера политических отношений, участники которых выступают как носители конституционных прав и обязанностей.

Однако социологию интересует та специфическая часть сознания и поведения, которая характеризует отношение людей к нормам права и его институтам, их правовая информированность и формы содействия осуществлению конституционных и других нормативных требований и предписаний. Особый интерес для социологии представляют сознание и поведение самих носителей права, его разработчиков и исполнителей во всех разнообразных формах их деятельности.

Имеется много определений права. Напомним некоторые из них. Гегель исходил из того, что государство – это «земной бог», и поэтому при оценке правовых действий государства необходимо исходить из непререкаемого авторитета государства. От французских просветителей идет традиция естественного права, основанного на гармонии взаимоотношений с природой и окружающим миром. Известный русский юрист и социолог П.И.Новгородцев утверждал, что право базируется на достижении гармонии личности и государства, основанной на принципе индивидуализма – через идею свободы

и через идею равенства, через реализацию требований суверенитета народа и суверенитета личности. Подобные мысли в дальнейшем развил ученик Новгородцева И.Ильин, выдвинув идею об аксиомах правосознания, о праве, основанном на духовном достоинстве и уважении разнообразия.

Право – не только средство подавления, но и средство согласования интересов. «Когда отвергают право в самой идее, называя его насилием, то имеют в виду право как порождение силы и произвола и забывают право как выражение справедливости и свободы – то право, которое издавна вдохновляло на подвиг и на борьбу и которое всегда почиталось священным достоянием лиц», – писал П.И.Новгородцев в статье «Идея права в философии Вл.С.Соловьева». И только в рамках правового государства возможны достижение социальной справедливости, учет устремлений различных социальных групп и их социального настроения для достижения рациональных взаимоотношений между человеком и государством.

Анализируя проблемы социологии права, следует обратить внимание на то, что социологию интересует не сам процесс выработки, апробации и утверждения норм права, а процесс усвоения их людьми, понимание, принятие или неприятие их, стремление следовать или противостоять им, руководствоваться ими или избегать их при решении жизненных проблем.

Социология ориентирует на изучение социальных функций права, последствий, связанных с принятием и введением в общественную жизнь правовых акций [1].

§ 1. ПРАВОВАЯ ИНФОРМИРОВАННОСТЬ

Будучи составным элементом общественного сознания, правовое сознание, с одной стороны, подчиняется общим закономерностям развития, с другой – обладает специфическими особенностями, которые серьезно влияют на его роль и место в общественной жизни.

Если говорить об общих закономерностях, то правовое сознание является, во-первых, продуктом отражения общественного бытия людей. Во-вторых, на содержание правосознания определяющее воздействие оказывают экономическая и политическая жизнь общества, экономические и политические отношения. В правовом сознании фиксируются уже сложившиеся формы функционирования политики, хотя это происходит не всегда и не во всем адекватно реальному состоянию и тенденциям развития социально-экономических и политических отношений.

Что касается специфических особенностей правового сознания, то в основе своей они имеют правоотношения, механизм правового регулирования (включающий нормы права, правовые учреждения и их деятельность), поступки людей в сфере права, а также правовые явления, возникающие в связи с действием правовых норм [2].

Содержание и характер правового сознания всегда определяются интересами классов. Никогда в истории правосознание не выступало в какой-то своей части единым для всего общества. Уровень его зрелости продолжает существенно дифференцироваться среди различных социальных групп в зависимости от того, в каких объективных и субъективных условиях они функционируют. При этом надо заметить, что наряду с преобладающими элементами одобренного обществом правового сознания будут возникать отдельные проявления деформированного сознания.

Для правового сознания характерна его близость к политическому сознанию. Наличие тесных связей между ними указывает не только на их взаимодополняемость, но до известных пределов и на взаимозаменяемость. Так, социологические исследования нередко регистрируют факт, что при неразвитости одной из форм возможно ее частичное замещение другой: например, политических знаний – правовыми или, как чаще всего случается, правовых – политическими. Такое положение обусловлено тем, что и политическое, и правовое сознание направлено на удовлетворение весьма схожих по своей сути общественных интересов.

Правовое сознание, равно как и другие формы общественного сознания, существует прежде всего в форме знания. Анализ данных социологических исследований подтверждает, что люди стремятся получить правовую информацию, но обладают ею в незначительном объеме. Потребность в ней особенно возросла в связи с обсуждением проблем правового государства, с пересмотром старых и созданием новых законодательных актов, с тем правовым беспорядком, с которым столкнулись люди в середине 90-х годов.

Особо следует сказать об источниках правовой информации. По сравнению с 70-ми годами их роль фактически не изменилась: телевидение, газеты, радио занимают первые места в обеспечении населения интересующими их сведениями. Вместе с тем относительно возросла роль телевидения. Но изменился характер самой информации: из констатирующей она стала проблемной, поисковой, дискуссионной.

Вместе с тем нужно отметить, что при всей важности этих источников информации сведения, полученные из них, нельзя считать правовым обучением, ибо они, анализируя конкретные - ситуации, выполняют скорее функцию правовой информированности или пропаганды, чем систематического образования. Но их значение трудно переоценить, так как приобретение правовых знаний в системе народного образования (в школе, училище, техникуме, вузе), на курсах повышения квалификации и т.д. происходит стихийно и еще не вышло из стадии многочисленных поисков более совершенных методов.

Другие источники правовой информации занимают не столь значительное место. Так, лекции как источник правосознания назвал в различных регионах страны примерно каждый десятый опрошенный (1985). Десять лет спустя этот показатель практически исчез.

Ранее в пропаганде правовых знаний активное участие принимали работники суда, прокуратуры, милиции, адвокатуры. Они много усилий прилагали для того, чтобы правовая информация стала достоянием населения. С начала 90-х годов эта деятельность начала свертываться и практически прекратила свое существование или превратилась в форму платных услуг за консультирование людей при решении конкретных проблем.

Рассматривая источники правовых знаний, следует сказать и о таком канале, как периодические издания. Хотя они и содержат наиболее точные, надежные сведения, все же ими пользуется сравнительно узкий круг. К сожалению, популярность массовых изданий, в том числе и по проблемам права, оставляет желать лучшего. Их попытки дать знания в области юриспруденции после некоторого роста в середине 80-х годов стали меркнуть. Однако это не означает отсутствие интереса населения к правовым знаниям: начал подниматься интерес к правовым разделам труда, собственности, социальной защиты, к жизни общества в целом.

Отказ от старых форм распространения правовых знаний при всей их методической незавершенности и отрыве от реальной жизни еще не привел к появлению новых средств правовой пропаганды. В целом правовая информированность стала более низкой, что усугубляется неразберихой в существующих и вновь формируемых нормах права.

Аналогичная картина с правовой информацией в школе, техникуме, вузе. Лишь единицы опрошенных во всех исследованиях 70-х и 80-х годов утверждали, что получали правовые знания во время их обучения. Очевидно, что такое положение рождает правовую неграмотность молодых людей, оканчивающих школу, становящихся специалистами после, техникума или вуза. Именно правовая неграмотность сплошь и рядом приводила к вольным и невольным нарушениям законодательства. Не изменилась ситуация с правовой информированностью и в 90-х годах. Показателем этого является тот факт, что еще многие решения, особенно в области трудового законодательства, отменяются судами как принятые с нарушением законов.

В распространении правовых знаний весьма значительна роль неформальных источников информации как по удельному весу, так и по своему содержанию. Как показывают данные конца 80-х – начала 90-х годов, среди источников правовой информации опрошенные называли: каждый десятый – беседы с товарищами, друзьями; около 20% – личные наблюдения, 7–10% – беседы в семье.

Но качество получаемых таким образом знаний не может быть признано во всех случаях удовлетворительным: оно нередко несет печать неполной информации, что, конечно, не способствует выработке правильного правового сознания. Функционируют и искаженные правовые сведения, которые порождены не столько самим процессом распространения знаний, сколько произвольным толкованием правоприменительной и правоохранительной практики. Вот почему для правовых знаний особенно актуальны гласность всей юридической практики, разъяснение населению того, как незнание или слабая информированность могут привести к неточным, а иногда и неправильным действиям.

При этом речь идет не о том, чтобы средства массовой информации, обеспечивая гласность, оказывали давление на юридические органы, особенно в процессе следствия. Наоборот, уже процесс принятия решений должен стать предлогом для обстоятельного и доверительного разговора об истинности и научности правовых знаний и способах их применения в повседневной жизни людей.

Анализируя процесс распространения правовых знаний, хотелось бы указать на один из его парадоксов. Как показывают специальные исследования, уровень правовой осведомленности среди правонарушителей оказывается достаточно высоким и очень часто превышающим уровень знаний правопослушных граждан. Помимо того, что данное обстоятельство объясняется специфическим положением правонарушителя, оно указывает на очень важную проблему, а именно: правовые знания сами по себе еще не служат гарантом хорошего поведения человека в обществе, настоящего осознания им своих действий и поступков. Наоборот, среди правонарушителей эти знания используются для сокрытия или искажения истинного положения дел с целью избежать ответственности перед обществом.

Такое противоречивое положение с формированием правового сознания ставит вопрос не просто о дальнейшем улучшении процесса распространения правовых знаний, но о необходимости организации юридического просвещения. Оно важно для всех социальных групп и слоев общества. Особенно значим он для руководителей, для которых знания

трудового и административного права становятся обязательным условием решения задач повышения эффективности и качества работы [3].

Следовательно, уже в этом звене – правовые знания – закладываются основы правовой культуры, ее действенной связи с другими элементами, и в первую очередь с правовым воспитанием.

§ 2. ПРАВОВАЯ УБЕЖДЕННОСТЬ

Помните Бруно Ясенского: «Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей – в худшем случае они могут предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство» [4].

Высоким нравственным смыслом наполнены эти слова, побуждающие человека определить свое отношение к жизни. Они имеют огромное правовое и нравственное значение, ибо определяют направления и поиск критерия зрелости сознания и поведения людей. Нравственные убеждения в данной обстановке проявляют себя как политические, а затем, будучи конституированы, закреплены в законах и актах, становятся правовыми нормами.

Политические убеждения в послеоктябрьский период формировались и складывались на основе действий, направленных на разрушение старого, на борьбу с отжившим политическим укладом и эксплуататорским правопорядком. Это негативное отношение к политическими правовым институтам было основным в поведении и сознании большинства людей. Именно на отрицании людьми деятельности буржуазных политических учреждений, буржуазного права паразитировал правовой нигилизм, используя вполне естественный негативизм к существовавшим до этого правовым отношениям. Но на смену политике разрушения старого пришли созидательные задачи. Предстояло убедить население в необходимости реализовать важные социально-экономические и политические задачи строительства нового общества, что невозможно было осуществить без определенного правопорядка, без законов, охраняющих интересы государства и граждан. А если к этому добавить, что у народа веками формировалось недоверие ко всем существующим институтам (русская пословица гласила: «Закон как дышло, куда повернешь, туда и вышло»), то вполне понятно, что реализация требований об уважении к праву, к закону потребовала значительных усилий. К сожалению, эти намерения были вскоре свернуты и, более того, превратились в свою противоположность – правовой произвол.

Формирование правовой убежденности в истинности и верности законов – дело сложное. Хотя это убеждение и складывается на основе определенного знания, но сознание в сознательность перерастает не просто. Особенно это касается перехода правовой осведомленности людей в их правовую компетентность.

Исследования, проведенные социологами-юристами, показали, что эффективность правового воспитания зависит от степени сформированности потребности соблюдать законы во всех сферах общественной жизни [5].

Среди них прежде всего следует выделить осознание общественной необходимости соблюдения закона и сознательное подчинение своего поведения его требованиям. Это достигается не только постоянной систематической пропагандой правовых норм, но и

личным опытом, который, с одной стороны, опирается на общественное мнение о целесообразности и правильности применения существующих законов, с другой стороны, на собственные наблюдения, на ту информацию, которую человек получает в своей повседневной жизни.

В принципе перевод внешнего воздействия во внутреннее осознанное поведение является коренной проблемой правового воспитания. Осознание требований общества не как навязанных извне, а как объективно необходимых, которые в то же время осуществляются и в личных интересах, – важный показатель зрелости правовой культуры.

Правовое воспитание также направлено на то, чтобы сформировать в человеке силу привычки. Она может складываться двумя путями. Во-первых, в процессе следования тем правовым ценностям, которые уважаются и которых придерживаются окружающие. Во-вторых, для определенной категории людей большое значение имеет страх перед карой со стороны общества за нарушение правовых норм и обязанностей. Этот фактор не следует ни в коем случае сбрасывать со счетов, ибо принуждение было и остается важным средством, побуждающим человека действовать в желательном для общества направлении. Боязнь правовой ответственности выступает сдерживающим началом для тех лиц, которые склонны к противоправному поведению.

Неоднократные опросы населения показывают, что опрошенные, называя возможные средства устранения антисоциальных явлений, основной упор делают на профилактическую работу, на усиление мер общественного воздействия на нарушителей. Однако значительное число лиц считает это недостаточным и ратует за ужесточение наказаний (принятие более суровых санкций) в качестве наиболее эффективного пути борьбы с правонарушителями в обществе [6].

Огромную роль в правовом воспитании играет осознание групповых интересов, нежелание потерять авторитет. Стремление следовать групповым интересам в сущности свойственно каждому человеку. И здесь все зависит от того, совпадают ли эти интересы с интересами общества. В случае их принципиальной согласованности осознание этих интересов происходит в соответствии с правовыми нормами. В случае же несовпадения личность, как и группа, может вступить в противоречие с правовыми требованиями общества, что неизменно приводит к коллизиям в их взаимоотношениях.

Процесс правового воспитания, формирования нравственной культуры нередко замедляется или деформируется, если появляется своего рода «уездный эгоизм», когда интересы организации, района, города начинают довлеть над интересами общества. К сожалению, не так уж редки случаи, когда групповые интересы берут верх над общественными, что ведет к нарушению не только нравственных требований, но и требований норм права.

При анализе правового воспитания мы сталкиваемся с рядом интересных явлений, которые требуют учета его специфических особенностей. Так, нет ничего предосудительного в том, что у части людей складывается правовой конформизм (подражание тому, как ведут себя другие). Этот мотив ни в коей мере нельзя игнорировать, хотя в целом он характеризует пассивное восприятие правовых требований. Важно то, что эта черта, как правило, переходит в привычку, в стремление следовать в необходимом обществу направлении.

Влияние всех этих сторон в нравственном воспитании велико, хотя действуют они неоднозначно, и общественное сознание отличает их друг от друга. Для него, например,

настоящим потрясением была правда о терроре в 30-х – начале 50-х годов, который грубо попирал право. В этих условиях полноценная правовая убежденность не могла сформироваться. Более того, превращение в руины многих правовых норм в годы культа личности и безвластие закона в период застоя привели к деформации как правосознания, так и гражданских чувств людей.

В 90-е годы принят ряд новых правовых актов, в том числе и по уголовному праву. Гуманизация норм права предполагает, что акцент переносится на другие формы воздействия на противоправное поведение человека. Если в 70-х – начале 80-х годов 60–70% проходящих через суд лишались свободы, то в 1987–1988 годах эта цифра снизилась и составила 30–40%. Однако уже в конце 1980-х годов общественное сознание спохватилось: перед лицом резкого увеличения всех видов преступности оно стало ратовать за ужесточение наказаний. Этим утверждением хотелось бы подчеркнуть роль социальной среды, которая оказывает на процесс правового воспитания не меньшее влияние, чем применение самих законов. В таких условиях «осознание обществом и каждым его членом права как самого надежного, долговременного, не подверженного конъюнктурным поветриям инструмента государственного строительства и регулятора общественных отношений придает обществу гражданскую устойчивость, равнозначную экологическому равновесию» (Ю.Феофанов).

Особо следует сказать, что в формировании правовой убежденности огромную роль играет создание гарантий прав и свобод человека, защита его чести и достоинства.

В свое время А.Токвиль (1805–1859) утверждал, что права – это добродетели, пересаженные в официальную жизнь. Но в условиях российской действительности (как, впрочем, и в СССР) бытует другая практика, нашедшая выражение в словах: «Я прав, потому что имею больше прав».

Но несмотря ни на какие издержки, права и связанные с ними свободы продолжают свое действие как инструмент, с помощью которого регулируется и устанавливается социальная справедливость во взаимоотношениях населения с государством. Отсутствие правовых гарантий, их игнорирование приводят к правовому нигилизму, к отказу в доверии всем официальным структурам, толкают людей к конфликтам с государством и уполномоченными институтами. При отказе считаться с требованиями норм права не может сформироваться правовая убежденность.

Эффективность власти заключается в ее способности действенно и оперативно решать возникающие социальные и другие проблемы, защищать насущные, «естественные» права граждан (и потому неотъемлемые, неотчуждаемые государством никогда и ни при каких обстоятельствах) на жизнь, свободу, независимость и честь (первейшая обязанность!).

§ 3. ПРАВОВАЯ АКТИВНОСТЬ

Стремление людей принять активное участие в правотворчестве особенно ярко проявилось в 1987–1989 годах, что нашло отражение в предложениях по совершенствованию всех сфер общественной жизни. Всесоюзные исследования политического сознания (1986, 1989 гг.) показали, что практически не было ни одной общественно значимой проблемы, к которой бы люди относились равнодушно. Всплеск надежд в этот период был связан с искренним желанием помочь происходящим преобразованиям. Так, в 1989 году людей беспокоило следующее: реформа цен и ценообразования (об этом заявили 78,5% опрошенных), сложившаяся экологическая

обстановка (64,2%), состояние здоровья (59,7%). Заинтересованность в решении вопросов, от которых зависит повседневная жизнь людей, не замыкается в рамках личных или групповых потребностей: 53,5% хотели бы больше знать о «белых пятнах» истории страны, 45,6% – о деятельности КГБ, 52,4% – о реальных достижениях, проблемах и промахах в перестройке, 45,7% – о политических деятелях прошлого и настоящего времени.

Но особенный интерес представляли суждения, связанные со становлением правового государства. Многие люди – примерно 1/3 – считали, что еще нет верховенства закона, что органы государства плохо придерживаются требований права, что нет еще полной гарантии реализации людьми своих гражданских свобод. И особо критиковалось то (мнение 41,1% опрошенных), что нет в государстве эффективных норм контроля за осуществлением законов.

Поражал и размах правового нигилизма. 33,6% считали, что ради демократии, ради общей пользы нет ничего плохого в нарушении законов: 56,1% были убеждены, что допустимы нарушения действующих законов, которые устарели и не идут на пользу демократии. Иначе говоря, общество пожинает те плоды, которые начали вызревать в конце 20-х годов, когда во главу угла была поставлена «польза дела», выгода государства, страны, коллектива. Как ни печально признавать, но в общественном сознании возобладало мнение, что блага народа можно достигнуть за счет попрания закона.

Одна из трагических ситуаций в советское время заключалась в том, что очень часто нельзя было сделать полезное дело иначе, как нарушив закон. Но самое парадоксальное заключалось в том, что преобразования, осуществляемые сейчас в России, никак не изменили ситуацию во взаимоотношениях людей с правом. Более того, обстановка осложнилась. Идет непрерывный рост преступности. Складываются мафиозные структуры. Воровство, хищения питаются бесхозяйственностью, запутанностью законодательных актов, хищническим перераспределением форм собственности. Серьезным фактором стала организованная преступность.

Правонарушения в экономике и поныне остаются одним из огромных пластов всех нарушений закона. Анализ экономики как социального института, функционирующих здесь социальных норм и выполняемых ролей показывает, что ранее «загнанные в подполье» товарно-денежные отношения «вдруг» проявили себя в уродливом обличьи теневой экономики с ее неизбежными спутниками – коррупцией, крупными хищениями, а нормальный материальный интерес – в извращенной форме взяток, «поборов», «подарков», рэкета и т.п.

Как и в любой другой сфере общественного сознания и общественной деятельности, важно, чтобы всякая правотворческая инициатива поддерживалась, развивалась официальными структурами. Ни одна полезная мысль, ни одно ценное предложение или критическое замечание не должны остаться на бумаге. Некоторые из них требуют принятия срочных мер, другие рассчитаны на перспективу, но только контроль, четкая система позволяют неукоснительно выполнить намеченное.

Повышенный интерес вызывает вопрос о правах и свободах человека, о соблюдении гарантий, о защите от произвола и возможности обжаловать действия администрации. В этой связи трудно переоценить такие формы, как регулярное и правдивое информирование о состоянии преступности, участие людей в обсуждении и принятии законов.

Люди постоянно высказывают предложения и замечания, направленные на улучшение организации общественной жизни, принципиально ставят вопросы усиления борьбы с хищениями, охраны личной свободы и защиты жизни и здоровья, необходимости противостояния механизму обмана населения в виде деятельности новых экономических структур. Они ратуют за решительное улучшение контроля за исполнением решений, принимаемых органами власти и касающихся быта, образования, здравоохранения и отдыха. Серьезно их волнует охрана правопорядка в городах и сельских населенных пунктах.

Наряду с правоохранительной деятельностью большое значение имеет правоохранительная и правоприменительная активность населения. В настоящее время она осуществляется по нескольким направлениям.

Прежде всего правовая активность проявляется в том, что люди участвуют в работе правоприменительных органов, главным образом судов, в качестве заседателей, общественных защитников и присяжных. Сюда же примыкает и деятельность общественных и товарищеских судов, хотя она резко сократилась.

На формирование правовой культуры особое влияние оказывает работа в правоохранительных органах. В обществе сложились многообразные формы такого участия: народные дружины (после перерыва они стали возрождаться), рабочая милиция и т.д. Участие в работе этих добровольных объединений содействует эффективному приобщению людей к правовым задачам государства и, несомненно, повышает уровень их правового сознания.

Важнейшим показателем правовой активности является личное повседневное участие человека в поддержании и сохранении правопорядка. Причем речь идет не о том, чтобы все стали членами народных дружин или помощниками инспекторов ГАИ. Важно по-настоящему реагировать на любые отклонения от общепринятых норм. Можно знать, что все нарушения – это общественное зло. Можно быть убежденным в необходимости искоренения этого зла и в то же время практически оставаться пассивным в самой борьбе, предоставляя такую роль другим. Но реальность наших знаний и убеждений закрепляется только в действиях.

Об этом вновь приходится говорить в связи с попытками усилить борьбу с такими антиобщественными явлениями, как взяточничество, хищения государственной и личной собственности, воровство, рэкет и т.д. Сложность борьбы с ними заключается в том, что многие из этих явлений протекают в скрытых формах и не всегда очевидны их негативные и пагубные последствия. В борьбе с негативными процессами важен анализ тех условий, которые способствуют нарушениям правил и норм поведения, общежития и морали. Так, по данным всесоюзного исследования по проблемам нравственного воспитания (1989 г.), среди злободневных вопросов люди выделили такие, как блат, связи с «нужными» людьми, несправедливость, равнодушие. По показателю «встречаются часто» они определили пьянство, недобросовестное отношение к труду, стремление взять от общества больше, чем дать ему. 66% опрошенных указали, что встречались с лицемерием и ханжеством, 50% – с клеветой и наговорами, 64,4% – с подхалимством и угодничеством. Эмпирические данные свидетельствовали об обеспокоенности нравственным здоровьем общества и неуверенности в гарантиях по созданию правовых норм. Кроме того, жизнь показывает, что нужна защищенность особенно тех людей, которые выступают против нарушений правовых норм. К сожалению, общественное сознание поражено недоверием, ибо борьба честных людей нередко завершалась их поражением. Эти рубцы на правовой убежденности слишком болезненны, чтобы мобилизовать новых борцов за правду.

Итак, оперативный и постоянный анализ состояния правонарушений, тенденций их развития выступает основой не только для получения информации, как таковой, но и для выработки действенных мер по преодолению негативных явлений.

При формировании правовой культуры личности следует также учитывать, что если у человека сложилось неправильное отношение к обязательному исполнению закона, то эта нигилистская позиция будет относиться к нормам и уголовного, и административного, и семейного, и других отраслей права. Несогласие с общим правовым принципом находит конкретизацию применительно к требованиям норм права в той или иной сфере общественной жизни. Вот почему правовая культура предполагает ознакомление людей не только с правом в целом и его принципами, но и с конкретными нормами отдельных отраслей права. Такое общее знакомство должно, естественно, подкрепляться гарантией соблюдения конкретных норм права и их требований во всех жизненных ситуациях, включая и те, которые характеризуют негативные процессы.

Следовательно, развитие и укрепление правовой культу 1 ры нуждается как в совершенствовании правовой информации и правового воспитания, так и в поощрении участия в правотворческой деятельности, а также в постоянном привлечении людей к борьбе с негативными процессами и явлениями, тормозящими поступательное, последовательное обновление общества.

Литература

1. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М., 1995. С.8.
2. Кульчар К. Основы социологии права. М., 1981.
3. Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974.
4. Ясенский Б. Избр. произв.: В 2-х т. М., 1961. – Т. 1. С.231.
5. Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987.
6. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986.

Темы для рефератов

1. Становление социологии права как самостоятельной социологической теории.
2. Правовое сознание, его сущность и особенности.
3. Основные направления распространения правовой информации.
4. Парадоксы правового сознания.
5. Общие и специфические черты политической и правовой убежденности.
6. Права и их роль в формировании правовой убежденности.
7. Правовой нигилизм и формы его проявления.

Вопросы и задания для повторения

1. Что изучает социология права?
2. Расскажите о каналах правовой информированности.
3. Общее и особенное в распространении правовой информации в 80-е и 90-е годы.
4. Нравственная и правовая убежденность, их взаимосвязь.
5. Основные проблемы формирования правовой активности.
6. Показатели правовой активности.

Глава 4 ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Анализ состояния и тенденций развития политической жизни позволяет сделать вывод, что на современном этапе одной из ключевых проблем становится более полное осуществление права на повседневное и действенное участие людей, производственных организаций в решении вопросов государственной жизни.

В мировой социологической литературе описано немало исследований, касающихся различных общественных политических организаций. При всей их важности специфика этой проблемы в России очень велика.

В 90-е годы в политической жизни России участвуют социальные силы, различные по своему количеству и составу Особое место среди них занимают политические партии, общественные движения, гражданские инициативы, любительские объединения по интересам. К началу 1997 года, по оценкам экспертов, в России функционировало около 40 тыс. федеральных, межрегиональных и региональных организаций, и число их продолжает расти.

Этот взлет общественной инициативы особенно четко проявился во второй половине 80-х годов. Наряду с традиционными общественными организациями (профсоюз, комсомол, научные, научно-технические, культурно-просветительные и спортивные общества и ассоциации) стали возникать многочисленные новые объединения, которые на первом этапе своего формирования были названы неформальным движением [1].

Широкий диапазон общественных интересов людей: от политических и экономических до досуговых, от национальных и националистических до космополитических, от проблемных (экологических, например) до любительских объединений по интересам. Что характерно для этих движений?

Во-первых, они выявили многообразие установок людей на решение тех или иных общественных проблем. Над ними перестали довлеть заданность, различные ограничения и официальные регламентации. Создана реальная возможность реализовать свои цели, объединить себе подобных и бороться за выживание в этом меняющемся мире.

Во-вторых, новые общественные движения вступили в достаточно жесткую конфронтацию со старыми сложившимися структурами, и они в значительной мере проявили свои бойцовские качества, верность идее и, что особенно важно, эффективность своей работы, способность увлечь за собой людей.

В-третьих, среди части общественных формирований появились организации, группы риска, которые характеризуются не только позитивными целями, но и асоциальными, криминогенными устремлениями. Сюда можно отнести и организации профашистского, националистического толка, что, конечно, не способствует установлению благоприятной общественной атмосферы.

И наконец, идет глубокая трансформация существовав- • ших общественных структур. Время обновления позволило достаточно четко проверить жизненность многих из них, их способность к развитию в новых условиях.

Иначе говоря, возникновение и функционирование новых объединений, преобразование старых общественных организаций символизируют оправдавший себя в истории подход: чем больше мнений, тем вернее решение. Однако творческий потенциал народа по

совершенствованию политической системы нового общества еще дате ко не реализован. Возможности людей пока в основном проявляются стихийно и не всегда в оптимальном варианте, ибо нет механизма поддержки социальных инициатив.

В заключение следует напомнить и такой факт. Тупик в развитии властных отношений всегда в истории преодолевался при помощи новых субъектов политического действия. Таковыми являлись политические партии, общественные движения и инициативы. Более того, можно предположить, что если в ходе развития властных отношений не будут возникать новые общественные образования, то неизменно произойдет нарушение процесса властвования, прервется приток свежих сил и задержится обновление политической структуры общества. Вот почему общественные организации рассматриваются как один из важнейших субъектов, при помощи которого осуществляется процесс демократизации политической жизни.

§ 1. ПАРТИИ

Долгое время социологические исследования ограничивались изучением проблем одной партии – КПСС, ибо она была единственной на политическом небосклоне. В конце 80-х годов ситуация стала меняться – появились и другие политические организации. Новая обстановка потребовала новых подходов к изучению жизни политических партий в стране.

На 1 января 1997 года в России было зарегистрировано 120 политических партий. Еще около 20 функционирует де факто. Вначале общественное сознание вполне благосклонно встретило это нарождающееся многообразие, тем более, что оно представляло все цвета политического спектра, присущие каждой цивилизованной стране. Это прежде всего партии либерального направления, подобные партии «Демократический выбор России», ориентирующиеся на аналогичные партии других стран и отстаивающие ценности свободного рынка. Далее, это партии центра, которые пытаются в своей деятельности соединить новые потребности времени с позитивным опытом ранее функционирующей экономики. Кроме того, это партии левого толка – социалистической и коммунистической ориентации, которые также представляют достаточно широкий диапазон мнений и программных установок. Следует отметить и появление партий национального и националистического направления, которые ориентируются на защиту интересов России, нередко абсолютизируя их и противопоставляя интересам других стран и народов. И наконец, возникли партии, сосредоточивающие свои усилия на решении отдельных общественных проблем – экологических, культурологических и т.д.

Появление этих партий на политическом небосклоне в конце 80-х – начале 90-х годов люди встретили с надеждой: они увидели в этом многообразии выход из того политического и идеологического одномыслия, которое завело страну в тупик. Но час упования и надежд завершился очень быстро. Уже в середине 1992 года 88% опрошенных во всероссийском исследовании отвечали, что не ориентируются ни на одну из политических партий и ни одну из них не хотели бы поддерживать [2].

Этот показатель продолжает быть устойчивым и в середине 90-х годов, с одной лишь поправкой, что разочарование в деятельности этих партий или безразличие начало превращаться в, партофобию, активное неприятие огромного количества политически амбициозных людей, создавших огромное количество крошечных, малочисленных и никого не представляющих политических объединений.

Отражением этой партофобии было неприятие не только большинства из 43 политических объединений, претендующих на места в Государственной Думе на выборах в 1995 году, но и уменьшение числа даже тех объединений, которые были поддержаны на выборах 1993 года, но потерпели поражение два года спустя («Демократический выбор России», «Аграрная партия», «Женщины России», «Демократическая партия России»).

Почему же не складывается многопартийность в России?

Очевидно, что одним из факторов становления новых партий является их четкая и понятная людям программа действий, целей и задач. Но заявления, программы новых партий часто не содержат ясно и понятно сформулированных экономических, политических и социальных ориентиров, в результате чего многие из них имеют одно и то же или похожее «лицо».

Даже беглый анализ состояния дел любой из новых партий показывает, что они не имеют социальной базы. Разговоры о среднем классе только запутывают представление о социальной опоре каждой из них. А раз нет отчетливо выраженных социальных сил, то понятно, почему большинство этих партий малочисленны и, можно полагать, не выдерживают испытания временем.

Не менее актуально звучит вывод, полученный на основе изучения жизни партий: все они без исключения представляют собой структуры уходящего XX века, а будущее принадлежит массовым движениям и организациям. Анализ социологической информации показывает, что многие движения, такие как «зеленое движение», социальная защита, будучи организационно рыхлыми, тем не менее пользуются большей поддержкой, чем вновь возникающие политические партии.

Потребуется, судя по всему, какой-то срок, чтобы новые партии прошли отбор временем. Историческая их перспектива не так радужна, как могло показаться в начале 90-х годов. Несомненно, что им предстоит пройти трудный путь становления и далеко не все из них выживут в политической борьбе. И успех или неуспех многих из них будет зависеть от того, насколько они смогут выразить интересы определенных групп, найти свою социальную нишу.

Все более очевидным становится факт, что жизнь новых партий строится на иных принципах, чем в КПСС. Во многих из них нет монолитности, жесткой регламентации и иерархии, мнимого единства. В их структуре обычно существует несколько идейных течений, которые различаются между собой в средствах и методах достижения цели. Более того, трудности становления уже привели к расколу некоторых из них. Но, несомненно одно: многообразие идей в рамках одной концепции становится характерным для многих политических партий.

И, наконец, изучение жизни политических партий в условиях демократизации показывает, что их настоящее и будущее определяется тем, насколько они полно, всесторонне выражают чаяния народа. В этой связи еще предстоит осмыслить трагедию КПСС, в один миг рухнувшей под ударами истории.

В жизни нашего общества получилось так, что властные отношения ассоциировались с деятельностью Коммунистической партии. Произошел не оправдавший себя в истории перекос власти, сосредоточение ее в руках у партии, в течение длительного периода встроенной в административно-командную систему. Коммунистическая партия в течение многих лет фактически являлась государственной партией. Это выразилось в том, что все

основные вопросы политики и в центре, и на местах не могли быть решены без одобрения или поддержки ее органов. Противоречивость ситуации отразилась и на других общественно-политических организациях, которые отторгались от властных структур, превращались в «приводные ремни», в безропотных исполнителей чужой воли. Такое положение имело огромные негативные последствия, так как создавались условия для произвола, для авторитарных решений, для протекционизма и замены власти народа властью коррумпированных групп.

Еще один из уроков очевиден: придя к власти на основе доверия народа, КПСС постепенно утратила реальные шансы быть выразителем его нужд. В ее деятельности возобладали догматизм, карьеризм, морализаторство, начетничество, декларативность, отрыв политических установок от жизни, чрезмерная вера в чудодейственную силу слова. Все чаще складывалось такое положение, когда идеи существовали сами по себе и, будучи несопоставимы с практикой, объективно не могли влиять на общественное сознание и поведение людей. Горькими издержками аукнулся широко распространенный подход, когда внимание сосредоточивалось на том, каким должно быть в теории то или иное явление, а не на том, каково оно в реальной жизни.

Разъясняя идеи, убеждая людей, партии стремятся мобилизовать их на решение по-своему понимаемых общественных задач. Но если они ограничиваются лишь разъяснением каких-либо взглядов, идей, теорий, сообщением сведений о событиях внутренней и международной жизни, то они выполняют свою роль лишь частично. В неменьшей мере для партии важно, насколько ее поддерживает население. В конечном итоге вес и роль политической партии определяются не тем, сколько в ней членов, а количеством людей, голосующих за нее на выборах [3].

Ценность каждой политической партии все больше определяется тем, насколько она полно, четко и предметно отражает чаяния и надежды людей, а также их веру в жизненность осуществления обещаний ее лидеров. Поддержка партий, как показывает социологический анализ, зависит не от того, что думает ее политический руководитель, а от того, насколько учитывается настроение людей, что их радует или волнует, что беспокоит, в чем они нуждаются, к чему стремятся и что хотят видеть в своей трудовой и повседневной жизни.

Особо следует отметить и тот факт, что роль любой партии в немалой степени зависит от действительного положения, ценностных ориентиров и убеждений каждого ее члена.

При этом необходимо видеть и противоречивость развития политических структур. Если притязания политических партий учитывают объективный ход исторического процесса, то политические отношения данной общественно-экономической системы развиваются без потрясений. И чем меньше согласуются политические интересы с объективными закономерностями общественного развития, тем больше вероятность коллизий, политических конфликтов и конфронтации (вплоть до революции как способа решения этого противоречия).

В заключение следует подчеркнуть важность социологического изучения лидеров политических партий, их элиты. Политическая обстановка такова, что любая партия нуждается не в функционере, а в руководителе, умеющем повести за собой людей, пользующемся у них безусловным доверием. Социологический их анализ только по образованию, по стажу работы и ряду других показателей оказался неплодотворным, бесперспективным, не отражающим суть новых требований времени, вредным и в научном, и в нравственном отношении. Рейтинги политических руководителей

убедительно показывают, насколько глубоко отзываются в сознании людей те или иные политические акции. В то же время они позволяют в большей мере, чем ранее, обеспечить общественный контроль за деятельностью лидеров, их поведением и за принятием ими решений [4].

§ 2. ПРОФСОЮЗЫ

Среди общественных организаций видное место, и прежде всего по массовости, занимают профсоюзы. Они заняты вопросами, которые касаются самых различных сторон жизни: экономической, социальной, культурной – и направлены на улучшение труда, быта, отдыха людей. Но главное значение для профсоюзов имеет защита прав и интересов работников, привлечение их к участию в решении производственных и общественных дел. Именно в этом с наибольшей полнотой проявляются самостоятельность и творчество профсоюзов. Анализ их работы свидетельствует, что профсоюзы имеют существенные резервы. В то же время социологические данные показывают, что в общественном мнении сформировалось достаточно негативное отношение к их деятельности.

Это, прежде всего, касается участия профсоюзов в развитии самоуправления. Многие органы профсоюзов отстали от реальности, превратились в организации, мало влияющие на жизнь трудовых коллективов. Отношения, возникающие в процессе их работы, по своей сути не затрагивают коренных интересов человека, и их влияние весьма ограничено во времени и в пространстве. Это не может не фиксировать общественное сознание и соответственно реагировать на такую систему, которая практически не выходит на решение принципиальных вопросов трудовой и повседневной жизни.

Эффективность работы многих объединений профсоюзов, их компетенция (права и обязанности) и роль в управлении предприятиями, организациями, учреждениями, как показывают исследования, очень низки и слабы, чтобы адекватно отражать интересы большинства народа.

Какие основные проблемы можно обозначить по данным социологических исследований в работе профсоюзных организаций?

Во-первых, очень невысокий статус профсоюзов в жизни общества. Даже в тех случаях, когда их деятельность оценивалась как сравнительно успешная, обычно имелся в виду весьма незначительный круг вопросов, как правило, социально-бытового характера. Многие же острые проблемы, касающиеся труда и быта, социальных и экологических условий жизни, остаются без внимания профсоюзных комитетов. Ограниченность такого подхода становится все очевиднее, отсюда и неудовлетворенность сложившимися формами работы.

Во-вторых, профсоюзы не смогли в полной мере защитить нужды трудящегося человека. Пораженные ядом бюрократизма, они больше провозглашали право быть представителями народа, чем занимали самостоятельные позиции. Вот почему одной из серьезных претензий, предъявляемых профсоюзным лидерам, была подчиненность их действий хозяйственным и государственным структурам, стремление угодить им, а не отстаивать истинные интересы людей.

В-третьих, упущения и недостатки в советское время обусловлены также тем, что в течение длительного периода кадры профсоюзных работников зачастую комплектовались из тех, кто не оправдал доверия на других участках. Эти люди сам факт перемещения на

профсоюзную работу рассматривали как наказание, недооценку их способностей соответствовать более высоким критериям. В результате формировался вполне определенный тип поведения, когда на первый план ставились сугубо личные, престижные или групповые интересы, что, конечно, отрицательно сказалось на ответственности за порученное дело.

На такое состояние профсоюзной работы в немалой степени повлияло отсутствие стремления иметь научно обоснованную концепцию своей деятельности. Именно поэтому в обществе стали возникать альтернативные профсоюзные организации, по-иному ставящие проблемы защиты интересов человека.

В начале 90-х годов альтернативные профсоюзные организации заявили о себе достаточно громко – вспомним деятельность профсоюза горняков, которые были в 1989 году зачинщиками шахтерского движения, потрясшего устои советского строя. Но их популярность быстро упала, несмотря на то, что в стачках и забастовках они выдвигали различные требования [5].

Вместе с тем, несмотря на все издержки, профсоюзы стоят у истоков того движения протеста, которое получает все большее распространение. Наиболее часто используются такие формы давления на органы государственной власти, как забастовки, демонстрации, манифестации, митинги, пикеты. Обычно эти формы выражают экономические требования, а в ряде случаев, особенно когда они проводятся совместно с партиями левой ориентации, выдвигаются и политические лозунги. Иногда эти акции координируются профсоюзами в рамках всей страны (например, Всероссийская стачка в марте 1997 г.).

Однако, несомненно то, что неопределенность профсоюзов в системе распределения общественной власти является одной из причин их слабости, неэффективного функционирования и большого отрыва от реальной жизни людей.

§ 3. МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Участие молодежи в общественной жизни вообще и политической в частности всегда было одним из значимых направлений в социологии. Молодежь всегда олицетворяла собой все новое, нарождающееся. Молодые люди всегда больше других желали (и осуществляли) изменений в обществе. Энергия молодых часто вносила коррективы в политическую жизнь. Молодежные объединения всегда носили боевой характер, проявляли большую активность. Поэтому знание состояния и тенденций сознания молодых, их поведения интересует исследователей всех без исключения стран.

Что касается советской молодежи и молодежи России 90-х годов, то они не являются исключением. К середине 80-х годов происходящие в обществе изменения отчетливо выявили кризис в молодежном движении. Данные социологических исследований стали постоянно фиксировать тот факт, что эффективность деятельности комсомола резко упала, молодежь разочаровалась в формах и методах его работы. Отстав от жизни, оторвавшись от молодежи, от реальных процессов, комсомол не мог не прийти к поражению.

К началу 90-х годов монополизм, который долгое время господствовал в молодежном движении, был подорван: появилось большое количество как формализованных, так и самодеятельных организаций молодежи по самым разнообразным злободневным общественным проблемам. Коренное изменение форм и методов их работы, решительный

отказ от монополии, заорганизованности, непосредственная связь с жизнью молодежи стали реальным источником жизнеспособности этих молодежных организаций [6].

Вместе с тем отсутствие точного понимания положения и роли молодежных организаций чревато негативными последствиями, которых можно и нужно избежать, если проблемы отношения молодежи к обществу и общества к ней строятся на учете реально складывающихся тенденций в общественной жизни.

В отечественной социологии накоплен определенный опыт исследования проблем молодежи. Научно-исследовательский центр ВКШ при ЦК ВЛКСМ (с 1990 г. – Институт молодежи), социологи С.-Петербургского (Ленинградского) и Уральского университетов, Института социологии проводили изучение широкого круга вопросов, волнующих молодых людей нашей страны. Наряду с апологетическими исследованиями среди них было немало и таких (см. работы В.Г.Лисовского, С.И.Иконниковой, В.П.Смирнова, В.Ф.Левичевой, В.И.Чупрова и др.), которые достаточно объективно и всесторонне характеризовали состояние общественного сознания молодежи и основные тенденции изменения ее поведения.

С одной стороны, по основным ценностным ориентациям молодежь придерживалась тех же убеждений, что и старшее поколение. Результаты социологических исследований свидетельствовали, что подавляющее большинство молодых людей не так уж плохи, как кажется на первый взгляд: 98% верят в любовь как высшую ценность жизни, 75% ответили отрицательно на предложение бросить работу, если бы они получили наследство. Не менее ярко проявляются и общественно-политические интересы молодежи: они во многом были слепком с того, что происходило в сознании всего общества (И.М.Ильинский, 1993).

С другой стороны, в сознании и поведении молодых людей на первый план выходила проблема статуса молодого человека, его положения и места в жизни общества. Молодежь не устраивали низкие возможности быстрого продвижения по служебной лестнице, плохое материальное обеспечение, сильная опека, ограничения в проявлении творчества.

Одним из препятствий на пути гражданского становления молодежи стало непонимание старшим поколением ее интересов. Хотя это вечно старая и вечно новая проблема, в 70-е годы она приобрела характер острой конфронтации, что не только привело к отрыву части молодежи от интересов старшего поколения, но и лишило привлекательности идеалы, вдохновлявшие молодых в течение длительного времени.

Молодежь давно уже не приемлет снисходительно-покровительственного отношения к себе со стороны старших. В ее среде силен критический настрой. У молодого поколения вызрели трудные для общества вопросы: как относиться к старшему поколению в свете того, что творилось в нашей действительности? кто несет ответственность за преступления против миллионов людей? как избежать повторения ошибок? Приходится признать, что у многих из старших нет особых оснований учить молодых тому, как жить. Вернуть доверие молодых нудным морализаторством и рассказами о том, как геройски и трудно жили, не удается. Основа для совместной работы – тот процесс очищения, который важно довести до конца. Общество находится ныне в таком положении, когда вера старого толка рушится. Рушится там, где она строилась на наивной мечтательности, непродуманных политических решениях и программах, на социальной демагогии. Место такой веры занимает сомнение, подвергающее проверке новые планы и программы.

Если необходимо возродить в душах молодежи идеалы, то следует, как справедливо утверждает И.М.Ильинский, бояться не разоблачения ошибок прошлого, а неопределенности в том, что и как делать в настоящем, куда и как двигаться дальше. Молодежь при всей ее потребности иметь честную историческую память помыслами и планами устремлена вперед. Но чтобы по-настоящему увлечь молодежь перспективами завтрашнего дня, ее надо заинтересовать уже сегодня.

А для этого знать реальные ориентации, ценности, мотивы, которыми руководствуются молодые. Социологические опросы (ВЦИОМ, сентябрь 1996 г., N = 669) показывают, что молодежь более оптимистично оценивает свое настроение: хорошим и нормальным его считают 57,5% опрошенных по сравнению с 38,5% людей среднего возраста и 34,5% – людей старшего возраста. Молодежь в большей мере устраивает жизнь, которую они ведут, – 20,2% по сравнению с 7 и 9,3% соответственно лиц среднего и старшего возраста. Но молодежь пугает будущее – безработица, ожидание ухудшения экономического и социального положения [7].

§ 4. САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Как показывает жизнь, существующая структура государственных и общественных организаций не могла удовлетворить все многообразие устремлений и чаяний людей. Именно это несоответствие реального положения и желаемых изменений привело к возникновению многих самодеятельных организаций, общественных движений и гражданских инициатив.

Спектр их деятельности оказался самым широким. Их многообразие с трудом подвергается классификации. Но при всех сложностях, на наш взгляд, все же можно выделить несколько групп таких движений: общественно-политические, социальные, экологические, социально-культурные.

Несколько особняком стоят объединения, связанные с проведением досуга, организацией отдыха, времяпрепровождением.

Эти организации в той или иной мере пытаются заполнить ту нишу в общественной жизни, которую долгие годы обходили вниманием, не занимались ею и даже игнорировали ее [8].

Не все из них выдержали испытание временем. Кроме того, многие существенно разнятся друг от друга по регионам, по своим программам, целям, установкам. Но, тем не менее, обозначились тенденции, которые объединяют их между собой.

Что касается общественно-политических движений, то они или прогрессировали в сторону создания на их основе политических партий типа «Демократический выбор России», или стали замыкаться на профессиональных проблемах. Так, движение «Мемориал» на первых порах своего существования в конце 80-х годов имело четко и ярко выраженную политическую окраску, собрало под свои знамена значительное число людей, заинтересованных не просто в изучении исторических корней происшедшей деформации общества, но и в извлечении уроков для будущих поколений. Постепенно это движение в значительной степени потеряло свой политический запал, превратившись в одну из организаций, связанных с исторической памятью народа.

Еще более показательна судьба народных фронтов, в деятельности которых наряду с собственно политическими проблемами ярко проявились и национальные мотивы. Их развитие протекало в достаточно противоречивой ситуации. Определенная непоследовательность, крайности в политических акциях, амбициозность лидеров привели к резкому снижению их авторитета и практически вывели из реальной политической жизни.

Достаточно четко выкристаллизовываются и экологические движения, суть деятельности которых – объединить единомышленников, обеспечить сохранение окружающей среды, сферы обитания человека, здоровья нынешнего и особенно будущих поколений. Эти движения выдвинули своих лидеров мирового звучания (С.П.Залыгин, А.А.Яблоков, А.Л.Яшин и др.), которые во многом определяют стратегию и тактику действий. На их счету уже немало побед: прекращение работ по переброску стока северных рек в Казахстан и Среднюю Азию, битва за Аральское море, замораживание строительства канала Волга – Чограй. Стимулировала рост этого движения катастрофа в Чернобыле.

Вместе с тем это движение в условиях кризисной ситуации в России в середине 90-х годов пошло на спад: общественное сознание, которое регистрировало экологическую озабоченность людей в конце 80-х годов как четвертую по значимости проблему (после проблемы экономической неустроенности, политической и национальной напряженности), стало отводить проблемам экологии очень незначительное место (5–6% против 36% в 1989 г.) под натиском проблем физического выживания людей. Однако несомненно, что за экологическими движениями будущее: они во многом будут определять лицо общества, мобилизуя волю и сознание людей на обеспечение экологически безопасной жизни на Земле.

Несколько иначе развиваются движения социальной ориентации. Они обычно создаются для решения конкретных проблем. Речь идет о движениях социальной защиты, милосердия, заботы о пенсионерах, престарелых, о детях без родителей. Насколько остры эти проблемы, говорит хотя бы один факт: 8 из 10 воспитанников детских домов имеют родителей. Здесь тесно переплетены моральные, нравственные проблемы с собственно социальными, которые в неменьшей степени ставят вопрос как об ответственности общества, так и об ответственности людей, давших ребенку жизнь.

На социально-культурном направлении наряду со сложившимися движениями по сохранению памятников истории и культуры мощный импульс получили общества содействия искусству, литературе, живописи, музыке, родному языку и национальной культуре. Практически все национальные образования – республики, округа, диаспоры – создают общества, которые стремятся реализовать права на суверенитет в области духовной жизни.

Во всех крупных городах возникли национально-культурные сообщества и клубы, в которых представители территориально рассредоточенных наций и народностей – диаспор – получают возможность реализовать право общения на родном языке, участвовать в производстве и потреблении духовных ценностей, развивать и поддерживать национальную культуру. В середине 90-х годов стал организационно оформляться еще один вид самодеятельных организаций – землячества.

Итак, процесс становления и обогащения работы как сложившихся, так и новых общественных движений и гражданских инициатив – это залог мобильности, жизненности и эффективности обновляющегося общественного сознания и поведения людей.

Литература

1. Подробнее см.: Лапаева В.В. Становление российской много партийности // СОЦИС. 1996. № 8.
2. Седьмой съезд народных депутатов Российской Федерации (Социологический анализ). М., 1992.
3. См. подробнее: Дмитриев А.В. Политическая социология в США. Л., 1974.
4. Охотский Е.В. Политическая элита. М., 1996; Понеделков А.В. Элита. Ростов-на-Дону, 1995.
5. Подробнее см.: Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей эли ты в послесоциалистической России. М., 1993.
6. Подробнее см.: Неформалы. Кто они? Куда зовут? М., 1990.
7. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 6. С.58–61.
8. Опыт классификации этих движений осуществлен в кн.: Новые социальные движения в России / Под ред. Л.А.Гордона и Э.В.Клопова. М., 1993.

Темы для рефератов

1. Становление многопартийности в России в 80–90-е годы.
2. Характеристика партий неолиберальной ориентации.
3. Проблемы социалистических и коммунистических партий.
4. Настоящее и будущее национально-патриотических партий.
5. Казачество: традиции и современность.
6. Судьбы молодежного движения.
7. Кризис профсоюзных организаций.
8. Характеристика самодеятельных организаций – экологических, исторических, культурологических и др.

Вопросы и задания для повторения

1. Характерные черты многопартийности России.
2. Основные политические партии и их сущностные черты.
3. Чем объясняется крах КПСС?
4. Что собой представляет политическая элита?
5. Проблемы развития профсоюзного движения.
6. Молодежные организации и их политические ориентации.
7. Дайте характеристику основных самодеятельных движений.

Раздел V СОЦИОЛОГИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Духовная жизнь – самая богатая по своим проявлениям сфера сознания, по формам и методам его реализации в жизнедеятельности общества, классов, социальных групп и слоев, каждого человека. Это позволяло даже на определенном этапе развития научной мысли отождествлять понятия духовная жизнь и общественное сознание.

В работах советских и российских философов В.С.Барулина, В.Е.Давидовича, В.В.Журавлева, В.М.Межуева, А.К.Уледова было убедительно показано, что, во-первых, духовная жизнь не может быть сведена к отношениям по поводу идей и взглядов, теоретическому осмыслению действительности. Она функционирует как на уровне сознания, так и на уровне практической целесообразной деятельности человека,

охватывает все многообразие духовной жизни общества, классов, социальных групп и каждой личности, а соответственно условия и факторы этой жизни.

Во-вторых, духовная жизнь характеризуется тем, как, на каких основаниях и при помощи чего она изменяется, совершенствуется, обогащается. Духовная деятельность, будучи способом существования особого рода общественных отношений, выражается в конкретных формах в области науки, образования, массовой информации, культуры, литературы и искусства, т.е. всего того, что образует специфический феномен духовной жизни общества.

Такой подход к духовной жизни имеет большое теоретическое и практическое значение. Он не дает возможности субъективизировать ее, сводить только к взаимодействию теорий, взглядов и идей. Объективный характер сознания и поведения людей проявляется во всем многообразии духовных отношений, позволяет и в духовной жизни выделить как материальный, так и идеологический аспект и в то же время обнаружить ту сторону в развитии человека, которая не изменяется и не исчезает даже при смене общественно-политического строя.

С социологической точки зрения подход к духовной жизни как единству материального и идеального дает более точное представление о том, что можно сделать путем воздействия на общественное сознание, что следует учесть, когда речь идет об объективности процессов, происходящих в сфере духовной жизни общества.

В настоящее время понимание того, что представляет собой духовная жизнь, приобретает важное значение. В движении «экология культуры» с наибольшей полнотой проявилась забота о сбережении тех облагораживающих общество и человека традиций, которые составляют своеобразный сплав общечеловеческого и национально-особенного.

Таким образом, духовная жизнь – особый тип производства, потребления и распределения культурных ценностей, характеризующих степень возвышения человека, его интеллектуальное богатство, используемое в интересах гуманизма.

Отечественная социология накопила значительный опыт исследования процессов духовной жизни общества (Е.М.Бабосов, В.Г.Байкова, Г.П.Давидюк, Б.А.Грушин, Л.Н.Коган, Ю.В.Перов, В.М.Соколов, В.Б.Чурбанов, А.И.Яковлев и др.).

В известном смысле социология духовной жизни – понятие собирательное. Она состоит из таких относительно-самостоятельных социологических теорий, как социология образования, науки, культуры, средств массовой информации. Прочные традиции имеет и социология религии. Накоплен материал по социологическому изучению чтения, художественного творчества.

Основанием для выделения этих направлений в социологии являются структурные элементы, или подсистемы духовной сферы, каждая из которых имеет достаточно четкие критерии своего обособления: цель, средства ее достижения, объект и субъект воздействия, ресурсное обеспечение, а также определенные конечные результаты. Даже в том случае, когда некоторые подсистемы близки между собой или частично выполняют схожие функции (например, образование и воспитание), их нельзя идентифицировать.

Для социологии духовной жизни всегда большой интерес представлял анализ деятельности субъектов. Ее творцом и непосредственным участником является прежде всего само общество, призванное обеспечить человеку широкий доступ к культуре,

помочь раскрыть ему творческие дарования. Реализуя функции образования и воспитания, оно прибегает к экономическим, социальным и правовым рычагам, которые, с одной стороны, стимулируют необходимый для общества духовный прогресс, с другой – ограничивают проявления анти- и эрзацкультуры, безнравственного и асоциального поведения, унижающего честь и достоинство человека.

Активной силой являются различные общественные организации и добровольные объединения, каждое из которых присущими ему формами и методами принимает участие в производстве, потреблении и распределении духовных ценностей. Вместе с тем отметим, что если они не находят своего специфического места в функционировании духовной жизни, то эффект их работы становится незначительным, влияние резко падает, что, в свою очередь, ведет к обеднению интеллектуального потенциала страны.

И, наконец, субъектом духовной жизни (и субъектом важнейшим) выступает сам человек. К сожалению, в 60–70-е годы при трактовке проблем общественного развития сложилась тенденция рассматривать состояние, тенденции и проблемы духовной жизни, не уделяя должного внимания созидательной энергии самого человека. Учитывая, что на ее развитие оказывает косвенное влияние окружающая среда, появились попытки даже абсолютизировать процесс внешнего, опосредованного воздействия. В этой ситуации как бы забывался и затмевался вопрос о творческой силе людей, их личной ответственности за все происходящее в обществе.

Набор тем, предложенных в этом разделе, можно, естественно, значительно расширить за счет более подробного анализа проблем эстетики, этики, литературы и искусства. Предметом отдельного рассмотрения может стать процесс функционирования институтов духовной жизни (школ, клубов, библиотек, вузов, музеев, профессионально-технического образования, прессы, радио, телевидения).

Глава 1 СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Социология личности как специальная социологическая теория появилась на грани XIX и XX веков. В этой теории, как никакой другой, нашли отражение роль общественного, группового и индивидуального сознания, формы, пути и методы реализации их в социальном поведении и влияние макро-, мезо-и микроусловий на процесс его функционирования.

Многогранность процесса становления, развития и формирования личности породила различные концепции, которые по-разному подчеркивали те или иные аспекты этой проблемы. В работах Ч.Х.Кули (1864–1929), Дж.Мида (1863-1931) нашла отражение теория зеркального «Я», в которой личность трактовалась как объективное качество, приобретенное человеком в процессе социальной жизни. Я.Л.Морено (1892–1974), Т.Парсонс (1902–1979), Р.Липтон и др. уделяли внимание ролевой теории личности, согласно которой последняя есть функция от той совокупности социальных ролей, которые человек выполняет в обществе [1].

Значителен вклад в социологию личности сторонников статусной теории.

В отечественной социологии многое по проблемам развития человека, личности сделали ученые как в конце XIX – начале XX века, так и в советский период.

В дореволюционный период проблемы личности были проанализированы достаточно детально в трудах П.А.Лаврова (1823-1900), Е.В. де Роберта (1843-1915), П.А.Сорокина (1889–1968). Интересные наблюдения о нравах, привычках, ориентациях крестьянина осуществил А.Н.Энгельгардт (1832– 1893). Но особенно значительна роль Н.К.Михайловского (1842–1904), который предложил рассматривать личность в трех ипостасях: биогенном, психогенном и социогенном обличьи. Много внимания он уделил проблеме индивидуальности.

В советский период для развития теории личности и ее социологической и социально-психологической интерпретации многое сделали Б.Г.Ананьев, В.Г.Алексеева-Харчева, Л.П.Буева, И.С.Кон, Л.А.Зеленов, А.Г.Здравомыслов, В.Н.Лавриненко, А.В.Петровский, Б.Д.Парыгин, К.К.Платонов, Г.Л.Смирнов, Е.В.Шорохова, Е.Б.Шестопал, И.Т.Фролов, В.А.Ядов и др.

К анализу социологических проблем личности полностью применимы слова известного американского социолога Ч.Р.Миллса (1916–1962), который писал, что «изучение социологии должно показать, как оценивать себя не как изолированную личность, а как человека в море человечества; помочь расположить себя в историю и перспективу, чтобы точнее понять и оценить те факторы, которые влияют как на ваше поведение, так и на поведение других людей».

§ 1. ПОНЯТИЕ О СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Социология личности оперирует категориями, которые нередко рассматриваются как синонимы, – формирование, развитие, воспитание, социализация. Их неодинаковое использование затрудняет возможности социологического анализа.

Когда употребляется понятие формирование личности, то имеется в виду единство объективных условий и субъективных факторов, целенаправленно воздействующих на процесс становления и развития человека. Конечно, только при учете влияния всей совокупности общественных отношений в сочетании с субъективной деятельностью классов, общественных организаций и самого человека можно говорить о многостороннем воздействии на личность и соответственно формировать ее развитие.

Понятие развитие личности характеризует последовательность и поступательность изменений, происходящих в сознании и поведении личности. Воспитание связано с субъективной деятельностью, с выработкой у человека определенного представления об окружающем его мире. Хотя воспитание и учитывает влияние внешней среды, оно в основном олицетворяет усилия, которые осуществляют социальные институты.

Социализация представляет собой процесс становления личности, постепенное усвоение ею требований общества, приобретение социально значимых характеристик сознания и поведения, которые регулируют ее взаимоотношения с обществом. Социализация личности начинается с первых лет жизни и заканчивается к периоду гражданской зрелости человека, хотя, разумеется, полномочия, права и обязанности, приобретенные им, не говорят о том, что процесс социализации полностью завершен: по некоторым аспектам он продолжается всю жизнь. Именно в этом смысле мы говорим о необходимости повышения педагогической культуры родителей, о выполнении человеком гражданских обязанностей, о соблюдении правил межличностного общения. Иначе социализация означает процесс постоянного познания, закрепления и творческого освоения человеком правил и норм поведения, диктуемых ему обществом.

Первые элементарные сведения человек получает в семье, закладывающей основы и сознания, и поведения. В социологии обращено внимание на тот факт, что ценность семьи как социального института долгое время недостаточно учитывалась. Более того, ответственность за воспитание будущего гражданина в определенные периоды советской истории пытались снять с семьи, переложив на школу, трудовой коллектив, общественные организации. Принижение роли семьи принесло большие потери, в основном нравственного порядка, которые впоследствии обернулись крупными издержками в трудовой и общественно-политической жизни.

Эстафету социализации личности принимает школа. По мере взросления и подготовки к выполнению гражданского долга совокупность усваиваемых молодым человеком знаний усложняется. Однако не все они приобретают характер последовательности и завершенности. Так, в детстве ребенок получает первые представления о Родине, в общих чертах начинает формировать свое представление об обществе, в котором он живет, о принципах построения жизни. Но социологов и поныне волнует вопрос: почему так различен этот первоначальный процесс социализации личности, почему школа выпускает в жизнь молодых людей, отличающихся не просто своими взглядами и представлениями, но и набором ценностей, которые иногда прямо противостоят друг другу?

Социализация той части молодежи, которая приходит на работу после окончания учебных заведений (средних, профессиональных, высших), продолжается в тех конкретных условиях, которые сложились на производстве под влиянием не только общественных отношений, но и специфических особенностей, присущих данному социальному институту.

Мощным инструментом социализации личности выступают средства массовой информации – печать, радио, телевидение. Ими осуществляются интенсивная обработка общественного мнения, его формирование. При этом в одинаковой степени возможна реализация как созидательных, так и разрушительных задач.

Социализация личности органично включает в себя передачу социального опыта человечества, поэтому преемственность, сохранение и усвоение традиций неотделимы от повседневной жизни людей. При их посредстве новые поколения приобщаются к решению экономических, социальных, политических и духовных проблем общества.

И, наконец, социализация личности связана с трудовой, общественно-политической и познавательной деятельностью человека. Недостаточно просто обладать знаниями, их предстоит превратить в убеждения, которые проявляются в действиях личности. Именно соединение знаний, убеждений и практических действий образует характерные черты и качества, свойственные тем или иным типам личности.

Таким образом, социализация личности представляет, по сути, специфическую форму присвоения человеком тех гражданских отношений, которые существуют во всех сферах общественной жизни.

В современных условиях процесс социализации предъявляет новые требования к духовному облику, убеждениям и действиям людей. Это обусловлено, во-первых, тем, что осуществление социально-экономических, политических и духовных изменений может быть посильно людям высокообразованным, высококвалифицированным и сознательно участвующим в претворении их в жизнь. Только человек, глубоко убежденный в

необходимости намеченных преобразований, может быть активной, действенной силой исторического процесса.

Во-вторых, чрезвычайная сложность процесса социализации личности требует постоянного совершенствования средств его осуществления. Они нуждаются в обновлении, каждодневном поиске, конкретизирующем и уточняющем место и ответственность человека при решении как общественных, так и личных проблем.

В-третьих, социализация личности является неотъемлемой частью решения всех общественных проблем. Жизнь убедительно свидетельствует, что это настолько взаимосвязанный процесс, что он в одинаковой степени может многократно усиливать (или замедлять) общественный прогресс, если не учитываются объективные перемены, а также изменения в сознании и поведении людей.

В-четвертых, социализация личности предполагает преодоление негативных явлений в сознании и поведении людей. До сих пор социология личности не смогла ответить на такие вопросы: почему часть людей, имеющих одинаковое стартовое начало, становится хулиганами, пьяницами, ворами? почему другая часть превращается в бюрократов, подхалимов, угодников, карьеристов и т.д.? почему формируются антиобщественные типы поведения, социально опасные для общества?

И, наконец, социализация личности происходит в условиях взаимодействия мировой и национальной культур. И хотя общечеловеческие мотивы признаны ведущими в структуре общественного сознания и поведения, влияние национальных особенностей нередко оказывается решающим фактором, который во многом определяет облик человека. Феномен национального в процессе социализации поставил перед социологией вопрос о поиске новых резервов его сочетания с общечеловеческими ценностями, привел к необходимости более глубокого понимания социально-психологических механизмов признания особого места в общественной жизни каждого народа, каждой нации и народности и каждого отдельного их представителя.

Социализация личности предполагает, что объектом исследования становятся не одно или несколько, а весь комплекс общественно значимых качеств человека в их тесном единстве и взаимодействии. Они охватывают всю совокупность черт сознания и поведения: знания, убежденность, трудолюбие, культуру, воспитанность, стремление жить по законам красоты, физическую подготовку и т.д. Важное значение имеет преодоление стереотипов, атавизмов в сознании и поведении людей.-

Вместе с тем, в какой бы сфере ни действовал человек, духовный момент всегда и во всем сопровождает его деятельность. Более того, человек не пассивно воспроизводит то, что диктует ему общество. Он обладает возможностью проявить свою творческую силу и воздействовать на окружающие его явления. Особое значение для социализации личности, обогащения ее духовного мира приобретает свободное время, которое, по словам К.Маркса, служит мерилом истинного богатства человека.

Духовный компонент является определяющим в социализации человека, что позволяет, на наш взгляд, рассматривать эту отрасль социологической науки в тесной связи с проблемами культуры, образования, науки, литературы искусства. Это ни в коей мере не преуменьшает роль и значение экономических, социальных и политических отношений. Но человека возвышают лишь уровень культуры, богатство и глубина его духовного мира, степень развитости гуманизма, милосердия и уважения к другим людям.

§ 2. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС

Социальный статус – это показатель положения, занимаемого индивидом в обществе. Каждый человек обладает несколькими статусами (сын, он же геолог, он же вратарь) [2].

Различаются статусы приписанные (прирожденные) и достигнутые (приобретенные). Приписанный статус человек получает автоматически – по этническому происхождению, месту рождения, положению семьи – вне зависимости от личных усилий (дочь, бурятка, волжанка, аристократка). Достигнутый статус – писатель, студент, супруг, офицер, лауреат, директор, депутат – приобретается усилиями самого человека с помощью тех или иных социальных групп – семьи, бригады, партии.

Однако статусы неравны. Положение в обществе предопределяет главный статус, в основе которого, как правило, лежат должность, профессия. Профессия служит наиболее используемым, совокупным, интегративным показателем статусной позиции – вид работы определяет такие «статусные ресурсы» человека, как авторитет, престиж, власть.

В 90-е годы в число ведущего статуса стало выдвигаться богатство человека, владение собственностью и финансовыми ресурсами, возможность «красиво жить». В этой ситуации не квалификация, не мастерство, не творческий потенциал, а обладание недвижимостью и счетом в банке стало целью значительной части молодежи, которая и получение специальности стала рассматривать как элемент или ступень в достижении значительного материального достатка.

В этой связи следует отметить значение реальной стартовой позиции индивида, которая влияет на его оценку общества, дает определенную точку зрения на мир, которая во многом определяет дальнейшее поведение. Выходцы из семей с различными социальными статусами имеют неравные условия социализации, неодинаковые возможности для получения образования. Одни люди имеют большие возможности, а другим пути закрыты с самого рождения. Например, ребенок из семьи среднего класса (приписанный статус) имеет большие возможности стать врачом или ученым (достигнутый статус), чем ребенок из низших слоев общества. В этой связи в обществе растет сопротивление созданию учебных элитных заведений, качество учебы в которых покупается за деньги, лишает значительную часть молодежи возможности иметь равные стартовые позиции в жизни.

Важной характеристикой каждого из статусов являются спектр и свобода выбора иных статусов. Всякое индивидуальное решение относительно собственной судьбы заключается в постоянном выборе способов преодоления конкретного социального неравенства и в желании иметь соответствующие условия, обеспечивающие его конкурентоспособность в жизни.

Социальный статус, обеспечивая определенные права и возможности, ко многому обязывает. С помощью статусов упорядочиваются, регламентируются отношения между людьми. Социальные статусы отражаются как во внешнем поведении и облике – одежде, жаргоне, манерах, так и во внутренней позиции личности – установках, ценностных ориентациях, мотивах. Каждый статус требует и дает людям возможность достижения социальных ожиданий людей или их модификации, если не создает условий реализации данных ожиданий. В этом смысле прав известный польский социолог Ф.Знанецкий (1882–1958), который полагал, что социолог должен брать человеческого индивида не только так, как он «действительно есть» органически и психологически, но как он «сделан» другими и самим собой в их и его собственном опыте социальной жизни. С социологической точки зрения в индивиде первичны его социальная позиция и функция.

Органические и психологические особенности индивида, по Ф.Знанецкому, есть просто материал, из которого в процессе образования и самообразования формируется социальная личность.

§ 3. РОЛЕВАЯ ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ

Роль – это тип поведения личности, обусловленный ее статусом. Совокупность ролей, соответствующих данному статусу, определяется как ролевой набор. Роль объективно задается социальной позицией вне зависимости от индивидуальных особенностей человека, занимающего эту позицию. Исполнение роли связано со стремлением человека соответствовать принятым социальным нормам и ожиданиям окружающих.

Освоение ролей происходит в процессе социализации, причем число их постоянно увеличивается. В раннем детстве человек выполняет одну роль – ребенка, которому прививают определенные правила игры. Затем к нему добавляется роль воспитанника детсада и члена первичной социальной группы по совместной игре, времяпровождению, отдыху и т.д. В дальнейшем ребенок выполняет роль учащегося, члена молодежной группы, участника общественных действий (общественных организаций), члена различных групп по интересам.

Поскольку каждый человек исполняет несколько ролей, возможен ролевой конфликт: родители и сверстники ожидают различного поведения от подростка, а он, выполняя роли сына и приятеля, не может одновременно соответствовать их ожиданиям. Еще чаще этот конфликт – несовпадение ролей – сопровождает жизнь взрослого человека. Роль семьянина требует согласования его поведения с ролью гражданина, с ролью работника конкретной производственной организации.

Между ролевым ожиданием и ролевым исполнением никогда не бывает полного совпадения. Качество исполнения роли зависит от множества условий, в числе которых решающее значение имеет соответствие роли потребностям и интересам личности. Не исполняющий роли в соответствии с ожиданием вступает в конфликт с обществом, навлекает на себя общественные и групповые санкции.

Рассматривая свойства роли, Т.Парсонс сформулировал следующие ее характеристики и зависимости. Так, часть ролей четко ограничена в пространстве и во времени (школьник, студент), другая – размыта, неопределенна (членство в общественных организациях, в группах по интересам), третья часть длительна по времени действия (роль работника в течение всей трудовой жизни, отцовство, материнство и т.д.).

Неменьшее значение приобретает тот факт, что часть ролей требует соблюдения строго установленных правил (солдат, член производственной организации), для другой части эти требования устанавливаются достаточно произвольно (член музыкального клуба или общественной организации).

Выполнение роли связано также с ее мотивационной характеристикой: в одном случае роль ориентирует на получение личной выгоды (владелец частной собственности), в другом – на общественные, социальные интересы (член политической партии, член кооператива и т.д.).

И, наконец, важен и тот факт, что выполнение некоторых ролей жестко регламентировано (роль охранника, пожарного, дежурного), а другие роли могут обогащаться или терять

некоторые черты, что наиболее наглядно происходит в процессе продвижения по служебной или профессиональной лестнице.

Социальные роли и их значение для человека по-разному интерпретируются в научной литературе. Бихевиористская концепция социальной роли ограничивает предмет исследования непосредственно наблюдаемым поведением людей, взаимодействием индивидов: действие одного оказывается стимулом, вызывающим ответную реакцию другого. Это позволяет описать процесс взаимодействия, но не раскрывает внутренней стороны личности, характера общественных отношений, ролей и социальных ожиданий. Внутренняя структура личности (идеи, желания, установки) располагает к одним, но не способствует выбору других ролей. Ролевые ожидания также представляют собой неслучайные ситуационные факторы: они вытекают из требований социального окружения.

Социальная роль, которую выполняет человек, весьма значительна в его жизни, в его умении эффективно функционировать в рамках общества. «Человек продает не только товары, но продает самого себя и ощущает себя товаром... И как со всяким товаром рынок решает, сколько стоят те или иные человеческие качества, и даже определяет само их существование. Если качества, которые может предложить человек, не пользуются спросом, то у него нет вообще никаких качеств...» (Э.Фромм, 1969).

Вот почему деятельность следует рассматривать с социальных позиций, проявляющихся в стремлении человека реализовать себя как личность как в соответствии с ее социальным статусом, так и с социальной ролью.

§ 4. НОРМАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ

В отличие от ролевой теории данные концепции имеют обязывающий и ориентирующий характер, предписывающий человеку определенные формы восприятия, оценки и поведения в окружающей его действительности.

Особенно наглядно одна из этих концепций проявила себя в советской теории коммунистического воспитания, в рамках которой была создана модель определенного типа личности. Эта модель постоянно совершенствовалась, шлифовалась, служила неким эталоном, на который и должен быть сориентирован советский человек. Такие концепции создавали некий идеальный тип личности, в свете которого человек должен быть интеллектуалом, нравственно и эстетически воспитанным, уважать труд, быть патриотом и интернационалистом одновременно, физически подготовленным и т.д. и т.п. Эти черты личности постоянно изобретались, и предел этому поиску и обоснованию соответствующих черт поведения не был ограничен ни временем, ни пространством. По некоторым подсчетам, было обосновано свыше 160 черт, которыми должен обладать социалистический тип личности. (Правда, западные социологи Олпорт и Одберт насчитали таких возможных черт 18000, которые были сведены сначала до 555, а затем до 200 названий. – Н.И.Лапин, 1996).

Против этих черт личности нет никакого резона возражать: все они (или почти все) на самом деле были подчинены идее – создать некий идеал человека, который был бы по всем показателям лучше всех других людей. Но идеал был далек от реального типа личности, его реального сознания и поведения, а иногда даже находился в вопиющем противоречии с ними. Но большинство концепций коммунистического воспитания это не волновало. Они продолжали шлифовать образ идеального человека, а если проблемы

действительного положения дел их волновали, то только через отдельные недостатки, частичные ошибки, досадные просчеты.

В данных концепциях во всем объеме бушевало долженствование – как по отношению к человеку, так и по отношению к организациям, занимающимся его воспитанием. Даже лексика «необходимо», «должен», «обязан» и т.д. никак не ориентировала на выяснение реального положения дел, на постижение проблем действительного состояния взаимоотношений человека и общества.

Исследования этой проблематики в русле изучения согласия и тенденций развития общественного сознания позволили выявить, что система советского воспитания и такой мощный канал, как пропаганда, несли во многом эффект преднамеренности, заданное, что особенно ярко проявилось в несоответствии реальной жизни и пропагандируемых доктрин, в рассогласованности теоретических выводов и общественной практики. В этих условиях выработался стереотип поведения, который можно было назвать пассивным сопротивлением, когда люди открыто не противились пропагандируемым ценностям, но в то же время не желали следовать им.

В отечественной социологии был накоплен большой опыт проведения социологических исследований по проблемам воспитания [3]. Некоторые из них, например по трудовому, политическому, нравственному воспитанию, насчитывают сотни наименований. Среди них есть достаточно глубокие и обстоятельные исследования. Но всем им – даже самым лучшим – была присуща ориентация на должное, а не на сущее, а это неминуемо рождало целую серию издержек, ограничивало их результативность и действенность. Значительный вред воспитанию нанесла односторонняя, однобокая ориентация только на официальные установки, монополизм КПСС в определении ее ориентиров.

В рамках нормативистских концепций в значительной степени развивалась и крепла концепция ценностных ориентации личности.

«Ценность» – многозначное понятие, оно бытует в сфере обыденного сознания и в системе научного знания. Отражая все то, что осознается и переживается личностью как актуальная значимость, как смысл и идеал, ценность характеризует сознание, поведение и цели социальной деятельности. Понятие «ценность» ввел в науку немецкий философ И.Кант (1724–1804), сопоставляя представления о должном (ценностях и нормах) и о сущем (о том, что есть). Мир сущего как бы достраивается миром должного.

В современной интерпретации социальные ценности – это значимые идеи, явления и предметы реальной действительности с точки зрения соответствия потребностям и интересам общества, социальных групп и личности. Всякая ценность – цель сама по себе, к ней стремятся ради нее самой, поскольку она – идеал. Ценностное содержание явлений и объектов действительности побуждает человека к деятельности. Постоянно находясь в мире альтернатив, человек вынужден выбирать, критерием чего становится ценность, достижение которой выполняет функцию регуляции поведения людей.

Ценностные ориентации же представляют продукт социализации личности, освоения общественных идеалов, оценок и непреложных нормативных требований. Ценностные ориентации внутренне обусловлены, они формируются на базе соотнесения личного "опыта с бытующими в социуме образцами культуры и выражают собственные представления о должном, характеризуют жизненные притязания и престижные предпочтения. Ценностные ориентации – одна из наиболее стабильных характеристик личности.

В социологии ценности рассматриваются как социально-нормативные регуляторы общественной жизни и поведения людей. По Парсонсу, ценности – это общие взгляды, которые люди имеют в отношении нематериальных понятий, это высшие принципы, обеспечивающие согласие в малых общественных группах и в обществе. Ценности имеют широкую социокультурную основу, в то время как нормы – это конкретные правила для конкретных ситуаций. В.Франкл показал, что ценности не только управляют действиями – они выполняют роль смыслов человеческой жизни; как смысловые универсалии они составляют три класса, позволяющие сделать жизнь человека осмысленной: это – ценности творчества (в том числе труда), ценности переживания (прежде всего любви) и ценности отношения. Отсутствие связанности с какими-либо ценностями, символами, устоями можно назвать моральным одиночеством. И мы можем утверждать, что моральное одиночество так же непереносимо, как и физическое; более того, физическое одиночество становится невыносимым только в том случае, если оно влечет за собой и одиночество моральное (Э.Фромм, 1968).

Ценности и ценностные ориентации обладают двумя важнейшими качествами – высокой устойчивостью и изменчивостью, являясь выражением меры динамизма и открытости общества, его групп и индивидов.

При смене системы ценностей и ценностных ориентации возникает противоречие между различными смыслами и значениями старого и нового, традиционного и инициируемого. Ценностное противоречие переживается и осознается как трудность выбора и принятия решения. Оно разрешается в процессе ценностно-ориентировочной деятельности, ощущения неудовлетворенности собой и ситуацией, сопоставления ценности целей и средств их достижения в новом опыте деятельности.

Учет динамики ценностей и ценностных ориентации важен для изучения особенностей общественного и личностного развития, для понимания процессов переосмысления ценностей и механизмов самоопределения и самореализации социальных субъектов в кризисные периоды жизни.

В известном смысле в данную группу социологических теорий личности входит и диспозиционная, которая исходит из того, что социальные факторы поведения личности опосредованы социально-психологическими – осознанной готовностью личности к оценке социальной ситуации и адекватному поведению. Готовность (диспозиция), предрасположенность субъекта к поведенческому акту, определенному способу действия, последовательности поступков обусловлена предыдущим социальным опытом.

Этот опыт, жизненная позиция – сплав мировоззренческих установок, социальных ценностей, идеалов, норм, которые предопределяют готовность к действию, к определенной реакции на среду.

Диспозиции личности, по В.А.Ядову, рассматриваются как иерархически организованная система: высшие диспозиции: стратегическая направленность интересов, концепция жизни и ценностные ориентации; средние диспозиции: социальные установки на типичные социальные объекты и обстоятельства; низшие диспозиции: предрасположенность к восприятию и поведению в конкретных условиях, в данной предметной и социальной среде.

Личностные диспозиции отвечают потребностям личности жить в гармонии с обществом [4].

§ 5. СОЗНАНИЕ, ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Исходным пунктом – о чем бы мы ни вели речь: о воспитании, развитии, формировании или социализации личности – является анализ реального состояния сознания, его тенденций, противоречий развития.

Социологические исследования показывают, что слишком долго общественное сознание было устремлено в будущее: целые поколения советских людей были уверены, что наступит время, и они станут жить лучше, красивее, что достаток придет в каждую советскую семью. Но шли годы, одно поколение сменялось другим, а прекрасное будущее все не приходило, что неизбежно вызывало апатию, скепсис, разочарование.

В 80-е годы достаточно четко обнаружилось стремление решать общественные проблемы, не откладывая их на будущее, на потом. И решать не в масштабе общества, а именно в своем трудовом коллективе, в своем районе, городе, селе, деревне. И пусть необязательно это будут огромные изменения – люди готовы согласиться с малым, но чтобы их жизненный путь сопровождался хоть небольшими, но реальными сдвигами к лучшему. В данной ситуации нельзя согласиться с теми, кто подчеркивает гражданственность позиции, устремленность в будущее у людей первых пятилеток, времени послевоенных будней и осуждает прагматизм поколения 80–90-х годов. Обе тенденции в общественном сознании реально существовали всегда. Нацеленность на будущее, готовность поступиться сегодняшним днем помогали решать многие неотложные экономические и оборонные проблемы. Так и «заземленность» нынешнего сознания направлена на преодоление демагогии и инертности многих звеньев управления, открыто спекулирующих на доверии людей и уклоняющихся от удовлетворения их повседневных нужд [5].

Особо хотелось бы отметить тот факт, что творческий потенциал личности всегда был достаточно значительным. Даже в годы застоя лучшие труженики никогда не прекращали творческого поиска, проверки новаторских идей. Чрезвычайно трудно было им работать, ибо всякий нестандартный подход, свежая мысль, как правило, осуждались и нередко преследовались.

Соответствие дел букве, а не сути привело к появлению стойкого стереотипа в общественном сознании. Люди попросту не хотели рисковать. Накопленный негативный жизненный опыт подсказывал, что попытки что-то изменить, усовершенствовать часто оборачиваются серьезными потерями для человека. Значит, легче идти накатанным путем, не подвергая себя испытаниям, – такое рассуждение и поведение были тоже в ходу.

Данная ситуация породила различные формы превращенного сознания, когда человек знал и был информирован об одном, но часто был убежден в другом, а нередко поступал совсем иначе по сравнению с тем, чего он придерживался официально. Это выразилось в различных проявлениях ложного сознания, в мифотворчестве, в стереотипах мышления, в деформированном реально функционирующем сознании.

Так, мифологизация в нашей жизни базировалась на существовании многих «священных коров», которые были неприкосновенны и неоспоримы – требовалось только их неустанное почитание и восхваление. К ним в советское время относились утверждения типа «загнивание капитализма», «расцвет социализма», «социальное равенство» и

«дружба народов», а также такие перлы, как «экономика должна быть экономной», «единодушная признательность» и т.д. и т.п. Миф, провозглашенный в начале 60-х годов, что через 20–25 лет мы будем жить при коммунизме, принес разочарование и утрату той перспективы, которая питала людей в их стремлении к благополучию и счастью.

Рушится и миф о ценностях демократии, о ее спасительной роли в истории России. Семантический анализ оценки понятия демократия показал, что после взлета надежд в начале 90-х годов оно приобрело не просто неприемлемое, но и оскорбительное значение, хороня под своими обломками то, что на самом деле может быть непреходящей ценностью.

Наряду с мифами пышным цветом расцвели стереотипы, когда в сознании людей формировалось упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное представление о происходящих процессах и явлениях. Стереотипы от других видов знания отличаются тем, что базируются не на научной основе, а на случайных, отрывочных, а то и ложных сведениях. Но они живучи, так как связаны с существующей системой ценностей, в которой нередко превратно трактуются объективные потребности общественного развития, но зато чутко улавливаются утилитарные интересы людей. И влияние стереотипов тем сильнее, чем больше в обществе нарушены нравственные и правовые критерии оценки поведения людей.

Именно скованность застойной поры способствовала появлению целого букета стереотипов, нанесших огромный вред представлению об истинной ценности социального положения человека. В этих условиях принципы К.Пруткова «казаться больше, чем ты есть» и даже «быть больше того, чем ты кажешься» проявились в опасной многоликости поведения человека, когда он в официальном плане предстает одним, а в личной жизни, товарищеской обстановке – другим.

Разновидностью этого двуличия является глубокая убежденность в том, что общие требования к сознанию и поведению касаются большинства людей, а какой-то категории можно делать «небольшие» исключения. Отсюда недалеко и до элитарного сознания. Каково оно? Прежде всего, это сознание своей зависимости от «верхов», а не от низов, уверенность, что решать твою судьбу будут не подчиненные, а вышестоящие руководители. И это в большинстве случаев было так. Поэтому можно поболтать о демократии, об участии трудящихся в управлении, а самому осознавать свою независимость от этих трудящихся (по данным 1987 г., только 16% руководителей учитывали в своей работе общественное мнение). Переход к рыночным отношениям не ослабил, а, наоборот, взбодрил элитарное сознание, которое теперь уже нередко базируется не столько на самом факте владения властью, сколько на значительных, а порой огромных различиях в доходах. Элитарность питается атмосферой вседозволенности, созданной неупорядоченными действиями политической власти, невозможностью ее ограничить ни экономическими, ни правовыми рычагами. Для элитарного сознания и поведения нет никаких ограничений даже в той части, которая касается чести и достоинства людей других социальных групп.

Не меньше бед принесла и показуха. В сознании работников (как служащих, так и рабочих) распространилось стремление создать впечатление о «большой» и «трудной» работе. И чем больше бездельничал человек, тем больше он старался продемонстрировать видимость работы. Брались и провозглашались обязательства, которые никогда не выполнялись полностью, формировались рекламные группы для показа «достижений».

Показуха не исчезла и в условиях рыночных отношений: она только модифицировалась, приобрела новые формы и новый облик, породила немало игр в поддавки, в создание дутых авторитетов. Мало ли сейчас в аппарате управления людей, которые взлетели вверх на умении себя подать, на умении говорить, а не работать?

Одновременно развиваются и модифицируются самые изощренные формы социального паразитизма. В обществе сложилась огромная армия бездельников, которых заставить работать не удавалось: часто общество терпело поражения в борьбе с прослойкой, умело и хищно эксплуатирующей несовершенство общественных отношений, и спекулирующей на гуманизме.

Попирает моральные принципы жизни людей и протекционизм. Стремление удержаться у власти любой ценой породило целую серию приемов, причем семейственность была скорее примитивной отрыжкой прошлого. Гораздо опаснее было создание различных групп давления, групп взаимоподдержки, от которых недалеко до формирования мафиозных групп.

Существует и сознание воинствующего мещанства, т.е. той категории людей, которая привыкла «красиво жить». На определенном этапе они как-то скрывались, хотя общество знало об их существовании. Но вот с 70-х годов эти люди открыто стали кичиться своими «достоинствами», проповедуя не «тихую» мещанскую, а наступательную идеологию, перед которой иногда пасовали честные люди, не найдя способов бороться с ней.

Следует отметить и феномен социологической пропаганды, которая во многом преуспела в СССР и преуспевает в сегодняшней России. С помощью эталонов поведения, атрибутов повседневной жизни людям навязываются образцы, несовместимые с национальными традициями, обычаями и культурой [6]. Вместе с тем социологическая пропаганда может использоваться и в позитивном направлении, когда пропагандируются материальные носители духовного богатства народа.

В заключение несколько слов о таком явлении, как маргинальное сознание и поведение. Маргинализация подразумевает разрыв, потерю объективной принадлежности к некоей социальной общности без последующего вхождения в иную или без полной адаптации в новой общности. Примеры маргинальности: горожане сельского происхождения, дети из межнациональных семей, представители третьих стран, получившие европейское образование, эмигранты.

Понятие маргинальность ввел американский социолог Роберт Парк (1864–1944). Изучая расовые проблемы в южных штатах, он обозначил этим понятием положение мулатов. Иначе говоря, это характеристика пограничных, промежуточных, стоящих на рубеже культур, явлений, социальных субъектов, статусов.

Маргинальные люди имеют отношение к двум или даже нескольким различным группам, не принадлежа ни к одной из них полностью; их субъективное представление о себе и объективное положение довольно противоречивы. Маргинальный человек «живет в двух мирах и в обоих он более или менее посторонний» (Р.Парк). Затрудняя личностную идентификацию с определенной группой, эта амбивалентность способствует размыванию норм и ценностей исходной субкультуры без соответствующего приобщения к новой субкультуре.

Главный признак маргинализации – разрыв социальных связей, причем в «классическом» случае последовательно рвутся экономические, социальные и духовные связи. При

включении маргинала в новую социальную общность эти связи в той же последовательности восстанавливаются, причем установление социальных и духовных связей, как правило, сильно отстает от установления связей экономических.

Социальная и территориальная мобильность, изменения социально-экономического статуса, перемещения в культурном пространстве, столкновение с моральными нормами иного типа приводят личность к необходимости борьбы за выживание, в которой она может проходить через конкуренцию, конфликт, адаптацию вплоть до ассимиляции. Именно поэтому маргинальность характеризуется стремлением к интеграции – желанием «войти» в группу, занимающую более высокий социальный статус, преодолеть значительную социальную дистанцию.

Маргинализация личности в условиях нарушения сложившихся социальных связей может вести к диссоциации человека, тем самым вызывая психологическое напряжение, страх, стесненность, зависть, поведение, не совпадающее с общепринятыми нормами. Маргинальная личность обладает рядом характерных черт: беспокойством, агрессивностью, честолюбием, эгоцентричностью. Именно поэтому первоначально маргинальность оценивалась негативно и связывалась с проявлениями социального дискомфорта и девиации. Однако ее социальное значение может быть положительным: отсутствие жестко очерченных норм и связей способствует повышению активности, проявлению инициативы, выработке культурных и социальных нововведений.

Таким образом, личность – продукт исторического развития, результат активной предметной деятельности и общения. Свойства личности зависят от общественно-экономических, социально-культурных и предметно-деятельностных особенностей ее образа жизни. Личность не только объект, но и субъект социальных отношений. Она характеризуется автономностью, способностью противопоставлять себя обществу, формировать новые общественно необходимые функции и образцы поведения. Вместе с тем личная независимость, творческая активность предполагают наличие самосознания, способность к рефлексии – самоанализу, самооценке, самоконтролю – и их согласование с объективными условиями жизни общества.

Литература

1. Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С.162.
2. См. подробнее: Борисова Л.Г., Солодова Г.С. Социология личности. Новосибирск, 1997.
3. См. подробнее: Харчев А.Г. Социология воспитания [о некоторых актуальных проблемах воспитания личности). М., 1990.
4. Ядов В.А. Диспозиционная концепция личности // Социальная психология. Л., 1979.
5. См.: Бойков В.Э., Иванов В.Н., Тощенко Ж.Т. Общественное сознание и перестройка. М., 1990.
6. Лавровский А. Американская социологическая пропаганда. М., 1978. В советской литературе эта проблема впервые была затронута О.А.Феофановым (См.: Вопросы философии. 1974. № 1).

Темы для рефератов

1. Генезис идей социологии личности в зарубежной и отечественной литературе.
2. Концепции формирования личности.
3. Плюсы и минусы социологии воспитания.
4. Основные каналы социализации личности.
5. Сравнительный анализ статусного положения личности в 80-е и 90-е годы.

6. Изменения социальных ролей в период рыночной экономики.
7. Ценности и их роль в социализации личности.
8. Социологическая пропаганда: возможности и перспективы.
9. Превращенные формы сознания личности (мифы, стереотипы и т.д.).

Вопросы и задания для повторения

1. Что изучает социология личности?
2. В чем различие понятий «социализация личности», «формирование личности», «развитие личности», «воспитание личности»?
3. Основные этапы социализации личности.
4. Что такое статус личности?
5. Основные положения ролевой теории личности.
6. Содержание и виды нормативных теорий личности.
7. Препятствия и преграды на пути развития реального сознания личности.

Глава 2 СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Как особая дисциплина социология образования сформировалась на рубеже XIX – XX веков. В своих работах ЭДюркгейм, Д.Дьюи и другие социологи обратили внимание на необходимость специального анализа тех проблем, которые затрагивали роль, назначение и функции образования.

В отечественной социологии первые попытки анализа состояния образованности населения связаны с деятельностью земских статистиков, которые достаточно всесторонне и основательно описали состояние школьного дела в России [1]. Однако собственно социологические работы по проблемам образования появились в России только в XX веке. Исследования советских социологов в 20-е годы содержали предложения по обучению работающей молодежи, по подготовке новой интеллигенции, по реализации программы ликвидации неграмотности (Е.А.Кабо, Л.Е.Минц, В.С.Овчинников и др.).

Интенсивное развитие социология образования получила в конце 60-х – начале 70-х годов. Работы Ф.Р.Филиппова, В.Н.Турченко, В.Н.Шубкина были первыми, в которых анализировались как общие, так и специфические вопросы образования. Несколько позднее эту группу исследователей пополнили такие видные представители советской социологии, как Н.А.Аитов, М.Х.Титма, В.Т.Лисовский, В.И.Файнбург и др.

Затем социология образования расширила свое влияние: исследования проблем высшей школы были проведены Л.Я.Рубиной, С.И.Григорьевым, В.Г.Харчевой, Ю.Леонавичюсом, средней школы и учительства – Л.Г.Борисовой, Ф.Г.Зиятдиновой, А.М.Гендиным, М.И.Сергеевым, И.Кенкманом, роль профессионального образования рассматривали А.А.Овчиннников, Д.Л.Константиновский, И.В.Бестужев-Лада, В.Э.Шерега и др.

Большой всплеск исследований по социологии среднего образования породили попытки его реформирования в 70– 80-е годы (последняя – в годы перестройки). В этих работах был осуществлен обстоятельный анализ происходящих изменений, а также тех препятствий, которые стояли на их пути.

Что же касается отечественной социологии 90-х годов, то пока можно назвать мало работ, в которых были бы в полной мере осмыслены те кардинальные изменения, которые реально происходят во всей системе образования. По-прежнему актуальным остается вопрос о том, что определяет интерес людей к процессу овладения знаниями, какова оценка его действенности и эффективности, какие проблемы волнуют людей в условиях информационного общества.

§ 1. ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Образование является объектом и предметом изучения ряда наук: педагогики, психологии, философии, истории, экономики, социологии. Каждая из них исследует ту грань, которая специфична для каждой из них. Причем любая из названных наук не может не учитывать того, что сделано в смежной области знаний. Но не иметь специфики своего подхода – это значит обрекать себя на повтор той информации, которая содержится в других науках и соответственно ставить под сомнение целесообразность своего автономного существования.

Социология так же, как и другие науки, опирается на обобщенную информацию, которую не может игнорировать ни одна из наук: что собой представляет система образования, численность обучающихся и преподавателей в целом и по отдельным формам, инфрастуктура образования, сравнение с другими странами и т.д. Вместе с тем социология имеет свои специфические задачи:

1. изучение потребностей в образовании, понимание и оценка его роли в жизни общества и личной жизни;
2. оценка уровня и качества знаний в контексте их социальной значимости;
3. отношение общества и обучающихся к образованию, изучение его социальной ценности;
4. выявление роли образования как фактора социального статуса;
5. определение степени его влияния на динамику духовных потребностей и интересов.

Вместе с тем в системе народного образования существуют различные формы и уровни образования, каждый из которых имеет особенности, цели и задачи. Соответственно предмет социологии образования также получает свое специфическое звучание.

Напомним, что существующая система образования состоит из дошкольного, среднего, профессионального средне-специального и высшего образования. Как особое явление рассматривается послевузовское образование. Все больший интерес вызывает феномен непрерывного образования.

Что касается дошкольного образования, то социология исходит из того, что основы воспитанности человека, его трудолюбия, многие другие нравственные качества закладываются еще в раннем детстве.

В целом значение дошкольного воспитания недооценивается. Слишком часто упускается из виду, что это чрезвычайно важная ступень в жизни человека, на которой закладывается первооснова личностных качеств человека. И суть не в количественных показателях «охвата» детей или удовлетворения желаний родителей. Детские сады, ясли, комбинаты – не просто средство «присмотра» за детьми, здесь происходит их умственное, нравственное и физическое развитие. С переходом к обучению детей с 6 лет детские сады столкнулись с новыми для себя проблемами – организацией деятельности подготовительных групп, чтобы дети могли нормально входить в школьный ритм жизни, иметь навыки самообслуживания.

С точки зрения социологии особую значимость приобретает анализ ориентированности общества на поддержку дошкольных форм образования, на готовность родителей прибегать к их помощи для подготовки детей к труду и рациональной организации своей общественной и личной жизни. Для познания специфики этой формы образования особо значима позиция и ценностные ориентации тех людей, которые занимаются с детьми – воспитателей, обслуживающего персонала, – а также их готовности, понимания и стремления выполнить возлагаемые на них обязанности и надежды.

В отличие от дошкольного образования и воспитания, которое охватывает не каждого ребенка (в 1992 г. в детсадах находился только каждый второй ребенок), средняя общеобразовательная школа нацелена на подготовку к жизни всего без исключения подрастающего поколения. В условиях советского периода, начиная с 60-х годов, осуществилась реализация принципа всеобщности полного среднего образования с целью обеспечения молодежи «равного старта» при вступлении в самостоятельную трудовую жизнь. В новой Конституции РФ такое положение отсутствует. И если в советской школе из-за требования дать каждому молодому человеку среднее образование процветали процентомания, приписки, искусственное завышение успеваемости, то в российской школе растет число бросивших школу (по данным экспертов, в 1997 г. не училось 1,5–2 млн. детей), что со временем скажется на интеллектуальном потенциале общества.

Но и в этой ситуации социология образования по-прежнему нацелена на изучение ценностей общего образования, на ориентиры родителей и детей, на их реакцию на внедрение новых форм образования, ибо окончание общеобразовательной школы оказывается для молодого человека одновременно и моментом выбора будущего жизненного пути, профессии, рода занятий. Останавливаясь на одном из вариантов, выпускник школы тем самым отдает предпочтение тому или иному виду профессионального образования. Но что движет им в выборе траектории своего будущего жизненного пути, что влияет на этот выбор и как он изменяется в течение жизни – это одна из важнейших проблем социологии. Наиболее интересно в этом смысле исследование М.Титмы, который с конца 70-х годов прослеживает путь выпускников школы в Молдавии, Украине, Узбекистане и в ряде республик, краев и областей России [2].

Особое место занимает исследование профессионального образования – профессионально-технического, среднеспециального и высшего.

Профессионально-техническое образование самым непосредственным образом связано с потребностями производства, с оперативной и сравнительно быстрой формой включения молодых людей в жизнь. Оно непосредственно осуществляется в рамках крупных производственных организаций или государственной системой образования. Возникнув в 1940 году как фабрично-заводское ученичество (ФЗУ), профессионально-техническое образование прошло сложный и извилистый путь развития. И, несмотря на различные издержки (попытки перевести всю систему на сочетание полного и специального образования в подготовке необходимых профессий, слабый учет региональных и национальных особенностей), профессионально-техническая подготовка остается важнейшим каналом получения профессии. Для социологии образования важны знание мотивов учащихся, эффективность обучения, его роли в повышении квалификации и реального участия в решении народнохозяйственных проблем.

Вместе с тем социологические исследования и в 70–80-х годах, и в 90-е годы по-прежнему фиксируют сравнительно невысокий (а по ряду профессий низкий) престиж этого вида

образования, ибо ориентация выпускников школы на получение высшего, а затем среднеспециального образования продолжает преобладать. Противоречивый опыт социально-профессиональных ориентации молодежи в начале 90-х годов показывает весьма серьезный и глубокий их кризис в силу большого расхождения провозглашенных целей и их реального обеспечения в обществе [3].

Что касается среднего специального и высшего образования, для социологии важны выявление социального статуса этих видов обучения молодежи, оценка возможностей и роли в будущей взрослой жизни, соответствие субъективных устремлений и объективных потребностей общества, качество и эффективность подготовки. В 1995 году 27 млн. молодых людей в возрасте от 12 до 22 лет учились, из них 16% были студентами вузов и техникумов.

Особо остро стоит вопрос о профессионализме будущих специалистов, о том, чтобы качество и уровень современной их подготовки отвечали реалиям сегодняшнего дня. Однако и исследования 80-х, и исследования 90-х годов показывают, что в этом отношении накопилось немало проблем. Продолжает оставаться, как свидетельствуют результаты социологических исследований, невысокой устойчивость профессиональных интересов молодых людей. По исследованиям уральских социологов (Л.Я.Рубина), до 60% выпускников вузов меняют свою профессию. По данным опроса выпускников техникумов в Москве, только 28% из них спустя три года после получения диплома трудились по полученной специальности. В целом по стране в конце 80-х годов 4 млн. специалистов с высшим и средним специальным образованием работали на должностях, не требующих такого уровня подготовки. С переходом к рынку этот процесс еще более усугубился.

Процесс обновления высшей и средней специальной школы еще только начался. Идет он с большим трудом и имеет серьезные издержки. Опросы фиксируют, что перемены к лучшему ощутили только 16% студентов вузов и 11% учащихся техникумов. Итоги социологических исследований свидетельствуют, что лишь создание условий для подлинно демократического участия студенчества в решении своих судеб способно обеспечить коренные изменения в работе высшей школы (Ф.Э.Шереги, В.Г.Харчева, 1995).

Важным показателем уровня специалиста является обращения к духовности, к общечеловеческим ценностям, к богатству мировой культуры. Жизнь предъявила нелицеприятный счет каждому специалисту – не замыкаться в рамках «профессионального кретинизма». Гуманизация всего высшего образования стала неотложной задачей сегодняшнего дня.

Одно из самых серьезных препятствий на пути развития профессионального образования – отсутствие тесной интеграции науки и учебного процесса, особенно в вузах, готовящих специалистов для новых и авангардных технологий, наукоемких производств. Отставание от складывающихся в мире новых возможностей науки и образования во многом объясняется тем, что экстенсивная экономика не требовала высокого качества подготовки специалиста. Уровень жизни человека не зависел от его профессиональной компетентности, качества труда. Знание, талант оставались невостребованными. Естественно, что такая ситуация не способствовала возникновению мотивации к серьезной, творческой работе ни у студентов, ни у преподавателей. Студенты равнодушно взирали на «борьбу» преподавателей за качество их подготовки. Все это создавало почву для процветания административных методов организации учебного процесса, формировало у студентов пассивность, беспомощность, апатию. Если по данным социологического исследования, проведенного в 1988 году в 38 вузах, студентов

волновало равнодушие и несправедливость некоторых преподавателей и администраторов, то в настоящее время, по данным В.Г.Харчевой и Ф.Э.Шереги, в первую очередь волнует материальное положение, условия и качество учебы и, что особо необходимо подчеркнуть, будущее устройство в жизни, которое представляется им бесперспективным: только 52% считают, что они будут работать по специальности [4].

Обстоятельный социологический анализ уровня образования молодых людей позволил обнаружить, что кругозор многих из них характеризуется поверхностным знанием, не затрагивающим глубинные пласты сознания. Вот почему социология стала констатировать появление групп людей, которые получили образование, но не имеют соответствующего культурного потенциала.

Вырос целый отряд «серых специалистов», у которых низкий профессиональный уровень в большинстве случаев соседствовал с низким уровнем общей культуры. Бремя таких специалистов резко уменьшало потенциальные интеллектуальные возможности общества, деформировало духовный мир страны, пагубно влияло на компетентность различного ранга руководителей. В этих условиях нелепо выглядели количественные показатели выпуска специалистов, которые часто не соответствовали предъявляемым к ним требованиям, причем само народное хозяйство не нуждалось в таком их количестве. Все это привело к оголтелым формам технократизма, не желающего ни с чем считаться, кроме количественных показателей.

Долгое время из народного образования, особенно из школы, выжигали дифференциацию. Практика подтвердила, что единообразная школа малопродуктивна, приводит к опустошению ума и души. Можно проследить путь деградации народного образования. Из инструмента развития личности оно постепенно превратилось в инструмент простого воспроизводства знаний и наконец стало работать в режиме расхищения интеллектуальных богатств нации. И хотя общество предпринимает попытки поставить на службу народу те принципы, которые хорошо зарекомендовали себя в истории, до сих пор не преодолены инерция мышления и действия, противоборство различных эшелонов управления, догматизм многих педагогических теорий. Процесс раскрепощения идет очень медленно.

Тем не менее социологический анализ проблем развития народного образования подтверждает, что народное образование выступает как интегральная, обобщающая ценность духовной культуры. Наряду с политической и правовой культурой образование формирует эстетические и нравственные черты личности в неразрывной связи с жизнью общества.

В зарубежной социологии образования, как показали, в частности, дискуссии в рамках XI Всемирного социологического конгресса в Дели (1986 г.), получают распространение идеи «автономизации» и приватизации школы, ее «независимости» от государства, политики, господствующей идеологии, все равно какой – светской или религиозной, прогрессивной или консервативной.

Анализ хода реальных изменений в нашей стране в 90-х годах в системе образования обнаруживает похожие и подобные сдвиги, которые можно охарактеризовать как важный этап в поисках новой парадигмы развития образования. Несомненно, что его гуманизация, связь с мировой культурой, приоритет общечеловеческих ценностей – это тот ключ, который сможет обеспечить эффективность подготовки молодежи к жизни, станет опорой каждому человеку на протяжении всего его жизненного пути.

§ 2. ЭФФЕКТИВНОСТЬ И КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ

Очевидно, что для того, чтобы выявить эффективность, действенность образования с точки зрения социологии, необходима оценка данного социального института, во-первых, с позиций тех людей, которые учатся или повышают свой уровень общеобразовательных и профессиональных знаний. Во-вторых, очень важно оценить социальную позицию, цель, установки и ориентации тех, кто обучает, т.е. всех тех, кто в силу своего профессионального положения обеспечивает воспроизводство, трансляцию и усвоение знаний. В-третьих, это оценка тех, кто является потребителем продукции общей и профессиональной школы, кто получает в виде выпускников учебных заведений молодых людей, претендующих на соответствие потребностям национального хозяйства. И, наконец, это нормативная база, на которую опирается общество при эффективности образования, когда сравниваются реальные и декларируемые показатели его функционирования.

Именно с этих позиций и осуществляется социологическое изучение ключевых показателей любой системы и любого уровня образования.

Прежде всего, это уровень знаний, которым обладают учащиеся и студенты, все население страны.

В 1988 году 89% работающих в народном хозяйстве имели среднее, среднее специальное и высшее образование. Сама по себе цифра впечатляющая, особенно если сравнивать с предшествующими этапами развития общества. Вместе с тем качество обучения и подготовки молодежи к жизни находилась в вопиющем противоречии с современными потребностями общества. Более того, те достижения в образовании, которые страна имела к концу 50-х годов, к началу 80-х были утрачены, что привело к необходимости осознать новую историческую реальность и определить формы и методы решения этой проблемы.

Суть проблемы состоит в том, что отечественная школа отстала от мирового уровня в вопросах модернизации обучения, творческие находки новаторов-преподавателей и особенно учителей не получали признания. Средняя и высшая школа перестали обеспечивать усвоение подлинных богатств человеческой культуры, общегуманистических нравственных ценностей.

Насколько тревожен факт снижения качества обучения, говорят данные выборочного опроса жителей Москвы и Курска. На просьбу показать на контурной карте ряд стран, Тихий океан, Персидский залив и Центральную Америку – всего 16 наименований – правильный ответ был дан в среднем в 7,4% случаев. Лишь 38% советских людей нашли на карте Афганистан. 13% не смогли правильно показать свою страну (В.Г.Андреенков, 1993). В целом по знанию контурной карты советские граждане оказались среди замыкающих десятку (наряду с итальянцами и мексиканцами]. И поэтому вполне логичен вывод президента и председателя правления Национального географического общества Дж. Гровнора, инициатора данного исследования: «Без географической грамотности трудно представить сознательного человека – участника демократического политического процесса».

Аналогичные (или похожие) примеры можно привести' по многим другим дисциплинам. Но особенно удивителен факт, когда это незнание обнаруживают люди, которые должны учить других или от их знания зависит жизнь других людей. И особенно тревожно это звучит для высшей школы. Процесс подготовки профессиональных «полузнаек» зашел очень далеко. Выборочный анализ работы отдельных вузов подтверждает этот вывод:

проверка студентов Башкирского медицинского института в 1988 году обнаружила, что 50% выпускников не могут поставить несложный диагноз. Многие выпускники педагогических вузов достаточно безграмотны. Будущие инженеры на производстве теряются и не могут решить простые технические и технологические задачи.

Эффективность образования во многом зависит от того, какие цели ставят перед собой участники этого процесса, и в первую очередь учащиеся и студенты, что они хотят реализовать в своей жизни с помощью образования. В этой связи очень важно установить зависимость между социальной и профессиональной ориентацией. Социальная ориентация – это определение человеком своего места в системе общественных отношений, выбор желаемого социального положения и путей его достижения. Профессиональная ориентация есть осознание того «набора» профессий, который предлагает в данный момент общество, и выбор наиболее привлекательной из них. Социальная ориентация взаимодействует с профессиональной, хотя та и другая не тождественны. Они взаимосвязаны постольку, поскольку социальное положение человека в обществе определяется характером и содержанием его труда.

Социологические исследования (Ф.Р.Филиппов) позволили, в частности, установить, что выбор вида профессионального образования лишь частично обусловлен выбором будущей профессии – в большей мере, чем профессию, люди выбирают свое будущее социальное положение. При этом социальная ориентация складывается у учащихся школ значительно раньше, чем профессиональная. Большинство опрошенных учащихся пока мало информировано о конкретном содержании избранного ими вида будущей трудовой деятельности, об условиях труда, его оплате. Выбор, сделанный накануне окончания школы, нередко бывает продиктован случайными мотивами (близостью профессионального учебного заведения к месту жительства, примером сверстников и друзей, советами знакомых). Рекомендации школы, роль кабинетов, профориентации назвали в качестве факторов выбора профессии лишь 4–5% опрошенных молодых людей.

Социальная ориентация образования еще больше усилилась в период рыночных преобразований. Стремительно возросло число желающих получить финансовое, юридическое, экономическое образование в силу того, что именно эти виды образования дают возможность занять лидирующее, высокообеспеченное положение в обществе. Так, исследование, проведенное в Красноярском крае в 1994 году и охватившее 13 городских и сельских школ (769 учащихся девятых и одиннадцатых классов), показало, что из числа девятиклассников, определившихся в выборе профессии, никто не пожелал стать рабочим в промышленном производстве; 3,1% хотели бы стать строительными рабочими; 2,4% – работниками сельского хозяйства; 2,4% – влиться в ряды ИТР. Не отличается от этих значений существенным образом профессиональный выбор учащихся 11-х классов, для которых доля ответов, приходившихся на вышеупомянутые роды деятельности, составила, соответственно 0,5, 0,9, 1,4 и 4,5% от числа ответивших.

Что касается сельскохозяйственной деятельности, то всего 6,3% от числа ответивших учащихся 9-х и 1,4% учащихся 11-х классов связывали свой основной либо дополнительный (запасной) выбор профессии с этой крайне важной для общества сферой деятельности. Причем большинство из этих немногих высказывали желание стать агрономами, ветеринарами, охотниками, промысловиками, пчеловодами. О массовых и наиболее нужных на селе профессиях механизаторов и животноводов упомянули из 300 всего 3 (!) учащихся. Несмотря на настойчивую пропаганду фермерства, никто из опрошенных не пожелал испытать себя на этом важном для общества поприще.

Не лучше обстоят дела в отношении возможности работать в промышленности. Выразил желание стать рабочим (выбор основной профессии) всего один учащийся 11-го класса (из числа девятиклассников – ни одного человека), да и тот хочет стать старателем (очевидно, надеясь найти золотой самородок и разбогатеть). Лишь в случае неудачи с основным выбором готовы работать слесарями и токарями 6 учащихся 9-х классов (что составляет мизерную долю – 2,4% от числа ответивших). Не пользуются, как видим, почетом среди учащейся молодежи и производственные профессии, требующие высшего и среднего специального образования. Готовы влиться в ряды инженерно-технического персонала в общей сложности с учетом основного и дополнительного выборов всего 2,8% из числа ответивших девятиклассников и 4,5% – одиннадцатиклассников [5].

К проблеме цели очень тесно примыкает проблема мотивов обучения и особенно повышения образования и квалификации. Поэтому если в общеобразовательной школе интерес к обучению в значительной степени подавлен и действует установка «так надо», «родители требуют», «все учатся», то в среднеспециальных и особенно высших учебных заведениях интерес ярко выражен: желание «получить интересную профессию», «повысить свой авторитет», «приобщиться к интеллектуальной сфере жизни», «стать руководителем». В условиях рыночных отношений возрос мотив, связанный с возможностью получения высокой оплаты труда, с желанием приобрести экономическую самостоятельность и даже экономическую независимость не только от родителей, но и в известной мере от общества.

В середине 90-х годов В.И.Чупровым зарегистрировано новое явление в мотивации молодых людей: их желание соединить учебу с производительным трудом. В процессе исследования (1995 г., 2 тыс. респондентов, квотная выборка) было выявлено, что около 80% подростков, юношей и девушек уже включены в различные сферы вторичной занятости. Что касается труда, то совмещают учебу с работой 10,8% учащихся, в том числе 6,9% школьников, 11,7% учащихся ПТУ, 17,4% студентов техникумов и 15,7% студентов вузов [6].

Не меньшее значение при оценке эффективности и качества образования имеет удовлетворенность процессом получения знаний, самими знаниями, методами и формами их подачи и усвоения, а также тем, насколько знания помогут молодым людям в их будущей жизни.

Согласно данным социологических исследований (например, С.Г.Зырянов, 1992) удовлетворенность образованием низка: примерно каждый второй рабочий (43,3%) и каждый четвертый служащий (26,8%) дали отрицательный ответ на этот вопрос. Особенно не удовлетворены им рабочие, что можно рассматривать как ограничение их возможностей в социальном положении и социальном статусе, а также констатацию того факта, что школа (и родители) могли потребовать от них значительно больших усилий по овладению знаниями [7].

§ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Молодежь вступает в жизнь – трудовую, общественно-политическую, имея, как правило, среднее образование. Однако оно очень серьезно различается по качеству. Значительные различия зависят от социальных факторов: в специализированных школах с углубленным изучением отдельных предметов оно выше, чем в обычных массовых; в городских школах выше, чем в сельских; в дневных выше, чем в вечерних (сменных). Эти различия углубились в связи с переходом страны к рыночным отношениям. Появились элитные

школы (лицеи, гимназии). Система получения образования явно становится одним из показателей социальной дифференциации. Желаемое разнообразие в образовании оборачивается социальной селекцией с помощью образования.

Общество переходит от сравнительно демократической системы образования, доступной представителям всех социальных групп, открытой для контроля и воздействия со стороны общества, к селективной, элитарной модели, исходящей из идеи автономности образования как в экономическом, так и в политическом аспекте. Сторонники этой концепции полагают, что образование – такая же сфера предпринимательской деятельности, как производство, коммерция, и поэтому должна функционировать так, чтобы приносить прибыль. Отсюда неизбежность внесения платы за образование учащимися, использование различных систем для определения уровня интеллектуального развития или одаренности. Возможность платить и личная одаренность – таковы струны, из которых плетется сито селекции, со все уменьшающимися ячейками по мере продвижения к вершине образовательной, а затем и социальной пирамиды.

В 1997/98 учебном году планировалось принять 82 тыс. студентов по платной форме обучения и около 60 тыс. – в негосударственные высшие учебные заведения, что составляет 26% от плана в государственные вузы (542,6 тыс.), или 40% от дневных форм обучения (361,1 тыс.). И если учесть, что доля «новых русских» и примкнувшим к ним относительно богатых людей не превышает 10%, то становится очевидным, что высшее образование развивается в интересах только отдельных социальных групп.

Аналогичные процессы происходят в средней школе, хотя там имеются свои специфические особенности. Ситуация сейчас такова, что, сломав старую систему среднего образования и не создав новую, общество попало в очень затруднительное положение. Отказ от деятельности детских общественных организаций, нищенское положение учителя привели к тому, что образование потеряло почти все ориентиры, не обретя новых. В этих условиях подрастающее поколение лишено устойчивых нравственных идеалов и ничего не получило взамен. Этот процесс усугубляется попытками коммерциализации школы, что отнюдь не всегда сопровождается повышением качества обучения. Об этом свидетельствуют серьезные конфликты между родительской общественностью и организаторами новых форм образования.

В целом оптимум сочетания общеобразовательной и профессиональной подготовки еще не найден. После серьезной критики, обнажившей многие пороки, уже не соответствующие духу времени стандарты и правила, общее и профессиональное образование становится гораздо более гибким, чем это было до сих пор. Но его роль и ответственность в подготовке квалифицированных работников еще далеки от необходимого уровня.

Профессиональное образование – важный этап в гражданском становлении личности, в ее гармоническом развитии. В работах С.Н.Иконниковой, В.Т.Лисовского показано, что непонимание объективно необходимой связи развитости и профессионализма порождает не только схоластические споры относительно «противоречия» того и другого, но и серьезные ошибки в практике работы с молодежью, когда овладение профессиональными знаниями и навыками в той или иной форме противопоставляется общегуманитарной культуре. В результате возникают либо пресловутые «технократические перекосы», либо попытки формировать гуманитарную культуру человека в отрыве от жизни, от труда и общественной практики.

Особое место в обогащении интеллектуального потенциала страны принадлежит высшей школе. Однако изменения и в содержании, и в направлениях, и в структуре ее деятельности происходят очень медленно. Данные социологических исследований свидетельствуют, что студенты и педагоги высоко оценивают возможность творчества, ратуют за увеличение доли самостоятельной работы, совершенствование форм экзаменов, расширение их участия в управлении вузом, поддерживают развитие конкурсной системы аттестации всех кадров. Вместе с тем к середине 90-х годов высшая школа вошла в жесточайший кризис, из которого далеко не все вузы имеют возможность с достоинством выбраться.

Школа сейчас стоит перед непростым выбором – найти оптимальные пути своего дальнейшего развития. Оценка происходящих изменений неоднозначна, ибо в общественном настроении, общественном мнении имеются самые различные, в том числе и диаметрально противоположные, точки зрения. Однако предложения и суждения, какими бы противоречивыми по существу они ни были, отражают глубокую заинтересованность людей в обеспечении и дальнейшем наращивании духовного потенциала общества.

Наряду с воспитанием уважения к труду и профессиональной ориентацией существенную роль в становлении личности играют гуманизация образования, развитие самоуправления, выработка у молодежи практических навыков к организаторской и общественной работе.

На сознание и поведение молодых людей большое влияние оказывает механизм управления учебным заведением. Строгое соблюдение норм и принципов демократии, законности, справедливости, гласности еще в годы учения становится для них своеобразным эталоном, с которым они в дальнейшем сверяют свой жизненный путь.

Однако стиль работы директора (ректора), педагогических и ученых советов, классных руководителей, наставников далеко не всегда содействует развитию и закреплению позитивного социального опыта молодежи, недостаточно противостоит проявлениям нигилизма, индифферентности, равнодушия к общественным делам, равно как и демагогии, анархическим действиям.

Велика роль и различных форм связи учащихся со своими сверстниками в зарубежных странах. Встречи на международных конференциях, переписка, туристские поездки способствуют формированию у молодежи солидарности, приобретению навыков гражданского общения, невзирая на имеющиеся различия.

Рост национального самосознания с большой остротой ставит вопрос формирования у молодежи правильных ориентиров в такой важной сфере, как межэтническое общение. Отсутствие активного противостояния любым проявлениям национализма и шовинизма, национальной ограниченности, высокомерия и чванства, недооценка воспитательной работы делают некоторые группы молодежи доступным объектом националистической пропаганды. Более того, национальный экстремизм в основном паразитирует на искренних заблуждениях молодых людей.

Система образования еще плохо формирует высокие духовные запросы и эстетические вкусы, стойкий иммунитет к бездуховности, «массовой культуре». Роль обществоведческих дисциплин, литературы, уроков по искусству остается незначительной. Изучение исторического прошлого, правдивое освещение сложных и противоречивых этапов отечественной истории слабо сочетаются с самостоятельным поиском собственных ответов на вопросы, которые выдвигает жизнь. Но несомненно, что

историческое сознание в сочетании с национальным самосознанием приобретает решающую роль в гражданском поведении учащейся молодежи.

Информационная революция побуждает к непрерывному пополнению знаний. Правда, они не имеют однородной структуры. Всегда есть ядро – те знания, что ложатся в основу наук, и периферия, где идет процесс накопления и обновления, который не обесценивает основной капитал. Для всех эффективно работающих специалистов, ученых, добившихся успехов, как показывает их жизненный опыт, главными были два условия: прочная фундаментальная база знаний и потребность учиться, уважение общества к тем, кто жаждет знаний.

Совершенствование народного образования немыслимо без измерения той ситуации, в которой находится учительство, значительная часть педагогического корпуса.

Если придерживаться формальных критериев – наличия специального образования, стажа работы и т.п., то большинство педагогов отвечают своему назначению. Но если оценивать их деятельность по существу, надо признать, что многие из них отстали от требований времени.

Основная группа педагогов – женщины, хотя давно стало очевидным, что в воспитании мальчиков, юношей (да и девочек) школа испытывает острую нехватку «мужского влияния». Хотя за последнее время существенно повышена зарплата учителей, средние размеры заработка у работников народного образования все еще намного ниже, чем у рабочих и инженерно-технических работников промышленности и строительства, да и в сравнении со средней заработной платой в стране.

Как показали специальные обследования сельских учителей, большинство из них в материально-бытовом отношении обеспечены значительно хуже других сельских специалистов. Учителя нередко отвлекаются от выполнения педагогических обязанностей для выполнения различных, не связанных с ними заданий. В результате бюджет времени учителя оказывается крайне напряженным, и очень мало его остается на самообразование.

Многие педагоги слабо представляют себе процессы, происходящие в обществе, и в частности в молодежной среде. Поэтому их работа идет без должного «прицела». Не избавлены они от нравственного падения, перерождения: отдельных педагогов, руководителей учебных заведений уличают в поборах с учащихся и их родителей, в различных незаконных махинациях, пьянстве [8].

Формирование педагогических кадров связано со спецификой их труда. Оно органически не приемлет ущемления их прав и авторитета, не терпит и отвергает барски-высокомерное отношение к ним. Упорядочение режима труда и отдыха педагогов – тоже необходимая предпосылка их гражданского и профессионального роста. Улучшения требуют жилищно-бытовые условия преподавателей. Несмотря на предоставленные им льготы, обеспечение их жильем, медицинской помощью, новой литературой остается открытым вопросом [9].

И если в заключение этой темы упомянуть некоторые проблемы материально-технического и финансового обеспечения, то можно утверждать, что господство остаточного принципа свело на нет всякие возможности сделать действенный рывок в качественно новом подходе к нуждам народного образования. В работах В.А.Жамина, С.Л.Костаняна, А.Б.Дайновского давно ставились эти проблемы. Очевидно", что в ситуации, когда финансирование народного образования отстало в несколько десятков раз от финансирования в индустриально развитых странах, надо решительно менять позиции.

Школа серьезно отстает в насыщенности оборудованием, компьютерной техникой, материалами и тем самым ставит своих воспитанников в положение, когда они не могут выступать полноценными участниками соревнования на информационном поле.

Одна из функций народного образования – стимулирование самообразования, самоподготовки, постоянной жажды знаний. Самообразование, самостоятельное приобретение знаний и навыков отнюдь не исчерпывается школьной системой. Конечно, школа может и должна давать человеку навыки самостоятельной работы с книгой, документом и т.п. Но самообразование строится на базе общего и профессионального образования, а не взамен его. Новые технические и информационные возможности учебного телевидения, кассетной видеотехники, персональных компьютеров, дистанционного обучения предстоит еще широко использовать для нужд самообразования. Судьба новых поколений все больше определяется общей культурой человека: развитостью логического мышления, языковой, математической, компьютерной грамотностью.

Актуальным продолжает оставаться соединение обучения с производительным трудом. Благодаря этому не только приобретаются трудовые навыки, привычка к труду, открываются возможности применения в трудовой деятельности знаний основ наук, но и осознается общественная значимость производительного труда. Вне такого осознания выполнение учащимися трудовых функций оказывается, по словам А.С.Макаренко, «педагогически нейтральным». Люди трудились и трудятся во все времена, но только тогда, когда труд приобретает новое общественное качество, он становится одним из мощных факторов формирования духовного богатства личности.

В условиях рыночных отношений возрастает роль непосредственного участия старшеклассников, учащихся ПТУ, студентов в решении конкретных научно-производственных задач. Опыт многих школ свидетельствует, например, о плодотворных результатах участия подростков в опытно-экспериментальном производстве (особенно в сельском хозяйстве), проверке новых технологий, материалов, приемов труда и т.п. В средних специальных и высших учебных заведениях поощряется участие молодежи в научно-исследовательской и проектно-конструкторской работе, в выполнении договоров с предприятиями.

В последнее время общественность совместно с работниками народного образования живо обсуждает возможности и перспективы организации школьных кооперативов. И не столько ради укрепления материальной и финансовой базы (хотя и это важно), сколько ради быстрейшего вхождения ребенка в реальную жизнь, в повседневные заботы старшего поколения.

В этой связи хотелось бы напомнить некоторые факты из истории. Первые школьные кооперативы появились в России в 1910–1912 годах. Именно в 1912 году Всероссийская выставка рассказала о кооперативах из Киева и Могилева. Революция детскую кооперацию не отменила. В 1924 году, по данным Центросоюза, действовало более 1,5 тыс. ребячьих ассоциаций, более 50 тыс. мальчишек и девчонок равнялись в своей работе на взрослых. В 1925 году в некоторых областях детские кооперативы объединяли по 10–11% школьников.

Цели тогдашней кооперации были в основном, что называется, «снабженческими»: обеспечить ребят учебной литературой, дешевыми тетрадями и ручками. Причем иногда удавалось снизить цену учебника сразу наполовину. Дети бедняков вообще получали их бесплатно. Мало того, в больших кооперативах продавали ребятам горячие завтраки,

булки, чай, создавали буфеты и столовые. Стоит отметить, что сегодня отнюдь не все школы этим могут похвастаться.

В целом существующая система образования, ее многообразные звенья представляют собой весьма противоречивую картину, в которой позитивные сдвиги еще нередко перемежаются с негативными или неопределенными тенденциями.

По-прежнему остро стоит вопрос о концепции народного образования, его дальнейшем функционировании. Основной упор делается на содержание образования, на активные способы ввода ребенка в мир как единое целое. Во главу угла ставятся не отдельные школьные предметы, не количество часов на те или иные дисциплины и даже не объем информации, а поиск новых способов организации образования, при которых в сознании ребенка установилось бы как можно больше прямых, личностных связей с мировоззрением. Именно в этом подлинное богатство, целостность и единство личности, залог ее истинной свободы. И напротив, чтобы управлять человеком, манипулировать им, необходимо расчленить это единство, разорвать его и противопоставить личное – общественному, политическое – нравственному, профессиональное – человеческому. Это с успехом делала авторитарная школа, меняя эти части местами, сталкивая их и устанавливая произвольно их приоритет.

Преодоление инерции общественного сознания в оценке образования, возникающих в нем «перекосов» – дело непростое. Успех здесь определяется прежде всего сдвигами в социально-экономических условиях общества. Но воспитательные усилия школы могут дать значительный опережающий эффект, если в пропаганде профессий, их общественной значимости социальный идеал органически увязывается с интересами людей, социальных и демографических групп населения, если школа работает в этом направлении в тесном контакте с родителями, с общественными организациями.

Понятно, что поиск наиболее рациональных путей обновления всех ступеней народного образования потребует от социологии еще больших усилий по всестороннему анализу реального положения, определения тенденций его развития, а также участия в решении назревших проблем формирования интеллектуального потенциала страны.

Литература

1. См. подробнее: Абрамов В.Ф. Земская статистика народного образования // СОЦИС. 1996. № 9.
2. Жизненный путь социальной когорты / Под ред. М.Титмы. М., 1996.
3. См. подробнее: Руткевич М.Н., Потапов В.П. После школы: Социально-профессиональные ориентации молодежи. М., 1995.
4. Шереги Ф.Э., Харчева В.Г. Социальные проблемы вузовской науки // СОЦИС. 1996. № 6.
5. Гендин А . М ., Сергеев М.И. Профориентация школьников // СОЦИС. 1996. № 8. С.68.
6. См.: Чупров В.И., Зубок Ю.А. Проблемы вторичной занятости учащейся молодежи: состояние и перспективы // СОЦИС. 1996. № 9. С.88-92.
7. Социология: проблемы духовной жизни / Под ред. Л.Н.Когана. Челябинск, 1992. С. 178.
8. См.: Зиятдинова Ф.Г. Социальное положение и престиж учительства: проблемы, пути решения. М., 1992.
9. Борисова Л.Г. Социальное качество профессиональной группы (на примере российского учительства 60–90-х гг.): Дис. д-ра, социол. наук. Новосибирск, 1993.

Темы для рефератов

1. Генезис идей образования в отечественной социологии.
2. Социологические проблемы дошкольного образования и воспитания.
3. Актуальные проблемы среднего (среднеспециального, высшего) образования.
4. Феномен непрерывного образования.
5. Второе образование: реальность и перспективы.
6. Образование как ценность.
7. Критерии качества образования.
8. Концепции образования.

Вопросы и задания для повторения

1. Предмет социологии образования.
2. Основные проблемы различных форм образования.
3. Уровень и качество знаний: их основные характеристики.
4. В чем сущность профессиональной и социальной ориентации?
5. Дайте характеристику мотивов получения образования.
6. Пути совершенствования системы образования.
7. Социологические категории эффективности деятельности преподавателей.
8. В чем суть влияния рыночных отношений на систему образования?

Глава 3 СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

Социология науки – сравнительно новая отрасль социологического знания. Она отпочковалась от науковедения, хотя и на современном этапе развития общества, в конце XX века, продолжает тесно взаимодействовать с другим научными дисциплинами – историей и философией науки, экономикой и организацией научной деятельности. В то же время социология науки все чаще стала охватывать вопросы, относящиеся к компетенции социологии знания, которая ставит своей задачей выявление социальной компоненты сознания и деятельности людей в сфере науки и образования.

Первые опыты социологического исследования науки относятся к 20-м годам XX века, когда во многих странах, в том числе и в СССР, были предприняты попытки осмыслить социальные функции науки, роль ученых жизни общества и социальные аспекты взаимодействия науки и общества. Следует отметить, что Э.Дюркгейм, М.Вебер, К.Маннгейм считали невозможным содержательную сторону науки исследовать социологическими методами.

Социология науки начиналась с исследований Дж.Бернала, У.Ф.Огборна, Т.Парсонса и особенно Р.Мертона, который в своей работе «Наука, техника и общество в Англии XVII века» (1933) изучил роль пуританской религии и морали в становлении науки Нового времени. Социология, согласно Мертону, изучает науку как социальный институт, охраняющий автономию науки и стимулирующий деятельность, направленную на получение нового и достоверного знания [1].

В дальнейшем идеи социологии науки развивали У.Хэгстер (структура научного сообщества), Н.Маллинс (социальные связи и коммуникации науки), С.Коул и Дж.Коул (социальная стратификация в науке), Н.Сторер (наука как социальная система). Особое место занимает концепция научных революций Т.Куна. В 80-е годы возник целый спектр

разнообразных схем социального исследования науки (У.Коллинс, К.Кнор-Цетина и др.) (В.Ж.Келле, 1990).

В отечественной социологии многое делал для становления данной социологической теории Г.Н.Волков (1933–1993). В своей работе «Социология науки» (1968) он выдвинул концепцию анализа науки как социального института и формы общественного сознания. Успешно трудились над проблемами социологии науки А.А.Зворыкин, В.Ж.Келле, Д.Д.Райкова, С.А.Кугель, Н.С.Слепцов, Р.Г.Яновский.

В целом в российской социологии науки внимание было сосредоточено, во-первых, на том, как строятся взаимоотношения общества и науки, во-вторых, какие социальные проблемы организации науки и ее функций имеют значение для эффективного функционирования общества и, наконец, на том, что представляют собой люди науки, как они осознают свое положение, свою роль и ответственность в современном обществе. Это тем более важно, что в начале 90-х годов наука стала перед катастрофой. Резкие изменения в общественном организме поставили перед ней трудноразрешимые задачи: как выжить, как сохранить кадры и как не потерять темпы развития хотя бы в тех сферах, в которых накоплен значительный научный потенциал. Пока же положение науки незавидно: сокращение государственных ассигнований, непомерные цены на оборудование, сырье, материалы, огромные затраты на проведение научных исследований ведут к перекачке кадров в другие отрасли экономики, в коммерческую деятельность или же вынуждают ученых искать прибежище за рубежом.

§ 1. НАУКА И ОБЩЕСТВО

Взаимоотношения науки и общества всегда складывались непросто. Однако логика общественного развития постоянно убеждала властные структуры в необходимости считаться с ее выводами, результатами и рекомендациями. Наука систематически показывала, что использование ее данных способно серьезно изменить лицо общества, улучшить жизнь людей. Эта надежда на науку породила радужные ожидания и стремление максимально использовать ее прежде всего для решения экономических и производственных задач. Такая ситуация, характерная для первой половины XX века, серьезно повысила престиж науки, создала благоприятную атмосферу для ученых, сформировала определенный социальный климат вокруг них.

Начиная с 50-х годов в мире появились новые оценки роли науки. В связи с угрозой ядерной и биологической войны, загрязнением окружающей среды, неблагоприятными условиями как на производстве, так и в быту стали пропагандироваться и распространяться идеи ущербности науки, научно-технического прогресса. Возникли даже теории антисиентизма, объясняющие пагубную роль науки в развитии современного общества.

Несколько по-иному складывались взаимоотношения науки и общества в нашей стране. Это проявилось прежде всего в том, что наука как нигде ощущала волюнтаризм власти. Науке навязывались направления исследований, которые противоречили логике ее развития. Отдельным ее направлениям давались оценки, которые исходили из политизированных установок, что принесло обществу серьезные потери.

Именно вмешательство властных структур (со стороны КПСС и государства) «обеспечило» то, что наука и экономика не смогли ответить на вызов времени, не вписались в процесс происходящей технологической и информационной революции, что,

как результат, отбросило нашу страну по многим показателям в разряд развивающихся стран. Был потерян темп, опыт, и наука отстала в своем развитии по ряду направлений на десятки лет.

В целом в 60–70-е годы имидж науки был высоким, особенно точных и естественных наук. Общественные науки ориентировались в основном на идеологические установки КПСС, что во многом сдерживало творческий поиск работающих в этих отраслях знания или рождало квазинаучные результаты.

Кризис в обществе в 80-е, а затем в 90-е годы затронул науку в целом. Остро стала обсуждаться ситуация в ней и вокруг нее. Наука была обвинена в огромных расходах, которые были связаны с обслуживанием военно-промышленного комплекса, в тех негативных последствиях, которые принес научно-технический прогресс. Росла тревога за его экологические и социальные издержки. Колоссальный удар по престижу науки был нанесен чернобыльской трагедией.

В этот период общественные науки настигла вторая волна – океанский вал – критики, которая отвергала практически все наработанное и во многом поставила их перед необходимостью начинать с начала. В этом потоке критики, не всегда справедливом, серьезно менялось представление о роли и назначении Науки, о достоверности и истинности научного, и особенно гуманитарного и социального знания.

Общество предъявило новый, причем не всегда праведный, счет науке. Наука реагировала на это не столько неадекватно, сколько реальной угрозой снизить национальную безопасность.

Переход России к рынку ознаменовался тем, что был приложен максимум усилий к тому, чтобы науку сделать демилитаризированной, деидеологизированной и открытой миру. Но «деидеологизация» привела к потере «целеполагания», к утрате четких ориентиров в научно-технической и гуманитарной политике государства.

Стало очевидно, что без выработки концепции взаимоотношений научного сообщества и власти не обойтись, ибо это чревато возможными огромными потерями и утратой имеющихся в мире позиций. Ведь по прогнозу Комиссии Совета Европы по образованию, убытки России достигают 50–60 млрд. долларов в год за счет миграции ученых за границу.

Согласно данным опроса ученых, проведенного ИСПИ РАН в 1995 году, нынешнее состояние науки определяется в первую очередь отсутствием осознания государством ее значимости для судеб России (63%). Авторитетные ученые, выступившие в роли экспертов, указали на ряд факторов, обусловливающих кризис науки: политическая ситуация в обществе (37%), общее экономическое положение страны (44%), место науки и образования в системе приоритетов государственной политики (56%), а также сознательный курс нынешнего руководства на формирование принципиально нового слоя интеллигенции – носителя иных идеалов и ценностных ориентации (59%) [2].

Только резкое увеличение бюджетного финансирования науки и создание в России единого государственного фонда ее финансирования и поддержки, повышение заработной платы научным работникам, установление льготного налогообложения научных структур, введение конкурсной системы финансирования научных проектов и контрактной системы труда позволят, по убеждению экспертов, приостановить развал интеллектуального потенциала страны.

В этой ситуации социальные последствия деформированных взаимоотношений науки и общества становятся очень тяжелыми. Во-первых, идет распад научных коллективов, особенно тех, которые были связаны с военной тематикой. Значительная часть высококвалифицированных специалистов так и не была переориентирована на другие актуальные и жизненные проблемы.

В 1995 году в России функционировало 3968 организаций, выполняющих научные исследования и разработки, что на 8,5% меньше, чем в 1990 году. Однако изменение численности по их видам шло неравномерно. Особенно резко, более чем вполовину, сократилось количество конструкторских бюро, проектных и проектно-изыскательских организаций, почти на 70% – опытных заводов. В промышленности более чем на 60% стало меньше предприятий, где ведутся исследования и разработки (ИР).

По оценкам экспертов, расходы на собственно научные исследования сократились в 30–50 раз, достигнув доли в валовом внутреннем продукте уровня слаборазвитых стран мира. Академики В.Захаров и В.Фортов справедливо утверждают, что «большинство экономических и социальных трудностей обратимы. Так, спад производства при благоприятных обстоятельствах сменяется быстрым подъемом (Германия, Китай, Япония). (...) Разрушение же науки, если оно достигает критического уровня, становится необратимым».

Во-вторых, упал престиж науки и ученых. Это проявилось в уменьшении конкурсов в аспирантуру, в феминизации науки, в резком сокращении числа открытий и изобретений.

В результате сокращается количество занятых в сфере науки, прежде всего за счет специалистов. К 1995 году их было вдвое меньше, чем в 1990 году. В 1993 году из науки ушло на 13% больше, чем пришло. В 1994 году этот показатель составил 11%.

Престиж ученых падает и из-за уменьшения материальной оценки их труда. Если в 1985 году средняя зарплата в сфере «Наука и научное обслуживание» составляла 104,2% от зарплаты в экономике в целом и 96,3% от зарплаты в промышленности, то в 1995 году эти цифры составили 73,1 и 64,2% соответственно. Налицо значительное относительное снижение оплаты труда научных работников, что, конечно же, не может не повлиять на выбор молодежью своей будущей работы в сфере науки.

В системе Российской академии наук общая численность работников сократилась за 1991–1996 годы на 22,9%, а численность научных сотрудников– на 13%. Характерно, что если число докторов наук за этот период выросло на 21,6%, то число кандидатов наук уменьшилось на 11,9%, что означает только одно: молодежь не хочет заниматься научной деятельностью. И это при том, что в 1996 году в науке недоставало 52% исполнителей среднего звена, 44% ведущих разработчиков, 30% научно-технического персонала.

В-третьих, увеличились претензии к науке, что не ограничилось словами и приняло формы уменьшения ее финансирования, и в первую очередь на фундаментальные науки.

В конце 60-х годов выдающийся советский физик Л.А.Арцимович писал: «Наука находится на ладони государства и согревается теплом этой ладони. Конечно, это не благотворительность, а результат ясного понимания значения науки...» И действительно, на протяжении послевоенных десятилетий ассигнования на науку не опускались у нас ниже 2% от валового внутреннего продукта (ВВП), т.е. были на уровне развитых западных стран. Динамика расходов на науку в России в 90-е годы аналогична ситуации в

Аргентине, где расходы на науку с 1977 по 1982 год упали с 1,8 до 0,2% ВВП. В то же время в Южной Корее затраты на научные исследования составляли в 1981 г. 0,64% ВВП, а к 1995 г. достигли 3% ВВП.

В результате российская наука в середине 90-х годов фактически получила 0,32% ВВП (при плане 0,63%), пропустив «вперед» не только все западноевропейские страны, но также бывшие социалистические страны – Чехию, Румынию, Болгарию.

Сокращение расходов на науку продолжается. С учетом двукратного падения ВВП, непомерного роста коммунальных платежей и почти полного спада оборонных и промышленных заказов ассигнования собственно на научные исследования уменьшились. Естественным результатом такой политики стал переход науки из критического состояния в коматозное: стагнация институтов и гибель целых научных школ и направлений, конвульсии научного приборостроения и научных изданий, нищенская зарплата ученых.

Говоря о проблемах финансирования науки и общества, можно привести слова Б.Клинтона во время его избирательной кампании в 1995 году: «Будущее не имеет своих избирателей. Но все мы одновременно являемся электоратом будущего. И мы должны сопротивляться ограничению вложения инвестиций в те сферы, которые будут ключевыми для экономического роста страны в XXI веке».

В-четвертых, от деформирования взаимоотношений науки и общества больше всего страдает основа основ науки – фундаментальные исследования, которые отражают необходимость опережающего развития научного производства.

Дело в том, что фундаментальная наука в большей степени, чем даже искусство, опирается на традицию и суровую профессиональную школу. В каждой узкой области науки круг настоящих специалистов невелик и легко исчисляем. Их потеря быстро приводит к деградации целых научных направлений, а затем и всей науки, как это произошло в гитлеровской Германии, потерявшей 0,3–0,5% ведущих ученых.

Колыбелью фундаментальной науки является Западная Европа, ее старинные университеты. Здесь она медленно созревала в течение столетий. К началу первой мировой войны вне Западной Европы фундаментальная наука существовала всего в двух странах – в России и в США. Общепризнанно, что прогресс науки в США связан с постоянным притоком выдающихся ученых и талантливой молодежи из многих стран мира.

Российская фундаментальная наука развивалась по своему собственному пути и в основном за счет внутренних ресурсов. Сколько-нибудь значительная иммиграция имела место только на начальном периоде развития, в XVIII веке, когда в Россию приехали такие известные ученые, как Эйлер и Бернулли. К началу XX века русская наука приобрела мировое значение. Крупные достижения, полученные русскими учеными в химии, физике, биологии и математике, вошли в учебники и полностью признаны международным научным сообществом. Замечательным является тот факт, считает академик В.Фортов, что русская фундаментальная наука, несмотря на все трудности и потери (эмиграция, аресты, идеологические чистки), сумела в основном пережить послереволюционное время и сталинскую диктатуру. С наступлением хрущевской оттепели русская фундаментальная наука вступила в полосу подлинного расцвета, который устойчиво продолжался до начала 70-х годов. Престиж и общественный рейтинг русского ученого внутри и вне страны был необычайно высок.

Кризис российского общества, медленно развивавшийся в период «застоя», не мог не отразиться отрицательным образом и на науке. По многим стратегическим вопросам решения стали приниматься не учеными, а малокомпетентными администраторами. Это немедленно привело к отставанию в таких важнейших областях, как электроника и вычислительная техника, к потере лидирующей позиции в космических исследованиях.

Иначе говоря, фундаментальная наука – это становой хребет не только настоящего, но и будущего страны. Поэтому все страны, стремящиеся быть технически развитыми, культивируют собственные фундаментальные исследования. Мировой опыт показывает, что эти страны добиваются подлинных экономических и социальных успехов, даже имея скромные природные ресурсы (Япония, Англия, Германия, Скандинавские страны). В то же время страны в Африке и Латинской Америке, имеющие эти ресурсы в избытке, но не обладающие развитым научно-техническим потенциалом, оказываются неспособными выйти из нищеты и экономической отсталости

В-пятых, создается угроза потери высококвалифицированных специалистов в результате отъезда многих из них на постоянную или длительную работу за границу. На грани 80–90-х годов начался отток научных кадров за рубеж как в порядке эмиграции, так и в порядке долгосрочных контрактов

В 90-е годы число тех работников науки и образования, которые окончательно уехали из страны, составляло в 1992 году 4576, в 1993 году – 5876 человек. Сама численность еще мало что говорит, ибо это в целом небольшое количество имеет высокий удельный вес в научных открытиях. Уезжают, как правило, талантливые, перспективные.

Наибольшей «наукоемкостыо» характеризуется поток эмигрантов в США. По данным 1992 года, среди выехавших 33% – лица с высшим образованием и 44% – служащие. В США за три года (1990–1993) эмигрировало 4,5 тыс. ученых.

Наряду с этим заметно возросла эмиграция российских ученых в страны третьего мира, которые в отличие, например, от США и Германии предъявляют спрос на научные кадры средней квалификации.

По данным выборочного обследования движения кадров в десяти научно-исследовательских институтах столицы (общее число ученых – 3746 человек), проведенного в 1992 году, за 10 месяцев из обследуемых институтов уволился и уехал за рубеж 1% научных работников (6,7% всех уволившихся), 60% уехавших – ученые до 40 лет, 41% уехавших имели степени, в том числе 12% – докторские. Оценку в 1% можно рассматривать как предельное значение показателя научной эмиграции из России. При этом доля внешней эмиграции в 1992 году не превышает 2% от общего оттока кадров из сферы НИОКР в иные сферы деятельности внутри России и миграции по территории бывшего СССР. Доля отъезжающих, работавших в отрасли «наука и народное образование», в целом по России в 1987– 1992 годах составляла 6%.

Анализ социологической информации показывает (данные Новосибирского научного центра), что мотивами эмиграции являются: по мнению 94,5% опрошенных – возможность улучшить свое материальное положение, по мнению еще 47,1% – падение в России престижа научного труда, и 46,3% – профессиональный интерес (желание усвоить новые идеи, формы и методы работы). И это на общем фоне хаоса в экономике, политической нестабильности, проникновения криминальных структур в государственный аппарат [3].

Деление науки на национальные коридоры также не проходит бесследно, ибо в науке установление шлагбаумов там, где их не было десятки лет, приводит лишь к разрушению творческого потенциала страны.

В сложившейся ситуации, как считают социологи, решить проблему использования достижений науки только через конкретного работника не удастся: ее можно решить, когда все без исключения научные коллективы будут видеть реальную поддержку, когда будут обеспечены их коренные интересы.

Вместе с тем это не означает, что нужно сбросить со счета творческий поиск ученого. Однако для его осуществления надо создать соответствующие условия. Можно согласиться с академиком Н.С.Ениколоповым, считающим, что научное творчество превратилось в дело, которым занимаются только очень самоотверженные люди.

§ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ

Из отрасли с занятым в ней мизерным количеством людей еще сто лет назад наука превратилась в гигантскую индустрию по производству нового знания, его использованию и применению во всех сферах общественной жизни. Вместе с тем процесс интенсивного развития науки столкнулся с трудноразрешимыми противоречиями, когда потребовался ответ на вопрос: а насколько наука, ее достижения совмещаются с благом человека? Более того, появились теории, в которых доказывается, что развитие науки приведет к апокалипсису, к полному разрыву с природой, к конфликту между наукой и обществом.

Наиболее уязвимым местом стало нарушение взаимодействия между производством и наукой, между объективными потребностями общественного развития и мерой их удовлетворения с помощью научных разработок и открытий.

Следствием этого стал провал в России научно-технической революции 70–80-х годов, в то же время давшей возможность Западу избежать очередного кризиса и совершить новый технологический рывок. Неспособность отследить этот рывок и возникшее в результате экономическое отставание были активным детонатором, разрушившим советскую систему и вызвавшим события 1991 года. Но факторы, приведшие к распаду великой страны и развалу единого научного пространства, не устранены и в 90-е годы.

Наука не даст должной отдачи, если не будет по-настоящему включена в оперативное и перспективное решение всех проблем общественного развития, и особенно социально-экономических. Предстоит коренным образом изменить подход не только к техническим, технологическим, экономическим вопросам, но и к социальным проблемам организации науки. Социология науки призвана помочь разобраться в том, как и при каких условиях наука отвечает требованиям технического и социального прогресса [4].

На взаимоотношения с обществом, конечно, накладывает отпечаток тот факт, что между наукой и производством образовалась трещина, грозящая стать пропастью. Чтобы преодолеть ее, следует оценить эффективность разнообразных форм, так или иначе способствующих использованию научных новшеств.

Важным звеном в этом направлении является механизм, при котором внедрение науки становится выгодным делом как для людей, предлагающих новшества, так и для организации, которая использует их в своей деятельности.

Вместе с тем многие недостатки, относящиеся к данной проблеме, объясняются не чьей-то злонамеренной ролью, а ситуацией, в которой ученый, специалист и особенно руководитель не видят в этом никаких преимуществ, кроме дополнительных забот. В такой обстановке не помогают ни указ, ни призыв, ни пожелание. Суть вопроса не в том, чтобы призвать, порекомендовать, обязать, а в том, чтобы разобраться в реально действующих экономических и социальных силах, препятствующих или способствующих внедрению научно-технических достижений. В советское время 2/3 новинок «проваливалось в щель» между заводом и конструкторским бюро, НИИ. В лучшем случае предприятие бралось за изделие попроще, но чаще всего успешно «отпихивало» любую новинку (А.А.Зворыкин, 1979).

В ходе реализации научно-технических достижений очень четко вырисовывалось несколько проблем, связанных как с организацией внедрения, так и ролью работника, его заинтересованностью или незаинтересованностью в решении назревших вопросов. Время заставило вернуться к феномену новосибирского «Факела», который в конце 60-х годов не взял из государственной казны ни копейки, зато подарил обществу 50 млн. руб. прибыли. Эта внедренческая фирма полноценно посредничала между наукой и производством, используя энергию и способности студентов и аспирантов, молодых инженеров и ученых, расплачиваясь с ними полставками от скромных окладов лаборантов, инженеров, просто специалистов. Тут случались драмы соперничества, болезненные для профессионального самолюбия, но жесточайше необходимые для прогресса науки. Именно поэтому новые формы организации науки – это альтернатива разобщенности, так как они выступают посредниками между знанием и практикой, между производителями новых идей и их потребителями.

Рациональное взаимодействие науки и производства обеспечивает создание механизма заинтересованности во внедрении новшеств и научных открытий. Здесь накопилось немало нерешенных проблем.

Мы были свидетелями того, как толковые и грамотные решения тонули в бюрократических заседаниях и отписках. Более двух десятков лет в 60–80-е годы обсуждался вопрос о том, чтобы планировать выпуск станков и труб не в тоннах, а в штуках и в метрах. Примерно столько же длилась история вокруг многих изобретений и новшеств, где на каждый вложенный рубль можно было получить доходы, в сотни и тысячи раз превышающие затраты. В результате интересы общества не обеспечивались, а реализовывались цели, не имеющие никакого отношения ни к техническому, ни к социальному прогрессу.

Поэтому главное в современной организации науки – как заинтересовать потенциального потребителя, как достигнуть мировых стандартов и обеспечить более выгодные условия при использовании научных открытий.

Многие считают, что подлинный успех придет тогда, когда и разработка идей, и отбор лучших новинок будут организованы в масштабе не только государства, но каждого производства, когда в полной мере заработают экономические рычаги, стимулирующие и поощряющие каждый новый шаг в решении как фундаментальных, так и прикладных проблем (Г.А.Лахтин).

Однако такие методы не работают в области фундаментальных исследований, результаты которых могут принести плоды через годы, а иногда и десятилетия. Здесь рыночный

механизм дает сбои – значит, государство должно в полной мере отвечать за их поддержку и развитие.

В решении социальных проблем организации науки большую роль сыграли наукограды. Такие городки – научные центры возникли в 30–70-е годы с целью выполнения задачи становления СССР как передовой технологической и военной державы. В них сконцентрирован научно-технический потенциал страны. Опыт создания и функционирования Новосибирского академгородка оказался, несмотря на все недостатки и издержки, высокоэффективным и плодотворным. Не менее показателен успех и новых наукоградов, например, Черноголовки – месторасположения Ногинского научного центра. Вслед за Москвой, С.-Петербургом, Н.Новгородом и некоторыми другим крупными городами этот центр вошел в десятку наиболее значимых научных открытых городов страны. А таких центров, в большинстве своем закрытых, в России более 50.

Наукограды – национальное достояние России – заслуживают специального законодательного акта. Все вопросы: выборы органов самоуправления, формирование бюджета и взаимодействие с региональными и местными органами власти – должны решаться не по трафарету, а с учетом того, что в научных центрах сосредоточена интеллектуальная элита страны, которую легко уничтожить под флагом благих преобразований и борьбы с консерватизмом чиновников.

При решении проблем функционирования науки огромную роль играет способность создавать такие научные учреждения, которые бы выполняли функции опережающего развития, нестандартного решения возникающих проблем.

В 20–30-е годы в СССР были созданы государственные научно-исследовательские институты в сфере фундаментальных и прикладных наук, не имевшие аналогов в других «богатых» индустриальных странах, включая США. В число таких учреждений научного профиля вошли Всесоюзный институт электротехники, Институт стали, институт «Гидропроект», Институт растениеводства, Институт машиноведения и др.

Экономическая и политическая «отдача» таких финансовых и организационных мер была реализована многопланово. Снизилась зависимость экономики страны от заимствования зарубежного научно-технического и производственного опыта, открылись возможности проводить радикальную перестройку структуры отечественной промышленности, создавая национальные отрасли тяжелой промышленности. Огромное значение имела государственная политика для обеспечения научно-технического противостояния с интегрированной под эгидой фашистской Германии мощью европейских стран в ходе второй мировой войны, что позволило иметь такие совершенные средства, как танки Т-34, штурмовики-«ИЛы», системы залпового огня «катюши». Еще более впечатляющи итоги научно-технической политики в 60–80-е годы, особенно в научных разработках ядерного и других разновидностей средств массового поражения (А.И.Подберезкин, 1996).

Создание новых и коренное реформирование старых научных структур, по сути дела, связаны с одним важнейшим и перспективным требованием – повышением наукоемкости общественного производства и культуры. И очевидно, что без государственной политики, без поддержки государства такая программа не может быть реализована. Именно по наукоемкости, а не по другим показателям будет характеризоваться в мировой статистике развитие стран в XXI веке.

Одна из важнейших организационных форм сохранения науки, родившаяся в условиях ее кризисного состояния в середине 90-х годов, – это учреждение Государственных научных

центров (ГНЦ), в рамках которых осуществляется попытка спасения лидеров российской науки. После учреждения такого института социальной поддержки науки в 1993 году данный статус получило 61 научное учреждение из почти 400 претендовавших на это звание.

Присвоение звания ГНЦ не меняет формы собственности. По словам Н.Горбатенко, это нечто вроде «банта почетного легиона», дающего право временно пользоваться особым расположением государства.

Идея межотраслевых научно-технических комплексов, провалившаяся в конце 80-х годов, вновь замаячила за намерением присваивать звание ГНЦ не только одному, но сразу нескольким родственным учреждениям.

Вдобавок к этому у организаторов науки существует идея пойти дальше и создать научную биржу, где найдут друг друга технические предложения научных центров и заявки предприятий. Банк данных будет доступен на коммерческой основе как российскому, так и иностранному капиталу, открывая путь в международный рынок труда. Это увеличит шансы малого бизнеса при обслуживании науки, который оказывается более гибким и дешевым в рыночных условиях. Небольшую лабораторию легче закрыть после выполнения задачи, в то время как гиганты перерождаются в самодостаточную систему. Высокая экономическая эффективность такой схемы сделала бы гораздо более привлекательными инвестиции в науку для нового российского бизнеса и банков. При бирже должен быть непременно свой банк развития, из которого без дополнительных бюрократических ступенек финансировались бы как фундаментальные, так и прикладные исследования.

Организация науки предполагает то, что, сохраняя лидирующее положение в поддержке науки, особенно в фундаментальных исследованиях, государство должно поддерживать процесс привлечения других средств в ее развитие. Здесь имеются некоторые сдвиги. Число организаций, основанных на государственной форме собственности, сократилось с 1993 по 1994 год на 17%, на частной выросло на 29% и составило около 4% в общем объеме организаций. Но особенно популярными становятся организации со смешанной (без иностранного участия) формой собственности, составляющие уже пятую часть всех, где ведутся разработки.

55 экспертов III Международного конгресса «Малое и среднее предпринимательство в России» (1995) выразили мнение, что привлечение частных капиталов в науку идет с большим трудом. Коммерческие банки слабо заинтересованы в инновационной деятельности, 20% опрошенных отметили отсутствие у банков к этому какого-либо интереса, 53% сказали, что дальше экспертиз дело не идет, и лишь 15% заявили об участии банков в инвестировании инновационных проектов.

На спонсорскую поддержку коммерческими банками рассчитывать не приходится – лишь 6% экспертов связывают с ней возможность реального прогресса в инновационной деятельности и еще 26% – с получением от банков льготных кредитов. Основной же фактор прогресса, по мнению 70% опрошенных, – изменение государственной налоговой политики в этой сфере.

Прохладное отношение бизнесменов к вложению капиталов в науку объясняется оценкой ее нынешнего положения. По мнению 68% опрошенных, в научно-технической политике преобладают негативные тенденции, и только 6% отметили наличие позитивных.

Вместе с тем даже в этот переходный период есть сферы, которые привлекательны для инновационной деятельности, особенно в производствах, связанных с жизнью человека.

Реализации социальных проблем организации науки способствует научное лобби, влияющее на власть и общественное мнение. Его создание – это прерогатива научного сообщества, если оно действительно хочет участвовать в борьбе за свое существование в виде участия в становлении бюджета и его расходовании, в формировании налоговой политики и подготовке законодательства о науке.

Без «мозгового центра», вырабатывающего научную идеологию развития науки и общества, победить другие лобби невозможно.

Одной из форм такого лоббирования выступает Ассоциация государственных научных центров, которая защищает интересы лидеров российской науки во властных структурах, сохраняет их от угрозы закрытия, ходатайствует о снижении налогового пресса, добивается льгот для них, борется против произвола чиновничества. В газете РАН «Поиск» (№ 12–13 за 1997 г.) приводился пример беззакония по отношению к науке: региональная энергетическая комиссия решила перевести Московский продовольственный ярмарочный центр по оплате электроэнергии в «льготную» группу организаций здравоохранения и образования (!). В том же документе о льготах отказано Центральному коллектору научных библиотек и Институту физических проблем имени В.Ф.Лукина!

Очень несовершенен механизм защиты интеллектуальной собственности. Оплата труда ученых – одна из самых низких в стране. Изобретения и открытия истинных ученых обрастают всевозможными прилипалами, в ряду которых иногда теряется и сам творец.

Требование – сделать экономику восприимчивой к научно-техническому прогрессу, обеспечить жизненность научных достижений – немыслимо без укрепления всех звеньев цепи, соединяющих науку, технику и производство, без создания принципиально новой системы стимулов в науке.

В этой связи нуждается в перестройке работа Академии наук, решение задач поворота академических институтов в сторону расширения исследований, имеющих техническую и социальную направленность, повышение ответственности за создание принципиально новых видов техники и технологии.

Резервов по оптимизации взаимоотношений между наукой и обществом еще много.

Предстоит серьезно изменить облик, назначение и роль отраслевой науки. Дело в том, что анализ опыта ее развития показал, что она серьезно отстала от требований времени, оторвалась от конкретных нужд производства, во все большей мере превращалась в организацию по удовлетворению групповых и личных интересов или в ведомство, которое являлось придатком к бюрократическим структурам. Для отраслевой науки первостепенное значение приобретает преодоление оторванности институтов, проектно-конструкторских организаций от производства, реальное участие в конкуренции на рынке идей.

Важным резервом является вузовская наука, возможности которой используются пока не полностью. Между тем, по имеющимся оценкам, вузы могут увеличить объем научно-исследовательских работ в 2–2,5 раза.

Но самое главное – это труд ученых, конструкторов, технологов, изобретателей, ибо от них самым непосредственным образом зависит отбор наиболее значимых научных предложений и скорейшее их внедрение.

§ 3. СОЦИАЛЬНЫЙ КЛИМАТ НАУКИ

Развитие науки в нашей стране в 60–80-е годы ознаменовалось нарастанием серьезного кризиса. Значительные достижения в ряде областей научного знания (в математике, в ядерной физике, в освоении космического пространства и некоторых других) не могли заслонить тот факт, что в целом лишь небольшое количество научных разработок превышало уровень зарубежных аналогов. С этой целью следует проанализировать состав кадров, занятых в сфере науки, тот социальный климат, в условиях которого творят и дерзают сотни тысяч людей, вовлеченных в эту сферу жизнедеятельности.

Анализ показывает, что с точки зрения количественного роста темпы более чем показательны: за неполных 50 лет – с 1940 по 1988 год – численность научных кадров выросла более чем в 15 раз. Однако качество их работы оставляет желать лучшего. Так, в 1988 году только 9,5% завершенных работ по новой технике превышали уровень отечественных и зарубежных разработок.

Одной из причин разрыва между количеством и качеством являлись, во-первых, серьезные изъяны в комплектовании. Набор в аспирантуру, на работу в научные учреждения был донельзя формализован, когда обращалось внимание на внешние характеристики и очень мало – на потенциальные творческие способности человека. В результате в сфере науки выросла прослойка людей бесталанных, но уже определивших свое место в жизни и не собирающихся его никому уступать.

Другая беда в комплектовании кадров науки пришла в 90-е годы. Престиж ученого резко упал. Снизились конкурсы в аспирантуру. Многие молодые ученые покинули исследовательские лаборатории и занялись более прибыльными и доходными видами деятельности. В результате стал образовываться опасный разрыв между поколениями в науке, когда опыт ученых старшего возраста будет просто некому передавать.

Во-вторых, в сфере науки не были (или были плохо) обеспечены условия для творчества. Еще при сталинизме, а затем в годы застоя получили возможность пользоваться благами выделенными государством для науки, люди бесчестные, карьеристы, вред от деятельности которых трудно подсчитать. Достаточно напомнить систематические расправы над учеными в 20-е годы (высылка за границу), в 30-е годы (запрещение и разгром многих научных направлений и физическое уничтожение научных кадров), в конце 40-х годов (обвинение в космополитизме и отказ от новаторских поисков), а также мимикрию и приспособленчество в 60–80-е годы. Именно эта обстановка породила такие одиозные фигуры, как Лысенко, Митин, таких жандармов науки, как Жданов и Трапезников. Но и до сих пор актуальны выводы П.Л.Капицы, которые он сделал в 1935 году: «Трагедия нашего правительства в том, что... наука выше их понимания, они не умеют отличить знахарей – от докторов, шарлатанов – от изобретателей и фокусников и черных магов – от ученых. Им приходится полагаться всецело на чужое мнение».

В-третьих, в науке сложилась такая парадоксальная ситуация: продвижение по служебной лестнице, получение различных благ и званий во все большей мере касалось организаторов науки, а не ее творцов. Никто не отрицает значения организаторов науки, но вопрос о том, насколько правомерно отождествлять их с теми, кто лишен (или не хочет

проявлять) организаторских способностей: ведь ценность видения и прозрения ученого несоизмерима ни с каким талантом организатора. В результате этих и других причин произошла коренная коррозия этики науки, что самым пагубным образом повлияло на ее авторитет и влияние, на социально-психологическую ситуацию в научных коллективах.

В-четвертых, отсутствие стимулов научного труда привело к таким явлениям, как резкое сокращение престижа научного труда, отлив одаренных людей в другие отрасли народного хозяйства, бурная феминизация науки. Долголетняя практика оплаты лишь за научные степени и звания без учета творческой отдачи привела к образованию довольно значительного числа людей, рассматривающих их как пожизненную ренту, на которую практически ничто не могло повлиять, тем более что система отбора лучших кадров «не работала». И в то же время, как справедливо отмечают Д.А.Керимов и Н.М.Кейзеров, защита интеллектуальной собственности ученого практически не обеспечена, что не стимулирует потребность соединить воедино творчество для других и для себя [5].

И наконец, социальный климат в науке в значительной, если не определяющей степени зависит от тех отношений, которые складываются в обществе, от того, насколько признается авторитет ученого. Разве не этим пронизан вопрос нобелевского лауреата академика А.А. Прохорова, заданный им в «Известиях» 7 сентября 1994 года: «Нужен ли я своей стране?» Если этим вопросом задаются академики, мирового уровня ученые, то что же говорить о тысячах докторов и кандидатов наук, потенциал которых значителен и весом при решении фундаментальных и прикладных задач. Такое отношение к интеллектуальному потенциалу оборачивается еще одной бедой: потерей их влияния на общество, ростом культурной коррозии, снижением конкурентоспособности всей страны.

Признание авторитетности и заслуг ученых находит отражение в оплате их труда. Исследование, которое провели в конце 1995 года сотрудники Центра исследований и статистики науки Миннауки и РАН, показали (было опрошено 2510 научных сотрудников академической, вузовской и отраслевой науки), что 42% опрошенных в 1995 году не имели дополнительной работы, 37 – имели ее лишь время от времени, и лишь 21% регулярно подрабатывали. Дополнительная работа у 60% из тех, кто ее имел, полностью или частично совпадала с основной деятельностью, а 23% осуществляли ее вне рамок своего научного учреждения и далеко не всегда в научных организациях. Иначе говоря, для многих опрошенных (47%) источники доходов сконцентрированы в родном учреждении (оклады, надбавки и т.д.). Определенная часть ученых и инженеров (хотя и небольшая, 19%) в качестве подспорья имеет гранты – отечественные и зарубежные. Пока не слишком велика доля тех (11%), кто пользуется возможностями рыночной экономики (предпринимательская деятельность, доходы от акций и т.д.). Очень немногие – всего 1 % – имеют возможность заработать на жизнь во время поездок за рубеж.

В целом же механизм создания условий для эффективной работы ученого слаб, несовершенен и не создает глубокой заинтересованности в результатах своего труда.

Как же оценивают социальный климат науки сами ученые?

По данным С.А.Кугеля, Г.Н.Волкова, Д.Д.Райковой, ученые считают, что нет должных условий для проявления талантов и творческой инициативы, для самоуправления, равноправной состязательности, конкурентности научных идей и мнений [6].

Отношения с руководителями научных учреждений нередко оцениваются как неблагоприятные, ибо очень часто в действиях руководителей видят не защиту интересов

науки и их подчиненных, а утилитарные, политизированные и карьеристские цели и задачи.

Что касается взаимоотношений внутри научных коллективов, то они далеко не всегда устраивают их членов, ибо в организации их труда не соблюдаются элементарные требования, часто не бывает перспективы, поддержки новаторских идей, права на поиск и эксперимент.

Прагматический подход к науке привел к тому, что общество не обеспечивает приток новых сил в эту сферу, плохо стимулирует их труд, не создает необходимые приоритеты для творчества. По мнению Ваядова, необходимо максимально использовать такие стимулы научного поиска, как справедливая его оценка со стороны научного сообщества, общественное признание, создание условий для выдвижения талантливых ученых, демократизация управления наукой, развертывание дискуссий, обновление каналов научных коммуникаций.

И, наконец профессиональная культура исследователя становится как никогда показателем того, насколько велика отдача его как ученого. Как бы ни было велико значение творческого коллектива, двигателем прогресса в науке будут определенные идеи, творцом которых всегда является конкретный ученый. Но условия для выявления талантов слишком размыты.

Все это позволяет сделать вывод, что социальный климат науки серьезно деформирован и в настоящее время не представляет серьезного резерва для повышения ее эффективности.

Литература

1. Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С.206.
2. Социальное положение ученых России. М., 1995.
3. См.: Поиск. 1996. №44. 26 октября– 1 ноября.
4. Социология науки: Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С.330-332.
5. Керимов Д.А., Кейзеров Н.М. Интеллектуальная собственность. М., 1993.
6. См. подробнее: Волков Т.Н. Социология науки. М., 1968; Кугель С.А. Профессиональная мобильность в науке. М., 1983; Ценностные аспекты развития науки. М., 1990.

Темы для рефератов

1. Генезис идей социологии науки: а) в зарубежной, б) отечественной социологии.
2. Социальные функции науки.
3. Кризис в науке и возможные выходы из него.
4. Академическая наука: характеристики и проблемы развития.
5. Прикладная наука: состояние и пути совершенствования.
6. Вузовская наука и ее возможности.
7. Новые формы организации науки.
8. «Утечка мозгов» как феномен российской науки.

Вопросы и задания для повторения

1. Предмет социологии науки.
2. Каковы взаимоотношения науки и общества в современной России?
3. Почему упал престиж науки и ученых?

4. Почему значима роль фундаментальной науки?
5. Современные формы и методы организации науки.
6. В чем состоит социальный климат науки?

Глава 4 СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Культура – понятие многоплановое, сложное, неоднозначное. Многообразие научных подходов породило различные трактовки роли, места и сущности культуры в контексте мировой цивилизации. Не претендуя на характеристику всех возможных вариантов при объяснении феномена культуры, остановимся на главных из них, сосредоточимся на том, как ее развитие отражается в социологии.

Прежде всего, обратим внимание на концепции, которые к культуре относят все, что было создано человечеством за весь период его существования во всех сферах общественной жизни. Такое расширительное толкование культуры отождествляет ее (в явной или скрытой форме) с понятием общества и с точки зрения социологии делает его малопродуктивным. Более того, отмечает Э.В.Соколов (1972), «то, что Тэйлор, Боас, Малиновский именовали культурой, Конт, Спенсер, Вебер и Дюркгейм называли обществом» [1]. Такая особенность характеризует в определенной степени работы современных исследователей – Л.Г.Ионина, И.Е.Дискина и др.

Полагая, что данное понятие требует гораздо большей определенности, Е.А.Вавилов и В.П.Фофанов считают, что сформировались две основные концепции: одна из них состоит в понимании культуры как творческой деятельности, вторая интерпретирует культуру как способ («технологию») деятельности [2].

Что касается первой концепции, то она нашла отражение в работах А.И.Арнольдова, Э.А.Баллера, В.М.Межуева, Н.С.Злобина, Л.Н.Когана, Ю.Р.Вишневского и др. «Культура – это творческая деятельность человечества во всех сферах бытия и сознания, как прошлая, овеществленная в тех или иных культурных ценностях, так и сегодняшняя и будущая, основывающаяся на освоении культурного наследия, направленная на превращение богатства человеческой истории во внутреннее достояние личности, на всемерное развитие сущностных сил человека» [3].

Культура как способ (технология) деятельности рассматривается в трудах В.Е.Давидовича, Ю.А.Жданова, Э.С.Маркаряна и др. «Культура есть общий способ человеческого существования, способ человеческой деятельности и объективированный в различных продуктах (орудиях труда, обычаях, системе представлений о добре и зле, прекрасном и уродливом, средствах коммуникации и т.д.), результат этой деятельности, который может включать в себя как элементы, имеющие положительное значение для функционирования социальной системы, так и отрицательное значение» [4].

Кроме того, в отечественной науке получила определенное развитие трактовка культуры как духовной жизни общества, ее духовной сферы. Наиболее последовательно ее отстаивали историки [5]. Но имеется такое мнение и среди философов и социологов, которые включили сюда проблемы образования, науки, религии, массовой коммуникации и т.д.

Эвристическая ценность перечисленных подходов для социологии невелика. Если взять за основу культуры творческую деятельность, то мы вынуждены будем освещать ее и в

сфере производства (что является компетенцией социологии труда), и в сфере политики (что соответственно интересует политическую социологию), и в сфере управления (на что не может не обращать внимание социология управления). Не менее спорна и трактовка культуры как способа и результатов деятельности, что дает возможность отождествлять ее с процессом функционирования экономики, морали, эстетики и т.д.

Что касается трактовки культуры как духовной сферы, то она является весьма ограниченной, потому что исключает из этого понятия как материальную культуру, так и культуру общественной деятельности, и сосредоточивает внимание на институтах и организациях, в компетенцию которых входит весьма широкий круг «духовных» проблем – от образования до искусства, от религии до науки, от проблем личности до средств массовой информации.

§ 1. КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В отечественной социологии сложилось несколько подходов к трактовке социологии культуры. «Предметом социологического исследования культуры может быть, во-первых, вся система культуры как единое целое или любой из ее видов, взятые во взаимодействии с другими общественными системами; во-вторых, каждый из элементов социодинамики культуры, культурной коммуникации, взятой в соотношении с другими элементами культуры или в соотношении с другими системами общества» [6].

Однако в реальности в советской и российской социологии исследовались отдельные компоненты (или проблемы) социологии культуры, которые, как правило, ставили перед собой более скромные задачи. Даже, исследователи методологических проблем социологии культуры (Л.Н.Коган, Л.Г.Ионин, Ю.Р.Вишневский, С.Н.Иконникова, С.Н.Плотников, В.И.Болгов, В.Б.Чурбанов и др.) в основном ограничивали себя анализом философско-социологических аспектов культуры, переходя затем к вопросам, касающимся отдельных компонентов культуры.

Одновременно получили самостоятельное развитие исследования институтов духовной жизни: клубного дела (Т.А.Кудрина, Р.К.Шеметило), кино (М.И.Жабский), искусства (А.Л.Вахметса, В.И.Волков, Г.А.Войтовицкая, В.С.Цукерман, Ю.В.Перов). Появились первые социологические исследования музейного дела, театра, библиотечной работы. В этой связи следует упомянуть деятельность исследовательской группы Всесоюзной библиотеки имени В.И.Ленина, осуществившей в 70-е годы углубленный анализ чтения в условиях различных территориальных общностей. В дальнейшем это было продолжено в рамках Института книги и Института культурологии.

Важное значение имело также изучение тенденций функционирования культуры в условиях города (В.И.Пароль, А.П.Ионкус), региона (А.Ф.Шарова, В.В.Трушков, А.И.Тимуш), деревни (В.И.Староверов, П.И.Симуш, ИЛ.Куличков, П.П.Великий), художественной интеллигенции (С.Н.Комиссаров, А.Н.Семашко), эстетического воспитания (Л.А.Зеленов, Е.И.Павлова, А.И.Шендрик).

Особо следует отметить результаты уральской школы социологов под руководством Л.Н.Когана (1923–1997). И хотя в других научных центрах накоплен немалый опыт изучения феномена культуры, исследования на Урале долгие годы отличались размахом, полнотой, глубиной постановки вопросов и оригинальностью решения многих спорных проблем.

В целом в социологии культуры еще недостаточно всесторонне и полно решен вопрос о предмете исследования. На практике внимание все же сосредоточено на проблемах, которые связаны с исследованием духовной сферы общества и ее отдельных институтов. Предмет представляется весьма расплывчато и неопределенно. И главным образом потому, что не решены и не обоснованы исходные теоретико-методологические принципы.

В этой связи хотелось бы выделить несколько исходных принципиальных положений.

Во-первых, заслуживает очень пристального внимания позиция А.К.Уледова, оценивающего культуру как важнейшее системное качество духовной сферы общества [7]. В этом случае соотношение понятий общество и культура предстает не как соотношение целого и части, а как соотношение целого и его качества. Определение культуры как качественного интегративного явления имеет большой смысл, ибо оно подчеркивает ее влияние, ее «присутствие» во всех без исключения сферах общественной жизни.

Во-вторых, культура всегда связана с творческой деятельностью и в своем как материальном, так и духовном воплощении оказывается неотъемлемой характеристикой человеческого разума и свидетельствует о степени его преобразующей силы при решении насущных проблем.

В-третьих, для социологии (и в этом прав Э.С.Маркарян) культуру важно рассматривать как совокупность материальных и духовных ценностей [8]. При таком подходе не происходит замены ценности вещью или потребностью, а также исключен сдвиг на обыденное понимание ценностей вместо системной, упорядоченной их трактовки. Не менее важно определиться и с тем, будет ли в связи с этим культура сводиться лишь к положительным явлениям. А если да, то куда тогда отнести отрицательные ценности, или, как их иногда называют, мнимые?

В-четвертых, при определении культуры надо иметь в виду эстетический компонент как специфическое проявление ценностного отношения человека к миру и сфере деятельности людей.

И, наконец, социология культуры исходит из того, что культура «представляет собой... сферу самореализации общественного индивида как субъекта культурно-исторического процесса» [9].

Выступая в качестве одной из форм проявления сущностных сил человека, показателем уровня и меры прогресса общества, его классов и социальных групп, культура представляет собой единство различных форм индивидуального, группового и общественного сознания и практической деятельности, направленных на материальное или духовное воплощение идей, взглядов, ценностных ориентации и т.д. В культуре отражается и закрепляется социально-личностное качество созидательного труда человека. Именно феномен культуры позволяет органически соединить в себе не просто производство вещей и сознания в его абстрактных формах, а производство самого человека как общественного человека, т.е. производство его во всем богатстве общественных связей и отношений, во всей целостности деятельностного существования.

А так как культура является стороной любой общественной деятельности, то мы вправе говорить об особенных способах ее проявления, что связано с пониманием культуры, во-первых, как меры общественного прогресса, во-вторых, как степени воплощения

гуманистических целей и, в-третьих, как особой формы соединения духовных богатств, накопленных предшествующим развитием человечества, и духовных ценностей современного общества.

Исследуя культуру, социология исходит из того, что назначение ее многообразно. Поэтому социологией культуры рассматриваются также и каналы, удовлетворяющие потребности людей в приобщении к эстетическим ценностям, оценивается, как формируются вкусы, предпочтения, как осуществляется эстетическое восприятие окружающей действительности.

Культура – это пространство воспитания, которое присущими ему методами способствует формированию не только эстетического, но и политического, правового идеала. Через экран, книгу, сцену, эстрадную площадку, залы музеев человеком осознается творческая деятельность народа, его культура, его будущее. Однако же нарушение меры в подаче этого материала серьезно искажает работу учреждений культуры, подрывает веру и девальвирует ценности гуманистического образа жизни.

Большинством людей осознается деятельность многих учреждений культуры как сфера отдыха, проведения досуга, использования свободного времени. И принижение значения этой функции чревато негативными последствиями, ибо сосредоточение внимания только на воспитательной стороне нередко приводит к назидательности, нравоучительности, окрашивает ее в менторский тон, что, конечно, отталкивает людей от этих форм работы.

Развитие исследований культуры остро поставило вопрос о связи ее с творческой деятельностью – трудовой,

политической, социальной. В социологической литературе начали усиленно разрабатываться проблемы профессиональной, экономической, политической, нравственной, экологической, правовой и т.д. культуры. В связи с переосмыслением роли и места материальной культуры возникла необходимость изучить такое явление, как техническая культура, без которой невозможна технологическая революция, совершающаяся в развитии производительных сил.

Особую актуальность приобрели проблемы сочетания мировой и национальной культур. Сами по себе в отдельности эти грани культуры постоянно изучались, однако их взаимодействие недооценивалось, а иногда даже просто игнорировалось. Умолчание о противоречиях в развитии национальных культур привело к нарушению сбалансированности духовной жизни, вызвало неопределенность, посеяло недоверие и подозрительность одного народа к другому. И в этом частично повинна социология, так как зачастую выпячивались данные, свидетельствующие о благоприятных явлениях во взаимоотношениях национальных культур, и скрывались факты, которые предостерегали от неоправданно оптимистической и однозначной оценки.

При анализе проблем культуры нельзя не обратить внимание на тот факт, что страна заметно отстает в материальной обеспеченности культурных потребностей, в оценке происходящих изменений в художественной культуре. И не всегда ученые удосуживались взглянуть на этот процесс более основательно, исходя из более широкого исторического контекста. Доля национального дохода, затрачиваемого на культуру, уменьшилась в несколько раз даже по сравнению с периодом первых пятилеток. Сравнение с показателями развития культуры индустриальных капиталистических стран также не в пользу нашей страны. Лишь отмена в последние годы ограничений в театральном деле

сразу же дала всплеск в организации новых студий, но это уже другое явление, которое еще предстоит изучить.

Не менее сложные и неоднозначные процессы связаны с закрытием или ограничением деятельности клубных учреждений, библиотек, парков культуры и отдыха и других мест удовлетворения духовных запросов.

Таким образом, социологическая картина культуры – чрезвычайно сложное, мозаичное полотно, сотканное из противоречивых тенденций, прорывов в будущее и тупиков поиска, творчества, путей возвышения ценностей и преодоления интеллектуальной ограниченности.

§ 2. ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВНАЯ КАТЕГОРИЯ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

Многочисленные дискуссии о том, что же является базовым исходным понятием при исследовании такого феномена, как культура, позволяют сделать вывод, что им может быть такой важный элемент общественного сознания, как ценности. Не результат творческой деятельности, даже не ее процесс, не говоря о «вещных» выразителях материальной и духовной культуры, а именно ценности, в которых в концентрированном виде выражается смысл культуры (М.Вебер). В отечественной социологии этот подход наиболее удачно сформулировал Н.И.Лапин. По его мнению, «система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Она, в свою очередь, оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения индивидов. Таким образом, каждая ценность и системы ценностей имеют двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе» [10].

Анализируя ценности в контексте общественного сознания и поведения людей, мы можем получить достаточно точное представление о степени развитости индивида, уровне усвоения им всего богатства человеческой истории. Вот почему они могут соотноситься с тем или иным типом цивилизации, в недрах которой возникла данная ценность или к которому она преимущественно относится: традиционные ценности, ориентированные на сохранение и воспроизводство сложившихся целей и норм жизни; современные ценности, возникшие под влиянием изменений в общественной жизни или в главных ее сферах. В данном контексте весьма показательны сравнения ценностей старшего и молодого поколений, что дает возможность понять напряженность и причины конфликтов между ними.

В социологии очень часто используется понятие базовые ценности, которые характеризуют основные ориентации людей как в жизни в целом, так и в основных сферах их деятельности – в труде, в политике, в быту и т.д. Поэтому эти базовые ценности, имеющие предметное содержание, могут быть основой для типологизации как сознания, так и поведения, и давать характеристику интеллектуальному богатству человека. К базовым ценностям, формирующим личность, относятся: здоровый образ жизни, основанный не на господстве над природой, а на единстве, партнерстве, сотрудничестве, гармонии с ней; новое «качество жизни», включающее в себя изменение характера труда и его смысла, иное распределение интересов между трудом и досугом – новую культуру досуга и т.д.; гуманистическая культура общения между людьми, в которой другой человек – не средство достижения утилитарных целей, а цель, самоцель, стимулирующая личный интерес; наконец, наиболее важное – возрастающая потребность в

самореализации личности, в творчестве, в развитии способностей, в духовном обогащении и т.п. Эти ценностные ориентиры достаточно заметны и отмечаются учеными как одна из ведущих (хотя и противоречивых) тенденций. Они же отмечают недолгосрочность ценностей одностороннего эгоизма и возрастание значения «социальности» форм общения, духовного родства, человеколюбия. Теоретически эту же альтернативу между «вещными» и человеческими ценностями в пользу последних сформулировал известный американский социальный психолог Э.Фромм: «...цель человека быть многим, а не обладать многим» [11].

Ценностные установки кардинально меняются, когда человек начинает предпочитать «вещные» или духовные формы богатства, хотя ни та ни другая автоматически не дает устойчивого социального положения. Более того, социальноценностные ориентации, связанные с вещной формой богатства, могут повышать социальный статус, но не улучшать социальное настроение.

С другой стороны, нередко и другое противоречие. Если ориентация на духовно-нравственные ценности не обеспечивает минимум или декларируемый обществом достаток, то происходят серьезные коллизии в социальном настроении людей. Так, по данным лаборатории социальной психологии НИИ комплексных социальных исследований С.-Петербургского университета, в иерархии ценностных ориентации населения наиболее резко снизилось значение одной из самых важнейших в 60–80-е годы ценностей – «работы» в формулировке «интересная работа». Она опустилась на 12-е место со 2–3-го, которое занимала в начале 80-х годов. (Опрос в 1990 году охватил 1000 человек–представителей всех социально-демографических групп населения С.-Петербурга.) В коротком списке из 9 ценностей «материальный достаток» оказался на 3-м месте (после «здоровья», «семьи»). Получаются некие «ножницы»: люди оправданно хотят жить в достатке, но при этом главное средство его достижения – работу – относят в своем жизнеощущении на задний план [12].

Иногда в социологии используются понятия «положительные» и «отрицательные ценности», а также «одобряемые» и «отрицаемые ценности».

Вместе с тем дифференциация ценностей на одобряемые и отрицаемые не имеет ничего общего с делением их на положительные и отрицательные. Речь идет о другом: разные люди по-разному относятся к одним и тем же ценностям, выстраивают их иерархию в своем сознании. В этом состоит одна из трудностей понимания и изучения ценностного сознания. На ее преодоление и направлена изложенная выше типология ценностей по нескольким основаниям (критериям). Так, по данным Н.И.Лапина, сопоставление данных двух всероссийских исследований 1990 и 1994 года показало, что, несмотря на потрясения, через которые прошли россияне в 1991 – 1993 годах, принципиальные оценки – согласие или несогласие, одобрение или отрицание ценностей – остались почти неизменными. Как в 1990, так и в 1994 году в группу одобряемых попали суждения с ключевыми словами: самоценность жизни, свобода, забота о v ближних и слабых, взаимопомощь, спокойная совесть и др. В числе отрицаемых оказались самовольное лишение жизни другого человека, жизнь для себя (а не для потомков), равенство доходов, борьба до победы над оппонентами, власть над другими людьми и т.д. [13].

Но наиболее распространенными исследованиями ценностей в отечественной социологии оказались те, которые были связаны с изучением потребностей, их типологизацией, их изменениями во времени, а также среди различных социальных групп и общностей. Исследования А.Г.Здравомыслова, Н.Н.Михайлова, Л.Н.Жилиной, А.В.Маргулиса, Д.А.Кикнадзе выявили противоречивость и неоднозначность развития потребностей.

Потребности личности, социальных групп, общностей всегда связаны с развитием культуры. В то же время очевидно, что стремление к культуре проявляется в форме потребностей. Все это позволило ученым, в том числе и социологам, оперировать понятиями «материальные» и «культурные потребности», которые, в свою очередь, могут быть классифицированы по разным основаниям. Так, А.Маслоу предложил пять потребностей-ценностей (от физиологических до духовных), Ф.Херцберг – 16 факторов-мотиваторов.

Очевидно, что базовые потребности формируются в процессе первичной социализации индивида, к 18–20 годам, а затем остаются достаточно стабильными, претерпевая существенные изменения лишь в кризисные периоды жизни человека и его социальной среды. Дальнейшие изменения в жизни затрагивают не столько состав, сколько структуру ценностей, т.е. их иерархические соотношения друг с другом в индивидуальном, групповом и общественном сознании: одни ценности получают более высокий статус или ранг, другие становятся менее значимыми.

Рокич ввел в свои исследования понятия терминальных и инструментальных ценностей, эмпирически исследовав по 18 тех и других. Что касается терминальных ценностей, то они выражают важнейшие цели, идеалы, самоценные смыслы жизни людей, такие как ценность человеческой жизни, семьи, межличных отношений, свободы, труда и аналогичные им.

В инструментальных ценностях запечатлены одобряемые в данном обществе или иной общности средства достижения целей. С одной стороны, это нравственные нормы поведения, а с другой – качества, способности людей (такие, как независимость, инициативность, авторитетность и др.) [14].

Как показывают социологические исследования, инструментальные ценности в большей мере, чем терминальные вызывают разное понимание, поддержку, и даже трактовку. Более того, иногда они противопоставляются друг другу или игнорируются. Так, в условиях кризисной экономики России резко упала ценность нравственных норм поведения – их заменила страсть к наживе, к обогащению любой ценой, к резкой девальвации понятий чести, совести, долга. Но одновременно выросла значимость таких черт личности, как самоуважение, самостоятельность, независимость.

Социологические исследования показывают, что в современном российском обществе достаточно значительна потребность в знаниях, информации, а также в формировании своего эстетического и этического видения мира, потребность в общении, а также в определенных средствах удовлетворения своих вкусов и наклонностей.

Большинство населения в той или иной степени приобщено к ценностям культуры. Массовые опросы в конце 80-х годов свидетельствовали, что лишь у 10% населения не привит вкус к постоянному чтению книг, газет, журналов. И хотя кино и телевидение занимают у них достаточно значительное место в досуге, однако это еще не говорит о глубине и развитости культурных потребностей как таковых. При таком подходе к исследованию культуры фиксируются формы приобщения к ней, но их интенсивность и качество не раскрываются.

Анализ культурных потребностей показывает, что они находятся в прямой зависимости от доходов населения. При всех частных отклонениях сам по себе рост материальной обеспеченности обусловливает рост интереса и затрат на духовное потребление. По

данным Л.Н.Жилиной (1987), если так называемые первичные культурные потребности (в телевидении, радио, видеотехнике, магнитофонах) практически одинаковы для семей с различными доходами, то другие атрибуты культуры (например, библиотека), выполняющие более сложную культурную функцию – функцию интеллектуального и эстетического развития, очень дифференцируются – они зависят от доходов, социального положения, профессиональной деятельности. Вместе с тем высокий доход в большинстве случаев связан с такими затратами, как приобретение автомашины, дачи, видеотехники, подчеркивающими статусное положение человека в системе материальных, а не духовных ценностей.

Однако при всех противоречиях и изъянах «средние» культурные потребности доминируют среди других потребностей людей. В первую очередь они стремятся приобрести вещи культурно-бытового назначения, отдавая им предпочтение перед вещами утилитарного свойства. Но в то же время очень слабо развита потребность в предметах высокого эстетического уровня.

При характеристике ценностей-потребностей очень важен учет условий их реализации. Так, до сих пор актуальна проблема точек «культурного притяжения». Территориальная удаленность учреждений культуры от места жительства как в городе, так и на селе становится серьезной причиной, мешающей обогащению духовного мира людей, ибо вызывает значительное психологическое напряжение, которое возрастает пропорционально затратам времени на транспорт. Не случайно поэтому многие планы и намерения по развитию культуры остаются нереализованными. Иначе говоря, показатели обеспеченности в том виде, в каком они используются для оценки состояния сферы культурного обслуживания, недостаточно четко отражают реальное положение вещей, поскольку не учитывают национальных, территориальных, региональных различий в условиях жизни людей.

По-прежнему ограничен доступ населения к культурным ценностям. Так, выбор книг в сельских библиотеках, малых городах незначителен, их фонды дублируют друг друга, а многие новинки литературы приобретаются с большим трудом. В музеях демонстрируется только 14% экспонатов, огромные запасники накоплены в художественных музеях, кинопоказ ведется очень часто произвольно, а в условиях кризисной ситуации он упал до предельно низкого уровня.

Одна из проблем развития духовных потребностей – это перекосы в способах их удовлетворения. В 70–80-е годы фиксировался так называемый книжный голод. Ситуация была такова, что в личных библиотеках скопилось более 40 млрд. книг, т.е. в 10–12 раз больше, чем во всех государственных, коллективных и общественных библиотеках. 90-е годы принесли другие проблемы. Книжное дело во многом оказалось во власти массовой культуры, низкопробных вкусов. В то же время научная и художественная литература, на первых порах порадовав многообразием, оказалась не по карману многим потенциальным потребителям.

Анализ современных потребностей позволяет утверждать, что за последнее время возрос темп появления новых и дифференциации старых. И дело скорее не в том, что люди не имели этих потребностей, а в том, что их удовлетворение сдерживалось самыми различными ограничениями, надуманными запретами, ориентацией на то, что будто из одного центра можно регулировать вкусы и наклонности человека.

Но открытость имеет и свои издержки. Получили определенное распространение и были возвеличены такие ценности, как «умение жить», корысть, неразборчивость в средствах

наживы и т.п. Кроме того, стали эксплуатироваться и даже пропагандироваться с помощью средств массовой информации порнография, патологические наклонности. Имеются и другие издержки в развитии культуры, в частности в виде различных проявлений молодежной субкультуры – хиппи, панки, рокеры и т.п., а также гипертрофированных ориентации на «тяжелый рок», «авангард», «инструментализм». Свобода творить привела и к оживлению далеко не бесспорных течений в. художественном творчестве, что нередко было продиктовано стремлением выделиться, завоевать себе место под солнцем.

В то же время очевидно, что в условиях становления новой морали важное значение имеет не запрет, а постоянная поддержка истинных духовных ценностей в расчете на то, что время внесет поправки и поставит точки над « i » в потребностях человека.

§ 3. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Культуру невозможно рассматривать вне рамок эстетического видения мира, ибо сфера эстетического является специфическим проявлением ценностного отношения человека к природе и обществу.

Проблема эстетического долгое время понималась в науке и практике весьма своеобразно: эстетические знания, эстетические вкусы, эстетические потребности ассоциировались лишь с тем, какую художественную литературу человек читал, какую музыку слушал, с какими произведениями живописи он знакомился и т.п. Этот узкий взгляд на роль прекрасного еще продолжает существовать.

Между тем формирование эстетического сознания происходит и в сфере труда. В стране есть предприятия, уделяющие пристальное внимание производственной эстетике. Чистота и гармония цвета в рабочем помещении, обилие воздуха, разумное украшение помещений – все это создает эстетическую привлекательность рабочего места, воспитывает вкус, влияет на этику поведения человека. Однако данная ситуация является скорее исключением, чем правилом. У большинства предприятий внутреннее их благоустройство и оформление далеки от тех требований, которые предъявляет современный дизайн. При всей добротности многие отечественные товары проигрывают во внешнем виде, красоте. Повышение эстетики производства – это не только духовная, но и экономическая потребность, имеющая огромное значение в условиях соревнования технических идей и результатов.

Настоятельной потребностью эстетического воспитания является формирование эстетических навыков поведения человека в быту, в повседневной жизни. Это достигается пропагандой культуры общения, норм поведения, правил хорошего тона (особенно среди молодежи), форм организации и проведения свободного времени.

Духовные потребности, функционирующие в сфере быта, предъявили серьезные требования к производству, вызвав к жизни промышленную (техническую) эстетику. Эстетизация процесса производства товаров привела к развитию дизайна, стала серьезно влиять на поведение человека. В этой связи нельзя оставить без внимания тот факт, что посредством товаров, выполненных в соответствии с высокими эстетическими требованиями, формировался не только новый потребитель, но и новый работник – массовый производитель.

Если рассмотреть сущность эстетических ценностей во всех сферах общественной жизни, то можно сказать, что они раскрываются через эстетическое отношение к действительности.

Эстетическое отношение включает в себя не только отношение к эстетическим ценностям, как таковым, но и нравственное отношение ко всему, что связано с осмыслением эстетической реальности. Прекрасное и творческое не могут быть вне духовно-нравственной направленности. Будучи частью надстройки общества, эстетическое отношение в том или ином виде отражает его проблемы. Не менее важен и эмоциональный аспект эстетического отношения к действительности. Истинные произведения человеческого труда (и не только в сфере искусства) заставляют переживать, поражаться той глубине проникновения в суть вещей, которой обладает творчески мыслящий человек. Эмоциональная окрашенность эстетических ценностей неотделима от их сущности, ибо только гармония, красота могут взволновать человека, пробудить в нем стремление к совершенству.

Как видно, эстетическое сознание способно превратиться в такую общественную силу, которая позволяет многократно увеличить или ослабить воздействие человека на результаты производственной деятельности.

Стремление человека к красоте может поддерживаться или опровергаться и внешней, окружающей средой. Внешний вид наших сел, городов, рабочих поселков, оформление улиц и площадей, оснащенность сферы услуг (столовых, магазинов) – все это остро ставит вопрос об оптимальности пространственно-архитектурных решений. К сожалению, процесс развития и удовлетворения духовных потребностей протекает стихийно, неорганизованно. Навыки культурного общения, эстетического видения мира, нравственности в общении приобретаются людьми лишь на основе жизненного опыта. В этом отношении им слабо помогают система образования, средства массовой информации. По данным социологических исследований (Л.Н.Жилина, 1987), 74% черпают знания об оформлении своего быта из собственного опыта, 21,1 – из наблюдения за образцами одежды и быта знакомых, соседей, 8,5 – из рекламы, 3% – из советов продавцов магазинов. А если учесть, что только 21,8% читают литературу об одежде, жилище, устройстве быта, то становится ясным, что организующее начало по формированию духовных потребностей крайне незначительно.

Аналогичная картина наблюдается и в суждениях о моде. В середине 80-х годов свою одежду модной считали 4,5%, лишь некоторые вещи– 59,5%. Стихийность приобщения к моде видна хотя бы из того, что представления о ней, по мнению 70,8% опрошенных, складываются из личного общения и личных наблюдений. Только 10,7% указали на демонстрации моды как источник информации. И в то же время только 2% могли назвать лекции и беседы на производстве как возможность что-либо узнать о процессах, происходящих в моде. В этой связи справедливо говорить о ценностях моды, которые, по мнению А.Б.Гофмана, разделяются на два слоя: атрибутивные, или внутренние, и депортивные, или внешние [15].

Одно из важнейших предназначений окружающих нас в быту утилитарных и художественных предметов состоит в воспитании вкуса, который проявляется и в процессе общения, и в убранстве жилья, и во времяпрепровождении. Художественный вкус складывается под влиянием регулярного общения с миром искусства и, несомненно, облагораживает жизнь людей.

Однако возможность общаться с миром искусства и сам факт общения с ним – не одно и то же. При неразвитости духовных потребностей эта возможность может находиться втуне и, в конце концов, ограничить рамки эстетического видения мира. Так, социологические исследования в Москве показали, что многие москвичи в течение 5–10 лет не были в театрах, но живут с твердой убежденностью (и это им приносит моральное удовлетворение), что если они захотят, то всегда смогут это сделать. Большую роль играет и эстетический идеал, выступающий действенным стимулом развития духовного мира личности [16].

Здесь, бесепорно, велика роль литературы и искусства, деятельность которых направлена на выработку художественного восприятия жизни. Они призваны ответить на волнующие человечество проблемы, мобилизовать людей на борьбу с негативными явлениями, показать красоту мира и побудить человека следовать лучшим ценностям нашей жизни. По данным А.Н.Семашко (1985), деятелям искусства присуще внутреннее чувство высокой удовлетворенности своей профессией (73,2%) и одновременно неудовлетворенности результатами своего труда (вполне удовлетворены им только 8,4%).

Суть отношений, возникающих в этой области духовной жизни, определяется, во-первых, умением на высоком художественном уровне отразить свершения и противоречия развития общества, показать повседневность трудовых будней, разобраться в достижениях и неудачах.

Во-вторых, в литературе и искусстве всегда воплощалось стремление заглянуть в будущее. Дар прозрения, предвидения, понимание глубинных тенденций социального прогресса – вот что было высочайшим достоинством лучших произведений художественной культуры. Именно с их помощью происходило осознание многих грядущих перемен, готовился поворот в общественном сознании.

И, наконец, это интерес к истории культуры своего народа, его обычаям и нравам. Это реакция на забвение или утрату многовековых традиций, которыми был силен всегда каждый из народов. Следует учесть и то, что, увлекаясь проблемами нынешнего дня, литература и искусство нередко страдают конъюнктурой, мелкотемьем, отсутствием последовательности в выражении своих взглядов и концепций.

Достижению эстетического идеала способствует учет новых тенденций в сфере культуры. Так, если в 50–60-х годах властителем дум была поэзия, то потом на ее место стала претендовать музыка. Отказ или неумение увидеть нарождающиеся потребности привели к серьезным политическим, культурным и нравственным издержкам, усилению напряженности там, где ее могло бы не быть, а именно в вопросе о вкусах.

Снятие запретов и ограничений на виды художественного творчества в конце 80-х – начале 90-х годов способствовало появлению большого числа самодеятельных театров, эстрадных групп, локальных сообществ деятелей искусства. Стали возрождаться забытые и полузабытые формы народного творчества, а вместе с ними и глубокий гуманистический смысл подлинной культуры, возвышающей человека и облагораживающей его повседневную жизнь.

Говоря об эстетических ориентирах, нужно сказать о роли свободного времени. Данные социологических исследований свидетельствуют, что важен не столько количественный рост, сколько качественное изменение методов организации свободного времени: в духовной жизни людей появились принципиально новые формы его проведения (в том числе и хобби), которых не знало предшествующее поколение [17].

В нашей стране люди имеют более 100 нерабочих дней в течение года. Каждый человек может распоряжаться этим временем по своему усмотрению. Но это, конечно, не означает, что обществу безразлично, как используется свободное время. Оно заинтересовано в том, чтобы время не растрачивалось впустую, тем более во вред человеку, а служило его интеллектуальному обогащению и физическому совершенствованию. Социологические исследования подтверждают, что характер проведения досуга наглядно показывает, на что сориентирована личность, какие ставит перед собой цели, насколько они совпадают с общественными идеалами.

Таким образом, эстетическое сознание и поведение являются своеобразным ядром, качественной характеристикой культуры, социологическое видение которой предполагает непременный анализ того, насколько знания, ценности, отношение к окружающей действительности обогащают людей, возвышают их в жизни, совершенствуют их нравственную культуру, гражданскую позицию. Стремление и попытки проанализировать феномен эстетического восприятия действительности представляет для социолога значительную трудность потому, что в отличие от других видов деятельности (например, трудовой), поведение человека в сфере культуры определяется не только социальными, но и социально-психологическими факторами, которые бытуют на уровне бессознательного.

Литература

1. Соколов Э.В. Культура и личность. Л., 1972. С.51.
2. См.: Вавилов Е.А., Фофанов В.П. Исторический материализм и категория культуры. Новосибирск, 1983. С. 19.
3. Баллер Э.А. Коммунизм. Культура. Человек. М., 1984. С.23. Аналогичное утверждение о творческой, самодеятельной личности как главной проблеме культуры. См.: Межуев В.М. Культура и история. М., 1977. С.11.
4. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969. С.66.
5. См. подробнее: Предмет и метод истории культуры. Круглый стол журнала «История СССР» // История СССР. 1979. № 6.
6. См. подробнее: Коган Л.Н. Социология культуры: Учебное пособие. Екатеринбург, 1992.
7. См.: Уледов А.К. Духовная жизнь общества. М., 1980. С.165– 183.
8. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры, с.67.
9. Злобин И. С. Духовное производство и культура // Вопросы философии. 1980. №9. С. 128; Межуев В.М. Культура и история, с.70.
10. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // СОЦИС. 1996. № 5. С.5.
11. Фромм Э. Иметь или быть. М., 1986. С.94.
12. См. подробнее: Вестник Санкт-Петербургского университета. 1993. Сер. 6. Вып.2. С.44.
13. См.: Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996. С.55.
14. Там же.
15. См.: Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М., 1994.
16. См.: Комиссаров С.Н., Шендрик А.И. Возрождение идеала. М., 1990.
17. Сикевич З.В. Молодежная культура: «за» и «против». Замет ки социолога. Л., 1990.

Темы для рефератов

1. Генезис идей о культуре в жизни человечества.
2. Предмет «социология культуры».
3. Ценности и их место в социологии культуры.
4. Массовая культура: ее «плюсы» и «минусы».

5. Нравственная культура и ее потенциал в современных условиях.
6. Молодежная субкультура: современное звучание.
7. Роль интеллигенции в развитии культуры.
8. Эстетический идеал: сущность и современное содержание.
9. Мода и ее место в культуре.

Вопросы и задания для повторения

1. Какие точки зрения на сущность культуры существуют в философии и социологии?
2. Что входит в предмет «социология культуры»?
3. Почему ценности являются основной категорией социологии культуры?
4. Какие классификации используются при характеристике ценностей?
5. Что такое культурная потребность?
6. Что такое эстетическое сознание?
7. Каков путь формирования эстетических потребностей?
8. Роль литературы и искусства в воспитании художественного вкуса.
9. Значение свободного времени для удовлетворения духовных потребностей.

Глава 5 СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Религия является объектом исследования целого ряда общественных наук, каждая из которых рассматривает ее под своим углом зрения, своими специфическими методами. Предметом исследования в каждой из них становятся те или иные стороны, элементы религии, ее взаимосвязи с различными сторонами действительности.

Так, философию религия интересует как форма общественного сознания, как специфическое концептуальное видение мира, как особенный способ его познания. В поле зрения философии при изучении религии оказываются такие гносеологические проблемы, как специфика религиозного отражения действительности, вопрос об его адекватности, содержание религиозного сознания. Философия стремится дать ответ о природе и происхождении религии, ее гносеологических корнях, об истинности религиозных представлений и образов.

История и другие исторические науки (археология, этнография и др.) исследуют конкретные формы функционирования религии, возникавшие и сменявшие друг друга в определенных исторических условиях, на тех или иных этапах развития человеческого общества, в тех или иных странах или регионах мира. История изучает роль религиозных систем, конфессий, религиозных организаций и движений в жизни конкретных цивилизаций, стран и народов, в общем ходе исторического процесса.

Культурология, эстетика, искусствоведение рассматривают религию как важную составляющую, как мощный пласт мировой и национальных культур, духовного наследия человечества.

Что касается социологии религии, то как научная дисциплина свои первые шаги она сделала в середине XIX века. Уже О.Контом (1798–1857) была четко выражена мысль, что религия, представляющая собой неотъемлемую часть человеческого общества в период его возникновения, постепенно вытесняется и преодолевается научными знаниями.

Несколько иную точку зрения на религию высказал Г.Спенсер (1820–1903), рассматривая ее как один из регулятивов жизни общества в деле поддержания образцов поведения, но менее значимый по сравнению с рынком и политической деятельностью.

Э.Дюркгейм (1858–1917) в своей работе «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии» (1912) обстоятельно обосновал свой главный тезис – религия как фактор социальной интеграции, выполняющий в обществе некую необходимую для его существования функцию.

К.Маркс (1818–1883) рассматривал религию в качестве важного социального фактора, обладающего вполне реальными функциями в жизни общества: идеологической, ибо религия оправдывает существующие социальные порядки, и компенсаторной, представляющей собой «сердце бессердечного мира» – страдания в этом мире не напрасны, они будут вознаграждены в будущей жизни.

Особое место в социологии религии занимает позиция М.Вебера (1864–1920), который считал, что главная функция религии – функция смыслополагания, рационализации человеческой деятельности. В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» он доказывает, что протестантизм способствовал рационализации экономической деятельности и воспитанию аскетизма. Он убедительно показал, что идеология протестантизма привела к вершинам успехов предпринимательской деятельности именно представителей этого религиозного направления, проповедующего аскетизм, воздержание, требовательность к себе и окружающим. В этой связи напрашивается сравнение и со старообрядческой ветвью православия: по данным А.П.Шихарева (1996), 2% старообрядцев дали 80% представителей купеческого и предпринимательского мира России конца XIX – начала XX века.

В дальнейшем социологические концепции религии развивали Б.Малиновский, А.Р.Рэдклиффмен, Т.Парсонс, Н.Луман, Р.Мертон, а в 60-е годы XX века – Р.Белл.

В отечественной философской и социологической мысли видное место принадлежит С.Н.Булгакову, в принципе разделяющему веберовскую точку зрения на роль религии в экономической жизни. В 20-е годы науковедческий аспект исследования религии был заменен предвзятым идеологическим подходом, в основе которого лежало рассмотрение религии как пережитка прошлого в сознании и поведении людей, а не как особенной формы общественной и личной культуры человека.

В советский период религия была вытеснена на периферию общественной жизни, церкви было запрещено вести какую-либо самостоятельную социальную (даже благотворительную) деятельность. Ее научным исследованием занимался сравнительно узкий круг академических ученых. Сегодня религия оказалась в центре общественного внимания. В обществе широко используются религиозные символы и сюжеты для обретения привлекательного имиджа. Религия все чаще рассматривается как фундамент подлинной морали, как незаменимое средство нравственно-духовного возрождения (Л.Н.Митрохин, 1995).

Вместе с тем исследования 90-х годов во многом повторяют то, что было выявлено в специальных исследованиях 70–80-х годов (Р.А.Лопаткин, В.Г.Пивоваров, Г.М.Закович и др.), которые свидетельствовали о серьезной укорененности в общественном сознании идей религиозного видения мира и предупреждали об опасности форсирования атеистических усилий (да еще и с помощью государства) по пропаганде светского мировоззрения и светского образа жизни.

§ 1. РЕЛИГИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Социологию религия интересует как социальное явление, как важный структурный компонент гражданского общества в самых разных его социальных проявлениях и на разных – социальных же – уровнях. Предметом социологического анализа, который осуществляет социология религии как отраслевая социологическая дисциплина, являются религиозное сознание и поведение, религиозные отношения, религиозные организации и институты – в их взаимосвязи как между собой, так и с другими компонентами общества.

Но, исследуя, например, состояние и отдельные проявления религиозного сознания, социология религии не берется отвечать на вопрос об истинности или ложности тех или иных положений вероучения, религиозных догм (существует ли Бог, загробный мир, божественное провидение, предопределение и т.п.), о степени адекватности отражения религиозным сознанием действительности. Религиозное сознание изучается социологией как социальный факт, как одна из реально существующих систем мировоззрения, социальных норм и ценностей в том аспекте, в каком оно выступает регулятором социального поведения личности, группы, больших масс людей.

Так же и религиозный опыт (в трудах многих современных западных социологов часто используется термин «религиозная практика») изучается социологией не с точки зрения его канонического содержания и предназначения, а как структурный элемент конкретной религиозной системы, как одна из форм социального поведения и общения людей, внешнего, эмпирически наблюдаемого и фиксируемого проявления людьми своих взглядов и религиозных убеждений, организующего начала социальной жизни больших и малых человеческих сообществ.

Когда мы говорим о религии как о социальном явлении, мы имеем в виду, что она предстает перед социологом как реально существующий социальный факт, подсистема общества, им порожденная и, в свою очередь, оказывающая влияние на его жизнь и развитие, на сознание и взаимоотношения людей на разных уровнях – от индивидуального и межличностного до глобального, в масштабах всего человечества. Религиозное сознание, составляющее стержень религии (как религиозная идеология, вероучение, теология, так и массовое религиозное сознание), определяя поведение людей, воздействуя на него, становится социальным фактом и в этом своем качестве (и только в этом) является предметом социологического исследования. Социология религии исследует не только распространенность религиозного сознания в обществе (религиозность группы, социального слоя, населения и т.п.) и, соответственно, степень влияния религии на общественные процессы, его конфессиональные варианты, но также и его внутреннее содержание в таких аспектах, которые позволяют судить о тенденциях и динамике его развития под влиянием изменений, происходящих в обществе.

Особо следует отметить тот факт, что религия является специфической формой культуры со своей системой ценностей, которая в значительной степени коррелирует с нравственными установками, с общепринятыми нормами и правилами поведения, одновременно распространяя определенные эталоны поведения. Такая трактовка важна для преодоления одностороннего взгляда на религию как выражения идеологических установок одного класса в его господстве над другим.

Религия, как уже отмечалось, социальное явление. Ее возникновение, существование, эволюция детерминированы определенными общественными условиями прошлого и

настоящего, а в религиозных представлениях, образах, вероучительных текстах специфическим способом закодированы определенные типы общественных отношений, нормы и правила человеческого общежития. В разных конкретно-исторических условиях эти коды способны актуализироваться по-разному, чем и объясняется тот факт, что весьма различающиеся по своему социальному содержанию и направленности действия людей нередко мотивируются одними и теми же религиозными предписаниями.

Религия не существует в обществе в каком-то изолированном, самодостаточном состоянии. Она тесно включена в общественную структуру, переплетаясь и взаимодействуя с другими сферами и формами жизнедеятельности общества: политикой, экономикой, культурой, правом, моралью и т.д., часто проявляясь и функционируя как бы на «чужой» территории, оказывая в зависимости от конкретно-исторических условий то большее, то меньшее влияние на эти сферы.

Это воздействие религии на общество и происходящие в нем процессы реализуется через ее институты (культовые учреждения, религиозные организации, объединения верующих), через систему организации религиозного культа, религиозную идеологию и массовое религиозное сознание. Все эти компоненты структуры религии и их взаимосвязи с различными компонентами структуры общества имеют социальные измерения и доступны как теоретическому анализу, так и эмпирическому наблюдению, и, как таковые, становятся предметом социологического исследования.

§ 2. УРОВНИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Как и другие отраслевые социологические дисциплины, социология религии исследует свой объект на двух уровнях – теоретическом и эмпирическом.

На теоретическом уровне предметом исследования являются религия в целом как социальная подсистема, ее социальная природа, место и роль в обществе, социальные функции, ее внутренняя структура и взаимосвязь составляющих ее элементов, происходящие в ней процессы и изменения.

Теологическая трактовка религии как божественного откровения, которой придерживается и часть конфессионально ангажированных социологов, делает практически бессмысленным и невозможным социологическое изучение религии на теоретическом уровне. Научное же изучение религии начинается с признания ее порождением определенного уровня развития человечества, а также анализа ее функций. Что касается человека, то роль религии проявляется для него в функциях определения смысла жизни и идентичности. По отношению к социальным группам (это не исключает и человека) важны функции социальной интеграции и сакрализации культурных, главным образом этических, ценностей [1].

На эмпирическом уровне социологического анализа религии предметом исследования становятся религиозное сознание и поведение людей, больших и малых групп, общественное мнение о религии и церкви, деятельность религиозных институтов, организаций и движений, конфессионально ориентированных политических партий, отношение к религии различных групп населения, воздействие религии на поведение людей в различных сферах общественной жизни.

На этом уровне ключевыми понятиями, доступными операционализации, выступают религиозность, ее уровень, степень, характер, динамика, состояние религиозного сознания, религиозное поведение, религиозная группа (община, объединение верующих).

Под религиозностью понимается «определенное состояние отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему» (Д.М.Угринович, 1974), их приверженность к религии, принятие ее вероучения и предписаний. Под уровнем религиозности принято понимать соотношение респондентов, обладающих признаком религиозности, со всей совокупностью опрошенных. В отличие от уровня религиозности, когда фиксируется только сам факт наличия определяющего признака, понятие степень религиозности отмечает интенсивность проявления этого признака (сильная или слабая вера в сверхъестественное, в Бога, постоянное или эпизодическое посещений богослужений и т.п.). Нетрудно заметить, что возможны случаи, когда исследования покажут одинаковый уровень религиозности на разных объектах, но разную степень ее проявления, т.е. глубины религиозного сознания и религиозных переживаний верующих, интенсивности соблюдения ими религиозных предписаний.

Чем характеризуется современная религиозность в России, каковы ее тенденции, как оценивается влияние религии на процессы общественной жизни населением страны, показывает анализ Ю.П.Зуева.

На основе приведенных данных об уровнях религиозности, полученных в период 1988–1996 годов, трудно с уверенностью делать выводы о реальном состоянии религиозности населения страны в указанный период. Во-первых, слишком велик разброс результатов, что, видимо, объясняется различиями подходов к построению социологического инструментария, способов обработки полученной информации, возможно, и какими-то дефектами выборки. Во-вторых, к категории верующих отнесены все те, кто сам заявил о своей религиозности. Однако известно, что самооценка не может служить достаточным и надежным основанием для объективной характеристики мировоззренческой позиции человека. Несомненно лишь то, что уровень религиозности взрослого населения страны в течение первой половины 1990-х годов имел положительную динамику, а доля лиц, считающих себя верующими, достигла в 1995 году не менее 65% [2].

В целом рост религиозных общин значителен. На 1 января 1997 года в России насчитывалось 14,5 тыс. общин. По ориентировочным данным, 50–55 млн. россиян относили себя к православию, 15–18 млн. – к различным формам протестантизма и католицизма, 10–12 млн. – к исламу.

Вместе с тем, подданным ВЦИОМ, уже 1996 год показал процесс сокращения доли верующих среди населения: пик роста верующих пришелся на 1993–1994 годы и сейчас практически равен показателям 1991 года [3].

Весьма своеобразны процессы, происходящие в среде самих верующих. Так, рост числа людей, объявивших себя причастными к православию, не изменил пропорций включенности в церковную жизнь. В 1996 году 55% назвавших себя православными практически не посещают церковные службы. Ежемесячное причастие (минимальная частота, рекомендуемая церковью) соблюдали не более 4–5% назвавших себя православными, т.е. столько же, сколько было в 1991 году, сколько было и в 70-е и в 80-е годы. Все это позволяет поставить под сомнение существование провозглашенного религиозного ренессанса, а скорее рассматривать его как изменение отношения государства и общества к религии, признание ее роли в поддержании нравственных норм, отказ от «идиотизма» по отношению к верующим. Вместе с тем данные социологических

исследований показывают большую долю приверженных к религии среди молодежи (до 20 лет), среди лиц старшего возраста (после 60 лет), а также в целом среди женщин [4].

Что касается характера религиозности, то на первый план выходит качественная характеристика явления: в нем интегрируется информация о качестве религиозности, добавляются такие характеристики, как конфессиональная определенность, особенности, наложенные своеобразием исторического периода, национальной спецификой, социальным контекстом.

Говоря о качестве религиозности, отметим, во-первых, что под воздействием изменившейся ситуации появляется категория примкнувших, «зачисливших» себя в религию под влиянием общественной моды, которые поступили так потому, что это сейчас принято. В результате того что слово «верующий» становится все более «нормальным», респектабельным, а слово «атеист» – неприличным, мы имеем дело с весьма интересным и специфическим явлением: атеизм «очищается» от тех, кто считал себя ранее атеистом скорее всего из конформистских соображений, а вера «замутняется», ибо к ней примыкают отнюдь не только в связи с изменившимся мировоззрением [5].

Во-вторых, качество религиозности проявляется в таком специфическом явлении, когда религия понимается не столько в «религиозном» смысле, сколько в социально-утилитарном, как средство поддержания культуры и морали. Высоко оценивая эти черты религиозного учения, многие верующие концентрируют внимание на том, что религия полезна для общества, для поддержания нравственности, что говорит скорее об их приверженности идеям гуманизма, чем о настоящей, искренней и глубокой вере [6].

В-третьих, происходит весьма своеобразный, но реально существующий процесс «индивидуализации» веры, когда люди, придерживаясь одной веры и искренне разделяя ее основные положения, приспосабливают ее к своему личному мировосприятию окружающей действительности. В результате одни люди придают большое значение одним действиям религии, другие – другим; одни склонны отмечать одни праздники и соблюдать ритуалы, а другие выделяют для себя другие даты и придают значение иным ритуалам.

При анализе характера религиозности обращается внимание на принадлежность людей к разным конфессиям, которые в России представлены помимо православия исламом, католицизмом, протестантизмом, иудаизмом. Существует значительное число и различных религиозных течений. Образовавшийся после социалистической идеологии вакуум заполняется не только ценностями развитых «цивилизованных» религий, но и различными мистическими и оккультными представлениями, неоязычеством и труднообъяснимыми миссионерскими учениями.

Особую тревогу вызывает оголтелая экспансия многочисленных квазирелигиозных образований (культов, нетрадиционных религий, «тоталитарных сект»): «Церковь унификации», «Общество сознания Кришны», «Церковь сайентологии» и др. Применяя изощренную психотехнику, «культы» губительно влияют на психику людей и их личностное сознание, превращая своих последователей в роботов. Аналогичные группы возникли и на почве православия («Великое белое братство», «Богородичный центр», «группа Виссариона» и др.). Однако в средствах массовой информации господствуют самые дилетантские представления о таких новообразованиях. Примерами могут служить материалы о событиях в Киеве, связанные с «Белым братством», или сообщения о деятельности «АУМ синрике».

И, наконец, получили распространение причудливые эклектические образования типа культа НЛО, астрологии, магии, колдовства и т.д.

Однако, как справедливо отмечает Л.Н.Митрохин, проблемы качества и характера религиозности обсуждаются на весьма поверхностном, морализаторском уровне, когда идеализируется история церкви, вычеркивается богатое материалистическое и антиклерикальное наследие, насаждаются новые мифологемы по принципу «все наоборот» [7].

Наиболее общей характеристикой религиозности исследуемого объекта (от малой группы до общества в целом), в которой в качестве переменных задействованы все три названные выше характеристики, является понятие состояние религиозности. Оно синтезирует качественно-количественную определенность уровня, степени и характера религиозности, в их единстве и устойчивом сочетании в течение определенного периода времени, фиксируемую на момент исследования. Для раскрытия состояния религиозности на исследуемом объекте нужны данные более широкого и глубокого типа, чем результаты опроса (особенно, когда речь идет о состоянии религиозности в стране, крупном своеобразном регионе и т.д.). Здесь должны быть учтены процессы, происходящие в массовом религиозном сознании и религиозной идеологии, конфессиональная структура населения, направленность, характер и интенсивность деятельности религиозных организаций, объединений верующих, их влияние на окружающую социальную среду.

Именно такой подход и позволяет более реально оценить состояние религиозности в России и усомниться в существовании религиозного бума.

К этому понятию близко и понятие религиозная ситуация. В социологических публикациях они часто используются как синонимы. Однако между ними имеются и некоторые оттенки. Понятие религиозная ситуация фиксирует явление более конкретное, более локализованное во времени и пространстве, в его содержании несколько большее значение имеет характеристика деятельности религиозных организаций и верующих.

Надо иметь в виду, что социология религии не ограничивается изучением религиозного феномена в чистом виде. Отношение людей к религии в обществе неодинаково, оно может меняться в течение жизни, порой даже на весьма коротком ее отрезке, под влиянием окружающей среды, общественной атмосферы, меняющихся жизненных обстоятельств, идеологического воздействия. Поэтому социология религии исследует весь диапазон отношения людей к религии: от религиозности (разных форм и интенсивности) – через колебания в вере, неопределенность отношения к религии, индифферентность – до нерелигиозности, атеизма. Кстати, в отечественной литературе сама дисциплина часто называется «социология религии и атеизма».

Первые опыты конкретно-социологического изучения проблем религии в нашей стране относятся к концу 50-х – началу 60-х годов, когда объектами исследования становились отдельные небольшие населенные пункты, трудовые коллективы, религиозные общины. Ко второй половине 60-х годов уже сформировалось несколько научных центров на базе академических институтов, вузов (в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Воронеже, Перми и других городах) во главе с Институтом научного атеизма Академии общественных наук. За три десятилетия ими было осуществлено большое количество социологических исследований проблем религии и атеизма, в том числе крупных – в масштабе областей, республик, регионов.

Проведенные исследования различались как по объекту, так и по типу решаемых задач и тематике. Значительная часть из них была посвящена измерению уровня религиозности, масштабов распространенности религиозных и атеистических ориентации среди населения, в отдельных социально-демографических и социально-профессиональных группах, в трудовых, учебных, воинских коллективах и т.п. Они позволяли раскрыть взаимосвязь религиозности, ее эволюции с социальными условиями и процессами, происходящими в обществе, давали информацию о динамике религиозности, о тенденциях изменения в ее внутренней структуре и содержании, позволяли построить типологию опрошенных по их отношению к религии и атеизму, представляли эмпирический материал для теоретических обобщений о причинах и механизмах воспроизводства религиозности, об изменении места и роли религии в обществе.

К этому типу исследований по объектам и методике (преимущественно анкетированию) примыкают и исследования общественного мнения по вопросам религии и атеизма.

Другой тип исследований имеет своим объектом непосредственно объединение верующих – религиозную общину, приход, а также такую специфическую социальную группу, как служители культа, слушатели духовных учебных заведений, а также деятельность религиозных организаций и учреждений. В любой религии они выполняют функцию организующего начала, осуществляют контроль за сознанием и поведением своих членов, обеспечивают пропаганду и распространение вероучения, привлечение новых членов (миссионерство, прозелитизм), организуют не только религиозную, но и социальную жизнь своих последователей. Социологию в этом случае интересуют прежде всего их функции, процесс их изменения и согласования с окружающей реальностью. Предметом изучения в таких исследованиях являются состояние, организация и динамика религиозной жизни, социальные, политические и духовно-нравственные ориентации верующих и духовенства, характер связи общины с внешним миром, со светскими властными, социальными и культурными структурам!, с миром бизнеса. Во многих случаях религиозная община выступает для верующего его непосредственной социальной средой, прежде всего для людей старших возрастов, пенсионеров, где они реализуют не только свою причастность к вере, но и свою социальную активность, культурно-познавательные интересы, удовлетворяют потребность в общении, сопереживании и т.д.

Исследования подобного рода требуют предварительного согласования и установления доверительных отношений с руководством и активом общины, с верующими. Нередко они продолжаются в течение длительного периода или повторяются через определенные промежутки времени, не ограничиваются анкетированием, а дополняются глубинными интервью, опросами экспертов, наблюдением, приобретают монографический характер.

Большой и ценный материал дают социологам изучение и анализ документов, контент-анализ церковной прессы и публикаций о религии в светских средствах массовой информации, изучение архивных материалов, которые позволяют найти «точку отсчета» при исследовании изменений религиозного феномена.

Одной из важных методологических проблем, которые встают перед социологом-религиоведом, является проблема достоверности информации о религиозности, получаемой социологическими методами. Или – ставя вопрос шире, в более общем плане – возможно ли вообще познание религиозного феномена без погружения в него, т.е. не будучи человеком верующим, не имея собственного «религиозного опыта»? Со стороны религиозных социологов можно встретить утверждения, что только верующему человеку, исповедующему истины своей религии, доступно и научное ее познание. Однако большинство социологов и в нашей стране и за рубежом отвечают положительно на

вопрос о возможности и достоверности познания проявлений религии социологическими методами, поскольку исследователь решает вопрос не об истинности или ложности религии, религиозного опыта индивида, а принимая ее за социальную данность, изучает степень и характер ее влияния на общественную жизнь, на общественное, групповое и индивидуальное сознание и поведение, видит в ней один из типов социальной ориентации, определенную модель образа жизни людей.

К этой проблеме примыкает и другая методологическая проблема: что считать критериями религиозности. Некоторые социологи (например, последователи французского католического социолога Г. Ле Бра) считают, что, изучая религию, социолог может достоверно наблюдать и фиксировать только факты внешних проявлений религиозности, религиозного поведения, участия в отправлении культа («религиозную практику»). Религиозного же сознания он касаться не должен, поскольку рискует оказаться во власти не реальных фактов, а субъективных высказываний респондентов. Следует признать, что определенные основания для такого скептического подхода есть: социологическая анкета часто оказывается слишком грубым инструментом для проникновения в сознание респондента, искренность ответа целиком зависит от него самого, а наблюдаемые факты религиозного поведения, казалось бы, неопровержимы – они либо есть, либо их нет (хотя можно добавить, что о фактах религиозного поведения социолог тоже часто судит только по признанию респондента).

Но здесь возникает другое, не менее серьезное опасение, что взятые изолированно от сознания индивида и абсолютизированные акты религиозного поведения могут также нарисовать недостоверную картину. Человек может посещать церковь, участвовать в богослужениях, исполнять религиозные обряды и предписания вероучения, не будучи верующим и не испытывая при этом религиозных чувств, а по привычке, в силу принятого в данной среде стереотипа поведения, под давлением своего ближайшего окружения или по каким-то другим, например карьерным или популистским, соображениям – и тогда из полученных данных нельзя делать никаких других выводов, кроме констатации самих фактов религиозного поведения.

Но и обращение только к сознанию респондентов, религиозные или нерелигиозные признаки которого могут фиксироваться лишь по их высказываниям, без учета поведения тоже может привести к получению недостаточно достоверной информации. По каким-то причинам человек может скрывать свою религиозность, подлинные мотивы своего поведения или же, наоборот, представлять себя верующим, приверженцем конкретной конфессии, сам при этом сознавая, что таковым не является.

Проведенные исследования свидетельствуют, что подобные искажения информации, когда речь идет о такой тонкой, глубоко интимной стороне духовного мира человека, как его отношение к религии, имеют место. Но эти же исследования, сравнение результатов, полученных на разных объектах, анализ заполненных анкет на логическую противоречивость позволяют утверждать о достаточной надежности и достоверности основной массы получаемой информации, о принципиальной доступности религиозного феномена изучению социологическими методами. Выход – в комплексной фиксации признаков сознания и поведения, соотнесении их друг с другом, постановке контрольных вопросов и построении в исследовательской процедуре такой модели сочетания этих двух рядов признаков, которая позволяла бы достоверно судить о религиозности или нерелигиозности индивида.

§ 3. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

Секуляризация означает «обмирщение»: то, что было достоянием веры и церкви, становится со временем от них независимым, светским. В истории Европы это коснулось первоначально церковной собственности и власти духовенства, а позже, начиная с эпохи Просвещения, этот процесс распространился и на духовную сферу, науку, культуру, образование.

Общеизвестно, что изменения, происходящие в религии на протяжении Новой истории, начиная с XV – XVI веков выражают общую тенденцию уменьшения влияния религии в обществе и в жизни отдельного человека. Религия становится как бы менее нужной им. Чтобы преодолеть вырастающую «стену отчуждения» между нею и изменившимся миром, религия вынуждена идти на компромисс, приспосабливаться к изменившимся условиям, вносить коррективы в вероучение, социальные и этические доктрины, формы организации, методы деятельности. Для обозначения явлений такого рода применяются два понятия – секуляризация (изменения во взаимоотношениях религии с обществом) и модернизация (изменения в самой религии, продиктованные стремлением повернуть церковь «лицом к миру», идти в ногу со временем). Эти понятия тесно связаны и дополняют друг друга [8].

Термин секуляризация в этом значении был использован в 1646 году французским посланником Лонгвилем на переговорах, предшествующих заключению Вестфальского мира, и подразумевал удовлетворение интересов победивших держав за счет конфискации монастырских владений. Секуляризация церковного имущества довольно широко практиковалась европейскими монархами в XVII – XVIII веках, в России, например, Петром I и Екатериной II . Наиболее радикальный шаг в этом направлении был сделан в самом начале Великой Французской революции, когда по предложению гражданина Талейрана Национальное собрание 2 ноября 1789 года приняло краткое решение: «Все церковное имущество находится в распоряжении нации». Это означало конфискацию церковного имущества, закрытие монастырей.

В дальнейшем секуляризация стала трактоваться еще шире – как освобождение мирских дел от религиозного контроля. В XVII веке начинается секуляризация науки (Галилей, Декарт, Ньютон, Бэкон, Гоббс, Локк). Теология перестала считаться «царицей наук». Мировоззрение стало допускать не только религиозное объяснение мира. В общественном сознании во многом уменьшилось влияние религии как «путеводителя» человека при решении жизненно важных для него проблем.

В самом общем плане под секуляризацией понимается процесс высвобождения из-под влияния религии различных сторон и уровней жизнедеятельности общества и личности, вытеснение религии из различных сфер общественной жизни светскими формами организации жизнедеятельности людей.

Этот процесс носит объективный характер, он наблюдается во всем мире, затрагивает практически все религии и может рассматриваться как одна из закономерностей общественно-исторического развития. В нашей стране и за рубежом ему посвящена обширная литература.

Но является ли процесс секуляризации необратимым? В настоящее время признано, что секуляризация имеет большое значение и является характерной чертой современного общества. Однако трактовка причин и последствий секуляризации весьма разнообразна.

В отечественной и зарубежной литературе имеется немало в той или иной мере отличающихся друг от друга определений этого понятия, причем следует иметь в виду, что оно используется не только в социологии, но и в исторических науках, правоведении и др., обретая там свои, специфические, отличные от социологического смысловую нагрузку и объем содержания.

По мнению В.И.Гараджи (1996), имеется несколько теорий секуляризации. Во-первых, секуляризация понимается как утрата «священного» и угроза социальному порядку и согласию (П.Бергер).

С одной стороны, речь идет о таких явлениях, как отделение церкви от государства, создание системы светского образования, потеря интереса к религиозным сюжетам в искусстве, завоевание наукой самостоятельности по отношению к теологии и т.д. В этих условиях происходит не только секуляризация общества, его институтов, но и секуляризация сознания. Секуляризация на уровне социальной структуры («объективная секуляризация») имеет свое подобие на уровне сознания индивида («субъективная секуляризация»): обычный человек, «человек с улицы», становится во все большей степени безразличным к религии. Его повседневная жизнь исключает необходимость обращения к церкви, он постоянно переносит на «потом» обязанности, связанные с церковной жизнью, а то и вовсе забывает о них. Религия все меньше влияет на семейную жизнь, становясь и здесь «антикварной» вещью. В политике человек руководствуется сегодня мотивами, далекими от религиозной веры.

С другой стороны, секуляризация ведет к представлению о том, что нет ничего «святого», абсолютные ценности становятся относительными и условными, и это ведет к кризису – утрате смысла, аномии, дезориентации человека.

Во-вторых, секуляризация трактуется как вытеснение религии наукой, рациональным мышлением, светской этикой. Эта точка зрения является самой распространенной в современном обществе. Происходит процесс «демифологизации» и секуляризации сознания, область сверхъестественного существенно сокращается.

В-третьих, секуляризация трактуется как эволюция религии и ее видоизменение в ходе социальных перемен. Согласно этой позиции религия имеет весьма существенные резервы своего развития и даже более того способствует, как утверждает американский социолог Р.Белл, дальнейшему прогрессу общества.

В течение десятилетий, практически в течение всего послереволюционного периода религия в России находилась в ситуации выживания. В такое положение она была поставлена прежде всего объективными социально-экономическими и социально-политическими обстоятельствами, ходом процесса секуляризации, приводившим к постепенному вытеснению религии и церкви из общественной жизни, к уменьшению их влияния на массы, к ослаблению связей с ними или к отходу от религии значительного числа людей, к существенному сокращению ее воспроизводства в новых поколениях.

Но в состояние выживания религия и религиозное сознание были поставлены не только объективным ходом общественного развития, но и определенной политикой, энергично проводившейся государством и КПСС, направленной на форсированное преодоление религии как явления, якобы чуждого социалистическому образу жизни и мешающему решению задач коммунистического строительства. Представление о социализме как об обществе, которое должно быть свободно от религии, трактовка религии лишь как пережитка прошлых социально-экономических формаций толкали на путь преодоления ее

уже на достигнутом уровне материальной и духовной зрелости общества: теоретически за счет распространения научных знаний и перевоспитания верующих, а на практике – в значительной мере и прежде всего путем администрирования и ущемления конституционных прав и свобод верующих граждан и религиозных организаций, прямолинейной, примитивной и нередко грубой атеистической пропаганды. Атеизм был превращен в символ новой веры, что порождало новые формы нетерпимости, не преодолевало, а лишь подогревало религиозный фанатизм, препятствовало консолидации общества.

Жизнь разрушила эти надуманные схемы. Годы перестройки и события самых последних лет существенно изменили религиозную ситуацию в российском обществе. В процессе демократизации были устранены многие деформации недавнего прошлого в решении религиозного вопроса. Религиозные организации получили право юридического лица, право обладания собственностью, полную свободу пропаганды своих вероучений. Государство возвратило церкви значительную часть изъятых у нее храмов, монастырей, церковной утвари.

Существенно возрос общественный престиж религии и церкви. Изменился в их пользу настрой общественного мнения. Поддержку и одобрение как государственных органов, так и общественности встречает деятельность религиозных организаций на ниве благотворительности и милосердия. Небывалый размах в средствах массовой информации получили публикация материалов о деятельности различных конфессий и собственно религиозная пропаганда. Многие представители духовенства впервые были избраны народными депутатами в представительные органы власти разных уровней. Значительно возросло число участников богослужений, различных религиозных празднеств и церемоний, причем среди них немало людей нерелигиозных. В общественном сознании приобрел массовый характер интерес к религии и церкви, их месте и роли в истории и культуре народов России, резко вырос спрос на религиозную литературу. В различных слоях общества наблюдается обращение к религии людей, бывших ранее неверующими или даже атеистами. Широкое распространение получают нетрадиционные религии и формы верований, мистика, оккультизм, всякого рода суеверия.

Серьезно изменившаяся за относительно короткий срок религиозная ситуация в России ставит ряд вопросов, которые нуждаются в рассмотрении и ответе.

Насколько достоверны и обоснованы были выводы из результатов проводившихся в прежние годы социологических исследований, позволяли ли они предвидеть такое резкое изменение отношения общества к религии?

Какие теоретические положения отечественного религиоведения (социологии религии) не выдержали критики временем, а какие продолжают сохранять научную ценность?

Чем объясняется такое резкое изменение отношения общества к религии, насколько оно глубоко и устойчиво?

Какое влияние этот процесс оказывает на общественную жизнь, каковы перспективы и прогнозы его развития?

При оценке результатов социологических исследований прошлых лет следует учесть, что определенное негативное влияние на развитие отечественной социологии религии оказал тот факт, что с самого начала на нее было возложено выполнение социально-идеологического заказа – научного обоснования необходимости и неизбежности

преодоления религии в социалистическом обществе. Социология религии рассматривалась как раздел научного атеизма и противопоставлялась западной «буржуазной» социологии. При этом многие положения марксистского учения о религии, положенные в основу научного атеизма, догматизировались и вульгаризировались, все больше и больше отрывались от реального состояния религии в советском обществе. Все это существенно суживало методологическую базу отечественной социологии религии, вело к изоляции и отставанию ее от достигнутого мирового уровня данной научной дисциплины. Идеологизация исследовательских задач мешала объективному отражению происходящих в обществе процессов, связанных с религией, снижала ценность полученных результатов, порождала их одностороннюю интерпретацию.

Но на полноту, достоверность и научное значение результатов исследований влияли не только недостатки исходных методологических посылок, но и вся ситуация, складывавшаяся в обществе вокруг религии, церкви и верующих в результате проводившейся политики. В практической деятельности государственных органов мировоззренческое противоборство марксизма и религии часто переводилось в политическую плоскость, что порождало ненужную конфронтацию с верующими, а в процессе исследований затрудняло установление доверительных отношений между исследователями и респондентами.

Современная религиозная ситуация характеризуется, во-первых, тем, что высвободившиеся из-под влияния и произвола все без исключения религиозные конфессии приступили к восстановлению и широкому использованию прав на подлинное и истинное следование свободе совести.

Во-вторых, среди населения возрос интерес к религиозным верованиям, хотя этот интерес для многих продиктован скорее влиянием моды, чем проникновением в сущность религиозного учения.

В-третьих, интерес к пробуждающемуся религиозному сознанию плечо в плечо идет с возрождением народных обычаев, традиций, празднований и ритуалов.

И, наконец, развитие современного религиозного сознания сопровождается оживлением мистических верований, оккультизма и других явлений, граничащих с шарлатанством. В этом смысле общество повторяет уже знакомые в истории периоды Смутного времени, когда различные виды мистики выходили на историческую арену.

Наблюдения за судьбами религии в современной России и странах СНГ и Восточной Европы позволяют внести определенные коррективы в сложившиеся представления об этом процессе. Прежде всего, жизнь показала, что он не носит прямолинейного, необратимого, однозначно поступательного характера. В зависимости от конкретных общественно-исторических обстоятельств возможно его замедление и даже регрессивное развитие, сопровождающееся усилением влияния религии в обществе, ростом ее общественного престижа и религиозных настроений в массах, сакрализацией прежде высвободившихся или почти свободных от религиозных санкций сфер общественной жизни, проявлениями клерикализма.

Но новые явления в современной религиозной ситуации не отменяют, а, наоборот, обостряют проблему консолидации общества на платформе его обновления, что предполагает сотрудничество и единство верующих и неверующих, нормальные государственно-церковные отношения. В этих целях восстанавливаются гуманистические принципы отношения к религии и церкви, определяемые интересами укрепления единства

всего народа. В частности, стали реальностью участие церкви в общественных процессах, ее позитивный вклад в отстаивание дела мира.

На первый план в социологии религии выходят сегодня три круга вопросов. Один касается отношения к религии, понимания ее роли в истории и современном мире, т.е. религиоведческая проблематика, научное объяснение религиозного феномена; другой – мировоззренческой проблематики, этики, культуры, философского учения о человеке. И наконец, это широкий спектр нравственно-правовых проблем, центральное место среди которых занимает диалог атеистов и верующих, использование их совместных усилий в деле сохранения и приумножения культурных ценностей.

Таким образом, изменение содержания социологии религии, тона и характера мировоззренческих приоритетов, идеологической нацеленности способствует обновлению, нравственному очищению, росту духовного богатства личности и общества.

Литература

1. Гараджа В.И. Социология религии. М., 1996. С.119.
2. Там же. С.226.
3. Экономические и социальные перемены // Мониторинг общественного мнения. 1996. № 6.
4. Там же. С. 16.
5. Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман Д.Е. Религия в современном массовом сознании // СОЦИС. 1995. № 11. С.87.
6. Там же. С.86.
7. Митрохин Л.Н. Религиозная ситуация в современной России // СОЦИС. 1995. № 11. С.79.
8. Гараджа В.И. Социология религии. С.192.

Темы для рефератов

1. Сравнительный анализ роли религии в средние века и новейшее время.
2. Предмет социологии религии.
3. Социологические теории религии.
4. Секуляризация и ее проблемы.
5. Основные положения великих религий современности: христианства, ислама, буддизма, иудаизма.
6. Мистические учения и характер.
7. Сектантство: сущность и причины.

Вопросы и задания для повторения

1. Что означает социология религии?
2. Какие ключевые понятия использует социология религии?
3. Каков современный уровень религиозности в России и причины отлива и прилива интереса к религии?
4. Что такое уровень и степень религиозности?
5. Что входит в понятие «характер религиозности»?
6. Причины возникновения оккультных и мистических организаций.
7. Типы (виды) секуляризации.

Раздел VI СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Данный раздел посвящен анализу механизма управления, в одинаковой мере актуальному как для теории и методологии социологии, так и для всех отраслевых направлений социологической науки. Механизм управления присущ всем без исключения областям деятельности людей, как бы проникает в них, обеспечивая выработку и применение способов, методов и форм осуществления намеченных изменений.

Долгое время вопросы управления разрабатывались другими научными дисциплинами. И только когда социальные проблемы стали чрезвычайно острыми, объективно потребовалось подключение социологии к подготовке управленческих решений. Именно это вызвало к жизни многочисленные эксперименты, новые формы организации и управления, учитывающие социальные факторы, ценностные ориентации и установки, симпатии и антипатии, возможность наиболее оптимально организовать жизнь людей. Приход социологии в науку управления знаменовал собой поиск глубинных ресурсов, резервов второго и третьего порядка, многие из которых напрямую зависели от общественного сознания и поведения людей.

Все это было связано с тем, что время настоятельно поставило вопрос о преодолении технократизма в управлении. Это в равной степени относится и к управлению экономикой, и к управлению социальной, политической, духовной сферами. Сама жизнь потребовала «очеловечивания» управления.

Научное управление обществом, по сути, представляет процесс приведения субъективной деятельности людей в соответствие с объективными потребностями общественного развития (В.Г.Афанасьев, 1967). Но это согласование, достижение единства осуществляется не автоматически и не стихийно. Органы управления только в том случае добиваются намеченных целей, если постоянно сопоставляют и оценивают свои усилия и полученные результаты.

Проблемы управления начали особенно интенсивно разрабатываться в XX веке и обычно связываются с именами Ф.Тейлора, Г.Форда, А.Файоля, Г.Эмерсона, Г.Черча и других исследователей и организаторов производства, которые наряду с решением технико-экономических проблем обстоятельно проанализировали и некоторые социальные аспекты управления. Этот поиск нашел отражение в работах Д.М.Гвишиани, а также в исследованиях В.Г.Афанасьева, А.Н.Аверина, Ю.П.Аверина, Вал.Н.Иванова, П.Н.Лебедева, Г.Х.Попова, Ю.А.Тихомирова, О.А.Дейнеко, Ю.М.Козлова, А.М.Омарова, Л.Н.Суворова, И.М.Слепенкова, Ц.М.Шепеля и других ученых. Именно этот синтез знаний философов, экономистов, юристов и стал основой для исследовательских работ социологов В.С.Дудченко, А.И.Кравченко, Ю.Д.Красовского, А.И.Пригожина, В.В.Щербины и др.

Современная общественно-политическая реальность требует новых форм и методов управления, что в первую очередь связано с избавлением от изживших себя методов руководства, от формализма. Старым багажом, старыми представлениями здесь не обойтись. Новые формы работы апробируются на практике и только в этом случае могут претендовать на право существования.

С учетом многообразия и сложности такого явления, как управление, в современной научной литературе существует несколько вариантов его анализа.

Исторически первым был анализ, осуществленный академиком В.Г.Афанасьевым, который предложил рассматривать функции управления: выработка и принятие решения, планирование, организация, регулирование, учет и контроль, – которые образуют управленческий цикл.

Другую группу работ об управлении образуют исследования и анализ деятельности руководителя и его взаимоотношений с подчиненными (Ю.Д.Красовский, О.М.Омаров, Р.Х.Симонян, В.К.Тарасов, А.В.Филиппов, В.М.Шепель и др.).

Третья группа работ посвящена анализу зарубежного опыта управления (Д.М.Гвишиани, Ю.П.Васильев, Э.Д.Вильховченко, А.В.Попов, В.А.Пронников, В.И.Терещенко и др.).

Определенный интерес представляют работы советских руководителей крупнейших заводов (Ф.ФАунапу, И.И.Пронин, В.С.Пономарев, В.С.Соловьева, Е.В.Таранов), в которых они обобщали опыт решения социальных проблем производства.

В настоящем разделе автор избрал принципиально иную схему рассмотрения управления – через его алгоритм, последовательно развертывающиеся стадии, которые, на его взгляд, состоят из предвидения, прогнозирования, проектирования, программирования, планирования, социальных технологий, социального эксперимента, социологии организаций. Не все они рассмотрены в учебном пособии, но могут быть развернуты и дополнены в каждом конкретном случае.

Глава 1 СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ

Предвидение как одна из важнейших форм опережающего отражения действительности была присуща человечеству на всех этапах его существования, начиная с момента появления на исторической арене. Однако оно развивалось в формах, которые отражают донаучный опыт и методы предугадывания будущего и которые существуют и поныне в виде ясновидения, озарения, прорицания, пророчества. Именно эти формы предвидения эксплуатируют астрология, экстрасенсы, шарлатанство и кликушество, опирающиеся как на данные науки, так и на произвольные домыслы.

Элементы науки о будущем – футурологии – получили свое развитие еще в древнем мире (например, предсказание Фалесом солнечного затмения в 585 году до н.э.). По мере обогащения знания все чаще и чаще предсказывались (и сбывались) события или явления, которые неминуемо состоятся.

В полном объеме научные основы предвидения сложились только в XX веке. Именно в этом веке футурологи заявили о себе. Термин футурология предложил в 1943 году немецкий социолог О.Флехтхейм в качестве названия некоей надклассовой «философии будущего», которую он противопоставлял идеологии и утопии. В начале 60-х годов этот термин получил распространение в смысле «истории будущего», «науки о будущем», призванной монополизировать предсказательные функции существующих научных дисциплин. С конца 60-х годов термин футурология ввиду многозначности и неопределенности стал вытеснялся термином исследование будущего.

Исследование проблем будущего развивалось по нескольким направлениям. В 60-х годах преобладали разного рода технологические теории, сводившие социальный прогресс общества только к росту уровня технико-экономического развития и возможности его

модернизации (З.Бзежинский, Г.Кан, Р.Арон, Б. де Жувенель, Ж.Фурастье). Другое направление было связано с доказательством необходимости «конвергенции» капитализма с социализмом [Д.Белл, А.Тоффлер (США), Ф.Бааде (ФРГ), Р.Юнгк (Австрия), Ф.Полак (Нидерланды), Ю.Гальтунг (Норвегия)]. И, наконец, еще одно направление придерживалось тезиса о неизбежности катастрофы «западной цивилизации» перед лицом научно-технической революции [А.Уоскоу (США) и др.]. В начале 70-х годов на передний план выдвинулось течение, которое выступило с концепцией неизбежности «глобальной катастрофы» при существующих тенденциях развития общества. Ведущее влияние в этом течении приобрел Римский клуб, по инициативе которого развернулось «глобальное моделирование» перспектив развития человечества. Участники этих исследований и другие футурологи разделились на два основных направления: одни из них развивают идеи социального пессимизма (Дж.Форрестер, Д.Медоус, Р.Хейлбронер), другие пытаются доказать вбзможность избежать катастрофы с помощью «оптимизации» развития человечества: О.Тоффлер, М.Месарович, Э.Ласло, И.Кайя (Япония), ГЛиннеман (Нидерланды), А.Эррера (Аргентина) и др. [1].

В отечественной философии и социологии проблемами предвидения наиболее плодотворно занимаются Э.А.Араб-Оглы, И.В.Бестужев-Лада, А.М.Гендин, В.В.Косолапов, В.А.Лисичкин и др. В их работах нашел отражение поиск более точной интерпретации различных форм предвидения, его соотношения с прогнозированием, его влияния на другие функции управления.

§ 1. СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ

В современной научной литературе научное предвидение обычно подразделяется на естественно-научное (перспективы развития природы в целом или отдельных ее явлений) и социальное (перспективы развития личности и общества).

Предвидение в научной литературе в большинстве случаев трактуется в двух смыслах: а) как предсказание тех или иных событий; б) как предпочтительное знание о событиях и явлениях, которые существуют, но не зафиксированы в опыте.

Это противоречие, когда явление или событие существуют (или возможно их существование), но, не будучи отражены в опыте, порождают до- и ненаучные формы предвидения, основанные на подсознании, на жизненных наблюдениях и возможных вариантах поворота человеческих судеб.

Особо следует сказать о псевдопредвидении (пророчества, прорицания, «откровения», гадания), когда его носители пытаются претендовать на такие формы опереженного познания, которые неизвестны науке, но которые присущи отдельным индивидам в силу их личных особенностей сознания и поведения. Так, астрология стремится своеобразно трактовать опыт, обращая внимание на фиксацию повторяющихся событий в физическом пространстве (при определении расположения светил). Но знаки Зодиака, светила, помноженные на многообразие человеческих судеб, дают такое количество вариантов развития событий, что сосуществование научного и ненаучного объяснения становится не только возможным, но и успешно конкурирующим.

Социальное предвидение имеет несколько форм конкретизации.

Прежде всего, надо отметить предчувствие (простое предвосхищение), которое может выступать как психофизиологическое или биологическое явление, практически присущее

всему живому организму, и как социальное явление, которое находит воплощение и отражение в жизни многих людей и связано обычно с ожиданием вероятностных событий.

Более высокой формой является предугадывание (сложное предвосхищение), которое присуще только человеку и выступает как вид его интеллектуальной деятельности, как размышление о будущем на основе личного опыта. Это проявляется в представлении о будущности своей личной судьбы, своей профессии, своего ближайшего окружения и контактной среды (микросреды) (И.В.Бестужев-Лада, 1995).

Следующим уровнем является конкретное научное предвидение как логический вывод из закономерностей развития определенного природного или общественного явления, когда известны причины его зарождения и функционирования и ход развития представляется в виде определенного алгоритма.

Иногда конкретное научное предвидение обретает вид предсказания, когда оно локализировано во времени и пространстве.

Высшей формой научного социального предвидения является определение совокупности будущих изменений, которые ожидаются в рамках всего общества, касаются всего человечества или его крупных частей.

Иногда в научной литературе пишут о квазипредвидении, особенно когда пытаются реконструировать прошлое по некоторым сохранившимся фрагментам, в основном материальной культуры.

Но особые разногласия возникают тогда, когда пытаются определить соотношение предвидения и прогнозирования. Так, И.В.Бестужев-Лада рассматривает прогнозирование как один из уровней (или форм) предвидения [2]. Другая точка зрения исходит из того, что если предвидение ограничивается утверждением, что событие наступит обязательно, особенно не задаваясь вопросом о времени и форме реализации, то прогнозирование представляет будущее в вариантах. Иначе говоря, социальное прогнозирование – не один из видов предвидения, а следующий этап процесса управления. Именно поэтому можно сделать вывод, что социальное предвидение представляет собой форму опережающего отражения действительности, направленную на определение общественных явлений, относящихся к будущему или неизвестных в данный момент, но поддающихся выявлению и использованию в теории и практике управления [3].

Особо следует отметить, что важнейшая функция научного предвидения состоит в том, чтобы дать информацию о степени неопределенности различных неуправляемых параметров, влияющих на результаты управления. В этой связи имеет смысл остановиться на классификации неопределенностей.

Неопределенности, т.е. неполное и неточное представление о значениях различных параметров в будущем, порождаются различными причинами. Если классифицировать неопределенности в зависимости от причин, по которым они возникают, то можно выделить два их вида. К первому будут относиться неопределенности, являющиеся следствием неполного знания объективных тенденций и закономерностей, по которым развивается тот или иной процесс, а ко второму – неопределенности, порождаемые другими причинами, в том числе и случайностью.

Очевидно, что по мере углубления знаний об интересующем нас объекте неопределенности первого вида уменьшаются. Что же касается неопределенностей

случайного характера, то они объективно присущи реальной действительности, и их нельзя устранить. Такие неопределенности можно только учесть при сравнении альтернатив и выборе наилучшей.

Для учета неопределенностей применяются разные методы. Если классифицировать неопределенности, отнесенные ко второму виду по принципу общности методов, применяемых для их учета, то образуются три группы.

В первую группу входят неопределенности, возникающие под действием случайных факторов, которые подчиняются известным объективным законам. Они обычно учитываются с помощью различных статистических методов.

Ко второй группе относятся неопределенности, обусловленные воздействием случайных факторов, подчиняющихся неизвестным законам. В эту группу в основном входят неопределенности, относящиеся к состоянию среды. Неопределенности подобного рода учитывают путем сопоставления преимуществ и недостатков каждой альтернативы в результате рассмотрения матрицы возможных результатов при различных состояниях среды или на основе рассмотрения так называемых игр с природой.

Третью группу составляют неопределенности, возникающие в конфликтных ситуациях, когда противостоящая сторона стремится помешать нам достичь той или иной цели. В основе учета таких неопределенностей лежит предположение об активном поведении противостоящей стороны. Иногда для выбора наилучшего варианта действий при наличии неопределенностей, относящихся к этой группе, применяют методы теории игр [4].

Все это относится к ограничениям, которые накладываются на достоверность и эффективность предвидения, но в то же время подчеркивают факт, что наше знание о незнании служит более эффективному обоснованию при принятии управленческих решений.

§ 2. МЕТОДЫ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРОЦЕССУ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ

В процессе социального предвидения осуществляется анализ (описание) как того, что уже имеется в реальности, так и того, что скрывается в латентном виде в общественных явлениях и событиях. На этом этапе от исследователя требуется не только описание очевидных фактов, но и внимательный анализ того, что дезорганизует развитие событий, деформирует их, или, наоборот, повышает активность тех социальных сил, которые еще незначительны по своему воздействию, но их влияние имеет устойчивую тенденцию к росту.

Диагноз как метод социального предвидения требует, во-первых, выявления главной тенденции, определения перспективы развития социального процесса, установления тех генеральных направлений, которые и будут характеризовать состояние общества, его отдельных сфер и направлений. Именно такое выявление главной перспективы помогло Г.Форду в 1915 году сделать сознательную ставку на производство массового и дешевого автомобиля на основе превращения своих рабочих в будущих покупателей. И эта установка себя реализовала в 30-х годах, когда начал формироваться средний класс, который и стал потребителем продукции его концерна.

Во-вторых, процесс предвидения не должен отвлекаться «на мелочи», на детали, в его основе лежит не простое накопление известных переменных, а учет тех индикаторов,

которые характеризуют назревание качественных переменных. В 80-е годы XIX века в Москве было осуществлено предсказание того, как будет выглядеть общественный транспорт в городе. Творцы этого документа исходили из верной и в целом обоснованной предпосылки, что население города вырастет в несколько раз. Но что касалось будущего транспорта, то авторы предсказания «опустились» до мелочей – сколько будет извозчиков, сколько будет «конок» (конных трамваев), полностью исключив из расчетов то, что находилось еще в зачаточном состоянии – открытие электричества, начало массового потребления нефти, что в будущем вызовет переворот во многих отраслях национального хозяйства, в том числе и в общественном транспорте. И не десятки и сотни извозчиков потребуются будущей Москве, наоборот, они полностью исчезнут и вместо них появятся принципиально новые виды транспорта: автомашины, трамваи, троллейбусы, метро.

В-третьих, социальное предвидение должно базироваться на оптимальном сочетании рационального и интуитивного, чувственного, в котором рацио играет ведущую роль, по крайней мере, являясь ограничителем буйных фантазий, опирающихся на домыслы, прекраснодушные пожелания и надежды.

В-четвертых, ни один из выводов социального предвидения не должен быть абсолютизирован, противопоставлен другому или, наоборот, согласован с другим за счет потери определенных качественных характеристик.

И, наконец, социальное предвидение должно базироваться на максимально полной информации, как прямо, так и косвенно касающейся будущего явления или процесса. Но даже при этом, особенно при долгосрочных и перспективных попытках заглянуть в будущее, информация может совершенно отсутствовать, и тогда просто невозможно предвидеть наступление событий. Я.Голованов, проанализировав предсказания конца XIX и начала XX века, показал, насколько могут быть велики просчеты. В это время человечеству предсказывали орошение пустынь, создание искусственного климата, победу над раком, изобретение питательных пилюль, заменяющих обычную пищу. И никто не помышлял о проникновении человека в космос и триумфе ракетной техники, о создании атомного оружия и атомной энергетики, о расшифровке генетического кода и методах генной инженерии.

Еще более поразительны были фантазии в политической сфере. Так, утверждалось, что Китай в 1972 году нанесет ядерные удары по Дели и Сингапуру, после которых эти города исчезнут с лица Земли. Австралия распадется на четыре государства, одно из которых создадут аборигены на севере материка. Из Испании выделятся Каталония и Страна Басков. Бретань отколется от Франции, Бельгия распадется на Фландрию и Валлонию. На севере Норвегии, Швеции, Финляндии, России и Канады возникнет независимое государство саамов, т.е. конфедерация арктического Полярного круга. И в то же время никто 100 лет назад не предсказывал развала Российской империи.

Таким образом, можно сделать вывод, что методы социального предвидения находятся еще в поиске, в процессе творческой разработки и проверки временем, что, несомненно, постепенно обогащает арсенал этой стадии управления обществом.

§ 3. РОЛЬ ИНТУИЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРЕДВИДЕНИИ

В истории не так уж редко складывались ситуации, когда интеллект оказывался не способным проникнуть в сущность процесса или явления, и на помощь приходила

интуиция как «высочайшее откровение», как бессознательное проникновение (постижение) будущности при помощи инстинкта и других компонентов подсознания.

Для понимания этого феномена приведем несколько данных о пророчествах Пьетро Убальди (1896–1972). Он изучал право в Римском университете, но одновременно увлекался философией, физикой, историей религии, древними языками. Получив диплом, занялся самообразованием и литературной деятельностью. Писал эссе по теологии, биологии, космогонии, истории философии и этике. Уделял серьезное внимание социальным проблемам своего времени.

В 1931 году он записал в своем дневнике, что его пером водит «внутренний голос». Убальди предупредил медиков, что дальнейшее загрязнение атмосферы приведет к вспышке раковых заболеваний, которые станут бичом горожан. Он раньше всех других осудил вырубку лесов и безрассудную эксплуатацию земных недр. Он еще тогда заговорил о необходимости экономии топлива, о поисках альтернативной энергетики, чем ученые мира занялись лишь после 1950 года.

Убальди задолго до первой мировой войны, когда еще в воздухе не пахло порохом, писал, что война неизбежна, ибо весь мир занят поисками жутких средств уничтожения. Люди стали располагать огромным разрушительным потенциалом, но не обзавелись моральной самодисциплиной. Но не закат Европы предрекал он, а ее последующее возрождение.

В середине 30-х годов Пьетро Убальди писал, что наступает грозное противопоставление оси Берлин – Рим Красной Москве. Ось прольет много крови, но неизбежно разломится, а потом наступит другое диалектическое противостояние СССР и США. При мире между двумя крупными державами и разоружении наступит долгожданная социальная справедливость.

Основными трудами Пьетро Убальди считаются трактат «Большой синтез» и книга «Пророчества» – грандиозные фрески достижений науки 30-х годов. Тут и вопросы эволюции Вселенной, и проблемы появления жизни на Земле.

Из социальных пророчеств привлекательны его идеи о религии: еще в 30-е годы П.Убальди предрекал, что к концу века религия перестанет воевать с наукой. Пропасть между атеистическим познанием окружающего мира и религиозным будет преодолена к пользе всех людей. Это будет и победа над бездуховностью цивилизации XX века.

В своих интуитивных прогнозах он предложил биологам и философам свое уточнение теории Дарвина, к чему европейские ученые обратились лишь двадцать лет спустя на основе генетики, расцвет которой интуитивно предвидел итальянский пророк. Он ожесточенно спорил с Эйнштейном о гравитации, чем только в наши дни занялись астрофизики.

Одним из первых Убальди стал утверждать, что возможно существование в дальнем космосе волнового движения со скоростями выше тех, с которыми распространяются электромагнитные колебания, например свет [5].

Что можно сказать о данном феномене сознания человека и его роли в таком явлении, как социальное предвидение?

Долгое время этот феномен объясняла теория интуитивизма, которая исходила из того, что интуиция иррациональна, что необходимо ориентироваться не столько на разум, мышление, сколько на «прозревающую симпатию».

Дальнейшее изучение интуиции показало, что она может проявляться, во-первых, в форме, основанной на чувствах. Это достаточно характерно для межличностного общения как в семье, так и на работе, когда мельчайшие детали во взаимоотношениях людей постепенно формируют общее впечатление о поступках и поведении других людей, на основе чего выстраиваются ожидания будущих событий и возможных перемен.

Во-вторых, интуиция в социальном предвидении основывается на рациональном мышлении («интеллектуальная интуиция»). Поэтому озарение приходит не просто так, а как особым образом осмысленная реальность, знание огромного количества информации, как, например, это случилось с Д.И.Менделеевым в процессе открытия периодической системы элементов.

Вместе с тем необходимо знать те ограничения, которые сопровождают интуицию как метод познания, как форму социального предвидения. Интуиция может приобрести прочность предрассудка, заблуждения, если, будучи эффективна в отношении одного социального процесса, будет беспрекословно переноситься на другие социальные процессы и явления.

Интуиция может превратиться в прожектерство, если не будет опираться на значительную информационную базу. В этом случае она становится сродни шарлатанству, которое оперирует случайными, мало связанными между собой сведениями, опирается на домыслы и произвольное толкование попавших под руку событий.

В этой связи важно понять роль и значение врожденных идей, которые даны мышлению изначально, не приобретены из опыта и не могут быть изменены на основе опытного знания. Обычно это: 1) готовые идеи или понятия, которыми люди оперируют как истинными; 2) идеи, заложенные в мышлении в качестве потенциальных способностей и задатков. Главное состоит в том, чтобы эти возможности были осознаны, увидены и поддержаны, а также использованы при решении будущности того или иного социального процесса или явления.

Именно использование интуиции (на основе большого количества разрозненных данных) позволяет утверждать, что в XXI веке социальные противостояния сместятся с межрасовых, межнациональных противоречий в направлении религиозного противостояния (и даже религиозных войн) между крупнейшими конфессиями мира.

Что касается социологии управления, то несомненно, что интуиция используется практически каждым руководителем (осознанно или стихийно), в том числе при решении не только оперативных, но и перспективных проблем развития своей организации. И чем больше руководитель будет знать достоинства и ограничения интуиции, тем успешнее он будет применять ее в социальном предвидении.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С.752.
2. Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С.574.
3. Гендин А . М . Предвидение и цель в развитии общества. Красноярск, 1970.

4. Солнышков Ю. С. Роль прогнозов в планировании // Научное управление обществом. Вып. 11. М., 1977.
5. См.: Modus vivendi. 1993. №4.

Темы для рефератов

1. Предвидение и его роль на различных этапах истории человечества.
2. Предвидение и футурология: общее и особенное.
3. Псевдо- и квазипредвидения: сравнительный анализ.
4. Проблемы сочетания рационального и интуитивного в социальном предвидении.
5. Формы интуиции и их роль в социальном предвидении.
6. Опишите одно из исторических событий, связанных с социальным предвидением.

Вопросы и задания для повторения

1. Когда появилось научное социальное предвидение?
2. В чем отличие предвидения от астрологии, экстрасенсов, гаданий?
3. Какие формы конкретизации социального предвидения вы знаете?
4. Охарактеризуйте методы социального предвидения.
5. Основные требования к социальному предвидению.
6. Назовите достоинства и ограничения интуиции в процессе социального предвидения.

Глава 2 СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Как отмечалось в главе о социальном предвидении, социальное прогнозирование долгое время не рассматривалось в качестве самостоятельного этапа социального управления. Потребовалось значительное количество времени, чтобы понять сущностные характеристики прогнозирования вообще, и социального прогнозирования в частности.

Зарождение социальной прогностики произошло в 20–30-е годы XX века, когда стала очевидна многозначность общественного развития: созревал новый этап научно-технического прогресса, возникло социалистическое государство, предложившее новые альтернативы будущего, стал пробуждаться третий мир с его колоссальными людскими резервами и социальными проблемами. Это осознание новой реальности подготовило почву для возникновения прогностики как науки.

Современное социальное прогнозирование ведет отсчет от работ, появившихся в конце 40-х годов (Дж.Бернал, Н.Винер). В этот период разрабатывалась концепция научно-технической революции, был открыт эффект использования поисковых и нормативных прогнозов при управлении социальными процессами.

В конце 50-х и в 60-х годах прокатилась волна «бума прогнозов» – научно-технических, социально-экономических, демографических, военно-политических. Такая ситуация привела к интенсивной разработке вопросов методологии и методики прогнозирования (Г.Тейл, Б. де Жувенель, Д.Белл, Э.Янг, Ф.Полак) [1].

К концу 60-х годов применение научной методологии к глобальным процессам развития обнаружило бесперспективность научно-технического прогресса в существовавших формах, его обостряющееся противоречие с социальными аспектами развития. Особенно большую роль сыграл в этом Римский клуб, который показал нарастание качественных

изменений и выработал ряд прогнозов в области экологии, демографии, энергетики, продовольствия, сырья и других сферах общественной и производственной жизни.

К началу 80-х годов прогнозы во все большей мере стали смещаться на поиск контуров «новой цивилизации». В работах А.Тоффлера, Э.Шумахера и др. обосновывались способы разрешения современных глобальных проблем.

В 90-е годы прогнозы стали развиваться в рамках концепции устойчивого развития, которая была одобрена на уровне глав правительств на конференции в Рио-де-Жанейро. Исходя из итогов обсуждений, под устойчивым развитием стали понимать самоподдерживающееся развитие мировой цивилизации без ущерба для природы, обеспечивающее равный доступ к материальным и духовным благам и справедливое распределение их.

В отечественной науке многочисленные попытки их прогнозирования были осуществлены в 20-х – начале 30-х годов. Однако отсутствие обоснованной методологии делало эти прогнозы сомнительными. Так, Л.Сабсович писал, что к 1942 году (прогноз делался в 1927 году) в СССР исчезнут все существующие города и села и возникнут населенные пункты социалистического типа, знаменуя принципиально новый этап в развитии народов нашей страны [2]. В этот же период были осуществлены прогнозы по перестройке быта, что нашло отражение и в практике в виде коммунальных квартир, общежитий и централизованного коммунально-бытового обслуживания, что впоследствии было отвергнуто самой жизнью.

Научные основы прогнозирования вообще и социального в частности стали разрабатываться в нашей стране в конце 50-х – начале 60-х годов, что связано с творчеством таких ученых, как Э.А.Араб-Оглы, И.В.Бестужев-Лада, В.А.Лисичкин, Т.М.Румянцева и др.

§ 1. СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Прогнозирование, пожалуй, как никакая другая стадия (по сравнению с планированием, проектированием, программированием), не сопровождалась такими зигзагами в своем становлении за последнюю четверть века – от полного непризнания до чрезмерных упований на его могущество.

В научной литературе существует несколько подходов к объяснению сущности прогнозирования. Наибольшее распространение получила точка зрения И.В.Бестужева-Лады, который исходит из того, что прогноз не предусматривает решения проблем будущего. Его задача иная: содействовать научному обоснованию планов и программ развития [3]. Прогнозирование, характеризует возможный набор необходимых путей и средств претворения в жизнь намечаемой программы действий. В этой связи ряд авторов считает, что под прогнозом следует иметь в виду вероятностное утверждение о будущем с относительно высокой степенью достоверности. Его отличие от предвидения заключается в том, что последнее трактуется как аподиктическое (невероятностное) утверждение о будущем, основанное на абсолютной достоверности, или (другой подход) представляет собой логически сконструированную модель возможного будущего с пока не определенным уровнем достоверности. Нетрудно заметить, что в качестве основания для разграничения терминов используется степень достоверности высказываний о будущем. Но очевидно одно: прогнозирование исходит из многозначности развития.

Есть и другие точки зрения. По мнению К.Шустера, прогноз имеет конкретный характер и обязательно связан с «календарем», т.е. определенными количественными оценками. В соответствии с этим он относит ожидаемое количество преступлений в следующем календарном году к разряду прогнозов, а досрочное освобождение заключенного при известных условиях – к категории предсказаний. А.Шмидт и Д.Смит заявляют, что под прогнозом обычно понимают количественное предсказание. Таким образом, «демаркационная линия» проводится между качественными (предсказание) и количественными (прогноз) оценками будущего.

Интересно соображение, высказанное Д.Джонсоном. Он считает, что предсказание является прерогативой физических наук, так как требует применения «охватывающего закона». Поскольку же социальные дисциплины располагают слабым основанием для формулирования законов такого типа, они ограничиваются прогнозами, отражающими реалистичные или вероятные комбинации предполагаемых ориентиров и исходных условий. Прогнозы социальных дисциплин, по его мнению, выступают, «заменителями» предсказаний более точных наук (Ю.П.Ожегов, 1975).

Некоторые авторы не особенно затрудняют себя с определением сущности прогнозирования в том плане, что не отделяют его от предвидения и планирования. Рациональный момент в этих рассуждениях есть, так как социальное планирование до определенной степени является и прогнозированием, но не наоборот [4].

Плохую службу в социальной прогностике сыграл тот факт, что она в какой-то мере стала идентифицироваться со словом «пророчество», за которым закрепился однозначный негативный смысл. Однако, не говоря уже о социальной прогностике, пророчество не лишено позитивных начал [5].

Выяснение сущности прогнозирования неразрывно связано, по справедливому утверждению В.А.Лисичкина, с необходимостью «выработки специфически прогностической системы понятий», в том числе «правильного определения понятия «прогноз» и отграничения его от таких понятий, как предвидение, предсказание, план, программа, проект, ожидание, предположение, гипотеза» [6].

В работах, посвященных этому вопросу или затрагивающих его (И.В.Бестужев-Лада, Т.М.Дридзе, Т.М.Румянцева, Л.Л.Рыбаковский, А.В.Рябушкин и др.), высказано немало интересных мыслей о специфике и соотношении основных понятий социальной прогностики. Сложность и трудность этой задачи объясняется прежде всего тем, что вопрос о разграничении категорий или анализе проблем будущего до недавних пор не был предметом специального исследования. Ее решение не замыкается кругом внутренних запросов прогностики и предполагает терминологически-смысловую «стыковку» с другими науками, прошедшими более или менее длительный путь развития. И здесь возникает весьма противоречивая ситуация.

С одной стороны, понятийный аппарат социальной прогностики, изучающей законы, принципы и методы прогнозирования, не может быть просто заимствован из конкретных наук. Он отличается универсальностью терминов, т.е. применимостью каждого из них с «приписанным» ему значением в разных отраслях знаний.

С другой стороны, при совершенствовании понятийного аппарата социальная прогностика не может игнорировать традиции, исторически сложившиеся в русле различных наук, когда они выполняли предсказательные функции. Сюда относятся и особенности

использования терминов (например, предпочтение, оказываемое тем или другим), и их истолкование.

Но не следует преувеличивать тот факт, что за пределами социальной прогностики продолжает существовать недифференцированный к ней подход: важно, чтобы сама прогностика и ее разработки постоянно углубляли понимание проблем прогнозирования.

Введение в оборот в качестве синонимов ряда терминов, относящихся одновременно к числу основных категорий прогностики, создает условия (конечно, после того, как в самой прогностике за каждой категорией закрепится свое значение) для последующего их разграничения во всех науках, в том числе и в социологии.

Это направление дальнейшего развития представляется наиболее вероятным. Бесспорно то, что при наличии дилеммы, порожденной действием двух тенденций в использовании прогностической терминологии, выбор в социологии осуществляется в зависимости от решаемых задач. Именно такой подход дает возможность преодолеть сомнения, высказанные отдельными учеными, что «в социологических теориях нет никаких основ для прогнозов на будущее» [7].

Итак, социальное прогнозирование – определение вариантов развития и выбор наиболее приемлемого, оптимального, исходя из ресурсов, времени и социальных сил, способных обеспечить их реализацию. Социальное прогнозирование – это работа с альтернативами, глубокий анализ степени вероятности и многовариантность возможных решений.

Нужно сказать об отличительных особенностях социального прогнозирования. Во-первых, формулировка цели здесь носит сравнительно общий и абстрактный характер: она допускает большую степень вероятности. Цель прогнозирования – на основе анализа состояния и поведения системы в прошлом и изучения возможных тенденций изменения факторов, влияющих на рассматриваемую систему, правильно определить вероятностные количественные и качественные параметры ее развития в перспективе, раскрыть варианты ситуации, в которой окажется система.

Во-вторых, социальное прогнозирование не обладает директивным характером. Другими словами, качественное отличие вариантного прогноза от конкретного плана заключается в том, что прогноз дает информацию для обоснования решения и выбора методов планирования. Он указывает на возможность того или иного пути развития в будущем, а в плане выражено решение о том, какую из возможностей общество реализует.

И, наконец, социальное прогнозирование обладает специфическими методами: сложной экстраполяцией, моделированием, возможностью проведения эксперимента. Остановимся на этом подробнее.

§ 2. МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Исторически одним из первых методов, который стал широко использоваться в прогностике, стал метод экстраполяции. Его суть – построение динамических (статистических или логических) рядов показателей прогнозируемого процесса с возможно более ранней даты в прошлом (ретроспективы) вплоть до даты упреждения (перспективы) прогнозов. При таком подходе осуществляется выбор оптимального вида функций (учет времени, условий и т.д.). Большой эффект дает использование формул сложной экстраполяции, выводов теории вероятностей, теории игр – всего арсенала

современной математики и кибернетики, что позволяет точнее оценивать масштабы возможных сдвигов и экстраполируемых тенденций.

Однако в социальном прогнозировании возможности экстраполяции ограничены. Это вызвано рядом причин. Некоторые социальные процессы развиваются по кривым, близким к логической функции. До какого-то момента процесс медленно нарастает, затем наступает период бурного развития, который завершается этапом насыщения. После этого процесс опять стабилизируется. Неучет этого требования приводит к серьезным ошибкам.

Одним из путей проверки надежности этого метода может явиться экстраполяция кривых роста «до абсурда». Он показывает, что действующий механизм в перспективе может измениться, могут возникнуть новые тенденции в его функционировании. В этом случае для правильного решения необходим комплексный подход, сочетающий логический анализ, экспертные оценки и нормативные расчеты.

Это было проигнорировано Н.С.Хрущевым и теми силами (в том числе и научными), которые на основе существующей динамики развития СССР в 50-е годы (был подъем и быстрый рост народного хозяйства) и ведущих капиталистических стран, переживавших в этот период ряд кризисных явлений, сделали долгосрочный прогноз о достижении Советским Союзом самых передовых позиций в мире к началу 80-х годов, что было объявлено наступлением эры коммунизма.

Очень широко в прогнозировании используются экспертные методы, начиная от аналитических записок и заседаний «круглых столов» с целью согласования мнений и выработки обоснованного решения до специальных экспертных оценок, призванных дать объективную характеристику качественных и количественных сторон объекта прогнозирования на основе обработки и анализа совокупности индивидуальных мнений экспертов. Качество экспертной оценки, ее надежность и обоснованность в решающей степени зависят от выбранной методики сбора и обработки индивидуальных экспертных значений, которая включает следующие этапы: выбор состава экспертов и оценка их компетентности; составление анкет для опроса экспертов; получение экспертных заключений; оценка согласованности мнений экспертов; оценка достоверности результатов; составление программы для обработки экспертных заключений.

Решение такой непростой задачи, как прогнозирование новых направлений, необходимое для определения перспективы, тенденций, требует более совершенных научно-организационных методов получения экспертных оценок.

Один из них именуется методом дельфийского оракула или методом Дельфи. Он предусматривает сложную процедуру получения и обработки ответов. На ее основе ученые делают прогнозы, касающиеся научно-технического и социального прогресса, военно-политических и некоторых иных проблем на десятки лет вперед. Но в какой степени надежны составленные подобным образом долгосрочные (а тем более сверхдолгосрочные) предвидения и сам метод их формирования?

Прогнозы, получаемые с помощью метода Дельфи, строятся на исследовании и объективном знании объекта с учетом объективных взглядов и мнений опрашиваемых относительно этого будущего. При этом большую роль играет интуиция, которая может подсказать правильное решение, поскольку основывается на большом опыте эксперта. В таких случаях прогнозы всегда оказываются ошибочными, чему история знает немало примеров. Поэтому и интуитивный подход не всегда приводит к нужным результатам, особенно при решении задач большой сложности, а социальное прогнозирование все чаще

сталкивается именно с такими задачами. Изучение интуитивных прогнозов, пишет, например, австрийский прогнозист Э.Янч, обнаруживает, что «они представляют собой скорее беспорядочные обрывки систематического мышления, некритические экстраполяции нынешнего состояния дел и повторения других прогнозов» [8].

Обычно метод Дельфи позволяет выявить преобладающее суждение опрашиваемых по избранному кругу проблем. Он особенно пригоден для составления краткосрочных прогнозов, предсказания локальных событий, т.е. в сравнительно простых случаях. Но использование метода экспертных оценок в любом его варианте для долгосрочного, комплексного и тем более глобального, социального предвидения повышает надежность прогнозов.

Наряду с положительными сторонами метода экспертных оценок необходимо отметить и его недостатки: он громоздок, так как много времени уходит на каждый цикл получения ответов экспертов, дающих довольно большой объем информации. Кроме того, поскольку метод основан на интуиции и субъективных взглядах опрашиваемых, качество оценки прямо зависит от квалификации экспертов.

Большую роль в социальном прогнозировании играет эффект Эдипа, т.е. возможность самоосуществления или саморазрушения прогноза, если к этому процессу подключается созидательная деятельность людей, в процессе которой реализуются позитивные ожидания или устраняются предостережения и угрозы. Так, построение графика преступлений в России в 90-е годы может привести к выводу о неотвратимом их росте, о вовлеченности в преступную жизнь все большего количества населения. Однако именно осознание и понимание такой перспективы приводит к тому, что общество сосредоточивается на этом явлении и принимает меры, чтобы данный прогноз не состоялся.

Таким образом, прогнозы обладают способностью к самореализации, но только в том случае, если смыкают в единую цепь потребности и интересы людей как на уровне общественной, производственной, так и их личной жизни. Опыт прогнозирования и реализации прогнозов показывает, что их ценность связана также с неоднозначностью подходов к решению общественных проблем, с глубиной анализа степени вероятности наступления возможных изменений.

Огромную роль в социальном прогнозировании играет морфологический синтез, который предусматривает получение систематической информации по всем возможным параметрам изучаемой проблемы. Этот метод предполагает полное отсутствие какого-либо предварительного суждения или обсуждения. Данный метод отвечает на следующие типы вопросов: а) какие средства необходимы для получения прогнозной информации; б) какова последовательность наступления событий; в) как проследить применение всех средств, или всех методов, или всех этапов решения данной проблемы? Но особенно значимо в этом методе требование – не упустить ни одной возможности, ничего не отбрасывая без предварительного исчерпывающего исследования.

В числе методов, применяемых в социальном прогнозировании, значительную роль выполняют прогнозные сценарии. С их помощью устанавливается логическая последовательность с целью показать, как, исходя из реальной ситуации, может шаг за шагом развертываться будущее состояние объекта, исследования, социального процесса или явления.

Основное значение прогнозного сценария связано с определением перспектив развития, основной его линии, а также с выявлением основных факторов фона развития и критериев для оценки уровней достижения цели.

Кроме того, используются прогнозные графы, которые могут быть ориентированными или неориентированными, содержать или не содержать циклы, быть связными или несвязными и т.д. Совместно с деревом целей они определяют развитие объекта в целом, участвуют в формулировке прогнозных целей, сценария, в определении уровней и критериев эффективности прогнозов.

И, наконец, в социальном прогнозировании широко используется метод моделирования (оптимизации решений), который связан с поиском альтернатив развития, что дает возможность отобрать оптимальный для данных условий вариант. Задача выбора оптимального варианта долгосрочного перспективного развития требует определения критерия оптимальности, который должен отражать эффективность функционирования системы и иметь простое математическое выражение. Среди методов решения задач оптимизации широко распространено линейное программирование. В задачах динамического программирования рассматривают систему, которая со временем может менять свое состояние, но этим процессом можно управлять.

Все математические модели и методы прогнозирования имеют вероятностный характер и видоизменяются в зависимости от длительности периода прогнозирования. Использование моделей повышает эффективность прогнозирования, позволяет рассмотреть большое количество возможных вариантов и выбрать наиболее приемлемый. Однако в моделировании есть и отрицательные стороны, обусловленные недостаточной точностью и эластичностью моделей при прогнозе, особенно на длительный период.

Таким образом, социальное прогнозирование базируется на различных методах изучения объективных закономерностей научно-технического и социального прогресса, а также на моделировании вариантов их будущего развития с целью формирования, обоснования и оптимизации перспективных решений.

§ 3. ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГНОЗОВ

В 60–70-е годы было осуществлено прогнозирование путей возможного развития ряда общественных процессов. К числу интересных прогнозов можно было отнести определение будущего состояния жизни в районах нового освоения. Более четверти века ученые, занимающиеся проблемами формирования новых производственных коллективов, новых городов, территориально-производственных комплексов и промышленных узлов, прогнозировали ситуацию с рабочей силой, ее использованием возможными издержками. В работах А.Г.Аганбегяна, В.И.Бойко, Г.И.Мельникова, Г.Ф.Куцева, Е.Д.Малинина, других экономистов и социологов убедительно доказывалось, что неучет социальных параметров приведет к еще большей социальной напряженности и, как следствие, к огромным экономическим потерям. Игнорирование сделанных ими выкладок обернулось такими просчетами, которые превысили даже самые смелые предостережения.

Научные ориентиры давались и по другим проблемам. Так, еще в 60-е годы расчеты В.И.Бойко помогли осуществить прогноз жизни малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Анализ удовлетворенности различными сторонами жизни дал реальное представление о социальной структуре населения. Вероятные пути ее изменения («траектория социальных перемещений») устанавливались как исходя из жизненных

планов людей (желание повысить квалификацию, сменить профессию, продвинуться по службе, уехать из села в город, повысить уровень образования), так и из информации о реальной миграции и реальных социальных перемещениях.

Но, как это было не раз в те годы, в выводах ученого усмотрели несоответствие официальной позиции, поэтому они не были приняты во внимание и остались лишь пожеланием. Но жизнь взяла свое, и в 80-е годы пришлось вернуться к этим идеям, чтобы определить меры по сохранению образа жизни и культуры малочисленных народов.

В литературе по прогностике в 70-х годах говорилось об интеллектуализации общественного труда как с точки зрения повышения роли и значения умственного труда, так и с точки зрения повышения содержания в физическом труде творческих функций. В этой связи предполагались: изменение структуры общественного труда; изменение требований к профессиональной подготовке и переподготовке работников разных категорий, включая ИТР, служащих, руководящий состав разных уровней и т.д.; совершенствование общеобразовательной подготовки, включая вопросы политехнизации средней школы в соответствии с требованиями технологической и информационной революций. Но этот прогноз также не был осуществлен. Наоборот, с 80-х годов стала неотложной реформа всей системы народного образования и вместе с ней коренное изменение всей политики по управлению трудом.

Несостоятельными оказывались прогнозы подготовки специалистов, в том числе и с высшим образованием. Долгие годы достаточно обоснованным методом определения потребности в специалистах для народного хозяйства и соответственно в необходимом уровне и темпах развития профессионального образования на длительную перспективу являлся нормативный метод, или норма насыщенности специалистами в расчете на 1000 работающих. При этом очень часто использовался и метод экстраполяции. Согласно этим методам в прогнозах нашел отражение количественный рост специалистов. Это даже служило основанием для сравнения нашей страны с США, тем более что количество, например, подготавливаемых инженеров в 4–5 раз превышало американский уровень. Не учитывалась «малость» – качество, с одной стороны, и соответствие новым потребностям общественного прогресса – с другой, в результате чего в высшей школе, во всей системе подготовки кадров сложились пропорции, которые даже приблизительно не соответствовали реальности. Причем беда состояла не только в неправильном планировании, но и в неграмотном социальном прогнозе.

Аналогичные процессы происходили также в сфере науки. Количественный рост научных работников на определенном этапе пришел в глубокое противоречие с качеством научных исследований, которое во многом перестало соответствовать уровню мировой науки.

Анализ имевшихся социальных прогнозов позволяет утверждать, что большинство из них все же оказалось несостоятельным, не выдержало испытания жизнью. Социальная прогностика показала себя как наука, которой можно было с трудом доверять и выводы которой просто необходимо было ставить под сомнение.

В чем же были главные просчеты?

Во-первых, в отсутствии комплексности при прогнозировании социальных изменений. Многие прогнозы строились изолированно от процессов, которые происходили в других сферах общественной жизни. Так, расчеты по изменению социальной жизни не затрагивали другие, смежные с ней процессы. И такие прогнозы были, конечно, заранее обречены на провал: социальные явления неразделимо включены в ткань любого

жизненного процесса, и потому они могут быть поняты, оценены и спроектированы только тогда, когда подвергаются изменению в неразрывной связи с экономическими, духовными и политическими процессами. Они миллионами нитей связаны с производственной и повседневной жизнью человека, и было бы наивным полагать, что изменить их можно на основе учета тенденций, касающихся только социальной сферы.

Во-вторых, в несовершенстве методов, применяемых в прогнозировании. Оно продемонстрировало себя достаточно отчетливо, когда были сопоставлены, например, ориентиры, заложенные на XXII съезде КПСС в 1961 году, с теми реалиями, которых достигла страна в 80-х годах. Исторический опыт свидетельствует, что расчеты, исходили из методик, не апробированных практикой, или просто из умозрительных наблюдений, из привычного желания добиться большего, чем возможно. Но желания желаниями, а требовался грамотный, квалифицированный подход, при котором прогнозирование не вылилось бы в прожектерство.

В-третьих, в ограниченности социального прогнозирования, обусловленной очень слабой исходной информационной базой. Эта болезнь (и беда) проявилась в том, что официальная статистика серьезно искажала, реальное состояние социальных процессов, нередко в угоду ложно понятым представлениям о престиже, о приоритете, о «достижениях». Организаторы этой «статистики» не отдавали себе отчета в том, что рано или поздно жизнь приведет в соответствие с реальностью эти цифры, но это будет очень болезненный и тяжелый процесс. Но даже в том случае, когда информационная база была близка к истине, она охватывала ограниченный исторический отрезок времени, не позволявший применить методы сложной экстраполяции.

И, наконец, встречаясь с трудностью решения социальных прогнозов, ряд авторов в 70-х годах в их основу положили ожидания людей-мигрантов из села, касающиеся жизни в городе, мнения о переходе на пятидневную неделю, о роли чтения в повседневной жизни. Очевидно, что очень спорно и неправомерно было брать в расчет только эти данные.

Но самый главный просчет социальной прогностики состоял в том, что в период (60–70-е годы), когда стали складываться научные методы прогностики, большинство прогнозов не могло освободиться от официально функционирующей доктрины, став фактически мертворожденными.

Это случилось потому, что наука не смогла быть независимой от догм политики, ибо прогнозы – хотели бы того ученые или нет – ориентировали людей на выдуманные идеалы, в искаженном свете отражали общественную жизнь, гипертрофировали интересы определенных слоев общества. Сказалось и то, что социальные процессы в науке, в политике, а соответственно и в практике понимались примитивно и убого.

На прогностику прямо влияли мифы, сложившиеся в теоретическом видении. Вместо научного, взвешенного анализа реально происходящих процессов в социальных прогнозах часто повторялись утверждения о зрелости социализма, о социальной однородности, о дружбе и расцвете наций, о моральном кодексе строителей коммунизма и т.д.

Ситуация была такова, что мыслимые и немыслимые блага социалистической перспективы изобретались с завидным постоянством и упорством. Не обращая внимания на «мелочи жизни» (жилье, быт, продукты питания, отдых, здравоохранение), в области теории и политики ставили цели, сами по себе вроде бы и привлекательные, но в большинстве случаев ничего общего не имеющие с реальной действительностью.

Создавалось некое иллюзорное видение состояния экономики, социальной, политической и духовной жизни.

Между тем прогноз должен быть направлен на создание условий, в которых могли бы быть реализованы не только общественные, но и личные ожидания людей. Для этого при прогнозировании определяются ориентиры как в каждой сфере общественной жизни, так и в важнейших ее компонентах, и особенно таких, которые характеризуют благополучие человека.

Обзор имеющихся точек зрения, анализ практики позволяют сделать вывод, что научное обоснование общественного развития, теории и практики социального управления требуют широкого развития исследований, обеспечивающих более высокое качество социальных прогнозов. На первом плане здесь стоит разработка общеметодологических проблем и актуальных методических средств социальной прогностики. Сейчас весьма важно провести обстоятельный методологический анализ и оценку применяемых способов составления социальных прогнозов, более точно определить возможности и границы каждого из них, наметить пути создания новых, более эффективных методов прогнозирования. Предстоит найти и достаточно надежные приемы экспериментальной проверки выдвигаемых прогнозов, особенно долгосрочных, как и предварительной проверки вновь предлагаемых для их осуществления средств.

И в заключение следует отметить, что прогнозирование ' является базой для четырех специфических форм реализации вариантов будущего. Это, прежде всего, социальное проектирование, когда решается судьба новых или реконструируемых процессов и организаций. Далее, это социальное программирование, которое нацелено на решение наиболее актуальных и значимых проблем. Кроме того, это социальное планирование, которое охватывает все полотно социальной жизни на всех уровнях общественной организации. И, наконец, это возможность апробации вариантов развития в виде социальных экспериментов, когда отрабатывается возможный путь внедрения, нововведений.

Литература

1. Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С.865.
2. Сабсович Л. СССР через 15 лет. М., 1929.
3. Бестужев-Лада И.В. Нормативное социальное прогнозирование. М., 987.
4. См.: Теоретико-методологические проблемы социального прогнозирования и социального проектирования в условиях ускорения научно-технического прогресса. М., 1986.
5. См. подробнее: Рабочая книга по прогнозированию. М., 1982.
6. Вопросы научного прогнозирования. М., 1968. С.29.
7. См.: Проблемы марксистско-ленинской философии. М., 1965. С.172.
8. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. - М., 1974. .208.

Темы для рефератов

1. Научные основы социального прогнозирования: история и овременность.
2. Основные результаты деятельности Римского клуба.
3. Социальная прогностика как наука.
4. «Метод Дельфи» и его роль в прогнозировании.
5. Эффект Эдипа: содержание и практика.
6. Опыт разработки социально-экономических, социально-экологических, социально-демографических и социально-политических прогнозов.

Вопросы и задания для повторения

1. Исторический путь возникновения и становления социального прогнозирования.
2. Понятийный аппарат социальной прогностики.
3. Как соотносится социальное прогнозирование с социальным предвидением и социальным планированием?
4. Методы социального проектирования.
5. Основные работы по прогнозированию в отечественной литературе и их краткая характеристика.
6. Какие проблемы стоят на пути совершенствования социального прогнозирования?
7. В чем проявляется эффективность социального прогнозирования?

Глава 3 СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

Социальное проектирование как отрасль социологической науки появилось в XX веке, когда стало очевидным, что игнорирование социальных аспектов развития чревато серьезными издержками в функционировании современных обществ.

На первых этапах своего становления оно было производным от научного и технического проектирования. Исторически научно обоснованные методы проектирования впервые стали применяться в архитектуре и машиностроении. Все большее распространение получает проектирование при решении проблем расселения, а также при совершенствовании систем управления.

В настоящее время наряду с традиционными видами складываются новые самостоятельные направления проектирования: человеко-машинных систем, экологическое, демографическое, инженерно-психологическое и др. Проектирование охватывает практически все сферы деятельности человека и общества.

Что касается социального проектирования, то его исходные принципы разрабатывались Я.Дитрихом, Т.Тиори, Д.Фраем, П.Хиллош, Ф.Ханикой и другими исследователями.

В отечественной социологии первые идеи о проектировании социальных систем были высказаны в работах И.И.Ляхова, В.Н.Дубровского, А.Г.Раппопорта, В.М.Разина, Б.В.Сазонова, Г.П.Щедровицкого и О.И.Генисаретского. С точки зрения социального управления эти проблемы рассматривались В.Г.Афанасьевым, И.В.Бестужевым-Ладой, П.Н.Лебедевым. Собственно теоретические основы социального проектирования были проанализированы в работах Н.А.Аитова, Г.ААнтонюка, Н.ИЛапина, А.И.Пригожина, Ж.Т.Тощенко, Н.Г.Харитонова, а также в исследованиях Т.М.Дридзе, Ю.А.Крючкова, О.Н.Яницкого и др.

§ 1. СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Проектирование – одна из форм опережающего отражения действительности, создание прообраза (прототипа) предполагаемого объекта, явления или процесса посредством специфических методов. Проектирование в конкретной форме выражает прогностическую функцию управления, когда речь идет о будущей материальной или идеальной реальности. Его целью является реализация одного из вариантов преобразования,

объективной действительности, связанного со стремлением придать желаемые свойства и черты проектируемому объекту.

Человек или организация, прежде чем предпринять какое-либо действие, всегда сначала обдумывает несколько вариантов, одному из которых после сопоставления отдается предпочтение. Широко известно высказывание К.Маркса об отличии архитектора от пчелы, который, приступая к созиданию, подготавливает предварительно проект своего будущего детища.

Социальное представляет собой одно из проявлений целенаправленной деятельности, когда разрабатываются различные варианты решения социальных проблем. Оно применяется также при подготовке социальных планов и программ по регулированию коренным образом преобразуемых процессов и явлений, которые ранее не нуждались в детальной проработке и управлении.

Проектирование, будучи одной из форм выработки и принятия решения, выступает как важный элемент цикла управления, обеспечивающий реализацию других его функций. Однако социальное проектирование в отличие от планирования в меньшей степени обусловливает, детерминирует другие функции управления, ибо допускает многовариантность решений, исходя из имеющихся материальных, трудовых и финансовых ресурсов.

Эта задача несколько изменяется, когда речь идет о реорганизации (реконструкции) существующих социальных процессов или социальных институтов на принципиально иных основах. В этом случае проектирование направлено на поиск и обоснование таких средств, которые предполагают возможность их воспроизведения или замены в различных ситуациях.

Еще одно отличие заключается в том, что социальное проектирование может и не иметь определенных сроков, основываясь лишь на примерных расчетах, без строгого временного ограничения.

Отмечая исключительную важность этого процесса, иногда употребляется термин социальное конструирование (И.Н.Ляхов, 1970). Конструктивная деятельность – это поле творческого освоения социальной действительности. Она базируется на том, что наряду с наиболее вероятной тенденцией существуют менее вероятные, но реально возможные тенденции. Кроме того, обычно имеется запас внутренних социальных ресурсов, который может быть мобилизован для решения данной социальной задачи. И наконец, перспективные цели, близкие по содержанию, могут на каком-то этапе меняться своим положением, или одна и та же цель обеспечивается различными средствами.

Социальное проектирование существенно отличается от социальной инженерии, которая стремится конструировать возможные пути развития явления или объекта, исходя из потребностей той непосредственной среды, процессы которой в первую очередь интересуют проектантов.

Итак, социальное проектирование – это специфическая деятельность, связанная с научно обоснованным определением вариантов развития социальных процессов и явлений и с целенаправленным коренным изменением конкретных социальных институтов [1].

§ 2. О МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Проектировать – это значит перебирать варианты и схемы будущего действия. При всем их многообразии есть ряд общих требований, необходимых для подготовки, разработки и реализации проекта. Они прежде всего ориентируют на достижение конечного результата, чтобы в повседневных текущих делах и оперативных планах не упускались из виду главные вопросы. В этом отношении важен принцип минимальных обязательств, который концентрирует внимание на основной цели, отвергая в известной мере все, что может замедлить или отвлечь силы от ее реализации [2].

Организация, где решается вопрос о проектировании, обеспечивает выработку идей таким образом, чтобы к проектированию было привлечено как можно больше людей творческих, профессионально подготовленных.

Проектирование учитывает и возможность неудачного эксперимента по проверке идей. В этом случае нужен тщательный анализ причин несоответствия в решении поставленных задач: обусловлено ли это объективными обстоятельствами или просчетами в ходе эксперимента.

Успеху дела очень мешают недоверие к оригинальным решениям, стремление быстрее реализовать проект, недостаточно эффективно организованная система поощрения инициатив. Немалый вред наносит неудовлетворенность существующим положением, использование прежних достижений. Отсюда нежелание рисковать и стремление строго придерживаться ранее выработанных канонов.

Если же рассматривать субъективные условия, то тут многое зависит от личности проектанта, от его умения грамотно и нестандартно мыслить, от его мастерства и заинтересованности в осуществлении намеченных целей. Многие негативные последствия возникают из-за отсутствия гибкости в принятии новых идей, следования привычным нормам и т.д. [3].

Для методологии социального проектирования большое значение имеет научно обоснованное определение объектов – социальных институтов, социальных процессов и явлений. В соответствии с этим объекты проектирования могут классифицироваться по разным основаниям.

Одной из классификаций объектов социального проектирования выступают проекты по совершенствованию основных функций общественного организма в области экономики, социально-политической и духовной жизни. Социальное проектирование связано также с созданием условий для эффективной деятельности в той или иной сфере общественной жизни. Особое значение такие проекты имеют для развития трудовой деятельности человека.

Вместе с тем социальное проектирование в целом обслуживает не отдельные, а все стороны деятельности человека. Только при системном подходе возможно наиболее эффективное (или оптимальное) проектирование общественных процессов и явлений. В том и особенность социального проектирования, что оно направлено на решение таких проблем, которые охватывают в комплексе все социальные аспекты жизни человека и которые целесообразнее всего различать по уровням организации общественной жизни. Именно поэтому социальные проекты могут (и должны) разрабатываться на уровне организации, района, города, области, республики и страны в целом.

Особо хотелось подчеркнуть одно методологическое положение: проектирование является одной из форм реализации социального прогноза наряду с социальным планированием и социальным прогнозированием, и поэтому, взаимодействуя с ними, оно тем не менее обладает качественными особенностями.

§ 3. МЕТОДЫ И ЭТАПЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Проектирование – ответственный этап, требующий знания законов общественного развития. Оно не должно опираться (ориентироваться) на субъективные желания и устремления людей, какими бы благими намерениями они ни сопровождались. Избавиться от субъективизма в проектировании можно, только опираясь на научные методы. К ним, прежде всего, относится использование матрицы идей, когда на основе нескольких независимых переменных составляются различные варианты решений. Обычно разработка социального проекта зависит от сложности и первоочередности поставленных задач, от сроков, в пределах которых требуется осуществить замысел, а также от материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Просчитывая варианты на этих переменных, можно определить наиболее эффективный путь реализации проекта в заданных условиях. Этот важный прием применяется, как правило, при ограниченности возможностей (в условиях так называемой области свободы).

Существует и такой метод, как вживание в роль. Он помогает получить более точное представление о том, что нужно сделать в процессе проектирования. Это не просто попытка заглянуть в будущее, а стремление глубже понять, как будет реализовываться проект. Сегодня любая проблема требует учета интересов и желаний людей, а это лучше достигается, когда проектировщик внимательно изучает условия, в которых протекает процесс.

Важным методом социального проектирования является аналогия. Всегда имеются эффективно функционирующие предприятия, населенные пункты, города, в которых рационально решены те или иные социальные проблемы. Эти подходы к делу в известных пределах могут служить образцом, эталоном, даже если не все в них в должной степени проработано. Опираясь на такие достижения, беря самое лучшее и освобождаясь от не оправдавших себя идей, создают по аналогии социальный проект, который может быть использован для конструирования социальных задач и целей.

При подготовке проекта нередко возникает необходимость принять новое решение, которое вызвано неудовлетворенностью существующей практикой. В связи с этим встает вопрос: как улучшить положение, найти более рациональный и эффективный способ управления? В этом случае наиболее приемлема ассоциация, когда решение социальной проблемы в другой сфере общественной жизни подсказывает путь, по которому легче прийти к цели. Своеобразный вариант ассоциации в проектировании – это приспособление, когда оправдавший себя в иной ситуации опыт решения проблем применяется к интересующему объекту. Метод ассоциации может использоваться через модификацию. С учетом накопленных знаний разрабатываются подходы, которые позволяют серьезно видоизменять объект воздействия, т.е. затрагиваются не только формы, но и существенные, содержательные элементы.

Метод ассоциации связан и с устранением прежних принципов функционирования объекта, и с заменой их новыми исходными положениями, ведущими к коренному преобразованию проектируемых данных. Этот прием называется полной реорганизацией.

Метод ассоциации предусматривает сочетание приемов приспособления, модификации и полной реорганизации.

Нельзя забывать и такой момент. В процессе проектирования возможны ситуации, не похожие на упомянутые выше и ставящие принципиально новые проблемы. В этих случаях применяется метод мозгового штурма, когда мобилизуется весь имеющийся интеллектуальный потенциал: объявляется своеобразный конкурс идей, способных значительно продвинуть поиск оптимального решения проблем того или иного проекта. Этот метод, обоснованный в 1939 году А.Ф.Осборном, связан с генерацией идей, с их равноправной конкуренцией, с возможностью сопоставления. Известен один из вариантов этого метода – метод синектики, согласно которому несколько предложенных идей рассматриваются отдельно друг от друга, а потом между ними устанавливаются определенные взаимосвязь и взаимозависимость. Несомненно, учитывая динамизм и сложность многих социальных процессов, необходимо шире практиковать конкурс идей, стремясь при этом избежать влияния на решение славы, заслуг, званий участников конкурса.

Разработка социального проекта нередко начинается в условиях известной неопределенности, отсутствия ясности в отправных моментах развития процесса или явления. Между тем во всех случаях, будь то формирование нового промышленного узла, города или реконструкция предприятия, требуются определенная последовательность событий, логика.

В основе процесса проектирования лежит анализ общественной потребности. Она может быть и очевидна, и скрыта, поэтому этот начальный этап предполагает поиск, связанный с определением ее сущности. Взять, например, такой исторический факт. В конце 20-х – начале ЗО-х годов был осуществлен очень смелый проект Днепрогэса, реализация которого была вызвана потребностью построить в минимальный срок совершенно новое, технически передовое предприятие и одновременно создать условия для рациональной трудовой и повседневной жизни населения. Этот опыт показал, как важно, чтобы научная идея отражала действительную потребность общества и соответствовала объективным критериям.

На этом этапе проектирования желательно хотя бы в самом общем виде представить тот резерв времени, который отводится для выполнения намеченного проекта. Наследующей ступени уточняется цель разработки социального проекта: дается характеристика того состояния, какого хотелось бы достичь, исходя из требований общественного прогресса.

Сформулировав цель, приступают к сбору необходимой информации, обращаясь к любым источникам, включая и научные исследования. Приоритет отдается тем сведениям, в которых зафиксирован современный уровень познания социального процесса. Кроме того, надо принимать во внимание аргументы как «за», так и «против» тех решений, которые имеются в мировой практике.

На базе полученной информации составляется задание на проектирование и определяется то, каким параметрам оно должно удовлетворять (или соответствовать). На этой стадии большую роль играют принципиально новые идеи, которые раскрывают пути более эффективного достижения намеченных целей.

Формулировка задания рассматривается как часть концепции, которая может включать различные варианты решения. Лучше, если эти варианты представлены в виде матрицы, что предполагает отбор наиболее приемлемых с учетом изменения тех или иных

переменных (сроков, материальных, финансовых и трудовых ресурсов, первоочередности и важности реализации отдельных элементов проекта). Концепция проекта обычно проверяется двояким образом: посредством теоретического анализа и с помощью эксперимента.

На заключительной стадии проектирования принимается решение. Оно выступает в виде конкретной программы действий, которая в заданных параметрах намечает те или иные средства достижения поставленной цели при наличии определенных ограничений. Решение содержит также возможные варианты, сроки, основные этапы и последовательность операций.

§ 4. ВИДЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

А. Социальное проектирование новых производств

Опыт социального проектирования новых производств накапливался постепенно. Долгое время социальные аспекты их формирования учитывались недостаточно, что вызывало различного рода отклонения в условиях трудовой и повседневной деятельности людей.

Для большинства новых производств основной социальной целью является создание стабильных, устойчивых коллективов. Поэтому при их проектировании тщательно разрабатываются такие средства, как комплектование и закрепление рабочей силы, создание условий для труда, повышения профессиональной подготовки и т.д. Для ослабления негативных последствий использования тяжелого ручного труда и труда, не требующего квалификации, применяются компенсирующие факторы, влияющие на поведение человека и его отношение к делу.

При проектировании новых производств важно соблюдение принципа комплексности. При обосновании целесообразности и экономической перспективности проекта обычно принимаются во внимание состояние и уровень развития производительных сил: энергетические ресурсы, полезные ископаемые, коммуникации, а также наличие трудовых ресурсов. С формальной точки зрения такой подход вроде бы удовлетворяет требованиям науки.

Однако многолетний опыт формирования новых производств показывает, что нередко решающим препятствием на пути освоения становились отсутствие специальной профессиональной подготовки людей, а также их социальная и моральная незаинтересованность, слабая мотивация, разрыв между личным и общественными интересами. Многие «хорошие» проекты и планы испытывали трудности при их осуществлении не только по технико-экономическим причинам, но и потому, что люди не хотели действовать согласно разработанным программам, так как не были учтены или не в полной мере учтены их интересы и потребности в жилье, культурно-бытовых учреждениях, предприятиях торговли и быта, в отдыхе, в детских дошкольных заведениях, школах и т.д.

При проектировании новых производств большое значение приобретает процесс социальной адаптации. Это выражается в информированности людей о характере предстоящей работы, об условиях жизни, труда в организации, в которой предстоит им трудиться. Успешная адаптация связана с удовлетворенностью трудом, с получением или повышением квалификации. Проектируя этот процесс, необходимо исходить из того, что

в ходе развития производства ряд профессий может исчезнуть, другие – в корне изменить свое содержание, а третьи – стать лишь этапом в социально-профессиональном продвижении людей, особенно молодых.

Социальное проектирование новых производств непременно включает в себя обеспечение условий трудовой деятельности, и в первую очередь по таким показателям, как шум, загазованность, вибрация, освещенность, температурный режим. Создание нормальных условий труда для всех работников требует также учета требований технической и производственной эстетики. Видное место при проектировании занимают вопросы повышения квалификации, удовлетворения культурных запросов, потребностей в отдыхе.

Теория и практика социального проектирования поставлены перед необходимостью активнее вмешиваться в развитие социальной ситуации. Как показывает анализ социального развития новых производств, они в большинстве случаев регулируют те процессы, которые связаны прежде всего с трудовой деятельностью, с участием человека в развитии техники и технологии [4].

Итак, социальное проектирование новых производств – это процесс подготовки, разработки и утверждения одного из вариантов социальной организации будущей жизни главной производительной силы – работников и членов их семей – в условиях вновь возникающих или реорганизуемых социальных институтов, социальных процессов и явлений.

Б. Проектирование новых городов

Продолжительное время проектирование новых городов осуществлялось только архитекторами. Хотя социальные факторы развития городов всегда в той или иной мере планировались, однако их учет стал особенно актуален в условиях интенсивной урбанизации. Все больше проектов новых городов подготавливается на основе сопоставления различных вариантов, что позволяет выбрать наиболее приемлемый план строительства как промышленных, так и социально-культурных объектов.

Одним из требований при проектировании городов является рациональное размежевание жилой и промышленной зоны. В этом смысле удачно решена схема организации города Волжского, где живут строители Волжской ГЭС. Опыт развития города Норильска, созданного на крупном месторождении, прошел испытание жизнью, доказал необходимость и показал эффективное решение многих проблем жизни населения в трудных природных и климатических условиях до тех пор, пока не возникли диспропорции между производственной и социальной жизнью города.

В городах Ереване и Вильнюсе наряду с сохранением памятников архитектуры прошлого применяются самые различные методы проектирования. Отличительной чертой их является стремление отразить новые требования к архитектуре, обеспечить наивысший уровень комфорта, уподобляясь природным образованиям и учитывая национальные и исторические особенности.

Потребность во всестороннем учете социальных факторов стала наиболее ощутимой при составлении комплексных планов экономического и социального развития городов. Как общую тенденцию можно отметить, что теперь при подготовке проектов новых городов внимательнее относятся к социальным аспектам жизни населения: строительству учреждений культурно-бытового назначения, детских и школьных заведений,

организации здравоохранения, коммунального и бытового обслуживания. Социальные аспекты стали необходимой составной частью районных планировок и генеральных планов городов, выступающих как связующее звено между проектированием территориально-пространственных комплексов и отдельных населенных пунктов и промышленных районов.

Достоинство этих проектов-планов заключается в том, что, во-первых, они помогают решать одну из важнейших народнохозяйственных задач, а во-вторых, их реализация предусматривает комплексный учет всех аспектов – от технических до социальных.

§ 5. ДЕЙСТВЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Характер социальных проектов различен – от проектов, предусматривающих эволюционные изменения, до создания принципиально новых, требующих, по мнению П.Хилла, не менее 55–60 оригинальных идей. Каждый проект в принципе решает три основных вопроса: кто будет проектировать, что надо проектировать и как организовать проектирование? Решение этих вопросов всегда связано с удовлетворением общественной потребности, а также с реализацией смелых и оригинальных замыслов.

Научность социальных проектов достигается не просто учетом объективных законов, а тем, насколько адекватно отражаются эти законы в процессе проектирования. И именно тогда проект, выступая как своеобразное духовное создание, не будет фантазией, прожектом, а будет реальным инструментом преобразующей деятельности человека. При подготовке проекта, как отмечалось, возможна разработка нескольких вариантов будущего состояния социального процесса или явления. При их обсуждении и сопоставлении с учетом имеющихся материальных, трудовых и финансовых ресурсов обычно избирается оптимальный вариант, и тогда проект приобретает силу директивного задания. Возможность много вариантной проработки проектов стала особенно предметной в связи с широким применением экономико-математических методов, с развитием и совершенствованием теории и практики социального планирования [5].

Подготовка социального проекта во многом предопределяет успешную реализацию других функций управления, поскольку в процессе их осуществления достигается поставленная цель, выполняется намеченная программа. На каждом этапе его подготовки требуется такой научный фундамент решения поставленной задачи, на основе которого создавался бы план действий, органически сочетающий в себе как результаты, полученные при анализе предшествующего развития, так и требования, выдвигаемые новым этапом. В процессе осуществления функций организации, регулирования, учета и контроля нередко уточняются положения проекта и, если это необходимо, вносятся соответствующие коррективы, направленные на успешное выполнение основной программы. Таким образом, социальный проект – это документ (совокупность документов), характеризующий цели, средства и этапы реализации намеченной программы социальных изменений.

Вместе с тем очевидно, что одного документа недостаточно – необходим механизм его претворения в жизнь. Ведь на практике мы нередко сталкиваемся с тем, когда прекрасно разработанный проект нового города так и не получает реального воплощения. В результате город не имеет своего запоминающегося силуэта, в нем отсутствуют многие удобства, необходимые для жизни, а ряд объектов вообще не появляются, несмотря на то, что заложены в проектах. Это приводит к тому, что предприятия построены, а кинотеатры, спортивные комплексы, учебные заведения, предприятия торговли и

бытового обслуживания так и остались в замыслах проектантов. Так город лишается социального потенциала. Он не притягивает к себе мигрантов, а, наоборот, нередко имеет отрицательное миграционное сальдо.

Следовательно, эффективность социального проектирования определяется возможностью обеспечить комплексное развитие социального объекта. Практика показывает, что придание значения только одной функции чревато серьезными издержками: как правило, происходит ухудшение качественного состава населения, гипертрофируются отдельные социальные связи, социальное противопоставляется техническому и т.п.

Современная ситуация нередко требует изменить условия, при которых все еще появляются новые группы неквалифицированных и малоквалифицированных работников. Поскольку не- и малоквалифицированные, как правило, сосредоточены на подсобных и вспомогательных операциях, то и усилия по механизации обычно предусматриваются прежде всего на этих участках хозяйственной деятельности. На основе социологической экспертизы технические проекты предприятий уточняются, ибо привлечение наиболее квалифицированных категорий работников предъявляет, в свою очередь, достаточно высокие требования к производству, его соответствию представлениям людей о современных условиях и содержании труда.

Действенность социального проектирования во многом зависит от сочетания его с экономическими потребностями общества и региона. Недостаточный учет требований экологии способен свести на нет социальные цели. Не менее важным является и согласование потребностей данного проектирования с грядущими изменениями в технике и технологии, особенно когда речь идет о широком применении гибких производственных систем, биотехнологии, компьютерной техники и т.п.

Литература

1. См. подробнее: Социальное проектирование. М., 1982.
2. См.: Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. М., 1979.
3. Дридзе Т.М. Прогнозное проектирование в социальной сфере как фактор ускорения социально-экономического и научно- технического прогресса: теоретико-методологические и технологические аспекты // Теоретико-методологические проблемы социального прогнозирования и проектирования в условиях ускорения научно-технического прогресса. М., 1986.
4. Котляров И.В. Теоретические основы социального проектирования. Минск, 1989.
5. Антонюк Г.А. Социальное проектирование и управление общественным развитием. Теоретико-методологический аспект. Минск, 1986.

Темы для рефератов

1. Генезис идей социального проектирования.
2. Методологические основы социального проектирования.
3. Метод мозгового штурма и его роль в проектировании.
4. Матрица идей как метод социального проектирования.
5. Аналогия в социальном проектировании.
6. Ассоциация как метод социального проектирования.
7. Методологические и методические проблемы социального проектирования новых городов.

Вопросы и задания для повторения

1. Какие виды проектирования вы знаете?
2. Сущность социального проектирования и его место среди других элементов социального управления.
3. Виды социального проектирования.
4. Основные требования к социальному проектированию и его ограничения.
5. Методы социального проектирования.
6. Этапы социального проектирования.
7. В чем заключается эффективность социального проектирования?

Глава 4 СОЦИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Любое общество, заботящееся о будущем, постоянно разрабатывает и претворяет в жизнь программу обеспечения социального развития. Основной вопрос, который в связи с этим возникает, заключается в том, чтобы используемые средства и методы реализации поставленной цели совпадали с основными тенденциями и потребностями общественного прогресса. Именно степень научности, обоснованности отражения интересов большинства выступает критерием, показателем жизнеспособности и прогрессивности социальных преобразований и находит свое воплощение в эффективном управлении социальными процессами.

Идея планирования по своему происхождению – идея социалистическая. Ее в наиболее полном виде высказали представители утопического социализма – А.Сен-Симон, Ш.Фурье, а Р.Оуэн даже попытался реализовать ее в жизни. Однако уже к концу XIX века необходимость планирования все чаще становилась достоянием практики решения экономических проблем. Правда, плановость рассматривалась преимущественно в рамках крупных производственных образований – трестов, концернов, фирм.

Сам термин социальное планирование впервые был употреблен в «Новом курсе» Ф.Рузвельта, который был выработан как путь выхода США из жесточайшего кризиса начала 30-х годов XX века. В дальнейшем в американской социологии это понятие анализировалось в тесной связи с формами и методами осуществления социальной политики, в частности с обеспечением социальной защиты населения.

Но теория и практика планирования экономических и социальных процессов была опробована впервые в Советской России, а затем в СССР. Наиболее ярким примером является программа ликвидации неграмотности в стране, когда комплекс мероприятий позволил в короткий исторический срок мобилизовать все силы на решение этой задачи перспективного значения.

Нужно сказать, что идея планирования наиболее наглядно проявила себя с конца 20-х годов, начав воплощаться в плановых разработках, а затем в первом пятилетнем плане, который содержал специальный раздел «Социально-экономические проблемы» и меры по их решению.

Иначе говоря, первый пятилетний план был «самым» социальным планом по сравнению с последующими пятилетками.

Однако теория и практика социального планирования продолжали развиваться, несмотря на то, что эта терминология не использовалась, – реально происходили процессы, которые обогащали данную специальную социологическую теорию.

В отечественной социологии в 60–70-е годы большой вклад в разработку проблем социального планирования внесли ленинградские исследователи: В.М.Ельмеев, Д.А.Керимов, Б.Я.Ляшенко, А.С.Пашков, В.Р.Полозов.

Их поиски в своих работах поддержали Н.А.Аитов, Ю.Е.Волков, В.И.Герчиков, Н.И.Лапин, П.П.Лузан, Ю.Л.Неймер, Л.А.Олескевич, Ж.Т.Тощенко, С.Ф.Фролов и др.

В 80-е годы интерес к данной проблематике померк, а в 90-е годы практически угас в значительной мере потому, что отвержение идей социализма привело к отказу от идей планирования вообще и социального планирования в частности. Однако жизнь очень жестко ставит вопрос о том, что без целенаправленного регулирования социального развития невозможно реализовать общие, в том числе и экономические, цели. Более того, игнорирование социальных аспектов перехода к рынку привело к краху многие экономические начинания неолиберальных деятелей России.

§ 1. СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Исторический парадокс состоит в том, что идея плановости, выдвинутая социалистической моделью, в условиях нашей страны претерпела такие изменения, которые к началу 90-х годов привели к полной ее дискредитации. Если кратко проанализировать итоги теории и практики планирования в СССР, то можно сказать, что это отвержение планового начала было следствием постепенного отхода практики планирования от нужд человека, что выразилось в торжестве технократизма, в потере даже тех скромных находок, которые были характерны для теории и практики в 20-х – начале 30-х годов; доведены до абсурда идеи распределения всех ресурсов, что выразилось в мелочной регламентации всего и вся; сыграли свою роль абсолютизация методов директивного командования и пренебрежение к методам косвенного регулирования, игнорирование необходимости создания области свободы для развития потенциальных возможностей людей.

Долгое время в СССР планомерное изменение общественных отношений выступало в значительной мере как возможность, пределы реализации которой были жестко ограничены достигнутым уровнем развития общественного производства и политическими установками. Самым пагубным образом на разработку теории и практики социального планирования влияли командно-административные методы руководства, не желавшие считаться ни с чем, кроме технико-экономических показателей. Человеческое начало в планировании игнорировалось. Практически все пятилетние планы до 60-х годов в качестве первостепенной задачи имели рост и увеличение объемов производства и лишь при ее выполнении предполагалось удовлетворение потребностей людей.

Но жизнь не стояла на месте. Более того, она неумолимо требовала привести в соответствие экономические и социальные параметры развития. Характерно, что такая объективная потребность, как учет человеческого фактора, стала пробивать себе дорогу снизу, в трудовых коллективах.

Первые попытки научной разработки планов социального развития и их реализации были осуществлены в начале 60-х годов по инициативе ленинградских предприятий. Вслед за

распространением социального планирования в промышленности и строительстве попытки составления планов социального развития были предприняты в сельском хозяйстве, где тесно переплетались территориальные и производственные интересы коллективов и живущих в этой местности людей.

Это мощное давление снизу постепенно переросло в необходимость осуществления плановости социального развития и на следующем уровне социальной организации общества – в районах и городах, а затем в областях, краях, республиках. Ради справедливости следует сказать, что планы социального развития на всех этих уровнях были скорее предметом заботы немногих руководителей, которые не по форме, а по существу занимались социальными проблемами.

Когда под давлением объективной логики развития, практики планового решения социальных проблем «внизу» идея социального планирования была закреплена в Конституции СССР 1977 года, то от этого юридического закрепления теория и практика социального планирования проиграли. Составление планов стало делом формальным. Госплан СССР к своим традиционным разработкам добавил «социальный аппендикс». За показатели социального развития никто не нес никакой ответственности: по-прежнему торжествовал план, вал, технико-экономические показатели, которые нужно было достигнуть любой ценой, в том числе и за счет социального, благополучия людей. И пример в пренебрежении потребностями и интересами человека показывало само государство.

Вместе с тем этот нелегкий путь теории и практики социального планирования принес свои результаты. Практика планирования социальных процессов постепенно охватывала и другие страны. Во многих из них появились государственные органы планирования, которые занимались широким кругом вопросов и особенно поддержанием соответствия между экономическим и социальным развитием [1].

Получила распространение практика планирования социальных процессов и на других уровнях социальной организации общества. Так, в США осуществлялись социологические исследования, которые были нацелены на совершенствование социального планирования развития городов [2].

Если же обобщить имеющийся в нашей стране и за рубежом опыт, то сущностные характеристики социального планирования сводились к следующему.

Во-первых, планирование должно ориентироваться на цели, которые вытекают из объективных тенденций организации жизни людей и предусматривают удовлетворение текущих и перспективных потребностей людей, их согласование между собой и меры по активизации созидательной деятельности как самого человека, так и социальных институтов общества. Один из парадоксов XX века состоял в том, что страна, провозгласившая себя олицетворением идей социализма, сделала для человека меньше, чем страны капитализма, логика развития которых привела к воплощению социальных идей, создала предпосылки для свободы выбора и социальной защиты.

Во-вторых, решение как общих, так и локальных проблем не может происходить стихийно или хотя бы «на глазок», приблизительно в рамках социального планирования должны использоваться показатели, по которым можно судить об эффективности достижения поставленной цели. Такими показателями или ориентирами могут быть сроки, а также объемы, уровни, степень достижения намеченных рубежей, которые позволяют

осуществить сравнение с предшествующим этапом развития или с аналогичными объектами планирования.

В-третьих, социальное планирование предусматривает разработку, а затем исследование средств достижения поставленных целей – материальных, финансовых, косвенных рычагов в виде льгот или, наоборот, ограничений, или создания условий, при которых наиболее рационально и оптимально развивался бы планируемый социальный процесс.

И, наконец, социальное планирование представляет собой непрерывный процесс познавательной и преобразующей деятельности, которые постоянно взаимно дополняют и обогащают друг друга, что позволяет находить новые резервы, открывать новые возможности для более полной реализации сформулированной цели.

Итак, можно сделать вывод, что социальное планирование представляет собой научно обоснованное определение целей, показателей, заданий (сроков, темпов, пропорций) развития социальных процессов и основных средств их претворения в жизнь в интересах всего населения.

§ 2. УРОВНИ СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Объектами социального планирования выступают все уровни социальной организации – от общества до конкретного производства.

Что касается общества, то в его рамках разрабатываются перспективные планы решения значимых социальных проблем, которые определяют его жизненность и устойчивость] Неумение найти целевые ориентиры, постепенно обновлять их, корректировать и сопоставлять их между собой в значительной мере характеризуют практику социального планирования в СССР когда провозглашаемые цели не состыковывались с реальной практикой. В то же время в тех странах, где осуществлялся внимательный учет социальных параметров развития (ФРГ, Франция, а затем Италия, Греция), добились серьезных успехов в решении всех без исключения общественных проблем.

На уровне отдельных сфер общественной жизни – экономической, социальной, политической, духовной – предусматривается планомерное решение таких проблем, как улучшение условий и содержания труда, профессионально-квалификационная подготовка, престижность сфер приложения труда, структура рабочего и свободного времени, удовлетворение материальных и духовных потребностей, участие в политической жизни и т.д. Плановое их решение – залог обеспечения рационального взаимодействия человека и общества [3].

На региональном уровне социальное планирование представляет собой особую форму целенаправленного регулирования социальных процессов в республике, области (крае) и других административных единицах. Для эффективного функционирования общества огромное значение приобретает выравнивание уровней социального развития в территориальном разрезе и особенно регулирование миграционных потоков, рациональное использование трудовых ресурсов, развитие национальных отношений, распределение и потребление культурных ценностей. Как показал опыт, главной целевой установкой для регионального социального планирования является создание благоприятных условий для трудовой и повседневной жизни.

При анализе особенностей планирования по экономическим районам необходимо иметь в виду, что каждый из социальных процессов – развитие национальных и межнациональных отношений, повышение уровня жизни народов, миграция населения, совершенствование культуры и образования – требует определения его сущности и специфики в данном регионе. Кроме того, при изучении социального процесса уточняется, что отличает его от аналогичных процессов в других районах страны. Одним из основных условий становится оптимальное сочетание проблемного и регионального планирования в интересах эффективного функционирования общества. Особенностью регионального планирования по экономическим районам является также соблюдение принципа системности, определяемого совокупностью показателей. Следует иметь в виду, что проблемы, стоящие перед республикой или областью, не всегда по своей актуальности совпадают с общегосударственными.

И, наконец, уровень производственных организаций, трудовых коллективов предполагает реализацию ведущей целевой установки – пробуждение человека к творческой работе, обеспечение максимума благоприятных условий для его трудовой и повседневной жизни.

Накопленный опыт свидетельствует, что на этом уровне наиболее действенными оказались планы, которые базировались на следующих принципах. Первый из них может быть выражен следующей формулой: что и в какой степени работник способен сделать для успешного развития своей организации и как он сам будет изменяться под влиянием происходящих глобальных и локальных изменений.

Второй заключается в том, что действенность планов социального развития зависит от условий, которые создаются для человека, конкретных преимуществ, которые он может получить в процессе распределения материальных и духовных благ. Суть вопроса – в обеспечении единства усилий, предпринимаемых государством по повышению уровня жизни людей, и возможностей, которыми располагает конкретное производство или регион. Важнейшим аспектом реализации этого принципа является совершенствование материальной заинтересованности людей в конечных результатах труда.

Третий принцип заключается в том, чтобы процессы взаимодействия человека с организацией, городом или районом (а следовательно, и со всем обществом) не протекали стихийно, а направлялись его осознанной деятельностью, его соучастием в управлении делами общества и производства [4].

§ 3. ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Формы социального планирования представлены, во-первых, адресным планированием, во-вторых, планированием с помощью косвенных (экономических и социальных) рычагов.

Адресное планирование включает разработку и обоснование системы заданий, которая доводится до сведения различных государственных или общественных организаций. Устанавливаются задания по достижению определенного уровня общественного развития. Прежде всего это касается рационального соотношения, пропорциональности в развитии социальных процессов. Подобные соотношения отражают реальное их состояние, тенденции изменений, уровень использования науки и техники, потребности людей.

Социальное планирование связано с определением сроков, необходимых для выполнения поставленной задачи. Чем сложнее цель, тем больше требуется времени не только для

всестороннего научного обоснования принимаемого решения, но и для его осуществления. Длительность планового периода не может быть задана априорно и должна строиться на основе единства качественных и количественных показателей. Вместе с тем опыт адресного планирования во многом дискредитировал себя, ибо он давал простор командным методам, игнорируя научные основы определения ориентиров социального развития.

При планировании социальных процессов с помощью косвенных рычагов подробно изучаются конкретные условия, возможности и потребности. Затем определяется, какие элементы, составные части не поддаются государственному и общественному регулированию. Применительно к ним ставится задача их количественного измерения и прогнозирования для принятия соответствующих решений в целях ослабления или нейтрализации отрицательных последствий.

В процессе планирования выявляются также те переменные, на которые можно воздействовать и которые, собственно говоря, и являются объектами социального планирования и регулирования. Чтобы сократить объем труда, не требующего квалификации, или тяжелого физического труда помимо планирования технического прогресса регулируется рост квалификации рабочих. Планы повышения их профессионального уровня предполагают прежде всего ликвидацию некоторых видов труда. Затем в них должно найти отражение изменение содержания труда многих профессий. И наконец, – это является особенно важным – многим из специальностей предстоит сохраниться только как этапу в трудовой деятельности человека.

Ряд социальных процессов имеют ограниченные условия в своем развитии. Исследование этих условий необходимо для определения области свободы, ведь социальное планирование, с одной стороны, опирается на наличие материальных, финансовых, трудовых ресурсов. С другой стороны, любой социальный процесс взаимосвязан с другими явлениями, и поэтому нельзя не учитывать, какое воздействие окажут принимаемые меры на смежные области общественного развития.

Существенный момент – учет интересов социальных групп. Если при решении экономических задач интересы в основном совпадают, то этого нельзя сказать о других сферах общественной жизни. Так, целью в сфере производства является минимум затрат при реализации поставленной задачи. Добиваться же минимизации затрат при планировании социальных процессов – значит, сознательно идти на ущемление интересов некоторых социальных групп. Максимум социального результата не всегда достигается минимизацией затрат.

Необходимо отметить, что эти две формы планирования в чистом виде не существуют. Однако планирование посредством косвенных рычагов получило особую актуальность в связи с осуществлением экономических реформ.

§ 4. МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Так как планирование является и наукой, и деятельностью, то методы нужно понимать и как способы осуществления, и как способы разработки программ или задач

Общие методы планирования характеризуются тем, на какие объективные законы развития общества опираются возможные способы реализации целей, на что они направлены и в каких организационных формах воплощаются.

Долгое время ведущим методом планирования являлся балансовый, который возник как способ обеспечения связей между потребностями общества и его возможностями при ограниченности ресурсов. В настоящее время на первый план выходят методы, связанные с существованием рыночных отношений, когда особенно важно видеть социальные последствия принимаемых решений, уметь согласовывать интересы всех участников преобразований, предоставив им благоприятные условия для проявления творческой активности.

Научность социального планирования во многом зависит от использования нормативного метода. Его требования служат основой для составления показателей социального развития на различных уровнях социальной организации общества. Именно нормативы позволяют осуществить расчеты и обосновать реальность плановых заданий, определить ориентиры для развития многих общественных процессов.

Аналитический метод соединяет в себе анализ и обобщение. Его сущность сводится к тому, что в ходе планирования социальный прогресс расчленяется на составные части, и на этой основе определяются направления реализации намеченной программы.

Все большее значение приобретает метод вариантов, суть которого заключается в определении нескольких возможных путей решения социальных задач при наличии возможно более полной и достоверной информации. Его разновидностью является метод вариантных приближений: вначале на базе имеющихся исходных данных определяется возможный путь в порядке первого приближения, а затем производятся последовательные уточнения. Применение этого метода связано с поиском оптимального варианта решений той или иной социальной задачи, с правильным выбором приоритетов.

Комплексный метод представляет собой разработку программы с учетом всех главных факторов: материальных, финансовых, экономических и социальных, – а также с определением исполнителей и сроков. Его применение предполагает соблюдение следующих требований: определение темпов и пропорций развития социального процесса, его статической и динамической модели и выработка основных показателей плана.

В социальном планировании все шире стал применяться проблемно-целевой метод, который обычно связан с решением ключевых неотложных задач общественного развития вне зависимости от ведомственной их принадлежности.

Широкое признание получил социальный эксперимент, в ходе которого уточняются механизм действия объективных законов и особенности их проявления в условиях деятельности одного или нескольких социальных институтов. Полученные выводы помогают скорректировать ход развития планируемого процесса, проверить на практике прогнозируемые положения и выводы.

Важное место в социальном планировании занимают математические методы. Такое название в известной мере условно. В действительности речь идет о количественном анализе при использовании уже перечисленных выше методов планирования. Математические методы не отменяют социальный анализ, а опираются на него и, в свою очередь, влияют на дальнейшее его совершенствование.

В настоящее время количественный анализ опирается на такие методы, как линейное программирование, моделирование, многофакторный анализ, теория игр и т.д. Всем этим

формально-логическим количественным процедурам отводится роль специфического инструмента, необходимого для решения различных задач.

В теории и методологии планирования важно уметь применять количественные характеристики. Ведь формальная логика (и математика соответственно) – средство получения новых знаний. Но практическая реализация этих знаний требует не только истинности в математическом значении, но и правильной интерпретации результатов. Только на основе комплексного использования этих методов планирования с помощью количественного анализа возможна выработка оптимального решения. Количественный анализ всегда необходимо сопоставлять со здравым смыслом, чтобы не было абсолютизации количественных характеристик. Таким образом, количественный анализ и математический инструментарий играют важную, но не самодовлеющую роль в планировании. Они нуждаются в постоянном развитии и совершенствовании, соотнесении их результатов с социальными целями общества.

§ 5. ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Количественная и качественная характеристики состояния, тенденций и направлений социального развития, применяемые в планировании для оценки соответствия реально сложившегося положения научно обоснованным требованиям, называются социальными показателями. В наиболее полном виде показатели сфер общественной жизни, прежде всего экономической, определяются и рассчитываются на базе статистических данных. Чтобы получить более глубокое представление о социальных процессах, проводятся специальные исследования, призванные дать оценку их состояния на уровне общества, региона или отраслей народного хозяйства [5].

При выявлении уровня развития используются еще два показателя: а) общий, по которому можно установить, отстает, опережает или находится на его уровне изучаемый процесс или явление в данной республике, области, регионе, районе, после чего принимаются меры для усиления или стагнации воздействия; б) нормативный, на основе которого также определяется соответствие научно обоснованным требованиям. Эти показатели могут не совпадать с существующими и в стране, и в регионе, но они характеризуют степень развитости или совершенства данного явления. Иногда для сравнения берутся реально действующие показатели социального развития аналогичных объектов. Использование и сопоставление показателей дают возможность определить место изучаемого процесса или явления в рамках всего общества.

Среди ключевых проблем – проблема показателей. Много – это не значит хорошо, скорее здесь проявляются дезорганизация и дезориентация управления, всех его звеньев сверху донизу. В период перестройки были предприняты некоторые шаги. Если в 1986 году было 46 тыс. централизованно планируемых показателей, то в 1987 году их стало в 2 раза меньше – 22 тыс. В 1988 году их число уменьшилось до 3,5 тыс. Но их полное отсутствие в период перехода к рынку вряд ли оправдано.

Анализ практики управления показывает, что оно эффективно в том случае, если применяется несколько групп показателей. Первая группа в известной мере опирается на опыт, накопленный при планировании экономического и социального развития. Эти показатели выражаются с помощью количественных характеристик и могут быть спроектированы на несколько лет вперед. Это касается главным образом показателей развития материальной базы, подготовки кадров и т.д. Вторая группа характеризует только качественные характеристики, связанные с тем, что для многих процессов крайне

трудно указать точные параметры будущих изменений. Третья группа показателей может быть использована после окончания планового периода для того, чтобы оценить результативность принятых мер.

Социальные показатели характеризуют также объективно складывающиеся направления развития и свидетельствуют о благоприятных тенденциях или, наоборот, о действии негативных факторов. В этом отношении очень важно использование показателей развития за пяти-, десятилетний и более срок, по которым можно установить степень достижения поставленных целей, возможность их уточнения, исходя из конкретной ситуации. На основе характеристики состояния и определения проблем развития вырабатываются меры по стимулированию процессов, в которых общество заинтересовано, и одновременно по ограничению явлений, представляющих предмет заботы, или по стабилизации условий, которые в целом могут соответствовать назревшим социальным потребностям.

При анализе сфер общественной жизни применяются показатели, которые можно измерять и которым можно дать количественную и качественную интерпретации.

Большое внимание уделяется инфраструктуре (материальной базе) социального развития, которая рассчитывается на 100 тыс. населения или на количество населенных пунктов (в сельской местности). Аналогичный прием применяется и для расчета другого вида показателей – кадрового обеспечения.

Таким образом, разработка, обоснование и применение социальных показателей направлены на принятие научно обоснованных управленческих выводов, нацеленных на повышение эффективности социального планирования и его действенности при решении как общих, так и специфических проблем общественного развития.

§ 6. РЕЗЕРВЫ СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Социальное планирование переживает сегодня сложный период. Возможности, которые открывались на этапе его становления, практически исчерпаны. Необходим следующий этап в его развитии – вскрытие глубинных резервов.

Вдохнуть жизнь в социальное планирование могут социальные нормативы, представляющие научно обоснованные количественную и качественную характеристики оптимального состояния социального процесса (или одной из его сторон), полученные на основе учета объективных закономерностей развития и возможностей общества и направленные на максимальное удовлетворение материальных и духовных потребностей личности. Их конкретно-исторический характер заключается в том, что они отражают возможности и потребности общественного развития на данном этапе и соответственно могут (и должны) изменяться в перспективе. В своей основе они имеют четкую количественную и качественную определенность, которая представляет собой величину, характеризующую идеальную (желаемую) цель развития планируемого процесса. Поэтому, чтобы установить наиболее эффективное соотношение потребностей и возможностей в социальном развитии, нормативы обычно апробируются сначала экспериментально, а затем и в массовом порядке (например, минимальный потребительский бюджет).

Очень важно, чтобы социальные нормативы были согласованы между собой, ибо их дисгармония ведет к не меньшим издержкам, чем их отсутствие, как это имеет место в

реформируемой России, когда дифференциация в оплате за примерно равный труд достигает огромных размеров, в большинстве случаев из-за причастности людей к различным формам собственности.

Социальные нормативы, отражая общие закономерности, дифференцируются в зависимости от конкретных национальных, природных, социально-демографических особенностей и не могут оставаться неизменными. Они предполагают использование коэффициентов, применение которых особенно важно в трудных природно-климатических особенностях, в регионах с различной половозрастной структурой населения.

Нормирование касается многих сторон жизни человека: труда, культуры, быта. Однако оно слабо затронуло общественно-политическую деятельность, социальное и межличностное общение. Вместе с некоторыми ненормированными аспектами трудовой деятельности, деятельности в сфере культуры, семьи и быта это область тех общественных отношений, которые практически не подвергались количественной оценке. В связи с тем что по очень многим направлениям определение нормативов затруднено, правомерно введение в практику планирования понятия социальный ориентир, которое выражает наиболее возможную рациональную величину развития общественных процессов, исходя из сложившихся показателей развития аналогичных явлений. На практике нередко используется такой прием: за оптимальную величину принимаются лучшие показатели ряда производственных организаций и объединений. Они становятся в определенном смысле эталоном, т.е. ориентиром. Такие лучшие результаты могут быть приняты в конкретной обстановке за так называемый рабочий оптимум.

Социальные нормативы и ориентиры классифицируются по различным основаниям. Традиционной является классификация по сферам жизнедеятельности человека (труд, общественно-политическая жизнь, культура, быт, межличностное общение). Они, во-первых, отражают обеспеченность материальными ресурсами в расчете на 100 тыс. человек населения. Применение этого подхода дает возможность оценить отставание, опережение или соответствие уровня развития социальных процессов в регионе или стране нормативным требованиям.

Во-вторых, социальные нормативы могут выражаться в требованиях, предъявляемых к городским и сельским поселениям. Эти нормативы связаны с архитектурно-планировочными решениями и необходимостью организации рациональной жизни населения. К числу этих нормативов следует отнести обеспеченность сельских населенных пунктов школами, кинотеатрами, автобусным сообщением, учреждениями торговли и т.д. В применении к городам – это оснащенность и обеспеченность микрорайонов городов всем необходимым для повседневной жизни или характеристика нормативных требований, касающихся каждого горожанина, например норматив размещения зеленых насаждений, обеспеченности торговым и бытовым обслуживанием.

В-третьих, существуют нормы, связанные с использованием системы «человек – человек». Иначе говоря, сколько лиц той или иной профессии приходится из 1 тыс. населения, например продавцов, учителей, работников культуры и т.д. Практика показывает, что чем меньше это соотношение, тем больше жалоб на качество работы, оперативность, маневренность, на социально-психологический климат. Определенной модификацией этого требования может быть обеспеченность кадрами в расчете на 1 тыс. населения по видам профессий.

Социальные нормативы и ориентиры могут быть разработаны для различных уровней социальной организации общества. Одни из них используются для сравнения по всей стране, другие – только в определенном регионе, третьи – в отрасли народного хозяйства, четвертые – в небольшой группе организаций, в том числе и первичных. Социальные нормативы и ориентиры могут быть дифференцированы в зависимости от социальной структуры общества, ибо несомненно, что, например, проблемы повышения квалификации и образования в нормативном аспекте будут разными в зависимости от специфики каждой из социально-демографических групп. И наконец, социальные нормативы и ориентиры изменяются и будут изменяться на каждом этапе развития не только общества, но и каждого региона, каждого производства [6].

Большие возможности для совершенствования планирования имеют социальная карта региона и социальный паспорт организации, которые констатируют многообразие социальных процессов и изменений на этих уровнях.

Эти документы позволяют постоянно осуществлять анализ и сравнение объектов планирования. Особенно отчетливо это проявляется при планировании социального развития города или региона, при рассмотрении состояния их социальной инфраструктуры. Социальная карта или паспорт предполагают использование различных коэффициентов, что вызывается объективной необходимостью учета различной демографической структуры населения, природно-климатических условий или национальных особенностей. Применение их показывает, какие меры могут быть приняты для решения поставленных проблем.

Опыт социального планирования свидетельствует, что обычно в социальной карте или паспорте характеризуются в первую очередь социальный состав населения, демографическая ситуация, а затем показатели трудовой, общественно-политической, культурной и семейно-бытовой сферы. Нередко в них находят отражение кадровое обеспечение социального развития и его материально-техническая база, которые могут рассматриваться и анализироваться как по сферам общественной жизни, так и самостоятельно. Эти данные дополняются характеристиками, полученными в ходе социологических исследований.

Литература

1. См. подробнее: Тощенко Ж.Т. Социальные исследования в СССР. М., 1981.
2. Бергер П.Л. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
3. Юферов О.В. Планирование социально-бытовой инфраструктуры. Социологический подход. М., 1990.
4. См.: Герчиков В.И. Социальное планирование и социологическая служба в промышленности. Новосибирск, 1984.
5. Исследование построения показателей социального развития и планирования. М., 1981.
6. Социальные нормативы и ориентиры. М., 1984.

Темы для рефератов

1. Социальное и экономическое планирование: общее и особенное.
2. Теория и практика становления и развития социального планирования в СССР.
3. Основные положения социального планирования городов.
4. Специфика социального планирования в производственных организациях.
5. Социальное планирование в зарубежных странах (например, опыт Франции, Швеции).
6. Социальные показатели и их роль в совершенствовании планирования.

7. Социальная карта региона как инструмент социального планирования.

Задания для повторения

1. Назовите основные положения сущности социального планирования.
2. Уровни социального планирования и специфика каждого из них.
3. Охарактеризуйте формы социального планирования.
4. Опишите методы социального планирования.
5. Дайте характеристику показателей социального планирования.
6. Роль социальных нормативов и ориентиров в социальном планировании.

Глава 5 СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Термин социальные технологии – один из новейших в социологической науке. В отечественной социологии разработкой проблем, непосредственно связанных с данным понятием, более всех занимались Ю.П.Аверин, А.К.Зайцев, В.Н.Макаревич, В.С.Дудченко, Л.Я.Дятченко, Ю.Д.Красовский, В.И.Патрушев, А.И.Пригожий, В.В.Щербина и особенно интенсивно Вал.Н.Иванов.

Данное понятие применимо как к обществу в целом, так и к конкретным социальным институтам. Что касается общества, то возможен анализ этого феномена на примере поиска рациональных форм организации управления народным хозяйством в нашей стране. На первом этапе оно было организовано по территориальному принципу, и его осуществляли образованный 2(15) декабря 1917 года при Совете Народных Комиссаров Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) и аналогичные органы на местах. Это были фактически первые органы, на которые возлагалось единое, нерасчлененное управление и регулирование социально-экономическими процессами, согласование деятельности различных хозяйственных организаций. Они в той или иной модификации просуществовали до начала 30-х годов и были постепенно заменены наркоматами, олицетворявшими собой отраслевой принцип управления, когда руководство народным хозяйством представляло собой вертикальный разрез достаточно автономных ведомств. В конце 50-х годов была предпринята попытка вернуться к территориальному принципу управления, но к 1965 году опять восторжествовал отраслевой принцип, приведший к господству министерств. Ведомственность была одной из основных причин застоя, обострения социальных, нравственных и экономических проблем. Ржавчина вседозволенности министерств породила технократизм, остаточный принцип при удовлетворении социальных нужд, игнорирование региональных и национальных интересов. Она достигла своего апогея к середине 80-х годов, когда практически на всякую проблему отвечали образованием нового министерства или ведомства. В результате мы имели самое большое количество центральных органов власти в мире.

К концу 80-х годов стало очевидным, что сложившаяся в годы первых пятилеток система организации народного хозяйства, которая имела оправдание в годы экстенсивного развития, кардинальных сдвигов в мировой и отечественной экономике, не выдержала испытания временем и рухнула. Появившаяся на ее развалинах рыночная экономика пока впитывает и повторяет период первоначального накопления капитала, игнорируя новаторские методы решения социально-экономических проблем, накопленные развитыми государствами мира. Иными словами, организационно-технологическая схема управления экономикой, пройдя несколько этапов, до сих пор не состоялась и находится в трудном и сложном поиске.

Что касается социальных технологий на других уровнях организации общества – в республиках, краях (областях), городах, районах, то они связаны с решением проблем жизни людей как жителей определенной административной единицы или – что актуально для производственных организаций – как работников, чьим трудом создаются материальные и духовные ценности. Однако реализация этого важного методологического и методического требования не была отработана технологически, в результате чего царил произвол на всех ступенях социальной организации общества, права и полномочия сосредоточивались на верхних этажах власти, не был создан механизм защиты и гарантий от ошибок и просчетов из-за неясности исходных принципов осуществления властных полномочий. В целом можно сделать вывод, что управление не имело добротной научной базы, что, в частности, выразилось в отсутствии алгоритмов управления социально-экономическим и политическим развитием.

§ 1. ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ?

Если исходить из определения технологии, данной инженерной мыслью, то под ней понимается совокупность приемов и способов получения, обработки или переработки сырья, материалов, полуфабрикатов или изделий. Технологией принято также называть описание производственных процессов, инструкций по внедрению, технологические правила, требования, карты, графики. Для нормального хода производства необходима строгая последовательность технологических операций, обеспечение стабильности параметров воздействия на предмет труда в установленных пределах.

В ходе научно-технической и информационной революции значительные изменения связаны с разработкой и внедрением новых технологий: биотехнических, безотходных, энергосберегающих и т.д. Новый шаг в развитии научно-технического прогресса на основе внедрения «безлюдных» технологий требует принципиально иного подхода к решению ряда социальных вопросов, таких как подготовка кадров, развитие профессионального образования, учет изменений в содержании и условиях труда и т.д.

Что касается социальных технологий, то они представляют собой способ организации и упорядочения целесообразной практической деятельности, совокупность приемов, направленных на определение или преобразование (изменение состояния) социального объекта, достижение заданного результата. При этом речь идет о специфических социальных средствах. Специфика технологии в том, что она алгоритмизирует деятельность и поэтому может быть многократно использована, тиражирована для решения сходных задач, достижения заданных результатов посредством профессиональной культуры (В.В.Щербина, 1995) [1].

Вместе с тем в социологической литературе имеется и расширительная трактовка социальной технологии, когда она практически идентифицируется с управлением и в нее включаются проблемы планирования, проектирования, экспериментирования и другие элементы управленческого цикла.

На наш взгляд, трактовка социальных технологий наиболее близка к объяснению понятия организация в том смысле, в котором употребляет его часть социологов, имея в виду процесс практической реализации того, что проработано на предшествующих ступенях управления – планировании, проектировании и программировании, т.е. в процессе управления наступает такая стадия, когда нужно претворить в жизнь, организовать процесс объективизации материальных или духовных идей.

Однако не все процессы организации подвергаются жесткой регламентации, алгоритмизации – в процессе управления в действиях руководителя и каждого причастного к управлению всегда присутствует элемент импровизации, творчества и даже интуиции. Иногда работу организатора-руководителя сравнивают не только с наукой, но и искусством. Но это не отменяет того, что в этом широком поле поиска рациональной организации управления присутствует (или должна присутствовать) жесткая программа осуществления ряда последовательных операций с целью достижения заранее сформулированной цели. Именно социальная технология создает возможность тиражировать приемы и методы, многократно повторять их, а также применять в аналогичных обстоятельствах в других социальных институтах и процессах.

Однако алгоритмы управления, которые закрепляются в технологиях, имеют и негативный аспект: они способны консервировать методы и приемы, которые именно по этим обстоятельствам могут на новом этапе обречь их разработчиков на просчеты и неудачу.

Широко известен пример Г.Форда, который прославился своими новаторскими технологиями, успешно в течение четверти века, включая 30-е годы, решал многие социальные проблемы, но консервация методов и способов решения привели его в 40-е годы к ошибкам и серьезным просчетам.

Социальные технологии изобретены давным-давно. Так, люди, к примеру, долгие века управляли общественными делами, передавали накапливаемые знания и информацию от поколения к поколению. При этом всегда пользовались технологиями, которые в большинстве случаев специально не разрабатывались, были достаточно простыми, да и сами социальные связи не требовали технологизации: могли быть освоены интуитивно, эмпирически. Социальный прогресс был возможен на основе соблюдения прошлых правил, предписаний, традиций, культурных образцов, т.е. традиционных процедур и операций, которые целенаправленно, сознательно не разрабатывались и нередко относились к числу рутинных, но ими руководствовались в практической деятельности (Вал.Н.Иванов, 1996) [2].

По мере развития человечества социальные связи усложнялись, увеличивалось их число, многократно рос динамизм социальных процессов, что объективно поставило ряд новых требований по совершенствованию социального управления. Кроме того, продолжала действовать общесоциологическая закономерность: возрастала роль социального фактора в развитии мировой цивилизации, а это объективно требовало коренных изменений в общей теории управления, при освоении инновационных методов социального воздействия, обеспечивающих более высокое качество социального управления.

Однако эти требования находятся во все более углубляющемся противоречии с назревшими потребностями общественного развития, с одной стороны, и низким уровнем управленческих воздействий – с другой. Выявилась острая необходимость в использовании определенных формализованных последовательных операций, которые базируются не только на опыте, но и на научно обоснованных рекомендациях, которые и образуют такую отрасль управления, как социальные технологии. Ведь смысл и назначение любой технологии – оптимизировать управленческий процесс, исключить из него все виды деятельности и операции, которые не являются необходимыми для получения социального результата. Использование технологий – главный ресурс, позволяющий снизить затраты на управление, повысить эффективность управленческого воздействия и его роль в жизни общества.

Общество всегда искало приоритеты не только на пути технического прогресса, но и на основе социальной ориентации, рационального использования человеческих ресурсов.

Социологическая мысль, начиная с 60-х годов, проявляет интерес к этой проблематике, активно включается в ее разработку. Наблюдения показали, что внедрение социальных технологий, направленных на более полное использование творческих и интеллектуальных способностей человека, могло обеспечить увеличение промышленного производства на 20 – 25, а при реализации резервов – на 40–60% [3]. Стало очевидным, например, что приоритет Японии во многих отраслях промышленности был достигнут прежде всего за счет активного включения научного потенциала в комплексное изучение проблем личности, коллективной организации труда и т.д. Появляется целый ряд работ, в которых авторы в той или иной степени затрагивают разные аспекты социальных технологий применительно к этой сфере.

В процессе реализации отдельных задач формируются знания о конкретных элементах технологизации социальных процессов: о диагностике социальных явлений, принципах решения конкретных социальных проблем.

В этих условиях возникла необходимость определить сущность и содержание социальных технологий. Анализ существовавших попыток осуществить задуманное показывает: у исследователей сложились разные подходы к определению сущности социальных технологий. Так, В.Г.Афанасьев определяет ее как «элемент механизма управления и средства перевода абстрактного языка науки... на конкретный язык... достижения поставленных целей» [4], М.Марков – как «способ реализации... конкретного сложного процесса путем расчленения его на систему последовательных взаимосвязанных процедур и операций, которые выполняются однозначно...» [5], А.Зайцев – как «совокупность знаний о способах и средствах организации социальных процессов, сами эти действия, позволяющие достичь поставленной цели» [6], В.Патрушев– как систему инновационных способов, средств разрешения сущностного противоречия взаимодействия и самореализации социальных субъектов в диалоге человека и природы [7].

В концепции К.Поппера социальная технология характеризуется как способ применения теоретических выводов в практической деятельности. Автор разделяет ее на два вида – «частичную» и «холистскую» (утопическую) технологию. Первая характеризуется не столько масштабностью поставленных целей и задач, сколько реалистичностью, правильным пониманием того, что можно сделать с помощью имеющихся способов, форм и методов социального влияния. Она базируется на анализе реальных процессов и их осуществления в ходе практических преобразований действительности. «Холистская» (утопическая) технология пытается в ходе социальных преобразований решить поставленные задачи как можно быстрее, решительнее, в один прием революционным путем. Поэтому, по мнению Поппера, она не способна своевременно учесть и предупредить нежелательные, вредные последствия начертанных мероприятий.

Все эти определения показывают, что сущность социальных технологий может быть раскрыта только через систему выявления и использования потенциала социальной системы, «человеческого ресурса» в соответствии с целями и смыслом человеческого существования и посредством совокупности методов, процедур, операций, приемов специального воздействия, всех современных возможностей творческой деятельности как субъектов управления, так и социальных институтов в целом.

Обзор имеющихся точек зрения позволяет сделать вывод, что социальная технология – это совокупность последовательных операций, процедур целенаправленного воздействия и реализации ранее намеченных планов (программ, проектов) и получения оптимального социального результата. Социальная технология – важнейший элемент механизма управления, средство перевода языка намерений на конкретный язык практики управления. Этому служат формализация социального управления и его расчленение на составляющие элементы с помощью операций и процедур. (Процедура – набор действий, с помощью которых осуществляется управление процессом. Операция – непосредственное действие, путь решения определенной задачи в рамках данной процедуры.)

Итак, подводя итоги сущностным характеристикам социальных технологий, можно выделить наиболее существенные моменты, а именно:

* социальная технология – это определенный способ достижения общественных целей;
* сущность этого способа состоит в пооперационном осуществлении деятельности;
* операции разрабатываются предварительно, сознательно и планомерно;
* эта разработка проводится на основе и с использованием научных знаний;
* при разработке учитывается специфика области, в которой осуществляется деятельность;
* социальная технология выступает в двух формах: как проект, содержащий процедуры и операции, и как сама деятельность, построенная в соответствии с этим проектом.

Таким образом, учитывая существование множества разнообразных подходов, различных точек зрения, представляется чрезвычайно важным выяснить исходные теоретико-методологические подходы, уточнить категориальный аппарат, основы классификации социальных технологий, выявить принципы их разработки и внедрения.

§ 2. ФОРМЫ, ВИДЫ И ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В целом социальные технологии выступают в двух формах: как структурный элемент любой системы, технологически оформленный программный продукт и как деятельность, связанная с реализацией намеченной цели [8].

Функционирование социальных технологий всегда связано с потребностью оптимизировать социальное управление, быстро и оперативно тиражировать социальные приемы и процедуры.

Особое значение для социальной технологии как практической, организационной деятельности имели наличие условий ее реализации: элементы структуры социального процесса, особенности строения и закономерности его функционирования; возможность формализовать реальные явления и представить их в виде показателей, операций, процедур. Характер социальной технологии, ее особенности обусловлены внутренней природой самого объекта технологизации и социальной установкой на ее разработку и внедрение.

Что касается видов социальных технологий, то они различаются между собой тем, в каких сферах общественной жизни они реализуются – в экономической, социальной, политической или духовной.

Что касается экономики, то усилия социальной технологии сосредоточиваются на решении социальных проблем труда, на его превращении в действенный критерий оценки деловитости и потенциала каждого человека. В этой связи делаются попытки

технологизировать воздействие на условия трудовой деятельности, содержание труда и направления его интеллектуального развития. Не меньшее значение имеет решение организационных проблем собственности, поведения людей в условиях рыночной экономики, которые вошли в число важнейших проблем социального управления. И наконец, повышение эффективности общественного и личного труда невозможно без заинтересованного участия человека в совершенствовании производства.

Вместе с тем кризис экономики в 90-е годы потребовал коренного обновления механизма управления, вызвал необходимость учета не столько технико-экономических, сколько социальных аспектов, что поставило задачу обосновать основные методы организационного решения экономических проблем в стране.

Что касается проблем технологического решения собственно социальных (в узком смысле слова) проблем, то предметом особой заботы является создание гарантий для социальной справедливости, осуществление на деле меры труда и меры потребления. Актуальной в этой связи является социальная роль форм собственности, методов организации труда не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в сфере быта, в торговом и коммунальном обслуживании. Управление социальными процессами охватывает и такую важную сторону жизни трудящихся, как их здоровье, обеспечение отдыха, социальная защита.

Все более значимой для управления становится демографическая политика, предусматривающая регулирование соответствующего поведения населения, семейно-бытовых отношений, создание условий для таких социальных групп, как молодежь, женщины, дети и люди преклонного возраста.

Требуется технологизация и многих политических процессов. В настоящее время наше общество беременно огромным количеством новаций при решении политических проблем. Появляются и тут же исчезают бесчисленные проекты устройства государственных структур, замены их новыми образованиями, предложения о проведении экспериментов и просто проверки некоторых идей. Проблемы взвешенности политических решений, проявления политической дальновидности обострились, как никогда ранее.

Как при управлении наукой, в политике важно видеть то, из чего складывается результат, на чем он основывается. Ведь показатели развития социально-политических процессов не всегда могут ограничиваться количественными характеристиками, например, такими, как численность партий, процент проголосовавших, структура депутатского корпуса и т.п. От того, как участвуют люди в жизни общества, какими правами обладают, какое влияние оказывают и могут оказать на принятие решений, зависит нормальное функционирование многих политических структур.

Управление в сфере социально-политических отношений предполагает некоторые технологические приемы и методы. Речь идет о создании механизма рационального управления развитием и функционированием политики, умело и органично сочетающего в себе централизацию с самоуправлением.

Так как политика представляет собой не только науку, но и искусство, особое значение приобретает мастерство, умение ориентироваться в конкретных политических условиях. Однако интуиция, искусство политического прогноза не приходят сами собой – они вырабатываются в результате длительной, кропотливой работы. К сожалению, ни теория, ни практика еще не смогли дать сколько-нибудь убедительных примеров политического

предвидения и прогнозирования. Наоборот, жизнь постоянно показывала, насколько были близоруки, недальновидны и ограничены все попытки видеть социальные последствия политических решений: они нередко заменялись эрзацами идей, не имеющих ничего общего ни с наукой, ни с искусством.

Возможности технологизации управления в духовной сфере в определенном смысле условны, так как они серьезно разнятся с теми приемами, которые присущи управлению в сфере экономики. Она не может обладать жестокостью, ориентированностью на количественные показатели. Это скорее глубокий анализ состояния духовности, выявление тенденций и предвидение возможных изменений в производстве духовных ценностей.

Управление духовными процессами нацелено на создание реальных условий для оптимального развития культурных запросов и склонностей каждого человека, для наиболее полного и всестороннего их удовлетворения. Оно предполагает умелое и гибкое воздействие на тенденции, происходящие в сфере образования, науки, литературы и искусства. Очень трудную и сложную область представляют взаимодействие национальных культур, весь спектр проблем общественного сознания.

Преобразования духовной жизни прямо или косвенно зависят от материального фактора, от уровня общественного производства. Поэтому при управлении учитываются материальные возможности, наличие экономических предпосылок для решения возникающих проблем. Иначе все проекты могут вылиться в прожектерство, в «культурничество», в составление планов, лишенных реальной базы. Функции управления в сфере духовной жизни очень сложны, так как каждая из ее составляющих в известной мере является относительно самостоятельной. Все это в конечном счете затрудняет познание объективных закономерностей духовной жизни общества, а следовательно, и управление ею.

Имеется еще одна важная особенность процессов технологизации, характерная для социального управления в этой сфере. Речь идет о том, что для организаций и учреждений, занимающихся различными аспектами духовной жизни, нужна большая самостоятельность при решении поставленных задач. Их деятельность не может регламентироваться до мелочей, ибо они имеют дело с очень своеобразными продуктами человеческого бытия: социальным настроением, самочувствием, мотивацией, общественным мнением и т.п.

Разработка, конструирование и реализация требований социальной технологии предполагают несколько этапов. Теоретический – связан с определением цели, объекта технологизации, операционализацией социального прогресса на составляющие и выявлением связей между ними. Методический – с выбором методов, средств получения информации, ее обработки, анализа, принципов ее трансформации в конкретные выводы и рекомендации. Процедурный этап связан с организацией практической деятельности по реализации требований социальных технологий.

В этой связи одна из важнейших проблем управления – это умение видеть перспективу, не теряться в сиюминутных заботах, не упускать ориентиров. Это особенно важно, потому что нередко все силы уходят на то, чтобы провести одно мероприятие, затем другое, третье, и невольно исчезает из виду главное, во имя чего затрачиваются энергия, время. Работа на перспективу предполагает возможные потери в пути, но она окупается тем, что воплощается в жизнь центральная, ведущая идея.

§ 3. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

В основе технологической культуры лежит идея, сформулированная болгарским ученым Н.Стефановым: «реальная проблема не в том, возможно ли в принципе технологизировать социальные процессы, а в том, как это сделать» [9].

Как отмечалось выше, на современном этапе невозможно только опираться на практический опыт, накопленный человечеством, народами или лицами, при решении конкретных жизненных вопросов.

Технологическая культура предполагает не столько само обладание информацией, сколько рационализацию ее потока, ее носителей и возможность эффективно, своевременно и оперативно транслировать ее в процессе управления. В реальной практике проблема информации нередко сводится к увеличению потока бумаг, которые прикрывают несовершенство управления, неумение управлять. В конце 80-х годов в обороте находилось 100 млрд. документов, и на их заполнение затрачивалось около 600 млн. человеко-часов. Например, металлургический комбинат с численностью работающих 25–30 тыс. человек получал в год 130–140 тыс. документов.

Но отсутствие рационализации потока информации присуще и России 90-х годов. Отдельные островки этой рационализации в рамках конкретных производственных организаций еще не образуют целостности информационных потоков во всем обществе. Остается уповать только на то, что количество рационально функционирующих организаций будет расти и на определенном этапе количество перерастет в качество. Поэтому процесс усвоения азов технологической культуры идет как бы «снизу», от конкретных руководителей, их умения организовать научно обоснованные потоки информации и поставить их на службу делу.

Технологическая культура во многом зависит от умения осуществить всесторонний, системный подход. Пока же по объективным и субъективным причинам продолжает господствовать административный волюнтаризм. Управление сталкивается с повторяющейся бедой, не уходящими в прошлое пороками: отсутствием профессионализма, дилетантством, верхоглядством и поспешностью в принятии решений или, говоря иными словами, неумением или незнанием алгоритма управленческих процедур.

Возможности технологической культуры ограничиваются не только просчетами в процессе управления. Наука и эмпирия продолжают противостоять друг другу: практика очень мало, чаще стихийно использует научные рекомендации, выводы и предложения ученых. Независимо друг от друга сосуществуют два направления, которые реализуются учеными и практиками. Первые что-то пишут, исследуют, предлагают, вторые прекрасно обходятся без их научных выкладок. В этом случае технология управления теряет ориентиры, а управление поражают прагматизм, верхоглядство, возникают суета и ошибки.

К тому же не так редки случаи, когда необходимая информация собирается предвзято, без учета всех характеристик, как говорящих за принятие решения, так и предостерегающих от поспешных умозаключений. Психологически можно понять людей, которые, добиваясь именно такого, а не иного решения, стараются подобрать информацию, подтверждающую именно их точку зрения, и нередко игнорируют все, что противоречит ей. Но если это в какой-то степени объяснимо для поведения в повседневной жизни, то на официальном уровне такой подход нельзя расценивать иначе как тенденциозный, ибо он ведет к

негативным последствиям в практике управления. Поэтому одно из первейших требований к технологической культуре – это получение полной, всесторонней, самой представительной информации, позволяющей сделать более обоснованные рекомендации.

Социальный аспект технологической культуры особенно наглядно проявляется в том, насколько в процессе управления осуществляются постоянный учет интересов работников и их согласование с интересами производства и общества. Рабочая сила сегодня выступает уже не просто как ресурс, а, прежде всего, как субъект производства. Поэтому там, где не на словах, а на деле отказались от анализа развития и функционирования производства только с точки зрения наличия материальных и финансовых ресурсов, а учитывают интересы и потребностей людей, обеспечивается успешное решение социально-экономических проблем. Нельзя рабочую силу по своим функциям уравнивать с другими ресурсами. К людям нельзя подходить с такими же мерками, как к материальным и финансовым резервам. При недостаточно продуманном и эффективном решении можно, в конечном счете, списать (и оправдать) и материальные, и финансовые потери. Поступить так с людьми – значит сознательно вызвать негативные социальные последствия.

Важны такие функции технологии, как регулирование, сохранение, поддержание и совершенствование системы управления. В каждой системе действуют тенденции к организации и дезорганизации, что и предполагает поддержание и соблюдение определенного алгоритма, последовательности протекания операций. Процедуры и операции могут включать использование как экономических рычагов (прибыль, цена, заработная плата и т.д.), так и правового механизма. Но в любом случае они всегда связаны с воздействием на сознание и поведение людей, обеспечивая устойчивость организации.

Технологизация культуры как элемент человеческой культуры возникает двумя путями: «вырастает» в культуре эволюционно, постепенно или строится как искусственное образование, главная функция которого – соединение науки и практики [10].

В этом смысле социальные технологии учитывают, с одной стороны, характер и показатели развития глобальных процессов современного мира (развитие средств коммуникации, информации, компьютеризация, интернационализация научной, культурной, образовательной практики, рост взаимозависимости производственно-экономической и духовной жизни и др.), а с другой – специфику национально-культурного развития населения, региональные особенности образа жизни людей, их общественной организации, традиции взаимодействия в исторически определенных социокультурных условиях. Технологическая культура невозможна без выявления закономерностей самоорганизации и дезорганизации социально-экономических процессов, использования их с целью создания благоприятных условий жизнедеятельности людей. В технологической культуре важен учет социально-психологических явлений, которые нередко соединяют в себе противоречивые, а иногда и взаимоисключающие черты. Поэтому управление предполагает выявление этих ограничивающих или препятствующих факторов и предусматривает их учет, устранение или по крайней мере нейтрализацию. Все сказанное может быть отнесено к таким, например, явлениям, как национальные и групповые пережитки, предубежденность человека, базирующиеся часто на случайных факторах.

Технологическая культура проявляет себя в сфере управления экономическими, социальными, политическими и духовными процессами, в процессе совершенствования исследовательской работы, интеллектуальной деятельности, в образовании, воспитании, художественном творчестве. Но технологическая культура, являясь частью культуры,

элементом творчества, – в большей мере продукт науки управления, ее неотъемлемый элемент. Поэтому новизна социальной технологии прежде всего определяется ее наукоемкостью.

Технологическая культура должна отвечать и за то, что реализуется в процессе ее осуществления. В научной литературе обсуждается идея управления по результатам и высказывается неудовлетворенность американской системой управления по целям (доход, прибыль, капитал).

В понятие результат все в большей мере включаются человеческий фактор, творческие способности, развитое мышление, развитие организации, самоуправление, укрепление межличностных контактов, и, что особенно важно, отрабатывается механизм получения социальной части результата. Этот механизм включает не управление людьми, а создание условий для свободного развития умственных и физических сил человека, повышение уровня организации социальной системы, качества жизни, стимулирование труда не декретами, инструкциями, а самим трудом, его творческим содержанием, материальными и моральными факторами. Причем очень гибко в эту систему вплетаются общечеловеческие ценности, в определенной мере сглаживающие противоречия капитала.

Внедряемые на Западе системы социального управления, в том числе и по результатам (финский опыт), не только направлены на достижение социального результата, но и управленчески-организационно обеспечивают его достижение, имеют технологическую проработку, которая предполагает доверие к работнику, уважение к его творческому потенциалу, готовность к сотрудничеству и способствует средствами планирования, нормативными документами их проявлению и развитию. Технологическая культура обеспечивает практическую реализацию социальных резервов, освоение социальных ситуаций путем принятия и осуществления конкретных социальных решений, соответствующих уровню решений технико-технологических задач.

Все это позволяет сделать вывод, что технологическая культура – это органическая часть общей культуры, которая стремится в своем содержании интегрировать достижения технических и гуманитарных наук, применять интегрированные принципы не только к изучению социального пространства, но и к активному его обустройству в соответствии с целями развития социальных систем, смыслом человеческого существования. Важным компонентом этой культуры является инновационный тип мышления, который характеризуется конструктивностью мышления. Акцент в мышлении, поведении и практическом действии смещается на то, как получить конечный социальный результат, какими методами и средствами оптимизировать социальные действия, как правильно использовать творческие возможности, имеющиеся потенциалы (общества, социальной организации, личности и др.). XXI век, по прогнозам экспертов, должен стать гуманитарным. Механизм формирования технологической культуры открывает пути органического вхождения гуманности в естественно-научное пространство, в хозяйственную жизнь общества, управленческие структуры и обеспечивает взаимообогащение разных видов культуры. Важнейшим компонентом этого механизма является изменение стиля мышления, которое постепенно становится концептуальным (гуманитарным), стратегическим и конструктивным, технологическим, находящим пути и средства решения все усложняющихся социальных задач [11].

Литература

1. Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С.823.
2. Иванов В.Н. Социальные технологии в современном мире. М., 1996. С.21.

3. См.: Уткин Э.А. Человеческий фактор и интенсификация производства. М., 1986. С.4; Труд, контакты, эмоции. Л., 1980. С.28.
4. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. М., 1977. С.235.
5. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1983. С.48.
6. Зайцев А.К. Внедрение социальных технологий в практику управления // Социальное развитие предприятия и работа с кадрами. М., 1989. С.95.
7. См.: Патрушев В.И. Информатизация и технологизация социального пространства: Сб. М., 1994.
8. Толковый словарь по социальным технологиям. М., 1994. С.211.
9. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М., 1976. С.183.
10. См. подробнее: Дудченко В . С . Инновационные игры. Таллинн, 1989.
11. Социальные технологии. Толковый словарь. М. – Белград, 1995. С. 218.

Темы для рефератов

1. История появления социальных технологий.
2. Особенности социальных технологий на различных уровнях социальной организации общества.
3. Общее и особенное в понятиях «социальная технология» и «социальная организация».
4. Проблемы организации и дезорганизации.
5. Социальная технология как наука.
6. Особенность социальных технологий в различных сферах общественной жизни.
7. Современные проблемы технологической культуры.

Вопросы и задания для повторения

1. Дайте определение технологии и социальной технологии.
2. Основные сущностные характеристики социальной технологии.
3. Все ли процессы управления технологичны?
4. Сравните и оцените различные точки зрения на социальные технологии.
5. Формы социальных технологий.
6. Виды социальных технологий.
7. Охарактеризуйте технологическую культуру.

БИБЛИОГРАФИЯ

Учебники и учебные пособия

1. Борисов С.Б. и др. Социология: Избр. лекции. Шадринск, 1995.
2. Введение в социологию: Учеб. пособие / В.А.Карноухов и др. М., 1995.
3. Введение в социологию: Учеб. пособие / Под ред. М.А.Крашенинникова, А.О.Салагаева. Казань, 1995.
4. Гуров Ю.Г. Основы социологии: Конспект лекций. Чебоксары, 1996.
5. Давидюк Г.П. Прикладная социология. Минск, 1979.
6. Зборовский Г.Е., Орлов Т.П. Социология: Учебник для гуман. вузов. М., 1995.
7. Комаров М.В. Введение в социологию: Учебник для вузов. М., 1994.
8. Кравченко А.И. Введение в социологию: Учеб. пособие. М., 1995.
9. Лавриненко В.Н., Мартов Н.А. Основы социологических знаний: Учеб. пособие. М., 1995.
10. Марксистско-ленинская социология / Отв. ред. Г.В.Осипов, В.Н.Иванов. М., 1988.
11. Марксистско-ленинская социология / Под ред. Н.И.Дряхлова и др. М., 1989.

12. Назарова Н.С. Социология: Материалы к курсу. Одесса, 1992.
13. Основы социологии. Курс лекций. Учебник. 4.1, 2, 3 /А.И.Антонов и др. М., 1994.
14. Радугин А.А., Радугин К.А. Социология: Курс лекций. 2-е изд. М., 1996.
15. Социология. Наука об обществе: Учеб. пособие / Под общ. ред. проф. В.П. Андрущенко, проф. Н.И. Горлача. Харьков, 1996.
16. Социология. Учебник для вузов / Г.В.Осипов, А.В.Кабыща и др. М., 1995.
17. Социология: Учеб. пособие для вузов. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена, 1993.
18. Социология: Учеб. пособие / Под ред. Э.В.Тадевосяна. М., 1995.
19. Социология: Основы общей теории. М., 1996.
20. Социология: Практикум / Сост. и отв. ред. А.В.Миронов, Р.И.Руденко. М., 1993.
21. Социология: Хрестоматия/Авт.-сост.: О.Н.Козлова и др. М., 1993.
22. Социология – студенту в вопросах и ответах: Учеб. пособие / Г.И.Авцинова, Е.А.Ануфриев, Г.К.Аншин и др. М., 1992.
23. Теоретическая социология: Учеб. пособие. Саратов, 1994.
24. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М., 1994.
25. Фролов С.С. Социология. М., 1994.
26. Харчева В. Основы социологии. Учеб. для средних спец. учеб, заведений. М., 1997.
27. Ярушина Г.И. Общая социология: Учеб. пособие. М., 1996.
28. Бергер П.Л. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива М., 1996.
29. Гидденс Э. Социология: Учебник 90-х годов. Челябинск, 1991.
30. Маркович Д.Н. Общая социология. М., 1995.
31. Монсон П. Лодка на аллеях парка: Введение в социологию. М., 1995.
32. Начала практической социологии / Н.Шампань, Р.Ленуар, Д.Мер-лье, Л.Пэнто; Пер. с фр. М., 1996.
33. Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. М., 1994.
34. Примечание. Учебники и учебные пособия по специальным социологическим теориям или по отдельным проблемам социологии даны в соответствующих разделах.

Словари, справочники

1. Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Краткий этносоциологический словарь-справочник. Ставрополь, 1994.
2. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. М., 1989.
3. Методическое пособие социолога-практика: Словарь-справочник / Г.С. Батыгин и др. М., 1990.
4. Словарь прикладной социологии. Минск, 1984.
5. Современная западная социология: Словарь / Сост. Ю.Н.Давыдов и др. М., 1990.
6. Словарь по социологии / Сост. Е.Б.Мельникова, М.Макбрайт. Н.Новгород, 1995.
7. Социологический словарь / Сост. А.Н. Елсуков, К. В. Шульга. 2-е изд. Минск, 1991.
8. Социологический справочник / В.И.Волович и др. Киев, 1990.
9. Статистический словарь / Гл. ред. Ю.А.Юрков. М., 1996.
10. Тадевосян Э.В. Словарь-справочник по социологии и политологии. М., 1996.
11. Энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Осипцова. М., 1995.

СОЦИОЛОГИЯ КАК НАУКА

Теория и методология

1. Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1994.

2. Беккер Г., Басков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961.
3. Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М., 1986.
4. Бурдье П. Начала / Пер. с франц. М., 1994.
5. Бутенко И.А. Социальное познание и мир повседневности: Горизонты и тупики феноменологической социологии. М., 1987.
6. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
7. Воробьев Н.А. Методологические проблемы анализа объекта социологического исследования / Под ред. В.С.Барулина. Барнаул, 1974.
8. Ганжин В.Т., Гусев М.М. Социология: фундаментальный курс авторизованного изложения. М., 1993.
9. Гурко Е.И. Эмпирическое и теоретическое в социологическом исследовании. Минск, 1984.
10. Ельмеев В.Я. Социологический метод: теория, онтология, логика. СПб., 1995.
11. Кабыща А.В., Тульчшский М.Р. Структура социологического знания и ее изменение в 1984–1990 гг. М., 1993.
12. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996.
13. Ковалевский М.М. Соч.: В 2-х тт. Т. 1. Социология, Т. 2. Современные социологии. С-Пб., 1997.
14. Козлов Д.Ф. Структура и функции социологической теории. М., 1984.
15. Кулагин А.П. Социологические теории: традиции и современность. Казань, 1995.
16. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
17. Левада Ю. Статьи по социологии. М., 1993.
18. Осипов Г. В. Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1979.
19. Осипов Г.В. Социология и социализм. М., 1990.
20. Очерки методологии познания социальных явлений / Под ред. Д.М. Угриновича и др. М., 1970.
21. Рабочая книга социолога. 2-е изд. М., 1983.
22. Резник Ю.М. Социальное измерение жизненного мира / Введение в социологию жизни. М., 1995.
23. Рихтаржик К. Социология на путях познания. М., 1981.
24. Руткевич М.Н. Диалектика и социология. М., 1980.
25. Руткевич М.Н. Макросоциология. Методологические очерки. М., 1995.
26. Современная зарубежная социология (70–80-е годы) / Отв. ред. Н.Л. Полякова. М., 1996.
27. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
28. Социология в СССР. М., 1965. – Т.1–2.
29. Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.
30. Тощенко Ж. Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М., 1996.
31. Удовенко А.Л. Логика научного вывода в эмпирической социологии. Барнаул, 1994.
32. Уледов А.К. Социологические законы. М., 1975.
33. Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990.
34. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
35. Шубкин В.Н. Социологические опыты. М., 1970.
36. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.
37. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995.
38. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

История социологии

1. Александров Г.Ф. История социологии как наука. Минск, 1958.

2. Аллахвердян С.Д. Критический очерк социологии номинализма. Ереван, 1978.
3. Андреева Г.М. Современная буржуазная эмпирическая социология (критический очерк). М., 1965.
4. Антонович И.И. Буржуазная социологическая теория. (Критический очерк основных направлений, концепций, категорий). Минск, 1981.
5. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992.
6. Гайда А.В. Коммуникация и эмансипация: Критика методологических основ социальной концепции Ю.Хабермаса. Свердловск, 1988.
7. Голосенка И.А. Буржуазная социологическая литература в России второй половины XIX – начала XX века. Библиогр. указатель. М., 1984.
8. Голосенко И.А. Питирим Сорокин: судьбы и труды. Сыктывкар, 1991.
9. Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX - XX вв. М., 1995.
10. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.
11. Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России: Сборник статей. М., 1986.
12. Ионин Л.Г. Георг Зиммель– социолог. М., 1981.
13. Ионин Л.Г. Понимающая социология: историко-критический анализ. М., 1979.
14. История буржуазной социологии XIX – начала XX в. М., 1979.
15. История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979.
16. История социологии в Западной Европе и США. М., 1993.
17. История теоретической социологии: В 5 т. / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов. М., 1995.
18. Капитонов Э.А. История социологии. Ростов н/Д., 1993.
19. Комаров М.С. Современная позитивистско-натуралистическая социология: Основные концепции и направления. Ярославль, 1985.
20. Коровин В.Ф. Основные проблемы «новой социологии» Райта Миллса. М., 1977.
21. М.М.Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли. СПб., 1996.
22. Коротец И.Д. Россия в ожидании: очерк теоретической социологии послеоктябрьского периода. Ростов н/Д., 1994.
23. Култыгин В.П. История российской социологии. М., 1994.
24. Кукушкина Е.И. Русская социология XIX – начала XX века. М., 1993.
25. Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия: критика социологии М.Вебера. Ростов н/Д., 1988.
26. Мапинин В.А. Исторический материализм и социологические концепции начала XX в. М., 1986.
27. Медушевский А.И. История русской социологии. М., 1993.
28. Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992.
29. Новикова С.Г. История развития социологии в России. М., 1996.
30. Ожиганов Э.Н. Политическая теория Макса Вебера (критический анализ). Рига, 1986.
31. Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма: Критический анализ теоретико-методологических концепций. М., 1977.
32. Сафронов Б.Г. М.М.Ковалевский как социолог. М., 1960.
33. Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1994.
34. Социология в России / Под ред. В.А.Ядова. М., 1996.
35. Францев Ю.П. Исторические пути социальной мысли. М., 1965.
36. Чагин Б.А. Очерк истории социологической мысли в СССР (1917– 1969 гг.). Л., 1971.
37. Шестопал А.В. Леворадикальная социология в Латинской Америке: критика основных концепций. М., 1981.
38. Щипанов И.Я. Философия и социология русского народничества. М., 1983.
39. Ярощевский М.Г. История социологии. М., 1976.

МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДИКА И ТЕХНИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вопросы методологии, методики и организации социологических исследований

1. Андреенков В.Г., Маслова О.М. Методы сбора социологической информации: Метод, пособие. М., 1985. Вып.1, 2.
2. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Учебник. М., 1995.
3. Воронов Ю.М. Методы сбора информации в социологическом исследовании. М., 1974.
4. Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П. Системная классификация социологических понятий. Новосибирск, 1990.
5. Докторов Б.З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л., 1979.
6. Гречихин В. Г. Лекции по методике и технике социологических исследований. М., 1988.
7. Здравомыслов А. Г. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969.
8. Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. Г.М.Андреевой. М., 1972.
9. Логика социологического исследования. М., 1987.
10. Методы сбора информации в социологических исследованиях. В 2-х кн. / Отв. ред. В.Г. Андреенков, О.М. Маслова. М., 1990.
11. Методологические и методические аспекты сравнительных социологических исследований. М., 1983.
12. Миркин В.Г. Анализ качественных признаков и структур. М., 1980.
13. Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование. М., 1975.
14. Основы прикладной социологии: Учеб. для вузов. Т.1–2 / Под ред. Ф.Э.Шереги, М.К.Горшкова. М., 1995.
15. Овсянников В.Г. Методология и методика в прикладном социологическом исследовании. Л., 1989.
16. Петрова З.А. Методология и методика социологических исследований культурно-досуговой деятельности: Учеб. пособие. М., 1990.
17. Паниотто В.И. Качество социологической информации: методы оценки и процедура обеспечения. Киев, 1986.
18. Пенто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972.
19. Процесс социального исследования. М., 1975.
20. Саганенко Г.И. Социологическая информация. Л., 1979.
21. Теория и методы социологических исследований. М., 1984.
22. Тавокин Е.П. Эффективность социологического исследования: вопросы методологии и методики. 4.1, 2. М., 1989.
23. Хагуров А.А. Социальный эксперимент: логико-методологические и социальные проблемы. Ростов н/Д., 1991.
24. Цыба В.Т. Основы социальной квалиметрии. М., 1989.

Анализ документов. Контент-анализ

1. Анализ документов в социологическом исследовании: Сб. статей. М., 1985.
2. Вардомацкий А.П. Аксио-биографическая методика // Социол. исслед. 1991. №7.
3. Методологические и методические проблемы контент-анализа. Вып. 1–2 / Под ред. А.Г.Здравомыслова и др. М., 1973.
4. Методы анализа документов в социологических исследованиях. М., 1985.
5. Методы сбора данных: анализ документов, наблюдение, эксперимент. М., 1985.
6. Проблемы контент-анализа в социологии: Материалы Сиб. социол. семинара. Новосибирск, 1970.

7. Степанов А. С. Метод контент-анализа и принципы в исследовании актуальных проблем современного общества. М., 1995.
8. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности: руководство по репертуарным личностным методикам / Пер. с англ. М., 1987.

Наблюдение

1. Бизюков П.В., Савельев Е.Б. Метод структурированного наблюдения при оценке работы городского транспорта // Социол. яс-след. 1991. № 1.
2. Дружинин Н.К. Выборочные наблюдение и эксперимент. М-, 1977.
3. Петров Э.П. Метод наблюдения в социологических исследованиях // Социол. исслед. 1974. № 2.
4. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995.

Опросы: анкетирование и интервьюирование

1. Аверьянов А.А. Искусство задавать вопросы: Заметки социолога. М., 1987.
2. Белановский С.А. Методика и техника фокусированного интервью. М., 1993.
3. Бутенко И.А. Анкетный опрос как общение социолога с респондентами. М., 1989.
4. Давыдов А.А. Респондент как источник информации. М., 1994-
5. Иванов М.А. Беседа как метод исследования // Социол. исслед. 1989. № 4.
6. Илюшина Н.А. Причины, вызывающие отказ от ответа // Социол. исслед. 1990. № 1.
7. Лютынский Я. Вопрос как инструмент социологического исследования // Социол. исслед. 1990. № 1.
8. Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. М., 1983.
9. Организационно-методические проблемы социологического опроса. М., 1986.
10. Погосян Г.А. Метод интервью и достоверность социологической информации. Ереван, 1985.
11. Рукавишников В.О., Паниотто В.И., Чурилов Н.Н. Опросы населения. М., 1984.
12. Чурилов Н.Н. Проектирование выборочного социологического исследования. Некоторые методологические и методические проблемы. Киев, 1986.
13. Яковенко Ю.И., Паниотто В.И. Почтовый опрос в социологическом исследовании. Киев, 1988.

Другие методы

1. Аванесов В . С . Тесты в социологическом исследовании. М., 1982.
2. Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Редколл.: Е.Ю.Мещеркина, В.В.Семенова. М., 1994.
3. Девятко И.Ф. «Вспомогательные теории измерения» в американской эмпирической социологии // Социол. исслед. 1990. № 9.
4. Инновационные игры. Практика, методология и теория. Таллин, 1989.
5. Качественные методы в социальных исследованиях: фокус-группы / Пер. с англ. Барнаул, 1995.
6. Методическое пособие по измерению структурной дисгармонии социальных систем. М., 1990.
7. Методические рекомендации по использованию автоматизированной системы коллективной оценки личности (АСКОЛ). Л., 1989.
8. Саенко Ю.И. Моделирование показателей развития социальной инфраструктуры. Киев, 1991.
9. Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982.

10. Тюрин Ю.Н. Непараметрические методы статистики. М., 1978.
11. Управленческие нововведения и игротехника. М., 1990.
12. Шварц Г. Выборочный метод. М., 1978.

Выборка

1. Воронов Ю.П. Районированные выборки в социологии. Новосибирск, 1970.
2. Давыдов А.А. Репрезентативность выборки // Социол. исслед. 1990. № 1.
3. Давыдов А.А. Объем выборки // Социол. исслед. 1990. № 6.
4. Давыдов А.А., Крыштановский А.О. Ремонт выборки // Социол. исслед. 1989. № 5.
5. Йейтс Ф. Выборочный метод в переписях и обследованиях. ' М., 1965.
6. Кочанов Ю.Л., Горбачев О. Г. Метод построения представительной выборки по оценкам моментов до второго порядка при наличии ограничений на стоимость измерений. М., 1990.
7. Конкрен Ч. Методы выборочного исследования. М., 1976.
8. Королев Ю.Т. Выборный метод в социологии. М., 1975.
9. Проектирование и организация выборочного социологического исследования. М., 1977.
10. Территориальная выборка в социологических исследованиях. М., 1980.
11. Шереги Ф.Э., Гуну В.Г., Пакоян Г.Б. Выборка в опросах общественного мнения. Кишинев, 1989.

Математические и статистические методы

1. Айвазян С.А., Енюков И. С., Мешалкин Л.Д. Прикладная статистика. Изучение связей. М., 1981.
2. Гурьев В.И. Основы социальной статистики. М., 1991.
3. Кутенков Р.П., Коростелев В.Г. Анализ связи номинальных признаков: проверка гипотез и свойств коэффициентов // Социол. исслед. 1991. № 1.
4. Ковчегов В.Б. Математическая модель динамики групповой структуры (Математические методы групповой и индивидуальной деятельности). М., 1989.
5. Левин Д. Элементарная статистика в социологических исследованиях / Пер. с англ. М., 1989.
6. Математические методы анализа и интерпретации социологических данных / Отв. ред. В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова. М., 1989.
7. Математическое моделирование социальных процессов / Отв. ред. А.С.Кулагин. М., 1989.
8. Миркин Б. Г. Группировки в социально-экономических исследованиях. М., 1985.
9. Паниотто В.И., Максименко В . С . Количественные методы в социологических исследованиях. Киев, 1982.
10. Проблемы социальной и демографической статистики. М., 1994.
11. Рябушкин Т.В., Симчера В.М., Машихин С.А. Статистические методы и анализ социально-экономических процессов. М., 1990.
12. Система показателей социальной статистики: концепция, методология, практика. М., 1991.
13. Справочник по прикладной статистике / Под ред. Э. Ллойда и У.Ледермана. Т.1,2. М., 1990.
14. Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях. М., 1984.
15. Статистический анализ данных с пропусками / Ред.: Дж.А.Литтл, Д.Б.Рубин. М., 1991.
16. Тихомиров Н.П. Математические методы в социологии. М., 1983.

17. Толстова Ю.Н. Теория измерений в социологии. М., 1994.
18. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ. М., 1989.

Обработка, анализ и интерпретация результатов социологических исследований

1. Анализ нечисловой информации в социологических исследованиях. М., 1985.
2. Волович В.И. Надежность информации в социологическом исследовании: проблемы методологии и методики. Киев, 1974.
3. Гайдис В.А. Время в социологических исследованиях: Методологические и методические проблемы. Вильнюс, 1986.
4. Голофаст В. Б. Методологический анализ в социальном исследовании. Л., 1980.
5. Группировка в социально-экономических исследованиях. М., 1985.
6. Давыдов А.А. Модульный анализ и конструирование социума. М., 1994.
7. Докторов Б.З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л., 1979.
8. Дэвид Г. Метод парных сравнений. М., 1978.
9. Жамбю М. Иерархический кластерный анализ и соответствия. М., 1988.
10. Знаковые проблемы письменной коммуникации. Куйбышев, 1985.
11. Информационное обеспечение в социологии. М., 1987.
12. Комплексный подход к анализу данных в социологии. М., 1989.
13. Малахов В.А. Группировка социологической информации // Социол. исслед. 1989. № 2.
14. Маслов П.П. Статистика в социологии. М., 1972.
15. Методологические и методические проблемы сравнительного анализа в социологических исследованиях. М., 1982.
16. Многомерный анализ социологических данных. М., 1981.
17. Моин В.Б. Альтернативная интерпретация данных: атрибутивный подход // Социол. исслед. 1990. № 11.
18. Моин В.Б. Асимметрия приписывания в социологических опросах // Социол. исслед. 1991. № 5.
19. Семенова Л.А. Проблемы интерпретации данных международных сравнительных исследований // Социол. исслед. 1990. № 10.
20. Осипов Г.В., Андреев Э.П. Методы измерения в социологии. М., 1977.
21. Проверить алгеброй гармонию (размышления о месте математики в социологии) // Социол. исслед. 1989. № 6.
22. Распознавание образов в социальных исследованиях / Под ред. Н.Г.Загоруйко, Т.И.Заславской. Новосибирск, 1968.
23. Саганенко Г. И. Надежность результатов социологического исследования. Л., 1983.
24. Социальные исследования: построение и сравнение показателей. М., 1978.
25. Сравнительный анализ и качество эмпирических социологических данных. М., 1984.
26. Стандартизация показателей в социологическом исследовании. М., 1981.
27. Статистические методы анализа экспертных оценок. М., 1977.
28. Татарова Г.Г. Типологический анализ в социологии. М., 1993.
29. Теоретические и методические проблемы построения базы социологических данных: Сб. Вильнюс, 1984.
30. Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных. М., 1994.
31. Толстова Ю.Н. Модели и методы анализа социологического исследования: Учеб. пособие. М., 1996.
32. Фелингер А.Ф. Статистические алгоритмы в социологических исследованиях. Новосибирск, 1985.
33. Цыба В. Т. Математико-статистические основы социологических исследований. М., 1981.

34. Чесноков С.В. Детерминационный анализ социально-экономических данных. М., 1982.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

1. Веселов Ю.В. Экономическая социология: история идей. СПб., 1995.
2. Заславская Т.Н., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск, 1991.
3. Кондратьев Н.Д. Избр. произв. М., 1993.
4. Рывкина Р.В. Между социализмом и рынком: судьба экономической культуры в России. М., 1994.
5. Соколова Т.Н. Экономическая социология. Минск, 1996.
6. Хасаев Г.Р. Социальные проблемы экономически активного населения. М., 1996.
7. Человек в «инновационной экономике» XX века / Отв. ред. Ю.А.Васильчук. М., 1994.
8. Экономическая социология и перестройка. М., 1989.
9. Шарошенков Б.М. Рынок и занятость / Социологический аспект. М., 1995.

Социология труда

1. Аитов Н.А. Социология труда. Алма-Ата, 1996.
2. Афонин А.С. Трудовое поведение: социолого-экономический анализ. Киев, 1991.
3. Борщевский И.И., Трухов В.А. Производительность труда: Методы анализа и прогнозирование. Минск, 1988.
4. Гретченко А. И. Производительность труда: активизация человеческого фактора. М., 1988.
5. Движение рабочих кадров на промышленных предприятиях. М., 1974.
6. Дворецкая Г.В., Махнаршов В.П. Социология труда: Учеб. пособие. Киев, 1990.
7. Дикарева А.А., Мирская М.И. Социология труда: Учеб. пособие. М., 1989.
8. Ермакова А.В. Человек и организация труда в условиях современного капитализма: Философско-социологический анализ. М., 1988.
9. Займелин Е.П. Социальная организация труда: переход к социальному сотрудничеству и партнерству. Ульяновск, 1996.
10. Зайцев А. К. Социологическая служба производственного объединения (опыт КамАЗа). М., 1982.
11. Кайданов Д.П., Суименко Е.И. Актуальные проблемы социологии труда. М., 1974.
12. Калугина З.И. Социальные качества работников: Оценка и пути улучшения. Новосибирск, 1987.
13. Капустина А.Н. Профессия и личность (социально-психологические характеристики профессиональных качеств личности). Л., 1987.
14. Клуниченко Н.М. Некоторые социальные и социально^психо-логические факторы труда и руководства. Барнаул, 1988.
15. Комаровский В.В. Кадровый рабочий: черты социального облика. М., 1986.
16. Кравченко А.И. Социология труда в XX веке. Историко-крити-ческий очерк. М., 1987.
17. Кревневич В.В. Социальные последствия автоматизации. М., 1985.
18. Мальцев В.А. Человек и его отношение к труду. М., 1988.
19. Маркович Д. Социология труда / Пер. с сербохорв. М., 1989.
20. Наргизашвили М.Д. Трудовая активность: сущность, факторы, управление. Тбилиси, 1988.
21. Погорадзе А.А. Культура производства: сущность и факторы развития. Новосибирск, 1990.
22. Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию. М., 1973.

23. Рабочий и инженер: Социальные факторы эффективности труда. М., 1985.
24. Регуляция социально-психологического климата трудового коллектива / Под ред. В.Д.Парыгина. Л., 1986.
25. Слюсарянский М.А. Социальные функции труда в условиях совершенствования социализма. Красноярск, 1988.
26. Соколова Т.Н. Культура труда в социальном развитии рабочего класса. Минск, 1984.
27. Соколова Т.Е. Культура труда в социальном развитии технической интеллигенции: Социологический анализ. Минск, 1989.
28. Социальная активность специалиста: истоки и механизм формирования (Социологический анализ) / Под ред. Е.А. Якубы. Харьков, 1983.
29. Социальные аспекты интенсификации труда и подготовки инженеров / Под ред. С.Я. Кугеля, И.П. Яковлева. Л., 1989.
30. Социальные проблемы труда в условиях гибких автоматизированных систем. / Под ред. Н.А. Лобанова. Л., 1986.
31. Социология труда: Учеб. пособие. Харьков, 1990.
32. Тощенко Ж. Т. Социальные резервы труда: Актуальные вопросы социологии труда. М., 1989.
33. Филиппов А.В. и др. Производственная социология, психология и педагогика. М., 1989.
34. Чангли И.И. Труд: социологические аспекты теории и методологии исследования. М., 1973.
35. Человек и его работа. М., 1967.
36. Чернов Ю.И. Производительность труда и экономика безработицы. М., 1992.
37. Шаховская Л.С. Мотивация труда в переходной экономике. Волгоград, 1995.
38. Шкаратан О.И. Промышленное предприятие: Социологические очерки. Минск, 1978.
39. Штальберг Р. Социология труда / Пер. с нем. М., 1982.
40. Экономическое сознание трудящихся (итоги сравнительного исследования 1986, 1988 и 1989 гг.)- М., 1989.
41. Эпштейн С.И. Индустриальная социология в США. М., 1972.

Социология города

1. Аитов Н.А., Камаев Р.Б. Новый промышленный центр и село. М., 1983.
2. Артемов В.А. и др. Время населения города: планирование и использование. Новосибирск, 1982.
3. Баранов А.В. Социально-демографическое развитие крупного города. М., 1981.
4. Богатырев В.Р. Развитие города: проблемы, пути решения. Н.Новгород, 1990.
5. Борщевский М.В., Успенский С.В., Шкаратан О.И. Город: Методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования. М., 1975.
6. Бюджет времени городского населения / Под ред. В.Д.Патрушева и Б.Т.Колпакова. М., 1971.
7. Галлямов Р . Р . Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа, 1996.
8. Город как региональная социально-экономическая система. Новосибирск, 1988.
9. Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995.
10. Города и экология. М., 1987.
11. Жиромская В.Б. Советский город 1921 – 1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988.
12. Коган Л.Б. Быть горожанами. М., 1990.
13. Крупный социалистический город: Структурный аспект развития. Л., 1987.
14. Куцев Г.Д. Молодежь и молодые города. М., 1982.
15. Лаппо Г.М. Город на пути в будущее. М., 1987.
16. Макеев С.А. Социальные перемещения в крупном городе. Киев, 1989.

17. Малый город: социально-демографическое исследование небольшого города. М., 1972.
18. Матяш С. Человек в городе: Социологические очерки. Киев, 1990.
19. Межевич М.Н. Город: социальные проблемы. М., 1981.
20. Могилевский Р. С. Проблемы качества жизни крупного города: Опыт социологического исследования. Л., 1987.
21. Никифоров Л.В. Социально-экономическая интеграция города и села. М., 1988.
22. Окружающая среда крупного города: социально-экономические аспекты. Л., 1988.
23. Пароль В.И. Социалистический город: Урбанизация, процесс и образ жизни горожан. 4.1,2. Таллин, 1982.
24. Проблемные ситуации в развитии города. М., 1988.
25. Проблемы социального развития новых городов в автономном районе освоения. Красноярск, 1981.
26. Рукавишников В. О. Население города: Социальный состав, развитие, оценка городской среды. М., 1980.
27. Свинцицкий В.Н., Карчева А. Т. Город сегодня и завтра: Программно-целевое планирование комплексного развития городов. Киев, 1987.
28. Советский город: социальная структура /Под ред. Н.А. Антона. М., 1988.
29. Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском городе: Социологические очерки. Л., 1987.
30. Тажин М.М. Человек. Регион. Город. Алма-Ата, 1990.
31. Танжин М.М. Региональная социология. Алма-Ата, 1993.
32. Трушков В.В. Город и культура. Свердловск, 1976.
33. Удоденко А.А. Социология региона: показатели и критерии. Барнаул, 1992.
34. Файзуллин Ф.С. Социологические проблемы города. Саратов, 1981.
35. Хорев Б.С. Проблемы городов. 2-е изд. М., 1975.
36. Эстетические проблемы северных городов. Л., 1983.
37. Яницкий О.Н. Экологическая перспектива города. М., 1987.

Социология села

1. Арутюнян Ю.В. Опыт социологического изучения села. М., 1968.
2. Большаков В.Н. Деревня (1917–1927). М., 1929.
3. Бондаренко Л. В. Формирование социальной инфраструктуры села. М., 1987.
4. Бюджет времени сельского населения / В.Д. Патрушев, В.А. Богдановский и др. М., 1979.
5. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Под ред. А.В.Гордона. М., 1992.
6. Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996.
7. Денисова Л.Н. Невосполнимые потери: кризис культуры села в 60–80-е годы. М., 1995.
8. Дорж Д.А. Научное управление социальными процессами на селе: проблемы, решения. Алма-Ата, 1988.
9. Заславская Т.Н., Смирнов В.Д., Шапошников А.Н. Методология и общие контуры концепции перестройки управления аграрным сектором советского общества. Новосибирск, 1987.
10. Коллектив колхозников. М., 1970.
11. Копанка 25 лет спустя. М., 1965.
12. Крестьянство и рынок. М., 1995.
13. Методологические проблемы системного изучения деревни. Новосибирск, 1977.
14. Панкратова М.Г. Сельские жители России. Судьбы и семьи в XX веке. М., 1995.
15. Симуш П.И. Мир таинственный: размышления о крестьянстве. М., 1991.
16. Симуш П.И. Социальный портрет советского крестьянства. М., 1976.

17. Современные этносоциальные процессы на селе / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1986.
18. Социально-культурные преобразования на селе. Минск, 1987.
19. Социальные проблемы современного села. Киев, 1988.
20. Староверов В.И., Тимуш А.И., Цуркану Н.В. Деревня в условиях интеграции. М., 1979.
21. Староверов В.И. Крестьянство в изменяющихся условиях перестройки советского общества. М., 1991.
22. Стронгина М.Л. Социальное развитие села: Поселенческий аспект. М., 1986.
23. Томилин В.Ф. Сельская среда обитания: социология, экология, экономика. Акмола, 1992.
24. Федосеев В.И. Сельское население региона. М., 1986.

Экологическая социология

1. Акулов А.А., Случевский В.В. Век XX : Экология и идеология. Л., 1988.
2. Баньковская С.П. Инвайроментальная социология. Рига, 1991.
3. Васинский А.И. Пейзаж будущего: Человек в мире природы. Природа в мире человека. М., 1985.
4. Гирусов Э.В. Система «общество–природа» (проблемы социальной экологии). М., 1976.
5. Горизонты экологического знания (социально-философские проблемы). М., 1986.
6. Город, природа, человек: Проблемы экологического воспитания. М., 1982.
7. Денисовский Г.М., Мозговая А. В. Человек и окружающая среда. М., 1992.
8. Депенчук Н.П., Крисаченко В . С . Экология и теория эволюции. Методологический аспект. Киев, 1987.
9. Китанович Б. Планета и цивилизация в опасности / Пер. с сербохорв. М., 1985.
10. Кобылянский В.А. Природа и общество: Специфика, единство, взаимодействие. Красноярск, 1985.
11. Комаров В.Д. Социальная экология: философские аспекты. Л., 1990.
12. Кузнецов Г.А. Экология и будущее: анализ философских оснований глобальных прогнозов. М., 1989.
13. Лаптев И.Д. Социально-философские аспекты взаимодействия общества и природы. М., 1975.
14. Маркович Д.М. Социальная экология. М., 1996.
15. Ожегов Ю.П., Никонорова Е.В. Экологический импульс: проблемы формирования экологической культуры молодежи. М., 1990.
16. Орлов А.С. Социология рекреации. М., 1995.
17. Рой О.М. Социальная экология: опыт системно-аналитических исследований. Омск, 1995.
18. Сосунава И.А. Социальная экология. М., 1996.
19. Социально-экологические системы как объект управления / Отв. ред. Ю.Г. Марков. Новосибирск, 1990.
20. Социальные аспекты бедствий и катастроф в России. Аннот. библиогр. / Под ред. А.В.Мостовой. М., 1994.
21. Социологические исследования в атомной энергетике: Сб. материалов. М., 1991.
22. Урсул А.Д. Перспективы экоразвития. М., 1990.
23. Шадиметов Ю.Ш. Человек: социально-экологические аспекты здоровья. Ташкент, 1990.
24. Экология. Цивилизация. Ноосфера. М., 1987.
25. Яницкий О.Н. Экологическая перспектива города. М., 1987.
26. Яницкий О.Н. Экология города: Зарубежные междисциплинарные концепции. М., 1984.

27. Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. М., 1996.

Социальная инфраструктура

1. Аверин А.Н., Антропов Е.П. Западная Сибирь: социальная 'инфраструктура районов освоения. М., 1988.
2. Аитов Н.А. Социальное развитие региона. М., 1985.
3. БондаренкоЛ.В. Формирование социальной инфраструктуры села. М., 1987.
4. Голиков Н.Ф. География инфраструктуры. Киев, 1984.
5. Денисов Н.А. Социальная инфраструктура России: Состояние, проблемы, пути развития. М., 1988.
6. Куксанова Н.В. Социально-бытовая инфраструктура Сибири. М., 1990.
7. Муравьев А . М . Экономическая база социального развития. Л., 1975.
8. Носова С. С. Социалистическая инфраструктура в воспроизводственном процессе. М., 1981.
9. Оторбаев К.О., Уразбаев К.М. Социальная инфраструктура народно-хозяйственного комплекса региона. Фрунзе, 1984.
10. Проблемы управления развитием социальной инфраструктуры. М., 1990.
11. Социальная инфраструктура региона /Под ред. В.И. Дрица. Минск, 1986.
12. Тенденции и перспективы развития социальной инфраструктуры. М., 1989.
13. Тощенко Ж. Т. Социальная инфраструктура: Сущность и пути развития. М., 1980.
14. Хомелянский Б.Н. Социалистическое воспроизводство: Воспроизводство потенциала социальной инфраструктуры. М., 1989.
15. Юферев О.В. Планирование социально-бытоврй инфраструктуры. М., 1990

Демография

1. Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980.
2. Беженцы. М., 1993.
3. Бойко В.В. Рождаемость: Социально-психологические аспекты. М., 1985.
4. Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М., 1996.
5. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1986.
6. Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. М., 1987.
7. Голод С.И. Стабильность семьи: Социологический и демографический аспекты. М., 1984.
8. Демографическая политика в региональном разрезе. М., 1988.
9. Демографическая политика: региональный аспект. М., 1995.
10. Демографические процессы: вопросы изучения. М., 1987.
11. Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986.
12. Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987.
13. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.
14. Захарова О.Д. Эволюция рождаемости в России в XX веке. М., 1993.
15. Костягова Т.М., Кошелева И.Я. Мы – женщины. М., 1989.
16. Котляр З.А. Структура занятости населения: проблемы совершенствования. М., 1989.
17. Литвинова Г.И. Свет и тени прогресса: социально-демографические проблемы в СССР. М., 1989.
18. Магнатаева Д.Д. Система расселения населения: Региональный аспект. Новосибирск, 1988.
19. Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М , 1996.

20. Начало пути: поколение со средним образованием. М., 1989.
21. Переведенцев В.И. Какие мы? Сколько нас? М., 1989.
22. Проблемы демографического развития СССР. М., 1988.
23. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: Прогнозы, факторы, политика. М., 1987.
24. Рыбаковский Л.Л. Россия и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую политику. М., 1996.
25. Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в СССР. М., 1989.
26. Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата, 1989.
27. Урланис Б.Ц. История одного поколения. М., 1968.
28. Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987.
29. Штемпель Д. Население мира в 2000 г.: численность, рождаемость, продолжительность жизни. М., 1988.
30. Экономика. Демография. Статистика. Исследования и проблемы. М., 1990.

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Социальная структура

1. Аитов И.А. Советский рабочий. М., 1981.
2. Бляхман Л.С., Шкаратан О.И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
4. Веселовский В. Классы, слои и власть. М., 1981.
5. Гордон Л.А., Назимова А.К. Рабочий класс СССР. Тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985.
6. Динамика социальной дифференциации. М., 1990.
7. Дмитриев А. В. Социальные проблемы людей пожилого возраста. Л., 1980.
8. Ильин В.И. Социальная стратификация. Сыктывкар, 1991.
9. Клопов З.В. Рабочий класс в СССР. М., 1985.
10. Кревневич В.В. Влияние научно-технического прогресса на изменение структуры рабочего класса СССР. М., 1971.
11. Крыштановская О.В. Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. М., 1989.
12. Кугель С.А., Никандров О.М. Молодые инженеры. Социологические проблемы инженерной деятельности. М., 1971.
13. Лавриненко Н.В. Труд служащих-неспециалистов (социологические аспекты). Киев, 1989.
14. Лисовский В. Т. Советское студенчество: социологические очерки. Л., 1990.
15. Мостовая И. В. Социальное расслоение: символический мир метаигры. М., 1996.
16. Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990.
17. Рабочий и инженер. М., 1985.
18. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1995.
19. Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М., 1970.
20. Семенов В . С . Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977.
21. Социальная структура и стратификация в условиях формирования гражданского общества в России: В 2-х кн. / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 1995.
22. Социальная стратификация современного российского общества. М., 1995.
23. Социально-психологический портрет инженера / Отв. ред. В.А.Ядов. М., 1977.
24. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Отв. ред. З.Т.Голенкова. М., 1996.

25. Формирование социально-профессиональной структуры рабочего класса. М., 1988.
26. Шапиро В.Д. Человек на пенсии (социальные проблемы и образ жизни). М., 1980.
27. Шаповалов Е.А. Общество и инженер. Л., 1984.

Социология наций

1. Абдулатипов Р.Г. Природа и парадоксы национального «Я». М., 1991.
2. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
3. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987.
4. Астахов Д.И., Калугин В.М. Межнациональные отношения: некоторые социально-политические и экономические аспекты. Л., 1989.
5. Баграмов Э.А. Национальный вопрос в борьбе идей. М., 1982.
6. Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1988.
7. Исакова Н.В. Культура народов Севера: Философско-социологический анализ. Новосибирск, 1989.
8. Карапетьян А.А. Национальная структура общественной жизни. Ереван, 1990.
9. Малые и дисперсные этнические группы в европейской части СССР (география расселения и культурные традиции). М., 1985.
10. Машкова Н.Р. Межнациональное общение: Методологические проблемы этносоциологических исследований. М., 1990.
11. Мельникова А.Н. Размышления о нациях: Опыт перестройки понимания национального развития. Барнаул, 1989.
12. Народы России. Энциклопедия. М., 1994.
13. Национальные процессы в СССР. М., 1991.
14. Нация и культура. Таллин, 1985.
15. Новые славянские диаспоры. М., 1996.
16. Россия: социальная ситуация и межнациональные отношения в регионах / Авт.-сост.: В.Н.Иванов и др. М., 1996.
17. Русские (Этносоциологические очерки). М., 1992.
18. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). М., 1996.
19. Социально-культурный облик советских наций. По результатам этносоциологического исследования / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1986.
20. Социология межнациональных отношений: Учеб. пособие. М., 1996.
21. Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. М., 1997.
22. Шкаратан О.И., Перепелкин Л.С., Сусоколов А.А. и др. НТР и национальные процессы. М., 1987.
23. Этническая экология: теория и практика / Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1991.
24. Этнические группы в городах европейской частя СССР (формирование, расселение, динамика, культура) / Ред. Н.И.Крупин. М., 1987.
25. Этнические процессы в современном мире / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1987.
26. Этнические стереотипы в поведении. Л., 1985.
27. Этносоциальные процессы в Кыргызстане: по материалам полевых исследований 1992–1993 гг. М., 1994.
28. Этносоциология: Цели, методы и некоторые результаты исследования / Ю.В.Арутюнян, Л.М.Дробенсева, В.Р.Кондратьев, А.А.Сусоколов. М., 1984.

Социология семьи

1. Антонов А.И. Социология рождаемости (теоретические и методологические проблемы). М., 1980.

2. Антонов А.И., Медков В.Н. Социология семьи: Учеб. пособие. М., 1996.
3. Баздырев К.К. Единственный ребенок. М., 1983.
4. Баздырев К.К. Простое уравнение: муж + жена = семья. М., 1981.
5. Балашов В.А., Савинов Л.И. Облик современной семьи: Социально-демографические и этические аспекты. Саранск, 1987.
6. Бойко В.В. Малодетная семья: Социально-психологический аспект. М., 1980.
7. Васильева Э.К. Семья в социалистическом обществе. М., 1985.
8. Взаимоотношение поколений в семье. М., 1977.
9. Вопросы личности супругов и качества семьи: Проблемы семьи. Тарту, 1984.
10. Голод С. И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996.
11. Голод С.И. Стабильность семьи: социальный и демографический аспекты. Л., 1984.
12. Городская и сельская семья. М., 1987.
13. Гурко Т.А., Мацковский М.С. Молодая семья в большом городе. М., 1986.
14. Дементьева И.Ф. Первые годы брака: Проблемы становления молодой семьи. М., 1991.
15. Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1986.
16. Елизаров В.В. Перспективы исследования семьи. Анализ, моделирование, управление. М., 1987.
17. Жизнедеятельность семьи: тенденции и проблемы. М., 1990.
18. Кон И.С. Введение в сексологию. 2-е изд. М., 1989.
19. Королев Ю.А. Брак и развод. М., 1978.
20. Котин А.А., Павлов Б.С. Молодая семья: Опыт и проблемы. Челябинск, 1986.
21. Лаптенюк С.Д. Советская семья: социально-этические проблемы. Минск, 1985.
22. Лебедев Б.А., Дунаевский В.В. Алкоголь и семья. Л., 1986.
23. Мацковский М.С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М., 1989.
24. Машина Т.А. Занятость женщин и материнство. М., 1989.
25. Мокеров И.П., Кузьмин А.И. Экономико-демографическое развитие семьи. М., 1990.
26. Молодожены. М., 1985.
27. Рамих В.А. Материнство как социокультурный феномен. Ростов н/Д., 1995.
28. Рубинов А.З. Семья, одиночество, любовь... М., 1986.
29. Семья и дети. М., 1982.
30. Семья на пороге третьего тысячелетия. М., 1995.
31. Социальный потенциал семьи / Отв. ред. А.И. Антонов. М., 1988.
32. Судьбы людей: Россия. XX век: Биографии семей как объект социологического исследования / Отв. ред. В.Семенова, Е.Фотеева. М., 1996.
33. Сысенко В.А. Супружеские конфликты. М., 1983.
34. Титаренко В.Я. Семья и формирование личности. М., 1987.
35. Усенова В.М. Семья и религия. Алма-Ата, 1986.
36. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979.
37. Харчев А.Г., Голод С.И. Профессиональная работа и семья (социологические исследования). Л., 1971.
38. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы. М., 1978.
39. Хоментаускас Г.Т. Семья глазами ребенка. М., 1989.
40. Человек после развода /Отв. ред. М.Соловьев. Вильнюс, 1985.
41. Чечот Д.М. Брак, семья, закон. Л., 1984.
42. Чухно В.П. Общество и семья: вчера, сегодня, завтра. Донецк, 1990.
43. Янкова З.А. Городская семья. М., 1979.
44. Янкова З.А. Советская женщина (социальный портрет). М., 1978.

Образ жизни

1. Арутюнян Л.А. Социалистический образ жизни: Методологические проблемы социологического изучения. Ереван, 1985.
2. Безвершук Ж.А. Потребности, вкусы, мода. Киев, 1987.
3. Бердыклычева Н.М., Папоян Г.В. Социалистический образ жизни: Ценностный подход. Ашхабад, 1987.
4. Бромлей Н.Я. Образ жизни в условиях совершенствования социализма: Опыт историко-сравнительного исследования. М., 1986.
5. Вылкова В. Трудовой коллектив и социалистический образ жизни: Философский и социологический аспекты. М., 1986.
6. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы: Социальные проблемы быта и внерабочего времени. М., 1972.
7. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышление о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М., 1989.
8. Гофман А.Б. Мода и люди. М., 1990.
9. Гурьев В.И., Горбей Г.Ф. Наш образ жизни. М., 1990.
10. Духовные основы социалистического образа жизни. М., 1985.
11. Духовные основы социалистического образа жизни. Л., 1986.
12. Жилая предметная среда и образ жизни: Сб. М., 1986.
13. Качество населения Санкт-Петербурга / Отв. ред. Б.М.Фирсов. СПб., 1996.
14. Мосалев Б.Г. Досуг: методология и методика социологических исследований. Учеб. пособие. М., 1995.
15. Муздыбаев К. Динамика уровня жизни в Петербурге 1992–1994 гг. СПб., 1995.
16. Образ жизни в условиях перестройки. М., 1992.
17. Образ мыслей и образ жизни / Под ред. В.А. Ядова. М., 1996.
18. Проблемы измерения и моделирования образа жизни / Под ред. И.В.Бестужева-Лады. М., 1978.
19. Проблемы социалистического образа жизни (Опыт социологического исследования образа жизни трудящихся промышленного предприятия) / Ред. кол. Ж.Т.Тощенко и др. М., 1978.
20. Ревайкин А.С. Уровень жизни населения. М., 1989.
21. Римашввская Н.М., Римашевский А.А. Равенство или справедливость. М., 1991.
22. Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения (Методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности). Новосибирск, 1979.
23. Советский простой человек: Опыт социол. портрета на рубеже 90-х годов. /А.А. Голов и др. М., 1993.
24. Соколова В., Кашина М., Чичилимов В. Все о нас и нашем коллективе: Концепция, методы и результаты диагностики образа жизни коллектива тираспольских швейников. Кишинев, 1980.
25. Состояние и основные тенденции развития образа жизни советского общества / Отв. ред. И.Т.Левыкин. М., 1988.
26. Стиль жизни личности: Теоретические и методологические проблемы. Киев, 1982.

Социология молодежи

1. Алексеева В.Г. Молодой рабочий: формирование ценностных ориентации. М., 1983.
2. Бестужев-Лада И. В. К школе XXI века: Размышления социолога. М., 1988.
3. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи. Екатеринбург, 1995.
4. Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение. Таллин, 1985.
5. Зобов Р.А., Лисовский А. В. Становление личности молодого человека. Л., 1987.
6. Зюзин Д.И. Качество подготовки специалистов как социальная проблема. М., 1978.

7. Жизнедеятельность молодежи среднего города России: молодежь Таганрога / Под ред. В.В. Чичилимова. Таганрог, 1997.
8. Иконникова С.Н. Молодежь: социологический и социально-психологический анализ. Л., 1974.
9. Касьянов В.В., Слепцов Н.С., Ревенко Л.В. Социализация молодежи: сущность, особенности, тенденции. Краснодар, 1994.
10. Козлов А.А., Лисовский А.В. Молодой человек: становление образа жизни. М., 1986.
11. Кон И.С. Открытие «Я». М., 1978.
12. Константиновский Д.Л., Шубкин В.Н. Молодежь и образование. М., 1977.
13. Кузнецов А.Г. Ценностные ориентации современной молодежи. Саратов, 1995.
14. Кузьмин В.А. Молодежь на пути в XXI век. М., 1992.
15. Кумбс Ф. Кризис образования в современном мире: Системный анализ. М., 1970.
16. Матуленис А.А. Включение молодежи в социальную структуру. Вильнюс, 1983.
17. Молодежь и высшее образование в социалистических странах. М., 1984.
18. Молодежь России: социальное развитие / Отв. ред. В.И.Шупров. М., 1992.
19. Молодежь России: Тенденции, перспектива / Под ред. И.М. Ильинского, А.В.Шаронова. М., 1993.
20. Оссовский В.Л. Формирование трудовых ориентации молодежи (методологические и методические проблемы социологического исследования). Киев, 1985.
21. Показатели социального развития молодежи. М., 1986.
22. Руткевич М.Н., Рубина Л.Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М., 1988.
23. Саймон Б. Общество и образование. М., 1989.
24. Социальный облик колхозной молодежи. По материалам социол. обследований 1938 и 1969 гг. М., 1976.
25. Социальный облик рабочей молодежи. М., 1980.
26. Социология молодежи: Учебник/ Под ред. В.Т.Лисовского. СПб., 1996.
27. Титма М.Х, (ред.) Жизненный путь социальной когорты. М., 1996.
28. Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность. М., 1984.
29. Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь. М., 1985.

Отклоняющееся поведение

1. Андриянов В. Самоубийство. Наркомания: Цена расплаты. Ростов н/Д., 1988.
2. Афанасьев В., Гилинский Я. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб., 1995.
3. Ахмедов П., Казывров М. Наркомания. Преступность. Ответственность. Ташкент, 1989.
4. Габиани Н.А. Наркотизм вчера и сегодня. Тбилиси, 1988.
5. Гернет М.Н. Избр. произв. М., 1974.
6. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1994
7. Заиграев Г.Г. Борьба с алкоголизмом. М., 1986.
8. Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями. М., 1988
9. Коэн А. Отклоняющееся поведение и контроль за ним // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
10. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М , 1983.
11. Левин Б.М., Левин М.Б. Алкоголизм и общество. М., 1987.
12. Лисицын Ю.П., Сидоров П.И. Алкоголизм: Мед.-социол. аспекты. М., 1990.
13. Мартынова Э.И. Древнейшая профессия. Изд-во Красноярск, ун-та, 1992.
14. Плаксий С.И. Отклонения от норм социалистического образа жизни в молодежной среде: сущность и пути преодоления. М., 1986.
15. Позднякова М.Е. Социологический анализ наркомании. М., 1995.

16. Проституция и преступность / Ред. и сост. Ю.М. Хотченков. М., 1991.
17. Социальные отклонения / В.Н.Кудрявцев, С.В.Бородин, В . С . Не ресянц и др. М., 1989.
18. Социальные, правовые и криминологические проблемы борьбы с наркоманией. Хабаровск, 1991.
19. Старостенко А . М . Мещанство и его рецедивы. Алма-Ата, 1985
20. Теневая экономика. / П.А.Бунич и др. М., 1991.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (общие проблемы)

1. Бурдье П. Социология политики / Пер. с франц. М., 1993.
2. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985.
3. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
4. Вятр Е. Социология политических отношений / Пер. с польск М., 1979.
5. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования. М., 1991.
6. Дмитриев А.В. Политическая социология США: Очерки. Л., 1971.
7. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994.
8. Желтов В., Клещевский В. Социология политики. Политическое господство. Кемерово, 1996.
9. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986.
10. Ковлер А.И. Исторические формы демократии. М., 1990.
11. Меликов С.В. Количественные методы в американской политологии. М., 1979.
12. Ничипоренко Л.А. Буржуазная социология конфликта. М., 1982.
13. Осипов Г.В. Социология и политика. М., 1995.
14. Паренти М. Демократия для немногих. М., 1990.
15. Политическая социология / Отв. ред. Ж.Т.Тощенко. М., 1993.
16. Попов Г.Х. Блеск и нищета административной системы. М.,1990.
17. Реформирование России: мифы и реальность (1981–1994) / Под ред. Г.В.Осипова. М., 1994.
18. Российская элита: опыт социологического анализа. Ч. I и II / Под ред. К.И.Микульского. М., 1996.
19. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. 4.1– III . М ., 1992.

Политическое сознание

1. Ашин Т.К. Современные теории элиты. Критический очерк. М., 1985.
2. Блинов Н.М., Ожегов Ю.П., Шереги Ф.Э. Политическая культура и молодежь. М., 1982.
3. Бойков В.Э., Иванов В.П., Тощенко Ж.Т. Общественное сознание и перестройка. М., 1990.
4. Дай Т.Р. и др. Демократия для элиты. М., 1984.
5. Дружинин В.В. и др. Введение в теорию конфликта. М., 1989.
6. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. Учебное пособие для вузов. М., 1996.
7. Иванов В.Н. Политическая психология. М., 1990.
8. Михайлов Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида. М., 1990.
9. Мшвениерадзе В.В. Буржуазное политическое сознание. М., 1982.
10. Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. М., 1995.
11. Попов Н.П. Политизация массового сознания в США. М., 1981.
12. Развитие политических систем в современном мире. М., 1981.
13. Сбытов В.Ф. Формирование политической культуры личности. М., 1987.
14. Сергеева Е.Я. Российский электорат: проблема выбора и участия. М., 1996.
15. Сергиенко П.А. Массовое политическое сознание. Киев, 1991.

16. Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.
17. Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира. М., 1991.
18. Щегорцов В.А. Политика: поиски пути к утраченной культуре. М., 1991.
19. Шестопал Е.Б. Личность и политика. М., 1988.
20. Щегорцов В.А. Социология правосознания. М., 1981.

Проблемы власти и государства

1. Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф. Опыт федерализма. М., 1994.
2. Алексеев С. С. Правовое государство – судьба социализма: Научно-публицистический очерк. М, 1988.
3. Аникевич А.Г. Политическая власть: Вопросы методологического исследования. Красноярск, 1987.
4. Атаманчук Г. В. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., 1996.
5. Власть в социалистическом обществе: теория, история и перспективы. М., 1989.
6. Власть: очерки современной политической философии Запада. М., 1989.
7. Иванов Д. Власть. Философско-социологический анализ. София, 1985.
8. Каленский В. Г. Государство как объект социологического анализа. М., 1977.
9. Каратуев А.Г. Советская бюрократия: система политико-экономического господства и ее кризис (1919–1991). Белгород, 1993.
10. Курашвили Б.П. Борьба с бюрократизмом. М., 1988.
11. Массовые демократические движения: истоки и политическая роль. М., 1988.
12. Пименов Р.Н. Происхождение современной власти. М., 1996.
13. Хасбулатов Р.И. Бюрократическое государство. М., 1990.

Общественные организации

1. Бутенко А.П. Власть народа посредством самого народа: О социальном самоуправлении. М., 1988.
2. Институты самоуправления: историко-правовое исследование / В.Г. Графский и др. М., 1995.
3. Ирхин Ю.В., Акбергенов А.Д. Диалектика психологии, политики и социологии в современном мире. М., 1991.
4. Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие). М., 1996.
5. Левичева В.Ф. Молодежный Вавилон. М., 1989.
6. Мискевич А.Б. Общественно-политическая активность: проблемы развития. Минск, 1991.
7. Неформалы. Кто они? Куда зовут? М., 1990.
8. Партийная система в России в 1989–1993 годах: опыт становления. М., 1994.
9. Понеделков А.В. Элита (Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Изд-во Сев.-Кавк. научи, центра, 1995.
10. Сикевич З.В. Политические игры или политическая борьба: партии, движения, ассоциации глазами социолога. Л., 1991.

Социология права

1. Батурин Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. М., 1989.
2. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права: Учеб. пособие. СПб., 1996.
3. Карбонье Ж. Юридическая социология / Пер. с франц. М., 1986.
4. Кейзеров Н.М. Политическая и правовая культура: Методология, проблемы. М., 1983.

5. Козлов В.А., Суслов Ю.А. Конкретно-социологические исследования в области права: Учеб. пособие. Л., 1981.
6. Конев А.А. Преступность в России и ее реальное состояние. Н.Новгород, 1993.
7. Костенко А.И. Криминальный произвол. Киев, 1990.
8. Кудрявцев В.Н. Социальные деформации (причины, механизм и пути преодоления). М., 1992.
9. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права: Учебник. М., 1995.
10. Кудрявцев С.В. Конфликт и насильственное преступление. М., 1991.
11. Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М., 1981.
12. Кульчар К. Основы социологии права / Пер. с венг. М., 1981.
13. Лаптева В. В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987.
14. Могилевский А.Л. Истоки правонарушения. Социально-психологический аспект / Под ред. Б.С. Сарыева. Ашхабад, 1987.
15. Орехов В.В. Социология в науке уголовного права: Учеб. пособие. Л., 1985.
16. Социология преступности. М., 1966.
17. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986.
18. Суслов Ю.А. Конкретные исследования и развитие социологии права. Л., 1983.
19. Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980.
20. Юридическая конфликтология / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев.М.,1995.
21. Яковлев А . М . Социология экономической преступности. М., 1988.
22. Яковлев А . М . Теория криминологии и социальная практика.М.,1985.

Международные отношение. Проблемы войны и мира

1. Акимов В.Б. Моделирование и математические методы в исследованиях международных отношений // Политические науки и НТР: Ежегодник. М., 1987.
2. Ермоленко Д.В. О социологических исследованиях международных отношений // Социол. исслед. 1983. № 2.
3. Казакова Л.А., Гавлин М.Л. Великий Октябрь и буржуазная «социология революции». М., 1987.
4. Марксистско-ленинская концепция глобальных проблем современности. М., 1985.
5. Москвичев Л.Н. Манипулирование сознанием людей и проблема войны и мира // Социологические аспекты проблем мира и социального прогресса. М., 1986.
6. Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений (опыт прикладн. исслед.) / Под ред. И.Г.Тюлина. М., 1991.
7. Тюшкевич С.А. Война и современность. М., 1986.
8. Феофанов О.А. Агрессия лжи. М., 1987.
9. Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений: Учеб. пособие. М., 1994.
10. Шахназаров Г.Х. Куда идет человечество: Критические очерки немарксистских концепций будущего. М., 1985.
11. Шпакова Р. П. Проблемы войны и мира в социологии ФРГ // Филос. науки. 1987. № 11.

СОЦИОЛОГИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Социология личности

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1969.
2. Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М., 1988.
3. Бабосов Е.М. Духовный мир советского человека. Минск, 1983.

4. Буева Л.П. Человек в зеркале культуры и образования. М., 1989.
5. Ведин И. Теорема личности: Дороги и тупики самосозидания. М., 1988.
6. Висьневска-Рошковска К. Новая жизнь после шестидесяти / Пер. с польск. М., 1989.
7. Вичев В. Нравственная культура руководителя / Пер. с болг. М., 1988.
8. Волков Ю.Г. Личность и гуманизм. (Социологический аспект). М., 1995.
9. Глозман Ж.М. Личность и нарушение общения. М., 1987.
10. Гуцаленко Л.А. Универсальное развитие человека: предпосылки и перспективы. Минск, 1988.
11. Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. М., 1996.
12. Добринская Е.И., Соколов Э.В. Свободное время и развитие личности. М., 1983.
13. Жизненный путь личности: Вопросы теории и методологии социально-психологических исследований. Киев, 1987.
14. Жилина Л.Н. Потребности, культура потребления и ценностные ориентации личности (социологический аспект). М., 1988.
15. Жуганов А.В. Творческая активность личности: содержание, пути формирования и реализации. Л., 1991.
16. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
17. Зеленкова И.Л. Проблема смысла жизни: Опыт историко-эти-ческих исследований. Минск, 1988.
18. Ильчиков М.Я., Смирнов Б.А. Социология воспитания. М., 1996.
19. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984.
20. Коган Л.Н. Человек и его судьба. М., 1988.
21. Коломиец В.П. Становление индивидуальности: Социологический аспект. М., 1993.
22. Комиссаров С.Н., Шендрик А.И. Возрождение идеала. М., 1990.
23. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.,1984.
24. Кон И.С. Социология личности. М., 1971.
25. Кухтевич Т.Н. Социология воспитания: Учеб. пособ. М., 1989.
26. Леонтьев Л.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
27. Маркин В.Н. Жизненная позиция личности: идеологические и социально-психологические аспекты. М., 1989.
28. Мартынюк И.О. Жизненные цел« личности: понятие, структура, механизм формирования. Киев, 1990.
29. Немировский В.Г. Социология личности: Теория и опыт исследования. Красноярск, 1989.
30. Овсянников А.А., Петтай И.И., Римашевская Н.М. Типология потребительского поведения. М., 1989.
31. Паниотто В.И. Структура межличностных отношений. Киев, 1975.
32. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
33. Робер М.А., Тильман Ф. Психология индивида и группы / Пер. с франц. М., 1988.
34. Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека / Под ред. И.В. Равич-Щербо. М., 1988.
35. Сарджвеладзе И.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси, 1989.
36. Симонов П.В., Ершов П.М., Вяземский Ю.П. Происхождение духовности. М., 1989.
37. Смирнов Г.Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1980.
38. Соколов В.М. Социология нравственного развития личности. М., 1986.
39. Социальная идентификация личности. Кн. 1–2 / Отв. ред. В.А.Ядов. М., 1994.
40. Станкевич Л.П. Проблемы ценности личности. М., 1987.
41. Сысоева Л.С. Эстетическая деятельность и эстетическое воспитание. Томск, 1989.
42. Тарасов К.Е. «Фрейдо-марксизм» о человеке. М., 1989.

43. Уайтхед А.Н. Социология души. М., 1990.
44. Уледов А.К. Духовное обновление общества. М., 1990.
45. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме: работы разных лет. М.,1989.
46. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
47. Харчев А.Г. Социология воспитания: О некоторых актуальных социальных проблемах воспитания личности. М., 1990.
48. Цена достоинства: Человек и общество / Ред.-сост. Г.И. Ильенко. Симферополь, 1988.

Социология образования

1. Владиславлев А.П. Непрерывное образование. М., 1983.
2. Гендин А . М ., Сергеев М.И., Аверин С.П. Общеобразовательная школа: состояние и тенденции развития в современных условиях. Красноярск, 1995.
3. Горчикова В.В. Современное высшее образование: Функции, реализация, перспективы (на основе материалов социологических исследований). Томск, 1988.
4. Григорьев С., Немировский В. В поисках смысла жизни и справедливости: студенчество России на пороге XXI века. Новосибирск-Барнаул–Красноярск, 1995.
5. Зборовский Г.И. Социология образования. Екатеринбург, 1993.
6. Зиятдинова Ф.Г. Социальное положение учительства: проблемы, пути решения. М., 1992.
7. Колесников Л.Ф.. Гурченко В.Н., Борисова Л.Г. Эффективность образования. М., 1991.
8. Кукушкина Е.И. Социологическое образование в России XIX – начала XX в. М., 1994.
9. Литвинова Н.П. Образование в условиях интенсификации экономики. М., 1989.
10. Нечаев В.Я. Социология образования. М., 1992.
11. Образование в современном мире: состояние и тенденции развития. М., 1986.
12. Пеньков Е.М., Северов Ю.А. Профтехобразование: Актуальные социальные проблемы. М., 1984.
13. Рубина Л.Я. Советское студенчество. М., 1981.
14. Руткевич Е.Д. Феноменологическая социология знания. М., 1993.
15. Руткевич М.Н.. Рубина Л.Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М., 1988.
16. Руткевич М.Н.. Потапов В.П. После школы: социально-профессиональные ориентации молодежи. М., 1995.
17. Саймон Б. Общество и образование / Пер. с англ. М., 1989.
18. Социология образования: Учеб. /Отв. ред. В.Т.Лисовский. СПб.. 1996.
19. Филиппов Ф.Р. Социология образования. М., 1980.
20. Филиппов Ф.Р. Школа и социальное развитие общества. М.. 1990.
21. Яковлев И.П. Интеграция высшей школы с наукой и производством. Л., 1987.

Социология науки

1. Адибекян О.А. Философско-методологичсские проблемы социологии науки. Ставрополь, 1990.
2. Белкин П.Г., Емельянов Е.Н.. Иванов М.А. Социальная психология научного коллектива. М., 1987.
3. Бухарин И.И. Избранные труды: История и организация науки н техники. Л., 1988.
4. Волков Г.Н. Социология науки. М., 1968.
5. Келле В.Ж. Проблемы уровней теории и социологии науки. М., 1983.
6. Кугель С.А. Профессиональная мобильность в науке. М., 1983.
7. Малкей М. Наука и социология знания. М., 1993.
8. Насынбаев А., Курбанов Р. Социологические и этические проблемы современной науки. Алма-Ата, 1988.

9. Наука и будущее: борьба идей. М., 1990.
10. Наука и ценности. / Отв. ред. А.Н.Кочергин. Новосибирск, 1987.
11. Научное творчество: особенности и актуальные проблемы. Свердловск, 1984.
12. Научный коллектив: опыт социологического исследования. М., 1980.
13. Научный сотрудник и научный коллектив как объект социологического исследования. М., 1982.
14. Путь в науку: социальные аспекты воспроизводства научных кадров. Киев, 1991.
15. Руткевич Е.Д. Феноменологическая социология знания. М., 1993.
16. Селезнев А . М . Научный потенциал современного общества. М., 1989.
17. Слепцов Н. С. Формирование личности ученого. Социальные аспекты. М., 1991.
18. Современная западная социология науки: Критический анализ. М., 1988.
19. Социальная динамика современной науки / Отв. ред. В.Ж.Келле. М., 1995.
20. Ученый и научный коллектив: Социальные аспекты деятельности. М., 1986.
21. Фролов К.В. Наука в стратегии развития. М., 1991.
22. Ценностные аспекты развития науки. М., 1990.
23. Шульгина И.В. Инфраструктура науки в СССР. М., 1988.
24. Яновский Р. Г. Формирование личности ученого. Новосибирск, 1979.
25. Яхиел Н. Социология науки. М., 1977.

Социология культуры

1. Болгов В.И., Гуцу В.Г. Социология культурного уровня жизни. Кишинев, 1991.
2. Великий П.П. Духовная жизнь советского села. М., 1982.
3. Витаньи И. Общество, культура, социология. М., 1984.
4. Вопросы социологии театра: Сб. науч. тр. / Ред.-сост. Н.А. Хренов. М., 1982.
5. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1987.
6. Дмитриев А.В. Социология юмора. Очерки. М., 1996.
7. Жабский М.И. Социология кино: истоки, предмет, перспективы. М., 1989.
8. Ионин Л.Г. Социология культуры / Учеб. пособие. М., 1996.
9. Искусство в системе культуры. Л., 1987.
10. Кино: методология исследования. М., 1984.
11. Книга и чтение в зеркале социологии. М., 1990.
12. Коган Л.Н. Социология культуры. Екатеринбург,- 1992.
13. Кругликова В.А. Образ «человека культуры». М., 1988.
14. Крючкова В.А. Социология искусства и модернизм. М., 1979.
15. Кудрина Т.А. Культура современной деревни. М., 1980.
16. Кумаева И.К. Культурное наследие: Современные проблемы. М., 1987.
17. Межуев В.М. Культура и история. М., 1977.
18. Мид М. Культура и мир детства: Избр. произведения / Пер. с англ. М., 1988.
19. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
20. Орлова Э.А. Современная городская культура и человек. М., 1980.
21. Перов Ю.В. Художественная жизнь общества как объект социологии искусства. Л., 1980.
22. Сикевич З.В. Молодежная культура: «за» и «против». Заметки социолога. Л., 1990.
23. Соколов К. Б. Социальная эффективность художественной культуры. М., 1990.
24. Сохор А.Н. Вопросы социологии и эстетики музыки. Статьи и исследования. Л., 1983.
25. Социология культуры / В.И.Бегинин и др. Саратов, 1994.
26. Социология культуры: Методология и методика социологических исследований культуры / Отв. ред. А.Л.Маршак. М., 1988.
27. Социология культуры: Теоретич. курс авториз. излож. / Н.Д.Мансуров. М., 1993.
28. Суна Ч.Ф., Петров В.М. Социология эстетической культуры: Проблемы методологии и методики. Рига, 1985.

29. Цукерман В . С . Музыка и слушатель. М., 1972.
30. Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе: философско-социологические проблемы. Красноярск, 1991.
31. Шульга Р.П. Искусство и ценностные ориентации личности. Киев, 1989.

Социология религии

1. Алов А.А., Владимиров И.Г. Ислам в России. М., 1996.
2. Артемьев А.И. Атеизм, религия, личность. Алма-Ата, 1990.
3. Бойков Е.И. Религия и духовный мир человека: Социологические очерки. Саранск, 1972.
4. Бессонов М.Н. Православие в наши дни. М., 1990.
5. Вагабов М.В. Ислам, женщина, семья. Махачкала, 1994.
6. Гараджа В.И. Социология религии: Учеб. пособие. М., 1995.
7. Гордиенко И.С. Современное русское православие. Л., 1988.
8. Демьянов А.И. Религиозность: тенденции и особенности проявления. Воронеж, 1984.
9. Добреньков В.И., Радугин А.А. Христианская теология и революция. М., 1990.
10. Еремеев Д.Е. Ислам: Образ жизни и стиль мышления. М., 1990.
11. Журавский А.В. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М., 1990.
12. Индуизм: Традиции и современность. М., 1985.
13. Ислам в СССР. М., 1983.
14. Левада Ю.А. Социальная природа религии. М., 1965.
15. Мчедлов М.П. Политика и религия. М., 1987.
16. Православие и современность: Философско-социологический анализ. Киев, 1988.
17. Религия и атеизм как предмет социологического исследования. Л., 1987.,
18. Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. 4.1– 2. М., 1996.
19. Сухов А.Д. Религия как общественный феномен. М., 1973.
20. Трофимова З.П. Гуманизм, религия, свободомыслие. М., 1992.
21. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М., 1985.
22. Черняк В.А. Социология атеизма и исторический материализм. Алма-Ата, 1989.
23. Шахнович М.И. Тайна бога: Глобальные проблемы современности и модернизация идеи бога. Киев, 1990.
24. Яблоков И.И. Социология религии. М., 1979.

Социологические проблемы общественного мнения и средств массовой информации

1. Богомолова И.Н. Социальная психология печати, радио, телевидения. М., 1991.
2. Баришполец А. Т. Пресса: пути и путы. Местная печать в условиях перестройки. Киев, 1989.
3. В диапазоне современности: радиовещание 80-х годов в нашей стране и за рубежом. М., 1985.
4. Васильев В.П. Методология и методика конкретных социологических исследований средств массовой информации и пропаганды. М., 1986.
5. Возмьмитель А.А. Формирование и изучение общественного мнения. М., 1987.
6. Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. СПб., 1995.
7. Горшков М.К. Общественное мнение. История и современность. М., 1988.
8. Грабельников А.А. Редакционный коллектив: прошлое, настоящее, будущее. М., 1990.
9. Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений: Проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1967.

10. Журналист: социологические и социально-психологические исследования. М., 1994.
11. Коробейников В . С . Пирамида мнений. М., 1981.
12. Коробейников В. С. Редакция и аудитория: социологический анализ. М., 1983.
13. Лизанчук В.В. Грани коллективизма: Воздействие печати, телевидения, радио на формирование социально активной личности. Львов, 1989.
14. Лысакова И.П. Тип газеты и стиль публикации: опыт социологического исследования. Л., 1989.
15. Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980.
16. Массовая коммуникация и охрана среды: Опыт социологического исследования. Таллин, 1987.
17. Ноэль Э. Массовые опросы: введение в методику демоскопии. М., 1992.
18. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Л., 1996.
19. Олешко В.Ф. Социожурналистика: Прагматическое моделирование технологий массово-коммуникационной деятельности. Екатеринбург, 1996.
20. Опыт и перспективы социологических исследований журналистики: Сб. науч. тр. М., 1984.
21. Прохоров Е.П. Социология журналистики. М., 1981.
22. Соколов А.Л. Введение в теории/социальной коммуникации: Учеб. пособие. СПб., 1996.
23. Социологические исследования эффективности журналистики. М., 1986.
24. Трескова С.И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1989.
25. Фирсов Б.М. Пути развития средств массовой информации. Л., 1977.
26. Чичановский А.А. Инстанция истины. Средства массовой информации и жизнь: возможности, поиск, ответственность. М., 1989.
27. Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М.,1963.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Общие проблемы теории и методологии

1. Аверин Ю.П. Люди управляют людьми: модель социологического анализа. М., 1996.
2. Алексин М.Т. Социология и менеджмент. М., 1995.
3. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: Опыт системного анализа. М., 1973.
4. Бабосов Е.М. Катастрофы: социологический анализ. Минск, 1995.
5. Богданов Л.А. Тектология: Всеобщая организационная наука: В 2-х книгах. М., 1989.
6. Гвишиани Д.М. Организация и управление. М., 1972.
7. Жабин А.П. Управление социалистическим производством в условиях усиления его демократических начал. Саратов, 1987.
8. Житенев В. Б. Общественное мнение в социальном управлении. Новосибирск, 1987.
9. Зворыкин А.А., Гурьянов С.Т. Прикладные аспекты социального управления. М., 1983.
10. Инновационные процессы. М., 1982.
11. Кузьмин С.А. Социальные системы: опыт структурного анализа. М., 1996.
12. Лебедев П.Н. Социология управления. Л., 1982.
13. Малков В.Д., Веселый В.З. Понятие социального управления. М., 1987.
14. Мартанус Р.В. Социальное управление: кадры и кадровая политика. М., 1986.
15. Механизмы общественного развития и управления обществом. М., 1986.
16. Моркунас З.-В.С. Методология управления социальными процессами. Вильнюс, 1987.
17. Пинчев С. И. Управление в регионе: актуализация мотивов хозяйственной и трудовой деятельности. СПб., 1994.
18. Показатели и индикаторы социальный изменений / Под. ред. Г.В.Осипова. М., 1995.

19. Свенцицкий А.Л. Социальная психология управления. Л., 1986.
20. Ситов В.И., Карпова Г.А., Пинцов Г.И. Социология национального управления: Учеб. пособие. СПб., 1995.
21. Слепенков И.М., Аверин Ю.П. Основы теории социального управления. М., 1990.
22. Социальное управление: Словарь-справочник / А.Н.Аверин и др. М., 1994.
23. Тихомиров Ю.А. Управление делами общества (субъекты и объекты управления в социалистическом обществе). М., 1984.
24. Хан С.М. Управленческие отношения социализма. М., 1982.
25. Шепель В.М. Управленческая психология. М., 1984.
26. Щербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления. М., 1993.
27. Яцкевич С.А. Диалектика управления: Роль научных знаний в управлении общественными процессами. Минск, 1989.

Социальное предвидение

1. Араб-Оглы Э.А. В лабиринте пророчеств. М., 1973.
2. Будущее человеческого общества. М., 1971.
3. Виноградов В.Г., Гончарук С.И. Законы общества и научное предвидение. М., 1972.
4. Виноградов В.Г. Научное предвидение. М., 1973.
5. Гендин А . М . Предвидение и цель в развитии общества. Красноярск, 1970.
6. Какое будущее ожидает человечество? Прага, 1964.
7. Косолапов В.В., Лисичкин В.А. Критика буржуазных концепций будущего. М., 1978.
8. Левалье Л. За марксистское исследование будущего. М., 1974.
9. Методологические проблемы социального предвидения. Киев, 1977.
10. Никитина А.Г. Предвидение как человеческая деятельность. М.,1975. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.
11. Шахназаров Г.Х. Фиаско футурологии. М., 1979.
12. Шудря Е.П. Художественное предвосхищение будущего. Киев, 1978.

Социальное прогнозирование

1. Бестужев-Лада И.В. Поисковое социальное прогнозирование: Перспективные проблемы общества (Опыт систематизации). М., 1984.
2. Бестужев-Лада И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений. М., 1993.
3. Борщевский И.И., Трухов В.А. Производительность труда: Методы анализа и прогнозирования. Минск, 1988.
4. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М., 1979-
5. Вероятностное прогнозирование и деятельность человека М 1977.
6. Волкогонова О.Д. Приоткрывая завесу времени: О социальном предвидении будущего. М., 1989.
7. Грищенко В.И., Демидова Л.Г., Петров А.Н. Теоретические основы прогнозирования и планирования: Учеб. пособие. СПб., 1995.
8. Кларк А. Черты будущего. М., 1968.
9. Кокошин А.А. Прогнозирование и политика. М., 1975.
10. Лакис П. П. Методологические и логические аспекты прогнозирования. Рига, 1985.
11. Лисичкин В.А. Теория и практика прогностики: Методологические аспекты. М., 1972.
12. Методологические проблемы социального прогнозирования / Под ред. А.П.Казакова. Л., 1975.
13. Ожегов Ю.П. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., 1975.
14. Петров В.М. Прогнозирование художественной культуры: вопросы методологии и методики. М., 1991.

15. Проблемы социального прогнозирования / Под ред. А.М.Гендина. Красноярск, 1975–1980. Вып. 1–6.
16. Прогнозное социальное проектирование и город / Отв. ред. Т.М. Дридзе. Кн.1-2. М., 1994-1995.
17. Рабочая книга по прогнозированию. М., 1982.
18. Румянцева Т.М. Интервью с будущим: Методологические проблемы социального прогнозирования. Л., 1971.
19. Рыбаковский Л.Л. Методологические вопросы прогнозирования населения. М., 1978.
20. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А.Ядова. Л., 1979.
21. Хюссеп Т. Образование в 2000 г. М., 1977.
22. Шиман К.К. К третьему тысячелетию. М., 1977.
23. Шляпентох В.Э. Как сегодня изучают завтра (Современные методы социального прогнозирования). М., 1975.
24. Эделинг Г. Прогнозирование и социализм. М., 1970.
25. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. М., 1974.

Социальное проектирование

1. Антонюк Г.А. Социальное проектирование и управление общественным развитием. Минск, 1986.
2. Джонс Дж.К. Инженерное и художественное конструирование: Современные методы проектного анализа. М., 1976.
3. Дитрих Я. Проектирование и конструирование: Системный подход. М., 1976.
4. Дридзе Т.М., Орлова Э.А. Основы социокультурного проектирования. М., 1995.
5. Ляхов И.И. Социальное конструирование. М., 1970.
6. Перлаки И. Нововведения в организациях. М., 1980.
7. Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия. М., 1989.
8. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / Отв. ред. Т.М. Дридзе. М., 1994.
9. Социальное проектирование в сфере культуры. М., 1990.
10. Тощенко Ж.Т., Aumo в Н . А ., Лапин Н.И. Социальное проектирование. М., 1982.
11. Уилсон А., Уилсон М. Управление и творчество при проектировании систем. М., 1976.
12. Янг С. Системное управление организаций. М., 1972.

Социальное планирование

1. Андреев Э., Ермакова В., Фролов С. Производственный коллектив и социальное планирование. М., 1976.
2. Асеев В.Г., Шкаратан О.И. Социальные нормативы и социальное планирование. М., 1984.
3. Герчиков В.Н. Социальное планирование и социологическая служба в промышленности. Новосибирск, 1984.
4. Евтифеева Е.А., Иванов В.Г. Проблемы веры и традиции: пределы социального планирования. Тверь, 1994.
5. Ельмеев В.Я. Методологические основы планирования социального развития. М., 1974.
6. Жебит Г.А. Комплексное планирование в управлении развитием коллективов и регионов. Минск, 1981.
7. Исследование построения показателей социального развития и планирования. М., 1981.

8. Куртиков Н.А. Социальный объект управления – коллектив. М., 1977.
9. Лапин Н.И., Корнеева З.М., Наумова Н.Ф. Теория и практика социального планирования. М., 1976.
10. Лебедев П.Н. Планирование социального развития: Проблемы и перспективы. Л., 1986.
11. Лузан П. П. Планирование социального развития производственного коллектива. М., 1972.
12. Малес М.Н., Панченко Е.Г., Сенченко В.И. Комплексное планирование экономического и социального развития районов и городов. М., 1978.
13. Неймер Ю.Л. Социальное планирование в отрасли. М., 1986.
14. Олесневич Л.А. Социальное планирование на промышленном предприятии. Киев, 1977.
15. Шахов В.Д. Социальные нормы: Философские основания общественной теории. М., 1985.
16. Полозов В.Р. Социальное планирование производственных коллективов и его роль в ускорении социально-экономического развития страны. Л., 1987.
17. Симонян Р.Х. Социальное планирование как функция управления производством. М., 1984.
18. Социальные нормы и ориентиры. М., 1984.
19. Тощенко Ж. Т. Социальное планирование: Опыт, достижения, проблемы. М., 1983.
20. Тощенко Ж.Т. Социальное планирование в СССР. М., 1981.
21. Юферев О. В. Планирование социально-бытовой инфраструктуры: Социологический подход. М., 1990.

Социальные технологии

1. Ансофф И.И. Стратегическое управление. М., 1989.
2. Дудченко В . С . Инновационные игры. М., 1989.
3. Дудченко В . С . Инновационные технологии: Учебно-метод. пособие. М., 1996.
4. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. Белгород, 1993.
5. Иванов В.Н. Социальные технологии в современном мире. М.; Н.Новгород, 1996.
6. Как работают японские предприятия. М., 1989.
7. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1982.
8. Новые технологии и человек. М., 1990.
9. Основы социальных технологий. Т.1–2. Белгород, 1982.
10. Перлаки И. Нововведения в организациях. М., 1980.
11. Сарталайнвн Т. и др. Управление по результатам. М., 1988.
12. Социальная инженерия: Сб. трудов /Под ред. Ю.М. Резника и В.В.Щербины. М., 1996.
13. Социальные технологии. Толковый словарь / Отв. ред. В.Н.Иванов. М.; Белгород, 1995.
14. Управление по результатам. / Пер. с фин. Общ. ред. Я.А.Леймана. М., 1993.

Социология организации

1. Анисимов О.С. Проблемы формирования нового управленческого решения. М., 1988.
2. Атаев А.А. Управленческая деятельность: Практика и резервы организации. М., 1988.
3. Волков Е.А. Информатизация управления (Социально-экономический аспект). М., 1990.
4. Евланов Л.Г. Теория и практика принятия решений. М., 1984.
5. Екатеринославский Ю.Ю. Управленческие ситуации. Анализ и решения. М., 1988.

6. Косалс Л.Я. Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск,1989.
7. Кхол И. Эффективность управленческих решений. М., 1975.
8. Лившиц А.Л. Деловые игры в управлении. Л., 1989.
9. Лимаренко А.Б. Законы организации и социальные алгоритмы. Владивосток, 1989.
10. Мартынов С.Д. Профессионализм в управлении. Л., 1991.
11. Омаров А . М . Предприимчивость руководителя. М., 1991.
12. Омаров А . М . Управление и человек. М., 1989.
13. Пилипенко В.Е. Организация. Труд. Эффективность. Киев, 1991.
14. Попов А.В. Концептуальные основы менеджмента в США и их эволюция. М., 1989.
15. Пригожин А.И. Организация: системы и люди. М., 1983.
16. Пригожин А.И. Современная социология организация. М., 1995.
17. Тарасов В.К. Персонал – технология: отбор и подготовка менеджеров. М., 1989.
18. Филиппов А.В. Работа с кадрами: психологический аспект. М., 1990.
19. Шепель В.М. Управленческая этика. М., 1989.
20. Щербина В.В., Садовникова Л.Б. Социолого-психологическое обеспечение работы с кадрами. Кишинев, 1989.

Социальный эксперимент

1. Аверин А.Н. Социальный эксперимент и его роль в управлении. М., 1996.
2. Ивлева Л.А., Сивоконь П.Е. Социальный эксперимент и его методологические основы. М., 1970.
3. Куприян А.П. Методологические проблемы социального эксперимента. М., 1971.
4. Куприян А.П. Проблема эксперимента в системе общественной практики. М., 1981.
5. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980.
6. Методологический эксперимент в социологии: проблемы сравнительного анализа. М., 1989.
7. Рывкина Р.В., Винокур А.В. Социальный эксперимент. Новосибирск, 1968.
8. Яцкевич С.А. Социальный эксперимент и научное управление обществом. Минск, 1984.